

В-295

Т Р У Д Ы

ВОСЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА

ВЪ МОСКВѢ

1890

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Графини П. С. Уваровой и М. Н. Сперанскаго

Томъ II.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ МАМОНТОВА.

1895

198 1957 1962 г.

Т Р У Д Ы

ВОСЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ МОСКВѢ

1890

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Графини П. С. Уваровой и М. Н. Сперанскаго

Томъ II.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ МАМОНТОВА.

1895

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. <i>Θ. И. Буславъ</i> , Первое дополненіе къ Лицевому Апокалипсису	1
II. <i>М. С. Дриновъ</i> , Сказаніе о Святогорѣ и земной тягѣ въ южно-славянской народной словесности	10
III. <i>Х. М. Лопаревъ</i> , Иерусалимскій патріархъ Хрсанъ (1707 — 1731) и его отношеніе къ Россіи	20
IV. <i>С. I. Домовъ</i> , Новый видъ „Пренія Живота и Смерти“	28
V. <i>Н. Θ. Красносельцевъ</i> , Новый списокъ русскихъ богослужебныхъ „Дѣйствъ“ XVI—XVII вв.	34
VI. <i>М. Н. Сперанскій</i> , Славянскія апокрифическія евангелія	38
VII. <i>А. И. Соболевскій</i> , Грамота кн. Иванка Берладника 1134 года	173
VIII. <i>Д. П. Лебедевъ</i> , Неизвѣстный Московскій проповѣдникъ половины XVI вѣка	175
IX. <i>А. Мържинскій</i> , Прусскій жрецъ „Sisso“	183
X. <i>Θ. Θ. Лашковъ</i> , Крымскія шертныя грамоты XVI—XVII в., хранящіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д.	191
XI. <i>Θ. Θ. Лашковъ</i> , Къ вопросу у губернскихъ историческихъ архивахъ	209
XII. <i>А. И. Кирпичниковъ</i> , Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной	213
XIII. <i>Еписк. Амфилохій</i> , О латинской пергаминной псалтири, принадлежавшей св. Іоанну Милостивому, Ростовскому Чудотворцу	230
XIV. <i>Еписк. Амфилохій</i> , О фрескахъ въ Ростовскомъ Спасо-Яковлевомъ Дмитріевомъ монастырѣ, въ ц. Преображенія Господня	233
XV. <i>М. И. Соколовъ</i> , О редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго	236
XVI. <i>П. А. Лавровъ</i> , Одна изъ передѣлокъ Истории Славяно-болгарской іеромонаха Паисія, сохранившаяся въ ркп. № 1731 собранія проф. Григоровича	242
XVII. <i>Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ</i> , Древне-армянскія рукописи	264
XVIII. <i>А. С. Хахановъ</i> , Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея	269

Первое дополненіе къ Лицевому Апокалипсису.

Ф. И. Буслаева.

Въ предисловіи къ своему изслѣдованію о русскомъ Лицевомъ Апокалипсисѣ я выразилъ надежду на новыя открытія по этому предмету, въ ожиданіи дополненій къ моей книгѣ, а также и исправленія, вкравшихся въ нее погрѣшностей.

Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ, разумѣется, вовсе не потому, чтобы мое изслѣдованіе было доведено до совершенства и непогрѣшимости.

Въ доказательство сказаннаго я рѣшаюсь предложить нѣсколько замѣтокъ о вкравшихся въ мою книгу недостаткахъ, въ надеждѣ, что моему примѣру, можетъ быть, послѣдуетъ и кто-либо изъ специалистовъ по иконографіи священнаго писанія.

I.

Посвятивъ все время въ Бамбергской библіотекѣ на изученіе хранящагося въ ней Лицевого Апокалипсиса X вѣка, все вниманіе свое я сосредоточивалъ на самомъ тщательномъ описаніи подробностей каждой изъ 57 украшающихъ его миниатюръ. Будучи поглощенъ живѣйшимъ интересомъ непрестанныхъ открытій, я приходилъ въ небывалую восторженность и не могъ оторваться отъ обаятельнаго созерцанія, чтобы провѣрить подробности впечатлѣній хладнокровнымъ анализомъ.

Это увлеченіе оставило неминуемый слѣдъ въ моей книгѣ, когда я редактировалъ для нея свои записки, сдѣланныя въ Бамбергѣ.

Вкралась одна грубѣйшая ошибка и одна недомолвка. И это тѣмъ прискорбиѣе для меня, чѣмъ болѣе и болѣе убѣждаюсь я въ громадной важности этого знаменитаго памятника въ исторіи апокалипсической иконографіи.

На стр. 81, въ описаніи каждого изъ четырехъ апокалипсическихъ всадниковъ у меня сказано: „При первомъ и третьемъ всадникѣ агнецъ держитъ во рту *большой перстень съ круглою печатью*, какъ бы съ той самой, которою запечатана таинственная книга“.

Не могу понять, какъ такая нелѣпность попала въ мои бамбергскія записки, и какъ потомъ,

когда я переписывалъ ихъ для своей книги, могла она ускользнуть отъ моего вниманія! Вѣдь въ текстѣ Откровенія прямо сказано о первомъ всадникѣ: „и данъ бысть ему вѣнецъ“ (гл. 6, стихъ 2). И такъ, это не перстень съ печатью, а *діадима* съ аграфомъ. Именно въ этомъ самомъ видѣ и изображается она въ древнѣйшихъ памятникахъ иконографіи и у насъ и на Западѣ, а иногда даже и безъ аграфа, какъ обручъ, напр., въ англо-саксонскомъ Апокалипсисѣ XII вѣка, а изъ Инкунабуль въ ксилографическомъ Апокалипсисѣ XV вѣка, какъ указано въ моей книгѣ стр. 108 и 109, въ альбомѣ снимки 270, а, б.

Самое полное соотвѣтствіе бамбергскимъ агнцамъ съ вѣнцомъ во рту предлагаютъ два голубя, по сторонамъ св. Агнесы на одномъ стеклянномъ донышкѣ изъ катакомбъ. Тотъ и другой голубь держитъ въ своемъ клювѣ діадиму: одна діадима символически означаетъ вѣнецъ цѣломудрія, другая вѣнецъ мученичества. Какъ въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ и эти діадимы напоминаютъ кольцо съ печатью (Martigny, Dictionnaire des antiquités chretiennes. Paris. 1877, стран. 32).

Теперь обращаюсь къ недомолвкѣ. Она случилась при описаніи св. жены въ 29 миниатюрѣ Бамбергскаго Апокалипсиса (Откровеніе Іоанна Богослова гл. XI, стихъ 19 и гл. XII, стихъ 1—6), въ слѣдующихъ словахъ: „Она простоволосая, съ свѣтлыми русыми волосами, которые ниспадаютъ по обѣ стороны на грудь, а вверху на темени приподняты *по древнему обычаю* въ двѣ широкія космы, будто ленты въ бантѣ, и снизу перевязаны эти космы красною лентою“ (стр. 84). *По древнему обычаю* — и только! Для читателя мало знакомаго съ иконографическою стариною, настоятельно, само собою напрашивается указаніе на самые факты *древняго обычая*. Здѣсь слѣдовало бы сдѣлать ссылку на такой же головной уборъ женщинъ, сидящихъ за трапезою въ стѣнной живописи временъ христіанскихъ мучениковъ, напр., въ катакомбахъ святыхъ Марзеллина и Петра (у Мартиньи, стр. 699), или на головной уборъ Беллиціи, IV — V стол., въ Ватиканской бібліотекѣ (Jacquemin, Histoire Generale du Costume, du IV au XII siècle, рисунокъ къ стр. 46—47).

И тѣмъ прискорбнѣе было мнѣ смотрѣть въ моей книгѣ на оба эти промаха, и особенно на грубую ошибку, смотрѣть и казнить, что обѣ эти погрѣшности вкрались въ самый лучший и самый древній изъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, который принять въ моемъ изслѣдованіи за краеугольный камень для опредѣленія апокалипсической иконографіи вообще и для открытія стародавняго византійскаго прототипа, отъ котораго ведутъ свое начало и лучшія изъ редакцій русскихъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ.

Сдѣланныя теперь исправленія имѣютъ для меня важность и потому еще, что они указываютъ на такія подробности, которыми Бамбергскій Апокалипсисъ восходитъ къ отдаленнымъ преданіямъ символики и костюма катакомбной иконографіи.

II.

По выходѣ въ свѣтъ моей книги въ 1884 г., я занялся другими работами, не имѣющими ничего общаго съ апокалипсическими видѣніями, и потому могу сообщить теперь только немногія замѣтки, на которыя наводилъ меня случай, а не усилія намѣренныхъ изысканій.

На другой годъ по изданіи моей книги, т. е. въ 1885 г., вышло въ свѣтъ одно замѣчательное изслѣдованіе, въ которомъ я нашелъ авторитетное подтвержденіе объ участіи Францисканскаго Ордена въ переработкѣ апокалипсическихъ толкованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ иллюстраціи.

Этотъ фактъ, какъ ни кажется онъ далекимъ отъ интересовъ русской православной старины, имѣетъ для меня особенную важность въ томъ отношеніи, что указываетъ на окончательное отклоненіе западной иконографіи отъ общихъ съ иконографіею русской преданій византій-

скихъ, которыя нѣкогда, въ эпоху романскаго стиля въ ней господствовали, чему служить блистательнымъ доказательствомъ Апокалипсисъ Бамбергскій.

Упомянутую книгу издалъ Henry Thode, подъ заглавіемъ: *Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien*. Berlin. 1885.

Дѣло касается пражскаго апокалипсиса, о которомъ я подробно говорю на стран. 109 и слѣдующихъ.

Въ характеристикѣ этого Апокалипсиса у меня между прочимъ сказано: „Иллюминаторъ этой рукописи, хотя еще не вполне отказался отъ символовъ и стилизаціи древнехристіанской и романской иконографіи, и предлагаетъ очень любопытныя для этого предмета данныя, но уже принадлежитъ къ школѣ стиля готическаго, которая, съ пробужденіемъ интереса къ человѣческой личности и къ окружающей ее дѣйствительности, ищетъ новаго матеріала для творчества на пути подражанія природѣ и воспроизведенія образовъ видимаго міра и текущей жизни. Историческій комментарий францисканскаго монаха, съ точки зрѣнія схоластической теологіи католическаго склада, указывающій въ событіяхъ и судьбахъ средневѣковаго человѣчества исполненіе предсказаній пророчественнаго Откровенія, внушилъ иллюминатору мысль низвести высрененія видѣнія апокалипсическія на почву исторической дѣйствительности, и всѣ отвлеченныя идеи о борьбѣ добра со зломъ и о судьбахъ христіанской церкви вообще — олицетворить, съ точки зрѣнія католической, въ конкретныхъ образахъ извѣстныхъ историческихъ дѣятелей императоровъ и папъ, пресловутыхъ гонителей христіанства и святочитимыхъ подвижниковъ и проповѣдниковъ, даже огуломъ разныхъ средневѣковыхъ народностей, отмѣченныхъ въ надписяхъ поименно“.

— „По символическому параллелизму между пророчествомъ и его исполненіемъ, Пражскій Апокалипсисъ относится къ одному разряду съ такъ называемой *Biblia Pauperum*, и въ рукописяхъ и инкунабулахъ; а по внесенію историческихъ лицъ и событій, и интересовъ современной дѣйствительности въ мистическую сферу неземныхъ видѣній — можетъ быть сближенъ съ такими произведеніями средневѣковой литературы и искусства, высшимъ проявленіемъ которыхъ была Божественная комедія Данта“ (стр. 112 и 113).

Какъ все это чуждо принятому въ нашемъ Лицевомъ Апокалипсисѣ толкованію Андрея Кесарійскаго, какъ все чуждо понятіямъ и воззрѣніямъ нашей православной старины!

Сдѣлавъ выдержку изъ предисловія къ изданію Пражскаго Апокалипсиса, я присовокупляю: „Неизвѣстнаго по имени автора этого толкованія на Апокалипсисъ надобно предполагать *inter Fratres Minores sancti Francisci*“ (стр. 111).

Церковь Францисканскаго монастыря въ Ассизи украшена стѣнною живописью Чимабуэ и Джіотто. Апокалипсическія изображенія принадлежатъ Чимабуэ. Они отличаются уже новыми вѣяніями готическаго стиля, какъ предвѣстника возрожденія, и потому носятъ общій характеръ съ пражскою иллюстраціею, порвавшею связи съ ранними преданіями апокалипсической иконографіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ рѣшающія данныя въ пользу того участія, какое оказало францисканское братство въ разработкѣ апокалипсическихъ видѣній, столько же въ ихъ толкованіи, какъ и въ живописномъ воспроизведеніи.

Описавъ апокалипсическія видѣнія въ стѣнной живописи Чимабуэ, Тоде дѣлаетъ такой выводъ: „Изображеніе Михаила Архангела и относящихся къ нему апокалипсическихъ видѣній имѣетъ символическое значеніе. Въ лицѣ самого Франциска видѣли исполненіе апокалипсическаго пророчества о седьмомъ Ангелѣ. Такимъ образомъ фрески говорятъ о разсвѣтѣ новаго времени, объ освобожденіи церкви, о борьбѣ трехъ орденовъ св. Франциска со змѣемъ еретичества“ (стр. 231. Сличи стр. 103).

III.

Изъ дополненій къ редакціямъ и переводамъ русскаго Лицеваго Апокалипсиса мнѣ случилось встрѣтить только два, и обоими я обязанъ любезному содѣйствію профессора Николая Савича Тихонравова.

Одно касается моей юсовой рукописи XVI вѣка съ превосходными, мелко рисованными миниатюрами и съ теротологическими орнаментами, воспроизводящими въ болѣе украшенномъ обновленномъ видѣ обычную орнаментацію новгородскихъ рукописей XIII и XIV столѣтій (въ моей книгѣ стр. 381 и слѣд.).

Недавно прибрѣтенная профессоромъ Тихонравовымъ рукопись, въ четверку, содержитъ въ себѣ апокалипсическій текстъ XVII вѣка, но въ него вставлены миниатюры грубой, неряшливой работы XVIII вѣка, въ точныхъ переводахъ моего юсоваго Апокалипсиса.

У меня въ книгѣ указано на значительное распространеніе этой редакціи въ копіяхъ и переводахъ XVII и XVIII столѣтій. Но Тихонравовская рукопись имѣетъ для меня особенный интересъ потому, что неизвѣстный любитель не ограничилъ своей задачи изображеніями апокалипсическихъ видѣній, какъ это принято во всѣхъ переводахъ, разобранныхъ въ моей книгѣ, но также увлекся изяществомъ и орнаментаціей и на поляхъ письма XVII вѣка грубою, немѣлою рукою воспроизводилъ въ нераскрашенныхъ очеркахъ орнаментацію рамокъ, какъ бы оправу, въ которую вставлялъ помѣты главъ (см. въ альбомѣ къ моей книгѣ между раскрашенными копіями № 8).

Мнѣ очень лестно было бы думать, что старинный диллетантъ имѣлъ у себя передъ глазами именно мою юсовую рукопись, и, хотя и былъ онъ плохимъ мастеромъ, но имѣлъ настолько эстетическаго вкуса, что не только увлекся ея замѣчательными по содержанию и стилю миниатюрами, но могъ оцѣнить и изящество ея орнаментаціи.

Другое дополненіе относится въ Тихонравовскому Лицевому Апокалипсису, писанному въ 1731—1736 годахъ. Подробности о немъ сообщены въ моей книгѣ на стр. 782 и слѣд.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этой моей книги, въ томъ же 1884 г., я прибрѣлъ Лицевой Сборникъ, въ четверку, содержащій въ себѣ преимущественно поученія и повѣствованія о загробной жизни, какъ то: изъ житія Василия Новаго, мытарства св. Θεодоры, преподобнаго Макарія о отшедшихъ душахъ, преподобнаго Θεоктиста, инока Студійской обители поученія братій и т. п.

По письму и орнаментаціи, а также и по миниатюрамъ, какъ въ очеркахъ, такъ и въ раскраскѣ, этотъ сборникъ представляетъ замѣчательное сходство съ Тихонравовскимъ Апокалипсисомъ. И дѣйствительно обѣ эти рукописи писаны и разрисованы одними и тѣми же двумя писцами и вмѣстѣ миниатюристами, которые и въ ту и въ другую рукопись внесли одну и ту же лѣтопись о составленіи рукописи, подъ названіемъ *предисловія*, хотя въ обѣихъ рукописяхъ и помѣстили это предисловіе на мѣстѣ послѣсловія: въ Тихонравовской рукописи послѣ Лицеваго Апокалипсиса, а въ моей въ самомъ концѣ ея.

Для сличенія съ напечатаннымъ въ моей книгѣ предисловіемъ изъ Тихонравовской рукописи (на стр. 783), предлагаю такое же точно изъ моего сборника.

„Предисловіе къ читателю: Господіе и братіе и отцы честніи прошу васъ и молимъ и самѣмъ Богомъ васъ закликаемъ. Аще кто хочеть отъ васъ прочести книжицу сію или переписовати, и аще что обрящете въ ней погрѣшено въ книзѣ сей, въ словесѣхъ, или въ рѣчѣхъ, или гдѣ что любо неусмотрѣвъ ради поспѣшенія, пропущено: ¹⁾ рѣчь, или слово едино, или точки,

¹⁾ Въ моей книгѣ вмѣсто *пропущено* стоитъ опечаткою *опущено* (стр. 783).

или запятая, или силы не поставили, или гдѣ поставили не противу разуму рѣчи оной. И вы то сами отъ искуснѣйшихъ васъ исправьте. Трудившимся въ дѣле семъ прощенію сподобише, услужникомъ честности вашей, рабомъ божіимъ старцу Филарету и брату его Максиму. И буди надо всѣми вами и нами милость божія во вся вѣки и на вѣки, аминь.

„Радуется убо путникъ видѣвъ скончаніе шествія своего; утѣшаетъ же ея и морской плаватель, достигъ небурнаго пристанища; веселитъ же ея и земледѣлецъ о собраніи многотрудныхъ плодовъ своихъ: благодушествуемъ же и мы грѣшніи, видѣвши конецъ послѣдней строки.

„Птица рада веснѣ, а рыба водѣ, а писецъ послѣдней строкѣ.

„Слава совершителю Богу, давшему намъ помощь во вѣки, аминь“.

И въ той и въ другой рукописи имена писцовъ и миниатюристовъ писаны *простою лито-реею*, съ тою только разницею, что одинъ изъ нихъ въ Тихонравовской рукописи названъ *Ферапонтомъ*, а въ моей *Филаретомъ*. Но узнавъ отъ меня объ этой разницѣ Н. С. Тихонравовъ по тщательномъ разсмотрѣніи своей рукописи, увѣдомилъ меня письмомъ, что въ прописаніи названнаго имени въ его рукописи „остались слѣды попытки передѣлать криптографическое *Филарету* въ *Ферапонту*“.

Такимъ образомъ мой Сборникъ оказалъ услугу для исторіи русскаго Лицеваго Апокалипсиса возстановленіемъ настоящаго имени одного изъ двухъ мастеровъ и писцовъ первой половины XVIII столѣтія.

Къ этому надобно прибавить, что время написанія моего Сборника не означено годомъ.

IV.

Теперь сдѣлаю указаніе на нѣсколько рукописей, которыя слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію для пополненія литературы по исторіи русскаго Лицеваго Апокалипсиса.

Сначала надобно назвать Лицевой Апокалипсисъ XVIII вѣка, принадлежащій Угличскому епископу Амфилохію, который, при текстѣ Откровенія Іоанна Богослова по рук. XIV в. и по списку св. Алексія митрополита, издалъ 20 мин. изъ числа 70 своего Апокалипсиса.

Надо полагать, судя по изданнымъ миниатюрамъ, что этотъ Лицевой Апокалипсисъ относится къ тѣмъ новѣйшимъ редакціямъ, въ которыхъ иконописный стиль уступаетъ мѣсто живописному, подъ очевиднымъ вліяніемъ западнымъ. Онъ отличается тѣмъ внѣшнимъ изяществомъ и натуральностью рисунка, которыя были выработаны въ школѣ Симона Ушакова, въ ущербъ характеристическимъ особенностямъ ранняго византійскаго преданія, господствующимъ въ лучшихъ редакціяхъ русскаго Лицеваго Апокалипсиса.

Когда я въ теченіе шести лѣтъ изготовлялъ свою книгу и отовсюду собиралъ для нея свѣдѣнія, до меня дошелъ слухъ о существованіи русскаго Лицеваго Апокалипсиса въ пергаментной рукописи, принадлежавшей московскому купцу Банкетову. Чтобы провѣрить этотъ слухъ, я ни къ кому лучше не могъ обратиться, какъ къ извѣстному любителю русской старины иконописцу и продавцу иконъ и рукописей Ивану Лукичу Силину. Отъ него я узналъ, что и онъ слышалъ объ этой рукописи, но самъ не видалъ и потому не можетъ сказать, пергаментная ли она была или на бумагѣ. Самъ же Банкетовъ, по его словамъ, давно померъ, а кто его наслѣдники, онъ не знаетъ.

Свѣдѣнія эти я почелъ неумѣстными для своей книги; но теперь, на Съѣздѣ русскихъ археологовъ вмѣняю себѣ въ обязанность не умалчивать о нихъ, въ надеждѣ, что такая гласность между специалистами, можетъ быть, повлечетъ за собою успѣшные поиски.

Въ томъ же 1884 году, когда я издалъ свою книгу, въ лѣтнихъ нумерахъ, не помню ко-

торой изъ московскихъ газетъ, было объявлено о продажѣ на Макарьевской ярмаркѣ Лицеваго Апокалипсиса, *который, какъ сказано въ объявленіи, былъ неизвѣстенъ господину Буслаеву.*

По осени эта рукопись очутилась у того же антикварія Силина, которому кто-то далъ ее на комиссію для продажи. Я разсмотрѣлъ ее, и это оказался въ очень хорошемъ экземплярѣ переводъ, или одна изъ копій той самой редакціи, подробно мною разсмотрѣнной, во главѣ которой я постановилъ Апокалипсисъ Петербургской Публичной Библіотеки и Музейные листы XVII вѣка (стр. 554 и слѣд.).

Въ Московскій Публичный Музей ходилъ читать рукописи и старопечатныя книги одинъ пѣвчій изъ общины Преображенскаго кладбища, по фамиліи Богдановъ. У него было и свое собственное собраніе рукописей и между прочимъ Лицевой Апокалипсисъ. По моей просьбѣ, онъ принесъ его въ Музей, гдѣ я его и разсматривалъ.

Рукопись оказалась очень интересною и заслуживающею вниманія для исторіи русской иконописи, хотя и составлена она въ недавнее время. Впрочемъ, это не Лицевой Апокалипсисъ въ общепринятомъ его видѣ съ текстомъ, раздѣленнымъ на главы и при каждой изъ нихъ съ миниатюрою, а въ нѣкоторомъ родѣ монографія, имѣющая своимъ предметомъ свѣдѣнія о тѣхъ апокалипсическихъ изображеніяхъ, которыя нѣкогда находились въ разныхъ церквахъ и часовняхъ, но потомъ, или были истреблены вмѣстѣ съ этими зданіями, или стерты со стѣнъ ихъ, замалеваны, или вообще почему-либо пропали.

Къ сожалѣнію, не могъ я воспользоваться этою рѣдкою рукописью. Богдановъ почему-то не только опасался дать мнѣ ее на домъ, но даже и въ Музей не разрѣшилъ мнѣ сдѣлать изъ нея выписки и снять копии съ находящихся въ ней миниатюръ.

Впослѣдствіи до меня дошли слухи, что свое собраніе рукописей Богдановъ передалъ въ Императорскую Публичную Библіотеку въ Петербургѣ. Если это такъ, то надобно радоваться, что монографія о погибшихъ апокалипсическихъ изображеніяхъ не пропала для науки.

Здѣсь же долженъ я упомянуть, что изъ всѣхъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ, которые съ такою любезною готовностью давалъ для моей книги Алексѣй Ивановичъ Хлудовъ, я не воспользовался однимъ, который, содержа въ себѣ новѣйшія измышленія раскольничьихъ тенденцій, выступалъ изъ предѣловъ, строго мною установленныхъ въ изслѣдованіи историческаго развитія иконографическихъ основъ русскаго Лицеваго Апокалипсиса.

V.

Предоставляю другимъ специалистамъ изслѣдованіе апокалипсическихъ изображеній раскольничьяго толка, состоящихъ въ связи вообще съ символическими и мистическими представленіями и ученіями нашихъ сектантовъ о похожденияхъ и подвигахъ пресловутаго апокалипсическаго звѣря.

Впрочемъ, изъ желанія услужить такимъ специалистамъ, пользуясь гласностью Археологическаго Съѣзда, рѣшаюсь сообщить свѣдѣнія объ одномъ раскольничьемъ Лицевомъ Сборникѣ, выходящемъ изъ ряда вонъ циническою дерзостью необузданнаго изувѣрства.

Сборникъ этотъ былъ пріобрѣтенъ мною у одного букиниста на Никольской въ пятидесятыхъ годахъ, когда такія рѣдкости можно было покупать за безцѣнокъ.

Въ настоящее время этой рукописи у меня уже нѣтъ, и потому съ ея содержаніемъ я могу познакомить только по краткому описанію изъ составленнаго мною каталога.

„*Книга о седми небесахъ, о сотвореніи Адама и Евы.* Цѣлая раскольничья поэма. Начинается апокрифическими разказами о первыхъ челоуѣкахъ; затѣмъ объ искушеніи, далѣе отли-

чіе вѣры старой отъ Никоновой, потомъ повѣсти изъ Патериковъ, далѣе слово о человѣкѣ въ отличіе его отъ животныхъ, отъ золота и проч. Вся рукопись въ миниатюрахъ; при каждой миниатюрѣ объяснительный текстъ. Письмо Поморское. XVIII в. къ 4-ку. Рукопись рѣдчайшая, единственная въ своемъ родѣ!

Въ 1860 году, читая курсъ исторіи русской словесности въ Бозѣ почившему Государю Цесаревичу Николаю Александровичу, я посвятилъ нѣсколько лекцій и на литературу раскольничью и по принятому мною плану прочитывать изъ древнихъ произведеній по первоначальнымъ ихъ ихъ памятникамъ, т. е. по рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, я принесъ на лекцію и вышеописанный мой Лицевой сборникъ.

Рукопись эта такъ сильно заинтересовала Государя Цесаревича, что я вмѣнилъ себѣ въ великое счастье ее подарить Его Императорскому Высочеству.

Къ этому я долженъ присовокупить, что для нашихъ лекцій были доставляемы изъ разныхъ книгохранилищъ рѣдчайшія рукописи. Такъ изъ Императорской Публичной библіотеки—Остромирово Евангеліе, изъ Московской Синодальной библіотеки—Изборникъ Святославовъ 1073 г., изъ Сійскаго монастыря—Евангеліе 1692 г. съ великолѣпными миниатюрами, образчики которыхъ можно видѣть въ точныхъ, только не раскрашенныхъ копіяхъ, помѣщенныхъ въ моихъ Историческихъ очеркахъ.

VI.

Въ перечень темъ, намѣченныхъ для разсмотрѣнія на Археологическомъ Съѣздѣ, я внесъ вопросъ о *стилизации ландшафта* въ русскихъ миниатюрахъ.

Рѣшеніе этого вопроса я вношу въ мой докладъ о дополненіяхъ къ моей книгѣ, потому что обильный матеріалъ для этого очень любопытнаго предмета даетъ одна изъ моихъ Лицевыхъ рукописей, недавно мною приобрѣтенная, которая по своему содержанію принадлежитъ къ разряду апокалипсическихъ видѣній.

Это слово Палладія мниха о страшномъ судѣ, которое, какъ замѣчено въ моей книгѣ, иногда присовокупляется къ Лицевымъ Апокалипсисамъ (стр. 4). Такая же связь оказывается и въ моей рукописи, такъ какъ передъ словомъ Палладія мниха помѣщенъ отрывокъ изъ Лицеваго Апокалипсиса на двухъ листкахъ: на одномъ миниатюра, а на другомъ соотвѣтствующій ей текстъ 37-й главы Толковаго Апокалипсиса, но въ этой рукописи текстъ безъ толкованія и помѣченъ главою 13-ою по нынѣ принятому дѣленію Откровенія Іоанна Богослова на 22 главы. Миниатюра и текстъ содержатъ въ себѣ сказаніе о Второмъ Апокалипсическомъ Звѣрѣ, или объ Агнцѣ Погибельномъ, числа 666-го. По миниатюрѣ нельзя составить точнаго понятія къ какой редакціи относится Лицевой Апокалипсисъ, изъ котораго она сюда попала.

Рукопись эта XVII столѣтія, въ 4—ку, съ 39 миниатюрами, изъ которыхъ одна изъ Апокалипсиса, а 38 при *Словѣ Палладія мниха о второмъ пришествіи*. Затѣмъ слѣдуютъ въ другой половинѣ рукописи разныя поученія и слова святыхъ отцовъ, безъ миниатюръ.

Изъ 38-ми миниатюръ въ Словѣ Палладія мниха 27 предлагаютъ замѣчательно выдержанную въ однихъ и тѣхъ же формахъ повторяющуюся стилизацію ландшафта. Если ея нѣтъ въ остальныхъ 11-ти, то потому только, что самое содержаніе ихъ не давало повода къ ея употребленію.

Теперь надобно сказать, въ чемъ состоитъ эта стилизація, такъ систематично проведенная въ ландшафтахъ этой рукописи.

Стилизація неба—предметъ общеизвѣстный. Она сильно распространена въ нашей рукописи, особенно господствуетъ въ Лицевыхъ Апокалипсисахъ, и подробно разсмотрѣна и объяснена въ моей книгѣ, и особенно въ главѣ о редакціи моего юсоваго Апокалипсиса XVI сто-

лѣтія (стр. 381—467). вмѣсто синяго неба съ облаками, обыкновенно представляются фантастическія зданія своеобразной архитектуры въ различныхъ символическихъ чертежахъ. Значительное количество образчиковъ такой небесной архитектуры приведено въ Альбомѣ къ моей книгѣ, какъ изъ упомянутаго юсоваго Апокалипсиса, такъ и изъ многихъ другихъ.

Что же касается до стилизаціи ландшафта, то Апокалипсисы даютъ очень мало поживы для этого рода символическихъ представлений. Какъ исключительную рѣдкость я отмѣтилъ въ Двинской рукописи 1636—1643 оригинальное представленіе горы съ звѣриною головою, которая разинувъ пасть, поглощаетъ потокъ, изливаемый великимъ Зміемъ (стр. 547, въ Альбомѣ сним. 279). Или въ моемъ Апокалипсисѣ древней редакціи, вмѣсто цѣлаго лѣса, брошено въ воздухѣ только одно дерево, срубленное при корнѣ наискось (стр. 257—258, сним. въ Альбомѣ 10). За мѣчу мимоходомъ, что точно такая же стилизованная форма дерева, брошеннаго въ воздухѣ безъ всякой нужды, нѣсколько разъ помѣщается надъ настоящимъ лѣснымъ ландшафтомъ въ одной Лицевой рукописи Мамаева побоища XVII вѣка, въ 4—ку, недавно приобрѣтенной Московскимъ Публичнымъ Музеемъ.

Впрочемъ немногія исключенія въ общепринятыхъ нашими старинными миниатюристами ландшафтахъ живописи съ Палатнымъ письмомъ ничего не имѣютъ общаго съ системою стилизаціи неукоснительно выдержанною въ моей Лицевой рукописи Палладія мниха.

Миниатюристъ этой рукописи умѣетъ довольно правильно рисовать деревья и кусты съ цвѣтами и раскрашиваетъ то и другое соотвѣтствующими природѣ колерами. Но это онъ допускаетъ только въ изображеніи сада райскаго, именно *рая прекраснаго*, вѣчно цвѣтущаго, съ райскими птицами въ коронахъ, сидящими на древесныхъ вѣткахъ. Въ такой садъ вводятъ врата, въ видѣ проѣзжей башни съ церковью, на куполѣ которой поднимается осьмиконечный крестъ (мин. 12 и 25).

Что же касается до земли съ лугами, лѣсами и горами, то эту юдольную, земную половину въ миниатюрахъ мастеръ не удостоиваетъ разцвѣчать красками и выводитъ на ней своеобразные узоры и оставляетъ ихъ совсѣмъ не раскрашенными на бѣлой бумагѣ, или покрываетъ ихъ всѣ сплошь легкою прозрачною пеленою охры.

Вотъ это и есть то самое, что я называю стилизаціею ландшафта.

Для этой иконографической особенности миниатюристъ употребляетъ только двѣ формы, самыя немудренныя и малосложныя: во-первыхъ, листь какого-то растенія, или точнѣе одну продольную половину листа отороченную овальными вырѣзами, которые всегда составляютъ нижнюю часть этого рисунка, и во-вторыхъ, орнаментъ въ родѣ кокошника или женскаго гребня, а по бокамъ его съ той и другой стороны поднимается по завитку въ видѣ шарика, на манеръ—не то жолудей, не то зачинающихся рожковъ на головѣ какого-нибудь животнаго. Иногда рисунокъ ограничивается только половиною этого орнамента, т. е. съ однимъ шарикомъ, а не съ двумя.

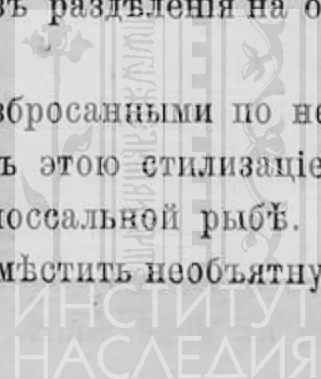
Листы покрываютъ землю и должны означать на ней растенія — траву, кустарники и деревья, а двурогій и однорогій орнаментъ горы и утесы.

Каждый листь предполагается громаднхъ размѣровъ, ибо очень часто на одномъ такомъ листѣ помѣщается по нѣскольку человѣческихъ фигуръ (мин. 27 и 29).

Иногда этотъ листь протягивается безъ конца въ сплошную ленту безъ раздѣленія на отдѣльные листы (мин. 9).

Земля, окруженная со всѣхъ четырехъ сторонъ моремъ, покрыта разбросанными по ней листьями и тѣми рогатыми кокошниками: это лѣса и горы, а въ гармоніи съ этою стилизаціею и само море суживается въ четыре корыта и въ каждомъ помѣщено по колоссальной рыбѣ.

Только такимъ смѣлымъ приемомъ наивнаго иконописца возможно было вмѣстить необъятную громаду всей земли и моря въ малый клочокъ стилизованнаго ландшафта.

Здѣсь миниатюра принимаетъ уже видъ обыкновенной рукописной заставки изъ фантастическихъ орнаментовъ: это стиль не живописный, а орнаментный.

Обѣ эти формы иногда сливаются вмѣстѣ или переходятъ одна въ другую: то листва льнетъ къ кокошнику и вползаетъ на него, то кокошникъ книзу разлагается на отдѣльныя нити, сливающіяся съ лиственной гирляндой.

Рюиздалевскій ландшафтъ при зіяющей пасти ада, помѣщенной въ нижнемъ углу миниатюры, оказался бы пошлою безсмыслицей, которая только оскорбила бы художественный вкусъ. Русскій мастеръ не могъ впасть въ такую дисгармонію между дѣйствительностью и символомъ, будучи вооруженъ не живописными, а орнаментальными формами, и вмѣсто картины далъ намъ затѣйливый узоръ изъ огнедышащей пасти, къ которой тянутся отъ тѣхъ же кокошниковъ гирлянды и полосы той же листвы (мин. 27 и 29).

Если же миниатюристу надобно изобразить и настоящую гору, чтобы при подножіи ея собрать толпу людей, то и тогда онъ даетъ горѣ своеобразный видъ съ кокошникомъ на ея вершинѣ и со спусками по обѣимъ ея сторонамъ, отороченными непрерывно тянущеюся листвою выше объясненной формы, и такимъ образомъ, вмѣсто настоящей обыкновенной горы появляется какое то фантастическое зданіе совершенно новаго небывалаго стиля, въ которомъ архитектурныя линіи сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое съ причудливыми завитками орнаментики.

Однимъ словомъ, миниатюристъ этой рукописи дополняетъ пробѣлъ въ ученіи объ условныхъ, стилизованныхъ формахъ, и къ небесной архитектоникѣ символическихъ чертежей, такъ усердно разработанной въ Лицевыхъ Апокалипсисахъ, присовокупляетъ такую же фантастическую архитектонику земного ландшафта съ орнаментаціею заставокъ и заглавныхъ буквъ.

Сказаніе о Святогорѣ и Земной Тягѣ въ южно-славянской народной словесности.

М. Дринова.

Настоящимъ своимъ сообщеніемъ я бы желалъ привлечь вниманіе любителей народной словесности къ нѣкоторымъ южно-славянскимъ сказаніямъ о Маркѣ Королевичѣ, представляющимъ, думаю, не маловажный интересъ по своему болѣе или менѣе значительному сходству съ извѣстными русскими сказаніями о Святогорѣ и о сумочкѣ съ „Земною Тягою“. Мнѣ извѣстны три такого рода болгарскихъ сказанія. Одно изъ нихъ находится въ изданномъ еще лѣтъ тридцать тому назадъ Сборникѣ братьевъ Миладиновыхъ, гдѣ оно помѣщено подъ заглавіемъ „Фальба Маркова“ (Похвальба Марка). Это коротенькій рассказъ, напечатанный мелкимъ шрифтомъ въ самомъ концѣ Миладиновскаго сборника ¹⁾, въ числѣ небольшихъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ Болгаръ, и вслѣдствіе этого, повидимому, ускользавшій отъ вниманія изслѣдователей. На него мнѣ обязательно указалъ на дняхъ В. В. Каллашъ. Другое изъ этихъ болгарскихъ сказаній обнародовано недавно, около конца прошлаго 1890-го года, въ издающейся въ Софіи Библиотекѣ св. Климента ²⁾. Это большая, приблизительно въ триста стиховъ, народная пѣсня, записанная въ *Рѣсенскомъ* уѣздѣ. Не лишнимъ считаю при этомъ указать, что Рѣсенскій уѣздъ находится въ юго-западной Македоніи, именно въ сѣверной части бассейна Прѣсанскаго озера. Онъ соприкасается съ Охридскимъ округомъ, гдѣ находится городокъ Струга, родина Миладиновыхъ, и гдѣ, повидимому, послѣдніе и записали вышеозначенный свой рассказъ о похвальбѣ Марка Королевича. Наконецъ, третье изъ названныхъ болгарскихъ сказаній появилось въ только что выпущенномъ въ свѣтъ 2-мъ томѣ издаваемого болгарскимъ министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Сборникѣ ³⁾. Оно встрѣчается тутъ, въ видѣ эпизода, въ одной очень длинной народной пѣснѣ, состоящей изъ 368 стиховъ и записанной со словъ нѣкоего Ристета Пърцана въ городѣ Прилѣпѣ, гдѣ находилась столица короля Марка. Пѣсня озаглавлена такъ:

¹⁾ „Български народни пѣсни, собрани одъ брата Миладиновци“. Загребъ 1861, стр. 528.

²⁾ „Библиотека свети Клыментъ“, кн. VIII, Софія, 1889, стр. 165 — 172: *Кралъ Марко* (народна пѣсня отъ Рѣсенско).

³⁾ „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, издава министерството на народното просвѣщение“, Книга II, Народни умотворения, стр. 116 — 120. Въ изданныхъ уже двухъ первыхъ книгахъ этого Сборника, кромѣ другаго весьма цѣннаго этнографическаго матеріала, обнародовано и изрядное количество народныхъ пѣсней, между которыми нерѣдко попадаются чрезвычайно интересные памятники.

„Марко грабитъ Ангелина“ (Марко похищаетъ Ангелину). Хотя эта Прилѣпская пѣсня и появилась въ свѣтъ двумя-тремя мѣсяцами позже Рѣсенской, но несомнѣнно печаталась одновременно почти съ послѣдней. Это само собою сдѣлается понятнымъ, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что Сборникъ, въ которомъ она помѣщена, состоитъ изъ 50-ти слишкомъ печатныхъ листовъ въ большую осьмушку, тогда какъ Рѣсенская пѣсня издана въ книжкѣ, содержащей въ себѣ 95 страницъ небольшого формата. Я указываю на это маловажное на видъ обстоятельство потому, что оно можетъ имѣть немаловажное значеніе для могущаго возникнуть вопроса о подлинности Рѣсенской пѣсни, самаго полнаго и самаго интереснаго, какъ увидимъ, изъ занимающихъ насъ тутъ болгарскихъ сказаній.

Содержаніе Миладиновекаго разсказа дословно таково: „Марко, говорятъ, однажды хвастая своею великою силою, сказалъ, что можетъ своимъ копьемъ поднять (да подкренить) всю землю. Чтобы испытать его силу, Господь послалъ ангела наполнить перстью сумку (торба) и съ этою ношею, которая по тяжести сравнялась со всею землею, стать возлѣ дороги, по которой долженъ былъ проѣхать Марко. Когда послѣдній приблизился къ этому мѣсту, ангелъ сказалъ ему: „Эй, незнакомый молодець! подними мнѣ эту сумку (ейди незнаено деліо, подкрени ми торба-ва)“. Марко взявъ копьемъ сумку, но съ трудомъ могъ поднять ее на плечи (ангела), при чемъ копье его погнулось отъ тяжести (сумки). Съ тѣхъ поръ Марко потерялъ свою храбрость (юнащина) и только хитростію, коварствомъ уже побѣждалъ другихъ юнаковъ, какъ Гину, Груицу и др.“.

Этотъ разсказъ своею отрывочностію и бросающимися въ глаза недомолвками невольно заставляетъ предполагать существованіе въ Охридской области, гдѣ онъ записанъ, болѣе полныхъ сказаній на ту же тему. Такою именно и является изданная недавно Рѣсенская пѣсня, въ которой мы находимъ очень подробное развитіе мотива, слишкомъ сжато, въ немногихъ словахъ изложеннаго въ разсказѣ Миладиновыхъ.

Отличаясь отъ русскихъ сказаній о Святогорѣ и знаменитой сумочкѣ нѣкоторыми существенными чертами, эта болгарская пѣсня въ кое-какихъ своихъ деталяхъ обнаруживаетъ замѣчательное сходство съ названными русскими сказаніями. Это обстоятельство не можетъ, однако, казаться страннымъ теперь послѣ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго, А. А. Потебни, М. Е. Халанскаго и другихъ ученыхъ, открывшихъ цѣлый рядъ примѣровъ поразительнаго сходства какъ внутренняго, такъ и внѣшняго между произведеніями народной словесности славянъ восточныхъ (Русскихъ), съ одной стороны, и южныхъ (Болгарь и Сербовъ), съ другой.

кажу, для примѣра, на обслѣдованныя недавно въ диссертациі г-на Халанскаго ⁴⁾ замѣчательныя болгарскія и сербскія параллели къ русскимъ былинамъ о гибели богатырей, объ Иванѣ Годиновичѣ, о Тугаринѣ Зміевичѣ, о Жидовинѣ и пр., и пр. Укажу кстати и на замѣченный, кажется, впервые тѣмъ же ученымъ сербскій разсказъ о Милошѣ Обиличѣ ⁵⁾, обнаруживающій мѣстами буквальное почти сходство съ одною былинною объ Ильѣ Муромцѣ и очень сходный также съ русскимъ сказаніемъ о плугѣ Микулы Селяниновича, обладателя и знаменитой сумочки съ земною тягою.

Въ Рѣсенской пѣснѣ хорошо выдержаны особенности рѣсенскаго говора, ничѣмъ почти не отличающагося отъ сосѣдняго съ нимъ охридскаго говора. Замѣченныя мною въ языкѣ ея діалектическія неточности такого рода, что могутъ быть отнесены на счетъ неисправности ея наборщиковъ и корректоровъ. Народный складъ и размѣръ стиха, равно какъ и выразительность, образность эпической рѣчи также выдержаны прекрасно въ занимающей насъ тутъ пѣснѣ, которая въ этомъ отношеніи можетъ быть поставлена рядомъ съ лучшими изъ изданныхъ до-

⁴⁾ „Великорусскія былины кіевского цикла“. Варшава. 1885, стр. 128—130; 117—118; 167—176; 177—180.

⁵⁾ „Замѣтки по славянской народной поэзи“. Варшава. 1881, стр. 1—8.

селѣ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Все это говоритъ въ пользу ея подлинности, которая подтверждается и слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ содержаніи этой пѣсни находятся, такія подробности, которыхъ нѣтъ въ разсказѣ Миладиновыхъ, но которыя встрѣчаются, какъ увидимъ далѣе, въ Прилѣпской пѣснѣ. А подлинность послѣдней пѣсни, напечатанной одновременно съ Рѣсенской (быть можетъ, нѣсколько позже, но никакъ не раньше ея), не подлежитъ никакому сомнѣнію ⁶⁾. Къ этому могу еще прибавить, что отъ одного изъ учащихся теперь въ московскомъ университетѣ македонскихъ Болгаръ, г-на Никова (юриста), я узналъ, что въ его родномъ городкѣ Гевгелии (въ южной Македоніи) существуетъ сказка такого же, приблизительно, содержанія, какъ и Рѣсенская пѣсня. Отъ послѣдней Гевгелійская сказка, по увѣренію г. Никова, отличается существенно лишь тѣмъ, что въ ней главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является не Марко Королевичъ, а какой-то безымянный *силачъ*, великанъ. Я счелъ не лишнимъ указать на всѣ эти данныя, доказывающія подлинность занимающаго насъ здѣсь памятника, такъ какъ онъ, къ сожалѣнію, изданъ безъ обозначенія имени его сказителя и лица, записавшаго его.

Какъ было замѣчено выше, Рѣсенская пѣсня очень длинна. Я передаю ея содержаніе съ значительными сокращеніями.

Марко Королевичъ является въ этой пѣснѣ настоящимъ титаномъ. Онъ такъ колоссаленъ, такъ грузенъ, что и *мать черная земля* ⁷⁾ изнемогаетъ подъ тяжестью его: стонетъ, бѣдная, какъ во время землетрясенія, когда эта грозная сила разгуливаетъ по ней на своемъ огромномъ *шарцѣ* (пѣгомъ конѣ). Куда бы ни ступилъ этотъ конь, на рыхлую ли землю, либо на твердый камень (скалу), онъ взнетъ по колѣна.

Кл ѿ да стѣпнѣ шарецъ добра коня;
 Било *спилъе* ⁸⁾, иль стано'ить камень,
 Ми потонвить коня до колена.
 Отъ що ми е сила у юнака
 Ъ притежа майкѣ цѣрнѣ земѣ
 Отъ тежина гѣрда ⁹⁾ носеещемъ,
 Та ми ячитъ кутра цѣрна земя
 Емъ ми ячитъ коли отъ се тресють.

Великанъ странствуетъ по разнымъ краямъ, ища достойнаго себѣ соперника, но нигдѣ не находитъ такого, вслѣдствіе чего онъ страшно тоскуетъ, мучится: потѣветъ отъ великой силы, а не знаетъ, что съ нею дѣлать.

⁶⁾ За это ручается, какъ имя лица, записавшаго Прилѣпскую пѣсню (г. Цѣпенковъ, уроженецъ города Прилѣпа), такъ и то изданіе, въ которомъ она обнародована и которое редактируется лицами, весьма серьезно, повидимому, относящимися къ издаваемымъ ими памятникамъ народной словесности.

⁷⁾ Выраженіе „мать черная земля“ (майка цѣрна земя) нѣсколько разъ встрѣчающееся въ этой пѣснѣ, довольно распространено у Болгаръ, преимущественно македонскихъ. У послѣднихъ существуетъ клятва, въ которой слова „черная мать“, эпитетъ земли, являются ея синонимомъ: „да та изяде цѣрната майка!“ (чтобы тебя съѣла черная мать, т. е. земля). На это указалъ мнѣ г. Петровъ, уроженецъ южно-македонскаго города Водена, студентъ московскаго университета.

⁸⁾ Слово „спилъе“, не встрѣчающееся, кажется, въ изданныхъ доселѣ памятникахъ народной словесности болгаръ, повидимому, заимствовано изъ греческаго языка, гдѣ *γῆ σπιλᾶς* значитъ глинистая почва, глина.

⁹⁾ Гѣрда, прилагат. женск. рода отъ *гѣрдъ*, или *гѣрдъ*, встрѣчается два раза въ пѣснѣ: „тежина гѣрда носеещемъ“, „таква сила гѣрда да понесить“. Въ обоихъ случаяхъ слово это употреблено въ смыслѣ *страшнаго, великаго*. Съ такимъ же точно значеніемъ оно употребляется и въ церковно-славянскихъ памятникахъ. *Потебня*, „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, III, 2. Сравни. и въ словарѣ Дювернуа—*гѣрдъ*.

Дур ми спотналь отъ велика сила,
А не знаетъ, со н'я що да сторить.

Однажды, когда онъ метался такимъ образомъ изъ страны въ сторону, на него съ улыбкою заглядѣлась вечерняя звѣзда. Замѣтивъ ее, Марко обращается къ ней съ просьбою указать ему на какое-нибудь существо, человѣка ли, звѣря или чудовища, съ которымъ бы онъ могъ помѣриться силою ¹⁰⁾.

А ей гиди звѣздо вечернице,
Ке те прошамъ, право да ми кажишь:
Ево шетамъ земя и краина,
Съмь изшеталь ситѣ кралевини,
Нийде юнакъ немаъ спроти мене,
Нити юнакъ, нити ломотия,
Нити ламя ¹¹⁾, нити димна юда ¹²⁾,
Нити аждеръ ¹³⁾, нити самовила.
Ти си грѣшь горе отъ високо
И са пулишь редомъ на далеко,
Да ли иматъ юнакъ спроти мене?

Ясная звѣзда отвѣчаетъ, что такого существа на землѣ еще не было, да и не будетъ никогда (ни е било, нити пикъ ке бидить). Получивъ такой отвѣтъ, Марко приходитъ въ какое-то изступленіе и произноситъ слѣдующія слова:

Слушай меня, звѣзда вечерняя!
Спустись Господь съ (высокаго) неба
И съ нимъ бы могъ я поле раздѣлить;
Имѣй конецъ мать черная земля,
Одной рукой я бы ее поднялъ ¹⁴⁾.

¹⁰⁾ Такого рода обращенія къ звѣздамъ часто встрѣчаются въ южно-славянскихъ пѣняхъ о Маркѣ Королевичѣ. См., напримѣръ, въ сборникѣ Качановскаго № 152, стр. 345:

Оды Марко узъ тесне клисуре
Да си тражи юнака нады нега,
Одыло е три дни и три ночи,
Ништо не е Марко намѣрило,
И оно си говоръ говораше:
Бога тебе, дзвѣздо деновнице!
Како грѣшь высинъ подъ небеса
Да ли знаешъ юнакъ нады мене?...

¹¹⁾ *Ламя*, греч. *λάμα*, водяной змѣй, гидра. См. словарь Дювернуа.

¹²⁾ *Юда* миеологическ. существо въ родѣ самовиль или самодивъ.

¹³⁾ *Аждеръ* (турецк. слово) змѣй, драконъ.

¹⁴⁾ Слушай мене звѣздо вечернице!
Да ми слѣзить Господь отъ небеси,
И со него на мейданъ излѣгвамъ;
Край да иматъ майка църна земя
С' една ржка нея ке подкренамъ.

Съ первую частію этой похвальбы, не встрѣчающеюся въ сказаніяхъ о Святогорѣ, сравни похвальбу Алеши Поповича въ былинѣ о гибели богатырей:

Подавай намъ силу нездѣшнюю,
Мы и съ тою силою витязи справимся.

При этихъ словахъ ясное лицо вечерней звѣзды начало темнѣть, омрачилось, и она поспѣшила укрыться за облако, откуда оросила землю слезами.

Слушать него звѣзда вечерница,
Нищо Марку звѣзда не отврѣви,
Садѣ ѣ са лице затемнило
Затемнило мощнѣ замжглило,
Побързала подѣ облакъ се скрила.
Та отъ що ѣ жалба припаднало
Поронила солзи низѣ облака,
И ми падвать солзи отъ висина
Како роса долу на земята ¹⁵⁾.

Пѣсня не останавливается на ближайшемъ объясненіи причины этихъ слезъ, но изъ дальнѣйшаго разсказа ея видно, что онѣ вызваны предчувствіемъ звѣзды, что заинтересовавшей ея великанъ сгубилъ себя своею неразумною похвальбою. Послѣ этого происшествія Марко, ударивъ своего коня булавою *въ шестьсотъ окъ*, пустился опять странствовать по міру. Богатырская его лошадь разыгралась. Отъ бѣшеной ея ѣзды затряслась бѣдная земля (кутра цѣрна земля), подули буйные вѣтры, зашумѣли рѣки и озера, заклокотали, заревѣли моря, горы трещать, ломаются. Отъ сильнаго испуга остолбенѣли люди по городамъ и звѣри въ глубокихъ пещерахъ, а малыя пташки подняли по всей землѣ такой пискъ, который услышанъ былъ на небѣ. Богъ сжалился надъ встревоженною природою и рѣшилъ придти ей на помощь. Въ образѣ дряхлаго старца онъ сошелъ съ неба, наполняетъ маленькую сумочку (торба малечкава) перстыю и ее благословляетъ. Сумочка по тяжести сравнялась со всею матерью черною землею. Затѣмъ Господь направился къ перекрестку, куда долженъ былъ проѣхать Марко, присѣлъ тамъ, положивъ возлѣ себя сумку. Великанъ не замедлилъ показаться:

Отъ планина скокаты на планина,
А прѣдѣ него мѣгли и прахови
А задѣ него дождо, и отъ каменье,
Що ѣ вѣрлятъ коньотъ со копити ¹⁶⁾.

Когда онъ приблизился къ старику, послѣдній указавъ ему, что по причинѣ своей дряхлости не въ силахъ поднять на спину свою ношу (сумочку), дабы отправиться съ нею въ даль-

Объ части похвальбы находимъ въ обнародованномъ недавно въ Рус. Филолог. Вѣстникѣ (XIII, 51) вариантѣ о гибели богатырей:

Кабы было кольцо кругомъ всей земли,
Кругомъ всей земли кругомъ всей орды,
Мы всю землю святорусскую внизъ повернули,
Самого бы царя в полонъ взяли;
Кабы была на небо лисница,
Мы бы выстали на небо,
Всю небесную силу присѣкли,
Самого бы Христа в полонъ взяли.

См. Халанскаго „Великорусск. былины“, 138.

¹⁵⁾ О славянскомъ повѣртіи, что роса и дождь зависятъ отъ звѣзды см. въ сочиненіи профессора Потемни: „О мѣстическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣртіи“, стр. 174, въ примѣчаніи.

¹⁶⁾ Сравни въ былинѣ о Святогорѣ:

Куды конь-то его летитъ,
Туды ископотъ столбомъ стоитъ и пр.

нѣйшій путь, попросилъ его помощи въ этомъ. Посмѣявшись надъ ничтожностію сумки, Марко зацѣпилъ ее концомъ своего копья, чтобы швырнуть на плечи старца. Но, чудо! Огромное, въ добрую осину, копье переломилось пополамъ. Озадаченный этимъ, Марко подѣзжаетъ къ самой сумочкѣ, опускаетъ къ ней правую руку, захватилъ мизинцемъ, но какъ только потянулъ ее вверхъ, у коня его затрепали, поломались кости и порвались жилы, — дородная лошадь ушла въ землю, а сумочка и не шевельнулась. Осерчалъ тутъ Марко Королевичъ, бросился съ коня на землю, толкнулъ сумку правою ногою, но только ушибъ ногу. Тогда онъ хватаетъ сумку обѣими руками и всѣми силами принимается поднимать ее. Руки его тянутъ вверхъ, а ноги уходятъ въ кремень, съ лица его посыпался кровавый потъ, глаза пошли на выкатъ, изо рта хлынула кровь. Только тогда сумочка шевельнулась. Еще разъ принатужился Марко, собравъ все свои силы, и приподнял сумку на двѣ пяди отъ земли. Но приподнявъ, тотчасъ же и выпустилъ, ибо у него затрепали кости, что-то треснуло въ сердцѣ, и онъ весь затрясся. Тутъ старикъ обратился къ нему съ вопросомъ, осталось ли у него силы побороться съ Богомъ:

Ой та тебе Марко Кралевике,
Ты подкрена сжта църна земя!
Да ли имашь сила юнащина
Да излезешь сега да се боришь
Со Господа вишни отъ небеси?

Но Марку не до того, — онъ уже созналъ всю неразумность своей похвальбы, проникся глубокимъ раскаяніемъ, которое и высказываетъ въ своемъ отвѣтѣ на предложенный ему вопросъ:

Сполай Богу за чудо големо,
Що съмь било лудо неразумно;
Ко'а не можа торба да подкрена,
Какъ ке можа на мейданъ д'излеза
Со Господа вишни отъ небеси?

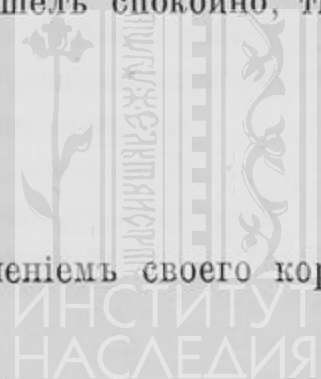
Чудесный старецъ тутъ сказалъ слѣдующее: „когда ты, Марко Королевичъ, пробовалъ копьемъ поднять сумку, ты потерялъ половину своихъ силъ; когда мизинцемъ поднималъ ее, потерялъ еще половину (остатка); когда поднималъ ее обѣими руками, потерялъ половину (новаго остатка), а когда приподнял сумку, тебя покинула вся прежняя твоя сила. Даю тебѣ благословеніе (благословъ ти давамъ), чтобы ты и впредь былъ выше всѣхъ юнаковъ (юнакъ надъ юнаци). Но если встрѣтишь гдѣ молодцовъ, болѣе тебя сильныхъ, не тягайся съ ними одною лишь храбростію. Такихъ удалцовъ ты будешь побѣждать большею частію коварствомъ, хитростію“.

Не ке можись само со юнаство
Да надбивишь незнайни делии,
А повеке ними ке надбивишь
Со хитрини и со измамвенье!

Сказавъ это, старикъ исчезъ (дѣдо се загуби), а Марко направился къ своему Прилѣпу. Онъ двигался уже не по прежнему „како халетина“ (какъ стихія), а шель спокойно, тихимъ шагомъ, обливаясь горькими слезами:

Жалба жалить за напрѣжна сила,
Що погуби своя юнащина.

Возвратившись въ Прилѣпъ, онъ тамъ поженился, занялся управленіемъ своего королев-

ства и обороною его границъ. Съ того времени Марко сталъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ въ борьбѣ съ своими врагами.

Рѣсенская пѣсня, отличающаяся выдающимися поэтическими достоинствами, заканчивается слѣдующими стихами:

Заманъ ¹⁷⁾ било, време поминало,
Останало пѣсна да се пѣетъ,
Да се пѣетъ, да се прикажувать,
Да се славить Божье свето име,
За да слушать сжта рисянция ¹⁸⁾.
Дуръ не било, не би се пѣяло,
Що слушало все весело било.

Перехожу къ третьему изъ занимающихъ насъ болгарскихъ сказаній, находящемуся, какъ было указано выше, въ новоизданной Прилѣпской пѣснѣ о похищеніи Маркомъ дѣвушки Ангелины. Оно встрѣчается въ самомъ началѣ этой очень длинной пѣсни, занимая первые ея шестьдесятъ стиховъ. Привожу ихъ въ буквальный переводѣ.

Собралися семьдесятъ королей,
Ѣдятъ, піють, ведутъ разговоры,
Расхвастались они другъ предъ другомъ,
Расхвастались храбростью своею.
Между ними тутъ сидитъ и Марко,
Вотъ онъ также похваляться началъ
И королямъ держалъ рѣчь такую:
„Гой короли, (короли) и баны
Юнаки вы, правда, въ томъ нѣтъ спору,
Но всѣхъ-то васъ силою я выше.
Если бъ было за что ухватиться,
Клянусь Богомъ, повернулъ бы землю“ ¹⁹⁾.
Выслушали короли и баны,
Выслушали ту похвальбу Марка,
Да всѣ (громко) и размѣялись,
Подтрунивать надъ Маркомъ всѣ стали,
И какъ вдоволь надъ нимъ посмѣялись,
Такую рѣчь ему тутъ сказали:
Стыдно тебѣ Марко похваляться,
Что всю землю перевернуть можешь!
У батюшки твоего Волкашина
Три великихъ *тарапанъ* ²⁰⁾ было,
Одна изъ нихъ все для карагрошей,
Другая же для желтыхъ дукатовъ,

¹⁷⁾ *Заманъ* (турецкое слово) значитъ—пора.

¹⁸⁾ Вся христіанщина, т. е. весь людъ христіанскій.

¹⁹⁾ Ако рачка земньата имаше

Яе ке можев, Богме, да я свъртамъ.

²⁰⁾ *Тарапана*, турецкое слово, значитъ монетный дворъ, мѣсто, гдѣ чеканятъ монеты. Здѣсь, повидимому, оно употреблено въ смыслѣ казны, кассы, кладовой.

Остальная для мелкой монеты,
А онъ ничѣмъ никогда не хвасталъ.
Слишкомъ молодъ былъ въ ту пору Марко,
Услыхавши королей тѣхъ рѣчи,
Сѣлъ на коня, направился къ дому,
Поѣхалъ онъ по большой дорогѣ.
Но тамъ уже Господь находился,
Поджидалъ онъ Марка Варошанца ²¹⁾,
Хотѣлъ отнять у него полъ-силы,
Да-бъ не вздумалъ онъ поднимать землю
И надѣлать великія бѣды.
Сумка съ перстью тутъ при Богѣ была,
И такую сказалъ Онъ рѣчь Марку,
Какъ только тотъ къ Нему приблизился:
„Эй ты, юнакъ, храбрый незнакомецъ,
Ты что несешь столь (длинное) копье?
Спустись съ коня, да помоги старцу,
Подними мнѣ эту сумку съ перстью,
Ибо старъ я и силъ не хватаетъ,
Чтобъ самому ее взять на спину“.
Слышитъ это Марко Королевичъ,
Не захотѣлъ съ коня онъ спускаться,
Длиннымъ копьемъ зацѣпляетъ сумку,
Копьемъ ее поднимать принялся.
Не удалось ему это дѣло,
Копье его въ куски поломалось.
Тогда Марко немножко нагнулся,
Правой рукой сумочку хватаетъ,
Правой рукой онъ вверхъ ее тянетъ,
Да порвались у коня подпруги,
А сумочка и не шевельнулась.
Вотъ тутъ Марко сгубилъ свою храбрость,
Половину своей прежней силы,
И тутъ же Богъ благословилъ Марка,
Надѣливши хитростью великой.

Нужно сказать, что въ Прилѣпской пѣснѣ, чрезвычайно интересной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не совсѣмъ хорошо выдержаны приемы эпического изложенія. Это особенно замѣтно въ приведенной тутъ ея части. Содержащійся въ ней рассказъ изложенъ необыкновенно сжато, съ замѣтными пропусками не только деталей, но и весьма существенныхъ мѣстъ. Достаточно указать, что описаніе возни Марка съ сумочкою оборвано на самомъ интересномъ мѣстѣ, что благословеніе, данное Богомъ Марку ничѣмъ не мотивировано, что, наконецъ, во всемъ этомъ рассказѣ нигдѣ не указано на то, что въ сумкѣ заключалась „земная тяга“, на которую указывается даже и въ коротенькомъ рассказѣ Миладиновыхъ. Такое слишкомъ сжатое изложеніе

²¹⁾ Варошанцемъ названъ Марко по имени Прилѣпскаго *Вароша* (предмѣстья), гдѣ находился его замокъ. Сравни въ Сборникѣ Милад. стр. 150: „Марко отъ Вароша“. О Прилѣпскомъ Варошѣ (нынѣ село) см. въ „Сборникѣ за народни умотворенія“ и пр. I, 125, 126.

въ Прилѣпской пѣсни занимающаго насъ мотива объясняется до известной степени тѣмъ, что онъ имѣетъ второстепенное значеніе въ этой пѣснѣ, главнымъ содержаніемъ которой служитъ похищеніе Маркомъ дѣвушки Ангелины, или женитьба Марка. Разсказъ о потерѣ послѣднимъ части своихъ силъ и о томъ, что онъ по Божьему велѣнію сдѣлался великимъ хитрецомъ, тутъ приводится только въ объясненіе, лучше сказать, въ оправданіе нѣкоторыхъ далеко не рыцарскихъ, такъ сказать пріемовъ, которые были пущены въ ходъ героемъ южно-славянскаго эпоса при похищеніи Ангелины. При всемъ томъ мы въ этомъ очень сжатомъ и сухомъ разсказѣ находимъ кое-какія интересныя подробности. Изъ нихъ я, для известной цѣли, отмѣчу тутъ слѣдующія, которыя встрѣчаются и въ Рѣсенской пѣснѣ, но не въ разсказѣ Миладиновыхъ.

1) Усмиреніе, обезсиленіе Марка совершено непосредственно самимъ Богомъ (по Миладиновскому разсказу это сдѣлано ангеломъ).

2) Попытка Марка поднять сумочку копьемъ не только не привела къ цѣли, но и окончилась переломомъ копья (въ Милад. разсказѣ копье сдѣлало дѣло, хотя и перегнулось немного).

3) Попытка Марка поднять сумку правою рукою кончается плачевно для его лошади.

4) Марко дѣлается хитрецомъ по Божьему благословенію, о которомъ Миладиновскій разсказъ ничего не знаетъ.

5) Возня Марка съ сумкою и пр. кончается ²²⁾ потерей половины его прежней силы. (У Милад. Марко тутъ лишился навсегда всѣхъ своихъ силъ).

Сказанія о Святогорѣ, по своему разсказу о послѣдствіяхъ столкновенія богатыря съ *земною тягою*, дѣлятся на два разряда. Одни изъ нихъ говорятъ, что Святогоръ тутъ и „смерть принялъ“, кончился. Къ нимъ примыкаетъ и осетинскій разсказъ о смерти нарта Батраза ²³⁾. Другія же оставляютъ Святогора въ живыхъ и повѣствуютъ о дальнѣйшихъ его походахъ, особенно о его женитьбѣ. Разсматриваемые болгарскіе памятники въ этомъ пунктѣ сходятся только съ русскими сказаніями послѣдняго, втораго разряда, — Миладиновскій разсказъ и Рѣсенская пѣсня упоминаютъ о женитьбѣ Марка лишь вскользь, но въ Прилѣпской пѣснѣ она выдвинута на первый планъ и, какъ было уже замѣчено выше, составляетъ главный сюжетъ этой пѣсни, посвящающей изложенію его около трехъ-сотъ стиховъ. Содержаніе ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ таково.

Марко Королевичъ, лишившись известнымъ образомъ половины своихъ силъ, возвращается къ своей матери и пристаётъ къ ней, чтобы она объяснила ему, что случилось съ имуществомъ его отца Волкашина. Изъ данныхъ ему объясненій онъ узналъ, между прочимъ, что его матушка, по смерти Волкашина, отпустила на волю, въ поле, кобылу, на которой ѣздилъ покойникъ. Марко немедленно отправляется разыскивать отцовскую лошадь и послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, отыскалъ гдѣ-то (около соленого озера), но никакъ не могъ поймать, ибо кобыла была *витяземъ* ²⁴⁾, съ крыльями (витез кобыла). При ней, однако, оказался трехлѣтній же-

²²⁾ Этотъ пунктъ требуетъ разъясненія. Болѣе подробная вообще Рѣсенская пѣсня говоритъ, что дѣлая разныя попытки поднять сумку, Марко послѣдовательно потерялъ всѣ свои силы (сначала половину ихъ, потомъ половину остатка, затѣмъ половину новаго остатка и т. д.). Но заключительныя слова этой пѣсни ясно показываютъ, что Богъ, благословляя раскаявшагося богатыря, возвратилъ ему часть утраченныхъ силъ. Такимъ образомъ тутъ въ сущности нѣтъ разницы между Рѣсенскою пѣснею и Прилѣпскою, которая, не вдаваясь въ подробности, коротко замѣчаетъ, что возня Марка съ сумкою кончилась потерей половины его силъ.

²³⁾ Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ I, стр. 169. Сравн. и Осетинскіе этюды В. Θ. Миллера I, 10, 25.

²⁴⁾ Слово *витез* встрѣчается еще въ формѣ *витекъ*, или *витекъ* (въ Сборникахъ Дозона и Казановскаго). Послѣдняя форма образовалась или отъ сокращенія уменьшительнаго *витезекъ*, или же фонетическимъ путемъ (сравн. болгарск. *бързо* и *бърто*). По народнымъ вѣрованіямъ болгаръ, *витези* или *витеки*—дѣти змѣевъ. Они имѣютъ крылья, вырастающія у нихъ отъ купанья въ известной водѣ. Витезами могутъ быть не только люди, но и лошади. См. Халанскаго „Великорусскія былины“, стр. 169—172.

ребенокъ, котораго Марку удалось изловить. Молодой конь (шарець) очень обрадовался, узнавши въ чьи руки онъ попалъ, подружился съ своимъ хозяиномъ и сдѣлался вѣрнымъ его слугою. Засимъ Марко, по указанію матери, отправляется въ Солунь, чтобы тамъ ковать свою лошадь у того самаго кузнеца, который подковывалъ и лошадь Волкашина. Онъ пріѣхалъ къ кузнецу въ такое время, когда тотъ справлялъ двѣ свадьбы: женилъ сына и выдавалъ дочь Ангелину. Ангелина понравилась Марку, который переговоривъ съ своимъ *шарцемъ* и узнавъ, что послѣдній, хотя и некованъ, можетъ понести на себѣ двухъ сѣдоковъ, похитилъ молодую *невесту*, посадилъ ее на коня рядомъ съ собою и поскакалъ съ нею къ своему Прилѣпу. Узнавши объ этомъ, женихъ Ангелины пустился въ погоню и чуть было не догналъ похитителя, который тутъ спасся отъ неминуемой гибели, благодаря лишь одной уловкѣ, подсказанной ему конемъ. Пріѣхавъ благополучно домой съ похищенной красавицею, Марко поспѣшилъ обвѣнчаться съ нею. Свадьба продолжалась цѣлыхъ три недѣли, и по окончаніи ея всѣ гости, между которыми были короли и баны, разъѣхались по домамъ веселыми.

Женитьба Марка, какъ она описана въ Прилѣпской пѣснѣ, только одною чертою, именно упоминаніемъ о кузнецѣ, нѣсколько напоминаетъ женитьбу Святогора. Но и то обстоятельство, что въ этой пѣснѣ, какъ и въ извѣстныхъ русскихъ сказаніяхъ о Святогорѣ, женитьба главнаго дѣйствующаго лица излагается послѣ столкновенія его съ „земною тягою“ и поставлена въ связь съ этимъ приключеніемъ, мнѣ представляется небезъинтереснымъ.

Смѣю думать, что разсмотрѣнные въ настоящемъ рефератѣ памятники южно-славянской народной словесности заслуживаютъ вниманія изслѣдователей аналогичныхъ съ ними русскихъ сказаній. Памятники эти, по моему мнѣнію, тѣмъ любопытнѣе, что они записаны въ мѣстности, гдѣ славянство издавна и очень близко соприкасается съ греческимъ міромъ.

Іерусалимскій патріархъ Хрусанѣъ (1707—1731) и его отношеніе къ Россіи.

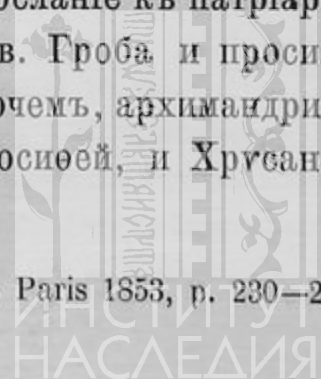
Хрусанѣа Лопарева.

Почти ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ въ сей городъ вѣзжалъ преисполненный высокихъ надеждъ святогробскій архимандритъ Хрусанѣъ Нотара, посланецъ іерусалимскаго патріарха Досиѣея, будущій преемникъ его на престолѣ св. Іакова, Брата Господня. Занимаясь біографіею Хрусанѣа и его сочиненіями, до сихъ поръ еще никѣмъ не разработанными, останавливаемся нынѣ на отношеніяхъ будущаго архипастыря къ Россіи, полагая, что какъ ни отрывочны данныя по этому вопросу, они, собранныя вмѣстѣ, не лишены значенія и интереса. Цѣль поѣздки Хрусанѣа состояла въ сборѣ пожертвованій въ пользу св. Гроба и вообще святынь Іерусалима; личность Досиѣея, уполномочившаго своего племянника ѣхать въ Россію, исключала всякіе корыстные планы. Іерусалимскіе святители болѣе, нежели другіе патріархи, должны были чувствовать весь гнетъ латинскаго вліянія, такъ какъ нигдѣ, ни въ Константинополѣ, ни въ Александріи, ни въ Антіохіи, католики не имѣли такого огромнаго значенія, не составляли такой религіозно-политической силы, какъ въ Іерусалимѣ. Вообще бѣдной матеріально патріархіи выпала на долю тяжелая историческая миссія—быть воительницею, носительницею и хранительницею идеи православія. Одинъ анонимный греческій писатель, кажется XVII в., съ горечью замѣтилъ: „пребываютъ (въ Іерусалимѣ) папѣжскіе черницы грѣхъ ради нашихъ и нищеты ради, аще бы имѣли злата, да ихъ изженули“¹⁾. Греческое духовенство всегда нуждалось въ деньгахъ, безъ которыхъ не было возможности противостоятъ католической пропагандѣ и хозяйничанью латинянъ во св. Градѣ. Такъ было и на этотъ разъ. По султанскому берату 1690 года, католики получили слишкомъ большое право въ отношеніи главнѣйшей святыни христіанскаго міра²⁾, и, опираясь на букву закона, позволили себѣ черезчуръ распоряжаться въ Іерусалимѣ. Для противодѣйствія католикамъ патр. Досиѣей созвалъ соборъ; мало того, греческое духовенство въ лицѣ архимандрита Хрусанѣа обратилось съ жалобою на своеволіе латинянъ въ Іерусалимѣ—къ Московскому правительству. Въ февралѣ 1690 года Хрусанѣъ написалъ посланіе къ патріарху Іоакиму, въ которомъ жаловался на притѣсненія католиковъ въ храмѣ св. Гроба и просилъ защиты³⁾. Неизвѣстно, какой результатъ имѣла эта просьба; едва ли, впрочемъ, архимандритъ успѣлъ разжалобить московскаго царя и владыку своею епистолиею. И Досиѣей, и Хрусанѣъ

1) Рукопись Лопарева № XI, л. 15 об.

2) С. Famin. Histoire de la rivalité et du protectorat des églises chrétiennes en Orient. Paris 1853, p. 230—231.

3) Рук. Синод. Библ. № 154, стр. 404.

видѣли необходимость лично быть въ Москвѣ и въ другихъ городахъ Россіи, чтобы живымъ словомъ побудить русскихъ къ пожертвованіямъ въ пользу св. Гроба.

Въ концѣ апрѣля 1691 года архимандритъ выѣхалъ въ Россію. Отъ Досиѳея онъ везъ рекомандательныя письма кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому и преподавателямъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, братьямъ Лихудамъ. На сколько радушно онъ былъ принятъ Ясинскимъ и гетманомъ Мазепою ¹⁾, на столько холодно и гордо—Лихудами. Положеніе Хрусанѳа дѣлалось затруднительнымъ, такъ какъ онъ лишался главной протекціи со стороны своихъ земляковъ, давнишнихъ знакомыхъ его дяди; волей-неволей приходилось ему окунуться въ дрязги тогдашней московской жизни и дажи фигурировать на судѣ въ качествѣ свидѣтеля и обвинителя, что совершенно не входило въ программу его дѣйствій и затрудняло его положеніе вслѣдствіе незнанія Хрусанѳомъ русскаго языка. Архимандритъ извѣстилъ Досиѳея о дурномъ приѣмѣ, оказанномъ ему Лихудами, и вотъ энергичный іерусалимскій патріархъ начинаетъ посылать въ Москву грозныя посланія, настаивая на удаленіи Лихудовъ изъ Академіи ²⁾. Здѣсь нѣтъ надобности слѣдить за всѣми перипетіями этого, извѣстнаго всѣмъ дѣла; скажемъ лишь только, что немаловажную роль игралъ здѣсь архимандритъ, на что до сихъ поръ не обращалось вниманія, и что въ концѣ концовъ Досиѳея, Хрусанѳа и примкнувшій на ихъ сторону московскій патріархъ Адріанъ — удалили Лихудовъ изъ Академіи. Вторая неприятная исторія вышла у архимандрита по поводу приѣзда въ Москву авантюриста-грека, андросскаго епископа Акакія или Арсенія Булгариса, который для достиженія своихъ личныхъ цѣлей вздумалъ назваться родственникомъ патріарха Досиѳея. Хрусанѳа заявилъ въ посольскій приказъ, что Арсеній—мнимый родственникъ Досиѳея, что онъ служилъ при Досиѳеевомъ братѣ Каллиствѣ, но потомъ обокралъ его и бѣжалъ съ частицею животворящаго древа въ Кипръ, Морею и Венецію. Не смотря на требованіе московскихъ властей, Арсеній отказался отдать имъ мощи и былъ заточенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Не безъ участія Лихудовъ, Булгарисъ сумѣлъ однако сначала оправдаться, былъ выпущенъ и сталъ получать архіерейское содержаніе. Когда же пришли грамоты константинопольскаго и іерусалимскаго патріарховъ, сообщавшія о незаконной хиротоніи Арсенія, послѣдній былъ наконецъ сосланъ въ Казань ³⁾. Такъ трудно поддерживался въ Москвѣ авторитетъ іерусалимскаго патріарха и его представителя—архимандрита Хрусанѳа. Впрочемъ, въ сферѣ церковнаго чина Хрусанѳа занималъ очень почетное мѣсто: послѣ архимандритовъ Троицкой Сергіевой Лавры, Владиміра Рождественскаго и Чудова монастыря, шестнадцатое мѣсто послѣ московскаго патріарха ⁴⁾. Быть можетъ, это зависѣло отъ патріарха Адріана, который былъ чуть ли не единственнымъ лицомъ, благоволившимъ святогробскому архимандриту; о московскомъ патріархѣ Хрусанѳа восторженно отзывался при свиданіи своемъ съ Досиѳеемъ въ Молдавіи.

Въ томъ же 1693 году Хрусанѳа снова появляется въ Москвѣ. На этотъ разъ онъ привезъ отъ Досиѳея 11 печатныхъ книгъ, греческихъ и греческо-латинскихъ, и одну рукопись, съ просьбою перевести и напечатать ихъ ⁵⁾. Въ то время обмѣнъ книгами было явленіемъ довольно обычнымъ: при усиленіи католической пропаганды необходимо было латино-протестантской теологіи противопоставить богословіе православное. Представители ортодоксіи въ Турціи и Россіи издають или свои собственныя апологіи и полемическіе трактаты, или печатають старыя грече-

1) Лѣтопись Самоила Величка. Кіевъ 1855, III. 99.

2) *Смирновъ*. Начало Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. М. 1855, стр. 32 и сл.; *Кантерева*. Характеръ отношеній Россіи къ Православному Востоку. М. 1885, стр. 499 и сл.; *Матченко*. Досиѳей, патр. Іерусалимскій и его время, стр. 117—118.

3) *Кантерева*, стр. 499—501.

4) *Погод*. рук. № 1958, л. 183; *Бычковъ*. Описаніе сборниковъ. I 358; рук. Лопарева № XI, л. 75.

5) *Горскій и Невоструевъ*. Описаніе рукописей Синод. Библиотеки. II. 2, стр. 486 - 489.

скія богословскія сочиненія и непремѣнно обмѣниваются изданіями, стараются, чтобы всякая книга, изданная по гречески, была переводима и по русски. Помимо общей цѣли, противодѣйствія западу, Досиѳей хотѣлъ, разумѣется, такимъ путемъ поддержать въ Москвѣ и свой авторитетъ, показать отеческую заботливость о религіозныхъ нуждахъ Россіи, а это должно было сдѣлать Московское правительство болѣе податливымъ на нужды св. Гроба. Въ Москвѣ архимандритъ Хрусанѳъ встрѣтился съ молдаво-влашскимъ грекомъ Николаемъ Гавриловичемъ Спафаріемъ Милеску, старымъ пріятелемъ и землякомъ патр. Досиѳея, и скоро сошелся съ нимъ очень близко ¹⁾. Между этими лицами было дѣйствительно много общаго: тотъ же беспокойный нравъ, та же страсть поѣздить всюду, куда только можно, та же жажда знаній, та же живость характера. Въ свое время Спафарій объѣздилъ чуть ли не весь востокъ; въ 1675 году онъ по порученію царя Алексѣя Михайловича ѣздилъ посланникомъ въ Китай, а теперь состоялъ въ Москвѣ въ должности „перваго толкователя Московскаго царства“, т. е. переводчика государственной коллегіи. Результатомъ поѣздки въ Китай были Записки Спафарія, писанныя имъ на манджурскомъ нарѣчій и вскорѣ переведенныя на русскій языкъ. Объ этихъ запискахъ много говорили и въ Москвѣ, и въ кругу лицъ патр. Досиѳея. Любопытный Іерусалимскій святи-тель очень интересовался сочиненіемъ своего пріятеля и писалъ ему, прося перевести книгу съ русскаго на греческій языкъ и послать ему; но Николай почему-то не торопился отвѣчать Досиѳею. Теперь Хрусанѳъ прибылъ въ Москву между прочимъ и за тѣмъ, чтобы выполнить желаніе своего дяди. При посредствѣ разныхъ переводчиковъ, съ большими усиліями, удалось наконецъ перевести книгу въ октябрѣ 1693 года. Но архимандритъ этимъ еще не довольство-вался; онъ часто спрашивалъ Спафарія о Китаѣ, живо интересуясь исторіею Небесной импе-ріи, а также просилъ своего земляка сообщить ему кое-какія свѣдѣнія о татарахъ, что и было исполнено имъ въ одну ночь. Съ одной стороны, распросы Хрусанѳомъ лицъ, знакомыхъ съ Китаемъ, съ другой рассказы и книга Спафарія, наконецъ, записки Байкова,—все это дало возможность архимандриту написать книгу подъ заглавіемъ: „Китай въ рабствѣ“ ²⁾.

Въ 1694 году Хрусанѳъ выѣхалъ изъ Москвы и въ маѣ мѣсяцѣ былъ въ Батуричѣ. Здѣсь онъ видѣлся снова съ гетманомъ Мазепою, и не одинъ часъ они интимно бесѣдовали между собою по вопросамъ политико-церковнымъ. Мазепа очень хотѣлъ, чтобы архимандритъ поскорѣе прибылъ въ Константинополь и сообщилъ ему о положеніи дѣлъ въ турецкой столицѣ. Узнавъ здѣсь о рѣшеніи Московскаго правительства печатать греческія и латинскія книги, Хрусанѳъ въ письмѣ къ патр. Адриану предлагалъ отъ себя справщика при печатаніи книгъ, который могъ бы быть вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ на мѣсто Лихудовъ; онъ также указывалъ на преподавателей Николая Семенова Головина и Ѳедора Поликарпова, которые могли бы временно преподавать философію ³⁾; дѣйствительно, позже оба эти лица были преподавателями въ Академіи. Знакомство и общеніе между Головинымъ и Хрусанѳомъ продолжалось и послѣ: Николай посылалъ иногда книги въ Царьградъ къ архимандриту, спѣша подѣлиться съ нимъ всякимъ важнымъ сочиненіемъ полемическаго характера. ⁴⁾ Въ началѣ іюня 1694 года Хрусанѳъ былъ въ Черниговѣ. Онъ привезъ архіепископу углицкому Ѳеодосію въ даръ отъ Досиѳея *Jus graeco-romanum*, Леунклавія и сдѣлалъ на книгѣ собственноручную надпись. Изъ архіерейскаго казначейства, по распоряженію Ѳеодосія, онъ получилъ 100 червонцевъ въ пользу Св. Гроба, о чемъ свидѣтельствуетъ также собственноручная росписка его, написанная на той же книгѣ, храня-

¹⁾ *Picot*. Notice biographique... sur Nicolas Spathar: *Mélanges Orientaux* 1883, сент., 433 sq.; рецензія *П. Сырку*: *Ж. М. Н.* Пр. 1885, іюнь.

²⁾ *Legrand*. *Bibl. grecque vulgaire*. III. 337—441.

³⁾ *Смирновъ*, стр. 86.

⁴⁾ *Христ.* Чтен. 1881, мартъ—апрѣль.

шейся въ бібліотекѣ Черниговской семинаріи ¹⁾). Быть можетъ, здѣсь же онъ получилъ отъ патр. Адріана вновь отпечатанное Евангеліе большой печати для передачи его патр. Досиѳею ²⁾). Въ 1695 году Хрусанѳъ выѣхалъ въ Молдавовлахію, почему мы и не слѣдимъ уже за нимъ. Упомянемъ только, что онъ письмомъ поздравлялъ гетмана Мазепу съ наступленіемъ новаго 1696 года, радовался его хорошему управленію русскою Рѣчью Посполитою и сообщалъ, что онъ въ самомъ скоромъ времени выѣдетъ въ Константинополь и тогда сообщитъ гетману о всѣхъ происшествіяхъ въ Стамбулѣ; при этомъ слуга долженъ былъ передать Мазепѣ всѣ новости устно. Безъ сомнѣнія, онѣ были такого характера, что будучи написанными и открытыми могли компрометировать и Хрусанѳа и Досиѳея и, быть можетъ, Мазепу, и еще болѣе обострить отношенія между Россіею и Турціею. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ Валахію и патр. Досиѳей, привезшій тревожныя вѣсти: извѣстный уже Акакій Булгарисъ, не безъ участія Лихудовъ, сдѣлалъ доносъ французскому резиденту въ Константинополь, будто бы Хрусанѳъ ѣздилъ въ Москву для возбужденія царя къ войнѣ съ Турціею ³⁾; вслѣдствіе чего султанъ вооружился противъ Досиѳея, а противъ Хрусанѳа былъ, кажется, составленъ заговоръ. Архимандритъ счелъ нужнымъ извѣстить обо всемъ этомъ патр. Адріана. Очувившись въ такомъ положеніи, онъ не нашелъ инаго выхода, какъ на время уѣхать за-границу. Онъ отправился въ Венецію и затѣмъ въ Падую, гдѣ продолжалъ свое образованіе, полученное имъ прежде въ Константинопольской школѣ. Мы не будемъ говорить объ ученой дѣятельности Хрусанѳа въ Италіи, не будемъ заглядывать въ Падуанскій университетъ (или гимназію), гдѣ онъ слушалъ лекціи знаменитаго канониста Николая Комнина Пападопуло; замѣтимъ только, что здѣсь онъ началъ писать изслѣдованіе объ обязанностяхъ начальства церкви и о пяти патриархатахъ, считая въ томъ числѣ и патриархатъ Московскій. Не довольствуясь Падуею, онъ въ 1700 году явился въ Парижъ; здѣсь въ университетѣ онъ слушалъ лекціи знаменитаго тогда астронома Кассини и близко познакомился съ не менѣе знаменитымъ доминиканцемъ Ле-Къеномъ, который позже обильно воспользовался указаннымъ изслѣдованіемъ Хрусанѳа въ своемъ „Христіанскомъ Востока“. Кромѣ того, архимандритъ часто бесѣдовалъ съ французскими теологами и любилъ разсуждать по вопросу о главенствѣ папы. Самъ отрицая примать вполнѣ, Хрусанѳъ къ удовольствію своему выслушивалъ признанія богослововъ, что и по ихъ мнѣнію притязанія римскаго епископа ошибочны, и не разъ бесѣдовалъ съ дофиномъ, „Сорбонскимъ богословомъ“. Изъ Франціи ученый архимандритъ черезъ Людовикомъ, будущимъ королемъ Людовикомъ XV. Германію и Венгрію вернулся въ Молдавовлахію.

Въ 1701 году Хрусанѳъ снова появляется въ Москвѣ; объ этомъ второмъ, или если угодно, третьемъ посѣщеніи имъ Россіи имѣется мало свѣдѣній. Архимандритъ подалъ царю Петру письмо отъ патр. Досиѳея, въ которомъ послѣдній, узнавъ о намѣреніи царя учредить въ Азовѣ митрополию, настаивалъ, чтобы въ городахъ, подвѣдомственныхъ Азову, были учреждены епископіи. Петръ далъ утвердительный отвѣтъ ⁴⁾; впрочемъ, дѣло далѣе согласія не пошло. Хрусанѳъ привезъ въ Москву и на этотъ разъ много греческихъ книгъ и рукописей; изъ послѣднихъ многія подарены имъ въ типографскую бібліотеку и находятся нынѣ въ Синодальной бібліотекѣ, съ собственноручными его записями ⁵⁾. Въ Москвѣ архимандритъ пробылъ на этотъ разъ не долго и на возвратномъ пути заѣхалъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ снова увидѣлся съ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ и сохранилъ о немъ пріятное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ

¹⁾ *Копьевъ*. Надпись на книгѣ: Черниг. епарх. вѣдом. 1867, приб., 224—8.

²⁾ Лѣт. Сам. Велички, III, 244—246.

³⁾ *Смирновъ*, стр. 88.

⁴⁾ *Кантеревъ*, стр. 42 въ приложеніи.

⁵⁾ *Matthaei*. Accurata codd. mss. gr. bibl. Mosq. notitia. Lipsiae 1805 p. 228 sq.

благочестивомъ, знатокъ св. писанія, обожаемомъ своею паствою ¹⁾. Въ его библиотекѣ онъ видѣлъ сочиненія Паисія Лигарида, написанныя въ строго - православномъ направленіи, а также латинскую рукопись полемическаго содержания, въ которой были подробно изложены церковныя разности между Восточною и Западною церквами. Хрусанеъ внимательно прочиталъ рукопись и вынесъ о ней самый восторженный отзывъ. То былъ „Трактатъ объ исхожденіи св. Духа“ Адама Черникава. Покинувъ Кіевъ, архимандритъ вмѣстѣ съ Ясинскимъ отправился въ Константинополь, причемъ взялъ съ собою и сочиненіе Черникава, которое онъ позже переслалъ для разсмотрѣнія въ Оксфордскую Академію и хотѣлъ во что бы то ни стало его напечатать ²⁾.

Въ 1702 году архимандритъ Хрусанеъ былъ рукоположенъ въ Іерусалимѣ патр. Досиееемъ въ митрополита Кесаріи Палестинской, а въ 1707 году, по смерти Досиеея, онъ избранъ на Константинопольскомъ соборѣ въ патриархи св. Града. Въ концѣ того же года новый патриархъ получилъ, вѣроятно, поздравительное письмо отъ Теофана Прокоповича, съ которымъ онъ, конечно, былъ знакомъ въ Россіи.

Мы уже указали, что архимандритъ Хрусанеъ помимо цѣлей церковныхъ не былъ чуждъ и политическихъ интересовъ и страстей: его интимныя бесѣды съ гетманомъ Мазепою, обмѣны между ними мыслями, которыхъ боялись изложить на бумагѣ—достаточно говорятъ о какихъ-то тайнахъ, несомнѣнно политическаго характера. Если подозрѣніе въ подстрекательствѣ Хрусанеомъ Петра I противъ Турціи и считать недостаточно основательнымъ, то факты, свидѣтельствующіе объ участіи архимандрита въ интригахъ, все же остаются. И по вступленіи своемъ на патриаршій престолъ Хрусанеъ не измѣнился въ своихъ взглядахъ на политическія отношенія къ разнымъ странамъ: попрежнему онъ заискивалъ у Порты, попрежнему не сочувствовалъ политикѣ Петра I, попрежнему интересовался дѣйствіями Карла XII и попрежнему горячо относился къ Турецкой Украинѣ. Какъ была принята патриархомъ вѣсть объ измѣнѣ Мазепы, о пораженіи Карла подъ Полтавою, наконецъ, о смерти Мазепы, къ сожалѣнію, неизвѣстно, ибо корреспонденція Хрусанеа хранится запечатанною въ Іерусалимѣ и Константинополѣ. Но мы не ошибемся, если скажемъ, что успѣхи русскаго оружія не расположили къ себѣ іерусалимскаго патриарха, и Хрусанеъ попрежнему интересовался запорожскими казаками,—тою ихъ частью, которая, по волѣ шведскаго короля, признала гетманомъ бывшаго ранѣе генеральнымъ писаремъ Филиппа Орлика. Извѣстна политика этого ставленника: онъ хотѣлъ подчинить кievскую митрополию константинопольскому патриархату, заключить союзъ съ крымскимъ ханомъ, и вообще мечталъ объ автономности Сѣчи. Среди массы его писемъ къ Карлу XII, къ хану, къ визирю, къ казацкимъ полковникамъ, гетману Скоропадскому, молдавскому господарю ³⁾, существуетъ три его письма и къ патриарху іерусалимскому отъ 1710, 1711 и 1725 годовъ. Хотя эти письма и не изданы, но мы, судя по напечатаннымъ письмамъ его къ другимъ лицамъ, можемъ предполагать, что Орликъ просилъ Хрусанеа похлопотать передъ великимъ визиремъ объ упроченіи его положенія. Но этого мало: есть основаніе предполагать, что между Орликомъ и Хрусанеомъ шла переписка о болѣе существенномъ дѣлѣ. Русскій посланникъ въ Константинополь писалъ, чтобы русское правительство не довѣряло іерусалимскому патриарху, такъ какъ онъ пріятель турокъ и *уже былъ назначенъ казацкимъ патриархомъ* ⁴⁾. Словамъ нашего посла нельзя не вѣрить: въ Константинополѣ, этомъ центрѣ или узлѣ, соединявшемъ тогдашнія политическія интриги, было, разумѣется, извѣстно о соглашеніяхъ между Орликомъ и Хрусанеомъ, а это обстоятельство не могло остаться незамѣченнымъ для такихъ проницательныхъ дипло-

¹⁾ *Ιστορία τῶν ἐν ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων*, соч. Досиеея, стр. 1181 въ прим. къ XI книгѣ.

²⁾ *Χρυσάνθου ἱστορία καὶ περιγραφή*, изд. Паламы, въ предисловіи.

³⁾ Переписка Орлика и пр.: Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, № 1; письма гр. Г. Головкина къ гетману Скоропадскому, тамъ же.

⁴⁾ *Соловьевъ*. Ист. Россіи, XVI, 114.

матовъ, какими были русскіе посланники въ Стамбулѣ. Іерусалимскій патріархъ былъ почти ежегодно въ Константинополѣ; сюда же собирался пріѣхать и Орликъ (пока неизвѣстно только, былъ ли онъ здѣсь): поэтому есть возможность предполагать, что гетманъ и патріархъ видѣлись между собою, если не въ Стамбулѣ, то въ Молдавлахіи; да и вообще было бы невѣроятно, если бы оба лица переписывались между собою, будучи незнакомыми другъ съ другомъ. Въ одно изъ свиданій ихъ и произошла, какъ слѣдуетъ полагать, сдѣлка, пока еще недостаточно ясная. Чѣмъ могъ служить Хрусаню Орлику, и наоборотъ? каковъ былъ характеръ соглашенія между обоими лицами? не основывалось ли это соглашеніе на почвѣ турецкихъ, крымскихъ и молдавлавлашскихъ интересовъ?—Отвѣтить на всѣ эти вопросы пока нѣтъ возможности, но несомнѣнно, что въ будущемъ, съ опубликованіемъ корреспонденціи іерусалимскаго патріарха, этотъ чрезвычайно важный вопросъ въ русской исторіи церковно - государственной будетъ выясненъ исследователями. Остается же и въ настоящее время несомнѣннымъ тотъ фактъ, что во время Прутскаго похода Петра I балканская лига была очень значительна, состоя изъ Турціи, Крыма, Молдавовлахіи, запорожцевъ, Карла XII и іерусалимскаго патріарха Хрусанюа. Среди этой лиги господствовало крайнее раздраженіе и ненависть ко всему русскому, о чемъ не преминули замѣтить русскіе посланники въ Константинополѣ. Не легко было Петру на Балканскомъ полуостровѣ. Переходъ на его сторону одного изъ членовъ лиги нѣсколько ободрилъ царя и вселилъ робость въ правительственныхъ сферахъ Стамбула. Султанъ, желая остановить походъ русскихъ, готовъ былъ заключить миръ; онъ потребовалъ, чтобы Хрусаню убѣдилъ воеводу Бранкована заключить миръ съ Петромъ; Бранкованъ дѣйствительно завелъ было съ нимъ переговоры, но царь, къ сожалѣнію, и слышать не хотѣлъ объ этомъ...¹⁾

Прошло два года; между Турціею и Россіею былъ заключенъ миръ; политическія страсти успокоились; успокоился, повидимому, и іерусалимскій патріархъ, по крайней мѣрѣ уже не слышно о его непріязни къ Россіи. Какъ политическій врагъ нашъ, онъ уходитъ со сцены и является вскорѣ человѣкомъ, расположеннымъ ко всему русскому. Въ 1715 году является въ печати его замѣчательное изслѣдованіе о пяти патріархатахъ, считая въ томъ числѣ патріархатъ Московскій, которому предпослано разсужденіе о началѣ и распространеніи христіанства въ Россіи. Книга эта у насъ едва извѣстная и ненаходимая; вотъ что говоритъ о ней французскій богословъ Ле-Бренъ: „этотъ знаменитый авторъ способенъ къ точному изложенію всего церковнаго строя Московіи, которую онъ считаетъ церковью очень православною“²⁾. Въ томъ же году появилась книга Досиоа „Исторія іерусалимскихъ патріарховъ“, редактированная Хрусанюомъ; одинъ изъ экземпляровъ изданія Хрусанюа отправилъ въ даръ Стефану Яворскому въ доказательство своего дружелюбія къ нему³⁾. Въ 1721 году гостепріимно былъ принятъ имъ въ Іерусалимѣ нашъ путешественникъ Матвѣй Гавриловичъ Нечаевъ. „Азъ же къ нему лѣстницею вверхъ взыдохъ, пишетъ паломникъ, онъ же изыде изъ палатъ; и поклонихся ему до земли и благословенія отъ него сподобихся; онъ же мя вопросы: „апууасе“? сирѣчь „откуда ты и коея страны“?, понеже онъ по-русски не знаеше говорити. Азъ же ему отвѣщевахъ сице: „азъ многогрѣшный отъ великія Россіи, Московскаго государства, Ярославля града, епархія ростовскія и ярославскія; пастыря духовнаго имама нынѣ Георгія, преосвященнаго епископа ростовскаго и ярославскаго“. Иже со мною товарищъ мой Петръ по-гречески сице ему отповѣда. Онъ же благослови и отпусти, повелѣ насъ покоити“⁴⁾.

Событія русской церковной жизни 1721 и слѣдующихъ годовъ не могли не остановить на

1) Соловьевъ, XVI, 88.

2) Journal des Sçavans, 1726, p. 572.

3) Матченко, стр. 6, 103.

4) Путешествіе Нечаева, изд. Барсова. Варшава. 1875, стр. 24, 30.

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

себѣ вниманія іерусалимскаго патріарха, равно какъ и другихъ предстоятелей восточныхъ церквей. По волѣ Петра, вмѣсто патріаршества въ Россіи учрежденъ былъ въ это время Сѣнодъ, о которомъ разсуждали греческіе патріархи еще на константинопольскомъ соборѣ 1722 года. На этомъ соборѣ было пересмотрѣно, между прочимъ, „Исповѣданіе православной вѣры“, небольшая книжка въ отвѣтъ на запросы со стороны великобританскихъ теологовъ, напечатанная въ Парижѣ въ 1675 году ¹⁾. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1723 года эта рукописная книга за подписью Іереміи константинопольскаго, Аѳанасія антиохійскаго, Хрусанеа іерусалимскаго (александрійскій патріархъ Самуиль тогда умеръ, а новаго патріарха еще не выбрали) и многихъ митрополитовъ Востока, была отправлена въ петербургскій Сѣнодъ (гдѣ она была получена въ декабрѣ мѣсяцѣ) для передачи въ Англию. Патріархи въ особомъ посланіи въ Сѣнодъ совѣтовали не входить въ самостоятельные переговоры съ Великобританіею по дѣламъ вѣры, а держиваться и ссылаться лишь на то „Исповѣданіе“, которое ими редактировано. 23-го числа сентября мѣсяца Іеремія и Аѳанасій подписали утвердительныя грамоты, которыми російскій Сѣнодъ получалъ канонически законное мѣсто въ церковной іерархіи; отъ іерусалимскаго патріарха Хрусанеа такой грамоты не послѣдовало, но лишь потому, что онъ въ Константинополѣ серьезно захворалъ и лежалъ въ это время въ постели. Въ томъ же, какъ кажется, году Хрусанеъ послалъ въ Оксфордскую Академію, черезъ знакомаго англійскаго посла въ Стамбулѣ, Антонія Суттенъ, рукописный трактатъ „Объ исхожденіи Святаго Духа“ Адама Черникава, для разбора и отзыва объ этомъ, такъ заинтересовавшемъ его, сочиненіи. Въ длинномъ письмѣ Хрусанеъ первый собралъ свѣдѣнія о личности Черникава, о его пребываніи и занятіяхъ его въ Россіи; свѣдѣнія его очень любопытны и остается только пожалѣть, что до сихъ поръ ими никто не воспользовался.

Въ слѣдующемъ году Хрусанеъ послалъ экземпляръ своего только что напечатаннаго труда „Ученіе о покаяніи“ въ подарокъ государственному канцлеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину; въ Петербургѣ книга эта была переведена Григорьевымъ по порученію архієпископа ростовскаго и ярославскаго Гавріила ²⁾. Черезъ годъ сердечно былъ встрѣченъ Хрусанеомъ другой нашъ паломникъ; свиданіе происходило 4 августа 1725 года на островѣ Хіо. Къ іерусалимскому патріарху явился убогій странникъ, дабы получить отъ него благословеніе и попросить совѣта относительно своей дальнѣйшей поѣздки. Это былъ инокъ Кієво-Печерской лавры Василій Барскій, знаменитый странствователь по Востоку. Узнавъ, что въ богатомъ городѣ Хіо пребываетъ іерусалимскій патріархъ для сбора милостыни, Барскій не мало удивился „толь великому его смиренію, яко самъ труждается, бивши толь великая персона“. Хрусанеъ обратился къ нему черезъ толмача съ вопросомъ, можетъ ли онъ говорить съ нимъ на какомъ либо другомъ языкѣ, кромѣ русскаго. Барскій отвѣтилъ: по-латыни могу говорить, — и вотъ въ хіосской метохіи св. Гроба раздалась непривычная для слуха жителей рѣчь святоградскаго патріарха и русскаго инока. Хрусанеъ много разспрашивалъ Барскаго о томъ, гдѣ онъ былъ и куда теперь намѣренъ ѣхать. Василій отвѣтилъ ему на это, что теперь путь ему лежитъ въ Іерусалимъ, но что онъ не знаетъ, сколько нужно уплатить тамъ пошлины за поклоненіе святынямъ. Патріархъ замѣтилъ, что для этого нужно по крайней мѣрѣ 100 левовъ; эти слова смутили собесѣдника такъ какъ у него не было и трети такой суммы, и заставили его измѣнить направленіе пути. Здѣсь Барскій нарисовалъ портретъ Хрусанеа и тѣмъ сохранилъ для потомства дорогія черты святоградскаго святителя. Правда, существуетъ еще одинъ портретъ его, но онъ появился тогда, когда Хрусанеъ не былъ еще патріархомъ. На прощаніи онъ получилъ отъ Хрусанеа „нѣчто милостыни отъ денегъ и подарункы іерусалимскіе отъ гроба Христова“. Въ виду того,

¹⁾ По греч. и русски издано въ „Полномъ собраніи постановленій и распоряженій по вѣдомству православнонаго исповѣданія Россійской имперіи. Спб. 1875, III, 165—194.

²⁾ Петровъ, 322.

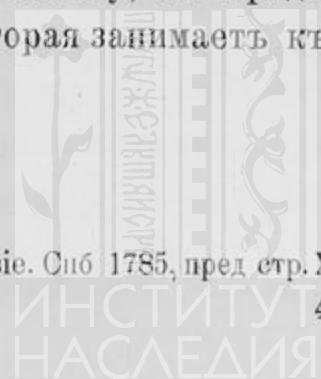
что, съ одной стороны, Барскій болѣе уже не видѣлъ Хрвсанѳа, и что, съ другой стороны, онъ получилъ отъ патріарха разрѣшительную грамоту, слѣдуетъ полагать, что Хрвсанѳъ возилъ съ собою печатные бланки этой грамоты на разныхъ языкахъ; и на просьбу паломника онъ написалъ на славянской грамотѣ только имя „Василія Росіянина“ и подписался по-гречески: „Хрвсанѳъ Божією милостію патріархъ святого Божія града Іерусалима и всея Палестины“. Эта прощальная грамота, согласно волѣ путешественника, была положена и въ его могилу (въ 1747 году)¹⁾. Встрѣча іерусалимскаго патріарха съ русскимъ путешественникомъ произвела на него, кажется, впечатлѣніе и заставила Хрвсанѳа еще разъ мысленно обратиться къ Россіи. Подарокъ, сдѣланный патріархомъ императору Петру II, стоитъ, по нашему мнѣнію, въ связи съ рассказами благочестиваго Барскаго. Въ то время святоградскій патріархъ оканчивалъ новое свое историко-географическое изслѣдованіе о Іерусалимѣ и Палестинѣ, и, быть можетъ, тогда жѣ пришло ему на мысль послать экземпляръ его въ Россію. Въ 1728 году изъ венеціанской типографіи Бортоли появилась Хрвсанѳова *Ἱστορία καὶ περιγραφή τῆς πόλεως Ἱεροσολίμου*. Къ сожалѣнію, неизвѣстно точно, въ какое именно время года авторъ получилъ печатные экземпляры. Въ томъ же году Хрвсанѳъ былъ въ Ясахъ, откуда онъ препроводилъ „Исторію“ въ рукописи въ даръ императору Петру II; на одномъ изъ листовъ манускрипта собственноручно сдѣлана имъ помѣтка по-гречески: *Ἀπὸ Γιάσιον ἀρχὴν αὐγούστου θη*. Въ посвященіи императору патріархъ разсуждаетъ о своей любимой темѣ — о превосходствѣ Іерусалима и Палестины; не безъ лести, но въ духѣ того времени, распространяется о героическихъ подвигахъ и побѣдахъ Петра II и его министровъ, еще болѣе превозноситъ его царственного дѣда, „хвала и слава котораго останется вѣчно цвѣтущею въ этомъ земномъ мірѣ, до его конца, а въ будущемъ вѣчно прославится въ царствѣ великаго Царя святого Бога съ прочими великими православными самодержцами“; въ заключеніи выражаетъ желаніе, чтобы эта книга была переведена на „преславный россійскій діалектъ“; говоритъ о нуждахъ святого Гроба и проситъ оказать помощь іерусалимской святыни и вообще всей восточной церкви. Манускриптъ достигъ по назначенію и хранится нынѣ въ Императорской Публичной библиотекѣ. Дѣйствительно, рукопись въ Петербургѣ была переведена Иваномъ Григорьевымъ и этотъ переводный подлинникъ хранится въ той же библиотекѣ. Съ собственноручной рукописи Григорьева сдѣланъ былъ списокъ, который хранится въ древлехранилищѣ графа А. С. Уварова и по которому переводъ „Исторіи“ напечатанъ въ Памятникахъ Древней Письменности (тогда еще не было извѣстно о подлинникѣ Григорьева). Переводъ, какъ и всѣ старинные переводы, букваленъ, часто теменъ, иногда бессмысленъ. По сличеніи кодекса съ печатнымъ изданіемъ мы замѣчаемъ довольно интересныя отличія въ обоихъ греческихъ текстахъ. Въ изданіи впереди находится предисловіе К. Гордата, въ cod. взамѣнъ этого — посвященіе императору; въ изданіи довольно много говорится о сотрудникахъ при возобновленіи храма и дѣлается горькая замѣтка о безучастности грековъ въ этомъ дѣлѣ, съ cod. все это опущено; въ самомъ концѣ codex'a прибавлено нѣсколько строкъ, не находящихся въ изданіи; встрѣчаются въ текстахъ такія различія, какъ *Κοβιῆς ὁ μοναχός* (изд.), *Θεόφιλος ὁ αὐτοκράτωρ* (cod.) или *Ζαχαρίας* (изд.), *Ἠλίας* (cod.).

Здѣсь, разумѣется, не мѣсто изслѣдовать трудный вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ греческихъ текстовъ; да онъ и представляетъ интересъ, главнымъ образомъ, въ „новоэллинской филологіи“.

Вотъ и все, что я имѣлъ и могъ сказать объ отношеніяхъ Хрвсанѳа къ Россіи. Разумѣется, личность іерусалимскаго патріарха здѣсь не ясно обрисована, но именно потому, что предметомъ своего сообщенія мы выбрали лишь одну сторону жизни святителя, которая занимаетъ къ тому же второстепенное мѣсто въ общей характеристикѣ патріарха.

¹⁾ Странствованія Барскаго. Спб. 1887, I. 208—209, 211; пѣшехода Барскаго путешествіе. Спб. 1785, предъ стр. XI и XII.

Новый видъ „Пренія Живота и Смерти“.

С. J. Долгова.

Борьба между жизнью и смертью и торжество смерти въ земной жизни есть могущественный двигатель человѣческой мысли и воображенія. Все живое въ отдѣльныхъ особяхъ рано или поздно гибнетъ, уничтожается, стало быть смерть могущественнѣе жизни; но на мѣсто стараго, отжившаго является новое, молодое, полное жизни — стало быть жизнь вѣчна. Эта вѣчная загадка, вѣчный вопросъ человѣчества не могъ, конечно, не отразиться въ литературѣ, этомъ зеркалѣ временъ и народовъ. Великіе мыслители и поэты такъ или иначе подходили къ этому вопросу, давали ему то или другое рѣшеніе, сообразно которому создавались религіозные культы и философскія системы, которые, какъ и все земное, испытывали на себѣ судьбу этого вѣчнаго вопроса человѣчества.

Память о смерти потому-то и играетъ такую большую роль въ аскетической литературѣ, что за ней блещетъ лучъ вѣчной жизни. Въ нашей старинной литературѣ, въ большинствѣ случаевъ бывшей въ рукахъ монаховъ, изъ числа произведеній свѣтскихъ весьма часто мы встрѣчаемъ „Преніе Живота со Смертью“, такъ какъ оно подходило къ одной задачѣ аскетизма, наглядно изображало это *memento mori*. Будучи первоначально переводнымъ памятникомъ „Преніе“ это весьма скоро перешло въ сознаніе массы народной и въ новыхъ формахъ оживало тамъ, и до сихъ поръ живетъ въ народной фантазіи и литературѣ.

Въ извѣстномъ сочиненіи Жданова „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“ Преніе живота со смертью и его измѣненія въ русской книжной и народной словесности весьма подробно и обстоятельно разобраны. Не касаясь уже извѣстнаго, я хочу предложить вашему вниманію новую форму этого пренія изъ нашей литературы XVI вѣка, неизвѣстную еще доселѣ. Это памятникъ переводный, перешедшій къ намъ изъ западной Европы чрезъ посредство Польши. Мнѣ встрѣтился онъ въ одномъ сборникѣ конца XVI вѣка, находящемся въ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи, изъ числа рукописей Іосифо-Волоколамскаго монастыря ¹⁾. По содержанію это прикладъ, т. е. душеполезная повѣсть, но изложенный виршами, подобными тѣмъ, которыми излагаются нѣкоторые образцы Пренія Живота и Смерти. Подъ перомъ русскаго книжника-монаха этотъ прикладъ нѣсколько измѣнился: частію нарушенъ виршевой размѣръ, кое-что добавлено по памяти изъ общеупотребительныхъ фразъ и оборотовъ, частію

¹⁾ по опис. іером. Іосифа № 186 (573), л. 48—53.

выброшены эпизоды, не идущіе къ цѣли душевной пользы. Но въ общемъ памятникъ, благодаря тому, что писецъ былъ малоопытенъ въ искусствѣ обезличивать оригинальныя произведенія, сохранился довольно хорошо. Называется онъ—„Сказаніемъ о смерти нѣкоего мистра великаго, сирѣчь философа“.

Сказаніе начинается обращеніемъ благочестиваго повѣствователя къ Божіей помощи:

„Милостивый Боже, помози ми, да быхъ могъ изложить достовѣрнѣ къ Твоей хвалѣ и чловѣкомъ на пользу! Все людіе послушайте, лютость смерти познайте, якоже старіи, тако и юніи... Прикладъ о томъ хочу вамъ повѣдати, послушайте, аще хотите увѣдати!“

Это обращеніе, равно какъ и слѣдующій за нимъ рассказъ составляютъ введеніе или *прологъ* къ діалогу мистра Поликарпа и Смерти. „Поликарпъ нѣкто нарицаемъ, мудрецъ и мистръ избранный, молилъ о томъ Бога много и собралъ многихъ людей *въ церковь*, дабы видѣлъ смерть въ ея поставѣ“.

Обращаю ваше вниманіе на то, что Поликарпъ собираетъ людей *въ церковь*: это дастъ намъ потомъ нѣкоторое указаніе. Слово *мистръ* русскій переписчикъ объясняетъ въ заглавіи, какъ мы видѣли, словомъ *философъ*, но также и словомъ *лѣкаръ*.

Вотъ, когда Поликарпъ молился Богу, а люди стояли въ церкви, ему предстала Смерть въ такомъ видѣ: „онъ узрѣлъ чловѣка нага, образомъ вельми шкаредна, худа, блѣда, желтолица; тѣло ся на ней сморщило, перевязала главу рубищемъ, кривоуста; мечеть очима, закалающе грозно, косу въ руцѣ имѣя, выпяла свои кости“. Обращаю ваше вниманіе на это изображеніе Смерти: по словамъ Вакернагеля, болѣе древнія изображенія Смерти въ „Пляскѣ Мертвыхъ“ рисуютъ ее въ такомъ именно видѣ, т. е. еще облеченной плотію, а не въ видѣ скелета, въ такомъ видѣ является она и въ житіи Василя Новаго. Мистръ, увидѣвъ Смерть, „скоро ся ужаснулъ, палъ въ знакъ (т. е. навзничъ) и разразился“, что русскій переписчикъ объясняетъ выноской—затрепеталь.

Смерть иронически ему промолвила: „чему ся такъ скоро ужасаешь, а весь еси здравъ? Ты молилъ Бога, чтобы Онъ тебѣ меня показалъ — „и се азъ предъ тобою стою: высмотри поставѣ мой (т. е. мой наружный видъ—польск.: *postawa*). Всякому ся тако указати имамъ, егда кого живота избавляю. Не устрашайся мене ты нынѣ!“ Успокоивъ мистра относительно своего настоящаго появленія, Смерть такъ рисуетъ свой обычный приходъ къ чловѣку: „Коли придутъ любиміи къ тебѣ, тогда скоро отчаеши себѣ и очи свои насторону испромечешь, даже ис тѣла потъ выскочить“.

Затѣмъ любопытная подробность, не встрѣчающаяся въ Преніяхъ, но знакомая намъ по другимъ памятникамъ, описывающимъ явленіе Смерти: Смерть сообщаетъ, что она приноситъ умирающему „*меду гарнокъ*“: „коли принесу меду гарнокъ, имаши пити неволею; пріимѣши великия муки и возопіешь въ великой нужи!“

Такъ въ житіи Василя Новаго Смерть даетъ пить изъ чаши умирающей Θεодорѣ; въ комедіи о богатомъ Лазарѣ „Смерть наливаетъ въ чашу ликующаго пиролюбца смертоносный ядъ, и онъ въ жестокихъ мукахъ умираетъ“. (Смирновъ. Истр. Моск. Дух. Акад., 191) и мн. др.

Возвратимся къ прерванному рассказу. Смерть продолжаетъ: „Встани мистре, устрашился еси небоже, знатіе тебѣ хитрости твоя не поможетъ: уже отдохни себѣ и глаголи со мною: не бойся нынѣ моя казни, не дамъ ти чести *епистоли*“. Вотъ новая подробность явленія Смерти: въ „Повѣсти о Животѣ и Смерти“ наоборотъ говорится: „смерть вамъ грамоты не пошлетъ“.

Рассказъ далѣе ведется въ формѣ діалога между мистромъ и Смертью и порой принимаетъ шуточный характеръ:

Мистръ промолвилъ: вельми ужасно устрашился еси: даже ничтоже не помню. И тако ми нынѣ не мѣла: аще бы что промолвила, изорвалася бы во мнѣ каждая жила, и напрасно бы мя

уморила! Молю ти ся, поотступи мало, понеже не вѣмъ, что ми ся стало: весь поблѣдѣлъ есмь, погубило ми ся здравіе и надежа! Рачи поотложити косу, и язъ ти свою косу поднесу.

Смерть рекла: Дарма, мистре, твои глаголы, того язъ учинити не готова: держу косу мою наострену, сѣку докторы и мистры и всегда готову ношу. Востани ко мнѣ: можеша ми вѣрить, не хочу ся нынѣ извѣрить.

Мистръ: всталъ мистръ, едва живъ, держася за ногу, преклонился.

Подобныя описанія дѣйствій разговаривающихъ лицъ намекаютъ на то, что это разыгрывалось.

Мистръ спрашиваетъ: „Милая Смерть, откуда ся еси взяла, давно ли ся еси народила, да быхъ вѣдалъ достовѣрно, гдѣ твой отецъ или мати?“

Смерть такъ объясняетъ свое появленіе на землѣ:

Богъ сотворилъ Адама безсмертнымъ и сотворилъ ему жену Евву отъ кости, Адамови въ радость. Далъ Богъ человѣку власть надъ всѣмъ на землѣ и поручилъ ему райскій садъ; только запретилъ вкушать плоды одного древа. Но злой духъ „Евву израдиль, коли ей овощъ укусити повелѣлъ... Въ томъ часѣ азъ началась, говоритъ Смерть, коли Евва яблоко укусила и Адамови дала, а я въ томъ яблокѣ была! Адамъ мнѣ въ яблока укусилъ, про то умрѣти мусиль. И о томъ Бога вскорѣ разгнѣвилъ, и весь родъ свой погубилъ!“

Вотъ, стало-быть, откуда взялася Смерть.

Мистръ, какъ видно изъ послѣдующаго, уже оправился отъ страха, внушеннаго ему Смертью; онъ продолжаетъ допрашивать Смерть и даже позволяетъ себѣ отпустить шутку по ея адресу. Такъ онъ спрашиваетъ: „Милая смерти, изъяви ми, про что хочеша всѣхъ людей мучити?“ Послѣ этого вопроса въ рукописи оставлено 6 незаписанныхъ строкъ; въ польскомъ стихотвореніи, съ котораго переведено наше сказаніе, непереуведенное мѣсто занимаетъ тоже 6 стиховъ, которые оканчиваются такимъ двустушіемъ:

„dalbych dobry golacz wpyecz,
bych mogl przeth thobv vczyecz“.

Благочестивый русскій переводчикъ, искавшій „пользы душевныя“, не рѣшился занести этихъ строкъ на листы своего сборника. Смерть на это отвѣчала: „Блуди себе, раздражнишь мя! Всихъ въ животѣ преклоняю. Хочеша ли вѣдѣти, достовѣрно повѣмъ ти: Творецъ всея твари Адамово племя предалъ ми, и въ такой власти, да быхъ морила въ дни и ноци. И азъ уморяю и на восходѣ, и на полудни. А то дѣло умѣю добръ: и никтоже отъ мене убѣгаетъ. То мое великое веселіе, когда имамъ морити живыхъ: морю все людское племя: морю мудрыя, избавляю живота всѣхъ, любо стараго, любо малаго. Всякаго моя коса косить: и убогихъ и богатыхъ, и старцы, и воеводы, и княжата. Всѣхъ беретъ къ себѣ! Азъ и съ короля венець соиму, и за власы подъ косу преклоню: каждый предъ моею косою скачетъ. Азъ убила Гальяда и Анну и Каяфу, азъ Іюду обесила и дву разбойниковъ на крестѣ избила, а въ единомъ была Божія сила... Имамъ власть надъ людьми добрыми и надъ злыми. Хочеша ли еще возъявлю тебѣ, и собирай на мысль себѣ! Еще повѣмъ ти о своей косѣ, хочеша ли испытати, яко остра, но заплачетъ надъ тобою братъ и сестра... Въ окомгновеніи воздрожишь ногою, коли выйму изъ ноженъ косу мюю, а даромъ ея не выимаю: и тогда буди безъ грѣха. Далъ ми то Всемогущій, да быхъ морила люди живушціи. Всегда сильна еси: азъ мудрыхъ поморила: Соломона вельми мудраго и Сомсона сильнаго, и азъ ся надъ ними утѣшила! Что есть подъ небесемъ, никто не убѣжитъ моея косы: иныхъ вѣшаю, а иныхъ посѣкаю. Не помогутъ никому противъ мене никторіи лѣкари, но всякъ чловѣкъ имать умрети и вси лѣкари въ моей воли!“

Позволю себѣ остановиться на этомъ отвѣтѣ Смерти.

Изъ всего нашего сказанія онъ представляется наиболѣе сходнымъ съ нѣкоторыми мѣстами

„Пренія Живота и Смерти“. Тамъ Смерть такъ же хвалится: „Азъ... сильныхъ, и хорошихъ, и красныхъ, и храбрыхъ побораю... Отъ Адама и до сего времени сколько было богатырей сильныхъ, никто же смѣлъ противу мене стати; хотѣла быхъ того, кто бы противу мене сталъ и брался бы со мною, но нѣсть: ни царь, ни князь, ни богатыри, ни всякъ челоуѣкъ, ни жены, ни дѣвицы, никто же смѣлъ со мною братися,—ни юнъ, ни старъ... Самсонъ былъ сильный... да и тотъ не смѣлъ спиратися со мною... Былъ царь пророкъ Давидъ, и сынъ его царь Соломонъ премудръ и хитръ и мудръ былъ, не было такова мудреца во всей поднебесной, и тотъ не смѣлъ со мною спиратися и противу мене стати, и того азъ взяла... Не поможетъ ти ничто же: ни слова, ни богатство, ни сила, ни храбрость... Ни милую, ни наровлю никому: какъ прииду, такъ и возьму, но токмо жду отъ Господа Бога повелѣнія какъ Господь повелитъ, во мегновеніи ока возьму: въ чемъ тебя застану, въ томъ ти и сужду... Ко всѣмъ моя любовь равна есть: какова до царя, какова и до нища, и до святителя и до простыхъ людей (Жд. 206—208).

Какъ извѣстно, „Преніе Живота со Смертью“ сближаютъ вполне основательно (Буслаевъ, Ждановъ) съ такъ называемой Пляской Смерти. Пляски Смерти были весьма распространены въ Европѣ, во Франціи, Италіи и Германіи въ XV и XVI вѣкахъ. Онѣ украшали стѣны и портики католическихъ соборовъ, онѣ же появились въ числѣ первыхъ печатныхъ изданій, инкунабуль. Особенною извѣстностью пользуются изображенія въ Базельскомъ соборѣ, а среди гравированныхъ изданій — гравюры Гольбейна. Содержаніе всѣхъ этихъ изображеній въ общихъ чертахъ одинаково: Смерть въ танцующей позѣ увлекаетъ за собой людей разныхъ сословіи и и положеній: папъ и кесарей, врачей и рыцарей, прелатовъ и монахинь, юношей и дѣвицъ; то это цѣлый хороводъ танцующихъ фигуръ, каждый съ своей Смертью, то, какъ въ изданіяхъ, это пары. Изображенія эти внизу сопровождаются стихами, содержаніе которыхъ близко и къ нашему памятнику и къ „Пренію“. Въ соборахъ надъ танцующимъ хороводомъ изображается еще Смерть въ позѣ триумфатора, которому всѣ люди поклоняются и который заставляетъ ихъ плясать подъ музыку другихъ Смертей, играющихъ на какомъ-нибудь инструментѣ, чаще на флейтѣ — это триумфъ Смерти.

Нашъ памятникъ еще ближе, чѣмъ „Преніе“, стоитъ къ Пляскѣ Смерти; вспомните, что Смерть здѣсь говоритъ: „каждый *предъ моею косою скачетъ!*“ Автору нашей повѣсти извѣстны были изображенія Пляски Смерти; потрясающій видъ пляшущей Смерти съ ея жертвой пронесся предъ его глазами, и это живописное выраженіе невольно вылилось изъ подъ его пера.

Вернемся къ нашей повѣсти.

Въ „Преніи“ съ первыхъ словъ уже ясно виденъ роковой его исходъ: всѣ доводы Живота разбиваются безсердечнымъ противникомъ. Въ нашемъ сказаніи Смерть вооружена тѣмъ же оружіемъ, угрозы сыпятся изъ ея усть, но сама она не играетъ той ужасающей роли, какъ въ „Преніи“, напротивъ, тутъ сама она словно притянута къ допросу. Поэтому расхрабрившійся мистръ рѣшается поднять темную завѣсу отдаленнаго будущаго и такъ допрашиваетъ: „повѣжь ми, милая смерть, что быхъ азъ хотѣлъ вѣдати: вѣмъ, иже всему конецъ будетъ, коли Богъ на Судѣ сядетъ; повѣжь ми, гдѣ ты будешь тогда? Или и ты на Судѣ сядешь, иже такъ вельми насилуешь?“ Смерть рекла: „Кто еще имѣетъ разумъ совершенъ, вѣсть, иже Богъ животь вѣчный; тамо бо, гдѣ Христу царствовати, Смерть уже тамъ не царствуетъ“. А вотъ, гдѣ она будетъ тогда: „Коли Богъ будетъ грѣшнымъ Судія, а азъ имамъ къ мукамъ погнати. А егда будутъ въ мукахъ, тогда имуть терпѣти великия скорби, что ихъ мучити имамъ. И тогда на мя имуть часто вопити, глаголя: „молимъ тя, дабы насъ уморила, и таковыхъ мукъ насъ избавила!“ А азъ имамъ тогда хранитися и не имамъ ихъ отъ муки избавити!“

Этотъ величественный образъ Смерти, гонящей грѣшниковъ на вѣчную муку, и отчаянный вопль грѣшныхъ къ той самой безжалостной Смерти, которая лишила ихъ жизни, чтобы она

вновь ихъ уморила, словно выхваченъ изъ безсмертной Божественной комедіи Данта. Глубоко-трагическій моментъ этотъ сродни поэтическимъ воззрѣніямъ русскаго народа и прекрасно передается въ духовномъ стихѣ, гдѣ грѣшныя сначала молятъ Архангела Михаила, „грозныхъ силъ воеводу“, перевести ихъ чрезъ огненную рѣку, а потомъ въ отчаяніи припадаютъ къ мать-сырой землѣ и восклицаютъ:

„Зачѣмъ мы на томъ свѣту родилися

„Зачѣмъ съизмалѣшенька мы не померли?

„На роду насъ родная мать зачѣмъ не растоптала?“

Сказаніе наше оканчивается предостереженіемъ Смерти къ мистру, а чрезъ него и ко всѣмъ людямъ. Нарисовавъ полную ужаса картину грѣшниковъ, гонимыхъ въ адѣ, и ихъ напрасной мольбы, Смерть заключаетъ: „того ради, мистре, внимай себѣ, стрежися, смотри, поражу тебе! Служи въ дни и въ ночи Богу, и тако избавишися муки: можешь отъ мене добрѣ разумети. А что ти глаголю, того добрѣ смотри: егда ти ся второе явлю, конечно ты живота избавлю!“ Тогда мистръ возопилъ велимъ гласомъ, иже ю видѣлъ достовѣрно тымъ часомъ: уже намъ всѣмъ горе! Смерть влечетъ насъ, яко море: погубилъ еси вся своя лѣта, на временномъ семъ свѣтѣ!“

Вотъ содержаніе этого интереснаго сказанія, занесеннаго въ Сборникъ XVI вѣка. Мы видѣли связь его съ нашей древней письменностью и народной поэзіей, а равно и его отличія отъ сходныхъ произведеній нашей старинной литературы. Постараюсь опредѣлить происхождение этого памятника и его литературный рангъ.

Обиліе польскихъ и малорусскихъ словъ и выраженій, самый складъ виршеваго размѣра указываютъ намъ на Польшу и южную Россію. И дѣйствительно сказаніе наше переведено съ одного стариннаго польскаго стихотворенія, недавно напечатаннаго Нерингомъ въ *Altpolnische Sprachdenkmäler* (Berl 1887. s. 283—293)¹⁾. Но его родина, по моему, лежитъ еще дальше на западъ. Чрезъ Польшу и южную Россію это произведеніе проникло въ Московскую Русь, но еще не сбросило свое цвѣтное европейское платье, не облеклось еще въ однообразно-черную рясу.

Къ какому же роду литературныхъ произведеній принадлежитъ оно? Драматической формѣ діалога Мистра и Смерти предшествуетъ „введеніе“, подобное прологу школьныхъ драмъ и комедій. Но можно ли считать наше произведеніе школьной драмой? Мнѣ кажется, что самое мѣсто дѣйствія указываетъ на другую отрасль средневѣковой драматической поэзіи. Дѣйствіе происходитъ въ церкви, гдѣ разыгрывались мистеріи, и память объ этомъ еще жива въ нашемъ сказаніи. Но это, очевидно, не мистерія.

Изъ обстоятельнаго изслѣдованія г. Жданова мы узнаемъ, что древнѣйшая форма нашего Двоесловія представляетъ точный переводъ одного ниже-нѣмецкаго стихотворенія. Стихотвореніе это принадлежитъ къ концу XV вѣка и въ нѣмецкой литературѣ извѣстно лишь въ отрывкахъ, соединить которые теперь можно при помощи русскаго перевода. Нашъ памятникъ, по моему, принадлежитъ той же нѣмецкой литературѣ. Подобныя небольшія стихотворенія въ формѣ діалога были въ большомъ ходу въ нѣмецкой литературѣ XV и XVI вѣковъ; по времени и содержанію они носили различныя названія — *Prämel*, *Gespräch*. Если происходило преніе, стязаніе, то это былъ *Kampfgespräch*. За введеніемъ, излагающимъ поводъ къ разговору или пренію, слѣдовало самое преніе въ діалогической формѣ, и все заканчивалось нравоученіемъ, или произносимымъ однимъ изъ участвующихъ лицъ, или исходящимъ отъ лица автора. У плодовитаго нѣмецкаго писателя XVI вѣка — Ганса Сакса, этого величайшаго поэта, по отзыву современниковъ, такъ безжалостно развѣнчаннаго потомствомъ, множество діалоговъ и преній подобной формы. Одно такое преніе происходитъ у него между Жизнью и Смертью, но, представляя сходное съ

¹⁾ За это указаніе приношу мою живѣйшую благодарность А. Д. Карнѣеву и В. Н. Щенкину.

„Преніями Живота и Смерти“ въ общихъ чертахъ, оно въ подробностяхъ далеко стоитъ отъ нашего сказанія.

Николай Саввичъ Тихонравовъ, подтвердилъ мою догадку, указавъ мнѣ анонимный Priamel vom Tode, найденный въ одной рукописи XV вѣка и весьма близкій по содержанію къ нашему сказанію. Здѣсь Смерть такъ же своимъ появленіемъ пугаетъ до обморока человѣка, которому явилась, но успокаиваетъ его, говоря, что она явилась не за нимъ, а чтобы возвѣститъ ему и всѣмъ людямъ о себѣ. Дальнѣйшій разговоръ между человѣкомъ и Смертью весьма близокъ къ нашему сказанію. Помѣщенъ этотъ Priamel у Gødene въ Deutsche Dichtung im Mittelalter“.

Я указалъ вамъ на связь между нашимъ сказаніемъ и изображеніями плясокъ смерти; теперь позвольте представить вамъ нѣкоторыя изъ этихъ плясокъ въ снимкахъ, которые обязательно представилъ въ мое распоряженіе на это засѣданіе почетный членъ нашего Съѣзда многоуважаемый Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ изъ своего драгоценнаго собранія. Самыя замѣчательныя изображенія находятся въ Базельскомъ соборѣ и изданы Массманомъ. Не могу не обратить ваше вниманіе на нѣкоторыя изъ этихъ чудныхъ изображеній. Въ двухъ фигурахъ—смерти и человѣка — рисуется воображенію цѣлая поэма человѣческой жизни! Какъ типичны эти фигуры, какъ живы ихъ позы: смерть, напимѣръ, еле касаясь, за ленту платья увлекаетъ въ танецъ королеву, повидимому, и незамѣчающую этого; также незамѣтно схваченъ ею и прелать среди молитвеннаго размышленія. Молодую дѣвушку, полную силъ и жизни, увлекаетъ въ танецъ отвратительный кавалеръ съ бандурой, словно подъ звукъ серенады! А вотъ другой дѣвущкѣ, задумавшей погадать о суженомъ, смотря въ зеркало, тамъ мелькнулъ скелетъ, который тутъ же и приглашаетъ ее на танецъ! Особенно потрясающе изображеніе цвѣтущаго дитяти, едва научившагося ступать, котораго увлекаютъ кружась двѣ отвратительныя фигуры Смерти. Испуганное дитя выронило изъ рукъ свою игрушку — лошадку, и такъ обращается къ матери: „Горе мнѣ, милая матушка! жестокій человѣкъ увлекаетъ меня: о мать моя! помоги мнѣ: мнѣ велятъ танцовать, а я еще едва хожу!“

Какъ живо это напоминаетъ Лѣснаго царя Гёте!

Обратите вниманіе на фигуру проповѣдника, сидящаго на каедрѣ во главѣ этого ряда танцующихъ паръ. Въ нѣкоторыхъ соборахъ подобная же фигура казнодѣя замыкаетъ собою этотъ смертный хороводъ. Они здѣсь не имѣютъ прямаго отношенія къ лицамъ, участвующимъ въ пляскѣ, и прямо перешли изъ устнаго или письменнаго памятника: это въ лицахъ прологъ и эпилогъ поучительнаго характера—въ нихъ еще яснѣе связь нашего мистра съ Плясками Смерти!

Новый списокъ русскихъ богослужебныхъ „Дѣйствъ“ XVI—XVII в.

Н. Р. Красносельцева.

Одною изъ выдающихся особенностей своеобразной московской культуры XVI — XVII в. слѣдуетъ признать особенную привязанность москвитовъ того времени къ обрядности и необыкновенно пышное развитіе этой обрядности не только въ сферѣ церковно-богослужебной, но и въ сферѣ общественныхъ отношеній и домашняго обихода. Развитіе это произошло подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, между коими византійское вліяніе играетъ главную роль, особенно въ сферѣ церковно-богослужебной. Церковные обряды того времени, по крайней мѣрѣ въ главныхъ центрахъ церковной жизни и особенно въ Москвѣ, были столь обильны, что выходили иногда за предѣлы обычнаго церковнаго устава, осложняясь такими дѣйствіями, которыя составляли своего рода роскошь, а не насущную потребность. Свойство этихъ осложненій часто было таково, что для нихъ тѣсны и неудобны оказывались храмы: нужно было выходить для ихъ совершенія на площади и улицы, гдѣ они вступили уже въ разрядъ фактовъ, относящихся къ религіозно-бытовой и общественной обрядности. Особенно выдающееся положеніе между подобнаго рода фактами, въ одно и то же время литургическими и бытовыми и относящимися большею частію къ разряду процессій, занимаютъ такъ называемыя „Дѣйства“, а именно: 1) такъ называемое „Пещное дѣйство“, совершавшееся въ недѣлю св. отецъ предъ Р. Хр. или въ недѣлю св. праотецъ и, представлявшее чудесное избавленіе трехъ еврейскихъ отроковъ отъ разженной печи. 2) „Дѣйство въ недѣлю Ваий“, наглядно изображавшее входъ Господень въ Иерусалимъ на ослѣ и 3) „Дѣйство Страшнаго Суда“, совершавшееся въ недѣлю мясопустную и изображавшее проповѣдь Иисуса Христа о Страшномъ Судѣ, имѣющемъ быть въ послѣднее Его пришествіе. Совершеніе этихъ дѣйствъ въ XVII в. обставляемо было столь торжественно, что бывавшіе въ Москвѣ иностранцы всегда весьма интересовывались ими, какъ замѣчательною особенностью быта, и считали нужнымъ съ большою подробностью останавливаться на нихъ въ своихъ мемуарахъ. Дѣйства эти и на самомъ дѣлѣ довольно замѣчательны. И у насъ уже издавна обращали на нихъ вниманіе и историки церковные, и историки быта и гражданскіе, и даже историки литературы. Послѣдніе обращали на нихъ вниманіе особенно по тому поводу, что въ Дѣйствахъ этихъ замѣчается присутствіе въ довольно значительной степени драматическаго элемента—фактъ, еще разъ подтверждающій общепринятое положеніе о первоначальномъ взаимоотношеніи драматическаго искусства и литургической обрядности. Въ указанныхъ Дѣйствахъ

мы находимъ зачаточные элементы драматическаго характера не только въ дѣйствіяхъ или въ воспроизведеніи воспоминаемыхъ дѣйствій и движеній, но и въ діалогахъ, которые вводятся сюда иногда изъ священнаго текста, а иногда и помимо его. Таковы особенно діалоги въ „Пещномъ дѣйствѣ“.

Впрочемъ, заговоривъ о Дѣйствахъ, мы имѣемъ въ виду не это. Мы имѣемъ въ виду вопросы бібліографическіе и историко-археологическіе, касающіеся происхожденія и первоначальной редакціи Дѣйствъ. Вопросы эти еще не рѣшены окончательно. Найденный нами въ Софійской бібліотекѣ новый списокъ Дѣйствъ, по нашему мнѣнію, можетъ до нѣкоторой степени содѣйствовать этому рѣшенію. Это и побудило меня обратить на него вниманіе почтеннаго ученаго собранія.

Новый списокъ Дѣйствъ найденъ нами въ одной изъ рукописей бібліотеки Софійскаго или Новгородскаго Софійскаго собора, нынѣ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ онъ хранится подъ № 1100. Ркп. въ 8 д., на 267 л., писана почти вся полууставомъ XVI в.; только послѣдніе 7 листовъ писаны скорописью начала XVII в. Ркп. эта есть не что иное, какъ архіерейскій Обиходникъ, или Чиновникъ, содержащій въ себѣ описаніе особенностей архіерейскаго служенія въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Здѣсь изложены чины на Лѣтопровожденіе, на Воздвиженіе креста; затѣмъ Пещное дѣйство, озаглавленное: „Чинъ егда ангела спускають“. Далѣе чины: освященія антиминовъ, освященія воды на Богоявленіе, чины Страшнаго Суда и шествія на ослати или „въ недѣлю цвѣтную надъ вербою“, елеосвященія, омовенія св. трапезы, омовенія ногъ, службы въ пятокъ и субботу страстной недѣли, въ недѣлю Пасхи; затѣмъ различныя уставы посвященія въ церковныя должности, поученія къ новопоставленнымъ; молитвы о здравіи царя и нѣкоторыя другія. Въ концѣ скорописью поученіе великаго господина преосвященнаго Исидора митрополита новгородскаго новопоставленнымъ попомъ. Хронологическія указанія мы находимъ здѣсь въ двухъ мѣстахъ: 1) въ молитвѣ о здравіи царя, гдѣ имѣется перечень новгородскихъ архіепископовъ. Здѣсь послѣдними поставлены Варлаамъ, Исидоръ и Маркарій; послѣднія два имени приписаны позднѣйшею рукою. Это указаніе на конецъ XVI в. 2) Въ чинѣ „егда ангела спускають“. Здѣсь въ двухъ мѣстахъ положено многолѣтствованіе великаго князя Василія Ивановича: „дай Господи здрав былъ царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ на многіе лѣта“. Это указаніе на начало XVI в. Для насъ особенно важно это послѣднее указаніе. Хотя въ виду несогласія его съ первымъ указаніемъ оно и не можетъ считаться безспорною датою написанія рукописи, но оно во всякомъ случаѣ точно опредѣляетъ дату содержащейся въ рукописи редакціи Пещнаго дѣйства, равно какъ и другихъ Дѣйствъ и чиновъ, списанныхъ очевидно съ одного оригинала. Итакъ, это арх. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора древнѣйшей редакціи, превосходящей редакцію, извѣстную доселѣ, почти на 150 лѣтъ, такъ какъ извѣстный доселѣ Чиновникъ Софійскаго Новгородскаго собора, содержащій въ себѣ чины интересующихъ насъ Дѣйствъ, составленъ около половины XVII в. и не ранѣе второй четверти его. Въ частности, что касается Дѣйствъ, то они доселѣ были извѣстны частью по этому Чиновнику, частью по другимъ спискамъ, но всѣ эти списки XVII в. и какъ показываетъ самый характеръ ихъ изложенія, принадлежатъ къ позднѣйшей распространенной редакціи. То же подтверждаетъ и сличеніе ихъ со вновь найденнымъ спискомъ. Сравнительно съ извѣстной доселѣ редакціей изложеніе новаго списка чрезвычайно кратко. Самымъ краткимъ образомъ изложено дѣйство Страшнаго суда. Дѣйство шествія на ослати изложено подробнѣе, но все-таки кратко: діалоговъ здѣсь нѣтъ никакихъ; шествіе на ослѣ происходитъ въ оба конца, а не въ одинъ, какъ было позднѣе и какъ требуется евангельскимъ повѣствованіемъ; осла ведутъ намѣстникъ новгороцкой да митрополичь дворецкой, хотя предполагается возможность присутствія царя и царевичей. Пещное дѣйство изложено съ боль-

шими подробностями. Здѣсь есть и діалоги, хотя болѣе первобытной и краткой формы. Напр., изложеніе новаго списка: „и глаголетъ (Халдей) единъ ко другому: было три, а стало четыре, и другій же отвѣщаетъ: четвертый грозень, уподобися Сыну Божию“. Изложеніе XVII в.: „И первый халдей кличетъ: товарищъ, а другій халдей отвѣщаетъ: чево. И глаголетъ первый халдей: видишь ли? И другій халдей подваиваетъ: вижу. И первый халдей глаголетъ: было три, а стало четыре, и четвертый грозень и страшень зело, образомъ уподобися Сыну Божию. И другій халдей отвѣщаетъ: какъ онъ прилѣтѣлъ, да и насъ побѣдилъ“. Несмотря на подобныя разницы, буквальное сходство многихъ мѣстъ обоихъ редакцій показываетъ, что позднѣйшая есть только распространеніе первой, сдѣланное по мѣстамъ просто посредствомъ механическихъ интерполяцій. Отсюда можно видѣть отчасти, какое значеніе можетъ имѣть новый списокъ для исторіи Дѣйствъ и рѣшенія нѣкоторыхъ, указанныхъ выше, относящихся къ этой исторіи довольно важныхъ вопросовъ.

Вопросы эти слѣдующіе: 1) Когда появились въ Москвѣ указанные Дѣйства? Откуда они заимствованы? и 3) Въ какомъ видѣ? Относительно перваго вопроса существуютъ слѣдующія данныя. Когда при патріархѣ Іоакимѣ на соборѣ 1678 г. по инициативѣ царской власти поднятъ былъ вопросъ о происхожденіи обряда шествія на осляти, то отцы собора отвѣтили, что „когда, кѣмъ и кою виною онъ начался“ — они ничего не знаютъ, что „бывшу о томъ прежде и тогда прилѣжну испытанію устному и въ книгахъ ни малѣйше того дѣйствія обрѣтесе воспоминаніе“. Это указываетъ, конечно, на давность, но какъ велика эта давность—опредѣлить трудно. Древнѣйшее свидѣтельство о совершеніи „Дѣйствъ“ въ Москвѣ принадлежитъ иностранцу Флетчеру и относится къ 1588 г. За долго ли до Флетчера явился въ Москвѣ этотъ обычай, опредѣлить нельзя, но въ Новгородѣ онъ извѣстенъ былъ и ранѣе. Изъ прихода-расходныхъ книгъ Новгородскаго Софійскаго собора видно, что Дѣйства совершались въ Новгородѣ въ 1548 г., а изъ найденнаго нами списка очевидно, что они совершались тамъ съ большою торжественностью уже въ самомъ началѣ XVI в., при великомъ князѣ Василии Ивановичѣ. Если нельзя установить точную дату появленія Дѣйствъ въ Москвѣ, то нельзя ли по крайней мѣрѣ установить общее положеніе о сравнительной древности употребленія ихъ въ Москвѣ и Новгородѣ, т. е. опредѣлить, появились ли они одновременно въ обоихъ городахъ или въ одномъ изъ нихъ раньше? Намъ кажется, что это до нѣкоторой степени возможно будетъ опредѣлить, если намъ удастся удовлетворительно разрѣшить второй поставленный нами вопросъ: откуда перешли въ Москву разсматриваемыя Дѣйства? Наша церковная обрядность всегда находилась въ самой тѣсной зависимости отъ византійской. Наши богослужебныя книги переводились съ греческаго. Когда въ Греціи являлись какія-либо новыя чинопослѣдованія, то они немедленно переводились на славянскій языкъ и вводились въ русскую церковную практику. Измышлять что либо отъ себя въ этой области у насъ не осмѣливались, за исключеніемъ конечно тѣхъ случаевъ, когда это было необходимо по мѣстнымъ условіямъ, когда, наприм., нужно было составить службу новому русскому святому и под. Даже различные варианты и разности въ текстѣ нашихъ богослужебныхъ книгъ въ большинствѣ случаевъ объясняются вариантами и разностями греческаго оригинала. На этомъ основаніи уже аргюі можно утверждать, что русскія богослужебныя Дѣйства имѣютъ греческое происхожденіе. И это дѣйствительно такъ, хотя не обо всѣхъ изъ нихъ точно извѣстно, когда и въ какомъ видѣ существовали они у грековъ. Но въ такомъ случаѣ довольно страннымъ представляется то обстоятельство, что русско-славянское изложеніе этихъ Дѣйствъ, которымъ руководствовались при совершеніи ихъ въ XVI—XVII вв., доселѣ не нашло себѣ оправданія ни въ какомъ греческомъ оригиналѣ; мало того: такое оправданіе едва ли и можетъ быть когда либо найдено. Дѣло въ томъ, что русско-славянское изложеніе Дѣйствъ очевидно русскаго и въ частности—новгородскаго происхожденія. Есть, правда, москов-

ская редакція этихъ Дѣйствъ XVII в., но эта редакція, какъ доказываетъ прот. Никольскій и какъ видно изъ сличенія, есть тоже новгородская, содержащаяся въ извѣстномъ Чиновникѣ Новгородскаго Софійскаго собора, только исправленная. Если такимъ образомъ въ Москвѣ при совершеніи Дѣйствъ руководствовались не своимъ, а чужимъ и именно новгородскимъ изложеніемъ, то это, по нашему мнѣнію, явное указаніе на то, что въ Москву обычай совершать эти Дѣйства перешелъ изъ Новгорода и явился слѣдовательно позднѣе, чѣмъ въ Новгородѣ. Къ тому же заключенію приводитъ и тотъ фактъ, что въ другихъ городахъ, гдѣ въ XVII в. совершались помянутыя Дѣйства, напр., въ Ростовѣ и Рязани, руководствомъ служило то же новгородское изложеніе. Въ рязанской архіерейской ризницѣ имѣется новгородскій Чиновникъ, писанный при рязанскомъ митрополитѣ Іосифѣ не позднѣе 1682 г. (Чт. Общ. И. и Др. 1861, кн. 1 отд. III, стр. 1). Такой же Чиновникъ, по указанію Бередникова (Ж. М. Нар. Прос. 1853 г., июнь), имѣется въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. Очевидно, Новгородъ въ этомъ отношеніи служилъ общимъ источникомъ, хотя главнымъ центромъ развитія обрядности была уже Москва. Что касается послѣдняго, поставленнаго нами вопроса: въ какомъ видѣ явились первоначально у насъ Дѣйства въ Москвѣ, Новгородѣ и вообще на Руси, то на этотъ вопросъ до нѣкоторой степени отвѣчаетъ указанный нами списокъ. Въ немъ содержится такая редакція Дѣйствъ, которая по отношенію къ редакціи XVII в. можетъ быть названа первоначальнойю. Если сличить эту первоначальную редакцію съ краткою московскою редакціею, напечатанною въ Вивлююнкѣ Новикова, то окажется, что они почти тождественны, и что, слѣдовательно, эта первоначальная редакція была извѣстна и въ Москвѣ и что Москва усвоила себѣ изъ Новгорода разсматриваемыя Дѣйства первоначально въ этой краткой редакціи; распространенная же редакція перешла сюда послѣ. Это необходимо допустить и потому, что Дѣйства совершались въ Москвѣ и до появленія пространной редакціи и совершались, конечно, по какому нибудь письменному изложенію. Но если краткая редакція есть первоначальная по отношенію къ пространной, то можетъ ли она быть названа первоначальнойю вообще? Въ текстѣ этой редакціи мы не нашли данныхъ къ рѣшенію этого вопроса, а стороннихъ указаній не имѣется. Есть здѣсь, на нашъ взглядъ, только одно указаніе, способное до нѣкоторой степени прояснить вопросъ о первоначальной русской редакціи Дѣйствъ вообще. Указаніе это состоитъ въ томъ, что языкъ и фразеологія обличаютъ русскаго самостоятельнаго излагателя, а не переводчика. Если къ этому указанію прибавить еще аналогію архіерейскихъ кафедральныхъ Чиновниковъ съ монастырскими Обиходниками, которые въ каждомъ монастырѣ составлялись уставщиками примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ, то весьма вѣроятною представится мысль, что Дѣйства усвоены были русскими отъ грековъ не чрезъ письменное изложеніе, а такъ сказать, нагляднымъ образомъ, что порядокъ совершенія ихъ установленъ былъ по устнымъ указаніямъ кого либо, видѣвшаго совершеніе ихъ въ Греціи, и потомъ былъ записанъ русскими уставщиками. Кромѣ софійской краткой редакціи могли быть и другія, записанныя въ другихъ мѣстахъ. Разнообразіе изложенія Дѣйства Страшнаго Суда въ различныхъ архіерейскихъ Чиновникахъ, на что мы имѣли случай указывать печатно, подтверждаетъ эту мысль. Общій выводъ относительно значенія предложеннаго вашему вниманію списка долженъ быть, по моему мнѣнію, таковъ. Онъ отодвигаетъ дату документальной извѣстности у насъ Дѣйствъ далѣе къ началу XVI в. и кромѣ того устанавливаетъ тотъ фактъ, что первоначальная редакція ихъ была значительно короче той, которая была въ употребленіи въ XVII в. и которая одна доселѣ только и была извѣстна. Эта послѣдняя есть очевидно уже результатъ развитія, совершившагося въ области русской обрядности и литургической письменности.

Славянскія апокрифическія евангелія.

М. Н. Сперанскаго.

А П О К Р И Ф Ъ.

Приступая къ изученію „апокрифическихъ“ евангелій, прежде всего считаю нужнымъ опредѣлить самый терминъ „апокрифическій“. Что мы называемъ „апокрифомъ“? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что терминъ „апокрифическій“ для насъ въ общемъ употребленіи имѣетъ нѣсколько иной объемъ, нежели онъ имѣлъ въ древне-христіанскомъ обществѣ и славянской старейшей письменности. Въ первые вѣка христіанства *ἀπόκρυφος*—это тайное, скрытое; „апокрифическія книги“—это книги, содержащія тайны, сокровенныя, глубокія, не всякому доступныя истинны ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ называли иногда апокрифомъ и Апокалипсисъ. Понятно, что, при такомъ пониманіи термина, сочиненія, называемыя апокрифическими, не всегда были еретическими и могли вообще не быть противными христіанскому ученію. Но съ развитіемъ и болѣе точнымъ установленіемъ религіозныхъ догматовъ и обычаевъ, а также, благодаря обстоятельствамъ (напр., ересямъ и расколамъ, бывшимъ въ первоначальной церкви), понятіе „апокрифическій“ получило постепенно иной смыслъ. Это измѣненіе смысла термина произошло главнымъ образомъ со времени первыхъ попытокъ установить кругъ свящ. писанія, какъ главнаго источника вѣроученія, въ противоположность остальной древнехристіанской литературѣ, въ которой были писанія разнаго достоинства: назидательныя, историческія, признававшіяся полезными, какъ дополненіе къ каноническому писанію; были и сектанскія или пользовавшіяся уваженіемъ у сектантовъ и еретиковъ. Такимъ образомъ здѣсь возможна была градація въ оцѣнкѣ писаній. Собственно съ этихъ поръ и начинается исторія писаній, которыя мы позднѣе знаемъ за „апокрифическія“. Приблизительно въ это же время съ понятіемъ „апокрифическій“ соединяется все чаще и чаще понятіе еретическаго писанія потому, что многіе изъ памятниковъ, признаваемыхъ за апокрифическіе, находятъ себѣ приѣмъ и уваженіе именно у еретиковъ. Отсюда естественно вытекаетъ взглядъ на апокрифъ со стороны православныхъ, какъ на сочиненіе „вредное“ (разумѣется, для тѣхъ же христіанъ). Т. о. по мѣрѣ того, какъ въ господствующей церкви все строже и опредѣленнѣе устанавливалось понятіе объ истинномъ свящ. писаніи, каноническомъ, по мѣрѣ того все строже и строже относятся власти духов

¹⁾ Это понятіе объ апокрифѣ стоитъ, вѣроятно, въ связи съ ученіемъ многихъ сектъ первыхъ вѣковъ: многіе изъ нихъ имѣли вмѣстѣ два рода ученій: экзотерическую систему — популярную, предназначенную для массы, и исотерическую—тайную, назначаемую для людей избранныхъ, посвящаемыхъ во всѣ тайны ученія (см. Лекціи по церков. ист., читан. въ 84—85 г. въ Моск. Унив. А. М. Ивановымъ-Платоновымъ).

ныя къ писаніямъ, выходящимъ изъ этого круга канонич. книгъ: сперва мы видимъ три группы писаній: каноническія (*κανονικά βιβλία*), *ἀντιλεγόμενα* или *ὁμολογούμενα* (т. е. не вполне опредѣленные, или допускаемыя) и разрядъ не *ὁμολογούμενα*, который потомъ равняется термину *ἀπόρρητα, νόθα*; затѣмъ видимъ только двѣ группы: *κανονικά* и *νόθα*, или *ἄτοπα* (т. е. прямо вредныя). Съ этимъ то послѣднимъ терминомъ сближается и понятіе „*ἀπόκρυφα*“. Кромѣ этого названія интересующій насъ округъ памятниковъ характеризовался также терминомъ *ψευδεπίγραφα* (т. е. ложно—надписанныхъ). Поводомъ къ этому названію послужило то обстоятельство, что многіе изъ памятниковъ этой категоріи приписывались перу авторитетныхъ церковныхъ учителей и дѣятелей, каковы, напр., апостолы, чѣмъ, разумѣется, хотѣли возвысить значеніе памятника тѣ, въ чьихъ интересахъ это было нужно; иногда же здѣсь руководило и преданіе, не всегда вѣрное²⁾. Ясно, что съ точки зрѣнія православной церкви, подобныя писанія, принадлежность коихъ тому или другому лицу не могла быть признана, сами считались ложными. Т. о. въ эту эпоху установленія церковнаго канона свящ. писанія уже были даны всѣ тѣ термины, которыми обозначалось апокрифическое сочиненіе позднѣе, и подъ которыми извѣстны эти сочиненія въ древней Россіи, т. е. *ложныя, отреченныя, сокровенныя, ложно-написанныя*. Точкой опоры для опредѣленія писанія ложнаго, отреченнаго слѣдуетъ руководиться списками книгъ „истинныхъ и ложныхъ“ (index'ами), составлявшимися въ церкви со времени первыхъ попытокъ установленія канона; иначе: апокрифическимъ писаніемъ мы, по настоящему, назовемъ такое, которое упомянуто въ индексѣ, и если мы докажемъ, что это писаніе именно то, которое упоминаетъ индексъ. Относительно же другихъ писаній, подходящихъ по содержанию, насколько мы можемъ его знать по индексу, по указаніямъ современниковъ составленія индексовъ, подходящихъ по духу къ настоящимъ апокрифамъ, можно употреблять терминъ—„апокрифическій“—только условно. Наконецъ, дальнѣйшая исторія понятія „апокрифическій“ способствовала тому расширенію этого понятія, какое оно имѣетъ для насъ: это расширеніе понятія произошло на юго-славянской почвѣ съ XIV в., когда въ рубрику книгъ неканоническихъ, вредныхъ, богоотметныхъ, внесены были сочиненія вовсе не церковнаго характера, напр., громники, колядники, гадательныя книги и т. п., когда т. о. съ этимъ понятіемъ соединился еще смыслъ книги вообще вредной не только по отношенію къ вѣроученію, но вообще для христіанина.

Но запрещенія церковныя, выражавшіяся въ индексахъ и общихъ постановленіяхъ, (напр., „не читать чужихъ псалмовъ“, по выраженію Кормчей XIII в. син. библ. № 131 л. 80), не всегда достигали своей цѣли, не всегда прекращали жизнь и распространеніе апокрифической книги³⁾. Т. о. многія апокрифическія сочиненія дошли до насъ не только отъ еретиковъ, но и отъ православной части христіанъ. Кромѣ того, далеко не всегда легко можно было уже и въ старое время отличить запрещаемую книгу отъ дозволенной, особенно потому, что было много писаній, о которыхъ отзыва въ индексахъ не было. Бывало и такъ, что интересъ къ тому или другому сочиненію заставлялъ забывать о запрещеніи, наложенномъ на книгу; примѣромъ можетъ служить

²⁾ На это указываетъ еще блаж. Иеронимъ: „слѣдуетъ знать, что апокрифы происходятъ не отъ тѣхъ, чьи имена они имѣютъ въ заглавіи“. *Borberg. Die apocryphischen Evangelien und Apostelgeschichten* (Stuttgart. 1841). р. XII.

³⁾ Подробнѣе см. въ изслѣдованіи „Апокр. дѣянія ап. Андрея“.—*Древности И. М. А. О.*, т. XV, 37—38. Запрещенія эти довольно долго, къ тому же, не могли быть формулированы точно: въ 59 правилъ Лаодикійскаго собора только: *ὅτι οὐ δεῖ ἰδιωτικὸς ψαλμὸς λέγεσθαι*; но что такое *τὰ κανονικά*,—не указано; 60-е правило этого собора—исчисленіе книгъ ветхаго и новаго завѣтовъ—во многихъ спискахъ отсутствуетъ и едва-ли не явилось позднѣе: по славянскимъ переводамъ Кормчихъ соборъ содержалъ „правиль петьдесеть и девять“ (*Срезневскій*, Свѣд. и зам. XLVII). Другой древній источникъ—*Canonnes apostolorum*—въ 85 правилъ содержитъ перечень каноническихъ книгъ, но памятникъ этотъ относится только къ концу V в. ... Но ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ подробнаго перечня ложныхъ книгъ. Перечни старшіе относятся къ IV в. и носятъ характеръ частныхъ записей, которыя позднѣе только вошли въ Кормчія; таковы перечни: Аѳанасія (+372) Григорія Назіанзена (+390), Амфилохія (ок. 390) и др.; см. Кормчую 1262 г. (Иловицкую—Михановича) гл. 31 и 32.

митр. Макарий, который въ свою великую Четью-Минею внесъ книгу Еноха праведнаго, повѣсть Афродитіана—сочиненія, запрещенныя индексомъ ⁴⁾. Т. о. мы видимъ, что не всякое сочиненіе, считаемое нами апокрифическимъ, признавалось таковымъ и въ древности.

Вотъ къ числу такихъ то „апокрифовъ“, сочиненій, не признаваемыхъ Церковью за подлинныя, отмѣченныхъ за ложныя и вредныя, но продолжавшихъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ свое существованіе въ литературѣ, принадлежать тѣ евангелія, которыя насъ интересуютъ. Только одно изъ этихъ евангелій, Θомы, благодаря своему характеру, какъ увидимъ ниже, не пользовались популярностью ⁵⁾. Остальныя же два евангелія, вошедшія въ настоящій обзоръ, наоборотъ, пользовались почетомъ и уваженіемъ среди читающей публики, назначались, какъ чтенія, на тѣ или другіе праздничные дни.

ОТНОШЕНІЕ АПОКР. ЕВ. КЪ КАНОНИЧЕСКИМЪ.

Какимъ же образомъ явился въ литературѣ апокрифъ и въ частности апокрифическія евангелія?

Причина появленія подобныхъ памятниковъ,—тотъ нравственный или—точнѣе—психологическій мотивъ, который руководилъ создателями подобныхъ памятниковъ. Частью обстоятельства появленія ихъ были указаны мною въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾. Остается только сдѣлать нѣсколько дополненій. Личность Спасителя несомнѣнно произвела громадное впечатлѣніе на народъ; поэтому неудивительно, что объ Немъ ходила масса разсказовъ, частью современныхъ Ему, и частью, несомнѣнно, правдивыхъ, частью же основанныхъ на преданіяхъ, уже искажающихъ истину. Сами апостолы признаютъ существованіе массы этихъ разсказовъ (Іоан. XXI, 25), сами указываютъ, что были лица, передававшія и распространявшія эти разсказы (Лука I, 1—2); но они же указываютъ, что эти „мнози, начавшіе чинити повѣсть“, далеко не всѣ отличались правильнымъ пониманіемъ христіанскаго ученія: это были иногда люди, знакомые съ христіанствомъ не вполне, поверхностно и потому передававшіе его по своему, отчего зависѣло, разумѣется, какъ содержаніе ихъ проповѣди, такъ и ея характеръ. Таковъ былъ, напр., Аполлосъ, впоследствии знаменитый сотрудникъ ап. Павла, о которомъ упоминается въ „Дѣянїяхъ Ап.“ (XVIII, 24—28; XIX, 1—7). Вотъ одинъ изъ источниковъ апокрифич. евангелій. Этотъ источникъ, наравнѣ съ признаваемымъ церковнымъ преданіемъ, могъ быть совершенно чистымъ, не носящимъ въ себѣ ничего еретическаго, ложнаго, хотя, надо добавить, среди этихъ разсказовъ могли быть и такіе, которые и искажали истину. Здѣсь, какъ и во всякой легендѣ, точность и вѣрность передаваемого обуславливались прежде всего большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени между событіемъ и возникновеніемъ разсказа. Народившись легенда получала свободу развиваться, прїобрѣтать симпатїи въ томъ или другомъ кругѣ, въ той или другой средѣ, потому что тяжелыя обстоятельства, среди которыхъ развивалось первоначальное христіанство, отсутствіе

⁴⁾ См. Пам. Отреч. лит. I, введ. № 6 и № 45 индекса. Общія свѣдѣнія объ апокрифахъ почерпнуты мною изъ лекцій проф. Н. С. Тихонравова, читанныхъ въ 84—85 г., а также изъ его рецензіи на изд. А. Н. Пынина: „Ложн. и отреч. книги др. Рос.“ (Р. В. 1862 г., № 1) Кроме того, принято мною во вниманіе изслѣдованіе проф. А. М. Иванцова-Платонова „Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства“ ч. I. (М. 1877), главнымъ обр. глава II.

⁵⁾ „Пам. Отреч. Лит.“, I, введ. № 30; подъ № 28 помѣщена: Іаковля повѣсть—*Ἰακώβου ἰστορία*, отождествляемая съ Перво-евангеліемъ; добавленіе: *Ἰακωβα, τῆς τοῦ Εβραεῦτος, ἀ καὶ ἀποστόλου*, принадлежитъ русскимъ индексамъ; какъ мы увидимъ ниже, едва ли бы могъ писецъ индекса, внося подобное добавленіе, подразумѣвать подъ указываемымъ индексомъ такое уважаемое и распространенное писаніе, какъ Перво-евангеліе. Никадиново Ев. даже не попало въ индексы.

⁶⁾ См. „Апокр. дѣян. ап. Андрея“, стр. 35—36. Ср. *F. Rački*, „Bohomili i Pataveni“ (Rad jigosl. akad. X), 250 и сл.

строго опредѣленной нормы въ первоначальной Церкви дѣлали критическое отношеніе къ легендѣ весьма затруднительнымъ. Этому же распространенію и популярности нѣкоторыхъ легендъ и образовавшихся изъ нихъ памятниковъ способствовали не мало ереси и секты, гдѣ подобныя писанія чаще находили радушный пріемъ, нежели въ кругахъ православныхъ 7).

Рядомъ съ этими евангеліями апокрифическими существуютъ и каноническія. Эти послѣднія, какъ писанія авторитетныя во всей Церкви, ясно, должны были оказать вліяніе на апокрифическія. Здѣсь возможно было это вліяніе тѣмъ болѣе, что апокрифическія еванг. весьма часто трактуютъ объ томъ же, что и каноническія, часто являются отъ нихъ въ зависимости, служа дополненіемъ къ нимъ. Кромѣ того, сближаетъ оба эти рода писаній иногда и общность источниковъ, потому что каноническія евангелія, памятники, явившіеся черезъ извѣстный (часто значительный, напр., ев. Іоанна) промежутокъ времени послѣ описываемыхъ ими событій, могли, хотя бы только отчасти, пользоваться тѣми же источниками, что и древнѣйшія апокрифическія; такое взаимное отношеніе указываютъ, напр., относительно канонич. ев. Матѳея и весьма древняго апокрифич. „*Εβρα. κατὰ Ματθαῖον*“, на сколько мы знаемъ его по сохранившимся отрывкамъ 8). Но несомнѣнно, что въ значительно большемъ числѣ случаевъ сходство между каноническими и апокрифическими евангеліями объясняется вліяніемъ первыхъ на вторыя: за это говорить та строгость, съ которой сохранялся текстъ каноническихъ евангелій, съ одной стороны, и шаткость положенія апокрифическаго, не признаваемаго авторитетами Церкви за подлинное писаніе и иногда прямо преслѣдуемаго. Т. о. каноническое писаніе ветхаго и новаго завѣта оказывало вліяніе на апокрифъ; вліяніе это выражалось главнымъ образомъ въ томъ, что апокрифъ старался по духу и изложенію приблизиться къ каноническому писанію, создавалъ свои образы

7) Тишендорфъ указываетъ весьма любопытный фактъ въ этомъ отношеніи: во II в. у Родосцевъ пользовалось авторитетомъ наравнѣ съ канонич. евангеліями *Evangelium Petri*; такимъ же авторитетомъ пользовалось *ev. Tatiani* (См. „*De origine et usu*“, р. 23). „*Evangel. Infantiae*“ среди т. н. христіанъ Оомы (въ Индіи) получило даже названіе *пятаго евангелія* (Raumer, р. 328).

Эти факты, повидимому, находятъ себѣ объясненіе въ исторіи канона св. писанія въ христіанской Церкви. Такъ какъ канонъ церковный установился не сразу и сравнительно поздно (со времени перваго вселенскаго собора, приблизительно), а еще позднѣе вошелъ въ общее употребленіе и сталъ обязательнымъ, то весьма возможно, что при слабой взаимной связи отдѣльныхъ христіанскихъ общинъ или церквей, возрѣнія на ту или другую книгу оставались долго различными; къ тому же и каноническія евангелія не сразу заняли то положеніе, которое они сохранили за собой до нашего времени. Въ виду этого возможны были и факты въ родѣ указанныхъ. Случайно сохранился интересный и, быть можетъ документальный свидѣтель того, что было время въ христіанствѣ, когда рядомъ съ евангеліями, ставшими позднѣе каноническими, употреблялись и другія: это небольшой отрывокъ папируса III в. изъ коллекціи эрцгерцога Райнера. Весь отрывокъ въ 7 строкъ; вотъ онъ (съ дополненіями и корректурами): *μετὰ δὲ τὸ φαγεῖν, ὡς ἐξήγουν πάντες ἐν ταύτῃ τῇ νυκτὶ σκανδαλισθήσεσθε κατὰ τὸ γραφεῖν. ποτάξω τὸν ποιμένα καὶ τὰ πρόβατα διασκορπισθήσονται.* (Захаріи прор. XVII, 3). *εἰπόντος τοῦ Πέτρον. καὶ εἰ πάντες, οὐκ ἐγώ. προσθεῖς, ὁ ἀλεκτῦρον δις κοκκῶξει καὶ σὺ πρότον τρις ἀπαρνήσῃ με.* Текстъ подходит къ ев. Матѳ. XXVI, 30—34 и Мар. XIV, 26—30, но, будучи ближе ко второму, одинаково отличается отъ обоихъ своею краткостью. Цитата прор. Захаріи совпадаетъ съ переводомъ толковниковъ. По характеру принадлежитъ отрывокъ къ греч. переводамъ съ какого-нибудь арамейскаго нарѣчія. См. *G. Bickell. Das nicht—kanonische Evangelium—Fragment.* (Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer, I (Wien, 1887), р. 53—61).

Не имѣя, впрочемъ, прямыхъ доказательствъ принадлежности отрывка къ неканоническому евангелію, и имѣя въ виду незначительный объемъ его, я не рѣшился бы представить его, какъ образчикъ евангелія третьяго вѣка: это можетъ быть отрывокъ не евангелія, а любого писанія, гдѣ авторъ могъ (напр., въ поученіи) перефразировать и слить воедино текстъ двухъ евангелій. Интересенъ этотъ отрывокъ во всякомъ случаѣ потому, что онъ—III в., и потому, что указываетъ на то положеніе, какое занимали тексты каноническихъ евангелій въ это время: если принять мое предположеніе, отрывокъ будетъ служить доказательствомъ свободнаго отношенія къ тексту евангельскому въ III в. и указаніемъ, какъ другія писанія легендарныя апокрифическія и вообще церковныя могли создаваться на основахъ будущихъ каноническихъ евангелій. (Ср. примѣч. 9).

8) Ев. отмѣчено въ индексѣ (См. „Пам.“ Н. Тихонравова I, введ. № 31).—Tisch. „*De orig. et. usu.*“ р. 6.

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

по образамъ каноническаго писанія, результатомъ чего являются вставки въ апокрифъ отрывковъ каноническихъ писаній, поддѣлка тона разсказа ⁹⁾).

Дальнѣйшая судьба апокрифическихъ евангелій, какъ и вообще апокрифа, совпадаетъ почти вполнѣ съ исторіей развитія легенды христіанской вообще ¹⁰⁾; т. е., въ своемъ развитіи первоначальная легенда измѣняла свой характеръ, принимая въ себя черты различныхъ эпохъ, различныхъ ученій и жизни народовъ. Главную характерную черту апокр. евангелій составляетъ то, что зародились они и развились на Востоку, въ Азіи, откуда перешли въ Европу (приблизит. въ V в.), гдѣ опять-таки имѣли двойную судьбу: въ юго-восточной Европѣ они сохранили болѣе свой восточный характеръ, тогда какъ въ западной они весьма быстро вошли въ литературу, оказали на нее сильное вліяніе, но за то и въ свою очередь подверглись переработкамъ на основаніи средне-вѣковыхъ идей ¹¹⁾. Но это обезпечивало апокрифу его вліяніе на литературу искусственную и народную, на искусство, даже воспитаніе средне-вѣковыхъ писателей и ученыхъ. На Востоку же, въ Византіи, хотя и чувствуется постоянно въ литературѣ вліяніе апокрифа, но оно почти ограничивается духовной литературой, духовной поэзіей и не проникаетъ такъ глубоко въ сознаніе народа. Причина этого лежитъ, конечно, въ общемъ складѣ греческой средне-вѣковой литературы.

Отъ этой же Византіи получили и Славяне апокрифическія евангелія.

ОБЗОРЪ ТЕКСТОВЪ АПОКР. ЕВАНГЕЛІЙ.

Послѣ этой общей характеристики апокрифа вообще и апокрифич. евангелій въ частности, обратимся къ болѣе подробному обзору дошедшихъ до насъ текстовъ интересующихъ насъ евангелій, при чемъ я долженъ упомянуть, что въ этомъ обзорѣ бѣольшая часть подробностей удѣляется тѣмъ изъ евангелій, которыя дошли до насъ и въ славянскихъ переводахъ. Прежде всего отмѣчу, что время происхожденія этихъ евангелій точно опредѣлить нельзя по имѣющимся въ настоящее время даннымъ; но указать можно одно только: евангелія эти не моложе IV в. ¹⁾ и не старше II в. ²⁾. Всѣхъ дошедшихъ до насъ апокрифическихъ евангелій семь, а именно: три—въ греческихъ текстахъ, два—въ латинскихъ и два—въ арабскихъ, при чемъ предполагается, что послѣднія четыре евангелія, по всей вѣроятности, представляютъ переводы съ погибшихъ для насъ также греческихъ оригиналовъ ³⁾. Для насъ еще важенъ одинъ латинскій текстъ апокрифич. евангелія, восходящій къ отличному отъ дошедшихъ до насъ греческому тексту.

⁹⁾ Это соотношеніе подробно и очень удачно объяснилъ *Бирхій*, сопоставивъ „Никодимово Ев.“ съ каноническими. (См. *Birchii—Auctuarium codicis apocryphi N. T. Fabriciani—1804—Proleg. p. XXXIX—LI*).

¹⁰⁾ См. „Апокр. Дѣянія Ап. Андрея“, стр. 36.

¹¹⁾ Напр., въ легенду западную, основанную на апокр. ев., проникаютъ идеи рыцарства, почему, напр., Пилать является леннымъ владѣтелемъ, Иосифъ—принцемъ и т. д. Подробнѣе исторія древне-христіанской легенды и апокрифа изложена въ статьѣ: *Evangelische Sagenkreis* (Kolloff'a—въ *Histor. Taschenbuch—Raumer'a. 1860*).

¹⁾ R. Lipsius „*Pilatus Acten*“ p. 28.

²⁾ K. Tischendorf. „*Ev. apocr.*“ p. LXV. (Prolegomena).

³⁾ Tischendorf. „*De orig. et usu*“ p. 26.

Число апокрифическихъ (а м. б. неканоническихъ евангелій), извѣстныхъ намъ въ настоящее время, довольно значительно: болѣе 30 подобныхъ текстовъ перечислено въ *Real-Encyclopädie der protestantischen Kirche Herzog'a* (I, 519). Но большинство ихъ не дошло или до сихъ поръ не найдено; знаемъ мы ихъ главнымъ образомъ изъ упоминаній, небольшихъ цитатъ у отцовъ церкви, изъ индексовъ (напр. папы Геласія), изъ писаній Климента Александрійскаго, особенно Оригена и Епифанія, Августина, рѣже Иринея, Тертуллиана, Евсевія. Многія изъ этихъ упоминаній настолько общи и неясны, что трудно сказать, какого рода текстъ представляло апокрифич. евангеліе, почему оно считалось апокрифическимъ; напр. ев. *Apellis* (по Оригену) едва-ли было чѣмъ нибудь инымъ, нежели простымъ сводомъ

Всѣ эти семь евангелій по содержанію дѣлятся на три группы: а) евангелія, касающіяся жизни родителей Христа и самыхъ обстоятельствъ Его рожденія; б) евангелія, описывающія дѣтство и жизнь Христа до начала Его проповѣди, и в) евангелія, излагающія послѣдніе дни земной жизни Спасителя, Его смерть, воскресеніе, вознесеніе, а также и послѣдующія событія, связанныя съ этой эпохой ⁴⁾).

А) Къ первой группѣ относится: во первыхъ, *Evangelium* (или *Liber*), *de nativitate s. Mariae*. Это евангеліе происхожденія несомнѣнно восточнаго, пользовалось большимъ распространеніемъ еще на мѣстѣ своего появленія, гораздо ранѣе, нежели перенесено было въ Европу греческими монахами (въ IV в.) ⁵⁾. Въ исторіи его перевода встрѣчается вопросъ (впрочемъ, не важный), который рѣшаютъ различно: одни изъ ученыхъ утверждаютъ, что это евангеліе переведено съ еврейскаго языка на латинскій блаж. Иеронимомъ, и что по преданію приписывается оно перу евангелиста Матѳея, почему его отождествляютъ съ *Ev. Pseudo-Matthaei*, извѣстнымъ по индексамъ (напр. по Анастасіеву; см. Н. С. Тихонравова „Пам. отр. лит.“ введ. IV. № 31) ⁶⁾. Tischendorf же другой памятникъ — *Historia de nativitate s. Mariae et de infantia Salvatoris* — издалъ подъ названіемъ: *Ev. Pseudo-Matthaei* (р. 51—112), и названіе этого евангелія основалъ на тѣхъ же данныхъ, на какихъ основывали свои доводы Thilo, Kolloff, Douhaire. Такое свое противорѣчіе Tischendorf объясняетъ тѣмъ, что въ *лучшихъ* и болѣе *надежныхъ* кодексахъ письмо блаж. Иеронима онъ находилъ при „*Historiae de nativitate s. Mariae et de infantia Salvatoris*“, тогда какъ Thilo нашелъ это письмо при „*Evangelium de nativitate s. Mariae*“ ⁷⁾.

евангелій каноническихъ, въ родѣ Маркіонова свода (изд. у Thilo стр. 403—486); таковы же м. б. были *ev. Ebionitarum* (иначе *hebraicum*) и *ev. Cerinthi*, упоминаемыя Епифаніемъ (*hereses*. 28, 3): это, повидимому, передѣлки съ немногими добавленіями евангелія Матѳея. Затѣмъ: многіе тексты, вполне тождественные, извѣстны, кажется, подъ разными именами, т. е. представляютъ одно только евангеліе, напр. *Ev. secundum Hebraeos*, которое, кажется, то же, что *ev. Nazaraeorum*. Наконецъ мы не знаемъ относительно иныхъ текстовъ, были ли они, дѣйствительно, евангеліями въ томъ значеніи, какъ писанія апостоловъ каноническія, а не простыми легендами, какъ можно думать относительно нѣкоторыхъ текстовъ, приведенныхъ въ списокъ Herzog'a въ числѣ евангелій, напр. *Mariae interrogationes majores et minores*, *Narratio de legali Christi sacerdotio*, *ev. Andreae*, вѣроятно, тождественнаго съ *Acta Andreae apostoli*. Вообще, какъ видимъ, свѣдѣнія наши объ древнихъ апокрифич. евангеліяхъ очень и очень не богаты; положительно сказать можно весьма немногое; напр., дѣйствительно, многія изъ „евангелій“, упоминаемыхъ писателями полемистами, были въ почетѣ и въ ходу у еретиковъ, преимущ. гностиковъ и манихеевъ; таковы: *ev. Iudae Ischariotae* (по Иренею и Епифанію—у Каинитовъ-гностиковъ), *ev. Manichaeorum* (состоящее изъ четырехъ евангелій: *Thomae*, *ev. vivum*, *ev. Philippi*, *ev. Abdae*), *ev. Perfectionis* (у Василидіанъ и гностиковъ), *ev. Tatiani* (у Энкратистовъ, но также и православныхъ Сиріи), *ev. Evae* (у гностиковъ). Самое позднее изъ неканонич. евангелій—*Ev. aeternum*, составленное въ XIII в. Недавно открыто въ отрывкахъ упомянутое раньше (стр. 41 прим. 7) *ev. Petri* (*Εὐαγγέλιον κατὰ Πέτρον*) въ Египтѣ (*V. Bouriant. Mémoires publiées par les membres de la Mission Archéol. Française au Caire, T. IX, fasc. I, 1892*). Отрывокъ содержитъ рассказъ про крестныя страданія Спасителя (съ добавленіями противъ каноническихъ евангелій), обрывается на рассказѣ о воскресеніи Христовомъ. По происхожденію отнести его слѣдуетъ ко II в., по изложенію весьма близко оно къ каноническимъ, по характеру указываетъ на среду еретиковъ докетовъ. Связь съ именемъ ап. Петра дана въ самомъ евангеліи. Рукопись писана на пергаментѣ, отнесена нашедшими къ VIII—XII в. (?). Текстъ и свѣдѣнія объ евангеліи см. у А. Harnack'a *Bruchstücke des Evangeliums und der Apokalypse des Petrus* (2 Aufl., Leipzig 1893), S. 1, 3, 8, 12. Евангеліе извѣстно было и Евсеію (*Hist. eccles.* VI, 12; цитата у Harnack'a, S. 4, Anm. 1).

⁴⁾ Tischendorf. „*Ev. ap.*“ Proleg. p. VIII—IX.

⁵⁾ Kolloff—Raumer p. 308; Douhaire p. 125; Thilo, p. XCI.

⁶⁾ Thilo p. 319: *Epistolas Chromatii et Heliodori ad Hieronymum, hujus ad illas, quae in Hieronymi Operum editionibus isti evangelio solent praemitti, in prolegomenis habes* (v. p. CII—CV). *Apparet ex iisdem libellum olim jactatum esse sub falsis nominibus scriptoris S. Matthaei evangelistae et interpretis Hieronymi, qui illum ex hebraico sermone vertit donaveritque interpretatione latina liberiore.*

⁷⁾ По мнѣнію Tischendorf'a письма эти и по содержанію ближе подходятъ къ „*Historia*“, нежели къ „*Evangelium*“. См. „*Ev. ap.*“, p. XXVII—XXIX; „*De origine et usu*“ § 11, 12. Къ его мнѣнію присоединяется и М. Brunet (у Migne'я, „*Dict. des apocr.*“ p. 1048—1049).

Редакцій этого евангелія извѣстна только одна, дошедшая въ латинскомъ переводѣ и находящаяся во всѣхъ рукописяхъ въ одинаковомъ видѣ ⁸⁾. Что же касается содержания разбираемаго евангелія, то оно по характеру должно быть признано самой старой, менѣе и другихъ искусственной обработкой легенды изъ евангельскаго цикла. Иначе сказать: это евангеліе представляетъ въ наиболѣе чистомъ видѣ одну изъ первоначальныхъ легендъ, послужившую темой обработки для другихъ писаній этого рода ⁹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ же сюжеты находимъ въ упомянутой выше: *Historia de nativitate s. Mariae et de infantia Salvatoris* (по загл. Thilo), или *Evangelium Pseudo-Matthaei* (по Tischendorf'у) ¹⁰⁾. Этотъ послѣдній памятникъ, дошедшій до насъ на также латинскомъ, носитъ уже слѣды болѣе поздняго времени: онъ уже болѣе искусственъ въ изложеніи и по происхожденію компилятивенъ, такъ какъ онъ составился (гл. 1—17) изъ „*Protevangelium Jakobi*“, „*ev. Thomae*“ и изъ „*Ev. de nativitate*“ ¹¹⁾, хотя самое „*Ev. ps. Matthaei*“ нельзя назвать простой сшивкой, соединеніемъ во-едино этихъ памятниковъ: здѣсь видна основательная, сознательная переработка источниковъ; кромѣ того, въ настоящемъ видѣ, текстъ носитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слѣды руки редактора—гностика по направленію. Происхождение этого памятника относится также на востокъ.

Третьимъ памятникомъ изъ разсматриваемой группы является: *Historia Josephi fabri—lignarii*, извѣстная намъ теперь въ арабскихъ текстахъ ¹²⁾. Распространеніе этой „Исторіи“ на Востокѣ весьма значительно, ибо существуютъ по бібліотекамъ тексты ея на сирскомъ (*écrit en caractères syriaques*), коптскомъ; предполагается даже латинская передѣлка, сдѣланная въ XIV в. по утерянному еврейскому оригиналу ¹³⁾. Мѣсто происхожденія этой „Исторіи“ также Востокъ. По древности легенда, легшая въ основу памятника, мало чѣмъ уступаетъ „*Ev. de nativitate*“, по времени же первоначальной обработки также относится къ глубокой древности ¹⁴⁾. Рассказъ „Исторіи“, по своей высокой поэтичности и богатству фантазіи (передается онъ мѣстами даже отъ лица самого Спасителя), представляется чѣмъ-то въ родѣ христіанскаго романа первыхъ вѣковъ ¹⁴⁾. Первая половина памятника (въ томъ видѣ, какъ онъ извѣстенъ изъ древнѣйшей рукописи 1299 г.) отмѣчена библейской простотой, тогда какъ вторая носитъ ясные слѣды арабской фантазіи и даже сказаній Корана ¹⁵⁾. Послѣдній, наконецъ, и самый важный для насъ текстъ этой группы—*Первоевангеліе Іакова* (*Protevangelium Jacobi*), связь котораго съ именемъ Іакова основана на указаніи въ самомъ его греческомъ текстѣ: *Ἐνὸς δὲ Ἰακώβου ἑγραφα κτλ.* (сар. XXV). Стало извѣстно оно въ европейскомъ ученомъ мірѣ только съ половины XVI в., когда

⁸⁾ Migne, p. 1050.

⁹⁾ Raumer, p. 308—309; Douhaire, p. 125.

¹⁰⁾ Thilo,—p. 377—400; Tischendorf, p. 51—112; у Тило напечатано только 24 главы, у Тишендорфа 42.

¹¹⁾ Raumer, p. 311. Его составъ и обработка могутъ служить примѣромъ указаннаго выше характера апокрифич. евангелій и отношеній ихъ къ свящ. писанію. Здѣсь, напр., явленіе Іоакиму ангела (въ гл. III) сильно напоминаетъ по изложенію рассказъ о пришествіи къ Аврааму трехъ странниковъ (Raumer, p. 315). Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи я придерживаюсь уже терминологіи Тишендорфа отн. *ev. Pseudo-Matthaei*.

¹²⁾ Издана у Thilo p. 1—61, съ латинскимъ переводомъ. До него издалъ также съ латинскимъ переводомъ—Georg Wallin (1722 г.); латинскій пер. есть и у Fabricius'a. (Codex ap. V. T., II, 309.)

¹³⁾ Douhaire, p. 274. Нѣкоторые изъ ученыхъ даже оригиналъ предполагаютъ на этомъ языкѣ; но другіе считаютъ таковымъ утерянный греческій текстъ (см. тамъ же). См. также Migne p. 1027—1028.

¹⁴⁾ Авторомъ переработки считается какой нибудь христіанинъ изъ Евреевъ. Въ доказательство древности приводятъ (напр., Brunet у Migne'я, p. 1029) остатки ученія хилиастовъ, находимые въ „Исторіи“, равно какъ и въ Апокалипсисѣ. Wallin считаетъ её старше IV в.

¹⁴⁾ Такого рода произведенія, какъ извѣстно, не были чужды первымъ вѣкамъ христіанства; таковы, напр., „Климентины“. (См. А. М. Иванцова-Платонова „Ереси и расколы...“, стр. 20—24 и прим. 1 въ этомъ изданіи).

¹⁵⁾ Raumer, p. 324—326.

появился латинский перевод съ греческаго текста, найденнаго на Востоку известнымъ ученымъ ориенталистомъ Postell'емъ. Первое издание самого текста явилось въ 1564 году ¹⁶⁾, но уже не по рукописи Postell'я, а по какой-то иной. Затѣмъ стали находить и въ европейскихъ библіотекахъ тексты памятника, такъ что Тило издавалъ свой текстъ на основаніи 8 рукописей, изъ кото-

*Великий камень:
Евангелие Иакова (Protēvangeliūn
) краше, боегомое по по характеру
судимому только среди христиан
славны. Тут машина со II в. хр. и
указывает на него. Оно и было со
христ. церквей любимо 8 сем. (день
Богородицы) и 21 ноября (введеніе во
др. Богородицы) [*

бъ же, какъ и предыдущихъ евангелий среди христіанъ православ-
тантскихъ ученій). Глубокая его
ная со II в., указываютъ Перво-
до громадно: переведено оно было
лю и уваженіемъ также не малыми:
стствуетъ, что читалось это произ-
съ публично; читалось оно, какъ
Богородицы), 21 ноября (Введеніе
еніями изъ отцовъ Церкви и жи-
ашего „Первоевангелія“ черпали
еній) наиболѣе уважаемые и зна-
ндрей Критскій и мн, др. ²⁰⁾. На
спространеніемъ не пользовалось
тѣ этого времени оно проникаетъ
вняго латинскаго перевода „Пер-

зъ „Hist. de nativitate s. Mariae“.
евныхъ апокрифовъ, частію обра-
нгеліями, частію же, м. б., прямо
сно различать нѣкоторыя изъ со-
ріи (гл. XLIII), въ виду слишкомъ
льной, нѣкогда самостоятельной
иять отдѣльное сказаніе съ ли-
вне-христіанской и до-христіан-

— „Первоевангеліе“. Это названіе
Postell'емъ: нигдѣ въ рукописяхъ
до, вѣроятно, народное названіе
стіане въ виду его важности въ

i. Tisch. proleg. p. XIV, nota 2).

Alexandr. - Stromat. lib. VII, p. 889 (ed
g'a, p. 309.

p. 311. Оба эти праздника установлены
известны.

у Тило (proleg., p. LXIII—LXVI).
сняется существованіемъ и популярно-
udo-Matthaei.—Упоминаемъ въ жизне-

описаніи Иакова переводъ Иеронима считается памятникомъ, совершенно отличнымъ отъ Protēvangeliūn (Tило, pro-
leg., p. LI): „Mihi non videtur illud esse evangelium, quod se vertisse in linguam Latinam Hieronymum in vita Iacobi
Justi testatur“.

²²⁾ Raumer., p. 310.

Редакцій этого евангелія извѣстна только одна, дошедшая въ латинскомъ переводѣ и находящаяся во всѣхъ рукописяхъ въ одинаковомъ видѣ ⁸⁾. Что же касается содержания разбираемаго евангелія, то оно по характеру должно быть признано самой старой, менѣе и другихъ искусственной обработкой легенды изъ евангельскаго цикла. Иначе сказать: это евангеліе представляетъ въ наиболѣе чистомъ видѣ одну изъ работки для другихъ писаній этого рода нутой выше: *Historia de nativitate s. Melchielum Pseudo-Matthaei* (по Tischendorf также латинскомъ, носить уже слѣды изложеніи и по происхожденію компилятивангеліумъ Jakobi“, „ev. Thomae“ и изъ назвать простой сшивкой, соединеніемъ ная, сознательная переработка источник по мнѣнію нѣкоторыхъ, слѣды руки ре памятника относится также на востокъ).

Третьимъ памятникомъ изъ разсмаріи, извѣстная намъ теперь въ арабскомъ Востокѣ весьма значительно, ибо существуютъ en caractères syriaques), коптскомъ; въ XIV в. по утерянному еврейскому оригиналу Востокѣ. По древности легенда, легенда „nativitate“, по времени же первоначально Разсказъ „Исторіи“, по своей высокой и даже отъ лица самого Спасителя), предвѣковъ ¹⁴⁾. Первая половина памятника рукописи 1299 г.) отмѣчена библейской фантазіи и даже сказаній Коринтскій текстъ этой группы—*Первоевангеліе Іакова* основана на указаніи въ самомъ XXV). Стало извѣстно оно въ европѣ

⁸⁾ Migne, p. 1050.

⁹⁾ Raumer, p. 308—309; Douhaire, p. 1.

¹⁰⁾ Thilo,—p. 377—400; Tischendorf, p. 5.

¹¹⁾ Raumer, p. 311. Его составъ и обработка фич. евангелій и отношеній ихъ къ свящ. писанію наетъ по изложенію разсказъ о пришествіи крестованіи я придерживаюсь уже терминологіи Tischendorf.

¹²⁾ Издана у Thilo p. 1—61, съ латинскимъ переводомъ Wallin (1722 г.); латинскій пер. есть и у Faber.

¹³⁾ Douhaire, p. 274. Нѣкоторые изъ учениковъ являются таковымъ утерянный греческій текстъ (ср. Douhaire).

¹⁴⁾ Авторсмъ переработки считается какъ въ арабскомъ (напр., Brunet у Migne'я, p. 1029) остаткомъ калиписифъ. Wallin считаетъ её старше IV в.

¹⁴⁾ Такого рода произведенія, какъ извѣстно, не были чужды первымъ вѣкамъ христіанства; таковы, напр., „Климентины“. (См. А. М. Иванцова-Платонова „Ереси и расколы...“, стр. 20—24 и прим. 1 въ этомъ изданіи).

¹⁵⁾ Raumer, p. 324—326.

появился латинскій переводъ съ греческаго текста, найденнаго на Востокѣ извѣстнымъ ученымъ ориенталистомъ Postell'емъ. Первое изданіе самого текста явилось въ 1564 году ¹⁶⁾, но уже не по рукописи Postell'я, а по какой-то иной. Затѣмъ стали находить и въ европейскихъ библіотекахъ тексты памятника, такъ что Тило издавалъ свой текстъ на основаніи 8 рукописей, изъ которыхъ старшая восходитъ къ X в. ¹⁷⁾. Происхожденіе его такъ же, какъ и предыдущихъ евангелій, восточное; по характеру оно таково, что могло возникнуть среди христіанъ православныхъ (въ немъ не находятъ слѣдовъ даже позднѣйшихъ сектантскихъ ученій). Глубокая его древность доказывается тѣмъ, что писатели церковные, начиная со II в., указываютъ Первоевангеліе ¹⁸⁾. Распространеніе этого евангелія на Востокѣ было громадно: переведено оно было почти на всѣ главные языки. Пользовалось оно популярностью и уваженіемъ также не малыми: самъ открывшій ученымъ „Первоевангеліе“ Postell свидѣтельствуесть, что читалось это произведеніе (*hoc libellum*) въ восточныхъ христіанскихъ церквахъ публично; читалось оно, какъ видно и изъ помѣтъ въ рукописяхъ, 8 сентября (день Рожд. Богородицы), 21 ноября (Введеніе во храмъ пр. Бог.), наравнѣ съ положенными на эти дни чтеніями изъ отцовъ Церкви и житій ¹⁹⁾. Кромѣ этого, значеніе его видно изъ того, что изъ нашего „Первоевангелія“ черпали матеріалъ для своихъ сочиненій (главнымъ образомъ для поученій) наиболѣе уважаемые и знаменитые отцы Церкви, напр. Григорій Нисскій, Епифаній, Андрей Критскій и мн, др. ²⁰⁾. На Западѣ, въ Европѣ, наоборотъ „Первоевангеліе“ большимъ распространеніемъ не пользовалось до VI в., кажется, не было даже извѣстно въ переводѣ; послѣ этого времени оно проникаетъ и туда ²¹⁾. Этимъ, вѣроятно, можно объяснить и отсутствіе древняго латинскаго перевода „Первоевангелія“.

Содержаніе этого евангелія представляетъ много общаго съ „*Hist. de nativitate s. Mariae*“. Состоитъ оно въ настоящемъ своемъ видѣ частію изъ болѣе древнихъ апокрифовъ, частію образовалось изъ источниковъ одинаковыхъ съ каноническими евангеліями, частію же, м. б., прямо подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ ²²⁾. До сихъ поръ еще можно различать нѣкоторыя изъ составныхъ частей этого евангелія. Такъ, рассказъ о смерти Захаріи (гл. XLIII), въ виду слишкомъ быстрой перемены въ содержаніи рассказа, можно счесть отдѣльной, нѣкогда самостоятельной легендой; затѣмъ плачь Анны (гл. II—III) также могъ составлять отдѣльное сказаніе съ лирическимъ характеромъ: мы знаемъ не одинъ плачь изъ древне-христіанской и до-христіанской литературы (напр., плачь матери Самуила).

Наконецъ, нѣсколько словъ о самомъ названіи памятника—„Первоевангеліе“. Это названіе происхожденія позднѣйшаго и введено въ употребленіе только Postell'емъ: нигдѣ въ рукописяхъ этого заглавія нѣтъ. Поводомъ же къ этому названію послужило, вѣроятно, народное названіе его: „*πρωτοεὐαγγέλιον*“, которое могли дать ему восточные христіане въ виду его важности въ

¹⁶⁾ Изд. Neander'a (Basiliae a. 1564., второе изд. 1567 г., заглавіе его см. Tisch. proleg. p. XIV, nota 2).

¹⁷⁾ Thilo, p. LIII—LXI (proleg.).

¹⁸⁾ *Seculo jam secundo Justinus—Dial. cum Tryph. cap. 78 et Clemens Alexandr. - Stromat. lib. VII, p. 889 (ed Rotter) fabulas, ibi narratas tangunt* (Thilo, proleg., p. XLV). См. также Raumer'a, p. 309.

¹⁹⁾ См. Thilo, proleg. p. XLIX; см. также введеніе въ изд. Неандера, стр. 311. Оба эти праздника установлены не ранѣе VI в., такъ что случаи употребленія евангелія до этого времени неизвѣстны.

²⁰⁾ Эти заимствованія въ большомъ количествѣ отмѣчены въ выпискахъ у Тило (proleg., p. LXIII—LXVII).

²¹⁾ Raumer, 309. Вѣроятно, неуспѣхъ „Первоевангелія“ на Западѣ объясняется существованіемъ и популярностью здѣсь другихъ писаній на ту же тему, напр. *Hist. de Nativitate, Ev. Pseudo-Matthaei*.—Упомянутый въ жизнеописаніи Іакова переводъ Іеронима считается памятникомъ, совершенно отличнымъ отъ *Protevangelium* (Thilo, proleg., p. LI): „*Mihi non videtur illud esse evangelium, quod se vertisse in linguam Latinam Hieronymum in vita Iacobi Justi testatur*“.

²²⁾ Raumer., p. 310.

ихъ глазахъ; а съ ихъ словъ могъ дать это названіе памятнику и Postell²³⁾. Въ рукописяхъ же заглавіе двойко: въ одномъ нѣтъ даже имени Іакова, напр., cod. A (у Тило): *Διήγησις καὶ ἱστορία, πῶς ἐγεννήθη ἡ ὑπεραγία Θεοτόκος εἰς ἡμῶν σωτηρίαν*; въ большинствѣ же случаевъ имя Іакова есть, при чемъ титулъ апостола распространяется то болѣе, то менѣе, напр., cod. B: *Ἱστορία Ἰακώβου τοῦ ἀδελφοθείου εἰς τῆς γέννησιν τῆς ὑπεραγ. Θεοτ.*, или: *Λόγος τοῦ ἁγίου, ἐνδόξου καὶ πανευφήμου ἀποστόλου Ἰακώβου τοῦ ἀδελφοθείου...* (далѣе перечень содержания — cod. D); чаще же въ спискахъ стоитъ заглавіе: *Λόγος Ἰακώβου* или *Ἱστορία Ἰακώβου...*, чтò ближе всего соотвѣтствуетъ и славянскимъ заглавіямъ этого евангелія.

Что касается редакціи этого евангелія, то извѣстна только одна, да и существовала, кажется, одна: греческіе тексты не даютъ такихъ вариантовъ другъ къ другу, которые бы давали возможность предположить разницу редакцій; сходство переводовъ съ греческаго, сдѣланныхъ въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ, также говорятъ въ пользу одной редакціи евангелія.

Б) Вторая группа. Къ ней, какъ можно было замѣтить выше, принадлежитъ своей второй частью и „*Historia de nativitate S. Mariae et infantia Salvatoris*“ (т. е. ev. Pseudo-Matthaei). Кромѣ того, сюда принадлежатъ цѣликомъ два памятника: а) *Evangelium de infantia Salvatoris*, дошедшее въ арабскомъ текстѣ, и б) *Evangelium secundum Thomam*, извѣстное по текстамъ греческимъ и латинскимъ; есть оно и въ славянскихъ переводахъ. Поводомъ къ появленію этихъ евангелій, какъ было мною замѣчено ранѣе²⁴⁾, послужило состояніе самыхъ каноническихъ евангелій: періодъ жизни І. Х. со времени бѣгства во Египетъ до крещенія Его оставленъ въ канонич. евангеліяхъ почти пустымъ²⁵⁾. Народная фантазія, любознательность христіанъ не могли оставить этого періода не заполненнымъ, такъ что ужъ изъ самаго характера народной литературы мы должны были ожидать возникновенія легендъ на тему изъ дѣтства и отрочества Христа²⁶⁾. Дѣйствительно, мы и находимъ подобныя легенды, а въ числѣ другихъ и упомянутые выше два памятника, представляющіе литературную обработку легендъ о младенцествѣ и отрочествѣ Христа. „*Evang. de infantia Salvatoris*“ (изд. впервые въ 1697 г, Sicke) извѣстно, какъ я упоминалъ, въ арабскомъ текстѣ и отличается всѣми характерными чертами арабской поэзіи; тѣмъ не менѣе ясно, что оно, будучи одного происхожденія съ „*Ev. sec. Thomam*“, представляющимъ древнѣйшій едва обработанный отрывокъ первоначальной легенды, есть уже произведеніе компилятивное: первыя девять главъ его основаны на канонич. евангеліяхъ Луки и Матѳея, а съ гл. 36 и до конца на апокр. ев. Θомы; промежутокъ же (гл. 10—35) наполненъ фантастическими легендами Востока, съ фигурирующими постоянно въ нихъ демонами, сатаной, ангелами, магами и т. п.²⁷⁾. Это евангеліе пользовалось все-таки большой популярностью на Востокѣ: путешественники находили его въ Персіи, Сиріи, Египтѣ, у Арабовъ, христіанъ Θомы, Армянъ и т. д.²⁸⁾; оно иногда даже получало названіе „пятого евангелія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что рано попало оно въ руки еретиковъ и сектантовъ, почему Иринеи говорилъ о немъ, какъ о трудѣ Маркосіанина, Оригенъ считалъ авторомъ его Василида, а Кирилль—Манеса. Дѣйствительно, судя даже по его характеру, не трудно угадать его не-православный характеръ, замѣтить въ немъ причудливую

²³⁾ Thilo, proleg., p. XLVI.

²⁴⁾ См. „Дѣян. ап. Андрея“, стр. 36.

²⁵⁾ Изъ этого періода упомянуть только одинъ эпизодъ: пребываніе 12 лѣтняго отрока Іисуса въ храмъ съ книжниками (Ев. Лук. II, 41—52).

²⁶⁾ Raumer, p. 327.

²⁷⁾ Tischend. „Ev. ap.“ proleg., p. XLVIII.

²⁸⁾ М. Brunet даже оригиналь предполагаетъ на сирскомъ нарѣчій. Древнѣйшій текстъ этого еванг. (арабскій) относится къ 1299 г.; наход. въ библиот. Лаврентійской; онъ иллюстрированъ (См. Е. К. Рудина, „Миніатюры апокрифич. арабск. ев...“. Спб. 1894; въ Зап. И. Р. А. О. т. VII).

смѣсь старыхъ восточныхъ вѣрованій съ христіанскими²⁹⁾. Съ другой стороны, мы знаемъ, что у Манихеевъ (и вообще азіатскихъ еретиковъ) особенно сильно чувствовались въ религіозныхъ системахъ эти старыя языческія вѣрованія въ связи съ новыми христіанскими; поэтому и не мудрено, что это евангеліе пользовалось распространеніемъ среди сектантовъ. Оказало оно вліяніе и на другія ученія позднѣйшихъ временъ, даже на ученіе Магомета, который воспользовался имъ въ своемъ Коранѣ. Оно, какъ и другія евангелія, приписывалось перу разныхъ знаменитыхъ лицъ, то Матѳею, то Петру, то Іакову, то особенно часто Θомѣ.

Подробную же судьбу испытало и подобную же популярность пріобрѣло и второе изъ евангелій этой группы—*Ev. sec. Thomam*, которое такъ же, какъ и предыдущее, пользовалось успѣхомъ преимущ. среди еретиковъ и сектантовъ. По происхожденію оно немногимъ моложе Іаковля ев., такъ какъ о немъ свидѣлствуютъ уже Иринеи, Ортенъ, авторъ *Philosophumena* и др. Но весь вопросъ заключается въ томъ, то-ли мы имѣемъ писаніе, на которое указываютъ древніе авторы, и которое запрещено индексами, или иное, т. е. только позднѣйшую передѣлку древняго памятника? Вопросъ этотъ рѣшаютъ обыкновенно въ пользу втораго положенія, т. е.: мы въ дошедшихъ до насъ текстахъ едва-ли можемъ видѣть то самое писаніе, о которомъ упоминаютъ Иринеи и Оригенъ, а, вѣроятнѣе, имѣемъ передѣлку древняго апокрифа. Главнымъ основаніемъ этого взгляда служитъ то, что ни въ одной рукописи разсматриваемый памятникъ не названъ „*εὐαγγέλιον*“. Но съ другой стороны видимъ, что Златоустъ, Анастасій Синайскій и др., упоминая о нашемъ памятникѣ, приводятъ заглавіе, сходное съ имѣющимся въ рукописяхъ³⁰⁾. Но этимъ вопросъ, конечно, не рѣшается: различія заглавій еще недостаточно для заключенія о различіи самыхъ памятниковъ³¹⁾. Сюда же присоединяется и состояніе нашихъ текстовъ: мы знаемъ, прежде всего, очень немного рукописей, содержащихъ этотъ памятникъ; да и эти немногія рукописи (греческія и латинскія) представляютъ настолько много различій между собою, что устанавливаются двѣ редакціи греческихъ и одна латинская; но и эти редакціи твердо установлены быть не могутъ въ виду большаго разнообразія между текстами одной категоріи. Это показываетъ, что текстъ весьма часто перерабатывался и измѣнялся. Это же видно и изъ различія въ количествѣ стиховъ сравнительно съ текстами, указываемыми въ „Стихаметріи“ Никифора ($\alpha\tau^2 = 1300$), т. е. необходимо признать разницу въ объемѣ между текстами, извѣстными Никифору и дошедшими до насъ³²⁾. Наконецъ, въ исторіи этого памятника возникаетъ еще вопросъ, — вопросъ объ его авторѣ (по крайней мѣрѣ, фиктивномъ). По однимъ источникамъ считать ап. Θому авторомъ нельзя, т. е. нельзя приписывать ему этого памятника; другіе же источники прямо называютъ ап. Θому авторомъ³³⁾. Т. о. въ исторіи этого текста мы имѣемъ рядъ вопросовъ, пока неразрѣшимыхъ. Одно можно сказать положительно: памятникъ, намъ извѣстный и называемый нами „Евангеліемъ Θомы“, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ старымъ писаніемъ, запрещаемымъ индексами.

В) Третья группа. Единственнымъ представителемъ ея служитъ *Никодимово евангеліе*, но за то со многими такъ или иначе связанными съ нимъ статьями. Этому евангелію особенно почастливилось въ ученomъ мѣрѣ: ему удѣлено болѣе мѣста въ изслѣдованіяхъ, сопровождающихъ

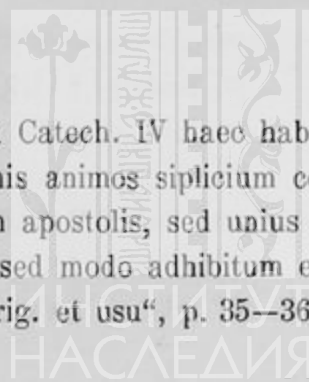
²⁹⁾ Напр., въ гл. VII упоминается Зороастръ (*Zoradascht, Zeraduscht*), какъ предвозвѣстникъ Христа.

³⁰⁾ Tisch. „*Ev. ap.*“ proleg., p. XXXIX—XL.

³¹⁾ Thilo, proleg., p. LXXIV, sq.

³²⁾ Tisch. „*Ev. ap.*“ p. XL.

³³⁾ *Manichaeum autorem jam plures veterum suspicati sunt duce Cyrillo Hierosolymit., qui Catech. IV haec habet: „Scripserunt etiam Manichaei evang. secund. Thomam, quod quasi suavitate evangelici cognominis animos simplicium corrumpit“, rursus Catech. VI: „Nemo legat evang. sec. Thomam, non enim est unius ex duodecim apostolis, sed unius ex pessimis tribus Manetis discipulis“... Secundum Gelasium, hoc ev. non a Manichaeis scriptum, sed modo adhibitum est; habet enim: „Ev. nomine Thomae apostoli, quo utuntur Manichaei, apocryphum“ (Tisch. „*De orig. et usu*“, p. 35—36).*

издания текста; ему посвящено несколько специальных капитальных сочинений, каковы труды Lipsius'a, Maury и др.; составители общих обзоров апокрифов, напр. Douhaire, посвящают этому евангелию значительное внимание.

Не мудрено поэтому, что при такой подробности анализа, в исследованиях своих ученые во многом расходятся. Поэтому изложу в кратких словах наиболее важные взгляды на Никодимово евангелие, откуда выяснятся и главнейшие особенности его истории. Начинаю с *К. Тишендорфа*. Онъ, согласно со всеми другими исследователями, различает две половины в Никод. еван.: гл. I—XVI, содержащая рассказ о судебном процессе над Христомъ, распятии Его, погребении, воскресении и вознесении Его, и гл. XVII—до конца (число глав колеблется по редакциям), рассказывающая о сошествии в адъ I. X. Объ эти половины, по его мнению, принадлежат разным авторам³⁴⁾, что доказывается у него следующимъ: а) греческие древние тексты состоятъ только изъ 16 глав (за исключениемъ двухъ изъ 12 списковъ); в коптскомъ переводѣ также нѣтъ второй части. Латинские же тексты, постоянно представляющие уже объ части вмѣстѣ, редакци не первоначальной, а переводной и притомъ съ такого греч. текста, гдѣ объ части слиты. б) У той и другой части есть свое собственное окончание (латинские или сокращаютъ одно изъ нихъ, или вовсе отбрасываютъ). в) Языкъ и стиль въ обѣихъ частяхъ различны. г) Рѣчь покаившагося на крестѣ разбойника (собственно цитата) въ обѣихъ частяхъ передается различно; ³⁵⁾ то же наблюдается и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ. д) Рассказъ о Симеонѣ, помѣщаемый въ XVI гл., не таковъ, чтобы можно было ожидать истории его сыновей: если бы авторъ XVI гл. имѣлъ въ виду эту историю, онъ далъ бы что-нибудь, чтобы приготовить читателя къ этой истории ³⁶⁾. Большинство текстовъ снабжено двумя введениями: первое начинается словами: *Ἐγὼ Ἀναρίας...*, второе: *Ἐν ἔτει πεντεκαίδεκάτῳ...* Иные тексты или оба введения отбрасываютъ, или одно изъ нихъ. Первое изъ нихъ принадлежитъ лицу-редактору, выпустившему книгу при императорахъ Θεодосίи и Валентинιανῶν, второе — древнее первого. Затѣмъ, уже позднѣе было присоединено имя Никодима, при чемъ или Никодимъ считался переводчикомъ Энея, или обратно. Евангелие Никодима въ древности не было известно подъ этимъ именемъ, а носило заглавие: *Acta Pilati* (греч. *ὑπομνήματα τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (πραχθέντα) ἐπὶ Πορτίου Πιλάτου*). Происхождение новаго заглавия его (съ именемъ Никодима) относится къ VI в. ³⁷⁾. Название же памятника евангелиемъ принадлежитъ исключительно латинскому переводу ³⁸⁾ и вошло во всеобщее употребленіе въ западн. Европѣ только послѣ Карла V. ³⁹⁾

Время соединенія обѣихъ частей памятника опредѣлить трудно. Признавши, что дошедшіе до насъ „Acta Pilati“ ни въ чемъ существенномъ не отличаются отъ „Acta“, упоминаемыхъ писателями II в., *К. Тишендорфъ* возводитъ происхождение ихъ къ II в. (по крайней мѣрѣ первую часть) ⁴⁰⁾. Что же касается автора, то онъ приходитъ къ выводу, что „Acta“ писаны съ известной тенденціей, именно, съ желаніемъ доказать подлинность событія воскресенія и того, что Христосъ есть Мессія; по національности, авторъ могъ быть иудей изъ христіанъ, писавшій на популярномъ греческомъ языкѣ (упоминаніе объ еврейскомъ оригиналѣ—фикція) ⁴¹⁾. Наконецъ,

³⁴⁾ „Ev. ap.“, proleg. p. LIV.

³⁵⁾ Въ гл. X. *Μνήσθητί μου, κύριε, ὅταν ἔλθῃς ἐν τῇ βασιλείᾳ σου*; Descens. гл. X: *Κύριε, ὅτε βασιλεύσεις, μὴ μου ἐπιλάθῃς*.

³⁶⁾ „Ev. ap.“ proleg. p. LV—LVI.

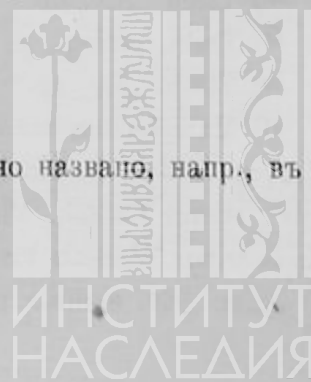
³⁷⁾ Ibid. p. LVIII.

³⁸⁾ Ibid. p. LX.

³⁹⁾ Кроме того, это евангелие иногда носило заглавие: „Ev. Nazaraeorum“ (какъ оно названо, напр., вь рук. Пар. нац. библ. № 3338). Ibid. p. LXI.

⁴⁰⁾ Ibid. p. LXV.

⁴¹⁾ Ibid. p. LXVI.

онъ опредѣляетъ время послѣдняго редактированія памятника: это могло произойти не ранѣе V в., если основываться на введеніи.

Вторая же часть, по своимъ идеямъ, м. б. принадлежитъ глубокой древности; во всякомъ случаѣ она старше первой части и восходитъ, м. б., къ вѣку апостольскому. Рядомъ съ этимъ возникаетъ предположеніе, что эта вторая часть (*Descensus Christi ad inferos*) заимствована изъ извѣстнаго только по заглавію *Κήρυγμα Πέτρον*, цитируемаго Климентомъ Алекс. и Іоанномъ Дамаскинымъ ⁴²⁾. Авторомъ „*Descensus'a*“ могъ быть также христіанинъ изъ Іудеевъ, м. б., не чуждый нѣсколько гностицизма. Вотъ сущность взглядовъ К. Тишендорфа ⁴³⁾.

Иначе взглянулъ на дѣло *R. Lipsius* въ своемъ изслѣдованіи: *Die Pilatus Acten* (Kiel. 1871). Укажу изъ его выводовъ только на тѣ, которые разнятся или дополняютъ выводы Тишендорфа. Прежде всего отличаетъ и онъ двѣ редакціи памятника: старшую, не знающую имени Никодима и озаглавленную въ рукоп.: *Ἐπιτομήματα τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ (πραχθέντα или τῶν πραχθέντων ἐπὶ Πορτίου Πιλάτου)*, и младшую: *Διήγησις περὶ τοῦ πάθους τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰ. Χ. καὶ τῆς ἁγίας αὐτοῦ ἀναστάσεως*. Старшая редакція имѣетъ два введенія, въ которыхъ Ананія (Эней)—современникъ имп. Θεодосία II и Валентиніана и переводчикъ сочиненія, младшая — одно введеніе, указывающее на Ананію, какъ на современника I. X. Вторая редакція вышла изъ первой. Составитель первой редакціи, авторъ перваго введенія, и лицо, присоединившее „*Descensus'a*“, тождественны. Рукописи старшей редакціи первоначально „*Descensus'a*“ не имѣли ⁴⁴⁾. Древнѣйшій текстъ „Актовъ“ состоялъ изъ 11 первыхъ главъ современнаго печатнаго изданія, которыя и въ латинскихъ текстахъ переданы замѣчательно сходно съ греческимъ и одинаково. Главы XII—XVI присоединены позднѣе, дополняя ту же идею, что и первыя главы (разказы о воскресеніи Христа). Эти главы XII—XVI могли существовать и отдѣльно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ онѣ носятъ отдѣльное заглавіе ⁴⁵⁾. Т. о. составъ Н. Е., по Липсіусу, таковъ: 1) основная часть, начинающаяся со словъ: *Ἐν ἔτι πεντεκαιδεκάτῳ...*, и обнимающая первыя 11 главъ; состояла ли она изъ 16 главъ, или нѣтъ, — сказать трудно; вѣроятнѣе, что нѣтъ; 2) сочиненіе о пребываніи Христа въ аду, извѣстное подъ именемъ: „*Descensus Christi ad inferos*“. Сюда присоединяется обработка Ананія, современника Θεодосία II и Валентиніана, которая присоединила первое введеніе главы XVII—XXVII, а также, м. б., и XII—XVI. Затѣмъ, ко второй половинѣ V в. относится вторая обработка, новаго ничего не внесшая, кромѣ извѣстія о новомъ происхожденіи евангелія: оно писано по приказанію топарха Никодима Ананіей по Еврейски и переведено уже самимъ Никодимомъ. Къ дальнѣйшимъ нарощеніямъ памятника относятся: *Πιλάτου Ἀναφορά* присоединяемое къ текстамъ той и другой категоріи, *Παράδοσις καὶ θάνατος Πιλάτου*, находящіяся преимущ. въ спискахъ, не имѣющихъ „*Descensus'a*“; оба эти добавленія существуютъ и отдѣльно по рукописямъ ⁴⁶⁾.

Тождество извѣстныхъ намъ „*Acta*“ съ „Актами“, упоминаемыми Іустиномъ и Тертуллианомъ и др., Липсіусъ отрицаетъ; подъ этими „Актами“ слѣдуетъ скорѣе всего подразумѣвать только „*Epistola Pilati*“ ⁴⁶⁾. Сравнивая разбираемое евангеліе съ литературой IV в. и принявъ во вни-

⁴²⁾ Ibid. p. LXVIII. На это предположеніе К. Тишендорфъ наведенъ былъ, кажется, 19-мъ ст. III гл. I Посланія ап. Петра. Впрочемъ, рѣшительно этого мнѣнія Тиш. не принимаетъ (ibid: p. XLIX) Ср. *R. Lipsius* „*Die apokryphen Apostelgesch.*“ I, 2.

⁴³⁾ На основаніи своего взгляда Тишендорфъ и издалъ памятникъ, раздѣливъ обѣ части: первую—подъ именемъ: *Acta Pilati*, вторую—подъ именемъ: *Descensus Christi ad inferos*.

⁴⁴⁾ Lipsius op. cit. p. 7.

⁴⁵⁾ Ibid. p. 8; см. также Thilo, proleg. p. CXXLI.

⁴⁶⁾ Это разложеніе подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о взаимодѣйствіи легендъ другъ на друга, обѣ ихъ оединеніи въ циклы.

⁴⁶⁾ Lipsius, op. cit., p. 13.

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

маніе разборъ его языка, сдѣланный Scholten'омъ, Липсіусъ пришелъ къ выводу, что возникновеніе нашихъ „Актвъ“ раньше IV в. отодвигать нельзя ⁴⁷⁾; опредѣляя же точнѣе время, онъ пришелъ къ убѣжденію, что именно въ періодъ между 326-мъ и 376-мъ годами могъ возникнуть разбираемый памятникъ; отсюда объясняется и цѣль его: противодѣйствовать изданнымъ по повелѣнію Максимиана языческимъ „Актамъ Пилата“, очернявшимъ личность Христа ⁴⁸⁾. Что касается второй половины „Актвъ“ и ея автора, то имена Leucius и Charginus—раздѣленное на двое имя извѣстнаго автора (редактора) многихъ апокрифовъ. Самое содержаніе „Descensus'a“ говоритъ за глубокую его древность, но онъ съ *Κήρυγμα Πέτρον* связи никакой не имѣетъ, а скорѣе относится къ апокрифамъ въ родѣ „Хожденій по мукамъ“ (Богородицы, ап. Павла) ⁴⁹⁾. Гностическое направленіе во второй части явилось въ III в. Сама же по себѣ она старше 1-й ч. „Атквъ“.

А. Маури, изслѣдованіе котораго, главнымъ образомъ, касается связи Н. Е. съ литературой III—IV в., считаетъ его по происхожденію сектантскимъ, возникшимъ въ сектѣ Аполлинаристовъ, существовавшей въ первой четверти V в. ⁵⁰⁾.

Мнѣніе Brunet отличается отъ другихъ только тѣмъ, что обѣ половины памятника признаетъ онъ трудомъ одного автора ⁵¹⁾.

Douhaire, имѣя болѣе въ виду поэтическую сторону христіанской легенды, отдаетъ предпочтеніе и посвящаетъ болѣе вниманія второй части памятника и считаетъ ее важнѣе первой ⁵²⁾.

Kolloff, признавая сравнительно позднее (V в.) появленіе памятника, смотритъ на Н. Е., какъ на памятникъ народнаго творчества, и отрицаетъ потому всѣ попытки ученыхъ привести Н. Е. въ зависимость отъ разныхъ еретич. ученій и навязать ему какую-нибудь тенденцію ⁵³⁾.

Вотъ въ общихъ чертахъ сводъ главнѣйшихъ взглядовъ на наше евангеліе. Съ своей стороны сдѣлаю еще одну замѣтку касательно текстовъ латинскихъ и греческихъ,— замѣтку, важную для изученія славянскихъ переводовъ Н. Е.: латинскіе полные (т. е. съ „Descensus'омъ“) тексты имѣютъ лишнюю главу о томъ, какъ Пилатъ призвалъ Іудеевъ, велѣлъ имъ положить въ храмъ на храненіе писаніе Харина и Левкія, а самъ написалъ донесеніе Тиверію, которое и прилагается обыкновенно, но въ формѣ болѣе краткой, чѣмъ въ обыкновенныхъ греческихъ краткихъ (т. е. безъ „Descensus'a“) текстахъ евангелія. Это прибавленіе отличаетъ греческіе полные тексты отъ латинскихъ: греческ. полные тексты оканчиваются писаніемъ Левкія и Харина. Ясно, что эта вставная глава дѣло редактора, нашедшаго нужнымъ связать евангеліе и „Посланіе Пилата“. Затѣмъ замѣчу еще и то, что греческіе тексты краткіе имѣютъ весьма часто, кромѣ „Посланія“ (*Ἀναφορά*) и „Преданіе и смерть Пилата“ (*Παράδοσις καὶ θάνατος Π.*), котораго нѣтъ въ полныхъ латинскихъ. Оба эти памятника встрѣчаются и сами по себѣ въ томъ же видѣ.

Что же касается популярности этого Н. Е., то, кажется, полный видъ памятника на Западѣ былъ распространенъ болѣе, нежели на греческомъ Востокѣ, гдѣ, кажется, въ свою очередь большимъ распространеніемъ пользовался краткій видъ евангелія. Впрочемъ, и полный видъ греческаго текста читался у Грековъ въ церкви, какъ легенда, заслуживающая довѣрія, и какъ „трудъ уважаемаго автора“, какъ это обозначено въ одной ватиканской рукописи ⁵⁴⁾.

⁴⁷⁾ Ibid., p. 33—34.

⁴⁸⁾ Ibid., p. 27—28. Объ этихъ языч. „Актахъ“ см. Tischend., proleg., p. LXIV.

⁴⁹⁾ Ibid., p. 40—41, 43.

⁵⁰⁾ Maury, p. 327.

⁵¹⁾ Migne I, p. 1090—1091.

⁵²⁾ L'univ. cath., № 32, p. 108.

⁵³⁾ Raumer, p. 325.

⁵⁴⁾ Migne. I p. 1092. Рукопись эта съ XIX гл. издана Birchius'омъ, въ его „Auctuarium'ѣ“ (p. 109—151).

Наконецъ, скажу нѣсколько словъ о другихъ памятникахъ этой группы. Первымъ изъ нихъ упоминаемъ *Ἀναφορά Πιλάτου* (Epistola Pilati), содержащее донесеніе Пилата въ Римъ о Христѣ. Это *Ἀναφορά* относится по времени появленія къ первымъ вѣкамъ: на него указывали, какъ мы уже знаемъ, писатели церковные со II вѣка. Существуетъ мнѣніе, что и само Н. Е. есть развитіе нашего *Ἀναφορά*. Попадается оно очень часто въ отдѣльномъ видѣ, но чаще въ соединеніи съ другими памятниками: съ Н. Е. и особенно часто съ т. н. *Παράδοσις Πιλάτου*, трактующимъ о вызовѣ на судъ въ Римѣ Пилата, его осужденіи и смерти. Что касается редакціи этого памятника, то ихъ мы знаемъ нѣсколько: въ текстахъ краткихъ греческаго Н. Е. и отдѣльные тексты *Ἀναφορά*, а также въ соединеніи съ *Παράδοσις*, — представляютъ одну редакцію, болѣе полную, сравнительно съ тѣмъ видомъ его, который присоединяется къ полнымъ (латинскимъ, переведеннымъ съ греческаго же) текстамъ Н. Е. и вошелъ въ составъ апокрифич. „Дѣяній Петра и Павла“⁵⁵⁾; этотъ видъ можно считать второй редакціей, м. б., болѣе древней, нежели первая.

Παράδοσις Πιλάτου также встрѣчается отдѣльной статьёй, но иногда и въ соединеніи съ Н. Е., гдѣ онъ слѣдуетъ за *Ἀναφορά*; иногда къ нему присоединяется текстъ отвѣтнаго посланія Тиверія Пилату⁵⁶⁾.

Кромѣ того, существуютъ еще памятники, группирующіеся около Н. Е. Изъ нихъ упомяну только одинъ, имѣющійся въ славянскомъ переводѣ, — это *Ἐφήγησις τοῦ Ἰωσήφ*, рассказывающій о преданіи и смерти Христа, о заключеніи и освобожденіи Иосифа изъ темницы (таже тема, что въ Н. Е. въ концѣ 1-й части, но изложенная совершенно иначе). Текстъ дошелъ до насъ въ греческомъ оригиналѣ и представляетъ, на сколько можно судить, одну редакцію⁵⁷⁾.

Сдѣлавши этотъ общій обзоръ текстовъ апокрифическихъ евангелій, считаю нужнымъ присоединить нѣсколько замѣчаній о дальнѣйшей судьбѣ этихъ текстовъ, главнымъ образомъ на мѣтитъ значеніе этихъ евангелій въ кругу другихъ литературныхъ памятниковъ, памятниковъ искусства, указать, какое значеніе могутъ они имѣть въ наукѣ.

Несомнѣнно, что значеніе апокрифическихъ евангелій для древне-христіанской жизни велико: припомнимъ, какой авторитетъ имѣли они у многихъ христіанскихъ общинъ, какимъ вниманіемъ пользовались они у христіанскихъ писателей. Велико значеніе ихъ и для исторіи искусства, и для исторіи средне-вѣковой жизни вообще.

Для исторіи первыхъ вѣковъ христіанства они важны, вмѣстѣ съ другими аналогичными памятниками, въ томъ отношеніи, что легенды, создававшіяся на народной почвѣ, гораздо легче прививались въ средѣ новообращаемаго народа, нежели строгое ученіе церковнаго писанія, передавая болѣе осязательно и конкретно то, что догматично изложено въ каноническихъ писаніяхъ; иначе: они облегчали народу усвоеніе истинъ, проповѣдуемыхъ каноническимъ писаніемъ, подготавливали почву къ принятію христіанства среди народовъ языческихъ, гдѣ легенда весьма часто распространялась и была извѣстна, хотя бы какъ интересный рассказъ, ранѣе, нежели туда проникала проповѣдь съ каноническимъ писаніемъ. Этимъ, вѣроятно, можетъ быть и объясненъ тотъ фактъ, что нѣкоторые тексты апокрифовъ ставились наравнѣ съ канонич. писаніемъ, особенно у сектантовъ.

Благодаря этому своему характеру, апокрифич. евангелія, вмѣстѣ съ другими подобными легендами, не мало способствовали распространенію христіанства среди язычниковъ, населявшихъ Европу и перешедшихъ въ Европу во время переселеній¹⁾.

⁵⁵⁾ См. Tischendorf. „Acta apost. apocrypha“ р. 16—18. Въ слав. переводѣ см. „Библиогр. Мат.“ А. Н. Попова XV—XIX, гдѣ на стр. 11—12 и 28—29 — самое посланіе; на стр. 46 нѣсколько замѣчаній о немъ.

⁵⁶⁾ Греч. оригиналъ изданъ Burchius'омъ въ его „Auctuarium“ б., р. 172—180.

⁵⁷⁾ Изд. тамъ же, р. 181—194.

¹⁾ Raumer, р. 350. О значеніи апокрифич. евангелій въ исторіи первыхъ вѣковъ см. А. И. Иванцова-Платонова „Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства“ (М. 1877, гл. II, стр. 35 и сл.)

Легендами же, а въ томъ числѣ и евангеліями апокр., пользовались и сами духовныя лица: они рано поняли все значеніе этихъ памятниковъ для народа и не пренебрегали ими, разъ легенды могли сдѣлать болѣе доступной ту или другую идею христіанскаго ученія. Т. о. апокрифическія евангелія проникли въ церковную литературу, гдѣ ими пользовались не только простые люди, но и лица, стоявшія въ первыхъ рядахъ тогдашней интеллигенціи и литературнаго движенія, напр., Евсевій, помѣстившій въ свою „Церковную Исторію“ отрывокъ изъ Никодимова еванг.. Церковные ораторы очень хорошо сознавали достоинства апокрифическихъ евангелій со стороны ихъ поэтичности, красоты ихъ образовъ, поэтому не пренебрегали случаемъ украшать свои произведенія образами, заимствованными изъ апокрифич. евангелій и аналогичныхъ имъ памятниковъ, напр., Іоаннъ Дамаскинъ, Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ и др.²⁾

Затѣмъ, уже перейдя на западъ, апокрифич. евангелія начали новую жизнь, но и съ своей стороны внесли и много новаго въ христіанскую жизнь среднихъ вѣковъ. Здѣсь факты, сообщаемые апокр. евангеліями, органически вошли въ жизнь, какъ это я указалъ выше, и вмѣстѣ съ другими легендами залегли въ основахъ народной нравственной философіи; напр., Іахимъ и Анна, Іосифъ и Марія, коихъ жизнь разработана апокрифич. евангеліями, стали олицетвореніями гражданскихъ и семейныхъ добродѣтелей, образцами истинно христіанской жизни. А войдя въ сборники житій (въ родѣ „*Legenda aurea*“) и легендъ, которыми такъ богаты средніе вѣка, эти евангелія стали орудіемъ для утвержденія вѣры, нравственнаго и религіознаго воспитанія, а часто и знанія³⁾. Само духовенство западное въ широкихъ размѣрахъ пользовалось этимъ матеріаломъ въ проповѣди, чтобы искоренять остатки старыхъ языческихъ вѣрованій и суевѣрій въ народѣ.

Другимъ могучимъ средствомъ для тѣхъ же цѣлей были, какъ извѣстно, мистеріи. Изъ нихъ самыя древнія восходятъ къ XI—XII в.; это были т. н. „Мистеріи страстей Господнихъ“; эти же „Мистеріи“ почти цѣликомъ основаны на Никодимовомъ евангеліи, давшемъ матеріаль и другому крупному въ средневѣковой литературѣ произведенію—„Страстямъ“. Такое господство апокрифич. евангелій тянется до XV в., когда мистерія достигаетъ предѣловъ своего развитія и завершаетъ этотъ періодъ огромной циклической мистеріей магистра - доктора Іоанна Мишеля (1420 г.). Эта тянувшаяся 3 дня мистерія обнимаетъ весь евангельскій кругъ, черпаетъ матеріаль изъ каноническихъ, а также и изъ апокрифическихъ евангелій⁴⁾. Вообще можно ска-

²⁾ Напр., въ Огласительномъ посланіи І. З., читаемомъ и донинѣ послѣ пасхальной заутрени, читаемъ: „Шлѣни ада, сошедый въ адъ, огорчи его, вкусивша плоти Его... огорчися, ибо поруганъ бысть...“ Образъ ада, самый тонъ (даже подчасъ и сходныя цитаты) сильно напоминаютъ эпизодъ сошествія въ адъ, какъ онъ изложенъ во второй ч. Ник. евангелія.

Эти точки соприкосновенія церковной литературы и апокр. еванг. Никодима подробно прослѣжены у Alf. Maugu, но какъ доказательство заимствованія не отцовъ Церкви, а Никодимова еванг. изъ писаній отцовъ. Но дѣло, кажется, все въ томъ, что эти олицетворенія, обороты настолько характерны, что едва ли вѣроятно, чтобы они впервые были придуманы указанными Маугу отдѣльными писателями, а скорѣе всего представляются взятыми изъ запаса ходячей народно-религіозной литературы, т. е. изъ источника общаго для писателя и апокрифич. памятника. Церковный же писатель, съ другой стороны, навѣрное зналъ, что тотъ или другой взятый имъ образъ находится въ томъ или другомъ апокрифѣ. Да, наконецъ, ничего нѣтъ противоестественнаго и въ прямомъ заимствованіи изъ апокрифа: вѣдь, вредъ, ложь апокрифа далеко не всегда заключается въ его фабулѣ. Этотъ взглядъ, кажется, и не противорѣчитъ рѣзко мнѣнію Маугу о сравнит. позднемъ возникновеніи *самого текста* апокрифа; но онъ, по моему, правильнѣе и безпристрастнѣе опредѣляетъ взаимное отношеніе апокрифа и писаній, указанныхъ Маугу.

³⁾ Raumer, p. 353 и 294.

⁴⁾ Raumer, p. 367—368. Въ Парижѣ съ конца XIV или первыхъ годовъ XV вѣка уже существовала даже спеціальная община „Страстей“ (*Confrerie de la Passion*), которая имѣла цѣлю исключительно духовную драму-мистерію. Несмотря на борьбу противъ нихъ парламента и духовенства, братство „Страстей“ удерживало за собой театр. до конца XVI в.; въ 1548 г. были подтверждены права братства на исключительное право ставить мистеріи, но при этомъ

зять, что во всей средневековой литературѣ съ VII вѣка, начиная съ Григорія Турскаго, пользовавшагося Никодимовымъ ев. ⁵⁾, кончая XIII вѣкомъ, рѣдкій изъ писателей, берясь за новозавѣтный сюжетъ, такъ или иначе не пользовался апокрифическими евангеліями. Даже въ XVI в., вѣкъ упадка легенды вообще, евангелія эти жили, опустившись, впрочемъ, почти совсѣмъ въ народную массу, гдѣ они перерабатывались на разные лады ⁶⁾. Разумѣется, что это положеніе апокрифич. евангелія требовало, чтобы оно было переведено на языкъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ оно вращалось; и, дѣйствительно, мы знаемъ подобные переводы на всѣ почти европейскіе языки и иногда съ довольно древняго времени ⁷⁾. Изъ этихъ немногихъ указаній легко видѣть всю важность изученія апокрифич. ев. для средне-вѣковой литературы и жизни. Отсюда же видно и значеніе ихъ для средне-вѣковаго христіанскаго искусства, развивавшагося подъ тѣмъ же вліяніемъ религіозной литературы и народныхъ воззрѣній. И въ памятникахъ искусства мы можемъ прослѣдить ту же апокрифическо-евангельскую струю, что и въ литературѣ. Укажу только нѣсколько примѣровъ. Такъ мы знаемъ, что въ V—VI в. въ христіанской иконографіи были въ большомъ ходу два изображенія Благовѣщенія: у кладезя, или, какъ его называли „Предъ-Благовѣщенія“, и „Благовѣщеніе въ храминѣ“; первое изъ нихъ, несомнѣнно, обязано своимъ происхожденіемъ XI гл. Первоевангелія.

Еще примѣръ: извѣстное и у насъ и на Западѣ изображеніе Христа, сходящаго съ побѣдной хоругвию въ адъ, откуда онъ, стоя на поверженныхъ вратахъ ада, выводитъ, взявши за руку, старца (Адама), — восходитъ къ XXV гл. Никодимова ев. ⁸⁾. Особенно же сильно повлияли на западное искусство евангелія о Маріи, о рожденіи и дѣтствѣ Христа. Такъ, напр., рассказъ о выборѣ хранителя Дѣвѣ-Маріи ⁹⁾ послужилъ темой для многихъ художниковъ Италіи: Джіотто, Фра-Анджелико, Перуджино, даже Рафаэля ¹⁰⁾. Эпизодъ, рассказываемый въ *Ev. de infantia* и *Protev.* о повивальной бабкѣ при рожденіи Христа, отвергнутой Церковью, какъ грубый вымыселъ, нашелъ себѣ прибѣжище въ искусствѣ: изображенія на эту тему находятся въ

имъ запрещено было: *de jouer le mystere de la Passion Nostre souveur, ne autres mysteres sacres sur peine d'amende arbitraire, и разрѣшалось jouer autres mysteres profanes, honestes et licites* (A. Birch-Hirschfeld, *Gesch. d. französischen Litteratur seit Anfang d. XVI Jahnd.* (Stuttgart. 1889). B. I, 43 и Anm. 4).

⁵⁾ *Historia Francorum* I, 21, 24. Въ числѣ произведеній Гросвиты (Hrotsvith), древнѣйшей нѣмецкой поэтессы X в. время Оттона Великаго, находимъ стихотворную поэму *Maria*, повѣствующую о воспитаніи Богородицы и объ ея жизни до бѣгства въ Египетъ включительно, на основаніи *Historia de nativitate Mariae et de infantia salvatoris* (ев. Pseudo-Matthaei). Это первая поэтическая обработка апокрифич. евангелія; поэма довольно послѣдовательно сохранила характернѣйшія черты своего оригинала. (A. Ebert. *Allgem. Gesch. der Litteratur des Mittelalters im Abendlande*, B. III (Leipz. 1887), 287; см. также K. Reinsch. *Die pseudo-Evangelien von Iesu und Marias Kindheit* (Halle 1879) S. 106, f.)

Въ числѣ наиболѣ раннихъ обработокъ темъ второй части Ник. ев. надо счесть поэму англо-саксонца Суневульф'a — „Христосъ“, гдѣ во второй части изображено сошествіе Христа въ адъ. Но Суневульфъ пользовался не прямо текстомъ апокр. ев., а словомъ Григорія Двоеслова (in *Evang.* XXIX, § 9), восходящаго уже къ Н. е. или одному съ нимъ источнику (ibid., p. 47). М. б. тому же Н. е. непосредственно обязано другое также англосаксонское стихотвореніе „Сошествіе Христа въ адъ“, а м. б. оно стоитъ въ связи съ Суневульф'омъ (ibid., s. 69—70). Обзоръ произведеній западно-европейской литературы, обязанныхъ своимъ появленіемъ ев. Никадима, находится у *Wülcker'a* „*Das Ev. Nicodemi in der abendländischen Litteratur*“. Paderborn 1872. Книга извѣстна мнѣ, къ сожалѣнію, только по цитатамъ.

⁶⁾ Какъ глубоко было вліяніе ап. ев. въ народѣ, видно изъ того, что проникли эпизоды изъ нихъ въ національные циклы романовъ Артурава круга (напр. Парсифаль).—Raumer, p. 337.

⁷⁾ Всѣ изданія этихъ переводовъ и рукописи, въ которыхъ они дошли, указаны въ пролегаменахъ у Thilo напр. Ник. ев. см. p. CXLIV—CLVIII.

⁸⁾ Raumer, p. 344; Maury, p. 329.

⁹⁾ *Ev. Ps.-Matthaei*, cap. VIII. См. H. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“ (Спб. 1892) стр. 25—26, 32 и т. д. (см. указатель подъ сл. „Евангеліе“).

¹⁰⁾ Raumer, p. 319—321. У Рафаэля въ „Обрученіи св. Дѣвы“ есть только небольшое отступленіе: обрученіе происходитъ передъ храмомъ, который занимаетъ задній планъ картины.

Ахенскомъ соборѣ и даже катакомбахъ, гдѣ, впрочемъ, повивальная бабка почему-то замѣнена св. Анастасіей ¹¹⁾. Но этимъ не ограничивается связь евангелій съ жизнью среднихъ вѣковъ: они гораздо глубже проникли въ сознание народовъ, давши ему случай приурочивать ту или другую мѣстность къ тому или другому событію изъ апокр. ев.. Это выразилось, главнымъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ топографіи св. Земли. Вспомнимъ хотя бы одинъ случай изъ описанія Даніила Паломника: онъ указывалъ мѣсто, гдѣ скрылась Елизавета отъ преслѣдованія Иродовыхъ воиновъ (по изд. Норова, стр. 185); это событіе упоминается въ *Protev.* (с. 22) ¹²⁾. Конечно, здѣсь едва ли всегда возможно утверждать, что приуроченіе того или другаго мѣста обязано своимъ происхожденіемъ именно апокр. ев.; возможно и то, что приуроченіе это объясняется существованіемъ легенды, которая съ одной стороны была прикрѣплена къ мѣстности, съ другой—вошла въ апокрифич. ев.. Но евангеліе, какъ сохранившее для насъ легенду, часто восходящую въ глубокую древность и теперь уже исчезнувшую, важно для объясненія того или другаго приуроченія ¹³⁾.

Наконецъ, какъ памятники, восходящіе къ глубокой древности первыхъ вѣковъ христіанства и стоящіе въ связи (см. выше) съ канонич., евангелія апокрифич. могутъ имѣть значеніе при изученіи и критикѣ текста евангелій канонич. ¹⁴⁾. И дѣйствительно, ученые, особенно западные, даютъ имъ мѣсто въ своихъ трудахъ по исторіи текста св. Писанія, исторіи первобытной церкви и развитія христіанскаго вѣроученія.

Конечно, для насъ, принявшихъ довольно поздно (сравнительно) и уже въ переводахъ большинство памятниковъ древне-христіанской литературы, въ указанномъ только что отношеніи евангелія апокрифич. значеніе могутъ имѣть только второстепенное. Но изъ числа указанныхъ выше нитей, связующихъ апокрифическое еванг. съ остальной литературой и культурой, многія имѣютъ значеніе и для насъ.

АПОКРИФ. ЕВ. ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Евангелія апокрифическія вмѣстѣ съ другими памятниками каноническими и апокрифическими появились въ переводахъ у Славянъ почти одновременно съ принятіемъ христіанства ¹⁾; во всякомъ случаѣ появленіе ихъ на славянской почвѣ должно быть относимо къ начальнымъ періодамъ литературы у Славянъ, а изъ нихъ особенно у насъ Русскихъ, примкнувшихъ къ славянской христіанской литературѣ позднѣе другихъ Славянъ, южныхъ и западныхъ. Это подтвердится изъ слѣдующаго ниже анализа славянскихъ текстовъ.

Въ Византіи, водворявшей главнымъ образомъ у южныхъ и восточныхъ Славянъ христіанство, въ IX и X вв. апокрифы и апокрифич. евангелія въ частности были уже распространены, вошли въ литературу, акклиматизировались въ ней. Значительная часть этого апокрифическаго

¹¹⁾ Ibid., p. 322—323.

¹²⁾ То же и въ позднѣйшихъ описаніяхъ Іерусалима и св. Земли: „къ западу 3 мили есть камень, иже раздѣлся сохранилъ Елисавету съ Предтечею отъ убійства Иродова“. (Лубоч. Опис. 1771 г.; см. Д. А. Ровинскій, II, № 645).

¹³⁾ Опять черта общая у апокр. ев. съ ходячей легендой. То же самое соотношеніе между легендой и топографіей знаемъ и въ другихъ случаяхъ, напр., названіе Егорьевскаго монастыря и легенда о томъ, что именно на мѣстѣ мон. совершалъ Егорій свои подвиги (Азанасьевъ—Легенды Русск. народа, стр. 132—134).

¹⁴⁾ Tisch. „De orig. et usu“, p. 80.

¹⁾ Характеренъ для этого обстоятельства рассказъ философа, поучавшаго Владиміра и сообщавшаго м. пр. апокрифы. (Лавр. лѣт. по изд. Тимковск. стр. 55—72). Входилъ ли этотъ рассказъ въ начальную лѣтопись, или внесенъ позднѣе, для насъ не такъ важно: важно воззрѣніе автора или редактора лѣтописи, считавшаго умѣстными подобныя рассказы при обращеніи въ христіанство князя Владиміра.

матеріала или прямо въ видѣ отдѣльномъ, или же въ переработанномъ досталась и Славянамъ отъ просвѣтителей. Многіе изъ апокрифовъ (а съ ними, опять таки, и апокрифич. евангелія) были приняты весьма сочувственно у Славянъ, сдѣлались любимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высокоцѣннымъ чтеніемъ для грамотныхъ людей ²⁾; не остаются они мертвымъ капиталомъ и въ славянскихъ литературахъ: они вліяютъ на литературу подражательную и самостоятельную, входятъ и въ литературу народную, гдѣ отголоски ихъ живы до нашихъ дней (главнымъ образомъ въ духовномъ стихѣ). Точно также трудно обойти апокрифич. евангелія при изученіи русскаго искусства, особенно въ періодъ, предшествовавшій у насъ вліянію западной Европы на жизнь и культуру, въ періодъ преимущественнаго вліянія Византіи и юго-славянства. Подлинники иконописные, которые, какъ извѣстно, ведутъ свое начало изъ той же Византіи, могли вмѣстѣ съ собой заносить и изображенія на темы, почерпаемыя изъ апокрифическихъ евангелій. Не рискуя утверждать, что у насъ самостоятельно создавались подобныя изображенія, мы можемъ однако и здѣсь понять ту пользу, которую могли приносить апокриф. евангелія, памятники, несомнѣнно, извѣстные иконописцамъ и народу: они старому русскому человѣку, смотрящему напр. на икону „Благовѣщенія у кладезя“, могли дать объясненіе иконы и ея деталей; кромѣ того, подписи на иконахъ, „считавшіяся дѣломъ столь же существеннымъ, какъ и самое изображеніе“ ³⁾, весьма часто даютъ напоминаніе, а иногда и прямо приводятъ текстъ апокрифич. евангелія.

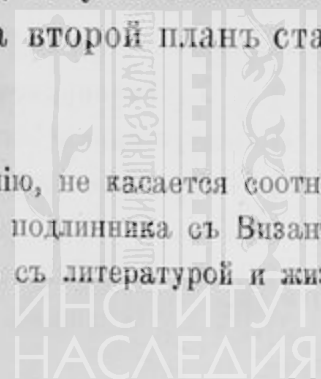
Изъ этого слѣдуетъ, что, хотя непосредственной связи между апокрифич. евангеліемъ и памятникомъ древне-русскаго искусства искать нельзя, евангелія апокрифич. весьма часто служили для поддержанія связи между искусствомъ и литературой; такое же значеніе толкованія, уясненія взаимодѣйствія между старой литературой и искусствомъ, имѣютъ апокрифич. еванг. и для насъ, разъ мы начнемъ изучать эту область стараго искусства.

Наконецъ, остается въ общихъ чертахъ указать на дальнѣйшую судьбу апокрифическихъ евангелій въ славянской литературѣ, въ частности въ русской. Не считаясь въ большинствѣ случаевъ въ числѣ памятниковъ „запрещенныхъ“, хотя, какъ я поминалъ выше, и запрещеніе не останавливало распространенія памятника, евангелія апокрифическія читались, списывались тѣмъ охотнѣе, что темы, затрагиваемыя ими, были особенно интересны для грамотнаго человѣка, воспитаннаго на церковной духовной литературѣ ⁴⁾. Этотъ періодъ процвѣтанія и распространенія этихъ памятниковъ совпадаетъ съ періодомъ до появленія вліянія западнаго и до начала раскола: начиная съ этихъ поръ по мѣрѣ того, какъ интересъ къ западной литературѣ, литературѣ свѣтской возрастаетъ, интересъ къ старой литературѣ ослабѣваетъ; на смѣну старыхъ памятниковъ являются новые, уже переведенные съ латинскаго, польскаго, нѣмецкаго. Эти памятники, основанные иногда на тѣхъ же источникахъ, что и старые византійскіе, трактующіе о томъ же, но уже переработанные на Западѣ, входятъ въ литературу русскую и оттѣсняють старые памятники; укажу для примѣра на тотъ фактъ, что мы имѣемъ въ „Великомъ зеркалѣ“ нѣсколько статей, переведенныхъ съ польскаго, тѣхъ же, что извѣстны были на Руси и въ переводахъ старыхъ греческихъ, именно въ „Прологахъ“. Подъ эту же категорію фактовъ подходитъ и появленіе т. н. „Страстей Господнихъ“, переведенныхъ, вѣроятно, съ польскаго: эти „Страсти“ въ своей литературной исторіи восходятъ къ тому же Никодимову еванг., но уже сильно перерабатываютъ свой первоисточникъ; явившись на Русь, онѣ оттѣсняють на второй планъ старое

²⁾ Н. С. Тихонравовъ. „Рецензія“, стр. 415.

³⁾ Ѡ. И. Буслаевъ. „Очерки“ II, стр. 344. Статья Ѡ. И. о подлинникахъ, къ сожалѣнію, не касается соотношенія апокрифич. еванг. и иконописи; но за то она ясно доказываетъ связь нашего русскаго подлинника съ Византіей.

⁴⁾ Уже самое количество списковъ нѣкоторыхъ апокриф. еванг. и ихъ глубокая связь съ литературой и жизнью могутъ подтверждать ихъ популярность.

Никодимово еванг., когда то на западѣ давшее начало „Страстямъ“. Сообразно съ этимъ и количество текстовъ апокрифич. еванг. по рукописямъ сокращается, напр., если мы сравнимъ число списковъ, идущихъ изъ XVI в., съ числомъ списковъ послѣдующихъ временъ. Находили себѣ апокриф. еванг., какъ и другіе памятники старой литературы, пріютъ въ тѣхъ классахъ общества, которые отличаются бѣльшей любовью и приверженностью старинѣ, т. е. главнымъ образомъ въ средѣ раскольниковъ, старообрядцевъ и въ народной массѣ. Здѣсь они продолжаютъ жить и доселѣ въ народныхъ и старообрядческихъ тетрадкахъ и лубочныхъ изданіяхъ³⁾, т. е. раздѣляютъ судьбу общую со всемі апокрифическими писаніями.

Наконецъ, прежде, чѣмъ перейти къ разбору отдѣльныхъ текстовъ, необходимо отмѣтить одно обстоятельство, важное по отношенію къ методу изслѣдованія: это то, что мы не обладаемъ текстами особенно древними, какъ для другихъ апокрифовъ (напр. хожденіе Богородицы въ сп. XII в.): наши тексты далѣе XIII — XIV в. (а въ большинствѣ случаевъ, начала XV-го) не восходятъ. Кромѣ того замѣчу, что слѣдующій ниже обзоръ касается главнымъ образомъ текстовъ юго-славянскихъ и русскихъ; это объясняется обстоятельствами моей работы и наличнымъ, бывшимъ подъ руками матеріаломъ.

ПЕРВОЕВАНГЕЛІЕ.

Въ славянскихъ переводахъ (на разныхъ нарѣчіяхъ восточныхъ и южныхъ) сохранилось изъ числа апокрифическихъ евангелій сохранилось только три: Первоевангеліе, св. Оомы и Никодимово (съ добавочными статьями).

Первое изъ нихъ, „Первоевангеліе“, представляетъ и въ греческомъ оригиналѣ одну редакцію. Поэтому, естественно предположить, что и славянскій переводъ представляетъ ту же одну греческую редакцію. Въ томъ же самомъ убѣдиться и изъ простаго сравненія славянскаго перевода и греческаго текста. Всмотриваясь въ славянскій текстъ, мы прежде всего замѣтимъ нѣсколько сохранившихся даже въ довольно позднихъ спискахъ грецизмовъ¹⁾:

1) **И не ѡвнса женѣ своѣн ѡннѣ но вѣастьса къ пѣстыню и къстѣуе колнмогъ своѣ тѣ** = *καὶ οὐκ ἐφάρη τῇ γυναίκε αὐτοῦ ἀλλ' ἔδωκεν ἑαυτὸν εἰς τὴν ἔρημον, καὶ ἐπήξεν τὴν σκηνὴν αὐτοῦ ἐκεῖ*²⁾ (гл. I). Въ другихъ спискахъ выраженія „вѣастьса“ и „къстѣуе“ уже замѣнены словами болѣе обыкновенными въ славянскомъ языкѣ (см. пр. 2).

2) **Да не колъ прокланъ тѣ**—неумѣлый переводъ греч.: *μὴ μεῖζον τοῦτου ἀράσομαι σοι* (гл. II); въ позднѣйшемъ спискѣ (Унд. № 1109) исправлено по смыслу: **утѣ колъ клѣтвѣ сеѣ**.

3) **Пре^а двѣрми цркви гнѣ и протнѣз свѣтѣ оубѣенѣ кмъ захарѣа**; здѣсь не понятно греч. выраженіе: *πρὸ τοῦ διαφῶσαι* (sc. *τὴν ἡμέραν*) (или *περὶ τὸ διαφῶσαι*) (гл. XXIII)³⁾. Кромѣ того остались слова, не переведенныя вовсе на славянскій, напр. **петаль** (петаль **іѣреѡкъ ѡвнѣтѣ мнѣ**—гл. V), **катапетазма**⁴⁾ (**да сотворимъ катапетазма цѣркви**—гл. X), **кокинѣ** (**взѣмѣше кокинѣ склѣше**—гл. X). Итакъ несомнѣнно, что переводъ сдѣланъ съ греческаго, что вполне и понятно, такъ какъ этотъ греческій текстъ распространенъ былъ весьма сильно и въ Византіи, и на Востокѣ; другіе же переводы, если и были, не могутъ по своей не популярности сравниться съ греческимъ оригиналомъ.

³⁾ Н. С. Тихонравовъ „Рецензія“ стр. 417.

¹⁾ Полууставная Минея до Макарьевского состава XVI в. (Син. библ. № 169, л. 59—67 об.).

²⁾ Въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ списковъ, изданномъ въ „Библиогр. Мат.“ XX А. Н. Попова (№ 20—Чудов. сборн. XIV в. № 20/110), текстъ уже подновленъ, сглаженъ: **но шедѣ в ѡустыню и постави сѣкуцію** (13 d.).

³⁾ Thilo, p. 267 (nota).

⁴⁾ Въ позднѣйшихъ спискахъ уже: „завѣса“ (Рум. № 560) или „запона“ (Унд. 1109).

Обращаюсь къ языку перевода. Онъ даже въ спискѣ, уже подновленномъ кое-гдѣ ⁵⁾, „содержитъ въ себѣ ясные признаки старославянскаго перевода“ (м. б. XI в.), какъ отозвался объ изданномъ въ „Библ. мат.“ текстѣ покойный А. Н. Поповъ. Онъ же выписалъ и наиболѣе древнія формы грамматическія (op. cit. p. 1—2).

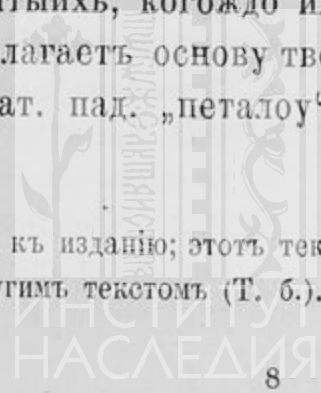
Вотъ главныя черты этого перевода: а) общая правильность въ склоненіяхъ и спряженіяхъ сравнительно съ той нормой, которую признаютъ для старо-славянскихъ текстовъ (исключая, конечно, необходимыя, общія даже древнѣйшимъ спискамъ, черты *русскія*); эта правильность формъ замѣчается и въ сравнительно позднихъ текстахъ, каковъ указанный выше списокъ XVI в. (Син. № 169). Сюда относятся: 1) формы прошедш. сложн. (съ вспом. глаг.), которыя позднѣе теряютъ спрягаемый вспомогат. глаг.: *нѣси сътворилъ* (I гл.; въ позднѣйшемъ сп. — *не сътворилъ* (Т. а.) ⁶⁾), *ощистилъ ма есть* (V гл.) и т. п.; 2) замѣчательно правильно выдержанное двойственное число, которое, какъ извѣстно, хотя сохраняется и въ болѣе позднихъ памятникахъ, но уже значительно путается съ множественнымъ, въ иныхъ случаяхъ даже совсѣмъ пропадаетъ ⁷⁾; у насъ же этого смѣшенія почти не замѣтно: *кедевъ ѡтроковницю въ цркви гнѡи и даднѣ ѡбѣщанье. ѡже ѡбѣщаховъ. ѡда како послеть гь и не приѡтенъ бѣде даръ наю. ѡ рѣ ѡнна пожднѣ... (гл. VII, по Чуд. сп.); синдоства родителѣ ѡѡ (VIII гл.); ѡбою на ѡ колѣнѣ ѡзлѣкѣ (гл. I); б) Кромѣ того, древность перевода подтверждается сохранившимися архаизмами въ формахъ, даже въ позднѣйшихъ спискахъ; въ этомъ отношеніи Чудов. сп. и Син. № 169, принадлежа къ одной переводной редакціи, восполняютъ другъ друга. Къ числу такихъ архаизмовъ относимъ: 1) достигаемое наклоненіе, которое даже въ древнихъ памятникахъ не составляетъ явленія частаго; у насъ же на пространствѣ немногихъ листовъ памятника (по Чуд. рук. 12d — 19с. встрѣчается оно не разъ: *приде причаститъ* (гл. II), *синде... походитъ* (ibid.), *ѡдѣ зданѡи здать* (IX), *ѡзде почертъ воды* (X), *ведѣ скрытъ* (XVII), *ѡде ѡскать* (XVIII, XIX), *придохѡ поклонитъ сѣ* (XXI, bis); другіе списки частію сохраняютъ эти формы, чаще же замѣняютъ неопред. накл.; 2) древнія формы склоненія и спряженія, которыми особенно богаты, сравн. съ Чуд., Син. № 169: *прношаахоу, взимаашеса* (XVIII), *творма* (XX), *помышлѣше* (XI), *скааше* (X), — *стѣла стѣнхъ* (X), *звѣремъ земнымъ* (III), *на степенъ ѡлтарьвѣемъ* (VII) и т. п.; в) наконецъ фонетическія особенности въ большинствѣ случаевъ слѣдуютъ въ разсматриваемыхъ спискахъ древнѣйшимъ памятникамъ, напр., употребленіе твердаго гласн. послѣ гортанной (сѣзгы, пакы, екреускыи, ѡоакымъ, вѣсхыти). Эту же вѣрность (разумѣется, относительную) древнему складу старо-славянскаго языка сохраняютъ даже списки довольно поздніе, напр., XVI в. (Син. № 169). Въ частности этотъ послѣдній списокъ даетъ не безынтересныя указанія; указанія эти тѣмъ интереснѣе, что списокъ этотъ, несмотря на свое довольно позднее происхожденіе, сохранилъ много чертъ древняго оригинала. Поэтому закончу обзоръ формъ перевода небольшой характеристикой этого списка. Онъ, какъ было указано, вмѣстѣ съ Чудовскимъ, довольно вѣрно выдерживаетъ общій строй старо-славянскаго памятника (напр., ть—въ 3 л. ед. и мн. ч.; мь—для перваго, суф. прич. *ьш, ѡш*; мягкое окончаніе твор. пад., правильное, *относительно*, употребленіе *а*, напр., въ 3 л. мн. ч. *аористи* и т. д.); но на ряду съ этимъ мы замѣчаемъ такія черты: оконч. *мь* въ дат. мн. преобладающее надъ *мъ* (старосл.) (*всѣмъ, симъ, сыномъ, іереомъ глаголющемъ* и т. п.); такое же *ь*, вм. *ъ*, попадаетъ и въ род. мн.: *святѣа святыхъ, кождо ихъ; рядомъ съ этимъ видимъ въ существительныхъ, склоненіе которыхъ предполагаетъ основу твердую, въ им. пад. ед. ч. ѡ: рядомъ съ „ѡоакымъ“ стоитъ „ѡоакымъ“, при дат. пад. „петалоу“—**

⁵⁾ См. пр. 2.

⁶⁾ Т. а.—списокъ Н. С. Тихонравова. Я пользовался текстомъ, приготовленнымъ Н. С. къ изданію; этотъ текстъ съ обычной своей готовностью уступилъ мнѣ покойный профессоръ; ему же я обязанъ и другимъ текстомъ (Т. б.).

⁷⁾ Буслевъ. И. Г. II, § 234.

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

им. „петаль“. Все это заставляет предполагать оригиналь южно-славянской, но не сербской: русской писецъ XVI в. не могъ такъ правильно разставить *л*; кромѣ того, слѣдовъ болгарской смѣны *ж* и *л* и употребленія *ж* вм. *ъ* и обратно, мы не находимъ. Въ виду этого возможно такое предположеніе: оригиналь относился къ тому разряду памятниковъ первоначальной древне-славянской письменности, которымъ покойный И. И. Срезневскій далъ отрицательную характеристику: „не русскаго и не сербскаго письма“, иначе „юсовыя“⁸⁾.

Въ семьѣ этихъ памятниковъ замѣчается нѣсколько группъ, изъ коихъ одна отличается исключительнымъ употребленіемъ *ь* (въ другихъ одно *ъ*), при правильномъ употребленіи *ж* и *л*, или съ взаимной смѣной *л* и *м*; а также съ спорадической замѣной глухихъ чистыми и смѣной *ы* и *и*, замѣной *а*, *я*, *л* черезъ *ъ*⁹⁾. Отнеся оригиналь нашего списка къ этой группѣ, можемъ, кажется, удовлетворительно объяснить: а) употребленіе *ь* (въ списокъ русскомъ уже), б) относительную правильность *л*, в) ф. *сесець*, *женескъ*, *изиска* и т. п.¹⁰⁾. Конечно, это только предположеніе, которому не противорѣчитъ и списокъ Чудовской. Но одно, что изъ этого обзора языка несомнѣнно, это-то, что переводъ восходитъ къ глубокой древности, какъ на это указалъ А. Н. Поповъ.

Въ этомъ же мы окончательно убѣждаемся, обративши вниманіе на словарныя достоинства перевода: здѣсь евангеліе вѣрно употребленію словъ древнѣйшими славянскими памятниками. Поэтому, привожу небольшой списокъ словъ, характеризующихъ переводъ.

Дѣнь гнѣ келнкын. (= *ἡ ἡμέρα κυρίου μεγάλη*) — точный переводъ съ греческаго; этотъ оборотъ принадлежитъ между тѣмъ къ древнимъ: его находимъ въ Остр. Ев. для передачи синонима этого греч. выраженія—*ἐορτή* (Мѡ. 27, 15)¹¹⁾.

колнмогъ (греч. *σχημή*) — слово обще-славянское (ср. рус. колымага, серб. колнмогъ—Mikl. L., р. 298); въ другихъ спискахъ болѣе позднее, вошедшее и въ исправленные тексты св. писанія—*кѣща*, или *коѣа* (Чудов., Лавр., № 751; Т. а, Т. б.).

плаюся вѣцадіа моего (*κόψομαι τὴν ἀτεχνίαν μου*); глаг. плаюся въ см. „оплакиваю“ съ такимъ управленіемъ находится въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Саввиной кн. (стр. 71 по изд. Срезн.), у Кирилла Туровскаго: *плаується* (ангелъ) *таковаго ѹсловѣка*; въ св. писаніи: *плакашеса дѣтства своего* (Суд. 11, 38). Другое сочиненіе этого глагола: *плакати са надъ кымъ* (Homiliae s. XIII—serb.)¹²⁾.

господынн дѣлоу (*ἡ κυρία ἔργου*, т. е. госпожа, которой я служила)¹³⁾; сама по себѣ форма *господынн* относится къ числу весьма древнихъ: ее находимъ, напр., въ Супр. рук., въ Патерикѣ XIII в. (серб.—Михановича), Остр. Ев.; самое сочетаніе (съ дат. пад.) также древнее, древнѣе, нежели съ родит.; это сочетаніе находимъ въ О. Е.: *господиннъ домоу, храмниннъ* (Mikl. Lex., р. 138). Въ другихъ спискахъ: *госпожа* (изъ *госпожда*—Т. а).

Пруастигъ мене грѣсъ твоємъ. (*κοινωνῆσαι με τῇ ἁμαρτίᾳ σου*). Такое сочетаніе глагола, сложнаго съ предлогомъ „при“ (съ мѣстн. пад.), принадлежитъ древне-славянскому¹⁴⁾; *пруасти са грѣсъ* (Кир. Тур.); *не подобѣтъ ѣмъ пруастигнса уюжѣ грѣсъ* (Худые номок.—„Пам.“ Н. С. Тих. II, стр. 306).

⁸⁾ „Древніе памятники юсоваго письма“. Спб. 1868, стр. 2.

⁹⁾ А. Н. Поповъ. „Библиогр. матер.“, II, стр. 4.

¹⁰⁾ Оригиналь, м. б., походилъ по типу на поученія Ефрема Сирина, сказаніе Іоанна Богослова (Юсов. пам., стр. 398, 416), или апокр. слово на успеніе Богородицы (Библ. мат., II, 9—23).

¹¹⁾ Буслевъ „О вліянніи христіанства“, стр. 126.

¹²⁾ Mikl. L., р. 568; Gram. V. IV, р. 436.

¹³⁾ Borberg., р. 23: eine Herrin, der ich arbeitete.

¹⁴⁾ Mikl. Gram. IV, р. 648.

Къ годинѣ десятѣи (*περὶ ὥραν ἐννάτην*). Въ старо-славянскомъ и западно-славянск. современныхъ—година=часъ; такое значеніе „година“ имѣетъ въ древнѣйшихъ пам.: Остр. Еван., Ассеман. Ев., Супрасльск. рук. (v. Mikl. L., p. 135; А. Поповъ „Библ. мат.“ II—VII, p. 183, 284); позднѣе „година“=годъ (серб.).

подражаша ма (*ἐξέμιμνησθησαν*)—есть съ этимъ значеніемъ въ О. Е.; въ другихъ спискахъ болѣе новое: **пороугаша ма** (Чуд., Лавр. № 151).

глоумашася (*σκιρτῶντα* sc. *κύματα*); ¹³⁾ у Mikl. (p. 129—130)—глоумитися=*μετεωρίζεσθαι*, подниматься на высоту, быть возвышеннаго образа мыслей, затѣмъ—насмѣхаться; отсюда близокъ переходъ къ тому значенію, которое находимъ дальше: **глоумлахоу ю** (гл. VI), въ значеніи „увеселять“, почему въ сп. XVII в. (Т. б.) замѣна: **играхоу съ нею**. Въ Чуд. замѣчательный вариантъ: **нѣговахоутъ ю**; у Mikl. (L., p. 458) съ значеніемъ *ποθεῖν*, desiderare, (cod, saec. XIII), molliter tractare (corpus).

Благовестка тѣ ѣи; бѣвесткаща бѣ. (*εὐλογοῦσί σε, κύριε, δοξάζοντες*); въ этомъ смыслѣ не встрѣтилось у Mikl. (L., p. 25=*εὐαγγελίζεσθαι*); дѣйствительно, значеніе не обычное и въ древнихъ памятникахъ, почему въ другихъ спискахъ замѣнено болѣе понятнымъ—**блѣкати** (Чуд.). Само же происхожденію древнее: его знаемъ изъ О. Е. и Синайской псалтири (Ягичъ „Четыре палеогр. ст.“ стр. 44). М. б. получило изъ **благословестка** или т. п.?

приживоу въ смыслѣ „рожу“ (чѣмъ оно и замѣнено въ поздн. сп.—Рум. 560); встрѣчается въ пам. въ XIII в. (Homiliae Mich.—v. Mikl. L., p. 666).

Скаше—древне-русская форма къ глаг. **соукати** (Mikl. L. p. 902); форма и слово рѣдки, рано исчезли, замѣнившись глаг. **прасти** (Унд. 1109).

Славословестка — опять того же образованія слово, что и **благовестити**; извѣстно только изъ сп. XIII в. (Hom. Mich. у Mikl. Lex., p. 855).

Въспитѣнаа — форма (съ ѣ) древнѣйшая, находимая въ древнихъ первоначальныхъ переводахъ евангелія и псалтири (въ ф. **питѣти**), въ Словахъ Григ. Бог. XI в.: **словомъ напнтѣнмъ сѣ**; въ Савв. кн.: **въспитѣнъ** (117 стр.); см. Ягичъ „Четыре палеогр. ст.“ стр. 43; А. Поповъ, „Биб. Мат.“ II—VII, стр. 209.

посла и в горницю; (*εἰς τὴν ὄρεινὴν*); **сходацию с горница** (гл. 19); въ этомъ значеніи и въ О. Е. (Mikl. Lex. p. 137).

драхль (*στυγρός*)—съ тѣмъ же значеніемъ и въ Супр. рук. (Mikl. L., p. 180).

тѣга (*συνοχή*)—Mikl. L. p. 1027; О. Е.: **и на земли тѣга мзыкомъ** (12); есть въ Изб. Свят. 1073 г., Григ. Бог. XI в. (См. А. Попова „Библ. Мат.“ II—VII, стр. 224).

труденъ вьсть ѿ пѣти. (*χεκμηκός*)—см. Mikl. Lex. p. 1005; ср. значеніе слова „трудный“ въ Сл. о полку Игоревѣ.

оцѣщеніе, оцѣ(н)стити. Глаголь и существительное представляютъ древнюю форму для болѣе распространеннаго **оунстити**; эта древняя форма у насъ проходитъ черезъ весь памятникъ (въ болѣе позднихъ текстахъ она чередуется съ второй формой, обычной), какъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. О. Е., Hom. Mich. s. XIII, Апостолъ 1324 г. (Серб.).

тѣсла (*ῥάβδος*), въ этомъ же значеніи см. здѣсь цитату изъ текста Правоевангелія, серб. XVI в. Mikl. Lex., p., 987—988.

въ кслѣ^х волоуи^х. Въ Словарѣ Востокова примѣры приводятся изъ древняго толковаго перевода Пророковъ (А. Поповъ „Библ. Мат.“ II—VII, стр. 179). Въ другихъ спискахъ стоитъ

¹³⁾ Мѣсто не ясное; здѣсь и греч. текстъ не устойчивъ: *οὐχ ὁμοιώθη ἐν τοῖς κύμασι τῆς θαλάσσης, ὅτι καὶ τὰ κύματα γαληριῶντα καὶ σκιρτῶντα, καὶ οἱ ἴχθυες*. (Thilo, p. 182, nota). У Тишенд. 7, (гл. III, 3, nota) по другимъ дополнено: *εὐλογοῦσί σε, κύριε*.

также древнее выражение —скотлахъ выражение, известное изъ Златоусту XII в., Иоанна Экзарха (Шестодн. л. 174 об.).

кошите ми са (Чуд.; въ др. сп. мещьте жребїа); Mikl. Lex. p. 327; Кир. Iер.—къшениа о-нен (ризѣ) бысть конномъ (Гор. и Нев. „Опис. рук. Син. библ.“ II, 2, стр. 53).

кобыль—(χοῦνιξ)—указаніе на древн. пам. см. Lex. Mikl. p. 325.

раснь (расны жезлы, расны свѣща)—διαφορος; см. Mikl. Lex., p. 795.

неклосень (агнецъ)—non claudus; Mikl. Lex. p. 429, съ единственной ссылкой на Men. Mich. (кажется, на текстъ Первовев.).

Изъ этого небольшого перечня словъ мы опять таки убѣждаемся, что переводъ Первевангелїа сдѣланъ очень давно; видимъ также, что съ нѣкоторой вѣроятностью можно предполагать этотъ переводъ сдѣланнымъ на старо-славянскїй языкъ, а, м. б., и особенный его говоръ, на который указываетъ, м. б., характеръ разобраннаго выше № 169 Син. библ. Что же касается качества перевода, то мы можемъ отмѣтить только, что онъ близокъ къ подлиннику, что однако не влечетъ за собой темноты и неясности въ текстѣ славянскомъ (чѣмъ, какъ известно, страдаютъ болѣе поздніе, менѣе искусные переводы съ греческаго), если не считать нѣсколькихъ неправильно прочтенныхъ мѣстъ подлинника, часть коихъ указана выше; прибавлю еще одинъ или два примѣра: 1) да будетъ еже ѡ ѡмьннхъ моѣхъ и всѣхъ людѣхъ. а еже за ѡпущенїе мое гвн бѣ моему. ѡпущенїе мнѣ (Чуд. гл. I; тоже и Син. № 169) = ἔσται τὸ τῆς περιουσίας μου ἑναντί τῶ λαῶ, καὶ τὸ τῆς ἀφέσεως ἁπασάντων τῶ θείων μου εἰς ἰλασμόν μοι. Переводчикъ, очевидно, слово περιουσίας раздѣлилъ на два: περι οὐσίας, почему и перевелъ: ѡ ѡмьннхъ, тогда какъ настоящїй смыслъ мѣста таковъ: „да будетъ это отъ избытка (τῆς περιουσίας) моего всему народу, а также пусть будетъ это для Бога моего отпущенїемъ (поводомъ къ отпущенїю) грѣховъ для моего помилованїа“. 2) кто имать прастн злато нескверннхъ ѡ вусъ и вунта ѡ кокннхъ ѡ стовую порфирю (др. сп. н н вису, н сурнка, н ѡакннта) = τὸ χρυσοῖον καὶ τὸ ἀμίαντον καὶ τὴν βύσσον καὶ τὸ σηρικὸν καὶ τὸ ὑάκινθον (гл. X). Здѣсь переводчикъ смѣшалъ ἀμίαντος — „неоскверненный“ съ ὁ ἀμίαντος — „аміантъ“ (каменный ленъ), какъ и слѣдовало понимать это слово¹⁴⁾. 3) Слово κῆρυξ переводится словомъ „проповѣдникъ“, имѣющимъ другой смыслъ¹⁵⁾: очевидно, переводчикъ не нашелъ въ своемъ запасѣ словъ другаго слова, болѣе подходящаго по смыслу (напр., глашатай, вѣстникъ и т. п.). 4) Наконецъ вспомнимъ оставшіяся непереуведенными выраженїа и слова греческіе. Всѣ эти черты взятыя вмѣстѣ говорятъ въ пользу древности перевода, свидѣтельствуя о новизнѣ для переводчика многихъ греческихъ понятїй и терминовъ, которыми еще не обладалъ его языкъ.

До сихъ поръ мы занимались главнымъ образомъ двумя списками, которые мы приняли, такъ сказать, за основные. Но, какъ известно, число списковъ Первевангелїа весьма велико. Изъ немногихъ сравнительно, также принятыхъ мной при изслѣдованїи списковъ получается довольно интересное наблюденїе. Именно, сравнивая тексты другихъ списковъ съ „основными“ и между собой, мы можемъ замѣтить по слѣдамъ довольно, впрочемъ, слабымъ, что, несмотря на единство редакціи, славянскїе тексты восходятъ не къ одному греческому оригиналу, а къ нѣсколькимъ, т. е. при единствѣ редакціи греческой мы можемъ отмѣтить нѣсколько редакцій (точнѣе группъ) славянскихъ. Для примѣра укажу нѣсколько случаевъ: 1) въ гл. VII—ѡ прїѡію (Марїю) ѡнерен (Чуд. и Син. № 169); другїе списки: н прїѡтѣ ю захарїа іерен (Лавр., № 751); прибавленїе имени оправдывается греческимъ текстомъ Par. B (у Thilo, p. 200, nota): καὶ ἐδέξατο αὐτὴν Ζαχαρίας ὁ ἱερεὺς. 2) Въ основн. текстѣ: ѡ плънать срѣце ѡмъ ѡ црѣкн глѣ ѡл (гл. VII); согл. съ нимъ Син. № 169 и Т. а., что соотв. греч.: καὶ ἀχμαλωτισθῆ ἡ καρδία αὐτῆς ἐκ ναοῦ; но въ другихъ читаемъ: і (не) пленѣ боудѣт оу ѡмъ, что опять таки оправдывается, но инымъ уже греч. текстомъ (cod. Par. D

¹⁴⁾ „Библ. мат.“, № 20, стр. VII (варианты).

¹⁵⁾ Mikl. Lex., p. 702.

у Thilo): καὶ ἀρχιερωσύνη ὁ τοῦς... 3) Одни тексты вездѣ ставятъ „іерей“, другіе — „архіерей“, что вполнѣ соотвѣтствуетъ подобной же особенности греческихъ текстовъ. 4) Наконецъ, сербскій текстъ (напеч. въ „Starinach“, кн. X) представляетъ очень много такихъ разночтеній къ изданному „основному“ (Чуд.), такъ что А. Н. Поповъ имѣлъ полное право сказать: „Сербскій списокъ долженъ быть признанъ за особый переводъ, сдѣланный съ другаго греческаго списка“¹⁶⁾. Т. о., при существованіи одной редакціи греческой, мы знаемъ одну и славянскую, но въ нѣсколькихъ переводахъ. Это обстоятельство подтверждаетъ популярность этого евангелія, которой оно достигло не только на христіанскомъ Востокѣ, но и у Славянъ, гдѣ требовался даже не одинъ переводъ. О количествѣ и болѣе точномъ отношеніи другъ къ другу этихъ переводовъ судить пока трудно: слишкомъ мало различій, и различія слишкомъ мелки въ разсмотрѣнныхъ мною спискахъ (преим. русскихъ); кромѣ того, какъ текстъ популярный, онъ искажался, измѣнялся уже независимо отъ греч. оригинала. Это измѣненіе текста можно прослѣдить до извѣстной степени и по рукописямъ.

Поэтому въ изслѣдованіи текстовъ постоянно надо различать двѣ категоріи разночтеній: одни объясняются, какъ было указано выше, нѣкоторой разницею въ греческихъ текстахъ, другія—переработкой текста въ его многочисленныхъ перепискахъ при многовѣковой его исторіи. Для характеристики послѣдней категоріи приведу нѣсколько примѣровъ.

Основн. текстъ (Чуд.).

1) но прїимн главоѿагъ си. ѿже дастъ ми ѡсподынн (+ дѣлоу). ѿ рѣ (sc. Іудифъ) іако не подобае^т ми ѡубавитиса ѿмъ зане раба ѿсьмь. (+ твоа) и (+ тѣ) ѡбразъ ѿмать ѿркынн. ѿ рѣ ѿнна ѡстѣпн... (гл. II)¹⁷⁾.

2) ѿ видѣвши саломнн вѣзпи глѣощн. люте моіему безаконью ѿ невѣрью. іако ѿскѣсн^х бѣ жива. ѿ се рѣка ѡпадаеѣтъ ѡ мене (гл. XX).

3) іаже вѣси вѣко іаже цѣлмху ѿмене твоѿ (тамъ же). Въ Син., № 169 лучшее чтеніе: іаже вѣси вѣко, ѿмже ѿмене^х твоимъ ѿсцѣленнн творал^х.

4) і рѣ захарьм. мѣуенн бѣду вѣн. іаще прольете кровь мою. дѣхъ мон прїмѣ вѣка. кровь прольете неповннну (гл. XXIII).

Рум. муз. № 560 (л. 21 об.—31 об.).

прїимн глав. си. н. д. м. г. дѣлѣ. ѿ рѣуе ѿнна не прїимѣ азъ но ты прїимн и рѣуе ен іоудифъ. мнѣ не подобаеѣтъ и т. д.

Унд., № 1109 (л. 265 об.—275 об.).

ѿ вложи рѣкѣ свою к ней и рѣ. люте мнѣ оканнѣн...

Унд. № 590.

іако прїкосноуѣсѣ іагѣе оуѣше роука ел. ѡна же вѣсплакавше са глѣощн...

Унд. № 590.

Вѣси вѣко, іако не глѣбою се створн^х.

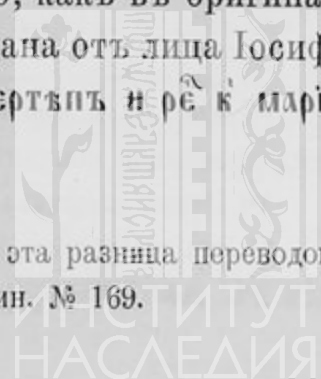
Син., № 169.

и рѣ захарїа. свѣдѣтель мнѣ бѣ мон іаще прольѣши кровь мою дѣхъ же мон вѣка прїимѣ^т. іако неповннзю кровь пролнвлѣши.

Нѣкоторые списки вносятъ довольно много измѣненій и прибавленій: напр., гл. V начинается такъ: и прїнесе іоакы^х дары ѡ стадъ свон^х на всесоженїе..., далѣе прибавленъ перечень и количества животныхъ, принесенныхъ въ жертву; затѣмъ опять вставка: мїа сентаврїа в. ѿ днѣ в ѣ лето ѡ созданїа мнра па^т тысящѣ ѿг. ннндкта. ѿ. в. в. второе лето црѣства авгѣста кесара роди ѿнна... (Унд., № 587). Въ другой рукописи (начинающей текстъ съ XVII гл.) еще большее измѣненіе: рассказъ о разыскиваніи бабки переданъ отъ 3-го лица (а не 1-го, какъ въ оригиналѣ и основн. сп.), молитва бабки (възвеличїся душа моя днесъ—гл. XIX) передана отъ лица Іосифа, которому же приписана и встрѣча съ Саломїей; но вдругъ: вннде баба въ верѣпнѣ и рѣ в марїн. ѡкрннсл... (Унд., № 584).

¹⁶⁾ „Библ. мат.“, № 20, стр. 1. Въ концѣ (въ вариантахъ) проведена довольно наглядно эта разница переводовъ.

¹⁷⁾ Взятое въ скобки въ выпискѣ дополнено изъ другихъ списковъ, главн. обр. изъ Син. № 169.

Остается рассмотреть еще один очень интересный список, обязательно сообщенный мнѣ Н. С. Тихонравовымъ ¹⁸⁾. Этотъ текстъ входитъ въ составъ цѣлаго сборника (Минеи-четъей) ¹⁹⁾, который весь отличается тѣми же качествами, которыя мы видимъ при разборѣ текста Первоевангелія. Здѣсь помѣщены только первыя 16 главъ нашего текста (л. 4, столб. 2). Главная особенность этого списка та, что здѣсь мы имѣемъ передъ собой попытку перевода Первоевангелія съ славянскаго книжнаго на народный русскій языкъ. Это важно, съ одной стороны, въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ тотъ интересъ къ памятнику, который былъ у передѣльвателя; съ другой стороны, этотъ видъ текста можетъ быть до нѣкоторой степени сочтенъ переходной ступеню искусственнаго, литературнаго памятника въ число произведеній народной словесности. Передѣлка эта въ рукописи относится къ XVI в. и сдѣлана уже по славянскому переводу, какъ показываютъ сохранившіяся литературныя формы стараго перевода, рядомъ съ живыми народными, напр. *ѡко* рядомъ съ *што*^{*}, *што*, сохраненіе двойственнаго числа, *ф. нзыде* рядомъ съ *кышла* (гл. II и V). Кромѣ того, списокъ этотъ интересъ и по своему наружному виду, характерному для его исторіи: будучи писанъ гдѣ-то въ Малороссіи (вѣроятно, всетаки недалеко отъ предѣловъ великорусскаго говора, потому что польскаго вліянія въ языкѣ списка не видно), онъ попалъ впоследствии въ руки грамотнаго великорусса, который никакъ не могъ помириться съ непривычными для него, рѣжущими ему глазъ и ухо народными формами и потому въ большинствѣ случаевъ передѣлывалъ ихъ опять на условныя литературныя тогдашняго времени; благодаря этимъ поправкамъ (сдѣланы онѣ другими, болѣе жидкими чернилами), явились формы: *мрїа* изъ первоначальнаго *мрѣа*, *реуе* изъ *реклѣ* (отсюда же мѣстами получалась уродливая форма *реуель*), *кш* вм. *ксы*, *людне* вм. *люди* и т. д.

Формы языка разбираемаго списка показываютъ въ писавшемъ близкое знакомство съ народной рѣчью, явную симпатію къ этой рѣчи; результатомъ этого являются формы: а) глагольныя: *приносилѣ* (преход. вр.), *поманулѣ*, *поуала* (самое слово необычно для стараго литературнаго языка въ этомъ значеніи), *кнжоу*, *имлешн* (ф. южная?), *) *пошолѣ*, *говора* (вм. глагола), *говораун*, *рекзун*, *хотаун*, *пришодѣшн*, *дан* (даждь); 2) существъ: *ѡкнмѣ* (или *нѡкнмѣ*), *мрѣа*, *мрѣю*, *жона*, *дѣккы* и т. п.; 3) союзы: *коли* (если, когда), *штожь* (=ѡко), *тогда*, *докзѣлѣ*, *што*, *прото*^{*} (=тѣмъже, *нмже*=потому), *такѣ* (=такъ). Кромѣ того, къ той же категоріи формъ надо отнести широкое развитіе полногласія (главн. обр. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ литературный языкъ архаизировалъ, сохраняя неполногласныя формы), напр. *голока*, *ѡболокла* (*облеуе*); то же замѣтно и относительно глухихъ послѣ плавнаго. Въ словарной части разбираемаго текста замѣчается тоже стремленіе къ обычнымъ народнымъ выраженіямъ, выраженіямъ живой рѣчи; вотъ нѣсколько примѣровъ:

<i>навѣстнѣ</i> , <i>навѣстналѣ</i>	= <i>посѣтитѣ</i> , <i>посѣтнѣ</i>
<i>тоужна</i>	= <i>сѣтовашѣ</i>
<i>томншн дѣшоу</i>	= <i>оскорблѣшнѣ</i> .
<i>молва</i> , <i>гокора</i>	<i>гѣа</i>
<i>одннѣ</i>	= <i>іѣдннѣ</i>
<i>тын</i>	= <i>тѣн</i> , <i>тн</i>
<i>посаженыѣ</i> (ризы)	= <i>брауныѣ</i>
<i>жалостныѣ</i> (ризы)	= <i>сѣтованныѣ</i>

¹⁸⁾ Еще разъ приходится съ горькимъ чувствомъ ограничиться воспоминаніемъ по поводу и этой рукописи о преждевременной кончинѣ незабвеннаго Н. С.

¹⁹⁾ Этотъ сборникъ, если не ошибаюсь, отмѣченъ уже Е. В. Барсовымъ въ „Словѣ о П. И.“ 1, 212.

*) Эта же форма, впрочемъ, извѣстна и изъ сѣверно-русск. памятниковъ: *ѡко ѣ пакы ѡумрети имлѣтѣ в малѣ лѣтѣ ѡко*^{*} *мѣшоу растуцшоу*. (Рум. № 453. Палея 1499 г., пис. въ Новѣгородѣ, л. 4 об.).

разсълаа (земля)	= просадеса
которын (—постоянно)	= кын, нже.
ѡ правзю и ѡ лѣвзю (сторону)	= ѡдесноуію и ѡшноуію.
казати (казано и т. п.)	= рещи.
ѡказати	= ѡвѣщати
доука	= дщи.
тетка	= оужика.

Вообще во всемъ языкѣ списка сильно чувствуется эта живая народная струя; ясно, что писавшій сознательно стремился сдѣлать свой текстъ общедоступнымъ. Особенно же это видно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ дополнялъ свой оригиналъ; привожу нѣсколько такихъ мѣстъ: 1) послѣ фразы: и смеуе ризы скоѡ жалостныѡ (стар. текстъ—и съклеуе ризы скоѡ сътоканныѡ—гл. II) вставляетъ живую, дополняющую картину фразу: нзмыкши голокоу скою (и ѡболокла ризы скоѡ посаженныѡ); 2) вмѣсто не совсемъ понятнаго: глоумлахоу ю (иначе—нѣговахуѣ ю, см. выше),— поставилъ понятное всѣмъ слоужили еѣ (гл. 6); вмѣсто расныи (см. выше)—росныи (какъ „росный ладанъ“—гл. VII: расныи скѣща). 3) Мѣста темныя, по его мнѣнію, авторъ передѣлки поясняетъ глоссами, часто довольно длинными, напр., говоря объ очищеніи Іоакима (гл. V), вслѣдъ за словами: петаль нереека мкнть о мнѣ (Унд. № 1296), добавлено цѣлое объясненіе: то са именуѣтъ петаль жезлъ коли иакнмъ пришелъ к цркви. тогда тотъ жезлъ процкълъ, тогда оуслышалъ гѣ млтвз иакнма и айны.... Точно также къ фразѣ: и покелі ю къ архнерѣ (гл. VI) прибавлено: то са именуѣтъ къ митрополито. Совершенно въ народномъ духѣ прибавленъ эпитетъ „золотой“ къ слову „голубъ“ въ описаніи избранія обручника Маріи: и се голубъ златъ ѡ егò жезла лѣтъ (гл. IX). Всѣ эти черты, думаю, достаточно подтверждаютъ мою мысль, что подобный текстъ могъ служить удобной ступенью для перехода книжнаго произведенія въ народную среду и стать темой для произведеній народныхъ.

Наконецъ, нѣсколько словъ объ отношеніи разсматриваемаго текста къ названному нами основнымъ. Онъ въ общемъ (не считая тѣхъ отклоненій, причина и характеръ коихъ только что объяснены) довольно близко къ основному, ближе, нежели, напр., сербскій (Starine, X), но все таки восходитъ, будто, къ иному оригиналу; достаточно одного примѣра:

Основной т.

не подобае ми ѡукастна имъ (главотягомъ) зане раба юсмь. и (иначе—а тѣ) ѡбразъ имать цркын (гл. II) = *καὶ χαρακτῆρα ἔχει βασιλικὸν αὐτὸ (sc. κεφαλοδέσμιον).*

Ркп. Н. С. Тихонравова.

за нюзъ (sic) не по^абаѣ нмъ оукнті. по^абаѣтъ тобѣ. што^ж ты црѣско^ѡ родз = *καὶ χαρακτῆρα ἔχεις βασιλικόν* ²⁰⁾.

Т. о. сводя все сказанное до сихъ поръ о славянскихъ текстахъ Первоевангелія, мы получимъ приблизительно слѣдующіе выводы: а) переводъ сдѣланъ съ греческаго; б) по времени переводъ восходитъ къ глубочайшей древности; в) сдѣланъ онъ на языкъ старо-славянскій (съ большою долею вѣроятности); г) переводъ былъ не одинъ: бóльшей древностью и близостью къ подлиннику, намъ извѣстному, отличался текстъ, названный нами основнымъ; онъ же былъ и болѣе распространеннымъ, по крайней мѣрѣ, въ русскихъ спискахъ; д) списковъ, старше XIV в., намъ пока неизвѣстно; е) текстъ Первоевангелія былъ весьма популяренъ, особенно въ Россіи ²¹⁾, такъ что даже были попытки сдѣлать его народнымъ (текстъ Н. С. Тихонравова). Гдѣ-же

²⁰⁾ Текстъ основной въ изд. Thilo (p. 174) и cod. Par. D (p. 176, nota).

²¹⁾ Извѣстенъ сербскій текстъ (Starine, X); еще серб. текстъ XVI в. былъ въ числѣ матеріаловъ у Миклошича (Lex.); см. выше, перечень замѣчательныхъ словъ; болгарскій же текстъ мнѣ не извѣстенъ.

и въ какомъ видѣ мы встрѣчаемся съ этимъ памятникомъ въ нашихъ рукописяхъ, какое значеніе и цѣну придавали ему старые читатели? Мы находимъ Первоевангеліе въ книгахъ, весьма уважаемыхъ въ древнемъ обществѣ, читавшихся даже въ церквахъ, каковы, напр., Торжественники, Златоусты, Минеи. Попадается онъ и цѣликомъ (т. е. всѣ 25 главъ), напр., въ Чудов. рук. № 20 (Торжеств.), Синод. № 169 (Минея), Ундольск. № 1109 (Златоустъ), Унд. 587 (Торжеств.), Минеѣ Макарія; чаще же встрѣчаемъ его разбитымъ на двѣ половины: главы I—XVI и XVII—XXV²²⁾, каковы, напр., Рум. муз. № 560, Унд. № 590, Унд. № 584, Н. С. Тихонравова. Цѣлое евангеліе приурочивается обыкновенно къ 8 сентября, почему и озаглавляется: „*Мѣсяца сентября ѿ день слово святаго Іакова (иногда: брата Господня по плоти) на рождество пречистой владычицы нашея Богородицы и Присно—Дѣвы Маріи*“. Точно такое же приуроченіе имѣетъ и первая половина евангелія, которая, поэтому, и озаглавляется точно также. Впрочемъ, иногда на этотъ день назначается и болѣе краткій отрывокъ, состоящій изъ 8 первыхъ главъ²³⁾, какова, напр., рук. Унд. № 1296. Вторая половина читалась преимущественно 25 декабря, почему и озаглавляется часто: „*Мѣсяца декабря, въ ѿе день, слово св. апостола Іакова, брата Божія по плоти, на Рождество Господа нашего Іисуса Христа*“. Иногда чтенію изъ евангелія предшествуетъ слово, приписываемое Іоанну Златоусту²⁴⁾ (*нач. Кто изглаголетъ силы Господня*), или иное (какъ въ изданіи А. Н. Пыпина—Пам. стар. лит. III), за которымъ непосредственно идетъ самый текстъ въ болѣе или менѣе исправномъ видѣ; иногда же предпосылается небольшой отрывокъ изъ сказанія о томъ какъ **Кърннѣи** посланъ былъ для переписи въ Іудею (*нач. Господь Богъ человеколюбець, видѣвъ родъ человѣческой, свое созданіе, діаволомъ мучимъ*)²⁵⁾.

Ясно, что такой уважаемый и распространенный памятникъ не могъ пройти безслѣдно въ литературѣ письменной и народной словесности, не могъ не оставить по себѣ слѣдовъ. Это вліяніе укажетъ, съ одной стороны, его значеніе въ ряду другихъ памятниковъ, съ другой стороны—фактически подтвердить древность этого памятника въ славянской литературѣ и въ искусствѣ, насколько послѣднее соприкасалось съ нею. Дѣйствительно, знакомство съ Первоевангеліемъ обнаруживаютъ древнѣйшіе наши писатели, и изъ нихъ первый — *Іаковъ мнихъ*, авторъ „Сказанія, страсти и похвалы святую мученику Бориса и Глѣба“²⁶⁾. Онъ, рассказывая о сѣтованіяхъ св. Бориса по поводу кончины отца и своего положенія, приводитъ слова изъ Первоевангелія:

Первоевангеліе.

І рѣ захарїа мѹеиѣ бѹдѹ бѣнѣ. ѿце прольете кровь мою. дѣхъ мон примѣ кѣка. ѿ кровь прольете непокинуѹ (гл. 23).

Іаковъ мнихъ.

да ѿце крѣвь мою прольете (Святополкъ) и на оубниство потѣрнѣтсѣ мѣнкъ боѹдоѹ боѹ моѹмоѹ. (Чтенія О. И. и Д. 1870 г. кн. I, стр. 2).

Гораздо болѣе пользовался Первоевангеліемъ Данилъ Паломникъ, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ текстамъ его „Хожденія“. Эти заимствованія подтверждаютъ то, что уже въ XII в. Первоевангеліе было извѣстно на Руси: его словами могъ говорить путешественникъ, описывая видѣнныя имъ св. мѣста²⁷⁾. Вотъ тѣ заимствованія, которыя встрѣтились у Даниіла:

²²⁾ Т. е., или съ начала, кончая рассказомъ о зачатіи Маріи и оправданіи Іосифа, или отъ переписи Августа, кончая рожденіемъ Христа.

²³⁾ Т. е. отъ исторіи Іоакима и Анны и до рассказа объ обрученіи.

²⁴⁾ Таковъ текстъ Унд. № 587 (л. 50, второй текстъ), гдѣ въ заглавіи добавлено: **ї ѿко истинно єсть бѣца и ѿти бѣжѣа**.

²⁵⁾ Унд. № 584, л. 146—152.

²⁶⁾ Впервые отмѣчено у А. Н. Попова „Библ. мат.“, XX, стр. 1 (прим.).

²⁷⁾ Полагать, что эти мѣста вставныя въ спискахъ Даниіла, не нахожу возможнымъ: они есть во всѣхъ спис-

1) „Подъ верхомъ же тѣмъ самомъ есть пещера въ камени иссѣчена: и въ той пещерѣ убіенъ бысть Захаріа пророкъ, ту же и гробъ его былъ и кровь Захаріина ту же была, нынѣ же нѣсть ея ту“ (стр. 154, р. 32)²⁸⁾. Мѣсто это писано, разумѣется, на основаніи того, что сообщенно было Даніилу во св. Землѣ, но характеръ записи показываетъ, что Даніиль зналъ самъ и предполагалъ знакомство съ Первоевангеліемъ въ средѣ своихъ читателей; поэтому онъ сдѣлалъ только указаніе, полагая, что подробности факта о смерти Захаріи извѣстны: ихъ, дѣйствительно, находимъ въ гл. XXIV Первоевангелія, гдѣ рассказывается, какъ Захаріи кровь ѿбрътоша сосе¹шѣ² ѡкн камень (Унд. № 1109).

А вотъ прямыя заимствованія Даніила изъ Первоевангелія; здѣсь тексты Первоевангелія приводятся даже цѣликомъ. Ясно, что писавшій „Хожденіе“ имѣлъ подъ руками текстъ Первоевангелія.

Даніиль.

Первоевангеліе.

2) А оттуда (отъ мѣста жертвоприношенія Исаака) есть верста до мѣста того, идѣже святая Богородица видѣла двои люди, едины смѣющесе, а другии плачущесе... а оттуду (отъ гроба Рахили) верста едина, идѣже сѣла съ ослати святая Богородица, понуди бо ея сущее въ утробѣ ея, егда хотяше изыти (стр. 164, р. 67).

3) На томъ мѣстѣ (въ пещерѣ близъ Назарета) сподѣла святая Богородица и скаше коккинъ, еже зовется червьленица, и ту прииде къ ней архангелъ Гавріилъ, посланный отъ Бога къ дѣвицѣ Маріи, и ставъ предъ нею явъ... (стр. 178, р. 113—114).

Даніиль.

Первоевангеліе.

4) У того бо кладязя (тамъ же въ Назаретѣ) первое бысть благовѣщеніе святѣй Богородици отъ архангела Гавріила, пришедши бо ей по воду; и яко почерпе водоносъ свой, и възгласи ей ангелъ невидимо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою! Обозрѣвъ же ся Маріа сюду и сюду, и невидя никого, токмо гласъ слыша, и взявши водоносъ свой, идяше дивлящесе въ умъ своемъ... и внидъ въ домъ свой, постави водоносъ свой, и сѣде на прежереченномъ мѣстѣ и нача скати коккинъ, и тогда явися ей ангелъ Господень... (тамъ же, р. 114—115).

5) А оттуду (отъ пещеры, гдѣ родился Іоаннъ Предтеча) есть полверсты чрезъ дебрь до горы, въ нюже приближала Елизавеѡ съ Іоанномъ; и

і рѣ мрѣа. двон люди вижю предъ оунма моима. іедны плающа. а другыа смѣюща. іегда же быша посреде пѣти идуща. і рѣ мрѣа къ нѡснфѣ. съсади ма съ ѡслате. како сущее во мнѣ нудитъ ма ізиті (гл. XVII).

мрѣа же вземши коккинъ скаше (гл. X).... въземши порфирѣ съде на прѣтѣ своіе і скаше. і се ѡнгѣль гнѣ ста предъ нею глѣ. (гл. XI).

и вземши кобельъ (др. сп. водоносъ) нзиде похертъ воды. і се глѣ (др. сп. доп. бы глѣ) к неі. радуйса ѡбродованнаіа. гѣ с тобою. багвна ты к женѣ. і ѡзрѣса ѡдесноуію і ѡшноуію. ѡкѣдѣ юсть глѣ. і ѡубоіквннса нде (др. сп. вниде) к дѡ своі. і поставлше водоносъ. въземши порфирѣ съде на прѣтѣ своіе і скаше. і се ѡнгѣль гнѣ ста предъ нею глѣ (гл. XI).

іелнзавеѣ же слышавши. іко нѡбана іцнотъ. і вземши бѣжа къ горѣ. і глѣдше кде і скрѣтнѣ

кахъ. Текстуальная близость цитатъ доказываетъ въ то же время, что писавшій „Хожденіе“ имѣлъ подъ руками уже славянскій переводъ Первоевангелія.

²⁸⁾ Цитаты приводятся по изданію А. С. Норова: Pèlerinage en Terre sainte de l'igoumène russe Daniel. S-P. B. 1864. труды 8-го археол. съезда въ москвѣ 1890 г. т. II.

возопи Елизавеѡ, глаголя: горо приими матерь со чадомъ, — и абіе раступися гора, и приатъ ю гора та, слугы же Иродовы гнашеся въ слѣдъ ея, и пришедши до того мѣста и не обрѣтоша ничтоже и възратишася посрамлены.... ту бо есть была (Елизавета) до умерьтвіа Иродова, ангель бо ю набдаше въ горы твои (стр. 185, р. 132—133).

Всѣ эти общія съ Первоевангеліемъ мѣста находимъ и у другихъ паломниковъ и въ описаніяхъ Іерусалима и Св. Земли; но тамъ они уже большею частью взяты изъ Даниила. Вѣроятнѣе всего, что подобныя же легенды рассказывались паломникамъ въ Св. Землѣ; вернувшись же домой, Данииль, составляя свое „Хожденіе“, воспользовался Первоевангеліемъ и его словами изложилъ слышанныя имъ легенды. Тѣ же свѣдѣнія, но переданныя своими словами, помѣщены и у западныхъ паломниковъ XI—XIV в. (напр., у Odoricus, Burchard de monte Syon) *).

Еще яснѣе связь съ Первоевангеліемъ въ „Словъ на Рождество Христово“, найденномъ и изданномъ А. Н. Поповымъ („Библиогр. Мат.“ VI, стр. 157—172). Авторъ Слова неизвѣстенъ, но, по изслѣдованію А. Н., онъ славянинъ. По своему составу, изложенію и языку, Слово должно быть отнесено къ числу старыхъ исконно-славянскихъ памятниковъ ²⁹). Здѣсь мы и находимъ почти буквальные выписки изъ Первоевангелія. Вотъ онѣ:

Слово на Р. Х.

1) Кѣпрашааше бо ѣе нрѡдъ, каково знаменіе видѣтсе ѡ рождышемсе ѿри. и ѡвѣщааше кемоу. іако видѣхѡ³⁰ на кьстоць зкзздоу велню вьснѣишоую въ зкзздахъ и ѡмрауаше же все зкззды нѣснык. тако іако и не свѣтнсе нмъ (стр. 170).

2) оуслѣшавши бо ѣе мѣриа, іако мл^нице нзбѣкають и оубомашисе възетъ мл^ниць повыть и, и скръ и въ кслехъ волоуіехъ (стр. 170).

Въ этихъ выпискахъ самъ авторъ „Слова“ указываетъ, что эти слова онъ приводитъ не отъ себя, а цитируетъ чужое, готовое сочиненіе: на это указываетъ ѣе (въ смыслѣ—сказано), находимое въ обѣихъ выпискахъ.

Кромѣ этихъ старыхъ памятниковъ, слѣды Первоевангелія находятся въ другихъ болѣе новыхъ памятникахъ. Временемъ же ослабленія этого вліянія надо считать XVII в., въ концѣ котораго явились Четы - Минеи св. Дмитрія Ростовскаго, которымъ предшествовалъ цѣлый рядъ писаній, внесенныхъ изъ западнаго источника южнорусскими учеными (напр. въ „Огородкѣ св. Богородицы“ (1676 г.) „Рунѣ орошенномъ“ (1680 г.) и т. д.). До этихъ поръ свѣдѣнія о Богородицѣ, ея родителей, рождествѣ Спасителя почерпались изъ писаній каноническихъ, изъ Словъ византійскихъ писателей, наконецъ, изъ Первоевангелія. Дмитрій Ростовскій, какъ воспитанникъ южной латинской школы, не могъ ограничиться одними славянскими старыми памятниками; кромѣ

и не баше мѣста тайна. тогда въздохнувши нѣелнзавеѣ глм. горо приими мѣрь с уадѡ. не можаше бо ктому елнзавеѣ възвратитнса. и абѣе раскздеса гора и приатъ іа. и сѣаше нма свѣтъ в горы. и англъ гнѣ (вѣ) с нма храна іа (нхъ) (гл. XXII).

Первоевангеліе.

призвѣ (Иродъ) колхвы ском и възпроси н глм. что вы знаменіе видѣтсе ѡ рожешнмъса ѿри и рекоша колъски, видѣхѡ³⁰ бо зкзз^лв велнкъ вьснѣишоу въ зкзз^лахъ на нѣсн. ѡмрауающн зкзз^лы ксм. іако не свѣтити нмъ (гл. XXI, по Унд., № 1109) ³⁰).

слѣшавши же мѣриѣ. іако млднца нзбѣкаю. оубомашиса взд ѡтроуѣ и повнвши скръ ие въ кслѣ^х вѣлѣ^н (гл. XXII).

*) Изд. Laurant-Leipzig. 1864; р. 78, 146 и т. д.

²⁹) „Библи. Мат.“ VI, стр. 156 и 172.

³⁰) Въ изданномъ спискѣ XIV в. текстъ съ пропусками.

Великой Минеи Макарія, синаксарей, прологовъ, отдѣльныхъ житій, онъ пользуется западными изданіями по агиологіи (напр., Acta Sanctorum—Болландистовъ, Vitae Ss.—аббата Сурія и др.)³¹⁾ съ помощію которыхъ обрабатываются старые славянскіе тексты, сообразно съ цѣлями автора Минеи (назидательность, поученіе и вмѣстѣ занимательность). Этой-то обработкѣ подверглось и Первоевангеліе; поэтому весь матеріалъ, даваемый имъ, уже изложенъ въ иномъ планѣ, дополненъ, сопоставленъ съ западными источниками, снабженъ ссылками на сочиненія различныхъ западныхъ и восточныхъ писателей церковныхъ. Съ этихъ поръ, повидимому, интересъ къ Первоевангелію въ образованномъ кругу церковныхъ писателей и читающей публики падаетъ; Первоевангеліе постепенно забывается, замѣняясь сочиненіями, стоящими ближе къ Минеѣ Димитрія, нежели къ старой письменности. Однимъ изъ послѣднихъ отзвуковъ этого направленія является популярная книжка „Жизнь пресвятыя Дѣвы Богородицы“ (8-е изд. 1879 г.), *Авдотьи Глинки*, которая даетъ сводъ свѣдѣній о Богородицѣ на основаніи Минеи Димитрія Ростовскаго: это простой б. ч. переводъ изъ Минеи съ тою только разницею, что значительная часть ссылокъ св. Димитрія на писателей церкви внесена Глинкою въ самый текстъ рассказа. Но, если исторія Первоевангелія кончается такимъ образомъ въ болѣе образованномъ кругѣ, оно все-таки продолжаетъ жить въ болѣе низшихъ слояхъ, гдѣ эта жизнь выразилась м. п. въ томъ, что оно дало тему духовнымъ стихамъ, дало начало нѣкоторымъ обрядовымъ пѣснямъ, что для насъ особенно важно, потому что это доказываетъ, вмѣстѣ съ его древностью, глубину его вліянія: обрядъ вообще, очень консервативенъ, и много надо усилій и времени, чтобы одинъ обрядъ замѣнить другимъ или въ старый обрядъ внести что-либо новое. Въ первомъ случаѣ — въ духовномъ стихѣ — Первоевангеліе дало тему цѣлой группѣ стиховъ, посвященныхъ дѣтству и воспитанію Богородицы. Приведу одинъ изъ такихъ стиховъ, полукнижныхъ, полународныхъ по формѣ.

Патріарси, триумствуйте,
Со пророки ликуствуйте,
Со святыми торжествуйте!

Приведутся дѣвы,
Ближняя ея,
Во слѣдъ ея
Во Святая Святыхъ!

Дѣвы во слѣдъ предъидяху,
Творца Матерь провождаху
И свѣщами освѣщяху.

Руцѣ старецъ простираетъ,
Царицею называетъ,
Сладки гласы воспѣваетъ.

Ты во церковь приведесея,
Архіереемъ воздадесея,
И отъ ангель предпочесея.
Ты во церкви отъ ангела
Пищу сладку пріимаше
И небесну ты вкушаше.
Евва нынѣ веселися:
Се Дѣва днесъ явися,
На престолѣ спосадися.
Прилетаютъ херувими,
Окружаютъ серафими,
Поютъ гласы тресвятыми.

Приведутся дѣвы... ест.³²⁾

Очевидно, содержаніе стиха основано на слѣдующихъ мѣстахъ изъ Первоевангелія, изъ VII гл.: бывши же ѿи (Маріи) .г. лѣтѣ рѣ нѣкѣи. призовѣте дщери іеврейски нескверны. да возмѣ расны свѣща горлица... и створиша тако. и внидоша къ цркви гнию. и прих ю нѣрєи. цѣловавъ ю блгвѣ... и посади ю на г. степенн олтарнѣмъ и возложи гъ бѣ блгѣ на ню; и изъ VIII гл.: бѣ же ѿрѣхъ въ цркви ѿко голубъ пнтома. и прнмаше пицю ѿ рѣкы анѣловы.

Затѣмъ, подобные же отзвуки Первоевангелія мы находимъ въ болгарской пѣснѣ:

³¹⁾ „Исторія русской словесности“ А. Галахова, I, 387 (по 2-му изд.).

³²⁾ *Безсоновъ* „Калѣки перехожіе“, ч. II, вып. IV, № 223; почти тоже № 224, 225.

Збила ми се Божа Майка Мария,
Никой ми се покрай нея згоди,
Згодила се *Аламанка* дѣвойка:
Сопашала свилень поясъ отъ себе,
Го повила Риста Бога малего ³³⁾.

Аламанка — это, несомнѣнно, Соломія апокрифич. евангелія, упоминаемая при рожденіи Спасителя (гл. XIX) ³⁴⁾.

Эта же Соломія подъ именемъ „бабушки Соломонида“ играетъ роль въ обрядахъ: ее, напр., призываютъ повивальныя бабки въ Тверской губ., приступая къ исполненію своего дѣла ³⁵⁾. При мытьѣ новорожденнаго и въ Вятской губ. повитуха приговариваетъ:

Не я тебя парила,
Не я тебя правила:
Тебя парила,—правила
Бабушка *Саламандушка*.
Она тебѣ приговаривала:
„Рости, рости, мое дитятко,
По часамъ и по минуткамъ“ ³⁶⁾.

Конечно, эти стороны вліянія Первоевангелія на литературу и бытъ изложены мною слишкомъ кратко: я старался только намѣтить тѣ стороны, которыхъ касается разбираемое мною евангеліе; болѣе подробный анализъ можетъ стать предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

Остается сдѣлать касательно Первоевангелія еще одно замѣчаніе—о связи его съ древнерусскимъ искусствомъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ довольно труднымъ вопросомъ, труднымъ въ виду состоянія пособій и источниковъ, въ особенности для области византійскаго и славянскаго искусства: на сколько мы имѣемъ дѣло съ непосредственнымъ вліяніемъ евангелія или даннаго литературнаго памятника на художника или автора того или другаго произведенія искусства? А изслѣдованіе этого необходимо въ виду того, что тотъ же литературный памятникъ стоитъ въ связи, какъ источникъ, съ другими литературными памятниками: напр., Первоевангеліе, памятникъ весьма популярный, служитъ еще въ греческой литературѣ, давая обильный матеріалъ и для поученій, напр. на Рождество Христово, и для цѣлаго ряда церковныхъ пѣснопѣній ³⁷⁾, въ свою очередь весьма рано ставшихъ популярными. Во вторыхъ, одно изъ самыхъ лучшихъ пособій для рѣшенія вопроса о вліяніи памятника литературы на искусство — подлинникъ—на греческой почвѣ остается (можетъ быть по скудости матеріала) мало изслѣдованнымъ ³⁸⁾, а для славянской, русской въ частности, слишкомъ позднею и не оригиналь-

³³⁾ Тамъ же, № 265.

³⁴⁾ Н. С. Тихонравовъ въ „33-мъ присуд. премій Демидова“, стр. 202 и 203.

³⁵⁾ Н. С. Тихонравовъ, тамъ же. Отличіе въ народномъ повѣрїи и пѣснѣ отъ подлиннаго текста въ томъ, что имя Соломіи носить въ послѣднемъ не бабка, а невѣрующая жена: **нзиде ѿ верепа славци бѣ. ѿ срѣте н саломни. н рѣ. саломни, саломни. да ти повѣдѣ уюдо ново... ѿ рѣ саломни. жнвѣ гѣ бѣ мон. аще не разумѣю вѣщи сен. н не иму вѣры...** (гл. XIX; см. А. Попова „Вибл. Мат.“ XX, 20; ср. Tisch. р. 37). То же смѣшеніе видимъ и въ подлинникахъ (см. ниже).

³⁶⁾ Магницкій, „Повѣрья и обряды въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губ.“, стр. 19. (Вятка 1883).

³⁷⁾ См. А. Н. Пышина, „Отреченныя книги“ (Пам. стар. рус. лит., III), стр. 76 и сл.—Е. В. Барсова, „О воздѣйствіи апокрифовъ на обрядъ и иконопись“ (Ж. М. Н. П., ч. ССХЛII, отд. 2), стр. 102, 103, 105 и т. д.—И. Я. Порфирьевъ, „Апокрифич. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“ (Спб. 1890), стр. 11—12.

³⁸⁾ Ср. Н. Покровскаго, „Евангеліе въ пам. иконографіи“ (Спб. 1892), стр. LIV.

нымъ ³⁹⁾. Въ такомъ положеніи оказываемся даже въ наиболѣе счастливомъ случаѣ, имѣя дѣло съ Первоевангеліемъ. Наиболѣе удачная и обстоятельная постановка вопроса относительно Первоевангелія въ связи съ памятниками искусства находится въ недавно вышедшей статьѣ В. Н. Щепкина, „Памятникъ золотого шитья начала XV в.“ („Древности И. М. А. О., т. XV), гдѣ и указана, насколько возможно, исторія цикла сказаній о Богородицѣ, основанныхъ на Первоевангеліи, по ихъ отраженію въ памятникахъ изобразительнаго искусства. Отсылая интересующихся къ этой статьѣ, ограничусь приведеніемъ выводовъ В. Н. Щепкина: „лицевой подлинникъ къ Первоевангелію унаслѣдованъ нашей иконописью отъ Византіи... Первоевангельскій циклъ существовалъ въ русской иконописи, вѣроятно, съ первыхъ дней ея“ ⁴⁰⁾. Въ той же статьѣ находимъ совершенно вѣрное указаніе на то, что „мы не можемъ хвалиться обладаніемъ всего первоевангельскаго подлинника. Нѣкоторыя картины этого разрозненнаго цикла, вѣроятно, навсегда утрачены, другія затерялись или еще не отысканы“. При этомъ, по замѣчанію того же г. Щепкина, ни одинъ памятникъ не представляетъ полнаго цикла, но за то чуть не всякій дастъ сравнительно съ другими аналогичными что нибудь unicum изъ иллюстрацій Первоевангелія ⁴¹⁾. Позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ подлинникѣ Новгородской редакціи (по Софійскому списку), конца XVI в. Рожд. Хр. имѣетъ между прочимъ такую подробность: „тутоже (т. е. рядомъ съ волхвами) дѣвица наклонна, наливаетъ воду; риза празелень, рука гола, стоитъ за бабою, бабѣ глава у пояса дѣвича. Баба Саломія“ ⁴²⁾. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тою же Саломіей, что и въ указанной выше народной пѣснѣ. Въ изображеніяхъ Благовѣщенія ⁴³⁾ одинъ изъ переводовъ, именно—Благовѣщеніе у кладезя („Предблаговѣщеніе“) по своимъ мотивамъ и композиціи, несомнѣнно, восходитъ къ тексту Первоевангелія (гл. XI) еще въ Византіи; отсюда перешелъ онъ и нашу иконопись и наши подлинники, гдѣ удержался до поздняго времени: „Инѣ переводъ писать Благовѣщеніе: Пречистая Богородица стоитъ надъ кладеземъ, оглянулась къ верху на Архангела, въ рукѣ держитъ сосудъ, Архангелъ, лѣтящъ сверху, благовѣститъ Богородицѣ“ ⁴⁴⁾. Подобное же изображеніе мы встрѣчаемъ и раньше на русскихъ иконахъ; такова икона села Кожина (Тверск. губ., Кашинск. у.) 1512 г., гдѣ изображено „Благовѣщеніе у кладезя Пресвятей Девѣ“ въ переводѣ, совершенно совпадающемъ съ подлинникомъ XVIII в. ⁴⁵⁾. Конечно, всѣ приведенные примѣры, равно какъ и указанное у В. Н. Щепкина и Н. В. Покровскаго, могутъ только косвенно служить указаніемъ на вліяніе Первоевангелія на русскую иконопись. Тѣмъ не менѣе Первоевангеліе, въ славянскомъ переводѣ, отъ этого не утрачиваетъ своего значенія: если оно на славяно-русской почвѣ не было непосредственнымъ источникомъ для творчества художника, то тѣмъ не менѣе оно не осталось безъ вліянія на славянскаго и русскаго мастера. Это вліяніе высказалось прежде

³⁹⁾ Старшіе списки русскихъ (иныхъ славянскихъ мнѣ не извѣстно) подлинниковъ относятся къ XVI в.. См. Покровскаго о. с. р. LV; см. также изданіе „Иконопис. подл. Новгородской ред.“ (М. 1873).

⁴⁰⁾ В. Н. Щепкинъ о. с., стр. 20 (отд. отт.). Возникновеніе полнаго цикла иконописныхъ изображеній Первоевангелія въ Византіи отнесено В. Н. Щепкинымъ ко второй половинѣ IX вѣка.

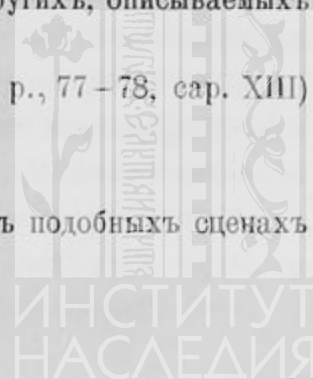
⁴¹⁾ Ibid., р. 16. Примѣръ этому находится и у самого В. Н. Щепкина: на стр. 14 прим. приведены имъ надписи иконы Богородицы съ дѣвѣями (икона находится подъ № 12 въ коллекціи Постникова): здѣсь есть сцена испытанія Богородицы „водой обличенія“ (ср. Первоев., гл. XVI). Параллели этому изображенію нѣтъ въ другихъ, описываемыхъ В. Н. Щепкинымъ изображеніяхъ, а также въ приводимыхъ ниже мною.

⁴²⁾ Иконоп. подл. Новгород. ред. (М. 1873), стр. 56-57. Въ Ev. Pseudo-Matthaei (Tisch., р., 77-78, сар. XIII) фигурируютъ двѣ бабки: Ego tibi Zelomi et Salomen obstetrices adduxi, говоритъ Іосифъ.

⁴³⁾ См. подробнѣе Н. В. Покровскаго, „Евангеліе въ пам. икон...“, стр. 3 и сл.

⁴⁴⁾ „Иконописный подлинникъ сводной ред.“ (М. 1876), стр. 301. О роли Первоевангелія въ подобныхъ сценахъ см. у Н. В. Покровскаго, о. с., стр. 19, 20, 27 и слѣд.

⁴⁵⁾ А. К. Жизневскій, „Описаніе Тверскаго Музея“ (М. 1888), стр. 138.

всего въ томъ, что иконописецъ, мастеръ въ подписяхъ къ изображеніямъ изъ цикла первоевангелскаго иногда исходилъ именно изъ славянскаго перевода апокрифич. евангелія, какъ это видно изъ анализа надписей на Суздальской пеленѣ ⁴⁶⁾. Кромѣ того, нельзя не отмѣтить и чисто практическаго значенія первоевангелскаго текста по отношенію къ искусству: благодаря его популярности, произведеніе искусства, восходящее по своимъ первоисточникамъ къ тому же апокрифическому евангелію, становилось само понятнымъ для всѣхъ, поддерживалось въ жизни, благодаря тому, что оно иллюстрировало популярный памятникъ. Въ то же время и въ русскомъ искусствѣ первоевангелскій сюжетъ не оставался безъ жизни, безъ развитія: на немъ въ области искусства можемъ прослѣдить исторію легенды. Такъ въ числѣ изображеній упомянутой иконы села Кожина на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ изображеніе съ подписью: „Принесе Іоакимъ дары Господу Богу въ церкви. *Иссахаръ* же, архіерей сый тогда, не хотя пріяти даровъ“.

Первоевангелскій текстъ къ этому изображенію читается такъ: *и прїнесоша дары свои сїве нздѣи. и ста рѣки предъ нимъ гл҃а. и обѣщаша недостойнѣ тебе прїеити дарѣкъ твои* (гл. I) ⁴⁷⁾. Откуда взялся въ подписи Иссахаръ вм. обычнаго въ Первоевангеліи Рувима? Изъ Первоевангелія мы архіерея Иссахара не знаемъ; но онъ извѣстенъ изъ *Ev. Pseudo-Matthaei* и изъ *Historia de nativitate Mariae* (вошедшаго частію почти дословно въ текстъ нѣкоторыхъ списковъ *Ev. Pseudo-Matthaei*). Въ *Ev. Pseudo-Matthaei*, дѣйствительно, читаемъ: *In ea festivitate (tempestate—въ Hist. de nativ.) Isaschar (-Isachar) ibi pontifex erat, qui, cum inter ceteros cives suos et Ioachim cum oblatione sua videret, despexit eum et ejus numera sprexit* (Tisch., p. 56. cod. B.; cf. *ibid.*, p. 113—114). Появленіе этой особенности въ русской иконографіи объясняется, скорѣе всего, новымъ вѣяніемъ въ русской жизни, литературѣ и искусствѣ: конецъ XV и нач. XVI в. уже носятъ въ себѣ признаки начавшагося вліянія западнаго въ русской жизни; благодаря этому, весьма возможно представить себѣ, что и въ подлинникѣ произошло измѣненіе подъ вліяніемъ западнаго искусства или западной легенды. Это находитъ себѣ подтвержденіе и въ исторіи апокрифич. евангелій: тогда какъ Первоевангеліе, будучи весьма древне по происхожденію и пользуясь популярностью въ восточной половинѣ Европы и на христіанскомъ востокѣ, до самыхъ послѣднихъ временъ (см. выше, стр. 45) не было извѣстно на западѣ, *ев. Псевдо-Маттея* (вмѣстѣ съ *Ev. de nativitate*) не позднѣе V в. уже извѣстно на западѣ во всемъ его объемѣ и служить съ самыхъ раннихъ поръ источникомъ западнаго искусства (напр., на саркофагѣ Adelfi) ⁴⁸⁾; иначе: Первоевангеліе—памятникъ преимущ. восточный, *ев. Псевдо-Маттея*—преимущ. западный. Т. о. во всякомъ случаѣ появленіе въ русской иконописи сюжета, связаннаго съ *ev. Pseudo-Matthaei*, можетъ быть съ большей вѣроятностью приписано западному вліянію въ нашей иконописи. То же мы можемъ видѣть изъ сравненія двухъ редакцій подлинника изображеній Рождества Христова, (гдѣ эта сцена обычно соединяется съ изображеніемъ поклоненія волхвовъ): въ подлинникѣ XVI в., кратко: „три ангела зрятъ на звѣзду на воздухѣ.... Ангелъ благовѣститъ пастуху.... Спасъ стоячъ лежитъ. Волсви: на первомъ риза вохра.... (далѣе о бабѣ, см. выше) пастухъ, Іосифъ, по обычаю“ ⁴⁹⁾. Въ подлинникѣ же ред. XVIII в.

⁴⁶⁾ В. Н. Щепкинъ о. с. р. 27.

⁴⁷⁾ А. И. Поповъ „Библиогр. мат.“ XX, 7—8. Разница въ подписи иконы (м. б. въ подлинникѣ) и въ обычн. текстѣ Первоевангелія объясняется отчасти различными чтеніями греч. текстовъ, которые могли лежать въ основѣ чтенія подписи иконы. Въ этомъ случаѣ, конечно, нельзя видѣть опроверженія сказаннаго мною выше о вліяніи *славянскаго* перевода на надписи иконы: случаи связи *славянскаго текста* съ надписью иконы не могутъ считаться ничѣмъ инымъ, нежели *частнымъ* случаемъ. Источникомъ подписей въ оригиналѣ Кожинской иконы могли быть такіе тексты греч.: *προσέφερεν οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ τὰ δῶρα αὐτῶν καὶ Ἰωακείμ καὶ οὗτος προσέφερε τὰ δῶρα αὐτοῦ* (Tisch. *Ev. Apoc.*, p. 3, cod. L).

⁴⁸⁾ Объясненіе изображеній саркофага именно изъ *Ev. Pseudo-Matthaei* сдѣлано было въ одномъ изъ докладовъ въ Моск. Арх. Общ. Д. В. Айналовымъ.

⁴⁹⁾ Новгородскій подл., стр. 56—57.

(сводномъ) подробнѣе описано самое изображеніе: согласно съ старой иконописной традиціей отмѣчены волъ и осель ⁵⁰⁾, но „за Богородицею поодаль мало стоитъ Іаковъ, по плоти братъ Божій, подобіемъ младъ“; далѣе опять по традиціи: „за нимъ трепетно стоитъ баба Саломія, подобіемъ стара, за Іосифомъ три пастыря“. Въ „другомъ мѣстѣ“ иконы передъ Христомъ — „волсви“; но объ этихъ волхвахъ подробнѣе: „волсви, т. е. цари восточныхъ странъ: единъ отъ Персиды, другій отъ Аравіи, а третій отъ Египта. Имена же ихъ суть сія: первый *Melchior*... вторый *Gaspar*... третій *Balthasar* ⁵¹⁾. Въ старомъ подлинникѣ, какъ видно, имена волхвовъ извѣстны не были, какъ не были они хорошо извѣстны и въ древней литературѣ. Въ позднемъ подлинникѣ они явились, кажется, опять подъ вліяніемъ аналогичной западной легенды, древнѣйшимъ представителемъ которой является тоже *Ev. Pseudo-Matthaei*, гдѣ читаемъ: *et apertis thesauris obtulerunt ei munera: Guaspar mirram, Melchior thus, Balthasar aurum* (Tisch., о. с. р. 83—84, cod. B.).

Не рѣшаясь изслѣдовать подробнѣе исторію вліянія Первоевангелія и родственныхъ легендъ на искусство, такъ какъ это выше моихъ силъ и средствъ и не входитъ въ рамки изслѣдованія, я ограничиваюсь только указаніемъ на значеніе и интересъ, какой могутъ имѣть эти переводные литературные памятники для историка искусства. Заканчивая же свой обзоръ Первоевангелія въ славянскомъ переводѣ, нахожу не лишнимъ напомнить, что знакомство наше съ первоевангельскими легендами, какъ въ Византіи, такъ и вообще въ христіанской литературѣ, не ограничивается только текстами самыхъ апокрифическихъ евангелій; не ограничивалось оно и текстомъ одного Первоевангелія и у насъ въ славянской литературѣ: помимо Первоевангелія были у насъ извѣстны памятники византійскіе, отразившіе на себѣ вліяніе Первоевангелія, каковы упоминавшіяся раньше поученія церковныя, житія Богородицы, церковныя пѣснопѣнія. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ, будучи въ родствѣ и зависимости отъ Первоевангелія на греко-византійской почвѣ, перешли въ переводахъ и къ намъ, гдѣ они, разумѣется, уже стояли другъ къ другу и къ переводу Первоевангелія въ иныхъ отношеніяхъ, именно, какъ равноправные, хотя и не равносильные по значенію, члены этого цикла. Съ ними, все-таки, приходилось, кажется, дѣлить свое значеніе Первоевангелію. Къ числу такихъ текстовъ, повидимому, независимо переведенныхъ съ греческаго, относится, помимо приведенныхъ и изданныхъ у И. Я. Порфирьева ⁵²⁾, у А. И. Пыпина ⁵³⁾, относится слово на день смерти пророка Захаріи: *Мѣсяца сѣнтвбрѣ въ .ѣ. днѣ оубъенъе стго прѣка захарѣи* (Рук. Ундольск. № 590, Сборн. XVI в., л. 17 об. — 21). *Нач. В лѣто, ѣ, ѣ нродоу црѣствующоу взысканіе соткорн нзвнн млнца во іерлме.* „Слово“ это въ своей первой половинѣ настолько близко по изложенію передаетъ текстъ Первоевангелія (гл. XXII и XXIII), что сомнѣнія быть не можетъ, что текстъ именно Первоевангелія былъ въ числѣ его источниковъ. Сравненіе же съ текстами евангелія греческими и славянскими его переводами въ свою очередь ясно доказываетъ, что родства „Слова“ и Первоевангелія надо искать еще на почвѣ греческой: какъ ни близко подходитъ по составу текстъ „Слова“ къ славянскимъ переводамъ Первоевангелія, въ немъ есть отличія, а эти отличія объясняются какъ разъ изъ разновидностей греческихъ текстовъ Первоевангелія; иначе: текстъ

⁵⁰⁾ См. Покровскій, о. с. р. 68 и сл.

⁵¹⁾ „Иконописный подл. сводной редакціи „(М. 1876), стр. 222 — 224. За иконописными свѣдѣніями — замѣтки о волхвахъ (ясно взяты изъ иного источника: имена волхвовъ: Авимелехъ, Іелисуръ, Исліавъ) и полемика противъ стараго подлинника (здѣсь почти буквально переданъ списокъ XVI в.), въ которой опять противорѣчіе, доказывающее неискусство редактора; здѣсь доказывается, что Богородица „нетребовавшѣ бабинаго служенія“; раньше же въ рекомендуемомъ самимъ подлинникомъ изображеніи: „трепетно стоитъ баба Саломія“.

⁵²⁾ Сказанія апокрифическія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (Спб. 1890); см. стр. 11—12, 295.

⁵³⁾ Ложныя и отреч. книги древней Россіи (Пам. стар. рус. литературы III), стр. 76.

Первоевангелія, легшій въ основу „Слова“, не былъ тождественъ съ оригиналами нашихъ переводовъ Первоевангелія. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ:

Слово.

Тогда іосифъ, ѿтвѣтъ прѣд ѿ аггѣла снлоу бѣіею. пойми, рече. ѿтроуа ѿ мѣрь егѡ ндѣ во егѣпѣ. ѡ же прѣнде во егѣпѣ ѿ соткорѣ тоу .вѣ. мѣъ в домѣ аѣѣѡвн, етера оуѣеннка бѣіа.

Cod. Fb. (G. H.) (Tisch., p. 43 var. lect.).

καὶ ἰδοὺ ἄγγελος Κυρίου (κατ' ὄναρ — H. om.) ἐφάνη τῷ Ἰωσήφ λέγων· ἀναστὰς παρέλαβε τὸ παιδίον καὶ τὴν μητέρα αὐτοῦ καὶ φεῦγε (al. cod. ὕλαγε) εἰς Αἴγυπτον, μέλλει γὰρ Ἡρώδης ζητεῖν τὸ βρέφος τοῦ ἀπολέσαι αὐτοῦ. ἐγερωθεις δὲ ὁ Ἰωσήφ ἀπὸ τοῦ ὕπνου παρέλαβε τὸ παιδίον καὶ τὴν μητέρα αὐτοῦ καὶ ἀπῆλθεν εἰς Αἴγυπτον.

Этого эпизода нѣтъ въ славянскихъ переводахъ Первоевангелія, нѣтъ и въ большинствѣ греческихъ текстовъ. Правда, этотъ эпизодъ цѣликомъ взятъ (съ небольшими измѣненіями въ словахъ) изъ каноническаго евангелія Матѳея (II, 13—15); но въ виду того, что онъ является въ особой группѣ (cod. Fb. G. H. у Tischendorf'a) греч. списковъ Первоевангелія, весьма возможно предположеніе, что въ „Слово“, основанное на текстѣ Первоевангелія, этотъ эпизодъ попалъ именно изъ подобной группы текстовъ Первоевангелія. Косвенно это подтверждается и тѣмъ, что и другія особенности предполагаемаго нами греческаго текста, источника „Слова“, также указываютъ на какую-то особую группу списковъ. Такъ въ „Словѣ“ повѣствуется, что Иродъ, не найдя Іоанна, посла оубѣца своѣ к захарѣи ѡцоу егѡ, пыталъ, гдѣ ѣ сѣъ ткон іѡанъ. ѡвѣща захарѣа.... Обычный славянскій текстъ читаетъ: ѿ посла слугы къ ѡлтарь гѣъ къ захарѣи гѣа. кдѣ іесн скрылъ сѣъ. ѡн же ѡвѣща..., что соотв. греч.: καὶ ἀπέστειλεν ὑπηρέτας πρὸς Ζαχαρίαν εἰς τὸ θυσιαστήριον λέγων· ποῦ ἀπέκρυψας τὸν υἱόν σου; ὁ δὲ ἀπεκρίνατο (Tisch. p. 44, cf. Cod. C.). Въ „Словѣ“ же предполагается текстъ иной: 1) к захарѣи ѡцоу егѡ = πρὸς Ζαχ. τὸν πατέρα αὐτοῦ (B. D. H. L. R. Pos.); 2) гдѣ ѣ сѣъ ткон іѡанъ = ποῦ ἐστὶν ὁ υἱός σου (D.); 3) имя Захаріи, вм. обычнаго ὁ δὲ, даетъ Syr. (у Tisch. p. 45). Подобнымъ же образомъ объясняется и добавленіе во фразѣ: горѡ бѣіа. прѣнмѣ матѣрь с ѣадѡ — словъ: беззаконно гонимъ, соотвѣтств. которымъ нѣтъ въ слав. переводахъ Первоевангелія; въ Cod. E. (Tisch., p. 44. — Paris. 1468, saec. XI) читаемъ: (μετὰ τέκνον) ἀδίκως διακομένους. Если эти чтенія и являются разсѣянными по разнымъ рукописямъ въ настоящее время, то тѣмъ не менѣе мы не лишены возможности предполагать эти особенности совмѣщенными въ какомъ-нибудь одномъ спискѣ, а во всякомъ случаѣ — предполагать, что составитель „Слова“ нашель ихъ въ текстахъ Primeiroвангелія. Кромѣ того, этотъ текстъ представляется интереснымъ и для русской литературы въ частности, именно: заставляеть предполагать, что помимо Primeiroвангелія у Даниїла паломника былъ источникъ въ родѣ нашего „Слова“, содержавшій нѣкоторое распространеніе разсказа сравнительно съ обычнымъ текстомъ Primeiroвангелія. Составитель Слова передаетъ слѣдующее: Иродъ, не найдя Іисуса и Маріи (см. выше), ищетъ Іоанна, допрашиваетъ Захарію; не узнавъ ничего, приказываетъ его привести къ себѣ; но слуги убиваютъ его. Далѣе, согласно съ Primeiroвангеліемъ, пересказано, какъ узнали Іудеи о смерти Захаріи (гл. XXIII). Елизавета скрывается въ горѣ (= Primeiro. гл. XXII); здѣсь ей служить Уримъ (въ Primeiro., XXII, ἄγγελος κυρίου), который устраиваетъ жилище въ горѣ для Елизаветы:

Слово.

ѿ повелѣнъ ѿзыти водѣ къ пропасть, ѿ ѿзыде ѿстоуннкъ благій ѡдеснзю странау, ѡшоуѣ хлѣбъ прѣложеніа. ѿ кормашеса іѡанъ млеко.

Даниїль.

„Слуги же Иродовы гнашеся вслѣдъ ея и пришедше до мѣста того и не обрѣтоша ничто же. и пакы взвратившися пострамлены;

Слышѣ же ꙗко елисакеѣ в горѣ е послѣ
послоушателя моуунительства своѣго. ше же
до полоу поутѣ пропастнаго і много пытаа.
инутѣ ѡбрътоша. и възвратиша къ ꙗродоу бѣ
оуспѣха.

и есть мѣсто то знать на камени томъ и до
сего дни, нынѣ же есть ту церквица мала.
Исподи же подъ церковью тою есть печерка
мала, изъ тоя же пещеры *исходитъ вода добра
зла, видомъ бѣла яко млеко: и ту воду пила
Елизавеѣ съ Иоанномъ*, ту суци въ горѣ той:
ту бо есть была до умертвія Ирода, ангель
бо ю набдѣше въ горѣ той“. (Pèlerinage de l'i-
goumène russe Daniel. SPB. 1864, p. 185).

Подробностей, сообщаемыхъ Даніиломъ (исключая послѣдней фразы), въ Первоевангеліи
нѣтъ; съ другой стороны чувствуется несомнѣнная близость у него съ „Словомъ“, какъ видно
изъ приведенной параллели ⁵⁴⁾.

Передавши исторію спасенія Иоанна, „Слово“ занимается главнымъ образомъ уже Иоанномъ:
къ погребенію Захаріи (ранѣе — подробность, предполагаемая, и высказанная Первоеванге-
ліемъ: и видѣ кровь ѡсквдшоуся, тѣло^ж не ѡбрътеса = Первоев. гл. XXIV) Урииль приноситъ
изъ горы Иоанна, а силы ангельскія тѣло Захаріи, который по приказанію Господа оживаетъ;
является какой-то источникъ безсмертія, гдѣ Иоаннъ и Захарія принимаютъ крещеніе, послѣ
чего Захарія умираетъ опять, ангелы погребаютъ его подъ алтаремъ церкви, а Христосъ съ
арханг. Гавріиломъ возвращается въ Египетъ, Иоаннъ же съ Урииломъ въ гору къ матери.
По приказанію ангела его отнимаютъ отъ груди, и онъ начинаетъ питаться акридами и медомъ
отъ дерева, явившагося на краю пропасти и наклонявшагося внизъ въ часы ѣды. По смерти
Ирода, по повелѣнію ангела же, Иоаннъ выходитъ изъ пустыни, а Иосифъ съ Маріей и Иисусомъ
изъ Египта. Встрѣча происходитъ въ Назаретѣ, послѣ чего Иоаннъ (ему 5 лѣтъ) опять уда-
ляется въ пустыню. Изъ этого изложенія ясно, что „Слово“ есть компиляція изъ Первоеван-
гелія и какого-то житія Иоанна Предтечи. Это послѣднее окрашено въ противоположность
сдержанному, спокойно - величественному Первоевангелію, сильнымъ фантастическимъ колори-
томъ, весьма напоминающимъ по своимъ элементамъ восточное, поэтическое арабское „Ev. in-
fantiae“. Эта черта житія (предполагаемаго) отразилась съ очевидностью и въ „Словѣ“. Какъ
древенъ текстъ „Слова“ въ славянскихъ литературахъ, сказать, основываясь на спискѣ XVI в.,
разумѣется, трудно; но языкъ даетъ кое-какія данныя (стеръ, ѡ сѣноу (locat.) захарья (вм. книж-
наго XVI в.—на—на), рѣша, науаша, прольша, оуѣиць ꙗродокъ (вм. ыхъ) и т. д.) для того,
чтобы предположить существованіе списковъ какъ русскихъ, такъ и инославянскихъ, гораздо
ранѣе XVI в. ⁵⁵⁾.

ЕВАНГЕЛІЕ ӨОМЫ.

Второе изъ дошедшихъ до насъ въ славянскихъ переводахъ апокрифическихъ евангелій—ев.
Өомы. Къ этому евангелію, какъ было уже указано, относится до извѣстной степени запрещеніе
индексовъ ложныхъ, богоотметныхъ книгъ, какъ въ западной, такъ и въ восточной Церквахъ: ¹⁾

⁵⁴⁾ Представляютъ же обратное—вліяніе Даніила на составителя или, вѣрнѣе, на одного изъ редакторовъ „Слова“—
едва-ли можно, судя по общему тону „Слова“. Скорѣе всего, въ „Словѣ“ этотъ эпизодъ идетъ изъ того же источника,
откуда и продолженіе „Слова“: тотъ же Урииль играетъ видную роль въ послѣдующемъ разсказѣ.

⁵⁵⁾ Въ знаменитомъ болгарскомъ сборникѣ XIII в. Берлинской бібліотеки (л. 132) находится: **Слово на рождѣ-
ство скатаго Іюана крѣститель.** Что это за слово, къ сожалѣнію, неизвѣстно мнѣ, такъ какъ П. В. Ягичъ (Sta-
gine V, 45) ограничился въ описаніи только заглавіемъ, приведеннымъ выше.

¹⁾ См. выше, стр. 47. Къ этому именно евангелію (а не къ арабскому Evang. infantiae) относится мѣсто изъ При-
туды 8-го археол. сѣвзда въ москвѣ 1890 г. т. II.

помимо цѣлаго ряда отцовъ Церкви, начиная съ Оригена (см. Tisch., Prolegomena XXXVI—XL), индексъ V в. (Геласія) опредѣленно указываетъ на популярность этого еванг. у еретиковъ: *Evangelium nomine Thomae, quo utuntur Manichaei, apocryphus* ²⁾. Но, какъ извѣстно, одного запрещенія оффиціального, равно какъ и полемики противъ апокрифа, не было достаточно, чтобы уничтожить и иногда даже значительно ограничить распространеніе апокрифа. А между тѣмъ тексты ев. Θомы рѣдки въ греческихъ и латинскихъ спискахъ, въ славянскихъ же считаются прямо въ числѣ рѣдчайшихъ ³⁾. Причину этого, думается, скорѣе всего надо искать въ самомъ ев. Θомы: въ немъ поражаетъ насъ особенный характеръ Христа, какой ему придается этимъ, (въ общемъ черезчуръ реалистическимъ) евангелиемъ: здѣсь Христосъ является далеко не проповѣдникомъ любви къ ближнему, не основателемъ христіанскаго ученія, не чудотворцемъ - благодѣтелемъ человечества: это—мальчикъ, озлобленный на окружающихъ его Іудеевъ, къ которымъ онъ относится не только сурово, но подчасъ и жестоко; мальчикъ, который, будучи одаренъ высшей силой, употребляетъ эту силу, чтобы покарать, наказать, а не только вразумить не видящихъ въ немъ Бога Іудеевъ; единственно симпатичными ему людьми, къ которымъ Онъ относится ласковѣе, — Его родители; да и то не всегда въ отношеніи къ нимъ можетъ Онъ сдержать свой самоувѣренный, строптивый характеръ (ср. гл. 5). Понятно, насколько Христосъ съ подобнымъ характеромъ былъ далекъ отъ того Христа, какимъ Его себѣ представляли христіане на основаніи писаній каноническихъ, на основаніи преданій, легендъ и всего христіанскаго вѣроученія. Даже другіе апокрифы, и тѣ не даютъ ничего подобнаго. Т. о. этотъ странный, непривычный типъ Христа могъ быть причиной того, что только крайнія секты, раціоналистическія и грубыя по характеру, могли пользоваться и принимать такое изложеніе дѣтства Христова. При этомъ само собой разумѣется, что, чѣмъ глубже вкоренялось христіанство въ сознаніи людей, тѣмъ менѣе и менѣе могли быть симпатичны и интересны подобныя памятники. Поэтому, вмѣстѣ съ ослабленіемъ ересей и ученій крайнихъ сектъ, становятся все рѣже и рѣже подобныя эксцентричныя памятники. И если подобныя памятники, какъ ев. Θомы, дошли до насъ, то мы обязаны этимъ, если не случайности, то во всякомъ случаѣ исключительнымъ обстоятельствамъ, напр., какой-нибудь затерявшейся и ускользнувшей отъ общаго развитія сектъ или, можетъ быть, чисто любительскому отношенію къ памятнику, такому оригинальному. М. б. этому способствовало, по отношенію къ ев. Θомы, и то, что оно избрало своей темой одинъ изъ самыхъ, дѣйствительно, темныхъ и въ то же время очень интересныхъ уголковъ въ жизни Христа, именно—Его дѣтство, о которомъ, какъ извѣстно, мы знаемъ весьма и весьма немного. Параллель здѣсь даютъ: *ev. Pseudo-Matthaei*, *ev. de nativitate Mariae*, *Tractatus de infantia Salvatoris* ⁴⁾, отличающіяся инымъ характеромъ и оказавшія свое вліяніе на западно-европейскую

нея (*adv. haeres. I, 20*); см. Tischendorf о. с. р. XXXVII (nota 2) и XLI; ср. „*Ev. infantiae*“ ed. *Henr. Sike* (Trajecti ad Rhenum, 1697), pag. 64—65; здѣсь цитата изъ ев. Θомы (соотв. греч. А VI, 4, В VII, 2, лат. VI, 7, *Pseudo-Matthaei XXXI*, по Тишендорфу); она интересна для критики неустойчиваго текста евангелія Θомы. Въ слав. индексахъ (Тихонр. Пам., стр. IV, № 37) отмѣчено, кромѣ Θомина ев. (№ 30, *ibid.*), также „Дѣтство Христова“; соотв. этому въ греч. индексахъ нѣтъ, что показываетъ, что внесеніе „Дѣтства Христова“ есть дѣло редакторовъ славянскаго индекса; это подтверждается тѣмъ, что это указаніе попало не на мѣсто—между апокрифич. дѣяніями апостоловъ, тогда какъ мѣсто ему между апокрифич. евангеліями. М. б. эта вставка явилась у редакторовъ слѣдствіемъ знакомства съ слав. пер.ев. Θомы, который именно и озаглавляется: „Младенство Господа нашего І. Х.“ (С), или: „Чтеніе дѣтства І. Х.—ва“? Подразумѣвать иное ев., напр., арабское *Ev. infantiae*, едва-ли можно.

²⁾ § 11. См. *H. Sike* l. с. Другая редакція запрещенія болѣе общая: *Evangelia nom. Th., quibus Man. utuntur, apocrypha* (Tisch. Prol., XXXVIII, nota 7).

³⁾ *А. Н. Поповъ*. Описаніе рукописей А. И. Хлудова, стр. 319.

⁴⁾ Это, собственно, часть *ev. Ps.-Matthaei* (съ XIII гл.). Последнее изданіе: *F. Holthausen*, *W. Saxton's Infantia Salvatoris* (Halle, 1891).

литературу и искусство⁵⁾. Интересъ темы можетъ быть и спасъ отъ погибели и ев. Θомы, хотя изложеніе ея и не дало ему большаго распространенія. Та же, повидимому, причина рѣдкости евангелія Θомы вообще объясняетъ намъ рѣдкость его и въ славянскихъ переводахъ. Въ славянской письменности до сихъ поръ извѣстно было только два текста: изъ библии Хлудова (въ Трефологіи, № 162), изданный цѣликомъ А. Н. Поповымъ⁶⁾, и текстъ, изданный Ст. Новаковичемъ⁷⁾; обѣ рукописи сербскія, обѣ относятся къ XIV в. и писаны на пергаментѣ. Къ этимъ изданнымъ спискамъ присоединяю еще два, до сихъ поръ не изданныхъ: одинъ XVI в., бумажный, рукоп. Московск. Публ. и Рум. Музея, № 1253 (изъ собранія В. М. Ундольскаго), и списокъ не старше прошлаго вѣка, письма, повидимому, южнаго, по рук. того же Музея, № 1244. Оба списка русскіе⁸⁾. Для изученія текста ев. Θомы первые три списка представляютъ бѣльшую важность, нежели четвертый, какъ по древности, такъ и по сравнительной полнотѣ текста.

Сопоставляя эти три списка между собой, мы прежде всего встрѣчаемся и здѣсь съ тѣмъ же явленіемъ, что и въ спискахъ греческихъ: они значительно расходятся между собой въ объемѣ текста и въ передачѣ его. Сравнивая же эти списки вмѣстѣ и порознь съ греческими и латинскими (идущими, какъ извѣстно, изъ греческихъ же), мы точно также далеко не всегда найдемъ въ нихъ объясненіе славянскихъ текстовъ. Эти затрудненія со стороны иноземныхъ текстовъ объясняются плохимъ состояніемъ и позднимъ происхожденіемъ рѣдкихъ списковъ греческихъ и латинскихъ: старшая изъ четырехъ рукоп., служившихъ для изданія Tischendorf'у (Cod. Synait.; о. с. р. XLIV), относится къ XIV—XV в. Нѣкоторую помощь оказываетъ здѣсь текстъ сирскій (Syrgus, Syr.—у Тишендорфа), восходящій къ греческому же. Это соотношеніе между славянскими текстами и иноязычными, если и затрудняетъ дѣло разьясненія славянскихъ текстовъ, съ другой стороны указываетъ на важность этихъ послѣднихъ для исторіи ев. Θомы вообще.

Результатомъ этого сравнительнаго изученія текстовъ являются слѣдующіе выводы: а) всѣ три славянскіе текста, несмотря на различія между собой, восходятъ къ греческому оригиналу одного и того же типа, именно: этотъ греческій оригиналъ по своему составу слѣдовалъ первой греческой редакціи (А, у Тишендорфа, стр. 140 — 157), передавая рассказъ въ порядкѣ главъ этого текста. б) Но этотъ оригиналъ по объему превосходилъ извѣстные доселѣ греческіе тексты; такъ въ гл. XV (Тишенд., стр. 153—4) добавленъ цѣлый рассказъ о томъ, какъ Христосъ учился врачебной наукѣ; въ гл. VI, между отд. 2 и 3 (Тиш., стр. 145), находимъ цѣлый рядъ подробностей о томъ, какъ Христосъ учился у Закхея. в) Отдѣльныя чтенія, редакція многихъ мѣстъ славянскаго текста предполагаетъ такой греческій оригиналъ, который въ этихъ мѣстахъ былъ древнѣе, нежели дошедшіе до насъ греческіе списки; это видно изъ того, что редакція слав. текстовъ находитъ себѣ параллель то въ ред. В (греч., Тиш. 158 — 163), то въ латинскомъ текстѣ (Тиш., 164 и сл.), то наконецъ въ сирскомъ (у Тишенд. въ вариантахъ къ А); иначе: оригиналъ славянскихъ переводовъ сохранилъ въ себѣ частію тѣ черты, которыми отличался тотъ греческій текстъ, отъ котораго пошли латинскій переводъ и сирскій пересказъ ев. Θомы. Что черты эти не представляютъ индивидуальныхъ чертъ только оригинала славянскихъ списковъ, видно также изъ того, что онѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ же въ ев. Pseudo-Matthaei, которое, какъ извѣстно, приняло въ число своихъ источниковъ и ев. Thomaе (Tisch., Prolegom., р. XXIII).

⁵⁾ См. R. Reinsch. Die Pseudo-evangelien von Iesu und Maria's Kindheit in der romanischen Literatur (Halle, 1879)

⁶⁾ Описаніе рукоп. А. И. Хлудова, стр. 316 и сл.

⁷⁾ Starine VIII, 48 и сл. При изслѣдованіи принимаю во вниманіе подлинную рукопись. Ср. прим. 35, стр. 86.

⁸⁾ Оба издаются мною въ Приложеніяхъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ къ этимъ выводамъ:

1) гл. I. сътвори величїя Господь нашъ Исусъ Христосъ, рожденсе въ градъ Назарѣвъ отъ дѣвы Марїе.—С.⁹⁾; еже твораше гъ нашъ їс хс знаменна и чудеса, рожѣнсе въ странѣ жи- доѣцѣмъ внолѣомъ въ градъ назарѣте.—X; еже сътвори величїе бжїе гъ ншъ їс хс. роженса во странѣ ншѣн, нже нарицаетса внолѣомъ гра^а назарѣфъ — У. Въ греч. А: *μεγαλεῖα τοῦ Χριστοῦ, ὅσα ἐποίησεν ὁ κύριος ἡμῶν Ἰη. Χρ. γεννηθεὶς ἐν τῇ Βηθλεὲμ ἐξιστάμενος* (cod. Par.) У передаетъ, какъ видимъ, лучше другихъ; но все три списка упоминаютъ и про Назаретъ, чего нѣтъ въ сп. ред. А; это упоминаніе объясняется изъ ред. В и лат. перевода: *μεγ. ὅσα ἐπ. ὁ κ. ἡ. Ἰ. Χ. ἀναστρεφόμενος βωματικῶς ἐν πόλει Ναζαρέτ* (Tisch. 158); *quae fecit dominus Jesus, quando fuit in civitate Nazareth* (ibid., 167).

2) Гл. III. Содомляннне нечестн и неразоумнн (С.; нечѣтнн—X.). Мз^аонменнтый нечѣтнвый неразумне—У.; *ἄδικε, ἀσεβῆ καὶ ἀνόητε*—А; *ἀσεβῆ καὶ παράνομε*—В; но лат. объясняетъ: *Sodomita impie*.

3) Гл. IV. не можешн быти въ градъ семь; аще ли хоцешн жити съ намн, то оуѣн.—С. (X—почти тоже, У—тоже). Въ А: *οὐ δύνασαι μετ' ἡμῶν οἰκεῖν ἐν τῇ πόλει ἢ δίδασκε*. (Paris.); наше же чтеніе оправдывается редакціей В: *οὐ δύνηση μ. ἡ. οἱ. ἐν τῇ π. ταύτῃ· εἰ δὲ βούλη, δίδασκε*, что подтверждаетъ и лат.: *et si oportet esse nobiscum, doce eum* (cap. V).

4) Гл. VI. Носифъ же прогнѣвасе и реуе оуѣнтелю томоу: кто можетъ наоуѣнтн ѣго к то- моу маломоу Христуу нлы мншн быти его, брате мой—С; носифъ же рѣе къ оуѣнтелю. да кто можетъ мла соуѣн хнтра. смѣренъ бо ѣе и кротокъ науе всакннхъ си. — X; да что можете наоуѣ- унтн что ма маломъ крѣж его менші братъ мон закѣл.—У.—Все тексты, въ чемъ-нибудь каж- дый, искажены и трудно понимаемы; въ греч. А и В подобнаго мѣста нѣтъ; но оно есть въ лат.: *Respondit autem Ioseph et dixit ad eum: Nemo potest docere eum nisi solus deus. Numquid creditis, parvus erit parvulus iste?* (Cap. VI). Текстъ лат., повидимому, есть уже поправка, тол- кованіе темнаго мѣста греч. текста; въ сирскомъ (Tisch., 149), сокращающемъ рассказъ VI— VIII гл. греч., однако есть намекъ на первонач. чтеніе греч., что подтверждается и нашими, въ особенности — У: *Ioseph respondit et dixit: et quis est aptus ad docendum puerum talem? Putatne convenientem se esse parvae cruci?* Что что-то на счетъ креста было въ подлинникѣ, ука- зываетъ вариантъ къ приведенному латинскому: *Num quid parum cruciatus erit parvulus iste nobis frater?*¹⁰⁾.

5) Гл. IX. И въскрьсе отроуе и реуе: Ни, Господи мон.—С.; и вѣста отроуе ѿ смъртнннн г^н мон—X.; отроуа же реуе ни гн.—У. Греч. читаютъ полнѣе: *καὶ ἀναστὰς παραχρῆμα εἶπεν οὐχὶ, κύριε. οὐ κατέβαλας, ἀλλ' ἀνέστησας* — А; или: *ἀνέστη ὁ παῖς καὶ προσκυνήσας τὸν Ἰησοῦν εἶπεν κύριε, οὐ σὺ με κατέβαλες, ἀλλὰ νεκρὸν ὄντα ἐζώωσας*.—В. Но краткость нашихъ текстовъ оправ- дана лат.: *sed surrexit subito et dixit: Non, domine*. (Cap. VII); и еще лучше сирскимъ: *sed sur. sub. et d.: Non, mi domine*. (Tisch. 150).

6) гл. XIV. И реуе дндаскаль: конмъ кннгамъ хоцешн да оуѣю ѣго? Носифъ же реуе: прѣжде Єлннскимъ, потомъ Єврѣнскимъ—С; и рѣе оуѣнтелю къ їосѣфоу. конмъ кннгамъ хоцешн да наоуѣю е (т. е. отроуе). и рѣе емоу їосѣфъ. прѣжѣе грѣнскимъ. потомъ и єврѣнскимъ (ркп.—скон.)—X. Эта редакция оправдывается только латинскимъ текстомъ: *Dixit autem ille doctor: Quales litteras desideras illum puerum docere? Respondit Ioseph et dixit: Primum doce ei gentilicias et postea hebreas*. (Cap. XII); тогда какъ греч. читаетъ: *εἶπε δὲ ὁ διδάσκαλος τῷ Ἰω- σήφ· πρῶτον παιδεύσω αὐτὸ τὰ ἑλληνικά, ἔπειτα τὰ ἑβραϊκά*—А.

⁹⁾ Обозначенія: С—списокъ проф. Сречковича, изд. Новаковичемъ, X—сп. Хлудова, изданный А. Н. Поповымъ, У—сп. Ундольскаго, издаваемый мною въ Приложенїяхъ.

¹⁰⁾ То же подтверждаетъ и продолженіе главы (не сохранный греч.; см. ниже): *εἰδὼς ὁ παῖς ὅτι οὐκ ἔμελλεν εἶναι ἐκ τῆς πόλεως ἐξήλθεν ἐκ τῆς πόλεως καὶ ἔβη ἐκ τῆς πόλεως καὶ ἔβη ἐκ τῆς πόλεως* — С.; *εἰδὼς ὁ παῖς ὅτι οὐκ ἔμελλεν εἶναι ἐκ τῆς πόλεως ἐξήλθεν ἐκ τῆς πόλεως καὶ ἔβη ἐκ τῆς πόλεως* — X. У.

Обратимся теперь къ цѣлымъ эпизодамъ слав. текстовъ, въ греч. не находящимся, и прежде всего къ упомянутому эпизоду VI гл. Привожу цѣликомъ этотъ эпизодъ, какъ весьма наглядно представляющій греческій оригиналъ нашихъ текстовъ и отношенія его къ другимъ текстамъ: латинскому, сирскому, ev. Pseudo-Matthaei и греч. B. Въ основу кладу текстъ C (съ моими исправленіями), въ скобкахъ—наиболѣе важныя для содержанія отмѣны X и Y.

Іакоже слыша отроуе Ісоусъ отьца своѣго рѣкъша то ¹¹⁾, насмнѣсе велми и реуе Закхею: оуунтелю, ꙗса, ꙗелко ти реуе отьць мон, истина ꙗсть. Вьсемоу же Господь азъ ꙗсмь, а ки тоужди ꙗсте, мнѣ бо ꙗединомуу власть ꙗсть данна оть Бога, ꙗко азъ прѣжде вѣкъ ꙗсмь и оть вѣка азъ ꙗсмь (X.—опуск.; нини есмь азъ—Y.) и въ вась родихсе и сь вами ꙗсмь, или кто ꙗсмь азъ? (Y. опуск.; ки же не вѣсте ѿкоу^а есмь—X.) Азъ бо вѣмь откоудоу ки ꙗсте и кто ꙗсте и како се ꙗсте родили и колко лѣтъ живота вашѣго. И ꙗсе ти истинноу глаголю, оуунтелю. Югда же ти раждашесе, азъ прѣдстоѣхъ, и прѣжде раждениа азъ знаю старце (Y—только: прѣ^ж рѣтка твоего;—азъ прѣ^жстоѣхъ прѣ^ж бѣмь попрѣди всего мира—X.) И (X.—добавл.: ти оуунтелю) аще хоцеши свѣршени быти оуунтель, то послушани мене, и азъ на оууоу те прѣмоудрости, ꙗже ниь никто не вѣсть развѣ мене и пославишаго ме къ вамъ, да наоуую ки. Азъ бо (X.—добавл. въ истинноу) ꙗсмь тебѣ оуунтель, а ти оубо оууеникъ мнѣ нареуешни се (X. Y. ты же оуунтель нарицаешни се мнѣ), зане азъ знаю, оть конхъ лѣтъ ꙗси и колко лѣтъ живота твоего ꙗсть? (X. вторую фразу опуск.; Y.—или время твое) въ истинноу знаю. Егда хоцешни видѣти крестъ мон, ꙗже реуе отьць мон (X. доб.: тога разоумѣешни, ꙗко вса, елко ти рекохъ) истина ꙗсть. Вьсемоу азъ ꙗсмь Господь и отьць (X. Y. опуск.), ки же тоужди ꙗсте, ꙗко тогда и до вѣка тѣжде ꙗсмь азъ. (X. посл. фр. опуск.).—Соуци же тоу Ноудени слышеце словеса ти и дивлахоусе и възоупнише велми и рекоше: о новое (X.—прѣдвниое; дивное и преславное—Y.) уудо, понеже, ꙗко. ѿ. (X.—тре^{хъ}) лѣтъ

Jesus autem cum audisset talia dicentem Joseph, dixit ad Zacheum (*Lat.*) (срв. также: *Kaì ἀκούσας ὁ Ἰ. ἐγέλασε καὶ φησὶ πρὸς αὐτούς* (sc. *Ζακχαῖον καὶ Ἰωσήφ*) (*греч. B.*). Et ante omnes ego sum dominus, vos autem alieni estis (D). Quoniam mihi data est gloria seculorum (*al. eorum*)... quia ante secula ego sum (*cf. πρὸ γὰρ τῶν αἰώνων εἰμί—греч. B.*).

Ego alienus sum a vobis, quamquam habito inter vos (*Syrus*).

Ego autem solus scio quando nati estis et quanto tempore vita vestra est in terra (*Pseudo-Matth. XXX, 2, p. 98—99*) ¹²⁾; cf. *Syrus* (*idem*).

Nam cum tu natus es, ego eram (*Syrus*).

Ego autem scio, quot anni erunt vitae tuae.

¹³⁾ et quando tuleris vexillum, quod dixit pater meus, intelligas quia omnia quae procedunt de ore meo vera sunt ¹⁴⁾ (*Lat. D.*). См. выше.

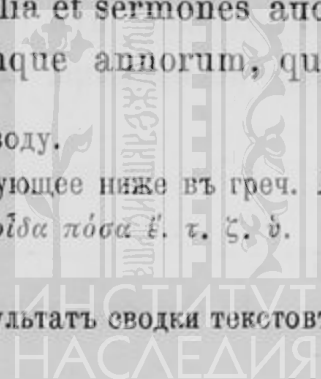
Judaei autem qui stabant et audiebant ipsos sermones, quos loquebatur Jesus mirati sunt dicentes, quia talia mirabilia et sermones audivimus ab ipso puero quinque annorum, qua-

¹¹⁾ См. выше выписку изъ VI гл., непосредственно предшествующую приводимому эпизоду.

¹²⁾ Ср. дальше: благодаря повторенію одной и той же почти мысли, это мѣсто и слѣдующее ниже въ греч. B. слились; поэтому текстъ частью подходит и сюда: *ἐπίσταμαι πόσα ἔτη τῆς ζωῆς ὑμῶν... ὅτι οἶδα πόσα ἔ. τ. ζ. ὑ.*

¹³⁾ Это продолженіе предыдущ. фразы.

¹⁴⁾ Ср. греч. B. *ὅταν ἴδητε τὸ σταυρὸν μου, τότε πιστεύετε, ὅτι ἀληθῆ λέγω.* Опять—результатъ сводки текстовъ.

иестъ отроуєте сего и се таковыи рѣчи глаголетъ, таковыи бѣсѣди николи же не знаю рекше (не слышахомъ николи же — X. У.) архiereю; законодавца и оучителя и книжника ни оу фарисей не бѣ такова, якоже отроуе се иестъ (X. — глѣеть; У. — опуск.). Отвѣщавъ Исоусъ рече нмъ: В' си ви уюдите се на пауче не разоумѣете и (X. У. опуск.) не вѣроуєте въ истинноу (X. У. — яко азъ рѣхъ вамъ истинноу) въ^а кгда родистесе вы и (У. — опуск.) отци вашн прѣславн глаголахоу (У. — глѣю) вамъ. Въ истинноу азъ знаю пославаго мѣ къ вамъ и кгда въ (sic) мирѣ създанъ бысть (X. — егда миръ въсь не бѣ здѣ). — Слышавше же Иудеи како бѣсѣдоуеи (таковн глѣи — X.) (X. У. добавл. и оубоашесе) и никусоже не возмогоу отвѣщати. И пришедъ же отроуе Исоусъ скакаше играе и роугае се нмъ, глаголаше зане ихъ вѣдше малоуюднѣхъ и малоразоумыхъ, якоже слава въ мнѣ въмѣнишесе на оутѣшеннѣ отроуетоу. (X. — понеже азъ вѣдѣ ако уюднн иесте и маломощнн есте, яко слава въмѣнишесе на послѣшеннѣ отроуете; У. — глѣше яко мало уудо и моудро есть, яко слава моя во мнѣ авлѣшесл).

(У. добавл. — Егда же оумолауа отрокъ) рече же оучитель отцоу его Носифоу: приведи (У. грл^а и приведи) его да се оунтъ въ оунлици (X. его въ наказанне; У. — опуск.) и азъ да наоучю его кингамъ. Носифъ же отць его иемъ Исоуса за роукоу и приведе и въ оунлице (X. къ оунтелю, оувещекае иѣл; У. — в домъ тамо и дндаскалъ, ндѣже оувѣщавъ наоунти). И написа иемоу арфа выѣл (X. — азъ вѣдѣ) и науеиь сказати иемоу множицею (X. и науе оучитель прѣдн глѣти. рѣчи азъ многоуци рѣрци; У. — и науа емѣ провѣщавати глѣ по написанному множицею). Онъ же мльуаше и не послоушаше его (X. У. опуск.) уасъ голѣмъ (X. — не провѣща емоу въ едниъ уа; У. — отроуа

les nunquam audivimus et audituri sumus ab aliquo homine neque a pontifice neque a legis doctore neque a scribis neque a Pharisaeis, quales iste infans loquitur (*Lat. D*). *Начало мучше*: Ubi autem audierunt, mirati sunt et clamaverunt et dixerunt: O mirabilem visum et auditum (*Syr.*); *cf. ev. Pseudo-Matth. XXX, 3*.

Respondit autem Jes. et dixit ad eos: Ut quid miramini? Incredibilia habetis, quia locutus sum veritatem? Scio quando vos nati estis et patres vestri: et si plus dixero vobis, quando mundus factus est ego scio, et qui me misit ad vos. (*Lat. D*). — Jes. respondit et dixit eis: Miramini, quod dixi vobis me scire quando fueritis, et adhuc plura dicere habeo vobis. (*Syr.*); *cf. ev. Ps.-Mat. XXX, 4; ср. греч. Β: ἀληθῶς οἶδα πότε ἐκτίσθη ὁ κόσμος. ἰδοὺ οὐ πιστεύετε μοι ἄρτι.*

Cum audissent Judaei sermones, quas dixerat infans, irati sunt quia, non potuerunt ei respondere. Et conversus in semetipsum infans exultavit et dixit: in proverbium dixi vobis: ego autem scio quia debiles estis et nescientes (*Lat. D*). — Sed illi ubi audierunt tacebant neque quidquam dicere potuerunt (*Syr.*); *cf. ev. Ps.-Mat. XXX, 4 (p. 99—100); греч. В только: οἱ δὲ ἐκπλήσαντο ἀκούοντες ταῦτα.*

Dixit autem magister ille ad Joseph: affer puerum tuum (*cod. A. — только eum*), ego autem docebo in domo magistri ubi et alios pueros doceo (*A. — ubi — pueros опуск.*; ego docebo eum litteras. Joseph autem apprehendit puerum Jesum et adduxit illum in domum cuiusdam magistri, ubi alii pueri docebantur — *A*).

Magister autem dulcibus sermonibus eum cepit discere (*A. docere litteras*), et scripsit illi primum versiculum, qui est ab *a* usque *t*, et coepit eum docere. Infans autem tacebat (*Lat. D*).

Мучше: Sed Zaccharias scriba coepit docere eum alphabetum inde ab alpha et repetebat ei aliquoties totum alphabetum. Et dixit ei ut sibi responderet et repeteret; at ille tacuit. (*Syr.*); *cf. Ps.-Matth. XXXI, 1 (cod. D); ср. греч. В VII, 1¹⁵.*

¹⁵) Подобное нѣчто было и въ текстѣ, который имѣеть въ виду блаж. Иринеи (haeres. I, 20): καὶ τοῦ διδασκα-

же мѣзѣа мно^г ѹа). И прогнѣвакѣсе оуунтель и
заоуши ѹго (X. У.—и оударн ѹго по глѣвѣ).
Тыгда реуе отроуе Ісоуѣ: недостоно твора-
ши. Азъ хоцоу тебѣ казати, а нли хоцоу отъ
тебѣ наказанъ быти (У.—нли ты ма пауе мака-
жешн). Тыгда пакы пауеть ѹго оуунти днда-
скаль. И сказа ѹмоу аѣфа. Ісоуѣ же реуе ѹмоу
да рѣчи ти выѣа, ¹⁶⁾ (X. У. Тыгда—выѣа опуск.)
къмъ бо азъ кѣнгы, нѣже хоцешн оуунти, (X.
У. оуунши), а ти много осоуждѣнешнсе (X.
и нѣх лн та могоутъ мѣ ѡсоудити; У.—
мнози бо та осжжаютъ) кѣко ты оубо реуе (X.—
и тне мнѣ нѣсоутъ; У.—кѣко тѣ во мнѣ сѣтъ)
кѣко мѣдъ звѣнѣши и кѣко кѣмбаль звецаюши,
кѣко не прѣставеть се горы гласове прѣмоуд-
ростню (X. коѣмбаль зв. вн же гла не нмате,
нѣ прѣмоудрости; У.—звѣцад не престаноутъ.
нн гласа слышати, нн сѣвы премоудрости) нн
доуши слоу нн разоума (X. нн дѣи сѣлныи
разоума; У. дѣи силы разоума).—(Starine VIII,
49—50).

Всѣ приведенныя параллели, взятыя изъ различныхъ текстовъ: греч. В, латинскаго пере-
вода, сирскаго пересказа ев. Θомы и ev. Pseudo-Matthaei, конечно, могутъ служить доказы-
тельствомъ только того, что эпизоды, заключающіеся въ VI гл. славянскихъ текстовъ, не находи-
мые въ ред. греч. А, не представляютъ позднѣйшей вставки уже въ славянскихъ текстахъ:
присутствіе ихъ въ греческомъ оригиналѣ оправдывается тѣмъ, что находимъ ихъ не только
въ старыхъ переводахъ, каковы латинскій и сирскій, не только въ греч. В. ¹⁷⁾, передѣлкѣ изъ
подобнаго же греческаго текста, но и въ ev. Pseudo - Mathaei, памятникѣ весьма древнемъ,
стало быть, въ весьма древнее время воспользовавшимся въ качествѣ источника евангеліемъ Θомы.
Сюда же можно присоединить и еще арабское ev. Infantiae Salvatoris, которое дополняетъ со-
бой кругъ евангелій дѣтства Христова: оно уже въ значительной степени переработало свой
первоисточникъ—ев. Θомы, но всетаки еще сохраняетъ съ нимъ связь въ гл. XXXVIII—XLIX ¹⁸⁾.

λον αὐτῷ φήσαντος, καθὼς ἔθος ἐστίν· εἰπὲ ἀλφα. ἀποκρίνασθαι τὸ ἀλφα πάλιν τε τὸ βῆτα τοῦ διδασκάλου κελεύσαντος...
(Tisch., p. 146., nota). Ср. гл. XIV греч. А.

¹⁶⁾ Эпизодъ м. б. сопоставленъ съ гл. XIV А: ὁμως γράψας τὴν ἀλφάβητον ἐπετήδευεν αὐτὸ ἐπὶ πολλὴν ὥραν,
καὶ οὐκ ἀπεκρίνατο αὐτῷ. εἶπε δὲ αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς· εἰ ὄντως διδάσκαλος εἶ, καὶ εἰ οἶδας καλῶς τὰ γράμματα, εἰπέ μοι τοῦ
ἀλφα δύναμιν... πικρανθεῖς δὲ ὁ διδ. ἔκρουσεν αὐτοῦ εἰς τὴν κεφαλὴν... (Tisch., p. 153). Сходство содержания разбирае-
мой главы и гл. XIV дѣлаетъ возможнымъ это взаимное вліяніе. Ср. Lat. cap. XII (Tisch. p. 176—177); ev. Ps.-Matt.
cap. XXXVIII (ibid. p. 107).

¹⁷⁾ Здѣсь, какъ видимъ, находимъ не столько самые эпизоды, сколько намеки на нихъ: безъ полныхъ эпизодовъ
намеки были бы для насъ непонятны; см. прим. 12 и 14.

¹⁸⁾ Tisch., p. 201—207. Для удобства привожу параллельно главы, общія во всѣхъ перечисляемыхъ текстахъ.

Graec. A.	Graec. B.	Latin.	Ps.-Mat.	Ev. Infant.	Graec. A.	Graec. B.	Latin.	Ps.-Mat.	Ev. Infant.
1	1	15,4	—	—	6	6+7	} 6	} 30,31	—
2	3	} 4	26,27	} 46	7	6			
3	2		28		8	—			
4	4	} 5	} 29	47	9	8	7	32	—
5	5			—	—	10	9	8	—

Принадлежность, а въ мѣстѣ съ тѣмъ и древность въ текстѣ ев. эпизодовъ VI гл., доказывається, кромѣ того, тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ то старый латинскій, то старый сирскій тексты даютъ чуть не полное текстуальное тождество съ славянскимъ, т. е. въ этихъ случаяхъ славянскіе тексты вмѣстѣ съ латинскими (изъ нихъ особенно cod. D. Tisch.) и сирскимъ близко передаютъ свой греческій оригиналь. Т. о. отсюда—выводъ: славянскіе тексты въ исторіи возстановленія греческаго текста (какъ мы видѣли, нуждающагося въ этомъ) должны играть ту же, если не бѣдшую, роль, что латинскій и сирскій переводы. Это значеніе слав. текстовъ ев. Ѳомы подтверждается и увеличивается и другими особенностями ихъ: въ славянскихъ текстахъ (двухъ изъ принятыхъ нами)¹⁹⁾ есть эпизоды, которые намъ неизвѣстны ни изъ одного изъ иноземныхъ текстовъ этого евангелія, ни изъ *ev. Pseudo-Matthaei*. Таковъ эпизодъ объ обученіи Христа врачебной наукѣ (продолженіе главы XV). Въ немъ разсказывается, какъ Христосъ исцѣлилъ больного, который уже потерялъ одинъ глазъ и ходилъ къ врачу лѣчить другой заболѣвшій глазъ, чтобы не ослѣпнуть окончательно (*Starine VIII, 53*). Въ виду плохого состоянія греческихъ текстовъ, а также и большой самостоятельности относительно извѣстныхъ, какъ мы видѣли на приведенныхъ примѣрахъ, можно бы предположить, что и этотъ разсказъ, находящійся въ двухъ славянскихъ текстахъ, принадлежалъ еще греческому тексту, но случайно не сохраненъ имъ и текстами, отъ него зависимыми. Повидимому, такъ и было: этотъ разсказъ — совершенно въ духѣ всего остального евангелія и въ текстѣ Хлудова органически связанъ съ нимъ: *мнозъмъ оуѹнтелемъ прѣдѣ. како видѣ іѡсїфъ ѿ ин єдиногю оуѹнтелемъ не плѡуѹнсе. нь пѣ оуѹнтелемъ оуѹаше. и потомъ прѣдѣ его крауєви.* Кромѣ того, весьма возможно, что нѣчто подобное и было въ текстахъ ев. Ѳомы (или вообще въ кругѣ легендъ о дѣтствѣ Спасителя); намекъ на это есть, кажется, въ арабскомъ *ev. Infantiae* (гл. 28 и 52), гдѣ разсказывается объ исцѣленіи слѣпца и въ спорѣ съ книжниками во храмѣ, гдѣ Христосъ учителю (*philosophus tractandarum rerum naturalium peritissimus*) на его вопросъ: *an medicinae studuisset*, даетъ перечень всѣхъ познаній медицинскихъ. Косвенно это предположеніе подтверждаетъ и другой эпизодъ въ 19 главѣ ев. Ѳомы: *И потомъ (послѣ пренія въ храмѣ) глагола Нюдеомъ: гдѣ соуѹт дроузи мон да нгранмъ. они же бѣхоу затворили въ хыжи. Нсоуѹсъ же въ врата тькноуѹвъ и благословивъ рече: да боудоуѹтъ сквиннє. Єгда же родителнє отврьзоше уєда своимъ, тыгда нзлєзыше крѣтеще коєждо на страну* (*Starine VIII, 54*). Этотъ разсказецъ изложенъ очень сжато и не понятенъ безъ знакомства съ арабск. ев. дѣтства, гдѣ (гл. 40) онъ изложенъ полнѣе и понятнѣе: (родители, боясь Иисуса, дѣтямъ запретили играть съ нимъ—гл. 36) „однажды Господь Иисусъ, выйдя на улицу и увидавъ дѣтей, собравшихся для игры, пошелъ за ними, но дѣти отъ него попрятались. Господь Иисусъ поэтому, подойдя къ дверямъ одного дома и видя стоящихъ здѣсь женщинъ, спросилъ ихъ, куда дѣвались дѣти. Услыхавъ, что здѣсь никого нѣтъ, опять сказалъ Господь Иисусъ: „а тѣ, что подъ аркой (*in fornace*), кто?“ Услыхавши отвѣтъ, что здѣсь трехгодовалые козлы (*haedes*), Господь Иисусъ воскликнулъ: „выходите сюда, козлы, къ [вашему пастуху!“ Тогда дѣти въ видѣ козловъ вышли и стали прыгать во кругъ него“²⁰⁾ Несомнѣнно, связь между этими разсказами есть: оба эти разсказа идутъ изъ одного источника:

Graec. A.	Graec. B	Latin.	Ps.-Mat.	Ev. Infant.	Graec. A.	Graec. B	Latin.	Ps.-Mat.	Ev. Infant.
11	10	9	33	45	16	—	14	41	43
12	—	10	34	—	17	—	15		
13	11	11	37	38,39	18	—	—		
14	—	12	38	48,49	19	—	15 ^{2-3(?)}		
15	—	13	39	—					

¹⁹⁾ Текстъ У. содержитъ только 12 главъ и этихъ эпизодовъ поэтому не имѣетъ.

²⁰⁾ Tisch., p. 202. Ср. Сборникъ за народни умотворения.... изд. М. на народното просвѣщеніе, кн. IV (София 1891), стр. 266.

легенды, которая была занесена въ ев. Θοмы, откуда она попала въ ev. Infantiae (араб.) и переводъ С.

Такого же м. б. происхожденія и другой эпизодъ той же 15-й главы (онъ предшествуетъ разсказу о врачевствѣ): и потомъ їс прохожаше з^ланна ѿрковнаа. и спадеса кїрамнда и оударн іса. и рѣ їс потребнсе з^ланне злнн домѣ. и агне разорнсе все зданне его. и рѣ. да съзнж^летсе пакы въ доброе з^ланне. а не ндолодеменское. и съз^ла є словомь. (X.). Этого эпизода также не нашлось въ текстахъ иноземныхъ, но есть нѣкоторая вѣроятность предполагать его существованіе въ нихъ: онъ встрѣчается въ текстѣ № 1244 Рум. муз. (о немъ ниже), представляющемъ, кромѣ того, еще разсказъ, не вошедшій въ извѣстные тексты ев. Θοмы, но оказавшійся аналогичнымъ съ разсказомъ (гл. 37) арабскаго Ev. Infantiae.

Т. о. изъ этого сравнительнаго обзора славянскихъ и иноземныхъ текстовъ, во всякомъ случаѣ, можемъ заключить, что, помимо извѣстныхъ, мы должны предполагать существованіе такого греч. текста, который: а) въ порядкѣ изложенія слѣдовалъ первой греческой редакціи (A.—Tisch.), но б) былъ полнѣе текстовъ этой редакціи, и в) представлялъ, помимо эпизодовъ, находимыхъ то въ одномъ, то въ другомъ славянскомъ спискѣ, по крайней мѣрѣ, одно крупное дополненіе въ VI главѣ, м. б. и другое въ XV, не говоря уже о цѣломъ рядѣ мелкихъ дополненій, касающихся чтенія и отдѣльныхъ фразъ. Далѣе, по самымъ чтеніямъ, этотъ предполагаемый текстъ, какъ мы видѣли изъ сопоставленій, отличался во многихъ мѣстахъ отъ текста А. Наконецъ, отношеніе этого предполагаемаго текста къ иноземнымъ переводамъ, ev. Ps.-Matthaei и арабскому ev. Infantiae, заставляетъ предполагать время возникновенія этого текста весьма древнимъ, во всякомъ случаѣ гораздо древнѣе, нежели время возникновенія текста А.

Теперь слѣдуетъ посмотрѣть отношеніе къ этому тексту славянскихъ, а также и ихъ отношенія другъ къ другу. Сравнивая между собой всѣ три славянскіе списка, мы невольно замѣчаемъ, что они значительно разнятся другъ отъ друга по чтеніямъ въ передачѣ одного и того же мѣста греч. текста. Присматриваясь же ближе къ этимъ разночтеніямъ, мы видимъ, что все-таки тексты У и С представляются болѣе близкими другъ къ другу, нежели къ X. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ:

1) гл. II. Тыгда възлетѣхоу пѣтице и летѣхоу поюще. С.

и възлетѣвша абіе птнцн тѣ поюще. У.

2) гл. III. (воды) нже си бѣ сътвори н Ісоу съ—С.
лже сътвори ісѣ—У.

3) гл. IV. Откоудоу се отроуе роднсе, яко всакоє слово ѿго на всако дѣло готово єсть.—С.

ѿкъждѣ ро^л са отрокъ сѣ яко слово его на все дѣло готово є.—У.

4) гл. V. страждоутъ сице и ненавндеть насъ, нзгонеть ни нз града сего (С. У.).

5) — азъ въ^л снѣ глн нѣсоутъ мое, еже ти глѣши—С.

азъ въды ѿуе яко се глн не соутъ мон лже азъ глѣхъ—У.

6) — Тыгда абые видѣвъ Носифъ уто сътвори н іеть Ісоуса за оухо и протегноу н зѣло.—С.

(только) зовоуше ви ви—X (*καὶ πετασθέντα τὰ στρούθια ὑπῆγον κράζοντα*).

еже бѣше собралъ їсѣ.—X (*ὕδατα, ἃ συνήγαγεν Ἰησοῦς*).

ѿкоу^л сѣ отроуе, яко слово его н дѣло готово іе.—X (*Πόθεν τοῦτο τὸ παιδίον ἐγεννήθη, ὅτι πᾶν ῥῆμα αὐτοῦ ἔργον ἐστὶν ἑτοιμον*).

н рѣцоутъ на нѣ люднє всн н нзгонет^л ни нз^л гл^л сего (начала фразы нѣтъ).—X (*πάσχουσιν οὕτως καὶ μισοῦσι καὶ διώκουσιν*).

глѣ мон нѣ яко глѣс нхъ.—X (вездѣ мѣсто испорчено: *ἐγὼ οἶδα ὅτι τὰ ῥήματα σου οὐκ εἰσὶ σα*).

н разгнѣвасе іѿсифъ на їса н єть его за власн потезаше зѣло цепени—X (*ιδόντες (ιδὼν?)*

И абіе видѣвъ юсифъ яко се творитъ прогнѣ-
васа нань и нмъ за оухо и ѿтаже зѣло.—У.

7) — И бѣхоу нин тоу с нимъ играюще.
Отроуе же Ісоусъ възнегодовавъ реуе юмоу:
достонтъ ти, да ищешн мене обрѣзати²²), отъе
разбонниуе мон, истинноу ти не вѣси ли твои ли
іесмы азъ? аще ли и твои іесмы азъ, то и ти
не оскорблани мене, нь оубо твои іесмы снъ,
яко к тебѣ придохъ.—С.

и о играющнхъ дѣтехъ (sic) гла ісъ негоджа.
довлѣетъ ти искиати мене и обрѣзати²²) разбон-
ниуе. ты истинною не вѣси ли, яко твои есмь
азъ.—У.

Ту же близость мы можемъ видѣть и далѣе, напр., въ гл. XI и XII (о водоносѣ и сѣяніи).
Все это даетъ намъ право видѣть двѣ группы въ наличныхъ спискахъ: къ одной относятся С
и У, къ другой Х. При всемъ томъ нельзя отсюда выводить, что эти обѣ группы стоятъ внѣ связи
между собой, т. е. представляютъ двѣ переводныхъ редакціи, два перевода. Это видно изъ того, что,
хотя С. У. оказываются совпадающими тамъ, гдѣ каждый изъ нихъ отличается отъ Х, все-таки
мы, хотя и въ меньшемъ сравнительно числѣ случаевъ, встрѣчаемъ аналогію между Х и С въ
отличіе отъ У и между Х и У въ отличіе отъ С. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ:

а) гл. II. играше въ мноходецихъ рѣунцахъ,
одждають (sic!).—С.

играше ѿтроуе іс въ мнмотекоущиныхъ рѣун-
цахъ дѣжѣвнихъ.—Х.

б) гл. IV. и ино отроуе текъ съзиди скоун
юмоу на ramo.—С.

ино же ѿтроуе текъ въскоун на ramo его.—Х.

γ) гл. VI. приди и прѣдан ми іего, да наоуѹоу
кингамъ и всемоу наставленію кинжнѹмоу,
яко да разоумѣють въ старѣцехъ ѹтно, яко пра-
дѣди и отьци, и любити іего нмамы съ крото-
стною якоже и въсе съврѣстники іего, и боит-
тисе и срамлѹ(тисе) родитель сконхъ, яко да
и тын възлюбленъ боудетъ отъ родитель ско-
нхъ.—С.

да прѣдан ми его да га наоуѹю кингамъ и
всемоу наставленію, еже послоушати емоу
старѣць и поустити всакого и родителя боитисе
и поунтати и срамлѹтисе нхъ. яко кто ѿ ско-
нхъ ѹедъ поутанъ боудеть. Х.

Всѣ три текста, какъ видимъ, дополняютъ другъ друга: начало совпадаетъ въ Х и С,
далѣе же въ С. У.

²¹) Ср. *Syrus* у Tischend. 144 (nota).

²²) Ошибочное чтеніе; слѣд.: МЕ И НЕ ОБРѢЗАТИ.

δὲ ὅτι τοιοῦτον ἐποίησεν ὁ Ἰησοῦς, ἐγερθεὶς ὁ
Ἰωσήφ ἐπέλαβεν αὐτοῦ τὸ ὀπίον καὶ ἐτίλεν σφόδρα)²¹).

іс негодова. докле стрѣти искиати мене и не
обрѣзати, разбонниуе егѣ истинни не вѣси твои
ли іесмы азъ. аще ли то не гнѣван мене. облауе
твои іесмы к тебѣ придохъ—Х (τὸ δὲ παιδίον
ἠγανάκτησε καὶ εἶπεν αὐτῷ ἀρετὸν σοὶ ἐστὶν ζη-
τεῖν καὶ μὴ εὐρίσκειν, καὶ μάλιστα οὐ σοφῶς ἐπρα-
ξας· οὐκ οἶδας ὅτι σὸς εἰμι; μὴ με λύπει· σὸς γάρ
εἰμι (Dresd.)). Лишнее противъ греч. въ началѣ
сходно только въ С и У; въ срединѣ—во всѣхъ;
въ концѣ—въ Х и С.

хожѣаше на рѣунцѣхъ и играше тоу—У (παίζων
ἦν ἐν διαβάσει ῥύακος, или: ἐπαιζεν ἐπὶ διοδεύσει
τινὸς ῥύακος—Paris).

и дѣтско отроуа мало мнмо текущи въскоун
игра на ramo его.—У (соотв. должно: καὶ παι-
δίον τρέχων διερχάγη εἰς τὸν ὄμον αὐτοῦ).

гради прѣдан ми его да ти навькне кингамъ
и всемъ наставленію. еже разоумѣти и ѹтити
вса старцемъ и срамнитиса нхъ, яко прадѣ и
ѿць, и любовію вса сверѣстники своа и бонтса
любити роителѣ своа, да и онъ любимъ боудетъ
всѣмъ—У (ср. δεῦρο παράδος μοι αὐτὸ ὅπως μάθη
γραμματα, καὶ ἐγὼ διδάξω αὐτὸ μετὰ τῶν γραμμα-
των πάσαν ἐπιστήμην καὶ προσαγορεύειν πάντας
τοὺς πρεσβυτέρους καὶ τιμᾶν αὐτοὺς ὡς προπάτο-
ρας καὶ πατέρας καὶ τοῦ ἀγαπᾶν συνηλικιώτας).

д) гл. X. И пакы же не по мнозѣхъ днѣхъ юноша иетерь съкоуши дръва въ соусѣдѣхъ и оудари се съкырою и отсѣе пласоу отъ ноги свое и оужасесе и науеть оумирати.—С.

и пакы же ²⁴⁾ не по мнозѣхъ днѣхъ юноша етерь зцѣпеше дръва в соусѣдѣхъ. и прѣсеуе си ногоу и науе оумирати.—X.

А вотъ случаи совпаденія X и У и отклоненія С:

а) гл. II. видѣвшѣ же юдене и ш^ѣше повѣдаше ѿцѣу его.—X.

видѣвшѣ жидоке иже твораше ісѣ въ днѣ сѣботныи и прише^ѣше възвѣстиша оѣж его—У.

б) гл. III. родителю же ослабленнаго прндоста плающеесе ѿтроуета своего.—X.

родителю ра^ѣслабленнаго прндоста и възста оуношѣ своего плакашесѣ.—У.

с) гл. VI. Оуунтелѣ въ тоу стое именемъ закхен.—X.

оууѣль же въ етерь именемъ закхѣла стоиме тѣ.—У.

д) гл. IV. И пакы идѣше сквозѣ град^ѣ, нио же ѿтроуе... (см. выше) X.

Пакы же идѣше ісѣ сквозѣ град^ѣ... (см. выше) У.

е) — а не клети наше дѣти искоуши творити.—X.

а не клети дѣтей нѣи^ѣ. нѣи дѣти оусоушени створи—У.

Пакы же по немног^ѣ днѣхъ оуноша некто въ сосѣдѣхъ. тил^ѣ ²³⁾ дрова юсифѣ и оударн сенирою и раста плесноу ноги своеѣ, оужасѣ и оумре.—У (*Μετ' ὀλίγας ἡμέρας σχίζων τις ξύλα ἐν τῇ γωνίᾳ νεώτερος, ἔπεσεν ἢ ἀξίνη καὶ διέσχισεν τὴν βᾶσιν τοῦ ποδὸς αὐτοῦ καὶ ἕξαιμος γενόμενος ἀπέθνησκεν*).

Видѣвъ же юдени ѿ Юден иеже твораше Ісочсъ играіе въ соуботоу и ш^ѣ реуе оцѣу иего Носифоу. — С. (*ἰδὼν δὲ τις Ἰουδαῖος, ἃ ἐποίησεν ὁ Ἰησοῦς ἐν σαββάτῳ παίζων ἀπῆλθε παραχρήμα καὶ ἀνιγγεῖλε τῷ πατρὶ αὐτοῦ Ἰωσήφ*).

Родителю же иего прише^ѣша възста съ плачемъ—С. (ср. *οἱ δὲ γονεῖς τοῦ ξηρανθέντος ἐβάστασαν αὐτὸν θρηνοῦντες τὴν νεότηταν αὐτοῦ*).

И оуунтель етерь въше тоу стое съ Носифомъ.—С. (*Καθηγητῆς δὲ τις ὀνόματι Ζαχαῖος ἐστὼς ἐν μέρει τινί*).

И пакы гредоуцоу ісочсоу сквозѣ град^ѣ.—С. (*Πάλιν οὖν ἐπορεύετο ὁ Ἰησοῦς διὰ τῆς κόμης* (—πόλεως?)).

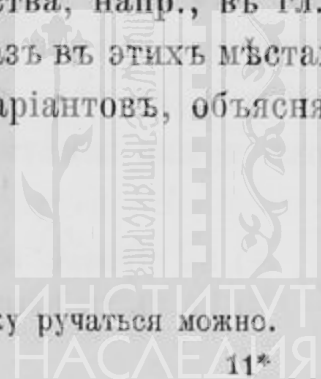
а не клети дѣтен нашихъ — С. (ср. *καὶ μὴ καταρᾶσθαι τὰ γὰρ παῖδιά ἡμῶν θανατοῖ*).

Т. о. мы видимъ, что всѣ три списка связаны другъ съ другомъ. Изъ приведенныхъ же мною греческихъ текстовъ, несмотря на ихъ разницу сравн. съ слав., видно, что то тотъ, то другой списокъ лучше двухъ другихъ передаетъ этотъ греческій текстъ. Это взаимное отношеніе списковъ другъ къ другу и всѣхъ вмѣстѣ къ греческому ²⁵⁾, кажется, даетъ возможность предположить: а) что всѣ эти славянскіе списки восходятъ къ одному общему списку — переводу съ греческаго, и б) этотъ переводъ сильно измѣнялся въ своихъ спискахъ, подвергаясь не только искаженіямъ, но и передѣлкамъ; эти послѣднія въ значительной степени объясняются желаніемъ по смыслу поправить текстъ, повидимому, не совсѣмъ удобопонятнаго и неискускаго перевода. Это видно лучше всего въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и самый греческій текстъ (равно какъ и его переводъ) ясностью и доступностью для пониманія не отличались; таковы, между прочимъ, рѣчи Христа, когда Онъ раскрываетъ тайну Своего посланничества, напр., въ гл. 5 (см. выше, примѣры 5 и 7), или препирается съ учителемъ (гл. 6): какъ разъ въ этихъ мѣстахъ мы и видимъ наибольшее разнообразіе списковъ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ вариантовъ, объясняе-

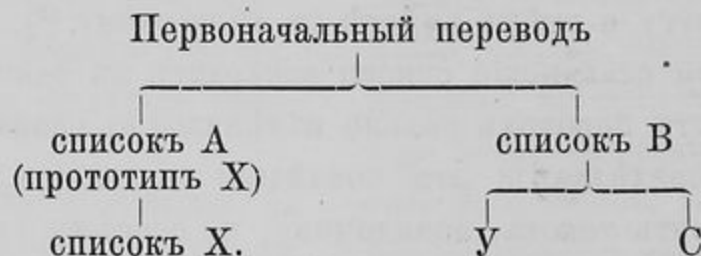
²³⁾ Рук. ѿнл.

²⁴⁾ Ркп. и покаже.

²⁵⁾ Я основывался только на такихъ мѣстахъ его, за близость которыхъ къ подлиннику ручаться можно.

мыхъ желаніемъ исправить искаженный текстъ: эти поправки по характеру своему указываютъ на домысль, не всегда удачный, безъ справки съ греч. текстомъ; такъ объясняется различіе, напр., начала (гл. I) евангелія (см. выше стр. 76), или слова Іосифа о какомъ-то „маломъ крестѣ“ (ραγνα σιух.—Syr.). Подъ вліяніемъ той же причины является такая, напр., передѣлка текста: *τί ἠδίκησάν σε οἱ λάκκοι καὶ τὰ ὕδατα*; (гл. III) въ У: како ма възненавидите мѣстивіе кровію и моа рѣунца, тогда какъ Х читаетъ: что възобидоше вѣрковн мон. то нхъ разказн, и С: како те възненавидѣше мон вѣрци и моје рѣунце. Точно также темное для пониманія мѣсто о „стихії“ (στοιχεῖον) перваго письменнаго знака переданы въ С и У различно, а въ Х вовсе опущено; предыдущее же мѣсто (*καὶ εἶπεν αὐτῷ τὰ γράμματα ἀπὸ τοῦ ἁ ἕως τοῦ ω*), переданное въ С согласно съ греческимъ: *реуе ксоу крамолоу* (sic) и отъ а́рфа до ω мѣга, въ Х приспособлено уже къ славянской азбукѣ: *рѣкъ всоу грамотоу ѿ азъ до є* (т. е. до л, въ серб. є) ²⁶⁾ *ксно*, а въ У этой поправки нѣтъ: *всю истиннзю грамотоу ѿ алфы*. Наконецъ, та же работа переписчиковъ и редакторовъ видна въ самомъ заглавіи евангелія: С, согласно съ греческимъ читаетъ: **Младѣнство Господа...**; Х уже: **Утєннє дѣтства...** У: **Уюдєса н дѣланїа...** Во всякомъ случаѣ, пока мы не имѣемъ въ рукахъ текстовъ греческихъ, болѣе исправныхъ, нежели изданные Тишендорфомъ, и только три славянскихъ, предположеніе объ одномъ источникѣ—переводѣ, если и не можетъ быть доказано точно, то не можетъ, кажется, и быть вполне отвергнуто. Разница же въ объемѣ въ текстахъ С и Х не должна, думается, смущать насъ и противорѣчить этому предположенію: самый характеръ евангелія таковъ, что, какъ и житіяхъ святыхъ, составъ его отличается подвижностью и отсутствіемъ тѣсной внутренней связи между отдѣльными эпизодами, т. е.: какъ въ житіяхъ чудеса святаго числомъ не одинаковы — одно житіе приводитъ ихъ больше, другое меньше, сохраняя неприкосновенной редакцію самого житія (свѣдѣнія о жизни святаго) ²⁷⁾,—такъ и рассказы о чудесахъ ребенка-Христа, составляющіе главное содержаніе евангелія (*τὰ παιδικὰ μεγαλεῖα ὅσα ἐποίησεν; quae fecit Dominus, quanta signa et mirabilia fecit Iesus*), являются независимыми и слабо связанными другъ съ другомъ; поэтому переписчикъ могъ выбирать для своего списка одни рассказы, опуская другіе. Такъ, повидимому взглянулъ на дѣло и писецъ списка У, введя даже, подобно житію, заголовки: *уудо ѿ, уудо второе* и т. д.: Т. о. одинъ списокъ сохранялъ одни чудеса, другой другія, какъ это мы видѣли изъ сравненія Х и С; иначе: общій прототипъ былъ полнѣе каждаго, взятаго отдѣльно списка. Идутъ ли всѣ три списка непосредственно отъ одного старшаго или здѣсь была какая-нибудь градація, сказать трудно; но, кажется, можно предполагать изъ близости У и С, что они имѣли общій прототипъ, отличный отъ того, отъ котораго пошелъ Х; т. е. приблизительная схема могла бы быть такова:

Это предположеніе о болѣе полномъ оригиналѣ нашихъ списковъ, представляющихъ извлеченіе изъ него, повидимому, находитъ опору и самыхъ текстахъ: списокъ С — самый полный, является въ то же время и самымъ древнимъ и наиболѣе близкимъ къ греческому тексту (разумѣется, въ тѣхъ границахъ, гдѣ мы можемъ себѣ представить ясно этотъ греч. текстъ), что легко можно замѣтить по приведеннымъ выше многочисленнымъ выпискамъ. Списокъ У, какъ

²⁶⁾ Въ отрывкѣ, вставленномъ въ У (толковая азбука), послѣдняя буква, дѣствительно, л.

²⁷⁾ Ср. В. О. Ключевского „Древнерусскія житія святыхъ“ (М. 1871), стр. 43, 47, 197, особ. 319—320.

идушій изъ той же группы (т. е. болѣе близкой къ *C*) съ нимъ приближается къ греч. оригиналу, давая иногда чтенія, даже болѣе близкія чтенія, нежели *C* (ср. выше, стр. 81) — доказательство, что онъ пошелъ не отъ *C*, а отъ одного съ нимъ источника. Списокъ *X*, какъ болѣе переработанный, восходитъ м. б. къ списку *A*, гдѣ началась уже эта переработка первоначальнаго текста, чѣмъ объясняется и его большая отдаленность отъ греческаго, хотя и онъ иногда даетъ лучшія аналогіи къ греческому, нежели *C* (см. примѣры *c*, *d*).

Вотъ въ какомъ видѣ представляется соотношеніе списковъ между собой. Общее же состояніе текста могло бы быть выяснено лучше всего съ помощью подходящаго греческаго текста; но его у насъ нѣтъ. Въ предѣлахъ же отрывковъ мы можемъ, все таки, представить себѣ это отношеніе: повидимому, прежде, чѣмъ дойти до насъ, текстъ перевода сильно измѣнялся, что доказывается существованіемъ въ XIV в. (къ нему относятся оба сербскіе списка) двухъ его версій; кромѣ того, какъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ ранѣе сопоставленій, наши тексты отклоняются отъ греческаго тамъ, гдѣ и греч. и лат. даютъ одно приблизительно чтеніе (ср. выше примѣры 1, 4, 6, 7, β , *b*. и т. д.). О томъ, что самый переводъ не былъ искусенъ, можно, кромѣ приведеннаго выше, судить по нѣсколькимъ случаямъ непониманія греч. текста, напр. въ I-й же главѣ: *оѵ* (т. е. рассказъ о Христѣ) *ἡ ἀρχὴ οὕτως*—все тексты (т. е. и переводчикъ) поняли, *ἡ ἀρχὴ* (начало), какъ „начальство“, „владычество“, почему и находимъ: **бѣше же влѣуьствн томъ (X)**, или: **еже о влѣуьствѣ (У)**, или же: **нже града владыуьстка іе (С)**.

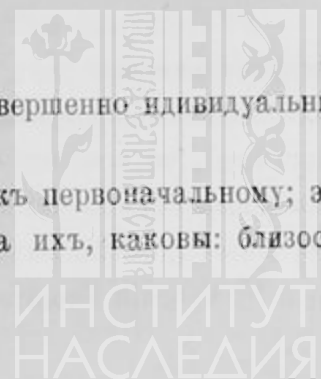
Обращаясь къ ближайшему анализу самихъ текстовъ, думаю, что едва ли нужно, послѣ приведенныхъ выше параллелей, доказывать еще фактъ, что переводъ ев. Θ омы сдѣланъ съ греческаго, а не съ какого нибудь иного языка. Для большей же увѣренности и точности въ установкѣ этого факта можно найти доказательства и въ самомъ языкѣ списковъ: въ нихъ сохранились ясные слѣды греческаго подлинника — грецизмы: 1) текстъ *C* (а за нимъ и *У*, насколько онъ сохранился) передаетъ въ рассказѣ объ ученіи грамотѣ алфавитъ греческій (гл. VI): **написа ѿмоу арфа выфа... и сказа ѿмоу арфа... рыци ти выфа... реуе ксоу крамолоу отъ арфа до ѿмега...** (въ *У*: **написавъ емж алфа внта... всю истинноую грамотоу ѿ алфы... алфы не вѣдый...** ²⁸); текстъ же латинскій читаетъ: *ab a usque t* (Tisch., p. 171) ²⁹; 2) **нинлатъ** (*ἐνάλλακτος*), **стоуѣне** (*στοιχεῖον*)—въ *X*; 3) **дндаскаль** (въ другихъ мѣстахъ—**оуунтель**; въ *X* и *C*. даже предпочтительно), **спарѣжфосъ** (*ὑπαρχοὺς*? ср. Tisch p. 146 и прим.)—въ *У*. Эти грецизмы въ разныхъ спискахъ иногда разные, т. е.; въ однихъ сохранялись одни, а иные исправлялись, въ другихъ—другіе; такъ поступили *У* и *C*, замѣнивъ, напр., **кумкаль** (грецизмъ языка) словомъ **кроугъ** (гл. VI, *У*), **нинлатъ**—**прагъ** (гл. XIII, *C*; но зато осталось—**ѣгдоуьсъ?**) и т. д.

Время перевода уже на основаніи исторіи дошедшихъ до насъ списковъ должно быть признано давнимъ, гораздо ранѣе XIV в., къ которому относятся старшіе списки обѣихъ группъ; это подтверждается и характеромъ языка во всѣхъ спискахъ: они сохранили довольно много чертъ въ фонетикѣ и морфологіи, которыя уже въ XIV в. могли считаться для Сербска архаизмами, а для XVI в. (ср. *У*.) и подавно. Здѣсь замѣчается, между прочимъ, и одна интересная особенность списковъ: судя по древнимъ формамъ, оставшимся въ спискахъ, первое мѣсто принадлежитъ списку *X*, что можетъ указывать на то, что оригиналъ этого списка былъ древнѣе, нежели оригиналы остальныхъ двухъ списковъ ³⁰), или же на то, что *X* точнѣе передалъ черты ори-

²⁸) О списокѣ *X* см. выше, стр. 84 и примѣч. 26.

²⁹) *Ced. Parisiensis* въ азбукѣ слѣдуетъ еврейскому алфавиту, но за то даетъ текстъ, совершенно индивидуальный (см. Tisch. p. 145, nota) во всей VI гл.

³⁰) Конечно, это не доказываетъ, чтобы этотъ списокъ былъ ближе, нежели *C* и *У*, къ первоначальному; эти послѣдніе (особ. *C*) въ свою очередь сохранили черты, показывающія древность оригинала ихъ, каковы: близость ихъ къ греческому, древніе приемы графики.

гинала; къ числу такихъ архаизмовъ относится цѣлый рядъ случаевъ: 1) прошедшаго несов. съ двойной гласной: твораше (I, II), нгראше, събираше (II, VIII), слышахоу (XV), въпрашааше (XV), послоушахоу, въпрашахоу (XIX), нгראхоу (VI), рядомъ съ которыми находимъ и краткія формы: твораше (II), потезаше (IV), глѣше (XIV) и т. п.; 2) еще чаще формы склоненій того же рода: ослабленнаго (III), надшааго (IV, IX), слѣпааго, нсцѣлѣвааго (XV), утомлааго (XIX) (род. ед.); мощьнынмъ (VII), дроунынмъ (XIII), стѣинмъ, добрынмъ (XV) (твор. ед.); всакнинхъ (VI), земльнынхъ, предложеннинхъ (VII), инцининхъ (VIII), великнинхъ (XII) (род. мн.), старнинхъ (XIX) (вин. мн.), грѣѣскнинмъ (XIV) (дат. мн.), мноходещнинхъ, дождекнинхъ (II) (мѣстн. мн.) и т. д.; 3) въ словарѣ также находимъ остатки старины: троудъ (принмоутъ—*οἴσουσι τὴν κόλασιν*. гл. V; ср. Mikl. Lex., р. 1014), всакъ (въ смыслѣ *πᾶς*—гл. VI), цепено (к — *σφόδρα* — ср. Mikl. Lex., р. 1108), землѣнь (*γεγενής*—гл. VII), врьднын (гл. X *πεπληγώς*—ср. Mikl. Lex., р. 78³¹) врьдъ (*τὸ δῆγμα*—гл. XVI), подвигъ (гл. XV—*ἀγών*—ср. Mikl. Lex., р. 593), етеръ (гл. X). При этихъ чертахъ древности въ списокѣ X проглядываетъ также и еще черта его оригинала: онъ идетъ (непосредственно, или нѣтъ, сказать трудно) отъ списка *болгарскаго*, что видно изъ слабыхъ указаній, оставшихся въ текстѣ сербскомъ; но эти остатки указываютъ въ то же время на то, что копія сербская иногда механически воспроизводила свой оригиналъ, который былъ или болгарскимъ, или же, во всякомъ случаѣ, заключалъ въ себѣ болгаризмы; таковы застрявшія случайно въ сербскомъ списокѣ формы: оуѣнтелъ (гл. VI), спадесъ (гл. XV), срѣцемъ (VIII) къ ѣерлѣмъ (XIX); сюда же относятся немногіе, правда, болгаризмы въ языкѣ: глѣе (VI), вм. глѣю (или глѣю), т. е. смѣна *ѣ (=л)* и *оу (=ж)*, ндолодеменьское (XVI), *ѣ* вм. *о*³², м. б. силѣ (повѣжѣ ми азоу силѣ=*εἰπέ μοι τοῦ ἄλφα δύναμιν*; т. е. вм. силж—ъ=ж), бѣжаахъ (гл. IX), гдѣ по смыслу долженъ быть аористъ (*τὰ παῖδια ἐφύγον*), т. е. не понятая форма болгарскаго аориста съ окончаніемъ прош. несов. ³³); не трѣпе (VII, *οὐ φέρω*), изъ болг. трѣпл (=плл)³⁴. На такое же, болгарское происхожденіе списка X съ нѣкоторой вѣроятностью указываетъ и вся его графика: въ противоположность массѣ сербскихъ памятниковъ, въ XIV в. и позднѣе даже чуткихъ къ различію между *ѣ* и *ѣе*, нашъ текстъ въ массѣ случаевъ, даже самыхъ обыкновенныхъ, даетъ простое *ѣ* вм. *ѣе*: нграѣ, емоу, еже, своего, абыѣ (рядомъ — абыѣе), его, есьмъ (и есьмъ, ѣсьмъ), егда, нарицешнсе, едннь, етъ, знаменне, оубогне и т. д.; это паденіе въ графикѣ различія между *ѣ* и *ѣе*, помимо русскаго, замѣчается и въ болгарскихъ памятникахъ съ довольно давняго времени (напр., уже въ Паримійникѣ Григоровича). Наконецъ, косвенно тоже происхожденіе X подтверждаетъ и указанное выше (стр. 84) мѣсто списка объ алфавитѣ; конечная буква алфавита *ѣ* могла явиться только изъ *л*, не имѣющаго мѣста въ алфавитѣ сербскомъ. Въ остальномъ списокѣ X—обычный сербскій XIV в.

Списокъ C по отношенію древнимъ формамъ уступаетъ X, хотя въ то же время даетъ весьма интересныя указанія своей графикой на древность его оригинала; кромѣ того, онъ гораздо яснѣе, нежели X, доказываетъ свое болгарское происхожденіе ³⁵). Изъ числа древнихъ

³¹) Въ У—соотв. **болнжю ногъ**.

³²) См. П. А. Лаврова „Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей болгарскаго языка“ (М. 1893), стр. 58.

³³) См. П. А. Лаврова, *ibid*, стр. 204; ср. ниже въ сп. C.

³⁴) *Ibid.*, р. 96.

³⁵) Сообщаю свѣдѣнія о рѣдкомъ этомъ текстѣ и обо всемъ сборникѣ, въ который онъ вошелъ. Стоянъ Новаковичъ впервые далъ о немъ свѣдѣнія (Starine, VIII): „Во время путешествія по Россіи, предпринятаго по случаю археологической выставки 1874 г., попалась мнѣ черезъ одного пріятели одна сербская старая рукопись, писанная на пергаментѣ, во всякомъ случаѣ въ XIV в., даже, какъ полагаю, около половины его. Главное содержаніе рукописи—церковныя бесѣды и житія святыхъ.... Мое вниманіе остановилось на пяти статьяхъ этого сборника“. Далѣе идетъ перечень напечатанныхъ ниже текстовъ: 1) плача Іереміи, 2) ев. Θомы, 3) дѣяній Андрея ап., 4) дѣяній Θомы въ Индіи и 5) мученія Георгія. Характеристика языка самая общая; приемы изданія таковы: „при переписываніи для печати

формъ стоитъ отмѣтить: възмогу (аог., 3 мн.)³³), мльуаше (VI), видьаше (XV); но древнихъ формъ въ склоненіяхъ, какъ въ X, мы здѣсь почти не встрѣчаемъ, кромѣ ф. добринь (твор. п., XV

не измѣнялъ я ничего, кромѣ того, что по принятому у насъ при изданіи старыхъ текстовъ приему **ї, ѿ, ѱ, ѳ** замѣнилъ черезъ **и, о, шт, оу**, и того, что **ы** и **ѣ** возстановилъ на ихъ мѣстѣ (slovo **ѣ** dolazi veoma izmiješano za **е**, — выше), исправивши при этомъ погрѣшности рукописи. Тамъ, гдѣ **іе** и **ь** попадаются не на мѣстѣ, въ копии я также поставилъ правильно. Остальное все вѣрно по рукописи“ (стр. 39). Въ результатъ получился текстъ не рукописи, а самого издателя; палеографическія особенности рукописи не описаны (а онѣ не безынтересны) и совершенно стерты. Кромѣ того, языкъ измѣненъ; частью формы „нормированы“, частью же остались какъ въ оригиналѣ, т. е. опять тоже произвольное обращеніе съ драгоценнымъ текстомъ XIV в. Рукопись совершенно случайно попала и мнѣ въ руки: она составляетъ собственность проф. П. С. Сречковина, въ Бѣлградѣ. Благодаря любезности профессора, я могъ повѣрить и возстановить текстъ въ изданіи Ст. Новаковича. Оказалось изданіе не исправнымъ (не говоря уже о не — критичности приѣма): нашлись ошибки и пропуски, послѣднихъ, правда, немного; напр., ркп. читаетъ правильно: **БЫВЪ Ё ЛЪТЬ, ВМ. В ЛЪТЬ** (стр. 48); **АЩЕ ЛИ И ТВОИ ІЕСМЪ АЗЪ** (у Нов. стр. 49, опущено), **ТО И ТИ НЕ ОКРЪБЛАН...**; **ДАІНА** (вм. **ДАНА** — *ibid.*); **СИЛОУ НИ РАЗОУМА** (вм. **СИ ЛОУНЫ РАЗОУМА** — стр. 50); **ПРЪВАГО** (вм. **ОГА**, стр. 50); **ВЫФЛА** (вм. **ВНТА**, *ibid.*); **ДОБРИНЬ** (вм. **ДОБРНЫХЪ** — 51) и т. д. Во введеніи сказано: slovo **ь** dolazi dosta praviljno na svojim mjestima (стр. 39), но не упомянуто, что очень часто этотъ **ь** замѣняется **’** (паеркомъ), и что на **л** и **и** мы находимъ знакъ мягкости, какъ въ древнѣйшихъ кирилловскихъ рукописяхъ: **ЗАМЫШЛІЕНИ** (стр. 50), **ИЗБАВЛІЮ** (стр. 51), **ІНЕМЪ** (стр. 52) и т. д.; этотъ значекъ при изданіи оставленъ безъ вниманія. Далѣе, благодаря раскрытію титлъ, получились неправильныя формы: **ВЪДЪ** (49, 50), **ЛЮДЪ** (50) при рукоп. **кѣ^л** (= **кѣдѣ**), **лю^л** (= **люди**). Въ изданіи же находимъ совершенно игнорированнымъ различіе между **е** и **ѣ** (широкимъ; это какъ извѣстно, есть сперва сокращеніе **іе** въ концѣ строкъ, а затѣмъ его замѣна), что, какъ мы видѣли по тексту X, не лишено значенія. Все это дѣлаетъ текстъ, изданный Новаковичемъ, не надежнымъ источникомъ для изслѣдованія и требовало новой свѣрки съ оригиналомъ. Кстати привожу, въ дополненіе къ сказанному, описаніе всего интереснаго сборника: ркп. писана въ 4-ку широкимъ красивымъ уставомъ на бѣломъ почти пергаментѣ, съ широкими полями, по 17 строкъ на страницѣ. Всѣхъ листовъ 194. Начальныя гласныя слова отмѣчаются точкой или придыханіемъ: мягкія всегда, **и, л, ѿ** — не послѣдовательно; **о** только въ началѣ слова и носить на себѣ нѣчто въ родѣ ударенія **о́**, широкое **е** — также въ началѣ; вязи и **ѳ** (**ѳ́**) — рѣдки, въ концѣ строкъ только; на **ы** всегда или одна или двѣ точки (**ы́, ыі́**); есть „очное“ **о**; съ двумя точками, при множ. числѣ, и съ одной при единственномъ и только въ словахъ: **о́ко, о́ун, о́комъ** (л. 33, 120, 120 об.): внутри словъ надстрочные знаки не послѣдовательны. Заглавія киноварью. Въ началѣ ркп. заставка, шириной въ треть страницы. Составъ сборника:

- л. 1. **Мѣа априла. кг. мнне стго н великославнаго мнка хва геѡгна.** Изд. въ Starinach, VIII, 74 и слѣд.
- л. 29. **Мѣа носѣр. л. мнне стго апла аьдрей.** *Нач. Въ врѣ кьнеже бѣ кнезь егеать.*
- л. 32. **Дѣмнне стью аплоу аьдрей н маѡей.** — Изд. въ Star., VIII, 55 и сл.
- л. 64. **Сло пррка еремне ѡ пльвни ерлнма.** — Изд. тамъ же, стр. 40; отрывокъ въ „Примерахъ“ (1-е изд.), стр. 424 и сл.
- л. 84. **Мѣа геѡл. кг. жнне стго ѳнофонѣта н жени н уедоу ѡго ѡѡа н аркаднѣ.** *Нач. Сказанне о стѣмъ ѳнофонѣтѣ. бѣше бо моужь блговѣрьнь...* Отрывокъ по этой рук. въ „Примерахъ“, стр. 386 и сл.
- л. 108. **Младѣнство га бѣа н сѣса нашего їс хѣ.** Изд. Star., VIII, 48 и сл.
- л. 125. **Мѣа ѡке, ѣ. днѣ дѣмннѣ. стго апла томи въ нѣднн. како съзла палатоу ѳркѣ.** Изд. тамъ же, стр. 69 и сл.
- л. 137. **Слѣко стго ефрема.** *Нач. Блаженнѣ възлюбывшеѣ бѣа, н нераднѣшен ѡ всѣхъ земельннхъ вѣсехъ.*
- л. 140 об. **тогожѣ ѡ покамнѣн. слѡ. р.** *Нач. Оувѣднмъ грѣшннцн мнрднне бѣнне.*
- л. 145. **тогожѣ ефрема къ съгрѣшающнмъ н кающнмъсе.** *Нач. Доколѣ ѡ дроуже дръжнмъ врагомъ.*
- л. 148. **тогожѣ ефрема слѡ. ѡ стрѣхѣ.** *Нач. Хоцоу рѣцн прѣ^л слѣвою твоюю хѣ.*
- л. 154 об. **Повѣстн блѣженаго ефрема. ѡ стѣмъ аврамн** (на полѣ — позднѣе: **іе^м** и **впоукоу ѡго ма- рню**). *Нач. Братнне моѣ хоцоу вамъ повѣдати жнтнне добро н свѣршено моужа днѣна...*
- л. 173 об. **Слѡ ѡ дѣшершн аврамн.** *Нач. Нмѣѣше же сѣѣ блѣжены брата по пѣтн.*
- л. 192. **Слѡ ѡдѣ ѡѣннѣ.** *Нач. Рѣ^л авка даннѣ оуѣеннѣ ѡѣа арсеннѣ ѡ некоюемъ гѣе...*

На оборотѣ послѣдняго листа какія то приписки рукой XV—XVI в., совершенно неудобочитаемыя. Рукопись безъ переплета.

³³) Списокъ У, не понявъ этой формы, пишетъ **МОГОУ^т** (т. е. наст. вр.).

гл). За то черты болгарскаго оригинала здѣсь многочисленны: а) *вм.* ѡ весьма часто ѣ: *исранль-тѣннѣ* (I), *юудѣшесе* (VI), *блюдѣше* (XI)³⁶; б) *оу* *вм.* о: *възоупише* (IV), *коусниесе* (XVII); в) *є* *вм.* о: *кєпль* (XVIII); г) частое смѣшеніе въ окончаніи ф. аор. съ *imperf.*: *възлѣтѣхоу* (II), *ослѣпѣхоу* (V), *падохоу* (VIII); д) отраженіе смѣны *л* и *ж*: *ѣже* (вин. пад., т. е. *лже* = *лже*, т. е. *моудрость*; VI) *прозроутъ*, *прослышоутъ* (VIII); е) *оу* (*ж*) *вм.* *ою* (*оѣ*) и обратно: *истинноу* (твор. п., V, VI), *сною* (вин. п., XIV). Формъ позднихъ сербскихъ, повидимому, не встрѣчается, если не считать *ка* *вм.* *къ* (VIII), которое могло быть и опиской въ словѣ, благодаря слѣдующему *камь*. Въ словарѣ видимъ опять тѣ же почти древнія слова: *троудъ* (V), *ѣтеръ* (VI, X); кромѣ этихъ заслуживаютъ вниманія: *ѣднѣ* (*ѣдно око*) при *ѣднѣ* (XV), *гольмѣ* (VI, VII), *сно* (*отроче*, XIII), *м. б.* относящіяся на счетъ болгарскаго же оригинала³⁷.

Наконецъ два слова о графикѣ: употребленіе знака мягкости на *л* и *н*, подобно древнѣйшимъ рукописямъ, заставляетъ полагать, что въ оригиналѣ *С* также были эти знаки; отсюда перешли они и въ копію; но писецъ уже не всегда ихъ употреблялъ сознательно, смѣшивая съ паеркомъ, и не кстати: *кѣлмн* (VIII) и *кѣлмн*, *слышоутъ* (VIII). Въ остальномъ списокъ *С* слѣдуетъ типу письма XIV в. (ср. Starine, VIII, 38—39). Тѣми же особенностями отличаются и другія статьи сборника³⁸ (см. пр. 35); повидимому, текстъ ев. *Θомы* находился и въ томъ болгарскомъ сборникѣ, съ котораго переписана дошедшая до насъ рукопись.

Третій изъ разсматриваемыхъ списковъ — сп. Ундольскаго, — какъ самый поздній, со стороны языка, конечно, представляетъ меньшій интересъ, нежели оба сербскіе, но и онъ даетъ не безполезныя данныя для исторіи текста. Списокъ этотъ, какъ было сказано уже, русскій и XVI в. Но въ немъ, хотя уже и въ слабой степени, отразились черты оригинала, опять таки болгарскаго; это сказалось прежде всего въ смѣшанномъ употребленіи въ окончаніяхъ и послѣ гласныхъ *јотированныхъ* гласныхъ, т. е. находимъ: *дѣлнѣа* (заглавіе) и *дѣлнѣа* (I), *злѣхѣа* и *злѣхѣа* (VI), *слѣпыа* и *глѣхѣа* (VIII), или (подъ вліяніемъ этого, но уже по русски) *негодѣа* (III) и *нѣграм* (IV), *столше* и *стол* (III и VI). Такое же смѣшеніе находимъ и въ словахъ съ плавнымъ + глухой послѣ согласной: *премѣую* (V), *премѣуа*, *мѣуа* (VI) и *оумоуа* (VI), *трѣплю* (VII) и *сверѣстнѣа* (VI), *поурѣпнѣа* (XI), *прѣвое* (VI) и *сверѣшенѣа* (VI) и т. д. Ту же путаницу находимъ и въ употребленіи *ж*, который встрѣчается довольно часто: то онъ стоитъ на мѣстѣ, то *вм.* *оу*. Предполагать же, что всѣ перечисленныя черты, какъ и *ж*, внесены „модой“ письма XVI в., едва ли можно³⁹: въ такомъ случаѣ мы ждали бы больше послѣдовательности; между тѣмъ мы рядомъ (черезъ нѣсколько строкъ) находимъ: *сѣботнѣа*, *соуботѣа*, *сѣботѣа* (II), *сѣца*, *сѣци* (II). Вѣрнѣе предполагать, что въ оригиналѣ было правильное употребленіе *ж*, и русскій писецъ только его измѣнилъ, частію замѣнивъ *ж* чрезъ *оу*, частію же поставивъ *ж* *вм.* *оу*; этимъ вліяніемъ *ж*-оваго оригинала объяснится такое значительное количество случаевъ правильнаго употребленія *ж*: *унстѣа* (вин. ж. р.), *сѣботнѣа*, *соуботѣа* (вин. п.), *рѣкама* (II), въ тѣ же *годнѣа*, *оуношѣа* (III), *зѣждѣше* (V), на *высотѣа* *нѣнѣю* *зѣжѣа* (VIII), *нѣшнѣа* *многѣа* (XII), *гѣлѣа* (IV), *могѣа* (VII), *осѣжаютѣа*, *мѣдро* (VI); случаи же неправильной постановки сводятся собственно къ двумъ категоріямъ: употребленію *ж* въ дат. ед.: *оѣж* (II, IV, V), *емѣа* (IV), *носнѣа* (IV, XII), *всемѣа*, *маломѣа* *крѣжѣа* (VI), и *вм.* *оу* въ глаг. на *ов-а* (VI классъ, по Миклош.): *негодѣа* (III, V), *вѣрѣете* (VI); въ корняхъ же *ж* *вм.* *оу* довольно рѣдко: *трѣдо* (V), *глѣхѣа* (VI). Кромѣ

³⁶) П. А. Лавровъ о. с. р. 69.

³⁷) Ср. *ibid.* Словарь, 74 и Фонетику, стр. 75.

³⁸) О языкѣ см. также „Апокрифич. дѣянія ап. Андрея“, гл. V („Древности“, XV, стр. 57).

³⁹) Вотъ правило грамматики XVI в., напр., объ *ж*: *юсъ* (*ж*) *вмѣнаю* за два письма, за *ѣкъ* *ї* *за* *ю*, а самъ *в* себѣ не *владѣетъ*, а гдѣ *прилѣзунтъ* по *ѣдно* *реуеніи* по *рѣдѣ* два *ю*, то *в* послѣднѣа *мѣсто* *вмѣнаю* *ж* (рук. Н. С. Тихонравова, изъ его лекцій 1883—84 г.).

указанныхъ чертъ въ языкѣ рукописи, указывающихъ съ нѣкоторой вѣроятностью на болгарскій оригиналъ, слѣдовъ болгарскаго письма почти не находимъ; можно привести, впрочемъ, случаи, какъ будто указывающіе на это письмо: збираше рѣуницъ и твораше а (т. е. а вм. ж) унстѣ (II); истиннѣю (оую, т. е. оу вм. о)⁴⁰⁾; но, кажется, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло едва ли не съ порчей текста: *καὶ τὰ ῥέοντα ὕδατα συνήγαγεν εἰς λάκκους, καὶ ἐποίησεν αὐτὰ εὐθέως καθάρᾳ* (Tisch. р. 140), чему соотв. въ X (С. текстъ испорченъ): и събираше іѣ (ихъ, т. е. воды) въ крковн и твораше ихъ унсти; т. е. а м. б. относится не къ слову рѣуницъ (правильнѣе къ рѣу.), а къ опущенному воды. Второй случай также не простая ли ошибка писца, принявшаго истинною за истинною?

Во всякомъ, однако, случаѣ предполагать, хотя бы отдаленный, болгарскій оригиналъ мы имѣемъ право и для списка У. Что же касается чертъ древности, сохранныхъ имъ, то ихъ, конечно, въ списокѣ XVI в. не много; но тѣмъ дороже и эти немногіе остатки: кромѣ довольно правильной постановки глухихъ и замѣны ихъ (паерка) (сѣтворн, къзка, дѣтско, птицъ, тлѣк-ноукъ; мѣрнин, ѡшеницѣ, видѣше, истиннѣ⁴¹⁾, сѣдеуны⁴²⁾. дѣносе...), находимъ архаизмы формъ: облобыздаше (XI), леждаше (XII), и словаря: естеръ (VI, но въ X уже нѣкто), трѣдъ (но уже не понято: прѣнмоу^т трѣдо^н сконмъ—V), годнна (III; въ см. ѡра). Изъ чертъ мѣстныхъ отмѣтимъ въ списокѣ смѣну н и ѣ, впрочемъ, въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ: дѣдоскиле (зват.—вм. дѣдаскале—VI), кѣю (вм. къю, II). Наконецъ, для характеристики списка не лишнимъ будетъ отмѣтить и то, что въ немъ есть слѣды правленія, поправокъ, но вездѣ по смыслу или по догадкѣ; такъ находимъ въ началѣ: дѣанѣа и дѣтельство (*μεγαλειᾶ*, I), кѣ тѣ же годннѣа бѣіе отроуа соухо бѣ кѣ тотъ уѣ (*καὶ εὐθέως ὁ παῖς ἐκεῖνος ἐξηράνθη*, III); и реуе, гдѣ истекшаа нзъ нн^х (должно отн. *λαχχοί*, которое передано: къ емъ?) воды, что получилось, несомнѣнно, изъ: и истекшаа воды (ср. С, гл. III) и т. п.

Въ результатѣ обзорѣнія отдѣльныхъ списковъ мы видимъ, что всѣ они съ большею или меньшею вѣроятностью указываютъ на болгарскій оригиналъ. Весьма, поэтому, возможно и предположеніе, что на болгарскій языкъ, и притомъ въ древнее время, и былъ сдѣланъ переводъ; затѣмъ еще на болгарской почвѣ онъ распался на двѣ группы, давшія начало указаннымъ двумъ группамъ наличныхъ списковъ, при чемъ произошло сокращеніе (механической пропускъ) самаго перевода независимо въ каждой группѣ, чѣмъ и объясняется разница въ объемахъ X и С (также У). Вмѣстѣ съ этимъ сокращеніемъ и дѣленіемъ на группы, повидимому, еще на болгарской почвѣ произошли и передѣлки въ текстѣ, такъ что обѣ группы еще болѣе разошлись; предположеніе, что эта передѣлка произошла еще въ болгарскомъ текстѣ, подтверждается тѣмъ, что сербскій С и русскій У, идущіе отъ болгарскаго текста, въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ въ чтеніяхъ, отклоняющихся отъ греческаго и отъ X. Т. о. вотъ главные результаты анализа славянскаго перевода по сохранившимся старымъ спискамъ.

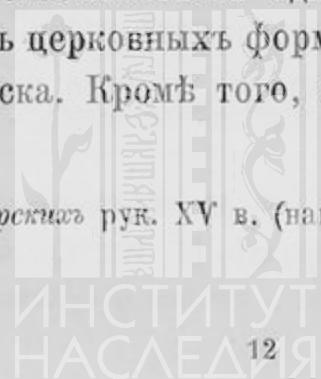
Есть, какъ было упомянуто, еще одинъ списокъ ев. Ѳомы, Рум. Муз. № 1244 — XVIII—XIX в. Скажу о немъ нѣсколько словъ. Рукопись эта представляетъ, хотя позднее, но любопытное явленіе: въ ней на народномъ языкѣ собраны только апокрифическія статьи: „о мукахъ некельныхъ“, сказаніе о 12 пятницахъ, ев. Ѳомы (озаглавлено: „Чудо о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ“, л. 12—16 об.; ср. сп. У.) и мученіе Никиты. Языкъ рукописи показываетъ съ одной стороны преобладаніе живой рѣчи (малорусской), съ другой—рядъ книжныхъ церковныхъ формъ, но уже непонятныхъ пишущему; отсюда — пестрота и безграмотность списка. Кромѣ того, мы

⁴⁰⁾ Ср. П. А. Лаврова о. с. р. 50.

⁴¹⁾ На двухъ и подрядъ паеркъ замѣняется „, что весьма часто находимъ въ болгарскихъ рук. XV в. (напр. въ „Пчелѣ“ Парижск. публич. библ., cod. Slav. 26).

⁴²⁾ Ср. П. А. Лаврова о. с. р. 43.

Труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

видимъ совершенно свободное отношеніе къ оригиналу, который писецъ уже не всегда притомъ понималъ и поэтому искажалъ. Въ результатѣ — разсматриваемый текстъ скорѣе всего можно назвать передѣлкой стараго текста, съ которымъ копія еще сохраняетъ иногда (въ отдѣльныхъ выраженіяхъ) текстуальную связь, такъ что можно даже замѣтить близость оригинала, служившаго для передѣлки, къ группѣ *C* и *У*, даже, пожалуй, бѣльшую близость къ *У*, нежели къ *C*.; напр., согл. съ *У*, а не *C* Рум. № 1244 читаетъ: „Тогда слышавше жидове *убаяшася* и не можаху ничтоже рещи...“ (л. 13 об., гл. VI.); „изрубавъ *плесну* ноги своя падъ *умре*“ (такъ и *У*; *C*—*пауєтъ оумнрати*; л. 14, гл. X); „*с пудъ* посѣявъ пшеницу“ (л. 14, гл. XII); „*не имѣвши же чимъ почерпнати води* и знялъ изъ себе сорочку“ (л. 14 об., гл. XI) и т. д. Передѣлывая старый текстъ, редакторъ (онъ же писецъ?) списка, сокращалъ цѣлые эпизоды, (напр. гл. VI), иногда же (рѣдко) добавлялъ отъ себя; напр. онъ сообщаетъ: (Іосифъ) „дасть пять пудовъ, а пять (остави) себѣ (рук. „и бѣ“) пудовъ на рукодѣяние древо дѣлатъ“. Имъ же, повидимому, до не узнаваемости передѣланъ текстъ IX гл. (о ребенкѣ, упавшемъ съ кровли), м. б., на основаніи какого-нибудь фантастическаго разсказа (чудо 7); то же, повидимому, случилось и съ эпизодомъ о разореніи идольскаго капища (чудо 12). Весь текстъ, подобно тексту *У* (но иначе), разбитъ на главы — „чудеса“ (15), и, какъ видно, не удачно. По объему оригиналъ разсматриваемаго текста былъ полнѣе *У* и другихъ списковъ въ нѣкоторыхъ частяхъ; въ рукописи сохранились главы: 2, 4, 5, 6, 10, 12, 11, 13, разсказъ объ окраскѣ матеріи, 14, разсказъ о разрушеніи капища, 16, 18 и 17. Наибольшій интересъ для насъ представляютъ два упомянутые разсказа: объ окраскѣ и о капищѣ. Первый изъ этихъ разсказовъ находится только въ арабскомъ „Ев. Дѣтства“ (гл. 37, у Tisch., 200—201). Но присутствіе его въ текстѣ ев. Θомы, притомъ въ текстѣ, близкомъ къ *C* и *У* съ одной стороны и къ *X*. съ другой (эпизодъ о капищѣ есть только въ *X*, передъ 16-й главой), доказываетъ, что мы въ правѣ предполагать его и въ греческомъ текстѣ ев. Θомы, который, какъ мы видѣли уже выше, по составу былъ древнѣе и полнѣе, нежели извѣстные теперь намъ греческіе тексты. Т. о. этотъ разсказъ, хотя и дошедшій въ позднемъ спискѣ, дополняетъ для насъ древніе греческіе тексты и подтверждаетъ высказанное ранѣе предположеніе объ отношеніи старшихъ славянскихъ текстовъ къ греческому. То же надо сказать и о второмъ разсказѣ (о капищѣ), общемъ у разбираемаго списка съ *X*: онъ, кромѣ того, еще разъ указываетъ, будучи въ остальномъ въ ближайшемъ родствѣ съ *C* и *У*, общность происхожденія всѣхъ славянскихъ текстовъ ев. Θомы. Въ этихъ особенностяхъ, полагаю, заключается не маловажное значеніе разсматриваемаго текста.

Наконецъ, остается сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о положеніи разбираемаго евангелія въ старой славянской и русской литературахъ. Станный его характеръ, на что было уже указано, повидимому, объясняетъ его рѣдкость, непопулярность. Появленіе его въ славянскомъ переводѣ въ раннее время и притомъ на югѣ у Славянъ, можетъ быть, стоять въ связи съ еретическими религіозными движеніями временъ богомилства, когда въ юго-славянской литературѣ замѣчается большое оживленіе по отношенію къ легендамъ и апокрифамъ, когда какъ разъ приобрѣтаютъ популярность реалистическія сказанія о Христѣ, когда намъ становятся извѣстны разсказы о томъ, какъ Христосъ плугомъ ораль, какъ Онъ Прова братомъ назвалъ, былъ въ попы поставленъ, про что разсказываетъ компиляція попа Іереміи; въ ней же находимъ и эпизодъ изъ „дѣтства“ Христова: *Їсбѣ вывшю. ї лѣтѣ и въ єднѣ дѣнь шѣшоу ємоу съ (съ) крѣстники сконми къ єрданоу, и обрѣте гловоу адамокоу...⁴³⁾*. Впослѣдствіи, когда волненія и

⁴¹⁾ М. И. Соколовъ „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“ (М. 1888) I V, стр. 95; см. также стр. 97, 102. Ср. Ф. Рацкаго „Bohomili i Patarenii“ (Rad jugosl. akad. X), 248—251—252; А. Н. Веселовскаго „Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“ (Спб. 1872), стр. 155 и сл.

движеніе литературы, возбужденныя богомилствомъ, стали улегаться и глохнуть, многіе памятники этого времени или пропадаютъ, или становятся рѣдкостью, оставляя слабые слѣды въ литературѣ; то же, повидимому, было и съ ев. Θомы: его списки стали большой рѣдкостью, а вліяніе его на литературу и народную словесность едва ли теперь можно услѣдить ⁴⁴⁾. Впрочемъ, М. Драгомановъ дѣлаетъ попытку объяснить вліяніемъ апокрифич. евангелій „дѣтства“ (онъ пользуется *ev. Pseudo-Matthaei* и *ev. Infantiae arab.*, не зная, очевидно, текста *C*, изд. Ст. Новаковичемъ) ⁴⁵⁾ возникновеніе разсказа въ устныхъ преданіяхъ: эпизодъ о дѣтяхъ, превращенныхъ въ козлятъ или свиней ⁴⁶⁾ (слав. пер. ев. Θомы, по *C*, въ XIX гл.) сближаетъ съ народными русскими, болгарскими, сербскими и гасконскими разсказами о превращеніи въ животныхъ людей (изъ разсказовъ о хожденіи Христа съ апостолами по землѣ). Основаніемъ этого сближенія служатъ: „единъ сжщественъ мотивъ: какъ билъ наказанъ нѣкой си дасе прѣобрази въ животно, отъ сжщия тогова, който повернжлъ послѣ човѣшката форма“ (стр. 265). Далѣе онъ предполагаетъ, что эта фѣбула, долго обращаясь между христіанами и магометанами ⁴⁷⁾ осложнилась и приблизилась къ тому виду, какой данъ устными разсказами (*ibid.*). Т. о. здѣсь, если мы и будемъ считаться съ ев. Θомы, то во всякомъ случаѣ мы не въ правѣ видѣть вліяніе *ев. Θомы* на образованіе устнаго разсказа, а должны предполагать источникомъ разсказа *общую легенду*—источникъ еще самого евангелія и предполагать возникновеніе разсказа путемъ устной передачи легенды скорѣе, нежели путемъ вліянія *ев. Θомы*. Кромѣ того, у М. Драгоманова дѣло ограничивается только сопоставленіемъ и сближеніемъ разсказовъ, имѣющихъ одинъ, но черезчуръ общій ⁴⁸⁾ мотивъ; если гасконскій разсказъ и стоитъ близко къ апокрифич. *ев.* (стр. 266—7), даже если онъ и взятъ *въ основѣ* изъ него, то все-таки сближеніе этого разсказа съ славянскими ничѣмъ еще не оправдано: пути перенесенія разсказа на востокъ, даже принявши во вниманіе разсказъ серб. текста, мы не уясняемъ, не уясняемъ и того, какъ гасконскій разсказъ становится посредникомъ между восточными и славянскими; дѣло осложняется тѣмъ, что для гасконскаго разсказа по общему теченію литературы скорѣе всего искать *западнаго* источника (напр., въ *ev. Pseudo-Matth.*), а для нашихъ—*восточно-византійскаго*. Т. о. оставаясь болѣе или менѣе на почвѣ историч. развитія литературы и избѣгая скачковъ, вызываемыхъ широкой черезчуръ аналогіей, мы должны отказаться отъ того, чтобы видѣть въ легендахъ, приводимыхъ М. Драгомановымъ, вліяніе опредѣленнаго текста евангелія на созданіе народнаго разсказа. Во всякомъ случаѣ, о такомъ вліяніи, какое мы наблюдаемъ, напр., относительно Первевангелія, рѣчи быть не можетъ.

Тоже малое распространеніе *ев. Θомы* подтверждаетъ и его положеніе въ древне-христіанскомъ и средневѣковомъ европейскомъ искусствѣ: вліяніе его въ этой области почти ничто-

⁴⁴⁾ Въ одной изъ довольно позднихъ (XVII в.) рукописей Ундольскаго (Рум. Муз.), № 631 (л. 201, гл. 72) попалось такое мѣсто: „проклиная Могаметово суесловіе, яко Господь Иисусъ Христосъ отъ Маріи, сестры Моисеовы... родися... и еще: младенецъ сый птица творяше отъ брениа и дунувъ творяше те живы“. Это напоминаетъ гл. II *Ев. Θомы*. Но замѣтка эта помѣщена въ статьѣ каноническаго свойства: о принятіи въ христіанство магометанъ; стало-быть, какъ и указываетъ текстъ, предписывается отрицаніе „магометанскаго суесловія“; т. е. указаніе должно-быть поставлено въ связь съ магометанскими легендами (см. *G. Weil. Biblische Legenden der Muselmänner*. Frankf. a. M. 1845, S. 285), хотя бы съ *араб. Ev. Infantiae* (*Cap. XLVI, Tisch.*, p. 205). Да и самая статья рукоп., какъ и весь трактатъ о принятіи иновѣрцевъ, переведены съ греческаго и едва ли имѣютъ прямую связь съ *ев. Θомы* и на греческой почвѣ.

⁴⁵⁾ Статья М. Драгоманова — „Славянскитѣ варианты на една евангелска легенда“—въ „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина“, кн. IV (София, 1891), стр. 257—269.

⁴⁶⁾ См. выше, стр. 80; превращеніе въ свиней (по другому случаю) см. у *G. Weil*'я о. с. p. 292.

⁴⁷⁾ Зная текстъ *C*, можно бы и не привлекать магометанскаго пересказа.

⁴⁸⁾ Это признаетъ косвенно и самъ М. Драгомановъ (*ibid.* 268—269 стр.).

жно ⁴⁹⁾. Все это говорить о томъ одиночествѣ, въ которомъ оказалось въ христіанской литературѣ Европы евангеліе Θомы.

НИКОДИМОВО ЕВАНГЕЛІЕ.

Послѣднее изъ апокрифическихъ евангелій, входящихъ въ нашъ обзоръ, — *Никодимово*. Прежде всего отмѣтимъ, что въ славянской письменности, какъ и въ греческой, находимъ оба вида: краткій, т. е. текстъ, содержащій сказаніе о крестной смерти Спасителя и обнимающій XVI главъ, и полный (точнѣе обширный), содержащій еще рассказъ о сошествіи Христа въ адъ, въ XXVII главахъ. При этомъ важно то различіе, которое замѣчается въ греческихъ дошедшихъ до насъ текстахъ и въ сохранившихся латинскихъ этой полной редакціи: латинской краткой редакціи мы не знаемъ; полная же отличается отъ соотвѣтствующей греческой по самому изложенію матеріи: а) I-я глава излагается иначе, нежели въ греческихъ, б) многія мѣста, напр., глава XVI-я, въ латинскомъ изложены короче, нежели въ греческомъ, в) зато латинскіе тексты имѣютъ лишнюю главу, служащую для соединенія Descensus'a съ заканчивающимъ евангеліе „Посланиемъ Пилата“, тогда какъ греческая заканчивается передачей писаній Левкія и Харина первосвященникамъ. Краткая греческая редакція сходна вполне съ первыми 16-ю главами полной, но добавляетъ „Посланіе П.“, а иногда (весьма часто) вмѣстѣ съ нимъ и *Παράδοσις Πιλάτου*. Эти замѣчанія имѣютъ не маловажное значеніе для опредѣленія редакцій оригиналовъ, служившихъ славянскимъ переводчикамъ.

Въ славянскихъ переводахъ, какъ сейчасъ было сказано, мы находимъ и т. н. полную и т. н. краткую редакцію текстовъ Никодимова евангелія ¹⁾. Начнемъ съ разсмотрѣнія полной редакціи.

Рукописей этой редакціи сохранилось очень немного, гораздо меньше, нежели рукописей краткой редакціи ²⁾. Старшая изъ нихъ (назовемъ ее Софійской, по бывшему ея мѣстонахожденію) относится къ XIV—XV в. Носитъ эта редакція заглавіе: *Дѣяніе стѣи трѣцѣ* (по Софійской; *дѣяніа стѣи трѣцѣ сътворено карниомъ ѿ лицѣашемъ*—въ Архивскомъ сп. нач. XVI в.; съ нимъ совпадаетъ и сербскій текстъ Стојановича, см. стр. 89). Заглавіе это не соотвѣтствуетъ ни одному изъ извѣстныхъ текстовъ латинскихъ и греческихъ, которые читаютъ: *Gesta Pilati*, или: *Commentarii Salvatoris, conscripti sub Pontio Pilato*, или: *De passione et resurrectione d. n. I. Ch.*, или же: *Acta passionis et resurr. d. n. I. Ch.*; въ греч. текстахъ: *Ἐπιμνήματα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ι. Χ.*; или: *Ἐπιμνήματα πραχθέντων εἰς τὸν Κύριον...* М. б. это заглавіе и было въ какой-нибудь рукописи, гдѣ оно могло явиться подъ вліяніемъ слѣдующаго начала самого памятника, какъ оно читается въ латинскихъ текстахъ и въ славянскихъ: **Во имя стѣи тронци начатъ дѣяніа...** = *In nomine sanctae Trinitatis incipiunt gesta...* (Cod. Sigmaringensis, saec. XII).

Съ первыхъ же строкъ полный славянскій текстъ обнаруживаетъ свою связь съ латинскими тек-

⁴⁹⁾ Д. Айналовъ и Е. Рюдинъ „Кіево - Софійскій соборъ“ (Спб. 1889; отд. изъ IV т. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.), стр. 140.

¹⁾ И. Я. Порфирьевъ („Апокрифич. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“. Спб. 1890, стр. 28) совершенно напрасно утверждалъ, что въ русской литературѣ извѣстна только первая часть (полнаго) Н. Е., т. е. только краткая ред. Ср. *Archiv für sl. Phil.* V. XIV, s. 425.

²⁾ Вотъ нѣсколько ихъ: 1) бывш. Софійской Новгородской библ., № 1264; 2) Ундольскаго (Моск. Пуб. и Рум. Муз.), № 561; 3) Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 601/1109; 4) Вѣнской придворн. библ., № 24; этотъ послѣдній изданъ Л. Стојановичемъ въ *Гласникъ Серб. Учен. Дружества*, кн. 63 (1885), стр. 89—120. Занимаясь разсмотрѣніемъ этого текста, я, за невозможностью тогда достать изд. Стојановича, пользовался великодушно уступленнымъ мнѣ покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ Софійскимъ текстомъ; этотъ собственноручно переписанный покойнымъ профессоромъ текстъ снабженъ вариантами, имъ же подведенными, и былъ вполне подготовленъ къ печати. Эта обработка текста не осталась безъ вліянія и на мои соображенія.

стами, а не греческими. Перваго введенія (Ego Aeneas Hebraeus...), находящагося въ большинствѣ латинскихъ текстовъ и отсутствующаго во многихъ греческихъ, нѣтъ, правда, и въ славянскомъ переводѣ, но оно замѣнено здѣсь сокращеніемъ, находимымъ только въ немногихъ латинскихъ рукописяхъ:

Во имя стѣи тронци наутъ дѣянъ ѿ на-
шего їса хл. ꙗже ѡбрѣте феодоснось великыи
црѣ. въ ерлмѣ къ свѣстѣнници прѣ поньстѣ пи-
латѣ къ извѣстѣхъ книгахъ сътворено бы къ
девятое на десать лѣ (Соф. л. 247; ср. Стојан.,
стр. 89).

Введеніе же (собственно заглавіе, соотв. введенію) краткой греческой редакціи и ея славянскаго перевода читается такъ:

Написаніе ѿ прѣдани Господа нашего Ісуса
Христа еже въспомѣноуѣвъ написа евренскимъ
езыкомъ Никодимъ, ꙗже съ благообразнымъ
Іосифомъ снѣемъ погрѣбоше тѣло Ісусово,
въ лѣто же .zi. великаго царѣ Θεодосіа прѣло-
жисе ѡтъ евренскихъ на грѣубскѣа въсе сы, елика
сѣдѣшесе при пилатѣ понистѣмъ (Starine IV
(1872 г.), стр. 131; ср. Пам. Стар. лит. III,
91 и примѣч.).

In nomine sanctae Trinitatis incipiunt gesta
Salvatoris Domini Iesu Christi, quae invenit
Theodosius Magnus imperator in Hierosolymis
in praetorio Pilati (Pontii—add. cod. D^a) in
codicibus publicis in anno nono decimo (Cod.
Sigmaring., Tisch., p. 333).

Υπομνήματα τῶν πραχθέντων ³⁾ εἰς τὸν Κύριον
ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου ἡγέμο-
νος συγγραφέντα ὑπὸ Νικοδήμου ἀρχόντος συναγω-
γῆς τῶν Ἰουδαίων γραμμασι ἐβραϊκοῖς... (дальше
вполнѣ подходящаго текста въ изданныхъ Ти-
шендорфомъ (стр. 210 и сл.) для этого мѣста
нѣтъ, хотя во введеніи есть отдѣльныя фразы,
сюда подходящія: ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ δεσπότου
ἡμῶν Φλαβίου Θεοδοσίου, ἔτους ἑπτακαιδακάτου...;
ср. Thilo. p. CXXVIII; ср. I. Polívka. Časop.
Mus. kr. česk. 1891, стр. 96).

Второе введеніе въ полной редакціи и въ краткой передаются опять различно, одно по латинской, другое по греческой версіи (Tisch., p. 211 — 212 и 335 — 36; ср. Starine IV, 131 и Стојан., стр. 89),

Самый составъ „Дѣяній св. Троицы“ указываетъ на то, что переведены были они съ латинскаго текста, а не какого иного, напр., съ греческаго; въ нихъ есть рассказъ о событіяхъ въ Іерусалимѣ послѣ сошествія Христа въ адъ и „посланіе Пилата“ въ краткой формѣ, чего не находимъ въ греческихъ полныхъ. Кромѣ того, самое сличеніе славянскихъ „Дѣяній“ съ греческимъ и латинскимъ говоритъ ясно въ пользу послѣдняго, какъ оригинала: изъ латинскихъ рукописей одна очень характерная группа ихъ дала оригиналь для славянскаго перевода, именно та, лучшимъ представителемъ которой считается cod. Einsidlensis ⁴⁾. Привожу и нѣсколько такихъ мѣстъ:

1) гл. I, текстъ славянскаго текста: не сѣтъ в дѣсѣ неутѣмъ конѣ ѡзгоняюще развѣи бѣжею
снолю = istud non est in spiritu immundo ejicere daemonia, sed in dei virtute (cod. Eins.); тогда
какъ въ греч.: ἐν θεῷ Ἀβχληπίῳ (тоже въ иныхъ латинскихъ: in deo Scolapii—Tisch. 338).

2) Прямо на латинскій переводъ указываютъ выраженія: оуповалху протнву знаменемъ
носнтелемъ (clamantes adversus signiferos), не хвалнтеса како ѿ нихъ преклонени сѣтъ (non lau-
datis..., греч. οὐ θαυμάζετε), мы мѣжи погани есмы (nos viri pagani sumus, греч. Ἕλληνας ὑλά-
χομεν) ⁵⁾ (гл. I).

³⁾ М. б., въ оригиналѣ читалось: παθέντων?

⁴⁾ Рукоп. старше X в.; она цѣликомъ издана Thilo; у Тишенд. обозначается D^v. (Proleg. pag. LXXIV).

⁵⁾ Въ краткой редакціи такъ и переведено: **мы мѣжи грѣцы есмь.**

3) стоимша прѣ^а ѿнма кѣзекі = stererunt ante conspectum praesidis (греч. ἐμπροσθεν τοῦ βήματος).

4) Славянскій текстъ выпускаетъ переводъ словъ: 'Ο δὲ Πιλάτος προσκαλεσάμενος τοὺς Ἰουδαίους λέγει πρὸς αὐτούς· οἴδατε..... δι' αὐτὸν νυκτός, чему въ иныхъ латинскихъ соотвѣтствуетъ: Pilatus hoc audiens dixit omnibus Iudaeis: Vos nostis.... afficta est nocte ista (Tisch. 344, nota). Но это мѣсто выпускаетъ и cod. Einsidl. Точно также, согласно съ этимъ cod., въ переводѣ опускаются фразы: Λέγει ὁ Πιλάτος πρὸς Ἄνναν καὶ Καϊάφαν· οὐδὲν ἀποκρίνεσθε πρὸς ταῦτα; (cap. II, Tisch. 227).

5) Согласно съ текстомъ cod. Einsidl.: Regnum meum non est de hoc saeculo (Cap. III), передаетъ нашъ переводъ: МОЕ ЦРѢТВО НѢСТЬ ОТЪ ѿ ВѢКА СЕГО, тогда какъ греч. предлагаетъ чтеніе: ἐκ τοῦ κόσμου τούτου.

6) монси и прѣци пѣша ѿ мѣкы семъ и ѿ вострѣньм моего; пѣша = procesinerunt (cod. Eins.), а не προεκήρυξαν (Cap. IV).

7) Греч. οὐκ ἔστιν ἄξιός τοῦ σταυρωθῆναι; въ славянск. согл. съ латинскимъ (hoc non est bonum)—нѣсть то добро (ibid.).

9) Се слышашен судья мша нѣснфа (гл. XII) передаетъ ошибку cod. Eins.: haec audientes iudices apprehenderunt Ioseph.; греч. читаетъ: (согл. и другіе латинскіе) οἱ Ἰουδαῖοι (Tisch. 252, 367), что имѣетъ и болѣе смысла, нежели „judices“.

10) Главы XIII—XVI въ Cod. Einsidl. переданы короче, нежели въ греческихъ и иныхъ латинскихъ. Сличивъ славянскій текстъ этихъ главъ съ cod. Einsidlensis, убѣждаемся, что нашъ переводъ сдѣланъ съ индивидуальной группы рукописей, къ которой принадлежитъ и cod. Einsidl. Для примѣра приведу одно мѣсто изъ XIII главы, именно начало ея:

сему всѣмъ двкѣшемсѧ. и лѣвѣ ютеръ ѿ слугъ,
нже гробъ стрежахоу вшедъ к зборъ реуе (ср.
Стојан., стр. 101).

Haec omnibus admirantibus esse quidam de
militibus, qui sepulcrum custodiebant, intrans
in synagogam dixit (cod. Einsidl.).

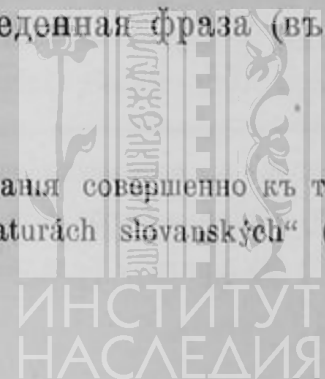
Ἐτι δὲ αὐτῶν καθεζομένων ἐν τῇ συναγωγῇ καὶ θαυμαζόντων διὰ τὸν Ἰωσήφ ἔρχονται τινες τῆς κοιστωδίας, οὓς ἠτήσαντο οἱ Ἰουδαῖοι παρὰ τοῦ Πιλάτου τηρεῖν τὸν τάφον τοῦ Ἰησοῦ, ἵνα μήποτε ἔλθοντες οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ κλέψωσιν αὐτόν. καὶ ἀνήγγειλαν λέγοντες τοῖς ἀρχισυναγώγοις καὶ τοῖς ἱερεῦσι καὶ τοῖς λευῖταις τὰ γεγονότα (Tisch., 254; ср. обыкнов. латинскій, тамъ же, стр. 368). Приведенныхъ сличеній достаточно было бы, чтобъ убѣдиться, что переводъ сдѣланъ съ латинскаго, а не съ греческаго⁶⁾. Окончательно этотъ фактъ утверждается разборомъ лексической и синтаксической стороны перевода: здѣсь мы встрѣчаемся съ рядомъ несомнѣнныхъ латинизмовъ (они сохранились даже въ довольно позднемъ серскомъ спискѣ, изд. Стојановичемъ); вотъ нѣсколько такихъ случаевъ, интересныхъ и въ другомъ отношеніи:

1) consulatu Rufini et Rubellionis передано: СВѢТЬ (т. е. СВѢТЬ = серб. СВѢТЬ) ДЛЮЩЕНМА; очевидно, переводчику не было извѣстно техническое значеніе слова consulatus, и онъ руководился значеніемъ глагола consulere.

2) сѣиенье длюцихъ—точный переводъ sacerdotes, т. е. опять тоже неумѣніе справиться съ спеціальнымъ терминомъ.

3) не изколите тако сътворити = nolite sic facere,—буквально переведенная фраза (въ греч. ей соотвѣтствуетъ: μὴ οὕτως ποιήσατε).

⁶⁾ См. „Занятія VIII Съѣзда“ (М. 1890), стр. 126. Независимо отъ моего изслѣдованія совершенно къ тому же выводу пришелъ и Ю. И. Поливка въ своей статьѣ: „Evangelium Nicodemovo o literaturách slovanských“ (Časop. Mus. kr. Česk. 1891), стр. 440 и сл.

4) **сквозь пророки**—per prophetas.

5) **хрещъ ключъ**—super clavem.

6) **монѣстръ**—magister и т. д.

Вообще относительно перевода надо замѣтить, что мѣста часто передаются не совсѣмъ удобопонятно, но зато близко къ латинскому подлиннику; эта неумѣлость перевода говоритъ съ одной стороны въ пользу древности его, а съ другой стороны указываетъ, насколько необычно было дѣло перевода съ латинскаго въ ту отдаленную эпоху, когда возникъ переводъ. Примѣровъ этому, кромѣ выше приведенныхъ, можно найти не мало, напр., *potentes* (въ см. сильный) передается неудачно буквальнымъ словомъ „могъщихъ“; *къскую рѣчь* = *qua ratione* (а не „слово“ = *ποιῶν λόγῳ*) и т. п. Эта же неумѣлость, не свобода, такъ сказать, въ переводѣ указываетъ на то время, когда еще не было въ языкѣ выработано подходящихъ словъ для обозначенія многихъ извѣстныхъ изъ священнаго писанія терминовъ: эти термины еще не вошли въ обычный литературный языкъ, какъ это видимъ изъ перевода *sacerdos, per salutem* — **поцѣлви** (**сдравію** въ другомъ мѣстѣ), *mūka*—**инферус** и т. д.

Поэтому переводъ приходится отнести едва ли не къ первымъ вѣкамъ христіанства у Славянъ, во всякомъ случаѣ, къ начальному періоду славянской литературы.

На ту же глубокую древность указываетъ и подборъ словъ и оборотовъ, употребленныхъ переводчикомъ. Къ числу такихъ словъ и оборотовъ можно отнести, напр., слѣдующіе:

марта—сұхаго. Название **соұхы**—чисто славянское—весьма рано исчезаетъ изъ живой рѣчи, особенно у южныхъ и восточныхъ славянъ, а въ книжной держится только въ памятникахъ, весьма древняго происхожденія или дошедшихъ въ древнихъ XI—XII в. спискахъ, напр., въ *Минеѣ* до 1100 г., въ *Ассемановомъ евангеліи* и т. д.; у насъ уже присоединено латинско-греческое название (ср. *Miklosich, Lex.*, 905).

ѿ многъ вадъ золь, вадити; **вада, вадити** употребляются въ текстахъ преимущ. юго-западно-славянскихъ (*Mikl. Lex.* 55).

слукънй (слж...); въ *Унд.* № 561 замѣнено уже словомъ **горкатын** (*gibberosus*), но далѣе **слакъ** (очевидно, а, благодаря болгаризму); опять слово весьма часто встрѣчающееся въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ юго-славянскихъ, такъ и русскихъ (въ начальной *лѣтописи*) (ср. *Mikl. Lex.* 863).

нскръ стоити; извѣстно по памятникамъ XII в., а также по глаголическимъ (*Mikl. Lex.* 262); ср. Ю. И. Поливка о. с. р. 441.

етеръ; это ослабяившіеся греческое слово встрѣчается въ памятникахъ преимущ. юго-славянскихъ и глаголическихъ; **поганъскъ етеръ обкыули** (*Glag. Cloz.*), **етерин, улькъ етеръ** (*Зогр. ев., Остр. ев.*), **етера улькы, етерни** (постоянно у Константина пресв.); имъ характеризуется первоначальная редакція перевода евангелія и памятники древнѣйшаго періода славянской письменности (А. Поповъ „*Матеріалы*“ II, 188—189; И. В. Ягичъ „*Критико-палеогр. статьи*“, стр. 80).

оуповааху къ знаменіемъ носителемъ (*adversus signiferos*); такое соединеніе глагола, несмотря на возможное вліяніе латинскаго текста, все-таки относится къ древне-славянскимъ (*Miklos. Gramm.* IV, 622—623).

оутри, оутрь, оутръ (*ἔσω, intus*; позднѣе **въноутръ**); находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ по преимуществу, напр., въ *Сборн.* 1073 г.: **ієсть ли ти Христосъ владыка оутръ въ оумѣ** (по изд. *Общ. Ист. и Др.*; стр. 64; *λότερον ἔσω ἐστὶν ἐν τῇ διανοίᾳ*); *Mikl. Lex.*—**жтръ** (1165).

сньмъ, сньемъ; слово по употребленію болѣе древнее, нежели **съборъ**; оно находится въ первой редакціи псалтири (Ягичъ о. с. р. 44); его же мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ глаголическихъ, юго-западныхъ и южныхъ: **обштї сньми проклани сжтъ** (*Glag. Cloz.*), **късь сньмъ** (*Паннонск. житія, Остр. ев.*) (А. Поповъ „*Мат.*“, 223).

подрѹжьє (conjuh, masc. et fem.; Mikl. L. 596); слово старо-славянское; въ Супрасл. рукоп. — въ значеніи также conjugium, — въ сербскихъ памятникахъ — **подрѹжїє** постоянно синонимъ: „жена“, „супруга“; то же въ Остр. ев. (А. Поповъ „Мат.“, 211—212).

плѹкъ, полкъ; — слово весьма древнее въ литературѣ, находится во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ большинствѣ случаевъ въ значеніи „дружины“, откуда — переходъ къ значенію „походъ“ (Слово о полку Игоря). Значеніе же слова полкъ = populus, явилось изъ перваго ⁷⁾, тѣмъ не менѣе по употребленію весьма древне и съ значеніемъ populus; поэтому въ позднѣйшее время оно исчезаетъ, замѣняясь словомъ **люднє**, какъ это мы находимъ въ извѣстной молитвѣ Симеона Богопріимца (отдѣльно и въ позднѣйшихъ спискахъ Никод. еванг.), или словомъ **сонмъ** (Ник. ев.).

безъ долга єсмь (inproseus sum; ἀδελφός εἰμι); въ этомъ значеніи — въ Остр. ев.; кромѣ того, въ древнѣйшихъ серб. текстахъ, восходящихъ къ старшей эпохѣ славянской письменности, напр., въ Словѣ на Рожд. Х-во по серб. списку XIV в. (снятому съ болгарскаго, гораздо болѣе древняго): а мл'нице нзѣы (=и) безъ дльга (А. Поповъ, „Мат.“, стр. 163); въ позднихъ спискахъ Ник. ев. (серб.) — **безъ грѣха** (Стојан., 94).

балъа, бални (врачъ); извѣстно по памятникамъ не моложе XII в., преимущественно по памятникамъ юго-славянскимъ (Погод. Псалт.) и глаголическимъ (Glag. Cloz.) и изъ Фрейзингенскихъ отрывковъ. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (еванг. 1144 г.) оно замѣнилось словомъ **врачъ**, которое находимъ уже вмѣсто стараго и въ позднихъ спискахъ Никод. ев. (Стојан., 95); см. Mikl. Lex. 11; И. В. Ягичъ о. с. р. 80.

воле, нѣже; первый изъ этихъ союзовъ (въ знач. prope, ne) находимъ въ Свят. сборн. 1073 г. (Mikl. L. 72), а второй (въ знач. quod.) во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ: Остр. ев.; Glag. Cloz., Супрасл. рук., Шестодневъ, Сборн. 1073 г. (А. Поповъ, „Матер.“, 193—194).

оулуунти; встрѣчаемъ: **младеннштемъ ко єсть оулоуєно** (Супр. рук.), **дондеже оулоуун** (Конст. Болг.), **оулоууше книги** (Панноскія житія), **црѣтко нѣсноє оулоуунти** (Пондекты XI в.) (см. А. Поповъ „Мат.“, 226).

оутрапнѣ (leprosus) — извѣстно только по сербскимъ памятникамъ (Prol. s. XV); въ русскихъ толкованіяхъ неудобопонятныхъ словъ объяснено: **оутєснєнъ** (Mikl. L. 1076).

работа (работы єгипетскыя) = рабство; значеніе древнее: **горкыя работы** (Изборн. 1073 г.), **горуданшн ко лютаа си работа выкѣтъ** (Супр. ркп.) (А. Поповъ „Мат.“, 216).

пнтѣкыи отъ пнтѣти; см. выше стр. 59.

корнсть — съ н вм. ы; форма слова старо-славянская (А. Поповъ, „Мат.“, 197), удержавшаяся въ средне-болгарскомъ (Билярскій, „О средне-болг. вокализмѣ“, стр. 135).

краль — слово, замѣненное въ болѣе позднихъ текстахъ Ник. ев. словомъ **црѣ** (цѣсарь); слово это ясно указываетъ, если не на западъ, то во всякомъ случаѣ на юго-западъ.

кыспрь (Micl. Lex. 267 — испрь); слово это значительно древнѣе, нежели **горѣ**: имъ характеризуется старинная редакція перевода евангелія (И. В. Ягичъ, стр. 80).

тепенъ (позднѣе замѣнено **кненъ**); извѣстно только изъ глаголич. памятниковъ и серб. пам. (Никольск. ев.); у Mikl. L. **тепененнє** (987).

нагло (subito); въ этомъ значеніи опять встрѣчаемъ въ подобныхъ же текстахъ, какъ и предъидущее; въ знач. valde, ni fallimur — въ слав. переводѣ библіи; у насъ употреблено въ первомъ значеніи (Mikl. L. 400).

неприманъ (дьяволъ, сатана); слово принадлежитъ къ отличіямъ первоначальнаго перевода

⁷⁾ Буслаевъ, О. И. „О вліяніи христіанства...“, стр. 197. Въ хорватско-сербскомъ до сихъ поръ „пукъ“ — народъ, „пучки“ — народный.

евангелія (И. В. Ягичъ, стр. 80) и проходитъ по всѣмъ памятникамъ первоначальнаго періода письменности: во Фрейзинг. статьяхъ: *savuiztiu bui perriazniju*; позднѣе (въ XV в.) оно замѣнено: *завистію діаволею* (Буслаевъ „О вліяніи христіанства...“, стр. 101). Отъ того же слова въ Н. е. находимъ и прилагательное: *неприязненных*—*daemoniacos (daemoniosos)*; въ поздн. сп.—*замѣна: стражъщла ѿ дѣхъ неунсты*⁸ (Архивск., Серб.—Стојан., 89).

пъколъ, пькълъ, пеклъ—одинъ изъ древнѣйшихъ переводовъ славянскихъ для *ἄδης* (Буслаевъ, „О вліяніи...“, стр. 127). Сохранилось оно преимущественно въ южныхъ и западныхъ нарѣчіяхъ доселѣ (чешск.—*reklo*; серб.—*пекао*).

сѣра—другой, но не менѣе древній переводъ того же слова (Буслаевъ, *ibid.*).

кълннѣ въ см. „жало“.

погрѣзити (грѣхы наша погрѣзи); у Mikl. L. (591) указано только по одному сербскому тексту XVI вѣка.

раснѣ (расьнѣ, разьнѣ); въ Сборн. 1073 г.: *или трьмъ раснѣ ѿцѣ сщема* (Буслаевъ, большая Хрестоматія, 269₁₀); см. выше, стр. 60.

книгы (въ см. „письма“); слово происхожденія стараго, по употребленію преимущ. юго-славянское; ср. современное сербское значеніе:

Она (Роксандра) пише три четири кнѣиге,
Пошилье их на четири стране⁸).

блазнитель (греч. *γοητής*); въ формѣ *блазнь* — въ Супр. рук.: *не тако блазнь христосъ* (А. Поповъ, „Мат.“, 175).

Изъ этого небольшого и неполнаго перечня замѣчательныхъ словъ⁹, сдѣланнаго безъ всякой иной цѣли, кромѣ опредѣленія древности словаря Н. е., мы видимъ, что значительная часть словъ, если и является общими всей славянской письменности, особенно часто попадаетъ въ памятникахъ глаголическихъ, южныхъ и юго-западно-славянскихъ; хотя эта особенность словаря, въ виду слабой разработки славянскаго словаря съ этой стороны, и не можетъ дать точнаго указанія на мѣсто происхожденія памятника¹⁰, все-таки совсѣмъ безъ вниманія оставлена быть не можетъ; весьма возможно, что переводъ возникъ гдѣ нибудь недалеко отъ родины или мѣстности глаголитизма, или гдѣ нибудь скорѣе на западѣ или юго-западѣ славянства, нежели на востокѣ, напр., не въ восточной Болгаріи. Съ этимъ согласуется и то, что переводъ сдѣланъ прямо съ латинскаго текста—фактъ, очень рѣдкій для старшаго періода славянской письменности,—а не съ греческаго, обычнаго источника переводныхъ нашихъ памятниковъ.

Обратимся теперь къ формамъ языка въ текстѣ.

Несмотря на то, что разбираемый нами Софійскій текстъ заключаетъ въ себѣ черты русскія и, мало того, областныя черты этого нарѣчія, мы находимъ въ немъ черты времени древнѣйшаго, сохраненныя спискомъ XIV—XV в.. Не говоря уже о довольно стройно выдержанныхъ формахъ склоненій и спряженій, правильной постановкѣ глухихъ въ суффиксахъ (*судьныи, велнущствнѣ, съвъстьннннн* и т. п.), не говоря о характерной для древнихъ памятниковъ вставкѣ евфоническаго *д* (*раздрѣшннн*), мы находимъ много остатковъ старой этимологіи и стараго синтаксиса; сюда отнесемъ:

а) распространенныя формы прошедш. несоверш. : *искалсте, оупокалаху, сѣдлаше, затѣмъ: бѣлаху, нмѣлаху* и т. п.; въ склоненіи: *правдиноуоуоуоу*.

б) краткія (несигматич.) формы аориста: *придѣ, ѿбрѣтѣ, падѣ....* при *придошл, ѿбрѣтошл,*

⁸) Смрт Душанова; Вук, Песме II, 33.

⁹) Списокъ этотъ пополняется перечнемъ Ю. И. Поливки въ его статьѣ (см. прим. 6), стр. 441—445.

¹⁰) См. И. В. Ягича „Четыре статьи“, стр. 83.

ГРУДЫ 8-го АРХЕОЛ. СВЪЗДА ВЪ МОСКВѢ 1890 Г. Т. II.

падоша и т. п.. Эти формы опять роднят нашъ переводъ съ первоначальнымъ текстомъ свящ. писанія (онѣ, напр., правильно проходятъ по всей Синайской псалтири и Маріинскому ев.; см. И. В. Ягича о. с., стр. 57), а также съ древнѣйшими памятниками письменности: подобныя формы находимъ, напр., въ Успенскомъ сборникѣ: *ѡндоу, нзидоу, нсподоу* (А. Поповъ, „Мат.“, I, 5—6). Къ числу такихъ же характерныхъ формъ относится встрѣчаемая у насъ форма *обрѣтъ* вм. *обрѣтохъ* (И. В. Ягичъ, стр. 57) ¹¹⁾.

в) форма 3 л. двойств. числа у насъ оканчивается въ большинствѣ случаевъ на *те* (а не *та*, которое считается (И. В. Ягичъ, стр. 58) позднѣе): *вѣжасте, глѣасте, рѣстѣ (=ε)* и т. п..

г) 1-е лицо *вѣдѣ* вм. *кѣмъ*, какъ у насъ, такъ и въ Успенскомъ сб. и Сборникѣ 1073 г.: *не вѣдѣ касѣ* (*οὐκ οἶδα ὑμᾶς*, стр. 75).

д) 1-е л. мн. ч. оканчивается весьма часто на *ѣ* вм. *ы*, какъ обычно позднѣе (Mikl. Gram. III, 125, 126): *кѣмъ, да(а)мъ, нмамъ* и т. п.; тоже часто и въ Сборн. 1073 г.: *подѣ сѣтню ѣсмъ днѣволюю* (*ὕπο τῆρ παρῖδα ἐσμεν τοῦ διαβόλου*, стр. 75).

е) употребленіе краткихъ формъ склоненія прилагательныхъ въ косвенныхъ и винительномъ падежѣ при существительномъ: *кѣ гробѣ новѣ скон, гломѣ велкомѣ*.

ж) винительный падежъ одушевл. предметовъ сходенъ съ именительнымъ: *раздражнѣ бѣ кашѣ, послѣтъ тебѣ аггѣ скон, внднхомѣ аггѣ вѣнн* ¹²⁾.

з) мѣстный падежъ является безъ предлога тамъ, гдѣ позднѣе предлогъ необходимъ: *посажени глоуѣннѣ н мрацѣ темнѣ* (Серб., Стојан. 107, уже съ предлогомъ).

и) сохранилась рѣдкая форма супина: *послаша нскатѣ*.

Рядомъ съ этими чертами находимъ, хотя въ очень слабомъ отраженіи, указанія, что оригиналомъ Софійскаго списка былъ текстъ юсовой, м. б., даже болгарскій; такъ находимъ формы: *створа* вм. *створѣ*, *непщѣж* вм. *непщѣмъ*, *преснлож*. На тоже, повидимому, указываетъ и форма *Лѣгннѣ* = Longinus (т. е. *Лжгннѣ*), хотя это имя въ этой формѣ встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ (см. Mikl. L. 342 s. v. *логннѣ*), такъ что эта форма могла быть и общелитературной.

Наконецъ къ чисто-палеографическимъ начертаніямъ рукописи нужно отнести: *сѣтню даюѣн* вм. *сѣтню*, т. е. смѣшеніе начертаній *н* и *и*; а это было возможно, если писецъ Софійской рукописи имѣлъ передъ собой уставную рукопись не моложе XII в., когда, дѣйствительно *н* и *и* были близки по начертаніямъ (ср. Буслаева „Матеріалы для письменъ“ табл. XI, столб. 2, строка 21).

Наконецъ дополнимъ характеристику собственно Софійскаго списка, его индивидуальныя особенности. Списокъ этотъ письма уже русскаго, какъ было отмѣчено выше; въ немъ видна уже частая замѣна глухихъ чистыми, постановка глухаго (и равнаго ему чистаго) передъ плавнымъ + согл.: *осквернѣтъ, ѣсо, сонмѣ, смертнѣ, помѣруанѣ, мѣртво*. Затѣмъ видимъ русское стяженіе *н* въ *ь*: *дѣмань, мѣмъ*, русское смягченіе зубныхъ: *роженѣ, заповѣжѣ, преже* и т. д. Кроме этого, есть и мѣстныя черты, указывающія, что нашъ списокъ писанъ на сѣверѣ, въ области Новгородскаго говора; находимъ поэтому: а) обоюдную смѣну *н* и *ѣ* — *вндѣтъ* (во фразѣ изъ ев. Луки (XXIII, 34): *не вѣдѣтъ бо что творѣтъ*), *внднхомѣ, вснми, нарѣуѣемъ, нарѣуѣюса*; б) смѣну *у* и *ѣ*: *оѣѣ* (*законъ—legem paternam*), *отроун, старуѣемъ, рун — цнмъ, цѣнмъ, цѣнмъ, рецѣ, цѣѣѣ* и т. п..

Обращаясь къ другимъ спискамъ этой редакціи перевода (Архива Мин. Ин. Д. 601/1109 Рум. Муз. 924, Унд. 561, Троицк.-Серг. Лавры 145, Вѣнской придв. библ. 24), видимъ, что всѣ они восходятъ къ одному источнику, представляютъ тотъ же переводъ, что и Софійская ркп.

¹¹⁾ Въ Унд. 561 указана также форма: *привѣсѣ* (въ Серб. уже *привѣдоша*); см. Ю. И. Поливки о. с. стр. 440.

¹²⁾ См. также Ю. И. Поливки о. с., стр. 440.

Черты древности въ языкѣ въ нихъ сохранились также, хоть и въ меньшемъ количествѣ; наиболѣе архаичнымъ по типу представляется списокъ Ундольск. (Моск. Публ. Муз.) № 561 (XV—XVI в.): въ немъ находимъ массу древнихъ формъ въ родѣ: *искааше, искаасте, дрѣжаашете* (ф. южно-русская, м. б.), *мѣткынъ*; но и здѣсь есть слѣды болгаризма: *еж вѣ. ѿѿ*; сюда же относится колебаніе въ употребленіи *ѣ* и *ѡ* послѣ плавнаго: *дрѣжати* и *дрѣжати* ¹³⁾.

Итакъ мы разсмотрѣли первоначальную редакцію полного текста Никодимова ев. въ славянскомъ переводѣ; обобщая все приведенное, мы можемъ сдѣлать приблизительно слѣдующіе выводы: 1) славянская первоначальная редакція „полнаго“ текста Ник. ев. сдѣлана съ латинскаго текста, но не обыкновеннаго, совпадающаго съ греческимъ, а съ особенной группы этихъ текстовъ, представителемъ которой является *cod. Einsidlensis* (*Tisch. Dⁿ*); 2) возникъ этотъ переводъ на юго-славянской почвѣ и скорѣе всего на западѣ этого юго-славянства, м. б., въ мѣстности, гдѣ жила глаголическая письменность, или сохранялась дольше ея традиція; 3) по времени переводъ долженъ быть отнесенъ къ числу раннихъ памятниковъ славянской литературы, скорѣе всего къ начальному періоду письменности славянской, б. м., къ XI или XII в., но никакъ не позднѣе; 4) помимо сербскихъ и русскихъ списковъ мы можемъ предполагать существованіе списковъ болгарскихъ, которые могли восходить къ древнему времени, къ вѣку XII-му, и которые, весьма вѣроятно, и послужили источникомъ для списковъ русскихъ, какъ это можно видѣть по сп. Софійскому и сп. Ундольскаго № 561 и, м. б., Троице-Серг. Лавры ¹⁴⁾.

Переходимъ къ т. н. краткой редакціи евангелія. Уже простое соображеніе, что въ латинскомъ до сихъ поръ мы не знаемъ краткой редакціи Н. е. отдѣльно, заставляетъ предположить, что славянскій переводъ краткой ред. (I-й ч. Ник. ев.) сдѣланъ не съ латинскаго, а скорѣе всего съ греческаго, откуда мы имѣемъ большинство переводныхъ текстовъ. Это соображеніе подтверждается и фактически изученіемъ слав. перевода краткой редакціи ¹⁵⁾. Рукописей этой редакціи встрѣчается множество, что показываетъ бѣольшую ея популярность, нежели полной; но за то рукописей особенно древнихъ, кромѣ одной (о ней рѣчь впереди), мы не встрѣчаемъ: всѣ онѣ не старше начала XVI в., въ массѣ же случаевъ относятся къ XVII в., благодаря тому, что цѣликомъ и по частямъ Н. е. краткаго вида въ большинствѣ случаевъ вошло въ сборники поученій (подобно Первоевангелію) и при томъ въ сравнительно позднія редакціи такихъ сборниковъ, какъ „Златоустъ“ и „Измарагдъ“ ¹⁶⁾. Несмотря на это, общій характеръ первоначальнаго текста сохранился настолько еще, что съ достаточной очевидностью можно доказать, что переводъ сдѣланъ съ греческаго; вотъ нѣсколько такихъ мѣстъ, объясняющихся только текстами греческими, а не иными ¹⁷⁾.

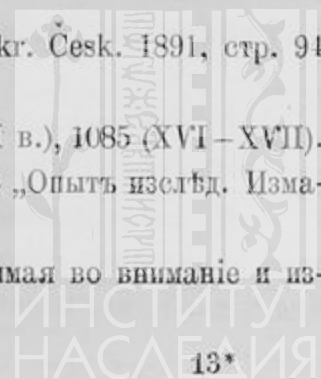
¹³⁾ Сюда присоединимъ и случай, отмѣченный Ю. И. Поливкой (о. с. р. 441) въ Унд. 561 и Тр.-Лавр. 145: **оуцнюдена**. Въ Вѣнской придворной библ. № 76 нашелся еще отрывокъ изъ второй части Н. е. (XVII в.). Къ сожалѣнію, болѣе точное отношеніе его къ полному тексту опредѣлить не могу: сдѣланная мною копія съ него, къ сожалѣнію, въ настоящую минуту у меня не находится. Это, сколько могу судить по отрывочнымъ выпискамъ, передѣлка первоначальнаго текста. Варьянты къ тексту рукоп. № 26 той же библіотеки, подведенные Л. Стояновичемъ (стр. 107 и сл.) изъ № 76, страдаютъ неполнотой и небрежностью въ выборѣ.

¹⁴⁾ Въ славянской литературѣ извѣстенъ еще и западный переводъ полного текста Н. е. — именно чешскій; о немъ см. ниже въ обзорѣ западно-слав. апокр. ев.

¹⁵⁾ И этотъ переводъ разсмотрѣнъ въ упомянутой статьѣ Ю. И. Полилки (*Časop. Mus. kr. Česk.* 1891, стр. 94 и сл.). Здѣсь же (стр. 94—95) перечень рукописей этого текста.

¹⁶⁾ Напр., мы находимъ Н. Е. въ Златоустахъ: Унд. № 537 (1620 года), 1109 (XVI—XVII в.), 1085 (XVI—XVII). Тверскаго Муз. № 30 (3101) (XVIII в.), въ Измарагдѣ: Унд. № 543 (XVI в.); ср. В. А. Яковлева „Опытъ изслѣд. Измарагда“ (Одесса 1893), стр. 298.

¹⁷⁾ Цитирую по изданію А. Н. Пыпина въ „Памятн. стар. рус. лит.“, III, 91—103, принимая во вниманіе и изданіе Ю. Даничича (*Starine*, IV (1872), стр. 131—149).

1) „Призвавъ Пилатъ іудея вся и рече къ нимъ: вы сами вѣсте, яко жена моя богомъ нашимъ не служить, но паче іудеискимъ (серб.-скы) вѣруеть“ (гл. II), что соотвѣтствуетъ: *ὁ δὲ Πιλάτος προκαλεσάμενος τοὺς Ἰουδαίους, λέγει πρὸς αὐτούς· οἴδατε ὅτι ἡ γυνή μου θεοσεβής ἐστι καὶ μᾶλλον ἰουδαίζει σὺν ὑμῖν* (Tisch., 223). Латинскіе тексты или вовсе выпускаютъ это мѣсто (cod. Einsidl.), или даютъ чтеніе: *scitis quia mulier mea cultrix dei est et in iudaismo magis vobiscum sentit*; или: *vos nostis quia uxor mea pagana est et multas synagogas vestras aedificavit* (Tisch., 343—344; Thilo, 521, 523).

2) Имя одного изъ защитниковъ законнаго рожденія Христа—„Прискъ“ (тоже и въ серб., гл. II), что соотвѣтствуетъ немногимъ рукописямъ греческимъ (cod. B. Paris. у Thilo; у Tisch. (226) E); тоже до извѣстной степени можно сказать относительно имени жены Пилата—„Проклы“, которое въ значительной части латинскихъ текстовъ опущено; рѣдко встрѣчается оно и въ греческихъ и по одному изъ нихъ передано у насъ (cod. C, Tisch., 223).

3) „се бо вина ваша, еже глаголете о немъ, есть о цѣлбахъ соуботныхъ“ (гл. IV)¹⁸⁾ = *ἡ γὰρ κατηγορία ὑμῶν περὶ θεραπείας καὶ βεβηλώσεως σαββάτων* (Tisch., 232), тогда какъ въ латинскомъ иначе: *nihil enim accusantibus eum vobis dignum mortis inveni de curatione et violatione sabbati* (ibid. 350).

4) „нѣсть достоинъ распяти его“ = *οὐκ ἄξιός ἐστι τοῦ σταυρωθῆναι*; cod. Eins.: *non est bonum* (см. выше, стр. 94).

5) Во *вспѣхъ* текстахъ этой редакціи встрѣчаемъ въ V гл. замѣчательное прибавленіе, котораго нѣтъ ни въ греческихъ, ни въ латинскихъ текстахъ: (Никодимъ) „иже и сія написа“. Вѣроятно, эта фраза представляетъ особенность греческаго текста, не сохранившюся въ наличныхъ рукописяхъ¹⁹⁾.

6) „Повели ми рещи словеса чистая“ = *καταροῦς λόγους* (cod. E. — гл. V), въ латинскихъ же: *raucos sermones* (соотв. инымъ греч. *ὀλίγους λόγους* (Tisch., 234).

7) „Сотвориша знаменія и чюдеса (серб. опуск.) не мала“ = *καὶ ἐποίουν καὶ αὐτοὶ σημεῖα οὐκ ὀλίγα* (Tisch. 235, cap. V); въ лат.: *sed non omnia*.

8) „И глагола имъ Пилатъ: что зубы своими скрегчете (серб. доб.—нанъ) истину слышавши“ (ibid.) = *καὶ λέγει πρὸς αὐτούς ὁ Πιλάτος· τί τοὺς ὀδόντας τρίζετε κατ' αὐτοῦ ἀλήθειαν ἀκούσαντες*; (Tisch. 236). Въ латинскомъ cod. Eins. этого нѣтъ.

9) „и помаавъ имъ рукою, зане зваху“, — соотвѣтствуетъ только одному греческому: *καὶ κατασείσας τῇ χειρὶ... (cap. IX; Thilo, p. 572; cod. Mon. A; Tisch. 243; cod. A)*.

10) „оумы роуцѣ свои прѣмо сльнцоу (серб. 137; рус. сокращень) = *ἀπενίψατο τὰς χεῖρας αὐτοῦ ἀπέναντι τοῦ ἡλίου* (Mon. B; Tisch. 244); лат.—*lavit manus suas coram (или ante) populum* (Tisch. 360).

11) Главы XIII—XVI, устанавливаюція, какъ было уже указано, различіе между греческой и латинской редакціями Н. Е., переданы буквально по греческой версіи; напр., конецъ XVI гл. находится только въ краткой редакціи, гдѣ онъ служитъ переходомъ къ „Послانیю Пилата“; тогда какъ въ полной (греческой же) сходство кончается на половинѣ (*εἶδον αὐτὸν ἀναληφθέντα εἰς τὸν οὐρανόν*—видѣхомъ его возносящася на небо)²⁰⁾.

Опредѣляя точнѣе отношеніе греческаго текста къ славянскому переводу, мы видимъ, что, не смотря на близость, славянскій переводъ даетъ рядъ отклоненій, которыя едва ли можно объ-

¹⁸⁾ Привожу по сербскому тексту Даничича (стр. 135): русский (Пыпинъ, 94) испорченъ.

¹⁹⁾ Ср. I. Polivka, o., c. p. 97—98.

²⁰⁾ Для дополненій въ этомъ отношеніи ср. выше примѣры сопоставленія текстовъ для полной редакціи. Въ текстѣ находимъ также грецизмы, напр., архисинагоги (*ἀρχισυναγωγοί*), олжавътоматы (*ὀλοκωντόματα*) (№ 1109, Унд.); впрочемъ, очень немногіе.

яснять всё дѣломъ славянскаго переводчика или редактора: часть ихъ необходимо отнести на счетъ греч. оригинала, который отличался здѣсь отъ извѣстныхъ. Такого рода отклоненія начинаются съ самаго начала, именно съ опредѣленія времени происшествій, съ извѣстій о Никодимѣ. Что подобныя уклоненія (сокращенія и дополненія) отъ извѣстныхъ даютъ намъ право предполагать нѣкоторыя особенности въ греч. еще оригиналѣ, мы основываемся на томъ, что нашъ текстъ не соотвѣтствуетъ одному опредѣленному греческому тексту, а совпадаетъ то съ В, то съ С, то съ Е (по Тишенд.), т. е. предполагаетъ какой-то особенный греческій текстъ. Въ этомъ заключается значеніе славянскаго текста и для исторіи греческихъ ²¹⁾.

Что касается лексической части и языка перевода, то здѣсь мы можемъ гораздо менѣе найти точнаго матеріала, нежели въ полной редакціи, потому что приходится имѣть дѣло съ поздними списками, стершими въ значительной степени первоначальный обликъ памятника. Наибольше древнихъ чертъ сохранилъ текстъ сербскій, благодаря общему всёму сербскимъ памятникамъ нѣкоторому консерватизму; здѣсь изрѣдка попадаются такія формы: *їоудейскымь, егїпцатскымь, непокоривымь, — подражѣахоу, глаголаахоу, оууааше, възкрацаахоусе* и т. п. Со стороны словаря также указать много не приходится; встрѣчаемъ всетаки: *обваждающе*, отъ глаг. *вадити* (о которомъ было упомянуто выше), *оуранити* (*ὀρραρίζειν*), находимое въ переводѣ Библии (Исходъ II, 18), въ Паримейникѣ 1271 г (см. Mikl. L. 1062), наконецъ, слово *бладь* и производное отъ него *бладословити*; это слово принадлежитъ древней редакціи евангелія (въ смыслѣ *φλαρία, ψευδος*): *яко бладн глы ихъ* (Лук. XXIV, 11); это слово, какъ извѣстно, получило позднѣе значеніе *λόγη, μοιχάς*, почему въ евангельскихъ текстахъ и было замѣнено словомъ *лжа* (поэтому въ испр. текстѣ: *яко лжа глы ихъ*) ²²⁾.

Во всякомъ случаѣ, эта скудость древнихъ формъ и оборотовъ объясняется не только одной популярностью и сравнительно позднимъ происхожденіемъ наличныхъ текстовъ: здѣсь, исходя изъ аналогіи съ другими текстами славянскихъ памятниковъ, даже въ позднихъ спискахъ, сохраняющихъ остатки старины (напр., разобранные выше тексты апокрифич. евангелій), мы можемъ искать причины этой скудости также и въ томъ, что переводъ былъ совершенъ въ эпоху, сравнительно позднюю, напр., около XIV в., какъ это полагаетъ Ю. И. Поливка въ своемъ обзорѣ (о. с. р. 101).

Также слабо сохранились въ текстѣ слѣды его исторіи: въ дошедшихъ до насъ спискахъ русскихъ и сербскихъ мы видимъ очень немного формъ, указывающихъ на то, что существовалъ оригиналъ болгарскій, отъ котораго пошли списки сербскіе и русскіе; такъ, въ сербскомъ текстѣ, преимущ. въ видѣ ошибокъ, уцѣлѣли болгаризмы: *маньноу* (abl. sg.) вм. *маньною* (т. е. *маньнѣ — оуж*) (гл. IX, стр. 137), *ѿ Галилею, до Галилею* (gen. sg.) вм. *Галилею* (т. е. *ѿ* вм. *ѡ*) (стр. 140, 141), *поють* вм. *поють* (т. е. *ѿ* вм. *ѡ*) (стр. 142) ²³⁾; въ русскомъ слѣдъ еще слабѣе: можно указать только *оузамн одержимн* (тоже серб. 136) вм. *ѡзамн* (въ болг. *ѡзамн*) въ VI гл (Пыпинъ, 94). Нѣкоторое указаніе на ту же болгарскую почву даетъ м. б. грецизмъ, получившій права гражданства въ болгарскомъ языкѣ: „яко *армасани* бѣша“ (*ὅτι ἀρμαστρα γεγόνασι*, Пып. 92, серб. 133), и „на *армасани* Иосифовѣ и Маринѣ были“ (ibid.). Это выраженіе до сихъ поръ сохраняется въ болгарской народной рѣчи:

Диреци кнова се млади момчина,
Се *армасане* то не венчане ²⁴⁾.

²¹⁾ Ср. I. Polivka о. с. р. 100.

²²⁾ *Θ. И. Буслаевъ*. „О вліяніи христіанства“, стр. 147.

²³⁾ Ср. I. Polivka о. с. р. 95.

²⁴⁾ *Г. А. Воскресенскій*. „Славянская христоматія“ II, 36.

По этимъ слабымъ слѣдамъ мы можемъ предполагать, что наши тексты, русскіе и сербскіе, восходятъ къ средне-болгарскому. Анализъ этого перевода Н. Е. можетъ, т. о., привести насъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) переводъ сдѣланъ съ греческаго, б) по времени возникновенія онъ моложе, нежели переводъ полной редакціи, в) сдѣланъ переводъ, вѣроятно, на средне-болгарскій и г) отъ этого перевода пошли многочисленные русскіе и сербскіе списки этой редакціи Никодимова евангелія.

Но въ сербскомъ же текстѣ мы встрѣчаемся еще съ одной разновидностью краткой редакціи; покуда этотъ текстъ извѣстенъ мнѣ только по одной, но за то весьма древней, рукописи, именно въ знаменитомъ сборникѣ Михановича (Загребъ, Академія, III, с. 19—Homiliae) конца XIII в.; здѣсь на л. 34а—43а помѣщено: **Къ стоюю велнкъ соуботоу въспомнаниѣ стрѣти гѣ бѣ спѣа нашего їса хса.** Это переводъ краткой редакціи Н. Е., сдѣланный съ греческаго текста, но такого, который отличался отъ того, который служилъ оригиналомъ для разсмотрѣннаго выше перевода. Текстъ ²⁵⁾, къ сожалѣнію, не сохранился цѣликомъ: въ самомъ началѣ первой главы (послѣ словъ: **алѣзандръ ѿ арь**) пропускъ почти всей главы (объясняется онъ тѣмъ, что писецъ имѣлъ передъ собой уже дефектный оригиналъ); между теперешними л. 34 и 35 пропалъ листъ (f^o въ два столбца), благодаря чему исчезли: конецъ второй главы, вся третья и часть (до § 4) четвертой (см. Tisch., 227—233).

Уже самое заглавіе (**въспомнаниѣ стрѣти** = *ὑπομνήματα τῶν παθόντων...*; см. выше, прим. 3) указываетъ на связь текста съ греч. оригиналомъ. Но оригиналъ этотъ, какъ было сказано, былъ отличенъ отъ оригинала обычной краткой редакціи: онъ близко подходилъ къ тому греч. списку, который былъ положенъ въ основу изданія Тишендорфа (стр. 210 и сл.); точно такъ же, какъ и большинство греческихъ, нашъ текстъ перваго введенія (*Ἐγὼ Ἀναρίας...*) ²⁶⁾ не имѣетъ, но за то второе (*Ἐν ἔτει πεντεκαίδεκάτῳ...*) передаетъ почти *буквально* по греческому Тишендорфа, выпуская только послѣднее отдѣленіе (*ὄσα μετὰ σταυρὸν...*) и начало 1-й главы ²⁷⁾. Обычный же переводъ краткой редакціи, какъ мы видѣли, передаетъ введеніе совершенно скомкано. Дальнѣйшее сопоставленіе обоихъ текстовъ убѣждаетъ въ различіи переводовъ; особенно характернымъ является при этомъ то, что списокъ XIII в. полнѣе часто по изложенію, нежели обычная редакція, т. е. что оригиналъ самый греческій этого списка былъ полнѣе, нежели оригиналъ обычной редакціи. Вотъ нѣсколько иллюстрацій этого взаимнаго отношенія текстовъ.

1) **красъяле дасть вамъ и ѿ камене воды напои въ ѿ законъ вы дасть** (Михан.) = *καὶ ὀρυγομήτραν ἔδωκεν ὑμῖν, καὶ ἐκ πέτρας ὕδωρ ἐπότισεν ὑμᾶς, καὶ νόμον ἔδωκεν ὑμῖν* (гл. IX, Tisch. 242).

храштали дасть вамъ (Серб. 137) = *καὶ ὀρυγομήτραν ἔδωκεν ὑμῖν* (cod. A; Tisch. 241, nota).

2) **страна твоѣ ѡблнунше те акн црѣ (а?), того ради ѡвѣщахъ провое повръзше ѿ вѣсти. оуставѣ ради доброутивынхъ црѣ. тнѣ тыгда повѣснѣти въ градѣ и два злодѣи с нимъ думоу же ѿ гестоу** (Михан.) = *τὸ ἔθνος τὸ σὸν κατήλεγε ἕξ σε ὡς βασιλέα· διὰ τοῦτο ἀπεφηνάμεν πρῶτον φραγελλοῦσθαί σε διὰ τὸν θεσμόν τῶν εὐσεβῶν βασιλέων, καὶ τότε (al. ἔπειτα) ἀναρτᾶσθαι ἐπὶ*

родъ его рекоше нанъ яко царство ншеть: сего ради и азъ слово нанъ нзрекохъ съмрътно; и прѣжде свежете его по законуу царскогоу, и потомъ обѣсите его на крѣсть въ врьтоградѣ, ндѣже есте и, и два злодеи съ нимъ (Серб., стр. 137) = тотъ же греч., но въ концѣ только: *καὶ δύο κακοῦργοι σὺν αὐτῷ* (Cod. C; Tisch. 245, nota).

²⁵⁾ Онъ издается цѣликомъ въ Приложеніи.

²⁶⁾ Онъ есть только въ С (изъ греч.); см. Tisch. 210, nota.

²⁷⁾ М. 6. это послѣднее уже вина писца, сбившагося въ рядѣ именъ первосвященниковъ.

се за ἀνῆου. пришедшаго ѿ жидовъ на ѡбвѣдѣніе хѡ. ѡ сказавшоу жидовскыя памяти ѡ хѡ ѡднѣмъ словесы на ѡбвѣдѣніе всѣмъ. На этомъ текстѣ Михановича кончается, тогда какъ обычная редакція прибавляетъ фразы: „Пилать же якоже слыша... глаголе сице“... — служащія для перехода къ „Посланию Пилата“, котораго въ нашемъ текстѣ нѣтъ. Это прибавленіе съ именемъ Анны (т. е. Ἀνανίας, Ἐνείας) принадлежитъ, почти навѣрно, греческой особой редакціи: оно, ясно, составлено на основаніи перваго введенія (Ἐγὼ Ἀνανίας....): Πάντες οὖν ὅσοι ἀναγινώσκετε... καὶ εὐχεσθε ὑπὲρ ἐμοῦ... ἐκ τῶν θείων γραφῶν ἐλέγγων τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν πίστει προσελθῶν... ἐρευνήσας δὲ καὶ τὰ ὑπομνήματα τὰ κατὰ τὸν καιρὸν... καὶ θεοῦ εὐδοκίᾳ μεθερμήρευσα γράμμασιν ἑλληνηκοῖς εἰς ἐπίγνωσιν πάντων... (Tisch. 211 и 210). Т. о. въ текстѣ Михановича мы имѣемъ указаніе на неизвѣстную доселѣ греческую редакцію Никодимова ев., тѣмъ болѣе интересную, что дошла она въ сравнительно древнемъ видѣ—въ переводѣ по списку конца XIII в.; старшія же изъ греческихъ рукописей (Monac. 276) далѣе XII в. не восходятъ³⁰⁾.

Приведенный рядъ сопоставленій показываетъ намъ, на сколько текстъ Михановича отличается отъ обычной краткой редакціи; судя же по подведеннымъ мною греческимъ текстамъ, можемъ заключать, что онъ не связанъ съ обычной редакціей: оба перевода восходятъ къ различнымъ греческимъ оригиналамъ, мѣстами довольно разнящимся одинъ отъ другаго. При всемъ томъ мы замѣчаемъ въ переводѣ обычной редакціи сходство въ подборѣ выраженій съ текстомъ Михановича. Это сходство, однако, на мой взглядъ, объясняется скорѣе всего одинаковостью школы переводчиковъ: видѣтъ знакомство переводчика обычнаго текста съ текстомъ Михановича не нахожу возможнымъ. При всемъ сходствѣ, видимъ, у обоихъ переводчиковъ были, повидимому, свои приемы и запасъ словъ при переводѣ: они различно переводятъ одно и то же греческое выраженіе; вотъ небольшой списокъ такихъ словъ:

Ἰουδαῖος—повсюду въ Мих.—жидовинъ, въ обычн. ноудеанинъ.

εἶπεν—глагола—рече.

συναγωγή—зборъ—сънмнште.

φυλάσσειν—блюсти—стрѣжи.

ἱερεὺς—іерѣи—свештенникъ.

πλῆθος—множество—народъ.

ἔθνος—страна—родъ.

ἑλληνικός—іеллнскы—грѣцкы.

καταπέτασμα—ѡпона—завѣса.

ὑπερήφανος—прѣзорнкы—грѣды.

φίλος—дрогъ—вѣрънъ.

στάσις—оусобница—крамола.

στασιασμός—оусобнѣнъ—нестроень.

λέντιον—понѣкница—лѣѡдіе, лентіе.

ἀποσταλείς—поустень—посланъ.

ἐμβρινούμενοι—смѣцляющесе—прѣтеште.

ἀπόφασις—ѡвѣтъ—осоужденіе.

ὠνειδίσειν—похоули—поношеніе рече.

ἀπέναντι—протнквоу—прѣмо.

ἄφετε—небрѣзѣте—оставете и т. д.

Изъ этого же списка словъ въ то же время легко замѣтитъ и разницу во времени перевода: древность въ подборѣ выраженій (напр., жидовинъ, зборъ, страна, поустити...) на сторонѣ Ми-

³⁰⁾ Tisch., Proleg. LXXI.

хановичева списка. Кромѣ того, находимъ не мало словъ, характеризующихъ отдаленную эпоху перевода; таковы, напр.: **земльци** (*σύνεθροι*; въ общ. **дрожина**), **грѣбакъ** (*χυρτός*), **пѣготивъ** (*λεπρός*), **лоушта** (*λόγχη*), **оузница** (*δεσμωτήριον*), **въспецахоусе** (*ἐπίστρεφον*; общ. **възрацахоусе**), **камы** (*λίθος*) и т. д.

Изобилуя древними формами склоненій и спряженій ³¹⁾, списокъ однако уже не даетъ древнѣйшихъ и рѣдчайшихъ формъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы нашли въ полной редакціи; это отсутствіе можетъ принадлежать уже первоначальному переводу, или же только списку. Рѣшить это трудно, но, основываясь на общемъ впечатлѣніи списка, можно, кажется, отнести отсутствіе этихъ архаизмовъ на счетъ оригинала, т. е. предполагать, что этотъ переводъ моложе, хотя м. б. и не многимъ, перевода полнаго текста.

Т. о. въ славянской письменности мы имѣемъ: древній переводъ полнаго Никодимова ев. и два—краткаго, при чемъ старшій былъ рѣдокъ или былъ вытѣсненъ младшимъ. Но этимъ популярность Н. Е. въ славянской, по крайней мѣрѣ—въ русской, письменности не ограничилась: мы знаемъ еще второй видъ полнаго текста, который составилъ особенную редакцію, по редакцію уже не переводную, а такъ сказать доморощенную, славянскую, а м. б. даже и русскую только. Эта редакція представлена рукописями не древними, не старше XVI в.: это Ундольск. № 1109 и № 537 (этотъ даже XVII в.), Тверск. музея, № 30 (3101) и др.. Составъ всѣхъ этихъ рукописей, почти дословно совпадающихъ другъ съ другомъ, таковъ: заглавіе: **Воспоминаніе стрѣтїи га ншѣ їса хл, еже написа самъ никодн^м....**, т. е. обычное для греческой краткой редакціи; затѣмъ идетъ текстъ обычной греческой редакціи съ 1-й главы почти до конца 16-й, но съ конца—разница отъ обычной краткой редакціи. Привожу чтеніе этого мѣста разбираемыхъ списковъ параллельно съ обычной греческой и латинской редакціей.

Обычная греч.

И рече Аудинъ учитель: „пишетъ въ книгахъ—преставися Енохъ и не бысть его, яко взять его Богъ“. И рече Аиръ учитель: „святаго Моисея смерть слышахомъ, пишетъ бо о смерти Моисеови усты Господни, не увѣдѣ же никтоже гроба его до днесь“. И рече Леввиль учитель: „что есть, еже рече Симеонъ...“ (Пып. 101).

Ундольск. № 1109.

и рѣ аѣдннѣ зѣтль. пишѣтѣ въ книгахъ. іако бѣтвеннѣи енохъ възлюбнса бѣгъ и възлѣ его словѣмъ бѣжнѣ. и бѣжнѣи моисеа грѣ не ѡбрѣтѣса. и нѣль прѣрка не бы смѣрть и зобрѣтена....

Тогда Анна и Канифа рекоста: законъ нашъ дръжить, въ оустѣхъ двою или трехъ послоусяхъ всако слово стонтъ; обауе се реуемъ, іако же блаженнѣи Енохъ возлюбленъ бысть Богоу, и възеть юсть словомъ божиємъ и блаженаго Моисеа нмѣже (ошибка, слѣд. гробъ) ³²⁾ не обрѣтѣсе, и Илия пророка смѣрть не бысть обрѣтена (Стојан., стр. 106).

Мы видимъ, что слова: и рѣ... книга^х, списка № 1109 принадлежать греческой редакціи, а остальное уже латинской, съ той разницею только, что слова эти оказались отнесенными къ лицу Адды (*Ἀδδᾶς ὁ Βουδῆμ*, *Abudem*) (котораго вовсе нѣтъ въ этой редакціи въ этомъ мѣстѣ), тогда какъ въ подлинникѣ эти слова принадлежать Аннѣ и Каиафѣ. Такимъ образомъ, мы видимъ въ этомъ мѣстѣ переломъ, выразившійся въ нѣкоторомъ искаженіи текста. Далѣе идетъ текстъ уже потому самому переводу съ латинскаго, который разобранъ выше ³³⁾. Но въ концѣ опять отличіе

³¹⁾ Я ихъ не привожу въ виду того, что текстъ печатается цѣликомъ въ Приложеніяхъ.

³²⁾ Соф. и бѣжнѣи монси не ѡбрѣтѣса = et beati Moysi sepultura non invenitur (Thilo, p. 663).

³³⁾ Неизвѣстно, почему Ю. И. Поливка опредѣлялъ эту редакцію такъ: списки этой редакціи (у него U₁ и U₂)

труды 8-го археол. съѣзда въ москвѣ 1890 г. т. II.

отъ оригинала: латинскіе тексты и переводъ ихъ имѣютъ въ концѣ „Посланіе Пилата“, въ разбираемыхъ же текстахъ его нѣтъ: они заключаются 27-й главой, при чемъ конецъ главы, очевидно, изъ желанія округлить окончаніе текста, передѣланъ, но неискусно. Вотъ параллельное чтеніе обоихъ текстовъ:

Софійскій.

Ундольск. № 1109.

Ѳко тако носнѣ и никодимъ сповѣдасте кнѣзю. и самъ пилатъ писа всѣмъ. Ѳже створена. и сповѣдана сѣтъ ѡ гѣ іса и ѡ жидовѣ. и положи всѣмъ словеса въ явленыхъ книгахъ. и потомъ самъ пилатъ посла книги в градъ римскыи (далѣе „Посланіе“) (ср. Стојан., стр. 119).

сіа всѣмъ кѣ исповѣдана соупѣ ѡ юдѣи и в сонницѣхъ. Ѳко тако никодимъ и носнѣ исповѣдаста намъ ѡ хѣ ісѣ гѣ нашѣ. (Далѣе обычное: „ему же слава и держава...“).

Т. о., самый составъ этой редакціи показываетъ, что составлена она уже изъ готовыхъ переводовъ разнаго происхожденія. Этимъ объясняется, почему она не совпадаетъ ни съ однимъ изъ иноземныхъ текстовъ. Изъ того же видимъ, что эта редакція создалась на славянской и, м. б., даже на русской почвѣ; въ пользу послѣдней до извѣстной степени говоритъ тотъ фактъ, что до сихъ поръ не встрѣтилось не-русскихъ текстовъ этой редакціи. Почему же возникла эта редакція, сказать опредѣленно трудно. Надо полагать, что причина появленія этой редакціи—большая популярность краткой греческой редакціи сравнительно съ полной. Дѣло, повидимому, было такъ: полная редакція не была частымъ явленіемъ въ старой русской письменности (это отчасти подтверждается небольшимъ количествомъ списковъ этой редакціи, дошедшихъ до насъ), тогда какъ краткая редакція была гораздо популярнѣе (что опять таки отразилось на количествѣ дошедшихъ рукописей ея); съ другой стороны вторая часть полной редакціи представляла крупный интересъ для стараго книжнаго чловѣка въ виду содержанія ея: на тему о сошествіи Христа въ адъ у него были и „Огласительное слово“ Іоанна Златоуста, и слово Евсевія Александрійскаго на великій пятокъ, и Епифанія Кипрскаго на великую субботу³⁴⁾: всѣ они говорятъ о сошествіи Христа въ адъ, но ни одно не даетъ такой полной, такой яркой картины этого событія, какъ ев. Никодима. Это могло быть мотивомъ для присоединенія къ уважаемому писанію—греч. ред. Никодимова ев.—интереснаго сказанія—второй части латинской редакціи; т. е. при выборѣ полного разсказа о страстяхъ, предпочтеніе компиляторъ отдалъ отдѣльному переводу греческаго текста передъ аналогичнымъ, менѣе популярнымъ, переводомъ полной редакціи. Т. о., м. б., и возникла смѣшанная редакція; время ея возникновенія, судя по рукописямъ, относящимся только къ XVI в., опредѣлить трудно; но приблизительно можно сказать, что это случилось едва ли позднѣе XV в., потому что въ слѣдующемъ вѣкѣ мы находимъ еѣ внесенной въ такой уважаемый сборникъ поученій, какимъ былъ „Златоустъ“ (таковъ сп. Унд., № 1109), куда попадали статьи, такъ сказать, уже заслужившія себѣ болѣе или менѣе почетъ въ литературѣ.

Какъ и въ иноземныхъ литературахъ, такъ и въ славянской старой Ник. ев. рѣдко попадалось въ одиночку: его весьма часто сопровождаютъ другія писанія, дополняющія или закругляющія весь циклъ сказаній о крестной смерти Спасителя. Такъ, не разъ уже приходилось го-

„распространены по другому младшему переводу съ латинскаго оригинала“ (Časop. 1891, str. 95). Какъ мы видимъ, этотъ переводъ вовсе не младшій. Да и самъ Поливка, разбирая полную редакцію (см. выше, прим. 6), приводитъ примѣры starobylosti překlada (стр. 440).

³⁴⁾ Изданы И. Я. Порфирьевымъ въ „Апокр. сказан. о новозав. лицахъ и событіяхъ“ (Спб. 1890), стр. 204 и 214. Сюда же относится и отмѣченное И. Я. Порфирьевымъ „Слово святыхъ апостолъ иже отъ Адама во адъ къ Лазарю“ (Пам. Стар. лит. III, 11—12). Сербскій текстъ слова Евсевія изданъ въ „Гласникѣ“, кн. 63, стр. 78 и сл.

ворить о „Посланиі Пилата“, обычно присоединяемомъ къ Ник. ев. обѣихъ редакцій. При полной редакціи этимъ „Посланиемъ“ и заканчивается циклъ, при краткой же часто продолжается новыми прибавленіями: за „Посланиемъ“ идетъ сказаніе о смерти Пилата (*Παράδοσις Πιλάτου*) или сказаніе о путешествіи Марѳы въ Римъ съ жалобой на Пилата; иногда сюда же входитъ и „Посланіе Тиверія кесаря къ Пилату“, т. е. отвѣтъ на „Посланіе Пилата“. Т. о. получается довольно полный циклъ, въ которомъ излагается судьба всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся лицъ, играющихъ роль въ Ник. ев.. Наконецъ къ этому же циклу примыкало иногда сказаніе объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ (т. н. *Ἐπιτίμησις τοῦ Ἰωσήφ*), которое, впрочемъ, далеко не такъ тѣсно связано съ Н. е., какъ другіе перечисленные тексты: оно самостоятельно, отъ лица Іосифа, рассказываетъ, но иначе нѣсколько, о крестной смерти Спасителя и о спасеніи Іосифа Аримаѳейскаго ³⁵).

„Посланіе Пилата“ (*Ἀναφορά Π.—Epistola P.*) встрѣчается не только въ соединеніи съ Ник. ев., но входитъ въ составъ и другихъ памятниковъ и попадаетъ самостоятельно, поэтому „Посланіе“, содержащее въ себѣ такъ сказать конспектъ Н. е., было памятникомъ, раздѣлявшимъ популярность вмѣстѣ Никод. ев. Такимъ образомъ, мы можемъ и здѣсь различать нѣсколько редакцій. Во первыхъ, мы встрѣчаемъ при старой латинской редакціи во всѣхъ извѣстныхъ текстахъ присоединеннымъ „Посланіе“: оно было переведено вмѣстѣ съ самимъ евангелиемъ и, ясно, должно восходить къ тому латинскому тексту, который мы находимъ въ cod. Einsidlensis (Thilo, p. 796—800). По составу эта редакція принадлежитъ къ такъ называемымъ краткимъ между иноземными текстами. Точно такого же происхожденія и вторая редакція, входящая въ составъ греческой редакціи Ник. ев.: она переведена точно также съ греческаго и по составу относится къ болѣе полнымъ текстамъ „Посланиа“. Встрѣчаемъ „Посланіе“ и отдѣльно отъ Никодимова ев., но чаще въ соединеніи съ *Παράδοσις*. По составу эта редакція, не совпадая ни съ ред. А. (Тишенд.), ни съ В., все-таки ближе къ послѣдней ³⁶), къ которой присоединяется и въ греческихъ текстахъ *Παράδοσις* ³⁷). Третья эта редакція „Посланиа“ весьма близко подходитъ ко второй, но переведена была, надо полагать, независимо отъ нея: ея оригиналъ былъ полнѣе еще, нежели второй. Наконецъ четвертый, краткій текстъ „Посланиа“ встрѣчаемъ вставленнымъ (еще въ греческомъ текстѣ) въ апокрифическія „Дѣянія Петра и Павла“: на вопросъ Нерона о Спасителѣ, ап. Петръ предлагаетъ на судѣ прочесть донесеніе о Немъ Пилата; далѣе и слѣдуетъ „Посланіе“ ³⁸). Вмѣстѣ съ самыми „Дѣяніями“ текстъ *Πосланиа* былъ переведенъ съ греческаго. Въ эти „Дѣянія“ вошелъ, еще въ греческой письменности, тотъ краткій видъ „Посланиа“, который въ латинскомъ переводѣ былъ присоединенъ къ полнымъ текстамъ Ник. ев. ³⁹). Т. о. мы имѣемъ въ славянской письменности одну краткую редакцію *Πосланиа* въ двухъ переводахъ, латинскаго и греческаго. Кромѣ того, такъ какъ „Дѣянія ап. Петра и Павла“ дошли

³⁵) Эта статья непосредственно слѣдуетъ (л. 157 об. — 166) за Ник. ев. въ единственной извѣстной рукописи (Карловцы, Патриаршая библиот., инв. № 3473); издана Даничинымъ въ *Starinach IV* (1872), 149—154. Ср. М. И. Соколова. Матеріалы и замѣтки (М. 1888), стр. 207—210.

³⁶) Ближайшимъ является текстъ, изданный у Thilo.

³⁷) Рум. Муз., № 358. Таковъ же текстъ, изд. А. Н. Пыпинымъ въ „Пам. стар. лит.“ III, 106 и сл. Изрѣдка попадаетъ *Ἀναφορά* и отдѣльно: таковъ русскій текстъ XVI в. (Ундольск., № 1254, л. 3—6 об.), представляющій нѣкоторое искаженіе. Даничиный (*Starine IV*, 130) сообщаетъ, что онъ видѣлъ текстъ „Посланиа“ на пергаментѣ XIV или XV в. Такой (м. б, этотъ самый?) текстъ есть въ Бѣлградск. народн. библиот. № 305 (л. 10 об.—13); текстъ издается въ Приложеніяхъ.

³⁸) Греч. текстъ у Tischendorf'a—„Acta apostol. apocr.“, p. 16—18. Слав. переводъ у А. Н. Понева „Библиогр. Мат.“ XV—XIX, стр. 11 и 28.

³⁹) Въ этомъ видимъ доказательство, что краткій греческій существовалъ когда-то отдѣльно, но исчезъ, давши существованіе латинскому переводу; т. о. этотъ послѣдній, весьма древній, сохранилъ древнѣйшую редакцію „Посланиа“ (см. Tisch. De orig. et usu, p. 26).

дѣ насъ въ двухъ переводахъ, сдѣланныхъ съ разныхъ редакцій греческаго текста, эту греческую редакцію мы имѣемъ въ двухъ переводахъ ⁴⁰⁾.

Продолженіемъ разсказа о событіяхъ, относящихся къ этому же циклу, служитъ *Παράδοσις Πιλάτου*; поэтому онъ и присоединяется въ большинствѣ случаевъ къ Никодимову ев. послѣ „Посланія“ ⁴¹⁾, или же встрѣчается вмѣстѣ съ „Посланиемъ“ отдѣльно отъ евангелія ⁴²⁾. Въ качествѣ же самостоятельной статьи *Παράδοσις* встрѣчается довольно рѣдко въ славянскихъ текстахъ; мы его встрѣчаемъ отдѣльно подъ заглавіемъ: **Сѣво ктоꙋ. сѣѣа нлѣн ѿ соудѣ тиверѣа црѣа. ꙗ ѿ смрѣти пилатовѣ. н ѿ плененіе нѣодѣнсте** (рук. Унд. № 1214, л. 238—240; сборн. 1541 г.). Переводъ „Преданія и смерти Пилата“ сдѣланъ также съ греческаго; повидимому, греч. редакція отдѣльнаго текста была отлична отъ той, какую мы находимъ при Никодимовомъ ев., т. е. устанавливается то же отношеніе, которое мы видѣли между текстами „Посланія“ при Н. е. краткой редакціи и отдѣльнымъ текстомъ; въ основѣ этого отдѣльнаго отъ Н. е. текста „Преданія“ съ „Посланиемъ“ лежалъ какой то особый текстъ, отличный отъ изданнаго у Тишендорфа (стр. 449) ⁴³⁾. Такимъ образомъ, мы можемъ предполагать существованіе *двухъ* переводовъ *Παράδοσις* α, сдѣланныхъ съ греческаго.

Къ этому же циклу относится, но рѣже встрѣчается вмѣстѣ съ Никодим. ев. еще одинъ памятникъ, это—„*Посланіе Августа Тиверія къ Пилату*“ ⁴⁴⁾. Сколько мнѣ извѣстно, „Посланіе“ это существуетъ въ одной только редакціи, какъ на греческомъ ⁴⁵⁾, такъ и на славянскомъ; этотъ послѣдній передаетъ такъ близко греческій текстъ, что сомнѣнія относительно оригинала быть не можетъ. По содержанію текстъ захватываетъ болѣе, нежели дано въ заглавіи: кромѣ отвѣтнаго писанія Тиверія, сообщаются въ краткой формѣ свѣдѣнія о судѣ надъ Іудеями и Пилатомъ и о смерти его: Анна, зашитый въ кожу и повѣшенный на солнцѣ, умираетъ, а Пилатъ, запертый на каменный столпъ, убитъ случайно на охотѣ самимъ кесаремъ. Т. о. этотъ разсказъ представляетъ вариантъ къ *Παράδοσις* γ.

Новое видоизмѣненіе той же темы представляетъ разсказъ о *путешествіи въ Римъ Маріи, сестры Лазаря* ⁴⁶⁾. Еще рѣже, еще меньше связанъ онъ съ цикломъ Никод. ев.. По самому своему началу (**По вознесеніи Господа нашего Ісуса Христа...**) „Слово“ показываетъ, что оно самостоятельно разсказываетъ событія: это начало прямо даетъ свою самостоятельную хронологію и въ этомъ отношеніи совпадаетъ съ обычнымъ началомъ отдѣльныхъ памятниковъ, каковы, напр., апокрифическія „Дѣянія апостоловъ“: этими же словами начинается „Мученіе ап. Филиппа“, „Страданіе ап. Марка“ и т. д. ⁴⁷⁾. Разсказъ, сообщаемый этимъ Словомъ, легко могъ войти въ кругъ памятниковъ, группирующихся около Никодимова еванг., потому что онъ, подобно *Παράδοσις* γ, разсказываетъ про кончину Пилата и передаетъ эпизодъ о смерти Пилата (ангелы берутъ его главу на небо), руководясь тѣмъ же источникомъ, что и *Παράδοσις*. Съ другой стороны, онъ даетъ много точекъ соприкосновенія съ „Письмомъ Тиверія“, напр., въ концѣ разсказа: только здѣсь на охотѣ кесарь убиваетъ, но совершенно также случайно (гонясь за оле-

⁴⁰⁾ См. А. Попова „Библиогр. мат.“ XV—XIX, 44—46. О „Посланіи“ см. также: Ю. Поливки о. с. р. 100 (Сазор. 1891).

⁴¹⁾ Такъ, въ изд. А. Н. Пыпина (стр. 103) и Даничича (стр. 147).

⁴²⁾ У А. Н. Пыпина, стр. 107.

⁴³⁾ См. Унд., № 1085; ср. Ю. И. Поливка, о. с. р. 100.

⁴⁴⁾ Переводъ рук. Унд. № 1254, л. 7—9 и гр. Уварова № 1802 (225). Въ обѣихъ рук. онъ слѣдуетъ за „Посланиемъ Пилата“.

⁴⁵⁾ Греч. текстъ: *Birchii Auctuarium codicis apocryphi N. T. Fabriciani* (Napliae, a. 1804), p. 172—175.

⁴⁶⁾ „Слово, како осуди Марѣа Пилата предъ царемъ Кесаремъ“. Изданія: А. Пыпинъ, о. с. п. 104: *Polivka* „Opisi i izvodi“ XII (Starine, kn. 24), стр. 73 (отд. отт.) (сербскій текстъ XVII в.), и 82 (болгарскій текстъ XV в.), 87 (рус. текстъ); *Новаковичъ* „Bugarški sbornik prošlog vieka“ (Starine VI, 45).

⁴⁷⁾ А. Поповъ. „Библ. мат.“ XV—XIX, стр. 32, 33 (Соборникъ бѣлорусскій).

немъ) не Пилата, а Каиафу, т. е. въ основѣ обоихъ рассказовъ опять таки одинъ источникъ, но на этотъ разъ различно примѣненный. Наконецъ, съ самимъ Никодимовымъ еванг. это „Слово“ связывала личность самой Марѣы, которую очень раннее преданіе (оно встрѣчается также у Петра Коместора и Гервасія) отождествляло съ Вероникой, той кровоточивой женой, которая явилась (гл. VII) свидѣтельницей въ пользу Христа въ Ник. ев.. Черезъ это же имя „Слово“ становится въ связь съ цѣлымъ другимъ цикломъ легендъ—о нерукотворенномъ образѣ; въ „Словѣ“ же находимъ аналогію и въ содержаніи: подобно легендѣ о нерукотворенномъ образѣ, и здѣсь кесарь исцѣляется при содѣйствіи Марѣы⁴⁸⁾. На западѣ и у славянъ западныхъ роль этого „Слова“ замѣнили уже болѣе развитыя легенды, т. н. *Cura sanitatis Tiberii* и *Vindicta Salvatoris* (Tisch., 471)⁴⁹⁾. Что касается оригинала этого „Слова“, то до сихъ поръ онъ мнѣ остается неизвѣстнымъ.

Наконецъ, въ этотъ же циклъ сказаній о крестной смерти Спасителя, какъ было упомянуто выше (стр. 51), включается т. н. *Υφήγησις τοῦ Ἰωσήφ* = **Повѣсть Іосифа благообразнаго иже и тѣло Господа нашего Іисуса погребе, еже быше прѣжде распетіа Христова и иже потомъ видѣ**⁵⁰⁾. Это памятникъ—рѣдкій и у насъ, и въ иноземной литературѣ: извѣстенъ онъ только по греческому тексту, найденному впервые Birch'омъ въ рукописи 1315 г., гдѣ статья помѣщена между Никодимовымъ ев. и Посланиемъ Пилата съ „Преданіемъ“ его⁵¹⁾. По сравненію съ греческимъ текстомъ нашъ переводъ представляетъ нѣкоторыя интересныя особенности: совпадая въ общемъ съ изданными текстами, славянскій переводъ въ частности даетъ отклоненія: съ одной стороны это небольшіе пропуски фразъ, съ другой стороны это дополненія, которыхъ набирается довольно много, и такая передача текста, которая заставляетъ по характеру своему предполагать иное въ этомъ мѣстѣ и греческое чтеніе, нежели намъ извѣстно по дошедшимъ текстамъ. Приведу нѣсколько примѣровъ на каждую категорію особенностей.

а) Всѣ пропуски (ихъ немного) носятъ такой характеръ, что показываютъ только плохую сохранность дошедшаго до насъ списка и должны быть отнесены не на долю греческаго оригинала, а, скорѣе, переведеннаго уже текста, напр.:

реуе она нмь: потрѣпите уѣда, и законъ да обрѣцетсе и светын праздникъ да съквршнтсе. Аньна же и Каіафа даше мьздоу Іоуде и навадше его: видѣхъ Іисуса... (стр. 150).

наслѣдіе емоу (т. е. діаволу) быти доуши моен. видѣ (слѣд. видѣдоу) бо како діаволь радѣюущнсе доушоу его пріеть.

εἶπεν αὐτοῖς ἐκεῖνη Ἐπιμείνατε, τέκνα, καὶ τὸν Ἰησοῦν τοῦτον ἀπολέσωμεν, καὶ ὁ νόμος εὐρίσκεται καὶ ἡ ἐορτὴ ἡ ἀγία ἐπιτελουμένη ἐπιτελεῖται. Λαθραίως δὲ ἔδωκαν Ἄννας καὶ Καϊάφας χρύσιον ἰκανὸν Ἰούδα τῷ Ἰσκαριώτῃ, λέγοντες· Εἰπέ, καθὼς προεῖπες ἡμῖν (al. om.), ὅτι οἶδα (м. б. ошибкой вм. εἶδον) τὸν νόμον κλαπέντα παρὰ τοῦ Ἰησοῦ (Сар. II, § 2).

κληρόνομον γενέσθαι τῆς ψυχῆς μου ὡς τοῦ ἐξ εὐωνύμων κρεμαμένον. θεωρῶ γὰρ πῶς ὁ διάβολος χαίρων τὴν ψυχὴν αὐτοῦ λαμβάνει (Сар. III, § 3).
Понятно только при греческомъ текстѣ.

⁴⁸⁾ Съ этой стороны разсматриваетъ „Слово“ въ связи съ другими легендами о нерукотворенномъ образѣ I. Polívka „Drobné přispěvky literárně-historické“ (Praha, 1891), стр. 8—23.

⁴⁹⁾ О нихъ—ниже въ главѣ о западнослав. апокриф. евангеліяхъ.

⁵⁰⁾ Starine VI, 149. Въ заглавіи текста прибавлено: „Повѣсть *δρυαα*“; этимъ присоединена она къ предшествующему непосредственно Никодимову евангелію; см. прим. 35.

⁵¹⁾ *Birchii* Auctuarium, p. 183 sq.; см. H. Omont „Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la bibl. nationale“ I, p. 135. Tischendorf. для своего изданія могъ найти только еще три текста, изъ коихъ только одинъ XII в., другіе два XV-го (Proleg. LXXXI—II, 459 и сл.).

и се не бысть телъсе днзъмасака внсецаго одесные страны їнсоусова креста.

τοῦ δὲ ληστοῦ τοῦ ἐκ δεξιῶν οὐχ εὐρέθη τὸ σῶμα· τοῦ δὲ ἐξ εὐωνύμων ὡσπερ δράκοντος ἰδέα, οὕτως ἦν τὸ σῶμα αὐτοῦ.

По смыслу текста мы прямо ожидали этой антитезы.

б) Текстъ даетъ рядъ совершенно своеобразныхъ чтеній, передающихъ вполне правильно мысль текста греческаго изданнаго.

Юуда реуе къ нимъ (т. е. Іудеямъ): нъ да не оувѣсть весь народъ, ꙗко азъ къ навѣщахъ на сен съвѣтъ, вѣсте бо ꙗко нѣсть оугодно народу да Інсоуса оудръжитъ кто, понѣже нмають его пророка велнка. да нынѣ молю вы, оутантесе и оумльунте, да оутолнмъ народъ, а по семь азъ оугоднвнши врѣмѣ особьно н нмѣте Інсоуса (стр. 150—151).

ὁ Ἰούδας εἶπεν αὐτοῖς· Μὴ πᾶν τὸ πλῆθος γινῶ ὅτι ἐγὼ ὑφ' ὑμῶν ἐπεδιδάχθην τοῦτο κατὰ τοῦ Ἰησοῦ προᾶξαι· ἀλλὰ ἀπολύσατε τὸν Ἰησοῦν, καὶ γὰρ πείθω τὸ πλῆθος ὅτι ταῦτα οὕτως ἔχει· (Сар. II, § 2).

Мотивировка требованія Іуды и предложеніе его—улучить время „особьно“—вполнѣ оправдываются и послѣдующимъ изложеніемъ и тѣмъ, что было сказано ранѣе: да тькмо оугоднши врѣме, егда боудеть Інсоусъ бѣзь народа (гл. I, § 3; передано также своеобразно). Далѣе весь конецъ главы переданъ своеобразно, такъ что съ греческимъ совпадаютъ отдѣльныя фразы, да и эти фразы идутъ не въ томъ порядкѣ, что въ греческомъ, между тѣмъ стройность разсказа не нарушена: Іуда еще въ храмѣ требуетъ себѣ для помощи солдатъ (въ греч. уже въ вечеръ преданія) и передъ отправленіемъ беретъ сребреники. Также кратко и стройно передано и начало третьей главы: н въ петькѣ здоутра ведоше его н прѣдше н Пилату нгемону, н осоуднвше распеше его, н два разбонника съ нимъ (стр. 151; ср. Тишенд., стр. 464).

в) Рядъ дополненій также интересенъ: иногда носятъ они характеръ какъ будто глоссы, перенесенной съ поля въ текстъ (м. б. еще греческій): **Сіе глаголы мольбные къ Ісоусоу нзрѣуе Днзъмась разбонникъ, понѣже по прѣложеню его благомоу н по оусрьдоу н ѿтврзостъсе емоу оун доушевннн и зрѣше танны страшные бывшее о Інсоусъ** (стр. 152). Ясно, что это (особенно вторая половина) не что иное, какъ объясненіе рѣчей благочестиваго разбойника; подобная глосса могла быть и въ греч. подлинникѣ; мы раньше находимъ такую же глоссу, соответствующую греческому: **благороднын сыне, оуслыши насъ** (въ греч. послѣдняго нѣтъ), **ѿтврата бо бѣше... ..послѣдствоуеъ емоу** (стр. 150; Тиш. 460)⁵²). Другой рядъ дополненій—прибавки, весьма понятныя и могшія быть въ греческомъ текстѣ, каковы, напр., слова Христа на крестѣ и възва Інсоусъ глаголе: **ельло, ельло лнма савахътани, еже есть... сын Плію зоветь...** (стр. 151); **Н отвѣщавъ разбоннику хоуещомоу... праведника** (стр. 152); **Сіа рекъ къ разбоннику Інсоусъ пакы възва гласомъ веліемъ глаголе: авьва вадахъ еквзоунль, еже есть: отъуе къ роуцѣ твои прѣдаю доухъ мон** (стр. 153). Это все подробности смерти Христа, м. б. взятая изъ каноническаго Евангелія, но едва ли славянскимъ интерполяторомъ: эти подробности интересны и для оригинала, закругляя и дополняя изложеніе этого важнаго въ разсказѣ эпизода.

Эти примѣры во всякомъ случаѣ показываютъ, что мы въ славянскомъ текстѣ должны видѣть не маловажный источникъ для реконструкціи греческаго. Но пока мы имѣемъ только одинъ и то далеко не исправный сербскій списокъ, точное опредѣленіе значенія его для общей исторіи текста будетъ затруднительно. А между тѣмъ другіе списки были: это доказываетъ разсматриваемый списокъ: онъ восходитъ къ болгарскому, намъ неизвѣстному списку; на болгарскій прототипъ его указываютъ болгаризмы сербскаго списка: **хоште, повельвае=хошѣ, пове-**

лѣваж (т. е. л в м. ж) (стр. 156) = *θέλω καὶ κελεύω*; **ѡтъ Галн(лѣ)ю** (стр. 149, обратный случай), **творѣше, отьгонѣши, дѣлеса** и т. п. Текстъ, повидимому, сохранилъ остатки старины такого же времени, какъ и предшествующее ему Никод. евангеліе: языкъ, архаизмы въ обоихъ текстахъ почти одинаковы.

Наконецъ послѣднимъ текстомъ аналогичнымъ, но не связаннымъ органически съ Никод. ев., является у насъ статья: „*Что есть црква, что ли есть олтарь*“... Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить между прочимъ отрывокъ изъ Никодимова евангелія. Онъ оказался переведеннымъ и на славянскій вмѣстѣ со всей статьей. Имъ дополняется кругъ знакомства съ текстами Н. Е. въ нашей старой письменности. Привожу цѣликомъ этотъ отрывокъ по сербской рукописи проф. П. Сречковича (въ Бѣлградѣ), XVIII вѣка, и къ нему греческій № 131 Мюнхенской бібліотеки (л. 50²) ⁵²).

Въпросъ. Что есть црква? что ли есть олтарь? что ли есть света трапеза? что ли есть срѣда цркви? что ли есть аналогъ и діакъ, иже канонархуетъ?

Отвѣтъ. Црква есть домъ божен, и самъ Христосъ есть на светымъ блюдѣ; олтарь есть гробъ божей; свѣщце есть воины, стрегуще гробъ; кадильница есть масло и аромати, иже принесоме мирносици на гробъ божен да помажутъ Господа нашего Исуса Христа; аналогы есть камень гробни; діакъ, стоючи (sic) при аналогы канонархати, то есть ангель, сѣдещи на камени, проповѣдаючи въскрсеніе Господне.

Яко и курсоръ, его же имѣаше Пилать възлюбленна, егда еху Іудеие Господа и повѣдаху Пилату, Христосъ бѣ надалече милна мѣста. Пилать посла курсора, рече: иди, призови, да приведуть Христа ко мнѣ. Курсоръ изъшѣдше, яко имѣаше разумъ и при niche къ земли прѣдъ Пилатомъ и въкуси землю лькко глаголаше: „Господи Исусе Христе, прииди, призиваешь те Пилать“. И виде Пилать и рече: „о курсоръ, почто тако глаголеши: Христосъ есть на далече милна мѣста. Како ти глаголеши?“ Тьгда курсоръ рече: „о господи, аще и надалече есть, нь все видитъ и все слышитъ и въ безднѣ видитъ и въ пустинѣхъ видитъ и въ сии часъ съ ангели глаголетъ“. Пилать рече: „где увидѣлъ еси его?“ Курсоръ рече: „господи, егда видѣхъ его гредуща на

Διατί ἐκκλησία καὶ διατί βῆμα, καὶ διατί καγκελόνη, καὶ διατί τραπέζα, καὶ διατί βωμός, καὶ διατί ἄμβων, καὶ διατί εἰλητόν, καὶ διατί [τὰ] ῥιπίδια.

Ἀποκρισις. Ἡ μὲν ἐκκλησία ἐστὶν οἶκος τοῦ θεοῦ· τὸ βῆμά ἐστι τὸ μνημα τοῦ κυρίου, ἡ τραπέζα τοῦ τάφου ἢ ἀσφάλησις, ὁ δὲ βωμός ἐστὶν ἡ σινδὼν ἢ ἀγορασθεῖσα παρὰ τοῦ Ἰωσήφ, τὰ κάγκελλά εἰσὶν οἱ τὸν τάφον τοῦ κυρίου φυλάσσοντες στρατιώται, ὁ δὲ ἄμβων ἐστὶν ὁ ἀποκλισθεὶς λίθος ἐκ τῆς θύρας τοῦ μνημείου, ὁ δὲ ψάλλον διάκονος ἐν τῷ ἄμβωνι ὁ ἐπάνω τοῦ λίθου καθεζόμενός ἐστιν ἄγγελος καὶ κηρύσσων τὴν ἀναστάσιν, τὸ δὲ εἶλη δηλοῖ, ὅτε ἀπέστειλεν ὁ Πιλάτος τὸν κούρσωρα καλέσαι τὸν Ἰησοῦν πρὸ τοῦ βήματος, καὶ ὁ κούρσωρ ἐξελθὼν τὸ φακεόλιον, ὃ κατεῖχεν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ, ἤπλωσεν ἐπὶ τῆς γῆς καὶ εἶπε· κύριε, ὧδε περιπάτησον καὶ εἴσελθε ἐπὶ τοῦ βήματος· ὁ ἡγεμὼν σε καλεῖ. καὶ προσκαλεσάμενος ὁ Πιλάτος τὸν κούρσωρα εἶπε· τί τοῦτο ποιήσας; καὶ ἀποκριθεὶς ὁ κούρσωρ εἶπεν· ὅτε με ἀπέστειλας εἰς Ἱεροσόλυμα πρὸς Ἀλέξανδρον, εἶδον αὐτὸν ἐκεῖ καθήμενον ἐπὶ πώλου ὄνου, καὶ παῖδες τῶν Ἑβραίων ἔκοπτον κλάδους ἀπὸ τῶν δένδρων, ἄλλοι δὲ ἐστρώννουσαν τὰ ἱμάτια αὐτοῦ (sc. αὐτῶν) ἐν τῇ ὁδῷ καὶ ἔψαλλον τὸ ὠσάννα. καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Πιλάτος εἶπε· καὶ σὺ Ἕλληνων, πόθεν ἐπιγινώσκεις τὸ τί ἐρμηνεύεται τὸ ὠσάννα; καὶ ἀποκριθεὶς ὁ κούρσωρ ἔφη· τὸ ὠσάννα ἐρμηνεύεται ὠσον ἡμᾶς, υἱὲ θεοῦ, ὁ ἐν τοῖς ὑψίστοις. λέγει ὁ Πιλάτος· πόθεν αὐτὸ οἶδας; ὁ δὲ κούρσωρ εἶπεν· ἄνθρωπον ἠρώτησα τῶν ἐκεῖ καὶ ἐδήλωσέ

⁵²) Текстъ греческій здѣсь, видимо, испорченъ: *λέγουσιν αὐτῷ*, а самой рѣчи нѣтъ; ее замѣняетъ глосса.

⁵³) Литературу этого текста см. В. Мочульскаго „Слѣды народной библии“ (Одесса, 1893), стр. 138—140. Въ печатномъ текстѣ **Ѥ, Ѧ, ѧ** замѣнены для типографскихъ удобствъ чрезъ *e* и *o, y*.

ждрѣбети ослие въ Иерусалимъ, дѣтне еврѣйскыя крышуща (sic) вѣтвие постилаху ему и глаголаху: осанна, въ вишнихъ! Христось имъ все разумѣваше, иже имѣяху на срѣдци своимъ. Ту бо познахъ его, яко тыи естъ срѣдовѣць (sic)“. Пилать рече: „что естъ осанна въ вышнихъ?“ Курсоръ рече: „нѣкто (рече) мнѣ повѣсть: осанна естъ: спаси ни, Сине Божен!“

Пилать велми ужасесе ⁵⁴⁾ о рѣчехъ курсоровѣхъ. Пилать рече: „изиди, сътвори, яко же знаеши“. Пилать постави двѣ скуфтрѣ обѣ странъ себѣ съ стѣгови чръвени. Курсоръ изышедъ и виде Господа вьходяща ⁵⁵⁾ его въ дворъ Пилатовъ и принесе платно велико постлати прѣдъ Христомъ, постилающе и рече: „греди, владыко Господи, zde поступаи по платну“. И вьниде прѣдъ нимъ постилае ему. Сего ради діакъ прѣдъ попомъ съ свѣтилникомъ грѣдетъ. И егда Господь прииде прѣдъ Пилатомъ, тогда стегове покрываху Христа. Того ради нарѣкаютсе покровцы надъ светыхъ даровъ и покрывають тѣло Господа нашего Исуса Христа, яко тому подобаеть слава въ вѣкы. Аминь.

Приведенная редакція, какъ видимъ, естъ уже передѣлка (и притомъ плохая) первоначальнаго текста. Въ основѣ этого текста лежитъ въ греческой литературѣ, несомнѣнно, I-я глава Никодимова ев.. Т. о. вотъ еще одинъ путь, какимъ, помимо словъ о страсти Христовой, доходили къ намъ только изъ Никодимова евангелія ⁵⁶⁾.

Въ этомъ краткомъ обзорѣ мы можемъ себѣ представить до извѣстной степени ту группу переводныхъ памятниковъ, изъ которыхъ старая литература, рядомъ съ каноническими евангеліями, знакомилась съ легендами и апокрифами о страстяхъ Христовыхъ. Этимъ кругомъ опредѣляется, съ одной стороны широкое распространеніе и глубокий интересъ къ подобнымъ темамъ и открывается съ другой стороны поле для подражаній—вліянія этого цикла на туземную литературу.

Но этимъ кругомъ далеко не исчерпывается тотъ запасъ матеріала, на основаніи котораго созидалась туземная литература о страстяхъ: имъ до извѣстной степени опредѣляется только старшій періодъ нашей литературы—византійскій. Но съ началомъ новыхъ вѣяній, съ началомъ западнаго вліянія на нашу литературу, интересъ къ темамъ о страстяхъ не падаетъ: въ это время появляются переводы съ польскаго сочиненій о страстяхъ, появляются „Страсти“. Старая литература страстей мало-по-малу уступаетъ мѣсто новой, пришлой съ запада; т. о. „Страсти“ почти совершенно заглушаютъ въ литературнои обиходѣ старое Никодимово евангеліе, что было тѣмъ легче, что „Страсти“ цѣликомъ построены на томъ же Никод. ев., но уже болѣе

⁵⁴⁾ Ркп.—узашесе.

⁵⁵⁾ Ркп.—вьводеща.

⁵⁶⁾ См. прим. 34.

μοι τὸ τί ἐρμηνεύεται καὶ εἶπέ μοι οὕτως. καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Πιλάτος εἶπεν· ἔξελθε καὶ ὡς βούλει εἰσάγαγε αὐτὸν. καὶ εὐθέως ἔξελθὼν ὁ κούρσορ ἤπλωσε τὸ φακεώλιον ἐπὶ τὴν γῆν καὶ εἶπε· κύριε, ὧδε περιπάτησον καὶ εἰσελθε ἐπὶ τοῦ βήματος· καλεῖ σε ὁ ἡγεμών. κατ' ἐκεῖνον τοῖνον λοιπόν ἐστὶ τὸ εἰλητόν. τὰ δὲ ριπίδιά εἰσιν ὅτε εἰσῆρχετο ὁ Ἰησοῦς πρὸς τὸν ἡγεμόνα, ἔστησε ὁ Πιλάτος πρὸς τιμὰς (sic) τῶν σκήπτρων ἀνὰ ἕξ δεξιὰ καὶ ἀριστερά. εἰσερχομένου γὰρ τοῦ Ἰησοῦ πρὸς τὸν Πιλάτον, ἐκάμφθησαν αἱ τῶν σκήπτρων προτιμαὶ καὶ προσεκύνησαν αὐτῷ καὶ συνεισήλωσαν αὐτὸ (sic) ἕως τοῦ Πιλάτου. διὰ τοιοῦτο καὶ τὰ ριπίδια κάμωτα (? κάμωνα?) ἔχει καὶ ἀκολουθοῦσιν εἰς τὴν εἴσοδον καὶ ἔξοδον τοῦ ἁγίου σώματος καὶ αἵματος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ.

соотвѣтствуютъ вкусамъ и потребностямъ читателя XVI—XVII⁵⁷⁾. Этимъ объясняется, почему по мѣрѣ того, какъ „Страсти“ распространяются въ рукописяхъ, списки старыхъ евангелій становятся все рѣже и рѣже. Последнимъ временемъ процвѣтанія Никод. евангелія является XVI вѣкъ: къ нему относится значительная часть текстовъ Никод. евангелія.

Во всякомъ случаѣ можно съ опредѣленностью сказать, что апокрифическія евангелія больше уже не переводились съ наступленіемъ западнаго вліянія; да и трудно было бы ожидать, чтобы въ XV—XVI в. западная литература могла намъ передавать евангелія: въ ней уже давно они закончили свое самостоятельное существованіе, замѣнившись цѣлой богатой литературой, основанной на нихъ. Сосѣдняя Польша—главный проводникъ къ намъ западнаго вліянія—сама, кажется, уже не обладала переводомъ Никодимова евангелія: до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, подобнаго текста не найдено⁵⁸⁾. Она передавала намъ уже передѣлки Никод. ев., сочиненія, только восходящія къ нему, какъ къ первоисточнику.

Такимъ сочиненіемъ было, напр.: 'О оумуеніи пана нашѣ есу крста (Нач. Мзка пана нашего іу хѣ ѿ прѣворѣны жидовъ... Синод. биб. № 203—367; Горскій „Опис.“ II, 636). Сочиненіе это въ концѣ довольно близко передаетъ извѣстіе о Никодимѣ, какъ авторѣ Никодимова евангелія. Но, какъ совершенно вѣрно и осторожно отмѣтили составители „Описанія Синод. библ.“, „это извѣстіе собственно относится къ евангелію Никодимову“ (стр. 637). Дѣйствительно, это не евангеліе Никодима, а только рассказъ, основанный на немъ, какъ это доказалъ и проф. Брюкнеръ⁵⁹⁾. Это указываетъ и самый текстъ, который не разъ цитируетъ апокрифическое евангеліе (Описаніе, стр. 637). Съ какого языка сдѣланъ этотъ бѣлорусскій переводъ текста, сказать трудно: рядомъ съ полонизмами, которыми особенно изобилуетъ вторая рукопись (Спб. Публ. библ. Q. I, 391), мы встрѣчаемъ чистые латинизмы; всетаки больше шансовъ за польскій оригиналъ: во-первыхъ, число латинизмовъ сравнительно не велико; они могли быть и въ польскомъ текстѣ; во-вторыхъ, извлеченіе изъ этого перевода, присоединенное къ Хронографу 2-й редакціи⁶⁰⁾, озаглавляется: „Чюдаевъ переводъ съ полскихъ книгъ“...; наконецъ, въ упоминаемой ниже польской рукоп. 1544 г. возможно предполагать оригиналъ нашего перевода. Подобное же происхожденіе м. б. имѣютъ: „Пасья albo Гисторія о муцъ... и О снятіи съ крста тѣла Г. н. І. Х. презъ Никодима и презъ Іосифа“⁶¹⁾.

Изъ этихъ замѣчаній видимъ новое подтвержденіе популярности темы о страстяхъ Христовыхъ въ литературѣ. Поэтому надо ожидать сильнаго вліянія Ник. ев. и памятниковъ съ нимъ связанныхъ и аналогичныхъ на самостоятельную славяно-русскую литературу и искусство. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ цѣлые ряды произведеній того и другаго рода. Но здѣсь мы

⁵⁷⁾ Вопросъ о происхожденіи „Страстей“ не входитъ въ рамки моего изслѣдованія. Этотъ темный вопросъ попытался (и, кажется, не совсѣмъ удачно) разрѣшить Н. Булгаковъ въ Пам. Древн. Письм. 1878—79 г.

⁵⁸⁾ Есть извѣстное свидѣтельство кн. А. Курбскаго, относимое обыкновенно къ доказательствамъ существованія на польскомъ Ник. ев.: отвѣчая Вассіану Муромцеву, пославшему ему Ник. ев., князь пишетъ: „а повесть оную, называемую Никодимову, я прочиталъ... По истинѣ ложь есть сіе писаніе... Сіе лженісаніе я и прежде видалъ польскимъ языкомъ написано“ (Прав. Собѣс. 1863, ч. 1, 550). Весьма возможно, что Вассіанъ посылалъ ему, дѣйствительно, Никодимово евангеліе; но подразумѣвалъ ли Курбскій подъ польскимъ писаніемъ то же евангеліе, или какое-нибудь польское писаніе, напр., „Мукѣ гѣ нашего нсоус хѣ...“ (Синод., 367), сказать трудно. Имя Никодима есть не только въ Никод. евангеліи, но и въ сочиненіяхъ, на немъ построенныхъ. Думаю, что скорѣе надо объяснить слова Курбскаго именно во второмъ смыслѣ.

⁵⁹⁾ Archiv für sl. Phil. XI, Heft. II, S. 600. Владиміровъ („Францискъ Скарина“, стр. 37—38) отождествляетъ текстъ съ Н. Е.; см. слѣдующую главу, прим. 59.

⁶⁰⁾ Духов. акад. Спб. № 1428. См. статью Ю. И. Поливки, Časop. Mus. česk. 1891, str. 451. Здѣсь обстоятельно разсмотрѣнъ интересующій насъ текстъ.

⁶¹⁾ А. Н. Поповъ, „Обзоръ хронографовъ“ II, стр. 128 и сл.

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

опять встрѣчаемся съ тѣмъ же затрудненіемъ, что и въ области вліянія Первоевангелія: масса переводныхъ текстовъ, основанныхъ еще на своей родинѣ на Никодимовомъ евангеліи, популярность ихъ и наконецъ самый сюжетъ евангелія, такъ богато разработанный съ силу своего важнаго значенія въ христіанствѣ въ канонической, богослужебной и учительной литературѣ, — все это дѣлаетъ затруднительнымъ опредѣленіе вліянія именно апокриф. евангелія на другіе памятники литературы и искусства. Кромѣ того, изобиліе подобныхъ памятниковъ, кажется, не могло способствовать широкому развитію самостоятельнаго творчества; оно по своему количеству уже и разнообразію обработки могло давать удовлетвореніе поэтической и религіозной потребности народа. Дѣйствительно, обращаясь къ литературнымъ самостоятельнымъ памятникамъ, мы видимъ здѣсь много памятниковъ, трактующихъ о томъ же, о чемъ и Никодимово евангеліе, но всѣ почти они вращаются около немногихъ сюжетовъ и притомъ такихъ, которые даны уже съ достаточной полнотой изображенія въ церковной и канонической литературѣ. Такимъ образомъ здѣсь богатство произведеній выражается не разнообразіемъ темъ, а скорѣе количествомъ произведеній и разнообразіемъ обработки одной и тойже темы. Лучшимъ образцомъ подобнаго отношенія къ темѣ, сходной съ апокрифич. евангеліемъ, служитъ рядъ словъ на страсти и воскресеніе Христова ⁶²⁾ византійскихъ писателей и нашихъ витій. Богатыя фантастическія и грандіозныя картины сошествія Христа во адъ, находимыя въ апокрифич. евангеліи, извѣстны и нашимъ древнимъ проповѣдникамъ по словамъ І. Златоуста, Евсевія, Кирилла Александрійскаго и др. Нашъ Кирилль Туровскій, образованный на византійской проповѣднической литературѣ, точно такъ же, какъ и его образцы, даетъ тѣ же картины, комбинируя ихъ изъ тѣхъ же элементовъ, что и византійцы ⁶³⁾; но у него въ рукахъ уже богатый вторичный матеріаль въ видѣ трудовъ его учителей. Т. о. можно ли говорить, не имѣя прямыхъ указаній, о непосредственномъ знакомствѣ и зависимости Кирилла Туровскаго отъ апокрифическаго евангелія, напр., въ „Словѣ на св. Пасху въ свѣтоносный день воскресенія Христова“? Здѣсь, дѣйствительно читаемъ: „Предъ вчерашнимъ днемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ яко чело- вѣкъ распинаемъ бѣ, и яко Богъ солнцѣ помрачи и луну въ кровь преложилъ“ ⁶⁴⁾. Тоже прибавленіе о лунѣ (въ канонич. ев. (Лука XXIII, 44—45) ея нѣтъ) находимъ въ „Посланіи Пилата“: „абіе солнце въ полудне помрачися и тма бысть по всей земли.... и луна въ кровь преложися“ ⁶⁵⁾. Но изъ этого никакъ нельзя еще заключать о томъ, что это прибавленіе взято Кирилломъ изъ апокрифа: подобное представленіе въ сценахъ распятія въ христіанской литературѣ—общее, проникшее весьма рано и въ искусство, гдѣ оно могло возникнуть на основаніи текстовъ каноническихъ писаній, откуда могъ взять образъ Кирилль даже самостоятельно, какъ чело- вѣкъ, несомнѣнно, прекрасно знавшій, св. писаніе, напр., въ Дѣяніяхъ ап. (II, 20). Читаемъ: „Солнце превратится въ тьму, и луна въ кровь“ ⁶⁶⁾. Тоже можно сказать и о другомъ мѣстѣ того же Слова: „вчера съ Логгиномъ възвахомъ“ ⁶⁷⁾. Имя Логгина намъ извѣстно изъ Никодимова ев. и связанныхъ съ нимъ памятниковъ, но не изъ каноническихъ писаній. Но имя Логгина сотника весьма древне въ христіанской литературѣ: онъ причтенъ къ мученикамъ, ему составлена служба (она сохранилась въ спискахъ XII в.), имя внесено въ древнѣйшіе мѣсяцесловы, откуда могъ знать его и Кирилль ⁶⁸⁾.

⁶²⁾ См. выше стр. 106 и прим. 34.

⁶³⁾ См. М. И. Сухомлинова. „Рукоп. графа А. Уварова“ (Спб. 1858), т. II, вып. 1—введеніе.

⁶⁴⁾ П. Калайдовичъ „Памятники XII в.“ стр. 10.

⁶⁵⁾ А. Н. Пыпинъ „Памятн. стар. лит.“ III, 102.

⁶⁶⁾ Н. В. Покровскій „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“, стр. 368—369.

⁶⁷⁾ Калайдовичъ о. с. р. 17.

⁶⁸⁾ Покровскій о. с. р. 362.

Наконецъ тоже встрѣчаемъ и въ болѣе обширныхъ цѣльныхъ картинахъ Кирилла, сходныхъ съ Никодимовымъ евангелиемъ, напр., въ томъ же Словѣ: „яко Богъ ангельскими вои бѣсовскимъ силамъ въ твердыни ада прещаше, глаголя: възмѣте, врата, князи ваша, да внидетъ Царь славы. Но врата ада сокрушишася словомъ Его и веревы сломишася до основанія; сниде самъ Господь въ адъ и попра бѣсовское царство крестомъ и смерть умертви, и сѣдящія въ тмѣ видѣша свѣтъ, связаніи же ницетою и желѣзомъ разрѣшишася... Пророци же радостію ликуютъ,... глаголюще: наша убо пасха, за ны пожресе Христовъ. Гдѣ ти, смерти, побѣда? гдѣ ти, аде, жало?“⁶⁹⁾

Подобная же картина въ Словѣ на 3-ю нед. по пасхѣ: „не видимо съшедъ въ адъ связа сатану. Ангельская бо воинства съ нимъ текуще зъваху: възмѣте, врата, князи ваша, да внидетъ Царь славы! И ови съвязанныя душа рѣшаче отъ тьмницъ пушаху, друзіи же противныя силы вяжуще глаголаху: кдѣ ти, смерти, жало? кдѣ ти, аде, побѣда? Къ нимъ же оцепевъше бѣси въпяху: кто есть Царь славы, съ толикою на ны пришелъ властію? Погубилъ есть князя тьмы и вся его въсхытилъ съкровища, разби смертный градъ, адаво чрево, извоева плѣнники, иже въ съ Адамомъ съдѣ суцая грѣшныхъ душа“⁷⁰⁾. Первоисточникъ всѣхъ этихъ сценъ псаломъ XXIII и I Посланіе къ Кориню. (XV, 54—55)⁷¹⁾. Эти же источники были и у Никод. ев. (гл. XXI—XXIII), чѣмъ и объясняется это сходство. Но Кирилль не имѣлъ необходимости идти къ первоисточнику: у него уже былъ цѣлый рядъ греческихъ словъ на ту же тему, и одно изъ нихъ, именно огласительное слово I. Златоуста, какъ читаемое на пасхѣ въ церкви, несомнѣнно, было ему хорошо извѣстно, а съ нимъ-то Слово Кирилла и даетъ наибольшее сходство. Откуда же Златоустъ черпалъ свои образцы, изъ апокрифич. евангелія (что сомнительно, въ виду хронологическихъ соображеній) или изъ легенды какой либо, для насъ въ данномъ случаѣ не важно.

Въ подобномъ же отношеніи къ Никод. евангелію стоитъ и Кирилль Транквилліонъ, воспользовавшийся для изображенія событій не апокрифич. евангелиемъ (см. Еван. Учит. 1619 г. л. 119 и сл.), а словомъ Епифанія Кипрскаго, которое уже м. б. стоитъ въ связи съ Никодимовымъ ев.⁷²⁾

Обращаясь къ другимъ, менѣе церковнымъ памятникамъ, мы также должны быть очень осторожны, приурочивая памятникъ къ области вліянія Ник. ев.. Напр., въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ читаемъ: *Грѣгоріи рѣ, прободыи копіемъ га кто са слыша. Василіи рѣ лоугинъ. Василіи рѣ распятаа съ хомъ. кто са слыша или уто са сказа имени еію. Іоанъ рѣ иже одеснуію к раі. еже сказаѣтса сна. а и* ошзю его еста, еже сказаѣтса озе*ствіе*⁷³⁾. Въ позднихъ редакціяхъ правильнѣе: „Василій рече: Како имя разбойникомъ, которые со Христомъ были распяты? *Иванъ рече: Правому имя Агарь (Рахъ), а второму (шуму) Геста (Джмасъ)*“⁷⁴⁾. Эти всѣ имена извѣстны изъ Никодимова ев. (о Логгинѣ сказано выше); но нельзя думать, что эти вопросы, подобно многимъ внесеннымъ въ старую редакцію „Бесѣды“⁷⁵⁾, появились, благодаря знакомству съ Н. е. на славянской почвѣ: ихъ мы находимъ въ греческой „Бесѣдѣ“: *‘Ο δόσας λόγην τὸν κύριον τίς ἦν; Λογγίνος. — Οἱ συσταρωθέντες τῷ Χριστῷ λησταὶ πῶς ἤκουον; ὁ ἐκ δεξιῶν Δύσμας,*

⁶⁹⁾ Калайдовичъ, *ibid*, стр. 11. Подобныя, еще болѣе рельефныя мѣста, см. стр. 12, 66.

⁷⁰⁾ Кадайдов. *Ibid*. р. 38—39.

⁷¹⁾ Въ Посланіи же этотъ стихъ—цитата изъ прор. Осіи XIII, 14.

⁷²⁾ *Порфирьевъ*. „Апокрифич. сказанія о новозав. лицахъ“, стр. 38.

⁷³⁾ *Н. С. Тихонравовъ*. „Памятники отреч. литерат.“, II, 430. Въ той же редакціи и съ той же путаницей во второмъ вопросѣ (вм. *ѣта — глаа*) читается и въ изслѣд. *В. Мочульскаго* „Слѣды народной библіи“, стр. 94 (№ 22) и 95 (№ 23), 262 (№ 27).

⁷⁴⁾ *Н. С. Тихонравовъ*, *ibid.*, р. 435. Взятое въ скобки изъ списка изд. у *А. Н. Пыпина* „Пам. стар. лит.“, III, 170. Вотъ откуда объясняется имя *Рахъ*, которое затруднило *Н. В. Покровскаго* („Евангеліе въ пам. икон.“, стр. 367).

⁷⁵⁾ См. *Мочульскій*, о. с. р. 151 и сл.

καὶ ἐξ εὐαγγέλιον Γεύστα ⁷⁶⁾. Такимъ образомъ, если Ник. ев. и имѣетъ отношеніе къ славянской „Бесѣдѣ“, то только на столько, на сколько оно было источникомъ для греческаго текста „Бесѣдѣ“. Нельзя предполагать и того, что въ позднѣйшихъ редакціяхъ исправленіе стараго текста произошло подъ вліяніемъ Никодимова ев.: какъ показываетъ греч. текстъ, поздняя ред. только лучше, нежели старшая, сохранила текстъ.

Но есть и несомнѣнныя заимствованія изъ Никодимова евангелія, показывающія его популярность и въ то же время древность въ славянской литературѣ. Такимъ заимствованіемъ было сказаніе о Сиѣѣ, находящееся въ *Толковой Палей*; здѣсь самое заглавіе отрывка указываетъ на свой источникъ; *Ѡ сѣдѣніи стѣи трѣца* ⁷⁷⁾. Это, какъ мы видѣли, заглавіе стараго перевода полнаго вида Никодимова евангелія. Сличивъ отрывокъ Толковой Палеи съ XIX гл. евангелія, видимъ полное совпаденіе. Того же происхожденія, несомнѣнно, ссылка Хронографа 1-й редакціи (А. Поповъ, I, 137): „Дѣянїе святыя Троица: въ томъ глаголетъ Симеонова богопрїимца два сына восташа Каринъ и Лецеошъ и возвѣстиша сотворенная Христомъ во адѣ“.

То, что сказано было относительно книжной литературы, тоже можно сказать и объ отношеніяхъ Ник. ев. къ устной и книжно-народной словесности. Здѣсь, именно въ духовномъ стихѣ, находимъ цѣлый рядъ стиховъ о крестной смерти Спасителя, Его воскресеніи и вознесеніи. Всѣ эти стихи довольно однообразны по содержанию и во многихъ случаяхъ могутъ восходить не къ Ник. ев., а къ аналогичнымъ и сходнымъ съ нимъ то церковнымъ пѣснопѣніямъ, то церковнымъ поученіямъ. Но и въ нихъ, однако, можно иногда уловить связь съ Ник. ев.. Таковъ, напр., стихъ:

Со страхомъ мы, братіе,
Мы послушаемъ Божїя писанія,
Господнихъ страстей:
*Пророки пророчили за тысячу лѣтъ,
Другіе сказали за триста годовъ,
Рожденіе, мученіе Ісусу Христу.
Въ пятой тысячѣ, во пяти стахъ годахъ,
Во мартѣ во мѣсяцѣ, во послѣднихъ дняхъ.
На страшной недѣль во пятничннй день
Во святомъ градѣ Іерусалимѣ
Плакала ходила святая Дѣва....*
.....
У Божїей у церкви, у царскихъ дверей
На двое завѣса раздралася,
Древа къ дубровамъ приклонилися,
Камени на двое распадалися.
Рыданіе слезы услышалъ Господь:
Начали трястися небо и земля,
Солнце и мѣсяцъ не стали свѣтитъ
Отъ шестаго часа до девятаго.
*Со страху великаго и со ужасти
Жидове попадали ничкомъ на землю,
Въ неумѣ лежали четыре часа* ⁷⁸⁾.

⁷⁶⁾ Мочульскій, о. с. р. 94, 95.

⁷⁷⁾ Н. С. Тихомировъ. „Пам. отр. лит.“, I, 17—18 (по Синод. сп. 1477 г., № 210).

⁷⁸⁾ Вареницовъ. „Сборникъ духовныхъ стиховъ“, стр. 53—56.

Стихъ этотъ, если и основанъ на какихъ либо писаніяхъ каноническихъ и церковныхъ, но, кажется, дѣло здѣсь не обошлось безъ отдаленнаго хотя отзвука апокрифич. евангелія: на это наводитъ начало стиха (оно напечатано курсивомъ), этотъ хронологическій перечень годовъ и чисель, напоминающій начало Никодимова ев.; пророчества находимъ въ сценѣ, предшествующей сошествію Христа въ адъ (гл. XIX); конецъ стиха объясняется словами XVI гл. евангелія: „и падоша (іудейскіе первосвященники) на лица своемъ и быша яко мертви и не ядоша же и не пиша до самага вечера“.

Въ другихъ стихахъ находимъ сцены сошествія Христа въ адъ: откуда онѣ взяты, изъ апокрифическаго евангелія или изъ упомянутыхъ популярныхъ церковныхъ писаній, сказать трудно. Вотъ сошествіе Христа въ адъ:

Христось воскресь славно:
Онъ всѣхъ просвѣтилъ въ тьмѣ адской явно,
Извелъ оттуду Еву и Адама,
Всѣхъ своихъ вѣрныхъ, съ ними Авраама,
Разорилъ адъ по предѣлу,
Поправъ врага темну силу:
Всѣ свѣтъ той узрѣли,
Радостно воспѣли.
Земля и небо днесь купно играетъ,
Единъ только адъ прегорько рыдаетъ,
Что Господь славы идетъ горѣ съ лики
Въ радости шумной, аки бы съ музыки,
Идетъ ада разоритель,
Врага темна побѣдитель ⁷⁹⁾.

Вотъ еще эпизодъ, дополняющій картину:

Днесь адъ въздыхаетъ,
Діаволь рыдаетъ:
Погубилъ свое царство,
Надъ душами самовластво;
Прекрѣпко рыкаетъ,
Души испущаетъ ⁸⁰⁾.

Или:

Вчера весь міръ бысть печалень,
Днесь радуется и веселится:
Праотцы изъ ада вышли,
Въ рай вселишася ⁸¹⁾.

Послѣдній стихъ, несомнѣнно книжнаго школьнаго происхожденія, напоминаетъ антитезой „вчера—днесь“ прямо искусственную рѣчь какого-нибудь слова, напр., упомянутое выше слово Кирилла Туровскаго на день воскресенія Христова. Форма приведенныхъ стиховъ, какъ видимъ, не народная, а языкъ послѣдняго совсѣмъ книжный: это даетъ возможность предполагать болѣе близкую связь съ книжнымъ источникомъ; было ли имъ Никодимово евангеліе, сомнительно.

⁷⁹⁾ П. Безсоновъ. „Калѣки перехожіе“, V, № 405, стихи 23—35.

⁸⁰⁾ Ibid. № 409, ст. 19—24.

⁸¹⁾ Ibid. № 407, ст. 5—8.

Наконецъ,—нѣсколько словъ объ отношеніи къ русскому искусству Никодимова евангелія. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ отношеніи Первоевангелія, можно предполагать вліяніе это чрезъ посредство иноземныхъ образцовъ и подлинниковъ. Здѣсь апокрифическое евангеліе является такимъ же истолкованіемъ изображенія, основаннаго на легендѣ взятой изъ апокрифическаго евангелія или ему родственной; таково, напр., общераспространенное изображеніе воскресенія Христова въ видѣ сошествія Христа въ адъ: благодаря тексту апокрифич. евангелія и вообще апокрифической легенды объ этомъ, мы можемъ объяснить себѣ всю композицію иконы: половинки дверей, на которыхъ стоитъ Христосъ, сѣдого старца, котораго держитъ Христосъ за руку (это Адамъ), впереди праведниковъ царя (это Давидъ, первый изъ пророковъ о сошествіи Христа въ адъ ⁸²). Но такъ же, какъ и въ Первоевангеліи, мы наталкиваемся и на прямой слѣдъ вліянія Никодимова евангелія въ искусствѣ. Такова славянская псалтирь XIII—XIV в. библ. Хлудова ⁸³), гдѣ (л. 26) подъ распятіемъ двѣ сидящія фигуры, изъ коихъ одна показываетъ на распятаго Христа; надъ ними надпись: *карниъ ї лицеошь*, т. е. главные лица, отъ лица которыхъ ведется весь рассказъ второй половины Никодимова евангелія. Самое имя *Лицеошь* (Leucius) дано въ той самой формѣ, какую оно имѣетъ въ старомъ переводѣ Никодимова евангелія. Это показываетъ, что уже въ XIII—XIV в. переводъ не только существовалъ, но и далъ возможность заимствовать тему славянскому художнику, дополнившему отъ себя традиціонное изображеніе распятія: къ греческой миниатюрѣ (она даже съ греческой надписью: *ι σταυρωσις*) онъ даетъ свои дополненія; т. о. получилась миниатюра уникальная, въ которой традиціоннаго только распятіе съ „предстоящими“, остальное же—продуктъ личнаго его творчества. Это отразилось и на томъ, что традиціонныя фигуры (они опять съ греческими надписями: *μηρ θυ* и *ιω*) „предстоящихъ“ очутились съ боку, а не симметрично по бокамъ креста, какъ обыкновенно встрѣчаемъ на изображеніяхъ распятія.

Т. о. мы рассмотрѣли послѣднее изъ апокрифическихъ евангелій, сохранившихся въ славянскомъ переводѣ. Остается еще одинъ темный вопросъ: чѣмъ вызванъ былъ переводъ Никодимова евангелія? Проще всего это, конечно, объясняется популярностью ев. въ литературѣ той и другой половины христіанства: съ принятіемъ христіанства Славянами былъ и имъ переданъ этотъ интересъ. М. б., можно появленіе Никодимова евангелія поставить въ связь съ религіоз-

⁸²) Этому предмету посвящена послѣдняя часть упомянутого не разъ труда Н. В. Покровскаго. Отсылая интересующихся къ нему, не могу не замѣтить, что въ немъ отношеніе апокрифическаго евангелія къ иконографіи проведено съ большою осторожностью, иногда, думается, даже съ бѣльшей, нежели слѣдовало бы. Напр., миниатюра Россанскаго кодекса, изображающая судъ Пилата, повидимому, осталась безъ надлежащаго объясненія (стр. 302—303) потому, что Н. В. Покровскій не соглашается признать съ С. А. Усовымъ вліяніе апокрифич. ев. на миниатюрахъ Россанскаго кодекса (стр. XI). Поэтому у него налѣво отъ трона два обвинителя: изъ нихъ одинъ приглашаетъ войти Христа. Это, конечно, тотъ курсоръ, о которомъ говорится въ Никодимовомъ евангеліи. Съ этимъ евангеліемъ согласна и остальная композиція: слуги съ знаменами: это — тѣ знамена, которыя преклонились передъ Христомъ (гл. I). Вѣдь, самъ же Н. В. утверждаетъ, что скульптурное изображеніе св. Марка въ Венеци представляетъ большое сходство съ Россанскимъ кодексомъ, а здѣсь уже прямо данъ моментъ изъ апокрифическаго евангелія: приглашающій въ Россанскомъ кодексѣ курсоръ здѣсь уже простираетъ одежду (*φακεώλιον*), по которой идетъ Христосъ, а у одного изъ знаменосцевъ хоругвь уже клонится внизъ. Наконецъ, неизвѣстно почему Н. В. Покровскій считаетъ присутствіе завѣсы такимъ типичнымъ признакомъ текста Н. Е., что дѣлаетъ его мѣриломъ для опредѣленія вліянія? Еще примѣръ: объясняя распятіе на аворіи Мазарини (стр. 341), Н. В. оставляетъ безъ объясненія „мушину на драконѣ“ въ лѣвомъ углу изображенія: эта фигура найдетъ себѣ объясненіе въ легендѣ, сохраненной въ *Υφήγησις τοῦ Ἰωσήφ*, гдѣ рассказывается, что, придя снимать тѣло Христова, Иосифъ тѣла благочестиваго разбойника не нашелъ (его нѣтъ и у Мазарини), тѣло же *τοῦ δὲ ἐξ ἐδωνύμων ὡσπερ δράκοντος ἰδέα, οὕτως ἦν τὸ σῶμα αὐτοῦ* (Tisch. 467). Конечно, утверждать, что именно указанное мѣсто апокрифа—источникъ изображенія, нельзя, но, что исходный пунктъ для объясненія въ немъ, это навѣрно.

⁸³) О ней Н. В. Покровскій, о. с. стр. XLVI, 335 (здѣсь изображеніе) и 370; ранѣе—арх. Амфилохій въ „Трудахъ“ М. А. О. т. III, вып. I.

нымъ движеніемъ временъ богомилства, которое могло подобно тому, какъ мы видѣли относительно евангелія Θомы, вызвать или дать большую популярность Никодимову евангелію ⁸⁴⁾, бывшему въ ходу у западныхъ еретиковъ-катаровъ. По всѣмъ даннымъ въ самомъ Никодимовомъ евангеліи, едва-ли надо прибѣгать къ подобному объясненію, а если и можно допускать его, то только, какъ второстепенное для объясненія популярности Никодимова евангелія; это движеніе могло развѣ усилить только популярность евангелія среди сторонниковъ этого движенія: самое содержаніе его—разсказъ о такомъ важномъ въ христіанствѣ моментѣ, какъ смерть и воскресеніе Христа со всѣми ихъ послѣдствіями,—создало еще въ древней литературѣ положеніе Никодимову евангелію, а за нею должно было создать и въ славянскихъ литературахъ.

Заканчивая обзоръ славянскихъ апокрифическихъ евангелій, считаю долгомъ напомнить еще разъ главную цѣль обзора: онъ не претендуетъ дать полнаго, всесторонняго изслѣдованія исторіи этихъ евангелій на славянской почвѣ, а только имѣетъ въ виду возможно точно установить первые моменты ихъ исторіи, т. е. опредѣлить и выяснить положеніе текстовъ апокрифическихъ евангелій въ славянской литературѣ, ихъ источники и указать по возможности объемъ тѣхъ апокрифическихъ старыхъ легендъ, которыя унаслѣдовала славянская литература отъ древне-христіанскаго міра. Этимъ объясняется краткость въ обзорѣ памятниковъ, стоящихъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ апокрифическимъ евангеліямъ, этимъ объясняется и слѣдующая глава. Однимъ словомъ: обзоръ этотъ—первый шагъ къ вполнѣ научному изслѣдованію исторіи этихъ памятниковъ на славянской почвѣ, и только.

АПОКРИФИЧ. ЕВ. У ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Западные Славяне, даже тѣ изъ нихъ, которые получили христіанство съ востока, изъ Византіи, должны были, какъ извѣстно, весьма скоро порвать связи свои съ остальными Славянами, сохранившими христіанство восточное, подчиниться вліянію и культурѣ западной Европы съ ея латино-романской и латино-германской литературой церкви. Это имѣло для нихъ то значеніе, что они, болѣе или менѣе быстро и безповоротно утрачивая преданія византійско-православной литературы ¹⁾, вошли болѣе или менѣе глубоко въ интересы западной жизни, тогда какъ восточные и южные Славяне, не прерывая связи съ Византіей и востокомъ, развивались совершенно иначе. Т. о. западные Славяне (главн. обр. Чехи и Поляки) и въ отношеніи апокрифовъ вообще и апокрифич. евангелій въ частности, должны были, естественно, идти съ западно-европейскими литературами, изъ которыхъ и черпали источники для своихъ апокрифическихъ сказаній: Поляки и Чехи должны были переводить на свои языки прежде всего такіе тексты апокрифич. евангелій, которые были въ ходу на западѣ, иначе—тексты преимущ. латинскіе или иноязычныя, но восходящіе къ тѣмъ же латинскимъ. Дѣйствительно, у этихъ Славянъ мы находимъ именно тѣ виды апокрифич. евангелій, какіе были въ западной литературѣ. Вотъ источники для апокрифич. евангелій и ихъ передѣлокъ у западныхъ Славянъ. Въ чешской лит—ѣ мы знаемъ двѣ категоріи текстовъ: прозаическіе и стихотворные. Послѣдняя форма явилась, несомнѣнно, благодаря развитой на всемъ западѣ въ XIII—XIV в. излюбленной формѣ стихотворныхъ поэмъ, романовъ, разсказовъ: сосѣдніе съ Чехами Нѣмцы, долгое время учителя

⁸⁴⁾ Такъ склоненъ думать А. Н. Веселовскій (см. „Соломонъ и Китоврасъ“ (Спб. 1872), стр. 157).

¹⁾ См. новѣйшую книжку: „Dějiny české literatury“ Я. Влчка, стр. 2—3; ср. V. Vondrák „Zur Würdigung der altslovenischen Wenzelslegende und Legende vom heil. Prokop“. (Wien 1893, изъ Sitzungsber. der Akad.), гдѣ разобранъ взглядъ Я. Влчка на этотъ вопросъ.

ихъ въ дѣлѣ литературы, создаютъ латинскія и нѣмецкія стихотворныя поэмы, излагающія иногда въ тысячахъ стиховъ апокрифическія евангелія ²⁾ и легенды того же рода.

По изданнымъ рукописямъ восходятъ чешскіе тексты къ XIV в., или даже къ концу XIII-го. Мы уже знаемъ ³⁾, что въ западной Европѣ „Первоевангеліе“ популярностью и извѣстностью не пользовалось: его замѣняли *ev. Pseudo-Matthaei* и *Historia de nativ. s. Mariae*; точно также извѣстенъ весьма древній, но сравнительно менѣе популярный, латинскій переводъ *ev. Thomae*. Эти три текста переводились на туземные языки и служили исходной точкой для передѣлокъ и компиляцій ⁴⁾. Поэтому мы знаемъ, кромѣ переводовъ, нѣсколько обработокъ нѣмецкихъ, на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, отъ XII и XIII в. ⁵⁾. Съ другой стороны, мы хорошо знаемъ тѣсную культурную связь между Чехами и Нѣмцами въ XIII—XIV вв. (особенно при Карлѣ IV); отсюда возможно предположеніе о заимствованіи чешскимъ писателемъ произведенія нѣмецкаго. Но подобное предположеніе, если и не можетъ быть отвергнуто вполне, то не можетъ быть положительно подтверждено, какъ общее правило, въ цѣломъ рядѣ случаевъ: мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простыми только переводами съ одного языка на другой, какъ это можно допустить въ большинствѣ случаевъ для нашихъ южно-славянскихъ текстовъ, а съ передѣлкой, до извѣстной степени самостоятельной по отношенію автора къ оригиналу; для примѣра такой передѣлки можно взять хотя бы общеизвѣстную „Александрію“, представляющую на чешскомъ почти самостоятельный трудъ, съ своей идеей, со своимъ колоритомъ, хотя вся поэма покоится на основахъ поэмы *Gautier de Châtillon'a* ⁶⁾. А вотъ довольно типичный образчикъ того, какъ передѣлывались въ старой чешской литературѣ тексты—оригиналы: въ т. н. Градецкой рукописи находится стихотворное „*Umučení Páně*“ ⁷⁾, которое основано прямо на текстѣ *ев. Матѳея* ⁸⁾, какъ засвидѣтельствовалъ самъ писавшій:

*Umučení Boha našeho ěesu Krista
píše nám svatý Matěj evandělita (ст. 1—2).*

Дѣйствительно, стихотвореніе есть близкое къ оригиналу изложеніе евангельскаго текста; но въ то же время есть дополненія и измѣненія, которыя съ одной стороны говорятъ въ пользу начитаннаго автора переложенія, съ другой стороны показываютъ, какъ онъ отнесся къ оригиналу; напр., говоря о кровавомъ потѣ Христа во время геосиманской молитвы, онъ добавляетъ объясненіе: *v tom sě rokáza, že jest člověk pravý* (ст. 216); Иудеи обвиняютъ Христа за извѣстныя Его слова о разрушеніи и тридневномъ возстановленіи храма; тутъ авторъ отъ себя поясняетъ:

²⁾ Общіе обзоры апокрифич. *ев.* въ западной лит. см. *Karl Kochendörfer* „Die Kindheit Jesu von Konrad von Fussenbrunnen“ (Strassburg. 1881); *Reinsch* „Die Pseudo.-evangelien von Jesu und Maria's Kindheit in der romanischen u. germanischen Litt.“ (Halle. 1879), *Wülckner* „Das *ev. Nicodemi* in der abendländischen Literatur (Paderborn. 1872)“ а также введенія у *Thilo* и частію у *Tischendorf'a*.

³⁾ См. выше, стр. 45 и 70.

⁴⁾ См. прим. 2.

⁵⁾ Перечень ихъ и коротенькую характеристику см. въ ст. *W. Nebeského* „*Ježíšovo mládí*“ (*Čas. Mus. kr. Česk.*, г. 1847, стр. 596 а сл.).

⁶⁾ Богатая литература о чешской „Александридѣ“ указана у *I. Vlčka* „*Přehled dějin literatury české* (Brno 1885), стр. 26. См. также: *Lang'a* въ *Spravě o ob. realce a vyšším gym. v Příbramí* г. 1881; также *Tůmy* въ *Programě vyššího gym. v Domažlicích* 1885. См. также Пыпина и Спасовича „*Истор. Слав. лит.* II, 924, а также: *M. Hattala a A. Patera. Zbytky rýmovaných Alexandreid českých* (Praha 1881), стр. XI.

⁷⁾ Рукопись относится къ половинѣ XIV ст., издана цѣликомъ А. О. Патерой въ серіи: „*Památky staré literatury české*“, číslo 8 (1881); ст. 212—263. Цитирую по транскрипціи съ современнымъ правописаніемъ, принятой издателемъ.

⁸⁾ Впрочемъ дополненія встрѣчаются и изъ другихъ евангелій; см. А. Патера о. с. р. XIII.

To biese Ježúš pověděl o svém těle,
chtě je třetí den vzkřiesiti cele (ст. 304—305).

Послѣ отреченія Петра опять поясненіе:

Ježúš se na Petra poče ohlédati.....
Ježúš jemu odpusti tuto vinu
jako milostivý otec synu (ст. 380—386).

На слова благочестиваго разбойника распространеніе:

Ježúš jemu povědě: Zajisté budeš dnes se mnú v ráji přebývati
a tvój se tovařiš musí d'áblu dostati (ст. 583—84).

Къ рѣчи Христа къ Маріи и Іоанну:

Tuž poručí svú matku učenníku svému,
čistú dievku jinochu čistému (ст. 600—601).

Такое же самостоятельное отношеніе къ подлиннику наблюдаемъ и въ другихъ случаяхъ, когда намъ хорошо извѣстенъ подлинникъ. Такъ, мы знаемъ чешскій переводъ латинскаго „Meditationes vitae Christi“ (Бонавентуры † 1274) по рукоп. XIV в. (Унив. Пражск. XVII, А. 9.). Переводъ значительно отличается отъ подлинника; главное отличіе заключается въ томъ, что переводчикъ выкинулъ почти цѣликомъ схоластическія и риторическія разглагольствованія Бонавентуры, держась преимущественно текста евангельскаго, почему ему пришлось дополнить то, что у Бонавентуры сокращено или замѣнено разсужденіями; но онъ не ограничился этимъ, дополнивъ фактическую сторону и изъ другихъ источниковъ: апокрифовъ и пассіонала⁹⁾. Въ результатѣ получился почти самостоятельный трудъ, съ самостоятельнымъ (впрочемъ, не вездѣ удачнымъ) распредѣленіемъ матеріала и своимъ дѣленіемъ на главы. Неужели мы здѣсь должны предполагать какую нибудь иноземную посредствующую передѣлку, служившую оригиналомъ для чешскаго переводчика? Ученый Чехъ могъ совершенно самостоятельно переработать трудъ Бонавентуры, писанный на латинскомъ языкѣ, хорошо извѣстномъ всякому западному ученому XIV в.¹⁰⁾.

Подобныя указаннымъ отношенія къ оригиналу могли быть и въ апокрифической литературѣ. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что ни одна изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ и латинскихъ поэмъ изъ цикла апокрифическихъ евангелій не даетъ настолько близкой параллели къ чешскимъ текстамъ¹¹⁾, чтобы вполнѣ увѣренно можно было сказать, что тотъ или другой текстъ чешскій былъ взятъ именно изъ той или другой иноземной готовой уже поэмы, и чтобъ сходство между ними нельзя было объяснить единствомъ первоисточника обѣихъ или сходствомъ источниковъ—древнихъ апокрифическихъ евангелій. Сюда же надо добавить и то, что есть и прямыя указанія на то, что чешскимъ писателямъ были извѣстны въ латинскомъ подлинникѣ (а, м. б., и въ чешскихъ уже переводахъ) самыя апокрифическія евангелія: напр., авторъ предисловія къ упомянутому выше переводу „Meditationes vitae Christi“ прямо указываетъ, что „jedny knihy jsú, ješto slovú o dětinstvě naseho Spasitele“, но что „těch jsem psáti nechtěl, neb jsú o nich svatí mistři nic nepsali ani potvrdili“¹²⁾. Наконецъ, нѣкоторые изъ старыхъ чешскихъ текстовъ настолько близко передаютъ латинскій, что почти несомнѣнно для нихъ предположе-

⁹⁾ Это доказано въ трудѣ I. Truchlař'a, посвященномъ разбору этой рукописи (Listy filologické 1884, str. 283—293). Отрывки текста изданы—Výbor z literatury české, I, 351.

¹⁰⁾ I. Truchlař (о. с.) находитъ возможнымъ считать автора переработки доминиканцемъ.

¹¹⁾ См. W. Nebeský о. с.

¹²⁾ P. I. Sfařík. Sebrané spisy, III, 372. Здѣсь же указано заимствованіе изъ Никодимова ев. (объ Іосифѣ Аримаеѣйскомъ, о Каринѣ и Левкіи).

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

ніе, что въ этихъ случаяхъ переводъ сдѣланъ прямо съ латинскаго. Это, однако, не исключаетъ такіе случаи, гдѣ тексты, сохраняя въ общемъ основу того или другаго апокрифическаго ев. въ латинскомъ текстѣ, даютъ такія черты, которыя заставляютъ думать, что подъ руками у чешскаго автора былъ не простой, намъ теперь извѣстный по изданіямъ текстъ, а какой-то измѣненный, дополненный, а м. б. и уже передѣлка, которую онъ переложилъ на чешскій. Т. о. изъ этого характера и отчасти изъ отношенія къ другимъ старшимъ произведеніямъ на тему изъ апокрифич. ев. можно пока объяснить одно: стихотворную форму нѣкоторыхъ чешскихъ текстовъ и связанное съ этимъ свободное отношеніе къ подлиннику; поэтому анализъ и опредѣленіе источниковъ чешскихъ текстовъ апокрифическихъ евангелій и ихъ передѣлокъ значительно осложняется, сравнительно съ южно- и восточно-славянскими. Затрудненія эти увеличиваются еще и тѣмъ, что изъ литературы XIII—XIV вв. мы въ чешской литературѣ апокрифовъ владѣемъ, къ сожалѣнію, только жалкими отрывками, ничтожными сравнительно съ тѣмъ объемомъ, какой мы должны предположить для всего памятника: нашъ матеріалъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ—обрывки пергамина, извлекаемые трудолюбивыми чешскими учеными изъ переплетовъ рукописей младшихъ, отдѣльные листки, затерявшіеся среди листовъ другихъ текстовъ и т. п. ¹³⁾

Исключеніе составляетъ ев. Nicodemi, повидимому, наиболѣе популярное изъ всѣхъ, сохранившееся въ достаточномъ количествѣ рукописей, но за то болѣе позднихъ—XV вѣка.

Изъ евангелій первой и второй группы намъ извѣстны отрывки переводовъ ев. Pseudo-Matthaei и ев. Thomae; кромѣ того, знаемъ отрывки другаго пересказа ев. псевдо-Маттея, наконецъ, цѣлую поэму, составленную изъ того же ев. Pseudo-Matthaei и Historia de nativitate s. Mariae. Всѣ указанные тексты представляютъ не простые переводы, а стихотворныя обработки текстовъ апокрифическихъ евангелій. Первый изъ отрывковъ сохранился въ двухъ листкахъ, писанныхъ въ началѣ XIV ст. ¹⁴⁾, повидимому, изъ роскошной по письму рукописи, назначавшейся для высокопоставленнаго лица, что указываетъ на то уваженіе, какимъ пользовались подобные тексты въ старой чешской литературѣ ¹⁵⁾. Въ этой рукописи были вмѣстѣ, вѣроятно, цѣлое ев. Pseudo-Matthaei и цѣлое ев. Thomae: въ отрывкахъ мы имѣемъ почти цѣлую 42-ую (последнюю) главу перваго евангелія, за которымъ безъ перерыва слѣдуютъ 1—7 (всѣхъ 15) главы втораго евангелія, съ небольшими, впрочемъ, пропусками внутри текста. Судя по тому, что оба текста находились въ одной рукописи рядомъ, можно предполагать, что пересказъ обоихъ евангелій сдѣланъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это до нѣкоторой степени подтверждаетъ и сходство въ стилѣ и обработкѣ того и другаго текста (разумѣется, насколько можно судить по небольшому тексту ев. Pseudo-Matthaei, сохраннымъ рукописью) ¹⁶⁾. Сличая чешскій пересказъ съ ев. Pseudo-Matthaei (Tisch. p. 111), видимъ, что, несмотря на стихотворную форму, авторъ переложенія настолько близко держался подлинника, что предполагать какое нибудь посредствующее звѣно между нимъ и латинскимъ текстомъ евангелія едва ли нужно: всѣ различія сводятся къ немногимъ прибавкамъ во фраззахъ, имѣвшимъ источникомъ, кажется, только желаніе создать рифму; напр., отрывокъ начинается:

¹³⁾ Напр., переложеніе ев. Pseudo-Matthaei, судя по плану работы автора переложенія, должно было обнимать отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ стиховъ, тогда какъ ихъ сохранилось только 78 (см. *Iul. Feifalik, Studien II* (Wien, 1860), и *A. Patera* въ *Čas. Mus. kr. Čes.* 1879, стр. 118—122). Отрывки ев. Pseudo-Matthaei, ев. Thomae найдены въ переплетѣ двухъ разныхъ латинскихъ рукописей; къ счастью, оказались найденные листки какъ-разъ идущими подъ-рядъ въ погибшей рукописи. Текстъ ихъ изданъ съ комментариемъ и латинскимъ подлинникомъ en regard въ *Časop.* 1835, стр. 114—126 и 1889, стр. 454—459 тѣмъ же А. О. Патерой.

¹⁴⁾ См. предъид. прим.

¹⁵⁾ *A. Patera, Časop.* 1885, стр. 115.

¹⁶⁾ *A. Patera, о. с.* p. 118—119.

vz to, ež jsú obětovali,
Mariam materiú dali,
Jezu Kristu hospodinu,
vz to já tohoto neminu ¹⁷⁾.

eo quod obtulissent Mariam matrem Jesu
domino.

То же видимъ и далѣ:

pakli sě byl kam povzpětil,
čakali jsú rádi jeho,
Iežúše věz pána čsného.

Et si forte absens fuisset, expectabant, donec
hoc faceret.

То же распространение текста видимъ и въ ev. Thomae:

Kdy sě biesě stal zámutek,
v potázaniu pána smutek
od králě židóv Heroda,
jehož ztráty malá škoda,
kdy jest tázal na našeho
na Iezu Krista čsného,
chtě jej zahubiti křivě
neprěje jmu býti v živě.

Cum facta fuisset conturbatio, quoniam re-
quisitio facta fuit ab Herode de domino nostro
Iesu Christo, ut eum interficeret, tunc angelus
dixit ad Ioseph:.. (Cap. I).

T'dy věz anjel k Iozefu breče
Čso to kolivěk i vece:

Или еще:

Mistr vzmluvi o prvej stroce;
jmaje drastu smysla v oce,
zameškán byl v odpovědě.
Iežúš k Zacheu povědě... (стр. 125).

Ut autem coepit enarrare doctor ille de prima
littera, non potuit ullum dare responsum, Iesus
autem dixit ad Zacheum (Cap. VI).

Въ общемъ, какъ можно видѣть уже изъ приведенныхъ отрывковъ, переводъ показываетъ большое искусство автора, умѣвшаго почти буквально держаться подлинника при стихотворной формѣ перевода. Что евангеліе Томы переведено именно съ латинскаго, а не съ какого-либо иного текста, видимъ изъ того, что чешскій переводъ сохранилъ тотъ планъ евангелія, который мы знаемъ только изъ латинскихъ текстовъ: въ латинскомъ и чешскомъ текстѣ впереди самого евангелія прибавлены (судя по греческимъ и кирилловскимъ текстамъ) три главы: I) Quomodo Maria et Ioseph fugierunt cum eo in Egyptum (jak běžechu v Egypt znova Maria, Iozef i dietě); II) Quomodo magister ejecit eum de civitate (kak jest mistr Iežúše čsného vyvrhl z města jej věz svého), и III) Quomodo Iesus egressus est de Egypto (Vzvěz čso sě jma potom stati, kdy sě Iežúš z Egypt vrati) ¹⁸⁾.

Самостоятельный трудъ чешскаго перелagателя, помимо стихотворной формы и связанныхъ съ нею измѣненій, выразился, повидимому, въ томъ, что онъ внесъ болѣе дробное дѣление текста на главы, нежели находимъ въ латинскомъ подлинникѣ; такъ въ VI гл. внесено (къ отд. 8 по Тишенд., стр. 172):

Slyš hádanie s Zachem mysl' tvá,
Iežúsovo věz od alfa (стр. 125).

Ранѣе нѣсколько (гл. VI, середина отд. 4; Тишенд., стр. 170):

Kak sě žydie jsú divili
čso k nim Iežúš mluvil milý (стр. 459).

¹⁷⁾ Привожу текстъ по транскрипціи А. О. Патеры (стр. 122); второй отрывокъ текста остался безъ транскрипціи.

¹⁸⁾ Греч. тексты, кромѣ того, вовсе не имѣютъ заглавій въ текстѣ.

Въ главѣ V (къ отд. 3; Тишенд., стр. 169).

Kak jest Iozef Iezu kazal,
pověm' chceš by... nepotázal (стр. 457).

Но и это нововведеніе до извѣстной степени, кажется, не зависѣло только отъ воли чешскаго перелagателя; между латинскими текстами есть такіе, которые также дробнѣе обычныхъ разбиваютъ текстъ; таковъ, напр., cod. D (у Тишенд. въ примѣчаніяхъ); въ немъ находимъ заглавіе, до извѣстной степени соотвѣтствующее чешскому, внесенному въ V главу: Quod Iesus prohibuit Ioseph ne per iram eum tangeret (Тиш., стр. 169). Первое же изъ приведенныхъ лиш-нихъ заглавій могло быть и въ латинскомъ: съ этого мѣста въ греч. A. начинается по смыслу новый эпизодъ ¹⁹⁾.

Т. о. разсмотрѣнный текстъ евангелія Θомы можно счесть весьма близкимъ переводомъ съ латинскаго, переводомъ, сдѣланнымъ тѣмъ же лицомъ, которое оставило намъ и переводъ ev. Pseudo-Matthaei. Тождество этихъ лицъ, переводчиковъ обоихъ евангелій, наконецъ, подтверждается и самымъ заглавіемъ евангелія Θомы:

Opět' poslyš jiné řeči,
jakož svatý Thoma svědčí
Od dětinstva Ježúšova... (стр. 123)

Второй отрывокъ изъ этого же цикла евангелій представляетъ отрывокъ изъ того же ev. Pseudo-Matthaei (гл. 1 и 2). Отрывокъ этотъ, по своимъ поэтическимъ достоинствамъ и по языку принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній чешскихъ XIII—XIV в. ²⁰⁾. Но отношеніе этого отрывка къ его оригиналу—ev. Pseudo-Matthaei—повидимому, иное, нежели въ первомъ отрывкѣ. Прежде всего въ изложеніи мы встрѣчаемся съ перестановкой сравнит. съ латинскимъ: сперва рассказывается объ удаленіи Іоакима въ пустыню, затѣмъ уже о его женитьбѣ и наконецъ, объ Аннѣ и ея плачѣ. Сравнивая же самое изложеніе, мы находимъ также близость къ латинскому тексту, но далеко уже не въ такой степени, что въ первомъ изъ разобранныхъ отрывковъ. Эти свойства чешскаго пересказа, а также сходство его съ нѣмецкой поэмой на ту же тему Вернгера (Wernher), одного изъ лучшихъ баварскихъ поэтовъ конца XII в., привело изслѣдовавшаго текстъ чешскій Ю. Фейфалика къ мысли, что обѣ поэмы чешская и нѣмецкая, имѣютъ общій источникъ ²¹⁾, а затѣмъ склонился къ мнѣнію, что чешская поэма стоитъ въ зависимости отъ нѣмецкой поэмы ²²⁾. Какое бы происхожденіе чешской поэмы мы ни

¹⁹⁾ Поэтому и Тишенд. (стр. 149) съ этого мѣста начинаетъ новую главу—7-ю.

²⁰⁾ См. прим. 13. Текстъ изданъ Фейфаликомъ (Studien, II), который ставитъ его въ этомъ отношеніи рядомъ съ легендой о св. Екатеринбургѣ. (ibid. p. 13).

²¹⁾ Поэма Wernher'a писана въ 1172 г. Подробнѣе о ней см. R. Reinsch. Die Pseudo-evangelien... S. 108—110. Здѣсь указано, что въ общемъ В. слѣдуетъ ev. Pseudo-Matthaei довольно близко, позволяетъ себѣ только незначительныя измѣненія въ рассказѣ, рѣдко предпочитаетъ своему источнику евангелія каноническія (стр. 109). Тоже мы видимъ и въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ чешскаго стихотворенія.

²²⁾ Противъ этого мнѣнія выступилъ позднѣе А. О. Патера, доказывавшій (Časop. 1879, str. 122—125), что близость къ латинскому оригиналу ev. Ps.-Matt. дѣлаетъ невозможнымъ сопоставленіе чешской поэмы съ нѣмецкой. Кто изъ нихъ правъ, рѣшить трудно въ виду слишкомъ незначительнаго объема отрывка (въ 78 стихахъ) поэмы чешской и указанного выше свободнаго отношенія къ подлиннику нѣмецкихъ и чешскихъ поэтовъ. Ю. Фейфаликъ (Studien II, p. 74) свою мысль подкрѣпляетъ слѣдующей, не лишеной остроумія догадкой: въ чешскомъ текстѣ (рассказъ объ Аннѣ въ саду) читается: usříé v hrušce hnízdo vgrabié; тогда какъ въ латинскомъ текстѣ—in arbore lauri; переводчику, если онъ переводилъ съ латинскаго, трудно было бы прочесть вмѣсто laurus — rírus (откуда могло получиться чешское hruška); если же онъ имѣлъ передъ собой оригиналъ нѣмецкій, легко было бы, вмѣсто laurboime, прочесть birnboume, которое ошибкой могло стоять даже въ самомъ подлинникѣ.

приняли, вѣрнымъ остается фактъ, что *ev. Pseudo-Matthaei*, само ли, въ перифразахъ ли, было популярно въ старой чешской литературѣ, и, не смотря на заявленія переводчика „*Meditationes vitae Christi*“ (см. выше, стр. 121), темы о младенчествѣ Христа пользовались любовью писателей и читателей XIV в.. Это подтверждаетъ и послѣдній чешскій текстъ на эту тему (рукоп. XIV ст. унив. библ. въ Прагѣ—XVII, E., 8), „*Knihu o božiem narození a o boží mladosti*“ („*Iežíšovo mládí*“) ²³). Это единственный изъ извѣстныхъ мнѣ полныхъ текстовъ апокрифическихъ евангелій дѣтства на чешскомъ языкѣ. Источникомъ, повидимому, но не непосредственнымъ, служили: опять *ev. Pseudo-Matthaei* и *Historia de nativitate s. Mariae*; послѣднее въ виду близости его къ первой части *ev. Matthaei* легко могло служить дополненіемъ къ евангелію, какъ оно служило еще въ латинскихъ текстахъ, образовавъ вмѣстѣ съ евангеліемъ особую группу списковъ (таковъ *B* у Тишенд.) ²⁴).

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какъ переводчикъ (м. б. составитель оригинала) пользовался тѣмъ и другимъ источникомъ. Въ общемъ онъ слѣдуетъ *ev. Ps. Mattaei*, но мѣстами дополняетъ изъ *Historia de nativitate s. Mariae*, мѣстами отдавая предпочтеніе ея чтенію передъ чтеніемъ евангелія.

1) *Wes užitek s swých owěc dělieše:
jednu čest božiemu (chrámu) a jeho slúhám nosieše;
druhú čest pútníkóm a sirotkóm chudým dělieše;
třetí čest sám s swú čeledi žiw bieše.
A to činil jest za lět dwadceti,
s swú paní nemaje dětí (387, 16—23).*

Мѣсто это передано къ *Hist. de nat.* ближе, нежели къ *ev. Ps. Matt.* (въ той и другомъ гл. I).

*Nam omnem substantiam suam trifariam
diviserunt: unam partem templo et templi
servitoribus impendebant, alteram peregrinis
et pauperibus erogabant, tertiam suae familiae
usibus et sibi observabant. Ita isti deo cari,
hominibus pii, per annos circiter viginti castum
domi conjugium sine liberorum procreatione
exercebant (Hist. d. nat. — Tisch., p. 113).*

. . .
. . .
*et templi sacerdotibus impertiebant...
familiae suae usui reservabant.*

*Illo faciente multiplicabat deus greges suos,
ita quod non erat ei similis in populo Israel.
Haec autem inchoavit facere a quinto decimo
aetatis suae anno. Cum esset annorum viginti,
accepit Annam, filiam Ysachar, uxorem ex tribu
sua, i. e. ex genere David. Castum domi con-
jugium sine liberorum procreatione exercebant
(Tisch., p. 55, cod. B.).*

Совершенно согласно съ *Hist. d. nat.*, а не съ *ev. Pseudo Matthaei*, передано о женитьбѣ Иоакима: *Hist.* опускаетъ рассказъ, ограничиваясь словами въ началѣ главы: *Pater ejus (sc. Mariae) Ioachim, mater vero Anna dicebatur*, чему соотвѣтствуетъ начало чешской поэмы:

²³) Издано цѣликомъ—*Wýbor z literatury české* (Praha, 1845) I, sloup. 387—420.

²⁴) См. *Proleg.* p. XXVI. Предполагать же одинъ подобный текстъ, какъ источникъ чешскаго текста, не нахожу возможнымъ, судя по доселѣ извѣстнымъ текстамъ: нѣкоторыя мѣста передаются въ такой формѣ, какую мы находимъ въ *Historia*. и не находимъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ текстовъ *ev. Pseudo-Matthaei*.

Byl žid, jemuz jmě Ioachim bieše
ten w manželstwí ženu Annu jmějieše.

2) Разказавъ о пребываніи Іоакима въ пустынь, гдѣ ему является ангелъ (zjewiw sě jemu anděl boží, a boží jemu wóli wyloží—чтò соотвѣтствуетъ опять Hist. de nat.—Cap. III)²⁵⁾, объявляющій о зачатіи и будущей славѣ Богородицы, чешская поэма читаетъ:

A to jměj za znamenie,
že w mej řeči nenie oblúzenie:
u bráně tě potká twá žena,
i zřéci tě, bude utěšena (389, 29—32).

Et hoc tibi eorum quae annuntio signum
erit, cum perveneris ad auream in Hierosoly-
mis portam, habebis ibi obviam Annam uxorem
uxorem tuam, quae de tuae regressionis tarda-
tione modo sollicita, tunc in conspectu tuo gaudebit (Tisch. p. 115).

Этого эпизода въ спискахъ ev. Ps. Matt. не находимъ.

3) Подобный же случай находимъ и дальше: разказавъ по ev. Ps. Matt. (гл. II, от. 2 и нач. 3) кратко о плачѣ Анны, поэма такъ передаетъ благовѣстіе Аннѣ отъ ангела:

... Nežásaj sě, Anna!
milost jest po mně seslána:
počneš dcerú, a tu powiješ,
a w rok to zwieš.
Maria jiei jméno bude,
ta milosti hřiešným dobude,
bude celé swatosti,
neb bude w klásteře rósti.
Že u mej řeči křiwdy nenie,
tot' chci dáti za znamenie:
w zlatej bráně muže swého
potkáš, jdiž brzo, přijmiž jeho (390, 18—29).

Ne timeas, Anna, neque phantasma putes
esse quod vides. Ego enim sum angelus ille,
qui preces et eleemosynas vestras obtuli in con-
spectu dei, et nunc missus sum ad vos ut an-
nuntiem vobis nascituram filiam, quae Maria
vocata super omnes mulieres erit benedicta.
Haec a nativitate sua statim domini gratia plena,
tribus ablactationis suae annis in domo paterna
permanebit; postea servitio domini mancipata
a templo usque ad intelligibiles annos non
discedet.... Itaque surge ascende Hierusalem,
et cum perveneris ad portam, quae aurea (pro

eo quod deaurata est) vocatur, ibi pro signo virum tuum.... obviam habebis (Cap. IV, Tisch. p. 115—116). Въ ev. Ps. Matt. (Cap. II, 3) благовѣстіе передано въ немногихъ словахъ: Noli timere, Anna, quoniam in consilio dei est germen tuum; et quod ex te natum fuerit, erit in admirationem omnibus seculis usque in finem. Et cum haec dixisset, ab oculis ejus elapsus est (Tisch., p. 57). Далѣе слѣдуетъ разговоръ Анны съ служанкой, а приказаніе (но не какъ знаменіе) Аннѣ идти къ „Золотымъ воротамъ“ дано уже при вторичномъ появленіи ангела, уже послѣ явленія его Іоакиму (гл. III).

Думаю, этихъ трехъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что въ числѣ источниковъ чешской поэмы, помимо ev. Pseudo-Matthaei, былъ еще текстъ, стоящій въ связи съ Hist. de nativitate s. Mariae, если не сама Historia. Въ общемъ же планъ и изложеніе хода событій ev. Ps.-Matthaei остается главнымъ источникомъ чешской поэмы, что и понятно: Hist. de nativitate s. Mariae кончается разказомъ объ обрученіи Маріи Іосифу²⁶⁾, т. е. приблизительно обнимаетъ 11 главъ изъ 42 ev. Ps.-Matthaei. Но и въ остальной части поэмы чешскій писатель, надо полагать, не ограничился однимъ ev. Ps.-Matthaei: у него постоянно встрѣчаются отклоненія и дополненія; они основаны частію на евангеліяхъ каноническихъ, вліяніе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, частію же на неизвѣстныхъ мнѣ источникахъ; такъ въ разказѣ о прибытіи Іосифа и

²⁵⁾ Въ ev. Ps.-Mat. является quidam juvenis, который потомъ уже объявляетъ ему: angelus dei ego sum... (Tisch., p. 57 - 58).

²⁶⁾ Здѣсь какъ разъ и кончается первая часть чешскаго текста, отдѣленная отъ второй: amen. tak boh daj (395, 36).

Богородицы передъ рождениемъ Христа въ Виелеемѣ пересказано по каноническимъ евангеліямъ, отсюда же взято благовѣстіе ангела пастырямъ (398, 25 и сл., 399, 14 и сл.). Изъ какого-то посторонняго источника взятъ разсказъ изъ дѣтской жизни Христа (по мѣсту, въ *ev. Ps.-Matthaei* между 27 глав. и 32) о томъ, какъ Христосъ лѣпилъ изъ глины горшки (407, 29—36); все учение Христа грамотѣ изложено совершенно самостоятельно (413, 24—415, 5)²⁷⁾; здѣсь Иисусъ спрашиваетъ:

Powěz, mistře, proč *A* jest najprw položeno?
a proč jest *E* w pátém miestě postaweno?

и объясняетъ:

když se pacholík urodí, pláče: A! řka: Adame!
A diewka se urodieci *E* kowěká, tociž Ewa.

Далѣе слѣдуетъ опять вопросъ:

Powěz mi, mistre, proč \sphericalangle ²⁸⁾ w dewátém miestě stojí?

Наконецъ объясняется:

Wy zidě třikrát *jod* u písmě stawíte,
a tomu třidcat diete,
nebo wy to budete wěděti,
že boha kúpíte za peněz třidcieti (414, 20—23)²⁹⁾.

Ничего подобнаго этому мы не находимъ въ текстахъ *ev. Ps.-Matthaei*. Всмотриваясь вообще въ отношенія чешской поэмы къ источникамъ (по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ намъ) мы видимъ, что она далеко не такъ буквально придерживается ихъ, какъ второй и, подавно, первый изъ разсмотрѣнныхъ отрывковъ: такъ уже въ самомъ началѣ видимъ, что въ изложеніи опущены цѣлыя главы *ev. Ps.-Matthaei*, напр., гл. 5, 10; далѣе: 14, 15, 19, 21, 24 и т. д. Все это, естественно, ведетъ къ предположенію, что ни *ev. Pseudo-Matthaei*, ни *Historia de nativitate s. Mariae* не были непосредственными источниками чешской поэмы, что была какая нибудь переработка чешская или иноязычная, которая легла въ основу разбираемаго текста. Но указать такую основу не берусь. Во всякомъ случаѣ изъ этого бѣлаго обзора мы видимъ, что въ старшій періодъ чешской литературы темы изъ евангелій о Маріи и дѣтствѣ Христа были весьма популярны: изъ одного XIV в. мы знаемъ четыре текста: три на тему изъ *ev. Pseudo-Matthaei* и *Historia de nativitate s. Mariae* и одинъ—изъ *ev. Thomae*. Это и понятно, особенно для евангелій о Маріи: XIV в.—время разцвѣта средневѣковаго культа Богоматери. Этотъ же интересъ къ упомянутымъ легендамъ подтверждаютъ и другіе памятники, упоминающіе объ апокрифич. евангеліяхъ и легендахъ. Къ такимъ упоминаніямъ относится прежде всего приведенное мною выше введеніе къ „*Meditationes vitae Christi*“. Подобное же указаніе даже прямо на чешскій текстъ (по мнѣнію А. Патеры) *ев. дѣтства Христова* находимъ въ латинскомъ „*Casus conscientie*“: „*Item liber, qui est de infancia salvatoris (ev. Thomae?), quem aliqui wlgares habent, ubi multa miracula de Christo.... reperiuntur*“³⁰⁾. На ту же любовь къ упомянутымъ темамъ даетъ указаніе

²⁷⁾ М. б., на отдѣльное существованіе этого эпизода указываетъ „*Amen*“, которымъ кончается тирада I. X. противъ учителя и жидовъ.

²⁸⁾ По начертанію напоминаетъ „далѣтъ“ (4-е мѣсто), „вавъ“ (6-е) и „рѣшъ“ (20-е). Несомнѣнно, дѣло идетъ объ *i* (iota, іодъ), которое въ греческомъ алфавитѣ занимаетъ, дѣйствительно, девятое мѣсто: далѣе въ рѣчи Христа, объясняющей символическое и мистическое значеніе этого начертанія, говорится о іодѣ.

²⁹⁾ Еще примѣры отклоненія: вмѣсто главы XXV (о Срѣтеніи Г-ни, Симеонѣ и прор. Аннѣ) эпизодъ о разбойникѣ (*Iermas*), носившемъ Христа (404, 21—405, 28). Конечъ всего текста переданъ совершенно своеобразно.

³⁰⁾ Сочиненіе приписывается Стефану, генеральному викарію архіеписк. Эрнеста (*Arnošt*) изъ Пардубиць. Рукоп. въ университетск. библ. въ Прагѣ (X. A. 25, fol. 25 v. col. 2); см. *A. Patera* въ *Časop.* 1885, str. 114.

тотъ же переводчикъ „Meditationes“: не смотря на заявленіе, что онъ пользоваться апокрифами не желаетъ, онъ очень охотно пользуется этими же апокрифами въ устномъ пересказѣ паломниковъ, приносившихъ ихъ изъ Палестины: A ještě i dnes, читаемъ, напр., у него, ukazují pútníkóm v tom městě Nazaretě jednu studnici, z niežto syn boží Iežíš za svého dětinstva koflíkem vody nabieraše szej matce nosil“, что, какъ извѣстно, находимъ и въ ev. Pseudo-Matthaei (гл. 33), и въ ev. Thomae (гл. IX лат., и XI греч.) ³¹⁾.

Не меньшей популярностью, какъ и во всей западной литературѣ, какъ и въ восточныхъ, пользовалось и въ чешской литературѣ въ XV—XVI в. евангеліе *Никодима*, не смотря на существованіе рядомъ съ нимъ популярныхъ „Страстей“. Поэтому мы имѣемъ нѣсколько полныхъ текстовъ этого евангелія, какъ рукописныхъ, такъ и старо-печатныхъ ³²⁾. Такимъ образомъ въ отношеніи этого евангелія мы находимся въ лучшемъ положеніи, нежели въ отношеніи предъидущихъ текстовъ. Да и въ научной литературѣ это евангеліе разработано гораздо лучше, нежели предъидущія ³³⁾. Всѣ тексты этого евангелія распадаются, какъ показало изслѣдованіе Ю. И. Поливки, на двѣ группы: къ одной изъ нихъ относятся всѣ рукописи и печатные тексты, кромѣ текста университетскаго (1465 г.), къ другой—университетскій; обѣ группы восходятъ къ различнымъ текстамъ латинскимъ, хотя оба латинскіе оригинала принадлежатъ къ одной редакціи, именно той, представителемъ которой служить знакомый уже намъ cod. Einsidlensis (по Тишенд. D^b). Университетская рукоп. даетъ наибольшую близость къ этому cod. Einsidlensis, но въ то же время даетъ точки соприкосновенія съ другими рукописями этой группы: D^a, D^c (см. Тиш., proleg. LXXIV), Pr. и Št.-Hrad. ³⁴⁾; тогда какъ остальные, исходя изъ тѣхъ же D^{a-b-c}, даютъ однако параллели къ инымъ рукописямъ, чаще всего къ A, B и C (Тишенд., proleg. LXXIV), что въ особенности замѣтно при сравненіи 2-й части Никод. ев. съ латинскими текстами. Вотъ сущность взгляда Ю. И. Поливки ³⁵⁾. Эта вторая часть Ник. ев. (т. н. Descensus Christi ad inferos) особенно интересна и важна для исторіи текстовъ Descensus'a вообще: „чешскіе переводы знакомятъ насъ съ такой латинской редакціей, которая доселѣ не была извѣстна, которая занимала между обѣими (по Тишенд.) латинскими редакціями мѣсто переходное, принимая въ себя части то изъ первой, то изъ второй редакціи“ ³⁶⁾. Что же касается отношенія между чешскими текстами, то рѣшить, какой изъ двухъ переводовъ старше, при такомъ взглядѣ, какой переводить Ю. И. Поливка, трудно, потому что тексты, повидимому, не однократно измѣнялись, благодаря чему сравнительно позднія рукописи, Микуловская (1453) и Кржижовницкая (1472), сохранили мѣстами чтенія первоначальныя, тогда какъ Страговская (1442 г.) носитъ въ этихъ мѣстахъ уже слѣды правленія ³⁷⁾. Кромѣ того, нѣкоторыя мѣста заставляютъ предполагать правленіе текста по латин-

³¹⁾ P. I. Safařík Sebrané spisy III, 373.

³²⁾ Намъ извѣстны четыре текста рукописныхъ: Страговскій (въ Прагѣ) 1442 г., Микуловскій 1453, Пражскій университетскій 1465, Кржижовницкій (Прага) 1472 г.; изъ печатныхъ текстовъ можно указать: инкунибулу (въ Чешскомъ Музеѣ), изд. 1513 г., 1540—1547, 1563, 1700. (См. I. Jireček Rukověť, str. 19).

³³⁾ Страговскій текстъ въ сличеніи съ другими изданъ еще В. Ганкой: Čtenie Nikodemovo (Praha, 1861). Этимъ же евангеліемъ, одновременно со мною, занимался Ю. И. Поливка. Его статья: „Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanských“, напечатана въ Časopis'ѣ 1890 г. (стр. 255 и 535) и 1891 г. (стр. 94 и 440). Въ статьѣ пересмотрѣны также и кирилловскіе тексты. Въ выводахъ, какъ оказалось, мы сошлись (см. Занятія VIII Съѣзда, стр. 127). Особенно подробно и удачно разобраны Ю. И. Поливкой, разумѣется, чешскіе тексты. Этой статьѣя и руковожусь, здѣсь излагая дѣло кратко.

³⁴⁾ Pr.—рукоп. латин. унив. библ. въ Прагѣ (III, H, 21), Št.-Hrad.—грацкая университетская. Обѣ остались не замѣченными К. Тишендорфомъ

³⁵⁾ I. Polívka о. с. р. 565.

³⁶⁾ I. Polívka, ibid. р. 551.

³⁷⁾ I. Polívka, ibid. р. 565.

скимъ оригиналамъ ³⁸⁾; правда, такихъ мѣстъ очень немного, но все же они указываютъ на тѣ измѣненія, которыя уже въ XV в. претерпѣлъ текстъ. То же подтверждаютъ и старо-печатныя изданія чешскаго Ник. ев.: инкунабула ³⁹⁾, совпадаетъ не только со Страговской рукописью, но часто и съ Кржижовницкой и Микуловской, но часто идетъ и совершенно самостоятельно (Polívka, 565); позднѣйшія изданія, исходя въ главной основѣ изъ той же инкунабулы, все-таки постоянно даютъ свои поправки и измѣненія, таково, напр., изд. 1577 г. (Прага, экзempl. Чешскаго музея) ⁴⁰⁾. Заглавіе его близко къ Страговскому: *Cztenij Nykodémowo. W němž se wypisuge to co se dalo při Umučenij Pana Gesu Krysta. Při tom take gest kterak Tyberius Cýsař poslal po pána Gežýsse do Geruzaléma Woluzyana Knijže a Biskupa Ržijmského* ⁴¹⁾. Но за тѣмъ—цѣлое добавленіе, совпадающее съ изданіемъ 1540—47 г., но представляющее нѣкоторыя отмѣны ⁴²⁾; это добавленіе даетъ м. б. немного утрированныя, но во всякомъ случаѣ заключающія долю истины, свѣдѣнія о популярности Никодимова евангелія, отчасти объ его исторіи; такъ, мы узнаемъ, что старшее изданіе (м. б. инкунабула?) давно (по счету изданій различно; см. прим. 42) стало рѣдкостью (*však zřídka se nachází*), да къ тому же оно было мало доступно для народа по своему языку старочешскому (м. б., по правописанію?); это де все заставляетъ издателей выпустить новое изданіе, *исправивши и пополнивши* текстъ по старому (рукописному?) экземпляру (*co bylo zmeyleno, to vše tuto jest zase napraveno a vyplněno z velmi starého exempláře*). Это, хотя и косвенно, показываетъ, что Ник. ев. было въ уваженіи и интересовало старыхъ Чеховъ. Подтверженіе этому мы находимъ и въ другихъ памятникахъ чешской литературы. Опять указаніе даетъ тотъ же чешскій перелагатель „*Meditationes vitae Chr.*“ ⁴³⁾, который, передѣлывая трудъ Бонавентуры и отказавшись отъ источниковъ апокрифическихъ, выкинулъ рассказъ Бонавентуры, основанный на Никод. ев., замѣнилъ его другимъ, источникомъ котораго была вторая часть того же евангелія. Прямо ли изъ апокрифическаго евангелія взять этотъ рассказъ ⁴⁴⁾, или изъ какого нибудь средневѣковаго писанія, имѣвшаго источникомъ то же евангеліе (напр., *Resuscitatio filiorum s. Symeonis*; см. Tisch. prol. LVI, nota), сказать трудно ⁴⁵⁾; но больше вѣроятія, особенно въ виду заявленія чешскаго передѣлывателя, за вторымъ предположеніемъ; оно находитъ себѣ подтверженіе и въ нѣкоторыхъ отличіяхъ въ изложеніи сравнит. съ текстомъ Ник. ев. ⁴⁶⁾. Какъ бы то ни было, эпизодъ сошествія Христа въ адъ, весьма популярный въ церковной литературѣ запада и востока, могъ поддерживать интересъ и къ самому первоисточнику его—къ Ник. ев.. Объ этомъ говорятъ т. н. „Страсти Христовы“ и цѣлый рядъ мистерій на эту же тему; эти мистеріи (подъ названіемъ *hry velikonoční*) были распространены широко и въ старочешской литературѣ ⁴⁷⁾.

³⁸⁾ Idem, *ibid.* p. 267.

³⁹⁾ Начала въ ней нѣтъ; первая глава читаетъ въ заглавіи: *Kapitola prwní, kterak pán Gesus Krystus obžalován od židuow před Piláta falessně a kterak posel prostieral loktussy gemu aby přissel k zprawenij před Pilata*. Ср. Страговск. текстъ (изд. Ганки, стр. 11).

⁴⁰⁾ Останавливаюсь на этомъ изданіи потому, что оно почему то осталось недоступнымъ Ю. И. Поливкѣ (о. с. р. 264)

⁴¹⁾ Ср. заглавіе книжки В. Ганки и 91 стр. изданія текста.

⁴²⁾ Въ немъ указано на предъидущее изданіе, бывшее за пятьдесятъ лѣтъ до него, т. е. въ 1527 г., тогда какъ въ изд. 1540—47 г., указывается на изданіе 1513 (м. б. 1506 г.?).

⁴³⁾ См. выше стр. 121, прим. 12.

⁴⁴⁾ Онъ цѣликомъ напечатанъ Ю. И. Поливкой о. с. р. 566—568; ср. выше пр. 12.

⁴⁵⁾ I. Polívka о. с. р. 566.

⁴⁶⁾ Idem, *ibid.* p. 568.

⁴⁷⁾ См. *Výbor II*, 31. Последнее, сколько мнѣ извѣстно, изслѣдованіе объ играхъ пасхальныхъ принадлежитъ *Иос. Трухляржу*: „*O staročeských dramatech velikonočních*“ въ *Časop. Mus. kr. Česk.* 1891, стр. 3 и сл.; здѣсь (стр. 4) перечислены все до сихъ поръ извѣстные тексты этихъ игоръ.

труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

Точно такъ же, какъ и на востокѣ, въ чешской литературѣ Никодимово евангеліе ходило съ добавочными статьями: какъ и въ нашемъ переводѣ обѣихъ частей евангелія, въ концѣ присоединяется „Посланіе Пилата“ (Kapitola třimezcieta, kterak ty věci svrchupsané dány sú Pilátovi, а о listu Pilátovu k siešari—по изд. Ганки, стр. 83); оно, какъ видимъ, входитъ органически въ текстъ Никодимова евангелія. Но есть и другія статьи, которыя соединяются въ одинъ циклъ съ Никодимовымъ евангеліемъ; таковы: Knížky, kterak Tyberius ciesař poslal po Iežíše do Jeruzalema Voluziana kněze a biskupa římského pohanského (по изд. Ганки, стр. 91), слѣдующія во всѣхъ текстахъ Никодимова евангелія ⁴⁸). Этотъ рассказъ, соотвѣтствующій Παράδοσις ὑπὸ Πιλάτου восточныхъ текстовъ, а также рассказу о путешествіи Марѳы и Маріи и о смерти Пилата, есть переводъ съ латинской легенды: *Cura sanitatis Tiberii* (въ издан. Foggini, Exercitationes historico-criticae de Romano divi Petri itinere, 1742) ⁴⁹). Эта повѣсть (изъ цикла легендъ о нерукотворенномъ Спасѣ, Авгарѣ и Вероникѣ) присоединяется также и къ нѣкоторымъ латинскимъ текстамъ Никодимова евангелія ⁵⁰). Отношеніе другъ къ другу текстовъ этой легенды въ чешскомъ переводѣ представляется нѣсколько аналогичнымъ, но не вполне сходнымъ съ переводомъ самого Никодимова евангелія, какъ было приведено выше, именно: отъ первоначальнаго *одного* перевода явился текстъ, сохранившійся въ университетской рукописи Никодимова евангелія; этотъ переводъ былъ переработанъ съ помощью *иной* латинской рукописи, и отъ этого переработаннаго текста пошли остальные тексты. Т. о. университетскій текстъ, хотя и младшій (онъ 1465 г.) сохранилъ *первоначальный* переводъ въ болѣе чистомъ видѣ, нежели три другіе и печатныя изданія ⁵¹). Я съ умысломъ остановился на этой легендѣ: интересно ея отношеніе къ Никодимову евангелію; изъ сказаннаго выше видимъ: а) повѣсть о Волузіанѣ въ латинскомъ и чешскомъ текстахъ составляютъ обычную свиту Никодимова евангелія извѣстной группы рукописей, именно группы, близкой къ Cod. Einsidlensis; б) повѣсть эта вмѣстѣ съ Никодимовымъ евангеліемъ могла быть переведена на чешскій; что это возможно уже à priori, говорить нечего; но на это наводитъ также замѣчательное сходство въ отношеніяхъ къ оригиналамъ университетскаго текста Никодимова евангелія и повѣсти о Волузіанѣ по той же рукописи: какъ Никодимово евангеліе, такъ и повѣсть о Волузіанѣ ближе, буквально передаютъ свои латинскіе оригиналы ⁵²). Изъ этого ясно, что оригиналомъ университетской рукописи была такая латинская рукопись, гдѣ вмѣстѣ были Никодимово евангеліе и повѣсть о Волузіанѣ; ихъ и перевелъ чешскій писатель. Отсюда, кажется, возможно представить себѣ, что упомянутыя отношенія текстовъ для повѣсти о Волузіанѣ существуютъ и для ев. Никодима, т. е.: и переводъ Ник. ев. былъ *одинъ*, лучшимъ представителемъ котораго является университетская рукопись; а этотъ переводъ былъ переработанъ по рукописи, отличной отъ первой (т. е. съ тѣми чертами, которыя даютъ А. В. С. у Тишендорфа), и далъ начало остальнымъ рукописямъ, которыя уже независимо другъ отъ друга варьируютъ текстъ. Дѣйствительно, просматривая сравнительно тексты Ник. ев. въ упомянутомъ изслѣдованіи Ю. И. Поливки, получается впечатлѣніе, что различія, если и оказываются соотвѣтствующими различнымъ латинскимъ рукописямъ, во всякомъ случаѣ не такъ многочисленны въ массѣ сходнаго текста; затѣмъ нѣкоторые варианты именно могутъ быть объяснены не исправленіемъ ошибочнаго текста, а желаніемъ пополнить; почему всѣ рукописи являются полнѣе университетской; наконецъ, уже старшая изъ рукописей мѣ-

⁴⁸) См. Ганки о. с. стр. 9; *I. Polívka*, Dvě povídky v české literatuře XV. stol. (Praha, 1889), стр. 95.

⁴⁹) Другія изданія текста см. *I. Polívka*, Drobné příspěvky literárně—historické (Praha, 1891), стр. 23—24.

⁵⁰) Thilo, proleg. 136; Polívka, о. с. р. 2, указываетъ еще три грацкихъ рукописи съ подобными прибавленіями.

⁵¹) *I. Polívka*, о. с., р. 63. Здѣсь легенда разобрана сравнительно съ иноземными текстами и издана въ сводномъ текстѣ съ латинскимъ подлинникомъ.

⁵²) *I. Polívka*. Časop. 1890 г., стр. 565; его же, Příspěvky, стр. 62.

стами прямо даетъ указанія на то, что правленіе было (см. Časop. 1890, стр. 267); она же даетъ рядъ случаевъ сходства съ университетской тамъ, гдѣ остальные отклоняются (см. тамъ же, стр. 266). Т. о. я представилъ бы себѣ исторію чешскаго перевода Никодимова евангелія такъ же, какъ она представляется для повѣсти о Волузіанѣ, прибавивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что евангеліе и повѣсть были переведены вмѣстѣ (т. е. съ одной рукописи). Отсюда ясно, что университетскій текстъ — болѣе древень по составу, нежели другіе, старшіе по времени рукописи, но уже правленные.

Въ старшей рукописи (Страговской) и въ Кржижовницкой этотъ циклъ сказаній дополненъ еще сказаніемъ: „Pověst' krásná o dřevu svatého kříže“ (изд. Ганки, стр. 86). Эта повѣсть уже не такъ плотно примыкаетъ къ тексту евангелія Никодима: ея нѣтъ въ ближайшей подлиннику университетской, нѣтъ ея и въ первопечатныхъ изданіяхъ ⁵³⁾.

Наконецъ, разставаясь съ чешскимъ переводомъ Никодимова евангелія, закончимъ обзоръ чешскихъ апокрифическихъ евангелій небольшою замѣткой объ отношеніи латинскихъ оригиналовъ юго-славянскаго и чешскаго переводовъ: оба перевода близки къ cod. Einsidlensis, но, какъ можно уже было видѣть, оригиналъ чешскаго перевода не представляетъ уже въ чистотѣ этотъ cod., давая параллели и къ другимъ. Оригиналъ же юго-славянскаго перевода гораздо ближе подходилъ, судя по переводу, къ этому cod. Einsidlensis ⁵⁴⁾.

Гораздо бѣднѣе, нежели относительно чешской, свѣдѣнія наши объ апокрифическихъ евангеліяхъ у другихъ западныхъ Славянъ. Въ польской литературѣ эти свѣдѣнія крайне неполны и отрывочны. Прямыхъ указаній на существованіе польскихъ текстовъ апокрифическихъ евангелій мнѣ не встрѣтилось ⁵⁵⁾. Косвенныя же указанія есть, но относительно только одного евангелія Никодима: обѣщанная въ петербургской рукописи 1544 года исторія рожденія Христа, м. б. апокрифическая, въ рукописи отсутствуетъ ⁵⁶⁾. Во всякомъ же случаѣ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что Никодимово евангеліе было *известно* польскимъ писателямъ: съ именемъ Никодима мы встрѣчаемся не разъ, а латинская передѣлка въ спискахъ, сдѣланная польскимъ писателемъ, намъ известна по рукописямъ ⁵⁷⁾, она содержитъ повѣсть о погребеніи Христа, рассказъ про преслѣдованіе жидами Іосифа Аримаѳейскаго, затѣмъ повѣсть Карина и Левкія о сшествіи Христа въ адъ, наконецъ о вознесеніи Христа. Затѣмъ, не безынтересныя указанія на существованіе родственныхъ Никодимову евангелію писаній въ польской литературѣ даетъ литература русская, много черпавшая у сосѣдки и сохранившая поэтому въ переводахъ указанія на исчезнувшія или ненайденныя до сихъ поръ на родинѣ произведенія. Такъ къ краткой редакціи Никодимова евангелія присоединенъ какой-то „Чюваевъ переводъ с польскихъ книгъ, како Господь праведныя изъ ада изведе и силу адову разруши“ ⁵⁸⁾; этотъ текстъ, повидимому, стоитъ въ связи, можетъ быть, представляетъ извлеченіе изъ бѣлорусскаго перевода съ поль-

⁵³⁾ Эта легенда разобрана въ той же книжкѣ Ю. И. Поливки „Drobné přispěvky“... стр. 64 и сл. Здѣсь указанъ и мазурскій текстъ повѣсти. Ср. также А. Веселовскаго „Западные легенды о древѣ креста“... (Зап. отд. руск. яз. и слов. XLV).

⁵⁴⁾ Этимъ исправляется неточность, вкраившаяся въ изложеніи моего реферата въ „Занятіяхъ восьмага Съѣзда“, стран. 127.

⁵⁵⁾ Древнихъ текстовъ, конечно, и ожидать въ польской литературѣ трудно, въ виду слишкомъ поздняго появленія польскаго языка, какъ литературнаго (см. Пыпина и Спасовича „Исторія славянск. лит.“ II, 466—467).

⁵⁶⁾ Archiv für slav. Phil. V. XI, Heft. IV (Kleine Mittheilungen), S. 620. Ср. также выше стр. 113, прим. 58.

⁵⁷⁾ Это рукоп. начала XV в. Петерб. публ. библ. (XII, Q. 18); см. Al. Brückner'a „Średniowieczna proza łacińska w Polsce“ (Rozprawy wyd. filolog. Akad. w Krakowie, T. XVI (1892), str. 313.

⁵⁸⁾ Рукоп. Спб. дух. акад. № 1428; известна мнѣ по указанію въ упомянутой статьѣ Ю. И. Поливки о Никол. ев. (Časop. 1891, стр. 451).

скаго: „Мука Господа нашего Исуса Христа“, сохранившагося въ двухъ рукописяхъ: Синод. библ. № 203 и Спб. публ. библ. Q. I, 391 ⁵⁹⁾. Этотъ послѣдній текстъ подвергъ разбору профес. А. Брюкнеръ (см. прим. 56), при чемъ указалъ, что это не Никодимово евангеліе, а только сочиненіе на немъ основанное. Имъ же указанъ вѣроятный источникъ русскаго текста — упомянутая раньше рукоп. Спб. публ. библ. 1544 года: *Zpraва chędogo o męce Pana Chrystusowej spisana przez Lukaszа, со dobrze obaczysz pilno cztaс*. Источникомъ же этой польской книжки, содержащей „разсказъ о страстяхъ и сошествіи Господа въ адъ, почерпнутый изъ каноническихъ и апокрифическихъ писаній и заключающійся въ концѣ Никодимовымъ евангеліемъ, совпадающимъ по чтенію съ чешскимъ переводомъ“ ⁶⁰⁾, могла служить рукопись въ родѣ „*Historia evangelica*“, куда вошли „*Ploratus et lamentatio, quos faciebat virgo Maria de filio suo*“ и „*Resuscitatio filiorum sancti Symeonis*“ ⁶¹⁾. Другимъ вѣроятнымъ (посредствующимъ) источникомъ А. Брюкнеръ указываетъ нѣмецкую инкунабулу (Ausburg, 1494): „*Von der Kinthait vnnsers Herren Iesu Christ genant vita Christi*“, гдѣ съ л. 44 идетъ исторія о страстяхъ „als es die 4 Ewangelisten, Nicodemus und vil ander leser“ разсказываютъ ⁶²⁾. Общій выводъ у Брюкнера таковъ: „польская литература XV ст. владѣла „Страстями Христа“, непосредственно переведенными съ латинскаго; эти польскіе тексты въ концѣ XV или началѣ XVI в. перевелъ бѣлоруссъ“ (въ рук. Спб. публ. библ. Q., I, 391, Синод. № 203). Наконецъ, въ хронографъ 2-й редакціи вошли отрывки о снятіи со креста и о плачѣ Богородицы, идущіе изъ текста „Пасыя албо плачь Пречистой дѣвы Маріи“... переведеннаго, повидимому, также съ польскаго ⁶³⁾.

Вотъ все, что мнѣ пришлось собрать по литературѣ о польскихъ апокрифическихъ евангеліяхъ ⁶⁴⁾. Наконецъ, находимъ еще одно краткое указаніе на существованіе *мазурско-польскаго* текста Никодимова евангелія; объ его исторіи намъ извѣстно очень немного: извѣстно только, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія среди Мазуровъ ходило Никодимово евангеліе въ рукописи и въ 1852 г. впервые издано (въ Янсбургѣ), быстро разошлось, почему переиздано было въ 1855 г. и затѣмъ не одинъ разъ. Книжка озаглавлена: „*Prawdziwa historia o bolesnej męce i śmierci, o cudowném z martwych wstaniu i wniebowstąpieniu Odkupiciela i Pana naszego Jezusa Chrystusa, tudzież inne pobożne i ciekawe czytania*“, или (въ позднѣйшихъ изданіяхъ): „*Ewangelia Nikodema czyli krótka wiadomość*“... Книжка, повидимому, переведена съ нѣмецкаго изданія (въ Insterburg'ѣ). Въ общемъ это, дѣйствительно, цѣлый сборникъ благочестивыхъ статей, между которыми интересны народныя пѣсни Мазуровъ.

Точно также и у *Лужичанъ* Никодимово евангеліе стало популярной книжкой (извѣстно изданіе: „*Nikodemusova knížka*“. Budyšin, 1843) ⁶⁵⁾.

⁵⁹⁾ О нихъ см. П. В. Владимірова „Францискъ Скорина“ (Спб., 1888), стр. 37—38, и Ю. Поливки о. с. р. 451—453.

⁶⁰⁾ Archiv f. sl. Ph. XI, 621. Явныхъ чехизмовъ въ текстѣ нѣтъ.

⁶¹⁾ Tischend. prol. p. LVI nota. Текстъ послѣдней статьи начинается: In evangelio autem Nicodemi legitur quod Carrinus et Leuntinus...

⁶²⁾ Этотъ источникъ представляется менѣе вѣроятнымъ для бѣлорусскаго перевода: тщательное сличеніе нѣмецкой книжки съ русскимъ текстомъ, сдѣланное Ю. И. Поливкой, показало, что совпаденія, на которыя указалъ А. Брюкнеръ, объясняются тѣмъ, что оба сочиненія имѣли прямымъ или непрямымъ источникомъ одно и то же Никодимово евангеліе (см. *Polivka*, о. с. р. 454).

⁶³⁾ А. Н. Поповъ. „Обзоръ хронографовъ русск. редакціи“, II, 128 и сл. См. выше, стр. 113.

⁶⁴⁾ Отсутствіе чистыхъ текстовъ апокрифическихъ евангелій на польскомъ, я объясняю себѣ тѣмъ же позднимъ возникновеніемъ *польскаго* литературнаго языка (XV ст.); въ это время западная европейская литература уже пережила эпоху интереса къ самимъ апокрифич. евангеліямъ, замѣнивъ ихъ многочисленными памятниками, только восходящими по своимъ источникамъ къ старымъ текстамъ апокрифическихъ евангелій. Эти переработки и должны были служить образцами для польскихъ писателей.

⁶⁵⁾ Послѣднія извѣстія взяты мною цѣликомъ изъ статьи Ю. И. Поливки, въ *Časop. Mus. kr. Česk.* 1891 года, стр. 459—460.

Такой бѣглый, преимущественно библиографическій, обзоръ западно-славянскихъ текстовъ апокрифическихъ евангелій ведетъ все-таки къ наблюдению, что чешская литература, какъ самая богатая въ средніе вѣка между западно-славянскими, является таковой же и по отношенію къ апокрифическимъ евангеліямъ, потому что чешская литература, какъ и чешскій народъ, ранѣе другихъ примкнула къ западной европейской культурѣ, и уже въ XIII — XIV в. едва ли во многомъ отставала отъ германо-романской литературы ⁶⁾; тогда какъ польская народность только въ XIV—XV в. начала созидать свою національную литературу, на родномъ языкѣ; во время же ея развитія („Золотой вѣкъ“) главные интересы польской литературы и жизни, какъ и западно-европейской, направлялись уже въ другую сторону, отнюдь не благоприятную для развитія и сохраненія апокрифа.

⁶⁾ *Пытинъ и Спасовичъ*. „Исторія славянск. лит.“ II, 825—826.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Чудо о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ.

(Рум. Муз. № 1244).

Чудо 1 (II). Бившу Господу нашему Иисусу Христу еще суцу во двохъ лѣтехъ возраста своего играюще въ ричищахъ со жидовскими дѣтми и сотвори дванадесять птицъ от калу излѣпиша и сплеснувъ руками, а они излетѣша, бисть же въ той день субота. Видяча же тое жидовинъ единъ, что Христосъ творить, шедъ скоро возвѣсти Иосифу отцу Иисусову и глагола: отроче снъ твой играюще въ рѣчищахъ и взявшу калу сотвориша дванадесять птицъ; сплеснувъ руками, а они излѣтѣша, и осквернивъ есть суботу; шедъ Иосифу отцу своему на руки и принесе его въ домъ свой (IV) хотя его научити, Иисусъ же рече тому жидовину, которой его Иосифу прискаржилъ: для чего мя отцу моему отскаржилъ? не дойдешъ ти и до дому; такъ тебѣ мовлю.

Чудо 2. Егда же Иисусъ рече тое слово, падъ жидовинъ на землю и умре. (л. 12 об.) видѣв(ш)е тое другий жидовинъ возопиша и глаголюще: откуда се отроча, иже паки старшии дѣла творить? Шедше родитель оного жидовина умершаго и рекоша Иосифу: что сие якое чудо отроча имаши? аще будетъ сие отроча болше, да не штрашніе дѣла творит и чудеса, то не имаши жити въ городѣ семъ; аще есть хитро и лукавость, то научи его, да не клинетъ чужихъ дѣтей, да умираетъ от него ¹⁾. И призвавъ же Иосифу Иисуса учаше его: сину, почто клинеши дѣтей чужихъ жидовскихъ, да умѣраетъ от тебе? того ради жидове хотять насъ измати иже ради сего. Иисусъ же рече отцу своему: отче, кто тебѣ говоритъ сие по второе из града ити то Иисусъ словеса поведай сколько изженеть ко мнѣ послышавшаго его.

Чудо 3. И иже (?) клеветяху на Иисуса вънезапу ослѣпиша и безъгласни биша; тое видѣвше инии жидове и удивяшася зѣло, потомъ не смѣеть нѣхто (13 л.) гнѣватись на него изрици добре. В той часъ разгнѣвася Иосифъ на Иисуса, Иисусъ же рече: отче мой, почто велце гнѣваешися на ня (мя?), не вѣдаешъ и истинно что и сотворю и умирають жиди, то я молю тя: не смотри меня твой и к тебѣ волаю.

Чудо 4. Именемъ Залижей (sic) услыша Иисуса глаголюще отцу своему да дивися и рече ко Иосифу: брате, се отроча, имаши мудрость; дай мнѣ его на науку, дома покинетъ (sic) грамоту. По емъ Иисуса и веде его ко учителю рече ему: брате Закхею, возми отрока, сие мнѣ тцание о немъ. Сие слышавъ Иисусъ разгнѣвался, и глагола ему Закхею: что и смѣешися? Иисусъ же рече: тцание хоцещи имѣть о мнѣ, ви же ничтоже творите безъ мене не можете; ни вѣси бо того, что азъ вѣдаю, яко мнѣ единому власть сия дана есть, понеже и Господъ есмь; еще сии есть откуда придохъ и

¹⁾ Соотв. греч. τὰ γὰρ παιδία ἡμῶν θανάτοιο (Tisch. p. 143). Остальные списки передаютъ эту фразу не точно.

колко мнѣ лѣтъ есть изросту совершеннаго о существомъ; ви же (л. 13 об.) не вѣсте мене есте и где родитесь сия и сколко лѣтъ живота вашего; истенно бо глаголю, учителю, егда ти родися оз тамо стоялъ; но когда еще хочещи совершенъ быти, то послушай мене: азъ тебе научу хитрости, еяже никтоже вѣсть развѣ мене. Послушавши жидове глаголаша сие и рекоша: пять лѣтъ отро чати сему; есть же глаголя да би словеса таковыхъ Бога глаголя не слишахомъ ни от фарисей ни от ахирей, ни от учителя. И рече Иусъ: сему ви дивуйтесь. Но азъ вѣдаю егда миръ созданъ бисть. Тогда слышавше жидове убояшася и не можаху ничтоже рещу (sic). Иусъ же играше и скакаше глаголюще: вѣдаю, яко учителя, а сами не хочеть учитель добре. Закхей же емъ Иуса за руку веде его ко Иосифу и глагола: о горе мнѣ, яко получе бивъ отро чати сего себѣ учти, а онъ мене учить самого во двоухъ лѣтахъ суща.

Чудо 5. Въ том же юноша нѣкий руба дрова Иуса Иосифова (14 л.) и удари сокирою изрубавъ пле(сну) ноги своя падъ умре. Молва же и зтечения людей много ледвѣ протинулся Иусъ сквозѣ народа и прииде идѣже лежаще юноша, иного въземъ за ногу и прииде и бисть цѣла нога болнаго, и глагола ему Иусъ: юноше, тебѣ глаголю: востани. И абие вѣста, народи же дившася и поклонишися отро чати и рекоша: Богъ живетъ въ немъ.

Чудо 6. И паки во время сиянїя иде ко Иусу со оцемъ своимъ Иосифомъ на ниву свою сѣяти пшеницѣ; егда сяде Иосифъ обитати (обѣдати?), въ той часъ Иусъ побѣже единъ спудъ посѣявъ пшеницу и во едину годину тоже сотре и принесе отцу своему пудовъ десять привену; прихилившисъже Иосифъ лобизати его сталъ любезно и призва убогия и дасть пять пудовъ, а пять и бѣ (себѣ) пудовъ на рукодѣяние древо дѣлать.

Чудо 7. Иусъ же вниде по обычаю въ храмъ жидовский, возва дѣтей жидовскихъ мно жество и поиде по стѣнѣ (л. 14 об.) солнечной високо азъ до облака и повелѣ дѣтямъ вѣсѣмъ ити за собою, поидохъ и биша високо и потомъ дѣти полетѣша сквозѣ стѣни стремглавъ и побипшася вси, и начаша Иусъ смѣяться играше.

Чудо 8. Бившу Иусу въ шестое лѣто посла matka его по воду: шедъ скоро крагой (и разби) корцазицу и смѣялся Иусъ; матери своей не имѣвши же чимъ почерпнати води и знялъ изъ себе сорочку и почерпе полну води и принесе Марии матери своей. Видѣвши тое чудо, жидовинъ уди вшася; мати Иусова пришавшися стала лобизати чуда его.

Чудо 9. В то время здаша палату между (мужу?) богату и (?) укорити древо внѣ полата. печал же бывъ велми, и пришедъ Иусъ и рече Иосифу: зле учинилъ. И рече Иусъ: отче мой, положи древо предъ мною на землю. И положи Иосифъ бервено короткое, Иусъ же емъ рукою за ко нецъ и протяже бервено и стало долгое пять локоть, (л. 15) и сотвори равно, Иусъ же: не тужи, отче; попусуется: призови мене и похвали дѣло мене. Иосифу о семъ его сталъ лобизати любезно: благо мнѣ, яко сие отроча даде Богъ.

Чудо 10. Емъ Иосифъ Иуса и веде его ко матерѣ (мастеру?) еже шумка дѣлаеть; мать же даде Иусовѣ сукна тонкого белаго локоть 30 укинути же въ разнїе цвѣти: все в червоное, а все въ зеленное въ бубланое, а все темное въ темное... а иду орудовать; взялъ локтѣ всѣ въложилъ въ н(к)ад червоную одну. И прииде майстеръ въ правилъ сей вѣсе, и рече Иусъ: управилъ усе сукно, въложилъ въ червоную кадъ одну. Майстеръ же возопи и рече: чемъ еси въ одну кадъ въложилъ, азъ тебѣ повелѣлъ въ разнїе цвѣти вложити и вкинути на него. И восхитися Иусъ и побѣже, а онъ за нимъ верже кописткою (?) и восхитися. Видѣвъ же тое чудо майстеръ ужа селся, и пришедъ Иусъ и ста надъ червоную кад(ь)ю: не тужи, майстеръ; какого тебѣ сукна треба, глаголи мнѣ. И рече майстеръ: червоного. И винявъ Иусъ червоного сукна и паки синого и ви нявъ разнїе (15 об.) цвѣти из ведной кадѣ. И емъ его за руку майстеръ лобизати сталъ и удари перед нимъ поклонъ: во истину сей синъ Божий! И веде его ко Иосифу глагола: поими отроча сие, дивний бо чудеса вѣседяху (sic) от него днесъ.

Чудо 11. Веде его ко иному майстру книжному, да научить пѣсма. И рече майстеръ: которий книгамъ научу его? Иосифъ же речеть: елинскимъ. Майстеръ же написа ему алфа ста (=вита?). Иисусъ же тако рече ему: аще сей прямой учитель пидаемъ добреннимъ (?), то царъ мой атфисигмъ (?); азъ же скажу тебѣ о свѣтѣ, и разумѣвася мовля: а болше мене глаголетъ. Народ же много поиде послушати его, отрокъ же бистъ благодати Божией исполненъ и премудрости. Рече же майстеръ: Иосифе брате, пойми отрока своего и веди его въ домъ свой. и слиша Иосифъ засмѣялся.

Чудо 12. По сихъ днехъ идоломъ ждахъ (sic) храмъ каждменій и рече: пожрутъ въсѣмъ злѣмъ жидемий храмъ идоломъ. И абие потребися чуду.

Чудо 13 (16 л.). Утру же бившу никоего дня посла ко Иосифу Иякова сина своего по фороствъ у лѣсѣ, изнииде Иисусу рече: сусе заня лота (змия люта?) усѣмъ и класть въ руку Иякова и падъ и умираеть. Иисусъ же дхнувъ на лице его и угрызения лютаго яда змиева, ядъ спаде з него, Яковъ прозрѣ на ня и змия древу високу спаде челоуѣкъ²⁾.

Чудо 14. И паки бившу с висоти и умереть и стснену бившу людей много. Слшанъ (=въ?) Иисусъ идеть туда и видѣ челоуѣка мертва лежаща и емъ его за руку и рече: тебѣ глаголю, челоуѣче, востани и твори дѣло свое. И абие и поклонися ему. Видѣвши народи и убояшася и рекоша: отрока сие с небесъ емъ (естъ?), много спасаеть о смерти.

Чудо 15. Бистъ же у сусѣда нѣкоего отрока умереть и пла(ча)ся народнимъ (надъ нимъ) matka его. Слша же (16 об.) Иисусъ яко вопль ять и приидеть и видѣ отрока мертва на рукахъ матери своей, и приступилъ Иисусъ, коснулся усть его и рече: востани и буди здравъ. И абие восмѣяся отрока, и рече Иисусъ: жено, пойми отрока своего и дай ему ясти. И вѣдѣ народъ и рѣша: во истину въ отрочатѣ семъ Богъ живеть. Аминь.

Конецъ чуду сему.

²⁾ Последнія слова, очевидно относятся къ слѣдующему чуду.

II.

ЧЮСА, І ДѢЛНІЯ ГА НШЕГО ІСА ХА.

(Рук. XVI в. Ундольск. (Рум. Муз.) № 1253).

(52) (I). Чю ѿ а. Извѣсти избранный азъ фома ильтаннинъ, всѣмъ оубо мзыкѣ. братіе видите чудеса и дѣланія и дѣтельства ¹⁾, еже сзтвори величіе бжіе гь ншь іс хс. рожейсѣ во странѣ ншей иже нарицаетсѣ вифлеѡмъ грѣ назарѣфъ. еже о влчствѣ (II), въ отроча іс пяти лѣ ²⁾. хоужаше на речіцоу и играше тоу, и текоуци вода мутна свѣщи в рѣчице. и звираше рѣчицѣ ³⁾ и твораше ѿ чистѣ дѣтельнымъ (52²) слѡвомъ токмо. а не дѣломъ повелеваѣ. і авіе вземъ ѡ врѣніа матѣжи ⁴⁾, и сзтвори ,вї, птіць, вѣ свѣота егда твораше играѣ іс и много дѣтей вѣше играюще с нї. и видѣвше сѣ жидовѣ ⁵⁾ иже твораше ісз в днь свѣотный. и пришѣше вззвѣстиша оцѣ егѡ глюще. сѣ отрокъ твой ис играетъ тамо в рѣчицѣ ⁶⁾, и вземъ гадъ ⁷⁾ и сзтвори. вї птіць осквернѣтъ соуботѣ. и шѣ иосифъ взвѣ и глѣ, почто тако твориши в свѣотѣ ⁸⁾. іс же всплескаше рѣкама своимъ. и вззопи къ птіцѣ сїмъ и рече имъ. взлѣтите и взлѣтѣть. и вы видите и поманите іса жива сжца. и возлѣтѣвша авіе птіци тѣ поюще ⁹⁾. и и видѣвше же сѣ чудо вывшеѣ жидовѣ и оужасѡшасѣ. вкѣпѣ (53) вси шѣше..... довоъмъ чюдное зн..... ¹⁰⁾твори ісз. (III) аненъ же книжникъ вѣ стоа тѣ тѣ чѣ. сз исифомъ сз оѣемъ егѡ. вземъ вїѡ вѣрвовѣ ¹¹⁾ разгордѣ вземъ егѡ и рече гдѣ истекшаѣ из нї воды ѡже сзтвори іс ¹²⁾. разорѣніе негодѣа, и рече емѣ мѣзойменитый нечтївый неразѣмне. како мѣ вззенавидите мѣстїви кровїѡ и моа рѣчица ¹³⁾. нѡ сѣ ннѣ іако древо оусхнеши, в тѣже годїнѣ авіе отроча соухѡ вы в тотъ чѣ. іс же иде в домъ свой. и рѡтели рѣслабленаго прїйдѡста и взѣста оуношѣ своегѡ. плакашесѣ и глюще тако иосифѣ, что таково имаша отроча своѣ.

X.—текстъ по рук. Хлудова (№ 162); С — текстъ, изд. въ Starine (кн. VIII). Въ рукоп. Унд. листы перебиты; въ изданїи приведены въ порядокъ.

1) знаменїа и чудеса—X.; видѣти дѣтельство, иегда створи величїа Г. н. I. X.—С.

2) трїимъ лѣтомъ—X.; е. лѣтъ—С.; греч. *πενταετής* или *ἑπταετής*.

3) въ виркови (*δίνη*, vortex)—X.; въ пышице—С.; греч. *συνήγαγεν εἰς λάκκους*.

4) брение мѣико—X.; тоже—С.

5) іединъ отъ юден—С.

6) тамо в рѣчицѣ—въ X. пропущено.

7) брение мѣико—X.; калъ—С.

8) проп. иже не дѡитъ творити—X., С.

9) зовающе вы вї—X, въ которомъ передъ этимъ пропускъ; греч. *καὶ πατασθέντα τὰ στρούθια ὑψηλῶν κρᾶζοντα*.

10) Точки, какъ и ниже,—пропускъ вслѣдствїе порчи рукописи.

11) вѣхъ врьвовѣ—X; *κλάδον ἰτέας*.

12) проп. и видѣвъ отрочѣ—X, II видѣвъ Ісусѣ—С.

13) водомашинне нечтїви и неразѡмны, что възбодило виркови мон. та ихъ разкази—X; како те въззенавидѣше мон вирци и моѣ рѣчицѣ.—С; *τί ἠδίκησάν σε οἱ λάκκοι καὶ τὰ ὕδατα*.

(IV) Чюдѣ второѣ ісѣ хс. Пакы же идѣше ісѣз сквозѣ гѣла, и дѣтско отроча мѣло мѣмо текѣщи. възскачѣ и играѣ на рамоу егѣ (53²)..... (па)де отроча на землю ниць скоро и знемѣже. видѣвше же и нѣи чюдѣ вывшеѣ, възпѣша и рѣша ѿкѣдѣ рѣѣм отрочѣ сѣ. іако слово егѣ на все дѣло гѣтово ѣ, и прѣидѣша рѣтели и повѣдаша ѣцѣ егѣ слово прѣдѣша еѣмъ ¹⁴). ты таково отроча и маши, не мѣжешѣ с нами жити. и гѣла хѣ еѣмъ гѣрадомѣ всѣмъ ¹⁵). аще хѣщешѣ с нами жити, и оѣчи дѣтѣ своѣ блѣвити а не клѣти дѣтѣи нѣи. нѣи дѣти оѣсоуѣены створи ¹⁶), (V) и прѣзва іѣсифѣ отроча ісѣа. и рече оѣчѣше и гѣла, почѣто тако клѣнешѣ чѣужѣа дѣти да стрѣжѣю. сѣце ненавидѣ на чѣадо, и згѣонѣ на и з гѣада сѣгѣ. и рече же ісѣз ко ѣцѣ своѣмоу. азѣ вѣдѣ ѿчѣ іако сѣ гѣли не соѣтъ мой ѣ (54) азѣ гѣла хѣ, ѣбѣче азѣ прѣмѣлѣчѣо тѣбѣ ради ѿчѣ. ѣни же жѣидѣе прѣтѣивоу прѣймоу трѣдѣо своѣмѣ. и вѣтоѣ чѣасѣ ¹⁷) ѣслѣпоша и ѣгѣлохѣнѣша и тако видѣвше и нѣи оѣбоѣвше сѣлѣо. и по сѣмѣ никѣтоже не (сѣмѣ?)ѣша. іако всѣмѣ гѣлѣ отрочѣати еѣже рѣе любѣо на сло вѣтоѣ чѣа и зѣвѣдѣше. і авѣе видѣвѣз іѣсифѣ іако сѣ творѣи прѣгѣнѣвѣсѣ наѣнѣ, и иѣмѣ за оѣухѣо и ѿтѣже сѣлѣо ¹⁸). и ѣ и играѣощѣи дѣтѣ ¹⁹) гѣла ісѣз негодѣа. довлѣѣтѣ ти и сѣкѣти менѣ и ѣбрѣтѣти разѣвоѣнѣичѣе. ты истѣнѣноѣо не вѣсѣи ли іако тѣвоѣ и сѣмѣ азѣ ²⁰). (VI) оѣчѣлъ же вѣѣ ѣтерѣз и менѣмѣ заѣхѣѣа стоѣше тѣмѣ, слыша ісѣа гѣлюѣа ко ѣцѣ своѣмѣ. и чѣодѣшѣсѣ сѣлѣо іако отроча сѣ таково словѣса гѣше.

Чюдѣо. і. ѣ. ісѣ хсѣо. (54²). Не по мѣносѣмѣ же дѣнѣхѣ заѣхѣѣа прѣблѣжѣсѣ ко іѣсифѣ и гѣше еѣмѣ. аще ли и маши отроча мѣро гѣрадѣи прѣдѣи ми егѣо да ти навѣкѣнѣ кѣнѣгамѣ и всѣмѣ наставлѣнѣю. еѣже разоумѣти и чѣити всѣмѣ старѣцѣмѣ и сѣрамѣтѣсѣ и. іако прѣдѣи и ѣцѣ. и любѣвоѣо всѣмѣ свѣрѣстѣники своѣ. и воѣтѣсѣ любѣити рѣотѣла своѣ. да и ѣнѣз любѣмѣ воѣдѣе всѣмѣи ²¹). да чѣто мѣжете наоѣчитѣи чѣто мѣ мѣлоомѣ кѣрѣтѣ егѣо мѣнѣи бѣратѣ мой заѣхѣѣа ²²). и іако слыша отроча ѣцѣ гѣлюѣи. и рече такѣ сѣмѣсѣ всѣмѣи, рече такѣ заѣхѣѣви дѣдѣосѣилѣ во истѣноу ѣчитѣлю, всѣмѣ еѣлика ти рече ѣцѣ мой истѣнѣна еѣсть. всѣмѣ же томоѣ гѣ азѣ еѣсѣмѣ, вы же чѣужѣи еѣсте ко мѣнѣ. еѣдинѣз во азѣ еѣсѣмѣ.... (57). дѣстъ ми сѣ ѿ бѣга. азѣ еѣсѣмѣ прѣе вѣкѣз. и нѣи еѣсѣмѣ азѣ, азѣ вѣ вѣ рѣѣхѣсѣ, азѣ сѣ вами еѣсѣмѣ. азѣ же вѣдѣи вы кѣто еѣсте, и ли когда родѣлисѣ. и колко лѣтѣз жѣивоѣа вѣшегѣо. во истѣнѣмѣ тѣвѣ гѣлю ты оѣчѣтѣлю прѣе рѣжѣтѣа тѣвоѣгѣо. аще хѣщешѣи сѣвѣрѣшенѣз оѣчѣтѣлю выѣти. во истѣну послѣуѣшѣи менѣ. азѣ наоѣчѣю прѣмѣрѣти еѣа же никѣтоже не вѣсть. разѣвиѣ менѣ. ты послѣшѣавѣ мѣ да наоѣчѣю вы. азѣ тѣвѣ оѣчѣнѣтель еѣсѣмѣ. а ты мѣнѣ оѣчѣлъ нариѣаѣешѣсѣ, понѣже азѣ вѣдѣаю колки лѣтѣз еѣси ты и ли вѣрѣмѣа тѣвоѣе. во истѣнѣ вѣдѣи еѣгда оѣзѣрѣши ²³) и же тѣвѣ рече ѣцѣ мой. іако во истѣнѣноу сѣмѣ всѣмоу гѣ ѣ. а вы чѣужѣи еѣсте, іако тоѣгы азѣ тоѣже и нѣи еѣсѣмѣ. соѣщи же и ѣѣдѣи стоѣще тоѣу, дѣвлѣхѣоусѣ и воспѣша. ѿ (57²) дѣвноѣе и прѣслѣвноѣе чюдѣо, пѣти ²⁴) лѣтѣ отроча сѣи таковоѣа рѣчи вѣщѣаѣе. таковоѣи словѣе никѣлиже не слышахѣѣо, ни оѣу законѣоѣчѣитѣлѣмѣ ни кѣнѣжѣника фѣарѣсѣа. іако отрочѣати сѣе. и пакы же отрочѣз ѿвѣщѣавѣз

14) и запрѣщѣастѣ (родѣтели).—X; и прѣшедѣша родѣтели падѣшаго ко отѣцу иего Посѣфѣу и прѣшѣтѣх —С.

15) и гѣла хѣ.... всѣмѣ—нѣтъ вѣ X. и С.

16) нѣи.... створи—нѣтъ вѣ X и С.

17) проп. И авѣе глаголюѣшѣи наѣнѣ—С; вѣ X. всѣ эпѣзѣодѣ ѣбѣ ослѣплѣнѣи пропѣущѣнѣ.

18) цепѣно—С.; за клѣси—X.

19) И вѣхѣу тѣу сѣи нѣи (?) играѣощѣе—С; вѣ X—пропѣсѣкѣ.

20) Доклѣ стѣрѣти и сѣкѣти менѣ и не ѿбрѣтѣти разѣвоѣнѣичѣе еѣи истѣнѣи не вѣсѣи тѣвоѣи ли и сѣмѣ азѣ. аще ли то не гѣнѣванѣ менѣ. ѣбѣче тѣвоѣи и сѣмѣ ко тѣвѣ прѣидѣхѣ—X; Достѣнѣтѣ ти, да и нѣтѣши менѣ ѣбрѣзѣати, ѣтѣче, разѣвоѣнѣичѣе мѣоѣи, истѣнѣнѣ ты не вѣсѣи ли, тѣвоѣи ли и сѣмѣ азѣ? аще ли тѣвоѣи и сѣмѣ азѣ, то и ты не ѣскрѣбѣши менѣ, нѣ ѣубѣо тѣвоѣи и сѣмѣ сѣнѣи, іако ко тѣвѣ прѣидѣхѣ.—С; ἀρετὸν σοὶ ἐστὶ, ζητεῖν καὶ μὴ ἐδρίσκειν, μάλιστα ὅτι σοφῶς ἐπραξας....

21) Соглѣсно сѣ—С; X.—иначе. Далѣе пропѣсѣкѣ: Посѣфѣ же прѣгѣнѣвѣсѣ и рече (С), или: іѣсифѣ же рѣе ко ѣчѣитѣлю (X). Стѣ этѣхѣ порѣ разѣнѣца мѣжду наѣшими текѣстами и грѣч. и лѣт. становѣтѣся значѣитѣльнѣе.

22) Оѣчѣитѣлю, томоу ко мѣжете наоѣчитѣи иего, ко моу мѣломоу хѣристѣу или мѣнѣи иего, бѣратѣ мѣоѣи (С.); да кѣто мѣжете (наоѣчитѣи) мѣла соѣщи хѣитѣра. сѣмѣрѣи ко и сѣтѣи и крѣтоѣкѣ пѣче всѣкѣнѣхѣ сѣи. (X); лѣт. Nemo potest docere eum nisi solus deus. Numquid creditis, parvus erit parvulus iste?

23) Проп. кѣрѣти мѣоѣгѣо (X., С). Всѣа рѣчѣ Хѣриста прѣредѣна блѣже ко С.; еѣе воѣсе не нахоѣдѣтѣся вѣ этѣомѣ видѣ вѣ издѣннѣхѣ грѣч. и лѣт. текѣстѣхѣ.

24) трѣ лѣтѣ—X. Текѣстѣ блѣзокѣ ко С. и лѣтинѣск. текѣсту Тѣшенѣдорѣфа (гѣл. VI).

рече, вы чюдїтесѧ нѡ паче же не вѣрѣте но ѡже рѣ' вамъ истиннѡ вѣ. когда естъ родїлсѧ ѡци ваши, и преслѡвное глѡ вамъ. во истинноу азъ вѣдый ꙗко послѡвый мѧ к вамъ, егда мїръ сѡзданъ вы и слышавше же іудей ꙗко тако вѣсѣдоуѣтъ оубоѡвшесѧ. и ничтѡ емоу не могуѣ ѡвѣщати, и прїше же отрокъ и граше и скачаше рѣгашесѧ глше. ꙗко мало чюдо и моудро естъ, ꙗко слава моѡ во мнѣ ѡвлѡшесѧ ²⁵). егда же оумолчѡ отрокъ ²⁶), и рече дидаскалъ оцѣмъ егѡ іосифу грѣмъ и приведи ми наоучю егѡ (58) книгѡ. іосифъ же имъ егѡ за роукѡ и веде егѡ вѣдомъ ²⁷) тамо и дидаскалъ. идѣже оувѣщавъ наоучити ²⁸), написавъ емѡ алфа вита. и нача емѡ провѣщавати глѡ по писанному множицею. отрочѡ же млѡчѡ мнѡ чѡ. послѣдїи же прогнѣвасѧ дидаскалъ и оударивъ по главѣ егѡ ²⁹). рече же отрочѡ не достѡйнаѡ творѡ тѡ. азъ тѡ хоцю наказати. илї тѡ мѡ паче накажешї. азъ во ꙗко вѣдѣ кнїги ѡмїже тѡ оучїши мѡ. мнѡзи во тѡ ѡсѡжѡютъ, ꙗко тѣ во мнѣ сѡтъ ³⁰) ꙗко мѣдъ звенѡше. илї ꙗко кроугъ мѣданъ звѡцѡмъ не [не] престѡноу. ни глѡса слышати. ни сѡвы премоудрости ³¹). дшї сїлы разоума, премлѡчѡв же отрокъ, рѣ о совѣ всю истинноую грамотоу ѡ алфы ³²). азъ наречѣтесѧ начѡло и конѣцъ, и повелѣ тѣ аггломъ своимъ взѡти на востоцѣ (58²) ѡ. на западѣ. ѡ. на юсѣ. м. на сѣвере. ѡ. тѣ естъ ѡдамъ. ѡ. блѣви егѡ вѣз.... (59²) ѡ, і азъ дарюѡ вѣ послѣднїи днѣ вѣчноую жїзнь, да о томъ со многымъ истѡзанїемъ ѡсно возрѣвъ на дидаскала. и рече емѡ ты захѣю алфы не вѣдый како ны оучїши. видѣте лицемѣри ³³), ѡще вѣси то и начїны прѣже алфѣ тогѡ вѣрѡ видите. (60) и наоучѡ оучѣтѡ прѣ естества прѣвое вопїемъ. и слышавшїмъ же многымъ, и глѡ захѣеви. слышї оучѣтлю и разѡмѣї. прѣвыѡ стихїа чїнъ внїде какъ, имѡтъ прѡвила двѡ. чрѡтъ посрѣ, ѡже вїдїшї ѡстро мнѡшесѧ сѡ вранї. возвращенїѡ ликѡшесѧ хвалены, и трї стѡтыѡ двѣ ꙗко единоѡбразенъ. и какъ вѡбразенъ. едїнъ ко дрѡгомѡ спѡрхѡфѡсѡ. едїнъ ко стоѡшїмъ рѡвно мѣрїла, имѡ еї алфа ³⁴). (VII) и ѡже слышѡ и видѣ и дидаскалъ и захѣѡ такїѡ рѣчи отрочѡти сегѡ. и прѡвила прѣвыѡ вѣщи ³⁵), рѣнше кз отрочѡти. ꙗко не доумѣѡхѡмѡ такѡмъ ѡвѣтѡ и оученїю егѡ ѡвѣщати. и рече о гѡре мнѣ ꙗко ѡзоумѣхѡмъ азъ ѡкаанный сѡмъ севѣ срамотоу ѡвѣрѡ настѡвлѡ отрочѡ сѡ. не трѡплю во стѣти егѡ и ѡсны (60²) словѣ (?) егѡ. по истиннѣ отрочѡ сѡ нѣ ѡ члѡча рѡдѡ. сѡ отрочѡ можете ѡгнемъ оумѡчїти. во истинѡ сѡей ѣ прѣже сѡтворенїѡ мїрѡ дрѡвле. какъ ложесна родїста егѡ. илї какъ мѡти воспїта. и азъ не вѣдый, о гѡре мнѣ дрѡже мой. забыхѡмъ азъ трѡстѣтнїи, и повѣженъ вы ѡ дѣтѡти сегѡ. и ѡмъ же ѡзловленъ вы, и тїи оумѣрїти сегѡ рѡди отрочѡти не могѡ оуже зрѣти на лице егѡ. паче же ѡсѣми видѡшїми имъ, ꙗко азъ повѣженъ емъ ѡ дѣтѡти мѡла. что во имѡмъ рѣчи илї что повѣдати комѡ ѡ предложеныѡ прѡвилѣ и прѣвыѡ стихїа неразѡмѣѡ. дрѡжїна моѡ сѡ зачѡло и конѣцъ. не вѣдѣ что оубѡ достѡвно вратїе. іосифе поїми отрочѡ сѡ и ведї вѣ домъ свой. сѡ отрокъ велїкъ ѣ ѡз илї аггѡз ѣ. (55) илї

²⁵) понеже азъ вѣде ꙗко чюднї и есте и маломощнї есте. ꙗко слава вычїншесѧ, на поспѣшнїе отрочѡте.—X; зане ихъ вѣдѣше мало чюднѣхъ и мало разоумныхъ, икоже слава въ мнѣ вычїншесѧ на нѣтѣшнїе отрочѡте.—С.; лат. exultavit et dixit: „Proverbium dixi vobis: ego autem scio, quia debiles estis et nescientes....

²⁶) Этой фразы нѣтъ въ X и С.

²⁷) въ оучїлїшѣ—С.; къ оучїтелю—X.

²⁸) только—оувѣщеванїе Іѡ—X.; С—пропущено все.

²⁹) замѡшї иго—С.

³⁰) ико ты оубо рече—С.; и тїе мнѣ нѣсоуть.—X.

³¹) ико мѣдъ звенѣши или коумѡвалъ звѡцѡшїи. вн же глѡ не имѡте. нї прѣмоудрости ни дшї сїльных разоума.—X;.... звѡцѡшїи ико не прѣставѣтѣ сѡ горы глѡсовѡ прѣмоудрѡстїю ни дошїи сїлоу ны (?) разоума. С (мѣсто испорчено).

³²) ѡ азъ до ѡ—X.; отъ алфа до ѡмега—С.; лат. ab a usque ad t; ἀπὸ τοῦ α ἕως τοῦ ω. Далѣе большая вставка: извѣстнѡ стѡтѡ—алфавїтѣ по изреченїямъ (изъ азбуковнїка); см. Пыпїнъ „Пам. Стар. лит“. III, 13.

³³) и не оумѣшїи лю како оучїти лицемѣре. лшѣ алфѡдъ знѡвшїи, то вѣроуи вѡлѣ. И паче начѣтъ отрочѡ прѣвѣрѡти дидаскала о замѡшленїи прѣвомъ писанїи. Тогда иже вѣхоу слышѡли глаголаннѡ тѡ. глаголахѡу захѣею оучїтелю: разоумѣї прѣвогѡ стихѡ чїнъ—С. Въ X скомкано.

³⁴) Ближе къ С., но также много разнїцы.

³⁵) закона—С.

не вѣдаю что нарекѹ (VIII). иудѹ... прѣстоѹ... закѹхѣви. и смѣюще вѣлми ³⁶⁾. отрокъ же ісѣ на речеиный глѹ. не сѹ плодове сий неплодѹщи. прозрѹ слѣпыѹ, и оуслышѹ глѹхыѹ с разоумѣнїемъ срдечныѹ ³⁷⁾ іако азъ есмь. с нїжнѹ же злѹбы на высотѹ нбнѹю зовѹ ³⁸⁾. іакоже заповѣда ми послѹвый мѹ, и слѹвомъ ѹвїе сїни вывїше вси ѹни вѹше. ѿ нї не смѣюще прогнѣвати нань ѿ того мѣста, и кѹмѹ да не прокленѣ ихъ, и вѹдѹт неключїми.

(IX) Чюдѹ четвѣртоѹ. ісѣ хѣо. По днехъ же тѣхъ игрѹше ісѣ на єдїнѣ созѹанїи высотѣ зъ дѣтми игрѹющїми. и єдїнъ спаде ѿ сзѹанїѹ ³⁹⁾ на землїю развїсѹ и оумре. видѣвїше же єгѹ и нїи отроци и вѣжашѹ ѿ него. и ⁴⁰⁾ отрокъ ісѣ єдїнъ. прїшѣше же рѹтеле єгѹ видѣвїше оумрѣша отрока. сварѹшасѹ тѹкъ и глѹца, тѹ (55²⁾ (с)вергъ отрочѹ нїше и рече ісѣ.... єгѹ свергѹ. нѹ ѹнъ сѹм(ъ)... по всѹ творѹ свѣрѣжесѹ. ѿпадѣ ѿ шкрѹбнїка развїсѹ и є мрѣтвѹ нїѣ. и возва ісѣ глѹсомъ велїкымъ и рече. зїнѹвѣ востѹни ⁴¹⁾. отрочѹ же рече нї гн. и всї видѣвїше оудивїшасѹ. и родїтели же прослѹвиша бѣга, и поклонївшесѹ ісѣви.

(XI) Чюдѹ. є. ісѣ хѣо ⁴²⁾. Сѹщѹ же ємѹ .сѣ, лѣтѹ, мѣти єгѹ мѣрїѹ послѹ єгѹ по водѹ да почрзпнѣ и прїнесѣтъ вѣ домъ свой. и пѹщѹющї ємѹ водонѹсѹ вѣ водѹ, и тлѹкнѹвѹ и развїсѹ водонѹсѹ єгѹ. и не имоуцѹ ємѹ чѣмъ воды почрзпнѹти ⁴³⁾. і снѹвѹ рїзѹ своѹ ісѣ вѣ нѹже вѣ ѹвлѹченъ. и почрзпнѹвѹ водѹ и несѣ мѣри своѣй, видѣвїши же мѹти єгѹ мѣрїѹ чюдївѣсѹ знѹменїю є творѹше снѹ єѹ. ѹвлобызѹашѣ єгѹ и соблюдѹше.

(XII) Чюдѹ. сѣ, ісѣ хѣо. (56) П... (ѹ)трокъ ісѣ... мѹ свої (їѹ)сїфомъ сѣѹти пшеници на нївѣ своѣй. і єгдѹ же вѣда вѹше ⁴⁴⁾ ѿцѹ є(гѹ) їѹсїфѹ, и вѣѣѹвѣ же отрокъ снѹ єгѹ ісѣ, спѹ є мѣрнїи пшеници ⁴⁵⁾. и пожѹвѹ и зѹмлатївѹ и и зѹмѣрївѹ. рѣ. пѹ велїкѹ створївѹ ⁴⁶⁾ и прїзва їѹсїфѹ ⁴⁷⁾ мнѹжество оубѹгѹ, и разѹл на глѹмнѣ пшеницѹ мнѹгѹ. и взѹ же и сѹмъ ѿ сѣѹтвѹ отрочѹти ісѣ ⁴⁸⁾.

(X) Чюдѹ. зѣ. ісѣ хѣо. Пѹкы же не по мнѹгѹ днехъ оумрѹ нѣкто вѣ сосѣдѣ. ѿнѹ дрова їѹсїфѹ ⁴⁹⁾, и оудѹри секїрою. и ростѹ плесноу нѹгы своѣѹ, оужѹсѹ и оумре ⁵⁰⁾. и мѹвѹ вывїши велїци. течѣ же тѹмо и отрокъ ісѣ. єдѹѹ проворѹвѣсѹ сквѹсѹ нарѹ мнѹгѹ. и прїнде же гдѣ лежѹашѣ оуноша, ісѣ же ѹтѹ и зѹ ногѹ волнѹю, и вы цѣлѹ іако и дрѹгѹл. и рече ісѣ оумрѹшемѹ. тѣвѣ глѹ оуноше (56²)... єсть. бѣѹ нїемѹ слѹва вѣсѣѹ і нїѣ:—

³⁶⁾ Согл. съ X: іудейї же предѣстоющїи оу закѹха вѣснїише ѹтрокѣ ісѣ.

³⁷⁾ неразоумїи сѣцѣнѹ разоумїють—X.

³⁸⁾ да вѣсь нїцїиѹхъ избѹкѹю и на высотѹ позовѹ.

³⁹⁾ отъ закрылїи—С; ѿ двѹкрѹбнїка—X.

⁴⁰⁾ проп. отѹ (С) или стѹѹ (X).

⁴¹⁾ проп. (такѹ во вѣше нїе оумрїшомѹ), вѣстѹни и рѣци, ѹште тѣ свѹлїхъ м. И вѣскрѣсе отрокѣ и рече: Пн, Господн... согл. съ грѣч..

⁴²⁾ мѣсто соотвѣтств. X гл. читѹетсѹ нїже.

⁴³⁾ Этой фразѹ нѣтъ вѣ X. и С.

⁴⁴⁾ сѣѹше—С.

⁴⁵⁾ мѣроу пшеницѣ—С;

⁴⁶⁾ рѣ. мѣрѹ велїкѹхъ—С: створї рѣ кѹбѣѹ пшеницѣ велїкѹхъ—X.

⁴⁷⁾ ісѣ—X.

⁴⁸⁾ С добавл. бѣше же отрокѣ Ісѹсѹ вѣ то вѣрѣнїе .и. лѣтѹ; вѣ X.—фраза эта отнесѣна кѣ разсѹзѹ гл. XIII (вѣ у насѹ нѣтъ).

⁴⁹⁾ вѣрѹятнѹ тлѹ (отъ тѹти); мѣсто испорчѣно; сѣкѹшѹти дрѹвѹ—С.; зѹцѣпѣше дрѹвѹ—X.

⁵⁰⁾ начѣ оумрїрати у—С. X.

бѣхомъ. тогда призвавъ пилать дванадесете моужа. глѣвшеіе іако нѣсть ѿ блѣудѣ рождень. и глѣ к нимъ заклинаю въ сїссеніемъ кесаровомъ. аще істина іе повѣдите ми іако нѣсть рождень ѿ блѣудѣ. и глѣше к пилатоу мѣи законъ імамо не клетисе. тѣмъ іако грѣхъ іе тнѣ да кляноутсе сїссеніемъ кесаровомъ. аще да нѣсть та..... 4).

[35a.] (IV) каменіемъ побиваіетьсе. глѣ імъ пилать. поімъте и выи и імже ѿбразомъ хоцете ѿмьстите. глѣше жидове к пилатоу. мѣи хоцемъ да распнетсе. глѣ пилать нѣсть достоинъ распеть бѣти. и възрѣвъ пилать на ѿкроугъ стоіетье народы жидовскы. и видѣ многы ѿ нихъ плаующесе. и глѣ не все множество хоцеть да ѿумреть. глѣше старци къ людемъ 5). того ради придохомъ мнози да ѿумреть. глѣ пилать к жидомъ. поуто глѣше іемоу жидове іакъ нарууетсе сїѣ бѣи и црѣ. 7

(V) никодим же нѣкто іжъ жидовниъ. ста прѣдъ ігемонемъ и глѣ. достоинъи говѣиъства сїѣи ме рещи слова. глѣ пилать рци. глѣ никодимъ. азъ рѣхъ унстителемъ и старцемъ и леугітомъ и всемоу множеству жидовскомоу въ зборѣ. уесо іцете въ улѣцѣ семь. улѣкъ снѣ многа знаменіа творниъ прѣславна. іхже іниъ никтоже не створи ни [35b] творниъ. небрѣзъте іего ни скѣтоуите ѿ інемъ злѣ. аще ѿ бѣ соуъ знаменіа та іаже творниъ станоуъте. и моисѣ ко поушень ѿ бѣ къ іегуптъ створити знаменіа многа, іаже реч іемъ бѣ творити прѣдъ фараѣномъ црѣмъ іегуптскниъ. и бѣста тоу іжа ѿгѣодника фараѣнови іаньписъ и амврисъ и та створиста знаменіа іаже створи моисѣ и імѣахоу и акн бѣ іегуптъне. іаньниѣ и амвриѣ. нь поніеже знаменіа іаже створиѣста не бѣше ѿ бѣ. погнбоше бо и тнѣ и вѣровавшеіѣ въ іе. и нїіа ѿстанѣтесе улѣка сего не достоинъ бо іестъ смрти. глѣше к никодимоу жидове. тнѣ ѿгѣуеникъ іего вѣаше и слово занъ творниъ. глѣ к нимъ никодимъ. іеда ігемонъ ѿгѣуеникъ іего іе и слово занъ творниъ. да без оума ѿгѣво іѣстави и кесаръ въ санъ сѣ. и бѣхоу жидове смѣцаіущесе на никодима. и скрѣжѣциѣще зоубы. [35c] глѣ к нимъ пилать. уто зоубы скрѣжѣцете нанъ істиноу слышавше. глѣше жидове к никодимоу істиноу іего да би приіель и уестъ іего. глѣ никодимъ амниъ да приімоу іакоже рѣсте.

(VI) іниъ же нѣкто ѿ жїдовъ. іскоунвъ молѣше ігемона. слово іемъ дати ізвѣшатн. и глѣ іемоу гемонъ іеже хоцешн рещи рци. се же реч азъ тридесети лѣтъ на ѿдрѣ раслабленъ лежахъ и въ болѣзни. и ирншѣдшоу гоу. мнози бѣсннѣ и въ разлуннѣихъ іезахъ и въ бѣдахъ лежеце. іцѣлѣше ѿ него. и нѣкоторыіе юноше іимнолѣше ме. и сѣ ѿдрѣмъ несоме ме к немоу и видѣк ме іѣ мѣрдова ѿ мнѣ. и словомъ реуе ми вѣстанн възми ѿдрѣ своі и ходи. и въскрѣ іцѣлѣхъ и възехъ ѿдрѣ своі и ідохъ. глѣше жидове к пилатоу вѣирашан іего кнѣ днѣ въ іегда іцѣленъ бѣ. глѣ пилать къ улѣкоу кнѣ днѣ бѣ іегда іцѣлѣ. и глѣ іцѣленъ соу[35d]кота бѣ. глѣше жидове к пилатоу. іеда не такожде сказахомъ ти іако въ соуботоу цѣлнть и бѣсѣ ізгоннїть. и іниъ нѣкто жидовниъ іскоунвъ реч. азъ слѣпъ рождень іесмъ. глѣ тѣуноу слышахъ а лица не видѣхъ. мнноуіѣщю же ісоу въскриуахъ глѣмъ велнкомъ глѣе. помлѣоунъ ме сыноу двѣвъ. и възложи роуцѣ своі на ѿун моі и томъ уасѣ прозрѣхъ. іниъ же вѣскоунвъ глѣ. грѣбавъ бѣхъ и ісправн ме словомъ. іниъ же іскоун глѣе. пѣготнвъ бѣхъ и ѿунсти ме словомъ.

(VII) и жена нѣкоіа вероннкун (sic) іздалеуе възоупннши реч. азъ крѣвотоунка бѣхъ и косноухсе краіа ризъ іего и ста теуеннѣ крѣвноіе двѣнадесете лѣтъ. и глѣше архіерѣиіе законъ імамо жены на послоушѣство не ізводити.

(VIII) и іниъ нѣкоторнѣ мнѣжество моужѣ и женѣ выпнѣахоу глѣюще. снѣ улѣвѣкъ прѣркѣ іе. бѣсове іемъ повнноуіѣтсе. глѣ пилатъ поуто и ѿгѣунтелие ваши не [36a] повнноушесе іемоу. глѣше къ пилатоу не вѣмъ іниъже рекоше к пилатоу. іако лазарѣ ѿгѣмрѣша въскрѣсн із гроба. трнѣтъи же бѣвъ ігемонъ реуе к нимъ. и къ всемоу множеству жидовскомоу. поуто хоцете крѣвъ продаіати неповннноуіѣ.

(IX) и призва пилать никодима и дванадесете моужа рекшеіе іако нѣсть рождень ѿ блѣудѣ

4) Вырѣзанъ листъ, благодаря чему пропали: конецъ 2-й, 3-я и 4-я (до § 4) главы—Tisch. 227—233.

5) τῶν Ἰουδαίων.

ісь. глѧ нмь что сткорю ꙗко оубовица боудеть въ людехъ. глѧше іемоу мь не разоумѣмь тнѧ оубзреть. пакн призва все множество жидовско ѧ глѧ. вѣсте ꙗко обьуданъ вамъ іестъ на прасньныѧ обпрѣсньуьныѧ іедного ѡпоуцати ѧмамо же іедного ѡсоуженника въ оузинци. разбоинника глѧма каравоу. ѧ сего стоіѣцааго прѣд нами іса. ѡ немже ниіедноіе вниѧ не ѡбрѣтаю. кого оубо хощете ѡ обою ѡпоуцоу камъ. възпнше же каравоу. глѧше нмь пилать что оубо створнѧмь ісоу глѧемому хсоу. ѡни же реше да распнетьсе. дроузні же ѡ жидовъ глѧахоу аще сего ѡпоустиши нѣси дроугъ кесаровъ. ꙗко же рѣ самъ сѧнъ вѣнъ ѧ црѣ. баснь (sic) ⁶⁾ се[36b]го хощеши црѧ нмѣти а не кесара. гнѣва ѧспльнисе пилать ѧ рѣ к жидомъ. присно оубовнучно іе племе ваше. ѧ блгодѣтелемъ вашнмъ прѣтнвнѣте. глѧше жидове к пилатоу кнѧмъ блгтлемъ. глѧ пилать. бѣ вашъ ѡ работъ жестокиѧ нзведе вы ѡ земле іегуптскыѧ. н скрозъ моріе проведе въ акн по соухоу. н въ поустыни прѣкрмн. манноу іасти ѧ краствѧе дасть вамъ. ѧ ѡ камене воды напоѧ вы. ѧ законъ вы дасть. ѧ ѡ томъ разгнѣкасте бѧ вашего. ѧ възискасте тельца. ѧ възиска бѣ ꙗкоже погоубити васъ. ѧ мѧн моѧси за вы ѧ не бысте оуморѣни. ниѧ же выниѣте на ме ꙗкъ же кесара ненавнждоу. ѧ вѣстав же ѡ соуда вѣсхотѣ нзнти. ѧ вѣскрнуаше жидовы к пилатоу глѧюще. мь црѧ знаемо кесара а не іса, не бонъ ѧ вѣски іемоу дары прннесоше ꙗко боу н цроу. ѧ слышавъ ѧродъ ѡ вѣхвовъ ꙗко црѣ рождень іе. ѧ іскаше оубити ѧ. оубѣдѣвъ же іобснфъ ѡцѣ іего н прнѣтъ н н мѣтеръ іего. ѧ вѣжа въ іегиптѣ слышавъ же ѧродъ погѡбнѧ дѣти жидовскыѧ ро[36c]ждшеіесе въ вѣфлѣѡмѣ. слышавъ же пилать словеса снѧ ѡ жидовъ ѧ оубоіасе. ѧ помадѣвъ роукою нродомъ пилать. ѧ ꙗко же крнуахоу глѧ нмь сѧ ли іе іегоже іскаше ѧродъ. глѧше жидове се іестъ. ѧ възмъ водоу ѧ оубмы си роуцѣ пилать протнвоу сѧнцоу глѧе. уість іесмъ ѡ крѣве праведнааго сего выѧ оубзрнте. пакн же възоупнше жндѣ крѣвь іего на насъ ѧ на уедѣхъ нашнхъ. тогда повелѣ пилать завѣсь прѣврѣци ндѣже сѣдѣаше на соудѣ, ѧ ѡвѣщавъ глѧ. страна твоѧ ѡблнчнше те акн црѧ. того ради ѡвѣщахъ прѣвоіе поврѣзьше ѧ вѣсти. оубстава ради доброутнвѧнхъ црѣ. тнѧ тьгда повѣснтн въ градъ. н два злодѣѧ с нмъ думоу же ѧ гестоу.

(X) ѧ нзїде не прѣтора ісь ѧ два злодѣѧ с нмъ. ѧ ꙗко прндоше на мѣсто свѣзкоше ѧ с рнзъ іего н прѣпоіасаше ѧ понѣвѣцею. ѧ вѣнцъ трѧновъ възложише іемоу на главоу н распеше ѧ. такжде ѧ два злодѣѧ с нмъ. думоу оубѡ ѡдесноуію гестъ [36d] же ѡшоуію. ісь же глѧше ѡѣе ѡстави нмъ не вѣдет бо се что твореть. ѧ раздѣлнше рнзъ іего воѧни. ѧ стоахоу лїуднѧ зреше роугахоусе іемоу воѧни ѧ архнїерѣнъ с нмн. н кнезн глѧюще нннѧ сѧе да спѣтъ ѧ себе. аще сѧнъ вѣннъ іе нзбранныѧ. нграхоу же нмъ воѧни прнходеше н ѡцѣ прнносеше іемоу ѧ глѧюще. аще тыѧ іесн црѣ жїдовскъ сѧнсе самъ, н възмъ лоуѧнъ воѧнъ лоуцоу прободе іемоу ребра. ѧ абїе нзнде крѣвь ѧ вода. тьгда повелѣ пилать по ѡвѣтѣ на тнтѣ напнсатї кѣноу (sic). пнсменѧннскыѧ н рнмскыѧ ѧ жидовскыѧ. ꙗкоже рѣше жндѣ ꙗко црѣ іе жидовскъ. іедннъ же ѡ внсецоуію злѣдїю іемоу же нме геста. вѣщавъ іемоу глѧ аще ты іесн хсѣ сѧнъ себе ѧ насъ. ѡвѣщавъ же дроугнѧ нменемъ дїемасъ нже ѡдесноуію. вѣспрѣщаше іемоу глѧе. не оубоа ли се тыѧ бѧ ꙗко въ томъжде ѡсоужденнн іесн ѧ въ же въ правдоу достоннѣ ꙗже створнховъ прнѣмлекѣ. снѧ же ннѣсожъ зла створн ѧ глѧше вѣспрѣ[37a]щавѧнъ подроугоу своѧмъ глѧе къ ісоу поменн ме гн іегда прндешн въ црѣтвнн своѧмъ. реуе же к немоу ісь амннъ. амннъ глѧю тебе ꙗко днѣ с мною боудешн въ раѧ.

(XI). вѣѧше же уѧ ꙗко снѧ тма бѣ до ѡаго уѧ по вѣнн землн. слынцоу помрѣкшоу. ѧ раздрасе црѣквнаѧ ѡпона посрѣѣ. н възгласнкъ ісь гласомъ велнѧемъ рѣ ѡѣе. вѣѧлахъ іекфудрѣнлѣ ⁷⁾. іеже сказаѧтсе ѡѣе. въ роуцѣ твоѧ прѣдаю дѣхъ моѧ. ѧ се рекъ нздѣше. вндѣвъ же сѣтннкъ бѣвшеіе ѧ вѣславн бѧ глѧе. ꙗко по істннѣ улѣккъ снѧ праведннъ вѣ. ѧ всн прнходешеѧ на позоръ с народы ѧ вндѣвшѣ бѣвшеіе. ѧ внѡше прѣсн своѧе вѣспѣщахоусе. сѣтннкъ же покѣда тнсоуцннкоу вѣсе бѣвшеіе. слышавъ же нгемонъ ѧ жена іего стѣршаасе пѣуална бѣста зѣло. ѧ нн іасти нн пнста

⁶⁾ ἄλλα οὐ τάχα.

⁷⁾ м. б. вѣадахъ? Βαδδὰχ ἐφκιδ ῥουήλ (Cod. B.).

ть дѣи. и призва же пилать жиды и гла им видѣсте ли бывшеи. они же глаше къ игемоноу по-
мръцании слѣцоу быкають по обываю. стоихоу же знаиени ісоу и [37b] далеуе. и жени вслѣдъ
іего шедшеи ѿ галнаые зреще іего. и се моужь именемъ иѳсифъ свѣтникъ снѣ. моужь добръ и
правдивъ. съ же не въ пристопилъ къ свѣтоу и дѣлоу ихъ. ѿ армаѳѣа града жидовска. иже
уаише и тѣ цѣтка бжїи. тѣ пришѣ къ пилатоу испроси тѣло ісѣо. и сънъмъ іе ѿбитъ понѣвнцѣю
утою. и положи іе въ гробъ истесанъ. въ немже не въ никтоже не ѿ полжень.

(XII). слышавше же жедове (sic) іако проси тѣла ісѣа иѳсифъ. и скахоу іего и дванадесете рек-
шню іако ивѣсть рождень ѿ блѣуда ісѣ. и никодима и ииѣхъ мнозѣхъ. иже и скавше прѣдъ пилатомъ
дѣла іего ѿблунше блѣахъ прѣдъ игемоноу и всѣмъ скрившиимсе іедни никодимъ ивнсе имъ.
понеже кнезь жидовскъ въ. и гла имъ како видѣсте въ зборъ рекоше іемоу жидове тѣ како
видѣ въ зборъ. іакоже свѣдѣтель іего іесн и уестъ тнн с нимъ въ боудѣщнѣи вѣкъ. гла никодимъ [37c]
амни амни амни. такожде и іѳсифъ вшыдъ ре^ч имъ. что іако ѿпеудалстесе на ме. иже
проснѣ тѣла ісѣа. се въ новѣмъ гробѣ моѣмъ положихъ іе ѿбнѣ понѣвою утою. и възвалхъ камы
на ѿстниѣ гробоу. и не добръ створисте ѿ правдивѣмъ томъ. іако не покаѣстесе распнше іего.
нѣ и лоушею прободосте и. іемше же жидове иѳсифа и повелѣше и ѿтвѣрдити до іедноиѣ соу-
боты. глѣюще видѣ іако уасъ испроситъ что створити ѿ тебѣ. иже соукота ѿскитають. видѣ іако
ни погребениа спѣобленъ боудешн нѣ дамо мяса твоа птицѣмъ икнѣимъ. скотомъ земельнымъ. гла
имъ иѳсифъ се слово прозоривааго голнѣа іе. иже похоули бѣ живааго и стѣго дѣда. ре^ч бо бѣ
пѣркомъ мнѣ мышениѣ азъ ѿдамъ глѣтъ гѣ. и нѣа не ѿбрѣзаныи платнѣ срдцемъ же ѿбрѣзаныи.
възъмъ водоу ѿумы роуцѣ свои противоу слѣцоу глѣе. унѣтъ іесмъ ѿ крѣви правдиваго сего. вын
оузрите. и ѿве [37d] щасте къ пилатоу глѣюще. крѣвь іего на насъ и на уедѣхъ нашихъ. и нѣа бою-
се іеда како постигнѣтъ нѣ гнѣвъ гнѣ. или уеда наша іакоже рѣсте. слышавше же жидове словеса
сї и разгнѣвашесе дѣиѣю. и іемше иѳсифа заткорнше и въ тмнцн (sic) іенѣже двѣрнѣ не въише. и
стражнѣ поставнше прѣдъ двѣрми. и дѣже въише заткорень иѳсифъ. въ соуботоу же ѿставъ
ѿставнше старѣишннѣи збороу иѣрѣнѣ и леугитн. іакоже ѿтвѣнѣи всѣмъ ѿбрѣстнсе въ зборъ. въ
соуботоу же ѿбраннше архнѣрѣнѣи и леугитн. и все множество зборноиѣ. и свѣт створнше коіею
сиртнѣю ѿморетъ иѳсифа. съдшоу же збороу повелѣше з беуѣстнѣемъ привести иѳсифа. и ѿвѣр-
зше двѣрнѣ не ѿбрѣтоше іего. и въсудншесе вси люднѣ. и трепетнн бѣше іако пеуати ѿбрѣтоше
цѣлы. іако канѣа клаюуе и мѣише ѿ себе. и ктомуу не смѣише возложити роуки на нѣиѣ глѣвшеи
прѣдъ пилатомъ по ісѣ.

(XIII). іеѣе же имъ съ [38a] дѣщннѣмъ на зборъ. и уюдѣщннѣмсе иѳсифа дѣла. прндоше нѣ-
цнѣи ѿ коустоднѣи. иже въхѣ проснли жидове ѿ пилата блѣости гробъ ісѣвъ. рекше да не иѣкако
прншѣдше ѿуѣеннцн іего оукрадоутъ и. и повѣдаше глѣюще старѣишннѣамъ зборннѣимъ иѣреѣомъ и леу-
гитомъ бывшеиѣ. іакоже блѣодоуцннѣмъ намъ бѣ троуѣсь великъ. іако лигль гнѣ сннѣде с нѣгъ. и ѿва-
лнѣи камы ѿ двѣрнѣи гробоу и съде на нѣемъ. въише же видѣннѣи іего іако мльннѣи. и ѿдежда іего бѣла
аки снѣгъ. и ѿ страха іего въхомъ іако мѣтвнѣи слышахомъ гла англа глѣюща къ женамъ. иже въ-
ше ѿ гроба ісѣа. и гла имъ не бонтесе вынѣ. вѣдѣ бо. іако ісѣа назарѣннѣа ищете распѣтааго.
нѣвѣтъ здѣ вѣста бо іакоже ре^ч. прнѣдѣте и видѣте мѣсто и дѣже лежа гѣ. нѣ скоро шѣдше повѣдѣте
ѿуѣеннѣкомъ іего іако вѣста ѿ мѣтвнѣихъ. и се варѣиѣтъ въ въ галнѣнѣи. и тоу и ѿузрите іакоже рѣхъ
вамъ. глаше жидове къ нимъ кн [38b] ннѣи женамъ глаше. глаше воиннѣи не въмо кнѣиѣ жени въхоу.
глаше жидове кнѣи уасъ въ іегда глаше имъ. глаше воиннѣи полоуноцнѣи въ. глаше же жидове поуто
не іесте нѣхъ. глаше воиннѣи къ жидомъ. аки мѣтвнѣи въхомъ не надѣюцнѣесе видѣти свѣта днѣвнѣаго. како
можахомъ да и мѣемъ іе. глаше жидове жѣвъ гѣ іако не вѣроуѣемъ вамъ. глаше воиннѣи къ жидомъ.
только знаиени видѣсте ѿ уаѣцѣи сѣмъ и не вѣроуѣсте. а намъ како хоцете вѣровати. и іеѣе глаше
воиннѣи къ жидомъ. слышахомъ іако проснѣвшааго тѣла ісѣа заткорнсте въ тмнцн (sic). и занѣуатаѣсте
двѣрнѣи и ѿвѣрзше не ѿбрѣтоште іего. дадѣте вынѣ иѳсифа и мнѣи дамо ісѣа. глаше жидове къ воинномъ

и ѿснфа мѣи дамо дадите вѣи іса. глѣше воини прѣвѣе вѣи дадите и ѿснфа. тѣи тѣгда мѣи дамо іса. глѣше жидове къ воиномъ и ѿснфѣ въ градъ своѣи ѿтїде. глѣше воини ісѣ въ га[38с]лнлѣю ѿтїде. іакоже слышахомъ ѿ ангѣла ѿвалившѣаго камы іако вараѣт вѣи въ галнлѣи. слышавше же жидове словеса снѣи и ѿвѣоушесе зѣло: глѣюще іеда како слышано боудеть слово се и вси прѣстоупеть къ ісоу. и свѣтъ створише жидове вси въ себѣ. и сложише злато много. и даше воиномъ глѣюще. рѣцѣте спеціиимъ намъ придоше ѿвѣуеници іего ноцию и ѿкрадоше и. и ѿще ѿвѣслышано боудеть прѣдъ и҃геомомъ. мѣи прѣпрїиимъ того и касъ безпелнии ⁸⁾ (sic) створиимъ. тѣи же възмѣше злато и (не?) створише на ѿвѣуениа и прѣнесесе слово се въ жидовѣхъ даже и до днѣи.

(XIV). Финей же и҃кто и҃ерѣи и҃ адасъ ѿвѣунтель и҃ аггеа⁹⁾ леу҃гитни прѣдоше въ и҃ерлѣи ѿ галнлѣе. и҃сповѣдаше старѣишинимъ зборнѣимъ и҃ архиерѣѣѣмъ. и҃ леу҃гитомъ. и҃ рѣше іако видѣхомъ іса съ іединѣмъ на десете ѿвѣуеникомъ. на горѣ нарицаемѣи. мамвлу[38d]къ ⁹⁾. и҃ глѣше ѿвѣуеникомъ своимъ. шѣдше къ весь мїръ проповѣдите всеи тѣвари. и҃ вѣровакѣи и҃ крѣстивѣише спѣтсе. не вѣровакѣи же ѿсоужденъ боудеть. знаменнѣи же вѣровавшимъ въ и҃ме моѣе снѣи вѣслѣдоуѣють. въ и҃ме моѣе вѣси и҃жденоуѣть. іезѣки новѣи възгѣлють. и҃ въ рѣкахъ змиѣ възмоуѣть. ѿще и҃ смртно у҃то и҃спнѣють не вѣрѣднѣи и҃хъ. на болѣщеи роу҃кѣи възгѣлѣть и҃ и҃цѣлѣюѣть. и҃ іеѣще ісоу глѣоцию къ ѿвѣуеникомъ своимъ. видѣхомъ и҃ възносешасе на небо. глѣше старци и҃ерѣи и҃ леу҃гити. дадите славоу боу и҃ зѣлоу. дадите іемоу и҃сповѣданнѣи. то іеже и҃сповѣдасте. ѿще видѣсте и҃ слышасте. глѣше и҃спѣвѣдавшѣи. живѣи гѣи ѿѣи нашихъ. ѿвѣ авраамовѣи и҃ и҃саковѣи и҃ и҃аѣкѣвѣи. іако се слышахомъ іса ѿвѣуениа ѿвѣуеникѣи свѣе. и҃ видѣхомъ ѿу҃нма своимъ въземлѣошасе на небо. глѣше и҃мъ и҃ерѣи на се ли придоште бл҃го[39a]вѣстити намъ бл҃говѣщеннѣи снѣи. и҃ли придоште мѣтвоу дати боу и҃ глѣше старци и҃ерѣи и҃ леу҃гити къ нимъ. вѣидоште ли вѣ блѣди. то и҃ мѣтѣи дати ѿвѣи. юже блѣдоште прѣдъ людѣи. глѣ финей и҃ерѣи и҃ адасъ ѿвѣунтель и҃ аггеа леу҃гитни. къ старѣишинимъ зборнѣимъ и҃ къ іерѣѣмъ и҃ леу҃гитомъ. ѿще словеса снѣи іаже глѣахомъ вѣи. видѣхомъ и҃ слышахомъ грѣхъ соуѣть. се іесмы прѣдъ камнѣи. и҃ іеже годѣ прѣдъ ѿу҃нма кашими творите ны. ѿни же възмѣше законъ закѣше іе и҃и҃комуу же и҃сповѣдати іеѣще словеса снѣи. и҃ даше и҃мъ и҃сти и҃ пити. и҃ даше и҃мъ злато. и҃ и҃споустише іе вѣни и҃з града и҃ моу҃жи трнѣи даше и҃мъ проводити іе до галнлѣи с миромъ въ своѣи. и҃ свѣтъ створише жидове въ себѣ. старѣишиннѣи зборнѣи и҃ уѣстителе и҃ леу҃гити. и҃ плакахоу҃се плауѣемъ великомъ глѣюще. у҃то се вѣи знаменнѣи въ и҃злѣи. плауѣоу҃щїи[39b] и҃м же се и҃мъ. глѣ а҃ниа и҃ канѣфа поу҃то пѣу҃ална іе дѣиа ваша. воиномъ ли хоуѣемъ вѣровати. іако ангѣл гѣи снѣи с небесе и҃ ѿвали камы ѿ дврнѣи гробоу. и҃ у҃то іако ѿвѣуеници іего даше злато много воиномъ. и҃ възеше тѣло іско. и҃ тѣи наѣоу҃нше іе снѣи глѣти. рѣцѣте и҃ рѣше. іако ангѣл гѣи ѿвали камы ѿ дврнѣи гробоу. и҃ли не вѣсте іако и҃вѣсть пѣѣѣ не ѿвѣрѣзаниимъ вѣровати. а҃ іакоже и҃ ѿ насъ възеше злато много. и҃ іакоже іе наѣоу҃нхомъ глѣти. тѣи тако створише и҃ рѣи.

(XV). Вѣстав же и҃нокдимъ ста прѣдъ зборомъ и҃ глѣ и҃мъ. право рѣсте не вѣде ли люднѣи гѣи моу҃жѣи съшѣдннѣи ѿ галнлѣе. іако тѣи боѣшесе ѿ соуѣть. моу҃жи домовити ненавнѣще лихонѣства. моу҃жи мїровни и҃сповѣдаше с вѣтѣвоу. іако видѣхомъ іса съдѣша на горѣ мамвѣмъ съ іединѣмъ на десете ѿвѣуеникомъ іего. и҃ іако ѿвѣуаш[39с] іе іелнко же слышасте ѿ нихъ. и҃ іако видѣхомъ и҃ късходѣша на и҃ѣѣѣ. и҃ іако и҃иктоже вѣпраша и҃хъ кнѣимъ ѿвѣразомъ възнѣде на небо (sic). не іакоже во ны ѿвѣуѣть вѣописаниѣи кнѣи. іако и҃ и҃лиа възнѣде на и҃ѣѣѣ и҃ іелнскѣи възоу҃пи глѣи великомъ ѿѣѣ ѿѣѣ ѿроу҃жнѣи и҃злѣѣѣ и҃ кони іего. и҃ поврѣже ѿвѣуниоу свою и҃лиа на іелнскѣи. и҃ възѣ іелнскѣи ѿвѣуниоу и҃ поврѣже на (sic) и҃ на и҃ѣрданѣи и҃ прѣнѣде. и҃ прѣде въ іерихонѣ. и҃ срѣтоше и҃ уѣда прѣѣѣѣ и҃ рѣкѣи къ іелнскѣю гдѣ гѣи тѣѣѣ и҃лиа. рѣѣ же и҃мъ възнѣде на и҃ѣѣѣ. и҃ рѣкоше къ іелнскѣю іеда и҃ дѣѣ вѣсхѣти и҃ поврѣже и҃ на іединнѣи горѣ. нь пауѣ да пои҃мемъ ѿтрокѣи своѣи съ собою и҃ пои҃щемъ іего. и҃ прѣ-

⁸⁾ беспечалнии (*ἀμερίμους*).

⁹⁾ *Μαμβήλ, Μαμίλ.*

прѣше иелісѣа. и идоше и иискаше іего. трии дѣи не ѡбрѣтоше. и ѡбвѣдѣше по истинѣ іако взиде. и нѣхъ послоушанте мене. и послимъ нѣ все прѣдѣлы и злѣкы. и понцимъ и видимъ. іеда възетсе ісѣ и повржесе на іедини ѡ горѣ. и г[39d]дѣ вѣсть всѣмъ слово се. и послаше по всѣмъ прѣдѣломъ и злѣкомъ. іако же иискаше и не ѡбрѣтоше іего. ѡбрѣтоше же и ѡсифа въ аримаѡемѣ. и никтоже смѣше възложити роукы нань. прѣшдше повѣдаше старьцемъ и старьшинамъ зборниимъ и леугитомъ. іако проходимомъ по всѣмъ прѣдѣломъ и злѣкомъ. и ѡсифа же ѡбрѣтохомъ въ аримаѡемѣ. слышавше же ѡ и ѡсифѣ ради вѣше зѣло. и даше славоу боу и злѣкоу. и свѣтъ створише старьшины зборны и учители и леугите. кнѣмъ ѡбразомъ 'да побесѣдоуютъ съ и ѡсифомъ. и възмѣше свѣтъ хартины. вписаше къ и ѡсифоу снѣце миръ тебѣ и всѣмъ твоимъ. вѣмъ іако згрѣшихомъ къ боу и к тебѣ. поимансе боу и злѣкоу и ѡбещайсе прити къ ѡцѣмъ своимъ и къ уedomъ. іако ѡпеуалихомъ затворише те. и мѣи ѡскрѣбѣхомъ вси. іако ѡврьзоше дври не ѡбрѣтохомъ тебе. вѣмъ же іако свѣтъ [40a] зѣль скецахомъ ѡ тебѣ. нь гѣ те поіе и тѣ гѣ растрои свѣтъ нашъ. ѡтинуе всѣхъ люднѣ ѡтнѣи ѡѣе и ѡсифе. и и збравше ѡ всѣхъ люднѣ з моужь любещѣ и ѡсифа. іеже и и ѡсифѣ вѣдѣше дръгы іемоу соуце. и глѣше старьшины зборныи и учители и леугитѣ к моужемъ. блюдете аще поуть іеплюю нашъ приметъ. да вѣсте іако придетъ с камнѣ. аще ли приемъ іеплюю не проутеть. да вѣсте іако злобоу дрджитъ ѡ насъ. и цѣлѣавше и с миромъ ѡбратитесе к намъ. и блѣкнѣше іе и ѡпоустнише іе. тѣи же придоше къ и ѡсифоу и поклонншесе іемоу. и рекоше к нему миръ тебѣ и всѣмъ твоимъ. и ре' миръ камъ и миръ всемоу мироу и злѣкоу. и даше іемоу кнѣгы посланыи. и приемъ и ѡсифѣ проуте іепістолню и прие. и блѣкнѣ ба и ре'. блѣкнѣ бѣ и збравши ме иже и збавни и злѣ не проликти крѣви учсты. иже посла ангѣла своіего и покри ме крилома своимъ. целовав же іе поставни пр[40b]д нимн трапезоу и іаше и пише и спаше тоу. и ѡѣтро вѣсташе и мѣншесе. и ѡседла и ѡсифѣ ѡсле своіе и иде с нимн. и придоше къ стѣи градъ и іерлѣм и срѣтоше вси люднѣ и ѡсифа. и възоупнише миръ миръ твои. и ре' къ людемъ миръ миръ камъ. и целовавше вси люднѣ и ѡсифа. и мѣншесе вси съ и ѡсифомъ и уюждахоусе ѡ видѣнии іего. и подыіеть и никодимъ въ домъ свой. и створи ѡбѣдъ велнкъ. и възва аньноу и канѣфоу и старце и учители и леугитѣ къ домъ свой. и възвеселишесе ідоуше и пниоше съ и ѡсифомъ. и хвалеще и зидоше. и иде кждо въ домъ свой. и ѡсиф же прѣбѣ въ домоу никодимовѣ. заутра же іеже бѣ петкъ. оураннѣше анна и канѣфа. и старьшины зборныи и учители и леугитѣ. и придоше въ домъ никодимовѣ. и срѣте іе никодимъ. и рекоше моу миръ тебѣ и и ѡсифоу. и всемоу домоу тѣіемоу и и ѡсифокоу. и в[40c]веде іе въ градъ свой и сѣде въ зборѣ. и и ѡсифѣ сѣде между аньновѣ и канѣфовѣ. и никтоже не смѣ к нѣмоу глѣти словесе. и ре' к нимъ и ѡсифѣ что іако призвасте ме. и поманоуше никодимѣ глѣти къ и ѡсифоу. ѡврьз же никодимъ оуста своѣ ре'. ѡѣе и ѡсифе уѣстиннуе. вѣси ѡтннуе ѡѣунтеле и учеттеле и леугитѣ. и шютъ слово нѣкако навѣкноути ѡ тебѣ. и ре' и ѡсифѣ іеже хоцете вѣпрашайте мене. и възмѣше законъ анна и канѣфа закѣлѣш и ѡсифа глѣюще. дажѣ славоу боу и злѣкоу и даждѣ іемоу исповѣданиіе. и іако ахарѣ закѣлѣт ѡ прѣрока и іса не ѡкленѣ исповѣда іемоу все. и не скри словесе никакоже. и тѣи не скри оубо ѡ насъ словесе никакогоже. и ѡсиф же ре' не скрию ѡ вѣсь словесе ниіеднагоже. и рѣше к нѣмоу пеуалню ѡпеуалихомсе. понеже проси тѣла ісѣа. и ѡбѣтѣ іе въ понѣвоу ѣтоу и положи іе въ гробѣ своимъ и того ради затворихомъ [40d] те въ тьмни. къ нѣиже не бѣ дври ниіедноіе и клюоу и пеуати приложномъ ѡ дврехъ. и страже поставномъ и дѣже бѣ затворень. и въ іединѣ соуботнѣи дѣи ѡврьзше дври не ѡбрѣтохомъ тебе. и ѡпеуалихомсе зѣло. и ѡѣжась велнкъ нападе на все людн гдѣи и нѣхъ повѣждѣ намъ камо се дѣ. и ѡсиф же реуе. въ петкъ въ іеи уась затвористе ме и прѣбѣхъ соуботоу всю. и въ ілоуноши стойци ми и мѣещиоусе. тьмница и дѣже ме затвористе дѣжесе ѡ уѣтыри ѡѣгль. и видѣхъ аки мльнии свѣтлоу въ ѡунио. и трѣпетнѣ бѣкъ падохъ на земан. и іе ме за роукѣ въздвнже с мѣста и дѣже бѣхъ палъ. и вѣга воднаѣ слышѣсе з главѣ ми даже и до ногоу. и конѣ мирнаѣ приде к нождремъ ми и ѡтрѣ ми лице и целова ме. ре' же ми не консе и ѡсифе.

ѿкръзи ѿун свои ѿ вижъ кто ѿ глѣи к тебѣ. ѿ прозрѣхъ ѿ видѣхъ іса т[41a]репетънь бѣвъ мнѣхъ мѣтаніе соущее. н повелѣнаѣ глѣхъ. ѿ ть съ мною глѣше. ѿ не вѣсте ли іако аще сретѣа сретѣеть кого. ѿ ѿслышавъ повелѣноіе бѣжитъ. ѿ вѣдѣвъ іако глѣеть с мною тожде. ѿ рѣхъ іемоу равкѣ нлиѣ. ѿ глѣ ми нѣсмь нлиѣ. ѿ рѣхъ іемоу кто іесн гн. ѿ глѣ ми азъ іесмь ісѣ іегоже тѣло нспроси ѿ пилата. ѿ ѿбѣтъ въ понѣвоу унстоу. ѿ ѿбѣроушь положи на лицѣ моіемъ. ѿ положи ме въ гробѣ своіемъ новѣмъ. ѿ привали камѣ на ѿустнѣ гробоу. ѿ рѣхъ къ глѣющемоу с мною. покажи ми мѣсто ндѣже те положихъ. ѿ понѣвоу іеіоже те ѿбѣхъ. ѿ ѿбѣроушь нже ти положихъ на лицѣ. ѿ веде ме ѿ пѣказа ми мѣсто ндѣже ѿ положихъ. ѿ понѣвоу іеіоже ѿбѣхъ ѿ. ѿ ѿбѣроушь нже закрихъ лице іего. ѿ видѣхъ все. ѿ ѿвѣдѣхъ іако ісѣ іестъ глѣи с мною. ѿ іе ме за роукоу ѿ постави ме затвореномъ дверемъ въ клѣти своіей. ѿ покои ме на ѿдрѣ своіемъ [41b] н глѣ ми мнрѣ тебѣ. ѿ целова ме н ре^ч ми до ѿ дѣни не нсходи нз домоу своіего. се бо ндоу къ братни мѣи въ галлѣю.

(XVI). ѿ слышавше старѣишнии зборниѣ ѿ унстителе ѿ леугити словеса та ѿ нѣсифа. бѣше аки мртви н падоше на земли ѿ алькаше до ѿаго уаса. мѣнста никоимъ ѿ нѣсиф анноу ѿ канѣфоу ѿ унстителе ѿ леугите глѣуща. встанѣте на ногахъ вашихъ стоите. ѿ вѣкоушите хлѣба ѿ ѿкрѣпите дше (sic) ваше. іако ѿтроу соубота гѣн. ѿ вѣсташе н мѣншесе гѣн. ѿ іаше ѿ пише ѿ ндоше къждо въ домъ свои. въ соуботоу же съдоше ѿунтиле ѿ унстителе н леугити. съвѣпрашающе дроугъ дроуга. плачущесе ѿ глѣуще. кѣи се гнѣвъ пришѣдъ на ны. іако вѣмъ ѿца ѿ мѣрѣ іемоу. глѣ леугни ѿѣчитель. родителѣ іего коіещасе ба вѣмъ. ѿ мѣтвы не ѿставляюща. ѿ десетниѣ дающе трициѣ лѣтомъ. ѿ іегда родисе ісѣ възнесоше ѿ родителе на [41c] мѣсто се. ѿ трѣбѣ ѿ все съжн-гаіемоіе даше боу. ѿ іако вѣзе ѿ велнкни ѿѣчитель сѣмень ѿ ре^ч. нѣиѣ ѿпоущаіеши вѣко раба твоіего по глѣоу твоіемоу с мѣромъ. іако видѣста ѿун мой спѣннѣ твоіе гн. іеже іесн ѿгготовалъ прѣдъ лицемъ всѣхъ люднѣ. свѣтъ въ ѿкрѣвеніе іезыкъ ѿ въ славоу люднѣ твоихъ нзла. ѿ блѣви ѿ сѣмѣѣнѣ ѿ реуе к марни мѣери іего. блѣговѣщоу ти ѿ дѣтциѣ семь. ѿ ре^ч марни блѣговѣсти ми гн. н ре^ч сѣмѣѣнѣ к ней се. сѣ лежить на паденнѣ ѿ встаннѣ многимъ въ нзлѣ. ѿ знаменнѣ ѿрѣцаіемо. ѿ тебѣ же самоу дѣшоу проидеть копнѣ некли ѿкрѣнѣтсе ѿ многѣ срѣць помѣшленнѣ. глѣше унстителе къ леугни ѿѣчителю тѣи како іесн слышалъ. глѣ леугни не вѣсте ли іако ѿ того ѿѣунхсе законоу. глѣ іемоу всѣ зборѣ ѿца тѣи хошемъ вѣдѣти. н прѣзваше ѿца іего. ѿ ре^ч к нѣмъ ѿѣи іего поуто не вѣривасте сѣоу моіемоу. по [40d] истинѣ блѣженнѣ ѿ праведнѣ сѣмѣѣнѣ наѿѣѣи того законоу. глѣ ѿѣчителю леугни всѣ зборѣ истинно ли іе слово. глѣ леугни истинно. ѿ рѣше к себѣ старѣишнии збороу. ѿ унстителе ѿ леугити. ндите да послѣи к тремъ моужемъ. пришѣдшемъ ѿ повѣдавшиимъ ѿ ѿѣеннѣ ѿ ѿ вѣшестѣи (sic) іего. ѿ да ны повѣдетъ кнѣмъ ѿобразомъ видѣше ѿ вѣшѣдша на нѣбо. ѿ годѣ вѣи слово се всѣмъ. ѿ поустише триѣ моуже нти въ галлѣю. ѿ рѣше рѣцѣте финей нѣерѣю ѿ адыдѣ ѿѣчителю ѿ іеггею леугутоу. мнрѣ вамъ ѿ всѣмъ вашимъ. съвѣпрошанию многоу бѣвшоу къ зборѣ. іакоже прѣзвати вѣи въ стѣи градъ нѣерѣмъ. поустихомъ мѣи к вамъ моуже. ндоше же моужи къ галлѣю. ѿ ѿбѣрѣтоше іе утоуше законъ. ѿ цѣловаше іе с миромъ. ѿ рѣше к нимъ мнрѣ вамъ ѿ всемоу нзлю. ѿ рѣше мнрѣ вамъ поуто придосте сѣмо. ѿ рѣше посланиѣ зоветъ вѣи зборѣ къ стѣи градъ [42a] нѣерѣмъ. слышавше же моужи іако зовомн соутъ на зборѣ. мѣншесе боу ѿ възлегоше с посланиимъ. ѿ іаше ѿ пише ѿ вѣсташе ѿ ндоше с миромъ. ѿ придосте въ нѣерѣмъ. ѿ на ѿтрниѣ съде зборѣ въ зборѣ. ѿ вѣпрашаше нхъ глѣуще. по истинѣ ли видѣсте іса съдѣща на горѣ мамвѣлѣкни. ѿ ѿѣѣща ѿѣѣеннкѣ свои. ѿ възвѣдша на нѣбо. глѣ анна ѿ канѣфа разведѣте іе. ѿ да виднѣимъ аще іе сгласна рѣуѣ нхъ. ѿ іако разведоше іе. ѿ възваше прѣвоіе адыдоу ѿ глѣше іемоу повѣдѣ ны како видѣ ѿ възвѣдоуща. ѿ глѣ адыда іеѣе съдѣщю іемоу на горѣ мамвѣлѣкни. іакоже ѿѣѣѣше ѿѣѣеннкѣ своіе видѣхомъ ѿблѣкъ ѿбѣнѣющѣи ѿ ѿ ѿѣѣеннкѣ іего. ѿ възетсе съ ѿблѣкомъ на нѣбо. ѿ ѿѣѣеннѣи іего. мѣахоуше лежеше нѣи на земли. ѿ възвашѣ финей ѿ іеггеа ѿ вѣпраше (sic). како видѣсте іса възвѣдша. ѿ та повѣдаста такожде. тгда рѣше к нимъ законъ [42b] моисѣѣвъ нмѣтъ іако при двою

послоухоу. или при трехъ станеть всакъ глѣ. глѣ авдунъ оубуитель пишется въ законѣ мойсѣовѣ. и хождашъ иѣнохъ зъ бѣмъ. и нѣсть иѣго іако поіеть и бѣ. и анрь оубуитель и стго мнсеа смръ слышахомъ. нь не видѣхомъ. пишеть бо се въ законѣ гинъ и оумръ монси оустны гинъ. и не оубвѣдъ моужь гроба иѣго до дѣшннѣго дѣе. равкунъ леугни глѣ. іако равкунъ сумѣонъ глѣ іако видѣхъ іса. сесѣ лежѣть на паденнѣ многнѣмъ въ нѣзлн. и въ знаменнѣ прѣрѣкаіемоіе равкунъ ісакъ речѣ. пишется въ законѣ се азъ послю айгла своіею прѣдъ лицемъ твоимъ. нже ідетъ прѣдъ тобою. іако схранити те на всакомъ пѣти твоіемъ блазѣмъ. іако нме моіе въ оубтробѣ иѣго. анна и канѣфа реуе право рѣсте. писано іе въ законѣ мойсѣовѣ. іако иѣноховъ смрѣти никтоже не видѣ. и стго илнѣ никтоже не видѣ. бѣ же слово дасть [42c] къ пилатоу. и іако видѣхомъ и злоушениѣ приѣмлюща. и іако плюваннѣ приѣ на лицн своіемъ. и іако тръновъ вѣиць воинн на глакоу иѣго възложише. и іако покръзень бѣ. и іако ѿтвѣтъ приѣтъ ѿ пилата. и іако на крѣтъ распеть бѣ. и два разбонника с нимъ дѣмась и геста. и іакоже ѿпта с жльуніо напоише и и ісофомъ и іако лоуцею ребра иѣго прѣбоде лоуниъ воинн. и іако тѣло иѣго іспроси ѿцѣ нашъ ѣтнѣиъ іѣсифъ. и іакоже слышахомъ и тѣ вѣста глѣють. іакоже глѣють трѣіе оубунтели. іако видѣше и въсходецаа на іѣко. и іако равкунъ леугни глѣ. и свѣдѣтельствова речѣнаа ѿ ровкунъ сумѣона. іако речѣ сесѣ лежѣть на паденнѣ и вѣстаннѣ моужьмъ въ нѣзлн. и въ знаменнѣ прѣрѣцаіемоіе. и рѣше оубунтеле къ всѣмъ людемъ гинѣмъ. аще то ѿ глѣ бѣ іе уіодно прѣдъ ѿнма нашнма. вѣдоуще же оубвѣдите доме іаковль. іако пишеть се проклетъ всъ висей на [42d] дрѣвѣ. и ино писаннѣ оубунтъ. вѣзи нже не створише нѣе ни земле да погнѣноуѣтъ. и рѣшѣ унстнтеле и леугити всемоу нѣзлю. аще дадо (sic) слоуункшааго се нарѣцаіемааго іѣовулъ паметь иѣго іе. вѣдоуще да іесте іако дрѣжати нмаѣ до вѣка. и вѣставитъ себѣ люди новы. и запрѣтнше унстнтеле и старѣишиннѣ зборннѣ и леугити. всемоу нѣзлю глѣюще. проклетъ моужь нже твари пауе творца поклоніѣтсе. и рѣше всн люднѣ амннѣ амннѣ амннѣ. и хвалнше всн люднѣ глѣ. и рѣше всн люднѣ блгѣвнѣ глѣ. нже дасть покои людемъ своімъ нѣзлю. и все іеліко глѣ не паде слово прѣдъ всацѣмъ словомъ блгннѣмъ. іелнко же глѣ мойсѣомъ рабомъ своімъ. боудн глѣ бѣ с нами іакоже съ ѿцѣ нашнми. не ѿстави насъ іако к тебѣ прѣвѣгноухомъ спѣтнсе. не ѿрннн насъ іакоже прѣклонити срѣца наша к тебѣ. и ходити по поуѣти [43a] твоіемоу. и хранити заповѣди твоіе и соуды. іеже заповѣда ѿцѣемъ ншннѣмъ. и да боудеть црѣ надъ всею землею. въ днѣ боудеть глѣ іедннѣ и нмъ иѣго іедннѣ. глѣ црѣ нашъ и тѣ спѣтъ насъ. нѣстѣ пообна тебѣ гн. велнкѣ тѣ іесн и велнко нме твоіе. слдоу твоіею іцѣли ны гн и спн ны. іако уестъ твоіа и жрѣвѣ твоіа іесмы. іако не ѿставитъ глѣ люднѣ своіхъ нмени своіею радн велнкааго. іако науелнѣе глѣ творннѣт людн своіе. и хвалнвѣше моужн ѿтндоше въ дома своіе.

знающѣей оубо бѣ мѣнтесе за анноу. прншѣдшааго ѿ жндовъ на оубвѣдннѣ хѣво. и сказавшоу жндовскнѣ памети ѿ хѣсъ іелннѣскннѣи словесы на оубвѣдннѣ всѣмъ. блгѣть хѣва съ всѣмн камѣ. томоу слава и дрѣжава въ бесконьуннѣе вѣкн. и в вѣкѣ вѣкомъ амннѣ .:

Краткія свѣдѣнія о рукописи: писана въ два столбца in f^o крупнымъ уставомъ XIII в. по 36 строкъ на страницѣ. Выносныхъ буквъ очень мало: выносятся преимущ. буква, не умѣстившаяся въ концѣ строки. Глухіе замѣняются паеркомъ почти только въ концѣ строкъ; лигатуры также (и то не многія) въ концѣ строки; надстрочныхъ знака два: ˘ преимущ. въ началѣ слова на гласной и ˙ на гласной послѣ гласной внутри слова и на *ы* и надъ *ю* обычно; на *оу* въ началѣ слова вездѣ почти ˘˘ (оу). Въ виду такого опредѣленнаго характера письма я не нашель нужнымъ сохранять дѣленіе на строки и ограничился размѣтой листовъ (и столбцовъ) и дѣленіемъ на главы.

IV.

СЛОВО Ѡ ПРѢДАНІИ Г҃А НАШЕГО ІѢ Х҃А И Ѡ ЖИВИИ ІЕГО.

(Бѣлград. Нар. Библ. № 305, XIV—XV в.).

(10²). Вельми дръжавномоу. и зъло утьномоу. и велми строиномоу. тиве(11)рнио кесероу. азъ пилаъ понитьскыи. вьстоуныи страны ѡбласть прѣдръже. възвъстити зъло трѣвоую вашемоу ¹⁾ блгоутноу. нашими кингами ²⁾. и трепетомь многомь страхомь бо ѡдръжимь іесмы. дръжавный кесароу. се бо нѣхъ въ настоіеіеіе врьме. іеже створисе и іаже сконьуана быше ³⁾. сими кингами истинно оувѣждь. іаже съдѣлашесе въ дни тиіе ⁴⁾. мнѣ снїо ѡбдръжецоу ѡбласть. нѣкака мльва вьста въ иудѣисцѣмь племени. по повелѣнію племени вашеіе тихости ⁵⁾. азъ старѣшнина въ странѣ сѣи вьстоунѣи. іеже іестъ іерлѣмь ⁶⁾. бы снцѣво (11²) дѣло ⁷⁾. въ іедномыслещихъ иудѣискахъ племенихъ ⁸⁾. тоу въ немь събравьсе народъ иудѣискъ. и прѣдаше ми нѣкоіего улѣвка глѣма іса. много и бе [ци]сльнь ⁹⁾ съблзнь нань носеще, и не могоше ни въ какомь словеси іе҃го ѡблнѣити. іедина же рѣчь нхъ бѣ нань. іако соуботы нхъ ¹⁰⁾ разаріаше глѣ. не соущаго права праздника. многа же исцѣленіа свръшаше блгыми дѣлеси. слѣпніе створи прозрѣти. слоукыіе ¹¹⁾ ходити. мртвніе вьстави и раслабленіе ісцѣли. не могоущее бѣхома (?) ни улановъ те[ле]сныхъ имѣти състоіаніа. нѣ тъкмо імѣць ¹²⁾ глѣ и костноіе съутаніе ¹²⁾. подіае нмь слоу ходити. и ристати словомь повелѣваше тъкмо. и нѣхъ ¹³⁾ (?) же створи мощиѣишоую вещь. іаже іестъ дивнѣиши и пауче блгъ нашихъ. іеже уетвре-дїеіеіаго нѣ[ко]іе҃го лазаріа ѡ мртвыхъ вьскрѣси. словесемь възва тъкмо оумрьшаго ¹⁴⁾ растлѣнно іуже тѣло нмоуца. урѣвми и смрадомь. и тѣлоу ѡбщемоу соущоу въ гробѣ лежецоу ¹⁵⁾. повелѣ теци никакого же нмоуца ѡбраза. и іакоже ѡ урьтога женихъ. такоже нзде ѡ гроба. блгоуханіа многа іспльнь и нѣкыіе іавѣ бѣсещесе. и въ поусты(12²)ни жилица нмоуца ¹⁶⁾ и пльтоудца соуща сконь оудовъ. и съ дивими зѣвми живоуца бѣсещасе. снѣ створи жителе градныіе. въ своіхъ домѣхъ. и словесемь смисльнии показа. прѣмоудриже и разоумны. славномь повелѣ быти. ѡ неістаго дѣа мѣко (?) моуимнмь. и соущихъ въ нхъ бѣсовъ погыбѣльныіе и іадьныіе въ стадо сквиноіе пославъ потоппи въ морн. пакы же ннѣ нѣкто соухоу роукоу нмы. бѣхполь телесе ¹⁷⁾ нмы. оусьхьша и ни понѣ телесныіе твари нмоуца. и того словесе....¹⁸⁾.

Варианты изъ изданія А. Н. Пыпина (Пам. III, 106); греч. по Тишендорфу, текстъ В (стр. 443).

1) Требуа твоему—*πρὸς τὴν σὴν ἐνσέβειαν*;

2) *διὰ τῆσδε μοῦ τῆσ γραφῆσ*; русск. опуск.

3) Текстъ испорченъ, какъ и въ рус.; см. Пыпина, 106, прим. 3; нашъ лучше.

4) Лишнее, повидимому, повтореніе (м. б. поправка по смыслу) предыдущаго.

5) По повелѣнію твоего дръжавьства—*κατὰ πρόσταξιν τῆσ σῆσ γαληνότητοσ*.

6) Единъ отъ градъ наречаемый Е.—*πόλεωσ μία καλουμένη Ἰ*.

7) Въ греч. соотв. нѣтъ.

8) въ единомъ святилици иудейска языка; *ἐν ἧ τὸ ἱερὸν τοῦ τῶν Ἰουδαίων ἔθνοσ καθίδρῦται*.

9) Ркп. *вельми*.

10) Добавл.: не храняше но (въ греч. соотв. нѣтъ)

11) сухія.

12) и недугующія, токмо имущи костное сочтаніе; мѣсто испорчено; *μὴ δυναμένοσ τὸ σύνολοσ κινεῖσθαι, εἰ μὴ μόνοσ ἔχοντασ φωνὴν καὶ τὴν τῶν ὀστέωσ ἀρμονίαν*.

13) Ркп. *ишіа*; ина же етера; *ἄλλο τε*.

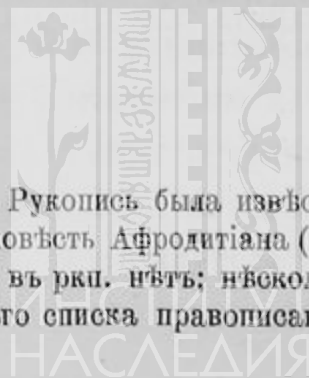
14) *λόγῳ μόνῳ κελεύσασ ἐγερθῆναι τὸν τεθνεῶτα*; словомъ токмо.

15) въ гробѣ лежащъ—*καὶ τὸ θνῶδες ἐκεῖνο σῶμα τὸ κεῖμενον ἐν τῷ τάφῳ*.

16) Здѣсь текстъ Пыпина перерывается.

17) *ἡμῶσ σῶματοσ*

18) Здѣсь съ концомъ л. 12² текстъ обрывается (соотв. отд. 3 у Тиш. на стр. 445). Рукопись была известна В. Макушеву (см. Р. Ф. В. 1881, № 6.—„Рукоп. сербскія“ № 3), издавшему по этому списку повѣсть Афродитіана (отд. отт., стр. 33). То, что В. Макушевъ говоритъ (стр. 32) о л и а,—странное недоразумѣніе: л въ ркп. нѣтъ; нѣсколько оригинальное начертаніе л принято имъ за а, почему и получилось невозможное для сербскаго списка правописание.

V.

ВЪ ТЪ ДНЬ. ПОСЛАНИЕ ПИЛАТОВО КЪ ТИВЕРИЮ КЕСАРИЮ. РИЛЬСКОМУ.

(Сильвестровскій сборн. XIV в. Моск. Типогр. библ. № 53).

[83a] Вельдержавному и зъло утѣному и бѣственному стронному тиверию кесарию. азъ пилатъ понтескын востоунныхъ страны. область предержа възвѣстити вашему велнубю. нашнмъ возношеннємъ трепетомъ многымъ одержимъ іесмь. державнын црѣю се нынѣ настоящимъ временемъ малымъ. іако сконьуано бы вѣ в настоящее время истиннѣ показанъ. нже сдѣлшася во днѣ снѣ. азъ снѣ сдержа обла[83b]сть. и нѣкотораѣ молва възста въ людехъ ихъ. и азъ бѣхъ старѣншина въ странѣ той повелѣннємъ твоимъ. на възстоуннѣн же странѣ іестъ градъ нарѣуаіемын іерлмъ. и бы снѣ дѣло въ іеднномъ стнлнцн нюдѣнска іазыка. тѣ въ немъ съвратнса всакому народу нюдѣнскѣ. и предаша мнѣ нѣкоіеѣо уіѣвка глѣмага нса. многы бещнслены събланы нанѣ глѣн. и не могуше ни в какомъ словесн обанунти іеѣо. іеднна во рѣуѣ ихъ на нса іако сѣботы разарміеть. глѣ не сѣцаѣо [83c] пракаѣо праздннка. многа же нцѣленнѣ твораше и уіодеса. слѣпннѣ творѣ прозрѣтн. хромымъ ходити. мртвннѣ възскрѣшанъ. раслабленнѣ нсцѣлн не могуша ѣннудѣ ни ѣ мѣста двнгнутнса. нъ токмо нмѣша глѣ и костноіе соутаннѣ. и подаіше мнѣ снлѣ ходити и рнскатн. словомъ токмо повелѣваше. и нно днвно уіѣ уетверодннвнаѣо лазора нзъ мртвннѣ възскрѣн сн словомъ токмо. призванъ оумрѣшаѣо растлѣнѣ сѣннѣ уервнн. и смрадѣомъ въ грѣ лежащѣо но нзнде нз грѣба іако [83d] іако (sic) женнхъ н-щертоѣа блгооуханнѣа многа исполненъ. И нѣкоіеѣо велнн бѣсцрѣса в пѣстынн живѣннн плотоіѣдца сѣннѣ "сконхъ оудѣвъ. и съ гады и днвннн звѣрнн живѣнн. и сего уіѣвка жнтѣла створн въ градѣ и въ домѣ своіемъ. смнслена словомъ и цѣломѣдрннемъ показѣ. премѣдры же и размы (sic) повелѣ бытн ѣ неуіѣаѣо дѣа мѣнннмъ и сѣнннхъ в ннхъ бѣсовъ. ѣго-наше ѣ ннхъ и во стаѣо свнноіе посла и въ морѣ потѣпоша. пакы же ннѣ мѣжѣ сѣхѣ нннѣ рѣкѣ полѣ телесѣ оѣсохннѣннѣша и того словомъ нсцѣлнвѣ поста[84a]вн сѣрака. И женѣ кровѣотоуннѣю многымн лѣты. іако ѣ самого теуеннѣа телеснаѣо теуеннѣемъ костнннмъ соутаннѣемъ іавѣ бытн. и нннѣдннѣо уіѣвца іества нмѣннн телѣомъ. но стыднннса хожаше всн ко враѣевѣ. не наудннннѣно нарѣкше не прнсѣцахѣтѣ іеіа. нѣ бо в неѣ влѣко нн іедннѣоіа надежа къ снсннѣо. ннмо же градѣннѣо нсѣ. крѣпѣсть прнннннн жена и нде въ слѣдѣ іеѣо и прнкосннѣса възскрѣн рнзѣ іеѣо. и въ томъ уасѣ прѣста теуеннѣе кровн іеіа. и бы іако ннколіеѣе нмѣвшн зла. [84b] и скоро теуе въ своѣ градѣ слава нса снмъ оѣво снѣ сѣнннмъ възвѣщахѣ нюдѣн. свѣршлѣющн в сѣботы нса іако и паѣе бѣ поутѣомъ полнннмъ (?) паѣе разѣмѣхомъ уіодеса бѣвшн ѣ него. сего оѣво нродѣ архѣла фнлнпѣ же и аннѣа и калѣфа и всн лѣіеѣе предаша мн нса. велнкѣ молкѣ створнша и сего азъ прѣже бнвѣ

и повелѣхъ расплати. и ни единой же книги в немъ не обрѣтохъ. зла дѣланиа имже оклеветашу его токмо расписи. и ѿгда распла (sic) бы тма бы по всен земли. и слицю померкшю кругу темну сущю в полъде[84c]нь ѿко звездамъ вснмъ свѣтитса. но ѿраунюю свѣтлость имѣашу. ѿкоже не вѣсть ваше блгоутыѣ ѿко вотъ ѿ свѣща вождоша по всен земли. ѿ шестон годны до веуера. мць же бы акы во крови всю ношь. надо вснмъ же снмъ земля колывашеса ѿ страшнаго труса и хоташе вса тварь во пресподѣи поглощена быти. и катапетазма церквенѣи раздраса свѣше и до ннзю. громн же мнози и шюмн свѣше бывашу. и земля вострасеса страшно. и мртвечи воскрѣша ѿко и [84d] и самн нюдѣи юдѣи (sic) видѣши ркоша ѿко видихомъ аврама нсака и ѿкова. .ѿ. патрарха с монсыѣмъ. прѣ сконувашнхса преже двою тысщю лѣ и .ѿ. и нннн мнози ѿже азъ в телесн ѿвльшася. видихъ великъ же плауъ тогда творщнмъ нюдѣемъ. бывша ради ѿ ннхъ безаконнѣи и погыбелн своѣи. и науаша бывати трусн. ѿ шестон годны конже ѿ вобѣиены гвозднѣ въ рцѣ и в нозѣ и свѣи пригвожденъ бы на дрѣвѣ крѣтнемъ до веуера. и пакы снмъ бы с древа и поло[85a]женъ бы во гробѣ.

В суботу же ношюю велин шюмъ бы съ нѣсн. ѿко всему небу седмернучею сугубу ѿснѣншю и свѣтлѣншю пауе вснхъ дѣен быти. ѿ третнѣго же ѿ ноши слице воснѣи. и ѿсвѣти всюду и все нѣо просвѣтнса. и тогда стоило слице ѿснн дѣен не захода и ѿко молннѣи. внезапу нашоша тако мужн вѣсоцѣ во ѿдежахъ краснахъ. во славу несповѣднн сущн ѿвля множество бѣщнслено вопнющн распатын воскрѣсе хъ. нхже гла слыша[85b]шеса акы громъ поюще. слава въ вѣшннхъ бѣи на земли мнрѣ нздете ѿ ада порабощеннн. въ пресподннхъ ада. ѿ гла же нхъ вса горы колывашеса. и каменнѣи расѣдшеса. и пропасти на земли великы бывашу ѿко глѣбнны. и многымъ телесемъ оумершн и воскрѣсоша. и ходити всему множеству воспѣвающе великомъ глѣмъ въскрѣсе нз мртвѣхъ хъ. и вса мртвѣи съ собою въскрѣси и ада раздршн. ѿ влѣко блгоутнвнн свѣтъ. не престаѣше тогда ѿ нюдѣи же [85c] мнози оумроша въ пропастехъ земны. и погыбоша тогда ѿко нн тѣсемъ нхъ ѿвнтнса тн ѿже глѣю влѣко на нса бывшаѣи. ѿко тн мн привнѣннѣемъ видѣти нѣкако мерѣство. ѿгоже нкогдаже бѣхъ видѣлъ. ѿдино сборнще ѿставъ. то и само и въ ѿрлмѣ а вса сборнща. падошаса в ноши тон. тѣмже страхомъ тѣмъ во оужасѣ бѣвѣ. и трепетомъ лютымъ ѿдержнмъ ѿсмы. ѿже видѣхъ владыко бывшеѣи. въ тѣ ѿ напнса възвѣстнхъ вашен державѣ. спнсахъ же вса уюдеса нсва. ѿже вн[85d]дѣхъ азъ и ѿже поруганнѣи прнтерпѣ нсѣ ѿ нюдѣи и мукы и послахъ к вашему блгоутыю .

Донесенымъ же бывшнмъ кннгамъ ѿ пилата в рнмъ к тнверню кесарню и проутенымъ бывшнмъ. предъ црѣмъ и прѣ вснмъ сунклантомъ и прѣстрашнн быша всн. пилатова ради безаконнѣи и неправѣднаго суда. тма и трусъ по вселенѣи быша ѿго ради. и ѿрости исполннвса црѣ. посла конны повелѣ свазавше пилата прнвести в рнмъ . Слышавъ же црѣ ѿко прнде пилатъ. съдѣ же на пртлѣ [86a] съ вснмъ ѿго сунклантомъ. и всему множеству рнмьскому предъстоѣщю и повѣлѣ расплати по дрѣву пилата и прнвести предъ са. и рѣ къ нему кесарь глн мн неутын. ты лн ѿсн пилатъ нгѣмонъ. восточннюю ѿблѣсть ѿбдержа. пилатъ же рѣ ѿсн влѣко азъ ѿсмы рабѣ вашен тнхости. азъ ѿсмы пилатъ понтескын ѿ амаснѣи града понтескаго. и рѣ кесарь поуто ѿсн снуче сътворнлъ. неутнвѣ виднвѣ снцѣваѣи уюдеса оу улѣка того и злон смрѣтн предалъ ѿго. нмже всъ мнрѣ хотъ погы[86b]бнүти. ѿкоже всъ мнрѣ хотъ погыбнүти ѿкоже тобою посланоѣи наоучнны. и рѣ пилатъ азъ ѿсмы влѣко самодержецъ безъ внны се створнхъ. и жестоку ѿсмы и непокорнвѣ ѿззыкѣ. мнѣ же повннннн сущѣ вашнмъ тнховѣствомъ. кесарь рѣ аще предаша тн тоѣ бы льто (sic) послати ко мнѣ о немъ. но мнѣ сего не вѣдущю расплати повелѣлъ ѿсн мужа сего. селнка блга знаменнѣи створншю [86c] ѿкоже назнаменала (sic) ѿсн намъ. своннн кннгамн распатаго. на тнлн напнсалъ ѿсн и пригвозднлъ ѿсн на дрѣвѣ крѣта ѿго се ѿсмы хъ црѣ нюдѣнскѣ. и се рекшю црѣю авнѣе все множе (sic) множество бѣ ѿго падеца и быша акы прахъ. црѣ же и сунклантъ всъ народъ предъ-

стойцини пристрашии быша. страхо (sic) великымъ вси одержими быша паданиа ради бѣ ихъ. и словеснаго ради рѣниа имени нѣва и ѿидоша каждо в домы свои дивашеса. и повель пилла[86d]та твердо блюсти в темници да извѣсто оувѣсть о нѣхъ. на оутрѣи же днь пакы съдъ кесарь тиверни на капетулни црѣвнии. со всимъ сункитомъ (sic) и приведоша пилата. и рѣ кесарь пилатѹ глаголи треклатын истину о нѣхъ яко твоѣго ради неутыа и неправа обсужениа обного улѣка и здѣ показалъ ѣси знаменнѣ бѣ нашихъ. скрѣшилъ ѣсть. глн оубо треклатын пилате како сего улѣка обсудилъ ѣси на распатиѣ яко имени ѣго нарѣнѹ здѣ вса бгы [87a] наша погуби. пилатъ же рѣ влѣко ѣже послахъ к вамъ книги истинныа сѹть о немъ. азъ бо върѹ ѣхъ яко болни бѣ. ѣгоже мы утемъ. кесарь рѣ что ради сицевѹ мѹкѹ нанеслъ ѣси нань вндаши снѹ знаменнѣи и уюдеса. всако хотѣ зла моѣмѹ цртѣнѹ. пилатъ же рѣ створи хъ се влѣко неколею настоянниа ради народа жидовьска. ѣрости же исполнвса црѣ свѣтъ створи со всимъ сункитомъ своимъ повелѣннѣ написа. на нѹдѣи сице лнкнинѹ старѣнниѹ во[87b]стоуныа области на неутѣи нѹдѣи. в настояннѣе время бывшихъ дерзости ѿ ѣрлмлянъ живѹщихъ въ крѣстныхъ странахъ безаконныа нѹдѣи. бѣ ради глаголемаго нѣа. с пилатомъ распеншмса гл. яко того ради хотѣлъ всь миръ погубыти ѿ трѹса. и повель кесарь множествѹ кониѹ принти на ѣрлмъ. и пополнити в полонъ келин. и створити ѣа на растоуеннѣе во вси ѣззыкы на работѹ предани быша. да не ѣватса въ градѣхъ своихъ. за безаконнѣе ско[87c]ѣ. и семѹ повелѣннѹ дошедшѹ на восточнѹю страну авниѣ изгани быша лнкнинѣемъ вса нѹдѣи растоуени быша во вса ѣззыкы и работати створи ѣа. яко видѣ вса бывша лнкнинѣемъ. и повель тиверни црѣ пилла оувѣкинути. яко се рѹцѣ нанесе на нѣа. тако днѣ пилатъ смртни преданъ бѹдетъ. пилатъ же шедъ на мѣсто помолвса. глм гн нѣе влѣко не погуби мене съ лукавыми нѹдѣи. яко не колею възложихъ на тѣ [87d] рѹкѹ мою. но ѣззыка ради безаконныхъ нѹдѣи нѹдиша мѣ. но ты влѣко всси вса яко не вѣдын створи хъ се. не погуби мене со грѣхы мои. но оумлрднса на мѣ нѣе и на рабѹ твою проклѹ оубогѹю. прнми млтвѹ мою в уа сн смртныи. и снѹ рабѹ твою юже наоуунлъ ѣси прорнѹати. яко имѣши на кртѣ пригвоздитиса не не остави мене въ грѣсѣ моѣмъ. но прнми моѣе покаѣннѣе и млтвѹ. и прнѹти мѣ со изъбраными твои[88a]ими (sic). И сконцавшѹ ѣмѹ млтвѹ пилатѹ приде с нѣси глѣ глѹцѣ блжати тѣ вси ради и обѣствнѣи ѣззыкѣ. яко о тебе сконцашася иррѹскаѣ рѣннѣи и о мнѣ. ты же свѣдѣтель бѹдеши въ второѣе пришествнѣе ѣгда хоцѹ сѹдити живымъ и мртвымъ. и двѣма на. ꙗ. колѣнома излѣкыма не исповѣдавшимъ мене. ни вѣровавшимъ имени моѣмѹ и авниѣ префекотъ. ѿсѹе главѹ пилатовѹ. и авн(ѣ) англъ гнѣ прнѣ главѹ пилатовѹ. видкши. жена ѣго прокла англа радости исполнвса. и та предасть дшѹ свою.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Уже по окончаніи моего обзора, а также уже во время его печатанія, явились новые, прежде мнѣ недоступные или ускользнувшіе отъ вниманія моего матеріалы. Результатомъ этого являются слѣдующія ниже дополненія, впрочемъ, ни въ чемъ почти не измѣняющія моихъ выводовъ.

I.

(Къ стр. 63). Ссылка моя на текстъ Первоевангелія по рукописи Н. С. Тихонравова, какъ на старый образчикъ попытки сдѣлать церковно-славянскій текстъ народнымъ, нашла себѣ подтвержденіе въ текстѣ XVII в., любезно уступленномъ мнѣ проф. А. И. Кирничниковымъ. Эта рукопись (малый f^o) — „Соборникъ“ — принадлежитъ теперь библиотекѣ Новороссійскаго университета, гдѣ хранится подъ № 86; писана она на югѣ Россіи въ 1662 году ¹⁾. Въ ней на л. 65 об. — 67 об. помѣщается статья: **Мѣѡ Сентѣ** въ .нѣ. слово на рождество прѣтыа вѣѡа прѣнодѣвы Мрѣа мѣре вѣѣн. Это — первоевангельскій текстъ, часто въ этомъ объемѣ (главы I—VII (начало)) встрѣчающійся, какъ чтеніе на день рождества Богородицы ²⁾. Особенность этого текста составляютъ его языкъ и форма изложенія. Если въ сп. Н. С. Тихонравова чувствовалась живая народная струя, то въ сп. Новорос. у — а она уже настолько проникла въ самый текстъ, что прямо возобладала надъ старымъ книжнымъ языкомъ перевода; въ связи съ этимъ является и свободное (сравнительно) отношеніе къ подлиннику, чѣмъ объясняются и отклоненія отъ него. Какъ и въ Тихонравовскомъ текстѣ, отклоненія эти имѣютъ ту же самую цѣль: сдѣлать рассказъ доступнѣе и понятнѣе ³⁾; иногда, впрочемъ, дополненія придаютъ болѣе стройности рассказу, который, отклоняясь въ другихъ мѣстахъ отъ гармоничнаго своей простотой первоначальнаго текста, утрачивалъ эту плавность; въ числѣ этихъ послѣднихъ дополненій интересны дополненія въ VI гл., гдѣ сдѣланы добавленія: „ангелы же святыи стерегли пречистую дѣвицу“, и: „и ангель Господень завжды былъ предъ святымъ дитятемъ“. Оба эти добавленія, повидимому, навѣяны писавшему дальнѣйшимъ рассказомъ Первоевангелія объ ангельскомъ служеніи Богородицѣ въ храмѣ, — рассказомъ, не вошедшимъ въ статью „Соборника“. Ясно, что этотъ эпизодъ, равно какъ и участіе ангеловъ въ жизни Богоматери и ея родителей, интересовалъ писавшаго;

1) На первомъ листѣ записъ: Исписана бысть сия книга, глаголемая вѡборникъ, ракомъ кожнихъ многогрѣшныхъ и недостойныхъ Іѡсифомъ Григѡ: къ селѣ Хордижовце Рѣкъ. мѣѡа Мѣа кѣ дна.

2) См. выше, стр. 64.

3) Эти мѣста преимущественно отмѣчаются мною въ примѣчаніяхъ къ тексту.

онъ, повидимому, былъ интересенъ и не одному писавшему рукопись: интересъ этотъ вызвалъ созданіе духовнаго стиха, приведеннаго мною выше (стр. 67).

Издавая здѣсь цѣликомъ этотъ интересный отрывокъ Первоевангелія ⁴⁾, считаю нужнымъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя его особенности. Стремленіе къ народности въ языкѣ пошло еще далѣе подъ перомъ писца; это видно изъ сопоставленія издаваемаго текста со старымъ переводомъ и спискомъ Н. С. Тихонравова; вотъ нѣсколько примѣровъ.

Чудовской т.	Тихонравовскій.	Одесскій.
I. аще ѿдннѣ азъ пеуаленѣ бы кѹща постнса	коли ꙗ ѿднѣ пеуалѣ бы коуща постнса	лза ли ꙗ единѣ токо засмѣтнса коушка мешкѣ... нн пнѣ нн ꙗѣ
II. ѡскорбленнши не подобаетъ ти сътова- тнса не подобаетъ ми главотагъ	томнши не п ^о баетъ ти жалѣти не п ^о баетъ вене ^н	томнши не годнса тебѣ такъ тоужити не миѣ годно рантѣхъ (лантухъ?)
III. лютѣ миѣ ѡуподобнхса	оуѣ миѣ ѡуподобнхса	бѣдѣ миѣ могъ сѣ роѣнати
IV. ѡуслыша бѣ по всен вселеннѣ въ ѡутробѣ телца неклосна ѡхопнса ѡ вынн ѿго	ѡуслышалъ бѣ по всеи земли во урѣѣ телѣць (прил. опущ.) ѡхлпнса ѡ вынн его	выслухѣ бѣ по всемоу свѣту в животѣ быковъ снѣхъ ѡбнѣши повѣснхса на шнн его
V. ре ^ч днѣ	ре ^ч в сѣ днѣ	нспѣтала рекуун в ннѣшнн днѣ
VI. на лоно пнрѣ пѣрѣѣ н книжннкы н старца посѣти поношеннѣ възвѣстнтѣ прилагахусѣ мѣнн	на лоно пнрѣ попы н книжннкы н старѣци навѣстнлѣ поношеннѣ возвѣстнтѣ прелагахохусѣ (sic) мѣнн	на колѣнѣ ѡбѣ ^л сѣнннкы н старѣшнны поповскѣ книжннкы н старѣци навѣднѣ пнрганы нскажетѣ росла
VII. лето да бы не нскала ѡѣа	лето дабы не нскала ѡѣа	годѣ не тоужила по ѡѣнн

Въ другихъ мѣстахъ тоже направленіе; напр.: где сѣ подѣлѣ (т. е. Іоакимъ) (II), ѡу по-
утиности, дѣтки (III) такъ (V), ѡ житѣ оупаханнны (I); рекуун (V), повѣдѣюун (IV), куды (II), гды,
кды, кгды (V) и т. д. Сюда же относится цѣлый рядъ формъ южно-русскихъ, живыхъ: лбым
ншѣ (V), хѣднмо (III), ѡдѣмо, ѡбѣцали (VII) мѣли (I), жонѣ (II) и т. п. Что касается остатковъ
церковной книжной рѣчи, то она проскальзываетъ здѣсь въ формахъ только изрѣдка: иденнѣ,
моѣ, ноѣнн (I), дрѣво (II), юѣ, въ родѣхъ (VI) столла (IV), прѣѣ (II) и т. п.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, текстъ Н. С. Тихонравова въ подлинникѣ миѣ въ настоящее время недоступенъ; следовало бы
издать и его. Ограничиваюсь вариантами изъ него по моей копіи.

Въ общемъ можно, думается, смотрѣть на этотъ текстъ, какъ на одно изъ посредствующихъ, но слѣдующихъ за Тихонравовскимъ звеньевъ между старымъ книжнымъ текстомъ и народнымъ пересказомъ.

I. Но двѣнадцатѣ колѣноу сѣшвъ Іилевѣи въ нѣкто члкъ ѡменемъ Іоакимъ, бога велми и прѣнз і женоу ѡмѣлз такоде ѡменемъ ¹⁾ Аннѣ. И были обѣе старі, а дѣтїи не мѣли, ѡ томъ были велми печѣни ¹⁾. И прїше великій днѣ гнѣ. И прїнесли всї снѣ Ізилевї дѣры боу, цѣо хтѣ мѣлз ѡ ѡвоцѣи и ѡ живѣоныхъ, и ѡ житѣ оупаханїны своѣи ²⁾. Тако прїнесе Іоакимъ дѣръ свой бѣоу во цѣркѣ, и сталз прѣ нї жїдовїнз ѡмене ³⁾ Ровїмъ и рече емѣ: не годїсмъ тебѣ дѣра своего прїнести в цѣркѣ, аѣо вѣмъ, не сотворї еси плѣда оу плѣмени жидѣскѣ. И сталз Іоакї печаленз велми и не (sic) пошѣ ѡ дванадесета плѣменз Іилевѣи и рѣ: аѣа ли ѡ едїнз тѣко не маю плѣда въ Іїли. И помѣноу патрїарха Авраама, и также во старости дѣ емѣоу вѣз снѣ Ісаака, и засмѣтїсмъ велми и не пошѣлз в дѣ свой кз женѣ своѣи Аннѣ, но пошѣлз въ повстїню и оучїнїлз совѣ коучкѣ, авѣ оу той кѣчцѣ мешкѣ мѣ днїи и мѣ нѣцїи, нї пївѣ нї вѣвѣ, и мыслї рекѣчї: не хочѣ нѣ вѣсти нї пїти, доколѣ навїдї ма гѣ вѣз; нехѣ ми вѣдѣ вмѣсто гадѣнїа мѣтва моѣ.

II. А женѣ его Анна двѣ жалости жаловала и два плача плакалсмъ: прѣвѣи плѣ и ѡ моужї своѣмъ не вѣдала, кѣды пошѣлз и гдѣ смъ подѣлз? дрѣгое, и вѣзчѣна, же не дѣ и гдѣ бѣгз плодѣ ⁴⁾. И рече: да жалѣю ѡ вѣдѣствѣ своѣмъ и плачѣсмъ вѣзчѣства моего. Потѣо также прїшѣ днѣ гнѣ великій, и реклѣ кз ней слоужѣвнїца еї Іудїфѣ ⁵⁾: гѣе, доколѣ такѣ томиши дшѣ своѣо въ печали великой? Се прївїжїсмъ днѣ гнѣ великій, не годїсмъ тебѣ такѣ тоужїти. по шѣычаю старѣго законѣ ⁶⁾ и вѣзѣмши ранѣвѣхъ и дѣ еї завїтїсмъ, она же не хотѣла прїнѣти егѣо на свою глѣвѣ и реклѣ: ты егѣо положї на глѣвѣ своѣи и почтї прѣднїкѣ вмѣсто менѣ. И реклѣ еї Іудїфѣ слоужѣвнїца: гѣе моѣ, нѣ мнѣ гѣдно завїтїсмъ оу негѣо, аѣо вѣмъ, ты ѡвѣра цѣркїи ѡмаѣшъ ⁷⁾. И реклѣ еї Анна: ѡстоупнї ѡ менѣ, не оучїню сегѣо, аѣо вѣмъ, гѣ вѣз покорї ма во всемъ родѣ жидѣвскѣ и чѣада ми не далз; и моужа моѣго не вѣдаю, гдѣ пошѣ ⁸⁾. И также оу самый полоуденъ пошла во виноградъ свої и стѣвши пѣо дрѣво дафїноу началѣ плакатїсмъ и млїтїсмъ боу и реклѣ: гдѣи вѣе ѡцѣ нашіхъ, бѣвї ма и оуслыши мѣтѣвѣ моѣ. како же бѣвїлз еси Сѣроу Авраамѣовѣ жонѣ и далз еси во старости еї плѣ, и родїла снѣ Ісаака.

III. И посмотрїла на нѣво и оузрѣла на дрѣвѣ гнѣздо птїчѣе и началѣ сїлнѣ плакатїсмъ рекѣчї: гѣре мнѣ, хтѣо ма родїлз и ѡ которой оутровы вышла есмї, и есмї едїна в клѣвѣ межи плѣменѣ своїмъ порѣгѣна и вїгнана есмї ис цѣркѣи гѣа моего. Бѣда мнѣ, комѣ смъ могѣ рѣнѣти? Птїца ли? нѣо и тїи гнѣзда маю и дѣтки маютез, оу почтївѣности соѣ прѣ тоѣоу гїи. ѡ вѣдѣ мнѣ ѡкалѣной, комѣ есмї подобна? водѣ ли? но и тїи плодовїти соѣ прѣ тоѣоу, гдѣи, і ѡнѣи въ чѣ вѣны великїе рѣкїи испѣцїѣю ⁹⁾. Гѣре мнѣ, комѣ смъ могѣ рѣнѣти? И зѣмѣмъ, по которѣо ходїмо ¹⁰⁾, и тамъ плѣо даѣ во вѣремѣ своѣе и хвалї ба во всѣхъ.

IV. Такѣ стѣмъ Анна плачѣше мѣмчїсмъ боу ¹¹⁾; в тѣо чѣо сталз аггѣлз прѣ неїоу и рѣ еї: Анна, Анна, мѣтѣвѣ твою вѣслѣхѣ бѣз: зачнѣши в живѣтѣ своѣе и родїши, и вѣдѣ славнѣо и хвалнѣо дїтѣ твоѣо по всемоу свѣтѣ. И реклѣ Анна: живз гѣ вѣз мої, тѣко рѣжѣ мѣжескїи пѣо илї жѣнскїи, не хочѣ ѡмѣти егѣо совѣ ¹²⁾, аѣо дѣ егѣо в дѣръ гдѣ вѣз своѣе, и вѣдѣ до живѣтѣ егѣо въ цѣркѣи слѣжащѣ іерѣѣмѣ. А кдѣи ѡстѣпнї ѡ ней

1) и прѣнз — печѣни — вставка.

2) цѣо — своѣи — то же.

3) Оба слова вставлены.

4) прѣвѣи — плодѣ — вставка.

5) ¹ εὐφυνία раба (Тихонр.); Іудїфѣ (Серб.); грѣч. ² Ιουδίθ.

6) по — законѣ — вставка.

7) См. выше, стр. 63.

8) ¹ како гѣ вѣз смїри ма зѣло. ² еѣа како лѣстнїкѣ вѣаетъ тїи.

и прїдѣ причастїтѣ мене грѣсѣ твоѣ — Чудовск.; гѣ вѣз прїтѣрдїи

ма велми. нехѣо лѣстнїи да тїи гѣ. хотѣ ма прѣстїтї ѡ грѣсѣ моѣ — Тихонр.

9) волнами во оутѣшѣютсѣ и глѣзѣмѣтсѣ и рыкѣи и тебѣ вѣкѣтѣ тѣ гїи — Тихонр.; ср. А. Поповѣ „Матерїалы“ XX, стр. 9; мѣсто темное и испорченѣо.

10) Фраза вставка.

11) Такѣ — вѣсу — вставка.

12) не хочѣ — совѣ — добавленѣо.

аггльз¹³⁾, тогда пришли к ней два вѣстники повѣдаючи ей, и Іоакимъ иде к не в до свой съ стады свои. Емоу же вѣдучи в пѣстыни аггльз прішолз къ Іоакимъ и рече: Іоакиме вислѣхъ вѣз мѣтвы твоѣ: поди ѡселъ в до свой, жена во твоѣ Анна почала в животѣ свое и родити имаеть спеніе всемоу мѣрѣ¹⁴⁾. И поше Іоакимъ рауасъ къ женѣ своей¹⁵⁾ и рече пастухѣмъ своимъ: пріженѣте мнѣ .ѡ. выкѡвъ сѣтыхъ, а сто козлѣ сѣтыхъ іерееѣ и старцеѣ и всѣмъ людемъ, и боудѣте .ѡ. выкѡвъ іерееѣ и старцеѣ, а сто козловъ всѣмъ людемъ. А гды ишолз Іоакимъ къ домови своему со стады своимъ, тогда Анна стоала оу ворѣ, и такъ оувидѣла Іоакима мужа своего, и притѣкши и вѣнѣши повѣсилася на шнѣ его и рекла: се нѣтъ, гдѣ мѣ, оувѣдала есми тако гѣ вѣвилз мѣ, оуже во есми не вдова, кды тебѣ вглядѣю¹⁶⁾, и не безчѣна, почала во есми в животѣ ѡ слова агглова¹⁷⁾. Іоакимъ же рече Аннѣ: и мнѣ те аггльз исповѣдѣ, авымъ ишо в до свой ис пѣстыни къ тебѣ¹⁸⁾. И шпочи Іоакимъ в домъ свое днѣ.

V. И наутрѣе принеслз дѣръ боу и вше со іерееѣ в црковь, занѣже не имѣлз грѣхѣ, чи ѡ жены своей¹⁹⁾; и рече Іоакимъ: и нѣтъ оуже знаю, и гѣ бѣз вчисти мѣ и ѡпоустѣи всѣ грѣхи моѣ. И пошо вправдѣ иѣ цркви в до свой. И такъ мешкали по всѣмъ днѣмъ вѣпрестани мѣшесъ бѣ и мѣтнѣю даючи ѡбогѣ²⁰⁾. А кды сѣ вѣпѣнило дѣвѣ мѣей, и породила Анна і испѣтала бабы реквчи: цю есми родила? Она же рекла: женскѣй полз. И рекла Анна: возвелѣчилася дѣша моѣ в нѣтъшнѣ днѣ. И повѣши баба стѣю дѣвицѣ и положила²¹⁾. А гды исполнилсѣ д. ²²⁾ днѣ, очистилася Анна и дала сесець свой ѡ перси стѣи дѣвици и нарекла имя ей Ирѣимъ. И почала стѣмъ Ирѣи днѣ ѡ дне растѣи.

VI. А гды было ей шестѣ мѣей, поставила ей мѣти на земли исквѣшаючи ю, станѣ ли на ногахъ своей; она же постѣупѣла сѣмъ стѣпенѣи и прѣла на колѣнѣхъ мѣре своего. И повѣтѣши еи рекла: живѣ гѣ вѣз мой, оуже не имаеши ходити по зѣли сей, дождеже введѣ те в црковь гнѣю и дѣ в дѣръ гдѣ вѣз тако сѣ есми ѡвѣцала²³⁾; И сотворила Анна мѣтвѣ в домъ своемъ²⁴⁾ и нікомѣже не дала нечѣтномѣ и сквръномѣ в до свои прѣходѣти²⁵⁾. И звѣрѣла Анна чѣти дѣвици къ ней на дѣховное весѣліе, агглы же стѣи стерегли прѣчѣю дѣвицѣ²⁶⁾. А колѣи было дѣвици гдѣ, и оучинилз ѡцѣ еи Іоакимъ великѣй шѣѣ и созвалз сѣпѣники и старѣшнѣны попѣвскѣи кнѣжники; и старци и всѣи Іилѣанѣ. И прѣнеслз Іоакимъ со Анною стѣю дѣвицѣ къ іерееѣ и старѣшнѣмъ поповскѣи; ѡни же оузрѣли стѣю дѣвицѣ и познали вѣтѣ стѣго дѣха на ней²⁷⁾ и вѣвили ей великѣмъ вѣвеніе: гдѣи бѣ ѡчѣе, виѣз дѣвицѣ сѣю и даждз ей имя именѣто и вѣчно во всѣ рѣдѣхъ, которѣе измѣни не имѣе. Всѣмъ людемъ рекли: аминѣ. И оучинѣла Анна пѣснь реквчи тѣ: поите гѣи вѣз моему, и навѣдѣи мѣ и ѡтогнаѣ ѡ мене прѣганы врагѣ мой и дѣ ми гѣ бѣз плѣ прѣды чѣти прѣ собою всегда имѣти²⁸⁾; и ктѣ и скажетъ сѣю Іилѣви, и Анна породила во старѣсти дѣтѣ²⁹⁾? Слышите плѣмѣ .ѡ. Іилѣви. И воспѣвши пѣснь³⁰⁾ и положили сѣпѣное дѣтѣ свое в лѣгѣницѣ³¹⁾. И тако сѣпѣници всѣи пошли раѣюшесъ и славѣше вѣа Іилѣа. И тако росла стѣмъ дѣвица оу мѣри своей, и аггльз гнѣ завжды бѣ прѣ стѣмъ дѣтѣтѣ³²⁾.

VII. А гды была лѣтомъ двѣю, и рекъ Іоакимъ къ Аннѣ женѣ своей: одамо вѣоу тако сѣ есмо ѡвѣцали и не замѣшкѣвѣмо ѡврока своего³³⁾; есми замѣшкаѣе, не оугѣденз боудѣ дѣръ нѣшѣ боу. И рекла Анна: подамо до третѣго годѣ; тогда воведѣ ю в црковь гдѣню, жѣбы не тѣужила по ѡци и по мѣри.

13) слѣжѣцѣ—аггльз—вставка.

14) и вѣзглядѣлсѣ сѣмѣ твоѣ по всѣи земли — Чудовск.; Тихонр. опускаетъ.

15) И—своей—вставка.

16) Фраза вставлена.

17) ѡ слова агглова—добавлено.

18) Іоакимъ—къ тебѣ—добавлено.

19) зрѣцѣ къ петѣлю іереевѣ. дождеже кнѣде вѣ старѣ гнѣ не видѣ грѣхѣ на сѣбѣ—Чудов.; Тихонр. опускаетъ.

20) по всѣ—ѡбогѣ—добавлено.

21) и повѣши—положила—добавлено.

22) Чудов. и Тихонр. опуск.

23) и дѣ—ѡвѣцала—вставка.

24) сѣпѣнѣ на ложѣ своеѣ—Чудов., Тихонр.; ркп.—твоемѣ.

25) мѣпѣкѣти мѣюю нѣю—Чудов.; ходити мѣюю нѣю—Тихонр.

26) Фраза добавлена.

27) ѡни же—на ней—вставка.

28) чѣти—имѣти—добавлено.

29) іако Анна дѣтѣ—Чудов. и Тихонр.

30) Слышите—пѣснь.—добавлено.

31) на ложѣ сѣпѣнѣ—Чудов. и Тихонр.

32) и аггльз—дѣтѣтѣ—вставка.

33) Послѣдн. фраза добавлена.

И тако Іоакїи и Анїа воздали хвалѣ бгѣ творщемоу дїнамъ чудеса. Иако томѣ подобае всака слава, честь и поклоненїе: ѿцѣ і сїноу и стѣмоу дху, нїѣ и пѣно и во вѣки амїи ³⁴⁾.

Въ текстѣ при изданїи поставлены знаки препинанїя по смыслу и введено однообразїе въ употребленїи прописныхъ буквъ.

II.

(Къ стр. 65). Въ недавно вышедшей статьѣ А. И. Кирпичникова „Этюдъ по иконографїи Р. Х.“ (Спб. 1894; VII т. Записокъ И. Р. А. О.), по поводу „видѣнїя“ Богородицы („двои люди вижю предъ очима моима. едина плачуща. а другыя смѣющася“— глава XVII Первоев.), замѣчено, что эта легенда имѣетъ своимъ источникомъ Первоевангелїе (стр. 6 отд. отт.), что совпадаетъ съ моимъ сопоставленїемъ. Продолженїе исторїи этой первоевангельской легенды указано проф. Кирпичниковымъ въ малорусскомъ казаньѣ на Р. Х. ³⁵⁾ и въ популярномъ народномъ *Снѣ Богородицы*. Т. о. вотъ еще фактъ, связывающїй переводное Первоевангелїе съ народной письменностью,—доказательство широкой популярности этого апокрифа въ литературѣ.

III.

(Къ стр. 66). Еще ранѣе, нежели въ указанномъ „Словѣ на Р. Х.“, встрѣчаемся мы съ первоевангельскимъ текстомъ въ славянской литературѣ, именно, въ писанїяхъ св. *Климента Славянскаго*. Климентъ въ двухъ своихъ словахъ пользуется Первоевангелїемъ, какъ источникомъ: „Словѣ на память прор. Захарїа и о родствѣ Іоанна Крестителя“ и въ „Похвальномъ словѣ Іоанну Крестителю“ ³⁶⁾. И въ первомъ и во второмъ случаѣ находимъ рассказъ о смерти прор. Захарїа и спасенїи Елизаветы съ Іоанномъ въ горѣ; текстъ соотвѣтствуетъ по изложенїю XXII—XXIV гл. Первоевангелїа ³⁷⁾. Привожу параллельно оба отрывка изъ Словъ Климента.

и посла (Иродъ) къ Захарїа служителю слугъ, глаголя: „пусти ко мнѣ сына твоего Іоана“. Отвѣща же ему Захарїа: азъ престоа есмь присно олтаревн Божїю; не вѣмъ, кдѣ есть сынъ мой.—Они же рѣша: „намъ повелѣно есть: аще убо не вздасть сына своего, то изведше и изъ олтаря да (у)биите и“. Онъ же рече: Кровь убо мою пролѣете, а духъ мой приметъ Владыка.—И противу свѣту убьенъ бысть Захарїа; тѣло же его не обрѣтесе, но кровь его бысть яко и камы, и гласъ бысть изъ олтаря, глаголя: „Захарїа убьенъ бысть,

и послакъ (Иродъ) слоугн къ захарнн, рече гдѣ ѿ снѣ твон, ѿн же ѿвѣща, азъ прѣстоаю слоужьбнмоу ѿлтаревн вноу. и не вѣдѣ гдѣ е снѣ мон. елнсавьѣ бѣ слышашн іако иродъ нзбѣвлетъ млїце, възьмшн ѿроуе, нскаше мѣста на скръвеннїе іемоу, и не ѿбрѣтшн. припаде къ горѣ тоугою ѿдрѣжа, възвѣшн ѿун скон на нѣо, пррѣускоїе сѣо сьвршн. нечаль свою къ боу пришецоушн. възоупн къ горѣ глѣсомъ велнїемъ рекоуцїн. горо вѣннх прнмн ѿроуе сѣ сь мѣрню іего. и растоупнсе гора прнїеть іа ѿбѣ. и пакы стоупнсе. нскаѣ же иродъ и не ѿбрѣте іео. и

³⁴⁾ и тако... до конца—въ старыхъ текстахъ нѣтъ.

³⁵⁾ У Н. Θ. *Сумцова*—Очерки исторїи южно-русскихъ апокриф. сказанїй и пѣсенъ (Кїевъ, 1888), стр. 65. У А. И. Кирпичникова о. с. р. 7. Указанное ими изданїе О. Калитовскаго мнѣ доступно не было.

³⁶⁾ Первое напечатано въ „Правосл. Собесѣдникѣ“ (1881 г., № 12, стр. 352 и сл.), также въ *Минѣѣ Макаріа* (изд. Арх. Ком.). сентябрь, столб. 271, второе—въ „Описанїи рукописей“ А. И. Хлудова (стр. 387—392, по сербскому Торжественнику XIV в., № 195).

³⁷⁾ А. *Поповъ*. Библиогр. мат. XX, 22—23; см. также варианты въ концѣ книги.

и не потрѣбится кровь его, дондеже придетъ местникъ его.

Елизавефъ же поимши Іоана прибѣже къ горѣ и възпи къ Богу, глаголющи: „Горо Божія, прими дѣтищъ съ и съ матерію его!“ И абье раступися има гора и примъши я пакы съступися, и бѣ сіяючи има свѣтъ незаходимъ. (Прав. Собес. 1881 г., № 12, стр. 354—355).

посла въ стѣлицѣ оубѣти захарію ѿца ѿго при степенѣхъ ѿлтарѣхъ, и не ѿбрътесе тѣло ѿго. кровь же ѿбрътоше съсѣдоуѣсе ѿкъ камень вѣшоу. и гла въ ѿ ѿлтара глѣе ѿко захаріа оубѣненъ въ. и не потрѣбитсе кровь ѿго, дондеже приде мьстинкъ ѿго. гора же въ работаючи плоды разлѣнни... (Опис. ркп. Хлудова, стр. 392).

Оба эпизода переданы на столько близко къ текстамъ Первоевангелія, что не можетъ быть сомнѣнія, что Климентъ имѣлъ въ числѣ источниковъ текстъ, состоящій въ связи съ Первоевангеліемъ. Но при этомъ возникаетъ вопросъ: непосредственно ли пользовался Климентъ Первоевангеліемъ, или имѣлъ отрывки изъ него, уже переработанные въ другихъ поученіяхъ на эту же тему ³⁸⁾? Этотъ вопросъ, повидимому, рѣшается въ пользу того предположенія, что Климентъ имѣлъ самый текстъ Первоевангелія: за это говоритъ то, что сравнительно съ цѣлымъ рядомъ словъ, посвященныхъ Захаріи и Елизаветѣ, каковы напр. слова Епифанія, Андрея Критскаго, Іоанна Евбейскаго и др. ³⁹⁾, у Климента есть подробности, находящія себѣ объясненіе именно въ Первоевангеліи, за то же говоритъ и близость цитатъ Климента къ тексту апокрифа. Но этимъ еще не исчерпывается вопросъ; важно знать: какой текстъ имѣлъ Климентъ: греческій ли, или уже славянскій? Въ послѣднемъ случаѣ (если бы это можно было доказать) мы могли бы идти и далѣе, т. е. предполагать для перевода отдаленнѣйшую древность, — иначе, что переводъ сдѣланъ до Климента (886—916), или что переводъ сдѣланъ, пожалуй, самимъ Климентомъ. можетъ быть, послѣ уже написанія имъ упомянутыхъ поученій. Къ сожалѣнію, состояніе нашихъ источниковъ не даетъ пока возможности рѣшить этого вопроса. Съ другой стороны, анализъ приведенныхъ мною отрывковъ сравнительно съ текстами славянскихъ переводовъ Первоевангелія заставляетъ насъ склоняться болѣе на сторону того предположенія, что Климентъ, если и пользовался непосредственно Первоевангеліемъ, то, скорѣе всего, имѣлъ его въ греческомъ текстѣ. Т. о. вопросъ объ участіи Климента въ извѣстномъ намъ славянскомъ переводѣ или о существованіи перевода до Климента долженъ остаться въ сторонѣ. Главнымъ основаніемъ къ высказанному мной предположенію служитъ то, что нѣкоторыя отмѣны цитатъ Климента находятъ себѣ объясненіе въ вариантахъ *греческихъ* текстовъ Первоевангелія; т. е. бывшій въ основѣ цитатъ Климента текстъ отличался отъ тѣхъ, съ которыхъ сдѣланы были наши переводы отдѣльныхъ текстовъ Первоевангелія. Вотъ такіе случаи:

1) (Иродъ) „рече: гдѣ есть сынъ твой?“ (Торж.)—(Иродъ посла) глаголя: „пусти ко мнѣ сына твоего Іоанна“ (Пам. Зах.). Въ Первоев. (XXIII): „гдѣ скрылъ еси Іоанна?“ (Starine X, 70) или: „где еси скрылъ сынъ твой“ (Чудов. = Макарьевск.; Библи. Мат. XX, 22). Сообразно съ этимъ различно читаютъ и греческіе тексты; *λέγων πρὸς αὐτόν· ποῦ ἐστὶν ὁ υἱὸς σου ἢ ποῦ αὐτὸν ἀπέκρυψας*; (Васильевъ, „Сборн. памяти. Виз. лит.“, стр. 1) ⁴⁰⁾ и (обычные тексты): *ποῦ ἀπέκρυψας τὸν υἱόν σου*; (Tisch. 44). Т. о. Климентъ и полные переводы основываются на отличныхъ въ этомъ мѣстѣ греческихъ текстахъ.

³⁸⁾ Напр., „Слово на убіеніе Захаріи“, слова, изданныя у Порфирьева и Пыпина (см. выше, стр. 71), слово Іоанна Евбейскаго (VIII в.) (см. Минею Макарія, изд. Археогр. Ком., сентябрь, 432) и т. п.

³⁹⁾ Они изданы въ Минеѣ Макарія подъ 8 и 9 сентября, и у Порфирьева (см. выше, стр. 71; прим. 52).

⁴⁰⁾ Cod. D. (Tisch., 45, nota) опускаетъ послѣднюю фразу. Текстъ приведенъ мною по *Ματθῆιον εἰς ἀποτομήν*.... потому, что въ основѣ его лежитъ текстъ Первоевангелія; см. Васильева о. с. р. III. Ср. выше, стр. 72.

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

2) „възведши очи свои на небо, пророчьское слово съврши“ (Торж.). Первой фразы (вторая—уже толковое добавление Климента) въ обычныхъ первоев. текстахъ, какъ и въ славянскихъ, нѣтъ, но она есть въ cod. L: *καὶ ἀναβλέψασα εἰς τὸν οὐρανὸν... εἶπεν* (Tisch., 44, nota).

3) „И противу свѣту убьень бысть Захаріа“ (Пам. Зах.); „посла въ светылице убити Захарію отца его при степенныхъ олтарныхъ“ (Торж.). Обычн. первоев. текстъ (XXIII): „кровь проліеть (Иродъ) неповинну предъ дверми церкви господня. И противу свѣту убьень бысть Захарья“ (Чудов., ср. Серб. Star. X, 70). Варіантъ въ синтаксическомъ стреніи („предъ дверми церкви господня“—относится въ обычныхъ текстахъ къ рѣчи Захаріи), оправдывающій вторую цитату Климента, даетъ текстъ, легшій въ основаніе „Мученія І. Крестителя“: *καὶ ἔφαξεν αὐτὸν ἐν τῷ ναῷ τοῦ θεοῦ εἰς τὸ θυσιαστήριον* (Васильевъ, стр. 1).

4) Сюда же относится мелкій фактъ: обычные тексты Первоев. читаютъ: „и не обрѣтоша телеси его“ (гл. XXIV); оба слова Климента читаютъ: „тѣло же его не обрѣтесе“, чѣмъ соотвѣтствуетъ: *τὸ δὲ σῶμα αὐτοῦ (οὐδαμοῦ) ἠύρεθη* (Васильевъ, о. с. р. 2; cod. F-b-Tisch. 48, nota), тогда какъ для нашихъ текстовъ идетъ обычное чтеніе: *καὶ τὸ σῶμα αὐτοῦ οὐχ εὑρον* (Tisch. ibid.).

Наконецъ въ передачѣ одного и того же греческаго выраженія видимъ разницу, совершенно непонятную, если бы Климентъ имѣлъ готовый переводъ; такъ, *στενάξασα* (XXII), Tisch, 44) передано: „тугою одрѣжа“ вм. обычнаго „въздыхнувши“; *περιεβλέπετο ποῦ αὐτὸν κρύψαι* (ibid., Tisch. 43).—„искаше мѣста на скрвение ему“ (Торж.), вм. „глядаше мѣста кде и скрыти“. М. б., это объясняется дальнѣйшимъ греч.: *καὶ οὐκ ἦν τόπος ἀποκρυφῆς*. На то же отличіе оригинала, бывшаго у Климента, указываетъ, м. б., также и то, что фраза: „яко Иродъ избываетъ младенце“ (XXII), относящаяся въ обычныхъ текстахъ къ Маріи (*καὶ ἀκούσασα Μαριὰμ ὅτι ἀναίρουνται* (al. ὁ Ἡρώδης ἀναίρει) τὰ βρέφη=Tisch. 43 et nota), отнесена къ Елизаветѣ, тогда какъ въ обычныхъ текстахъ читается: *ἡ δὲ Ἐλισάβετ ἀκούσασα ὅτι Ἰωάννης ζητεῖται*. Самая редакція цитаты у Климента, отклоняясь отъ обычной, сближается съ варіантомъ. Т. о. у насъ есть нѣкоторая вѣроятность предполагать, что Климентъ, по крайней мѣрѣ въ упомянутыхъ двухъ своихъ Словахъ, не связанъ съ переводомъ Первоевангелія.

IV.

(Къ стр. 69—71) Появленіе новаго, вѣроятнѣе всего, западнаго вліянія въ иконописи, указанное мною по иконѣ села Кожина (см. Жизневскій, Опис. Тверск. Муз., стр. 138), находитъ себѣ подтвержденіе въ другой подписи (кромѣ приведенной) на той же иконѣ: „Обрете Іоакимъ Анну у *златыхъ* вратъ и повѣда ей о благовѣстїи ангельскомъ, Анна ему также повѣда“ (лѣвая сторона иконы, второе сверху изображеніе), *Златыхъ* вратъ Первоевангеліе не знаетъ: „и ста Анна при вратѣхъ и видѣ Іакима грядуща...“ (гл. IV; А. Поповъ, Библ. мат. XX, 10). Эта подробность есть въ текстахъ западнаго типа: *Vade ad portam, quae aurea vocatur* (въ cod. B.—*ad portam auream*), говоритъ ангелъ Аннѣ (Ps.—Matth., III, Tisch. p. 60); *cum perveneris ad auream in Hierosolymis portam, habebis ibi obviam Annam...*, говоритъ онъ же Іоакиму (Hist. de nativ. IV; Tisch. p. 115).

Подробность иконописнаго подлинника о волхвахъ (стр. 71), появленіе именъ которыхъ я связывалъ съ вліяніемъ на подлинникъ западной легенды, остается въ силѣ, не смотря на то, что имена волхвовъ становятся извѣстны у насъ довольно давно, именно, уже въ сп. XV в. „Бесѣды святителей“ (Н. С. Тихонравовъ, „Памятники“, II, 430). Но имена эти, какъ мною указано, не были хорошо извѣстны, не были особенно популярны въ литературѣ; изъ „Бесѣды извѣстны *только* имена волхвовъ: „Мелхеонъ, Оспаръ, Вальчасаръ“; тогда какъ подлинникъ въ своихъ дополненіяхъ имѣлъ уже о нихъ подробности, объясненныя именно изъ западной ле-

генды, приведенной мною по Ev. Ps.-Matthaei; подлинникъ читаетъ: „Мелхиоръ... принесе злато..., Гаспаръ... той принесе ливанъ, Валтасаръ.... сей принесе смирну....“ (Иконоп. подл. сводн. ред., стр. 223).

Имя же Саломіи (приписываемое бабкѣ, а не невѣрующей женѣ: см. стр. 68, прим. 33) встрѣчается также рано въ „Бесѣдѣ святителей: „Како имя бысть *женѣ*, иже *обрътеся* на Рождество Христово?—Саломи.“ (см. В. Мочульскій. „Слѣды народной библии,“ стр. 85 (№ 43); здѣсь же и греч. текстъ). Смѣшенія личностей мы здѣсь еще не видимъ.

V.

(Къ стр. 71). Въ числѣ текстъ, стоящихъ въ связи съ Первоевангеліемъ еще на византійской почвѣ, приведено было Слово на смерть прор. Захаріи (Унд. 590). Дѣйствительно, его греческій источникъ стоитъ въ зависимости отъ XXII—XXIV главъ Первоенгелія ⁴¹⁾. Это слово т. о. переведено съ греческаго готоваго текста, а съ нимъ, стало быть, и отрывки Первоевангелія. Что касается самого слова, то оно переведено не съ той редакціи греч. текста, который (по списку, XI в.) приводится А. В. Васильевымъ, а, вѣроятно, съ той редакціи, выписки изъ которой, по довольно поздней рукоп. (XVII в., № 1007 Аѳинской публич. библ.), приведены А. И. Кирпичниковымъ (Византійскій Временникъ, 1894 г. кн. 1, стр. 185—187); это можно видѣть изъ сравненія нашего текста съ отрывками у А. И. Кирпичникова ⁴²⁾.

Τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰ. Χ. ἐκ Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας γεννηθέντος ἔτει μὲν τοῦ Αὐγούστου βασιλέως, ζήτησιν ἐποίησατο ὁ Ἡρώδης ὁ βασιλεὺς Ἰεροσολύμων τοῦ ἀπολέσαι αὐτὸν· τότε ἐχηρηματίσθη Ἰωσήφ ὑπὸ ἀγγέλου Ζωνθοῦθαμουήλ, ὃ ἐστὶ δοῦλος τοῦ Ὑψίστου, τοῦ ἄραι τὸ παιδίον καὶ φεῦγειν εἰς Αἴγυπτον, ὃ καὶ ἐποίησεν· καὶ ἄρας τὸ παιδίον ἀπῆλθεν εἰς Αἴγυπτον καὶ ἐποίησεν ἐκεῖ μῆνας β' παρά τινι Ἀλφαίῳ ἀνθρώπῳ τοῦ θεοῦ. (Начало текста).

Въ началѣ, какъ видимъ, нашъ текстъ короче греческаго; краткость принадлежитъ списку Ундольскаго, какъ видно изъ вариантовъ къ нему изъ Минеи Макарія. Далѣе опять совпаденіе.

Γενομένου δὲ τοῦ Ἰωάννου ἡμερᾶς μ' ὁ Κύριος ἐλθὼν ἀπὸ Αἴγυπτου σὺν Γαβριήλ τοῦ ἀρχαγγέλου ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Θεοῦ, καὶ προσέταξεν τῷ Οὐριήλ καὶ ἤγαγεν ἐκεῖσε

Въ лѣто ,м,ѣ нродоу црѣствзющюу възсканіе сотвори нзбѣти млиаца во іеѣлме.

Тогда іосифъ, ѿвѣтъ прѣд ѿ аггла сілоу бжїею. пойми реуе ѿтроуа и мѣрь егò нди во егѣпсѣ. ѿ же ⁴³⁾ прїнде во егѣпсѣ и сътвори тоу ,їв. мѣць в домѣ алѣѣовн, етера оуѣеника ⁴⁴⁾ бжїа. (л. 17 об.).

бывшоу⁴³⁾ іѡаноу в поустыни ,д, мѣн. прїнде гѣ ѿ егѣпта з гаврилѡ⁴⁴⁾ архаггѡ, въ вѣфлеѡмъ іудейскыи, въ црѣквь бжїю. и повелѣ оурилоу. ше⁴⁴⁾ше привестн іѡана ѿ горѣ нѡцію въ црѣковь.

⁴¹⁾ А. В. Васильевъ „Сборникъ памятниковъ“... (М. 1893), введение, стр. III. Тамъ же (стр. 1—4) изданъ и самый текстъ слова.

⁴²⁾ Текстъ, по словамъ А. И., не настолько исправенъ, чтобы издавать его цѣликомъ. Не смотря на это, весьма желательно было бы имѣть въ печати хоть этотъ текстъ, до сихъ поръ единственный. При цитатахъ принимаю, гдѣ надо, поправки А. И. Кирпичникова. Славянскій текстъ, кромѣ Унд. 590, находится также въ Минеѣ Макарія подъ 5 сент. (см. Чтенія О. И. и Д. 1884 г. кн. I, стр. 7), откуда и изданъ Археогр. Ком. (Великія Четы Минеи, I, столб. 278 и сл.).

⁴³⁾ „отъ Ангела Зафодамуиля, еже есть сила Бога вышшаго, взяти отроча и бѣжати во Египетъ; еже и сотвори: и абіе взя отроча и поймъ мать его.“—въ Минеѣ Макарія (столб. 279).

⁴⁴⁾ „человѣка“—тамъ же.

τὸν Ἰωάννην νύκτα. καὶ ἐλθόντων αὐτῶν ἀμετρήτων οἱ δ' δυναῖτοι Μιχαὴλ, Γαβριὴλ Οὐριήλ καὶ Ῥαφαὴλ ἐν οἷς πού ἐνε (?) ὁ Κύριος καὶ ἤγαγον τὸ σκήνωμα Ζαχαρίου, καὶ ἐνεφύσησεν αὐτῷ πρὸς ζωὴν ὁ Κύριος, καὶ ἀναστάντες πρὸς λειτουργίαν ἐτρέποντο. καὶ προσέταξεν ὁ Κύριος καὶ ἐξέβλυσεν πηγὴ ὕδατος, ὅπου τὰ ἅγια ἐν τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ. καὶ ἐβάπτισεν (ad. ὁ Κύριος) ἐκεῖ τὸν Πρόδρομον Ἰωάννην καὶ τότε βαπτίζει τὸν πατέρα αὐτοῦ Ζαχαρίαν. καὶ ἔκραξαν οἱ ἄγγελοι. Ἀμήν· ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος ὁ Θεὸς ὁ καθήμενος ἐπὶ θρόνου δόξης· ὅτι τὸ δόγμα τοῦτο ἐκ τοῦ πατρὸς τῶν φωνῶν (φώτων?) ἐστὶν καὶ τὸ λουτρὸν οὐράνιον· καὶ πάλιν εἶπεν (εἶπον?). Ἀμήν. τότε προσέταξεν ὁ Κύριος, καὶ κηδεύουσιν οἱ ἄγγελοι τὸ σῶμα Ζαχαρίου, καὶ ἐθαψαν αὐτὸ ἐν τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ ὑποκάτω τοῦ θυσιαστήριου· καὶ ἐν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀπῆλθεν ὁ Κύριος σὺν Γαβριὴλ ἐν Αἰγύπτῳ, καὶ Ἰωάννης σὺν τῷ Οὐριήλ ἐν τῇ ἐρήμῳ· ὅ τι ἐν στιγμῇ χρόνου ἐν τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ ἐγένοντο τὰ μεγάλα ταῦτα.

и прїидоша ѿ нбныѣ силѣ, четыре силныѣ архάγγлѣ. михаήлѣ и гаврілѣ, оуриήлѣ и раφάήлѣ. бы же посредѣ иѣ тѣло захарїино, и вдоуноу гѣ в него дхѣ животенѣ. и вѣсташа всн слούжаѣ вѣоу. и повелѣ сїсѣ нзыти воды, вѣ цркви вѣїи во стѣл стхѣ. нзыде нстоуннкѣ везсмртїл, и крѣтн в немѣ первїе іѡάнна, и по то⁴⁵⁾ оца ѣ захарїю. и ѡвѣщаша аггліл амїнь. и пакѣ вопїахон глѣще. ст, ст, ст, ѡцѣ бѣ, свдмн на прѣле славы. бы же повелѣнїе сїе, совѣтѡ⁴⁶⁾ ѡца⁴⁶⁾ и коупѣлѣ нбналѣ. и пакы рѣша амїнь. и повелѣ гѣ оуспїтн захарїнѣ. ѡвѣнѣше тѣло захарїино аггліл погребоша єго вѣ цркви по ѡлтарем гнїмѣ: Гѣ же нде з гавріло⁴⁷⁾ вѣ єгїпѣ. а іѡанѣ со оурило⁴⁸⁾ в поустыню к єлнславѣтѣ, такова оубо велїуїа вѣїа содѣашасѣ. (л. 19 об.—20 об.).

Согласно съ текстомъ аѳинскимъ (а не Васильева): .ε. λѣ сынѣ ѡблеуєса (Іоаннѣ) в рїзоу ѡ влѣ вельбоужнѣ и поїсѣ оуспїнѣ ѡ улєслѣ сконѣ нмынѣ (л. 21). Но нашъ текстъ представляетъ только часть греческаго, оканчиваясь извѣстіемъ, какъ Іоаннѣ скрылся отъ Архелая; оно и понятно: наше Слово назначено на 5 сент., въ память Захарїи, дальнѣйшїй же текстъ повѣствуетъ объ Іоаннѣ. *)

Къ числу подобныхъ же словъ, содержащихъ въ себѣ отрывки изъ Первоевангелїа и перенесшихъ ихъ вмѣстѣ съ переводомъ къ намъ, относится упомянутое выше слово Іоанна Евбейскаго (VIII в.)⁴⁷⁾; въ немъ встрѣчаемъ рассказы изъ Первоевангелїа: о принесенїи Іоакимомъ жертвы (столб. 434, л. 206б—внизу); объ удаленїи его въ пустыню (435, л. 206 в.), плачь Елизаветы (438, л. 207 г.), явленїе ангела Аннѣ (тамъ же) и Іоакиму (439, л. 208). Передъ этимъ словомъ еще слово на тѣ же темы („Слово о святую праведнику Іоакима і Анны, творенїе Захарїи пророка)⁴⁸⁾: здѣсь точно также рядъ эпизодовъ изъ Первоевангелїа: къ темамъ, указаннымъ въ предъидущемъ словѣ, присоединяется рассказъ о введенїи Богородицы во храмъ и пребыванїи ея тамъ („живяше Ангеломъ питаема, акы голубѣ“—столб. 431). Переводное ли это слово, или оригинальное,—рѣшить трудно: странное прибавленїе въ заглавіи: „Творенїе Захарїи пророка“—заставляетъ причислять это слово къ длинному ряду *ψευδεπίγραφα*,

⁴⁵⁾ Доб. Макаріевск. (столб. 280)—„крести“.

⁴⁶⁾ „Яко повелѣнїе се отъ Отца свѣтомъ бысть“—въ Минеѣ Мак. (тамъ же).

*) Онѣ, какъ было указано выше (стр. 73), по колориту напоминаютъ восточные тексты; кромѣ Ев. infantiae, въ параллель къ нему можно привести и Historia Josephi (также восточный текстъ), напр. ея XXIII главу.

⁴⁷⁾ Издано въ Макарьевской Минеѣ подѣ 9 сент. (столб. 432 и сл.). Въ описанїи Макарьевской Минеѣ (А. В. Горскаго—Чтенїя О. И. и Д. 1884 г., кн. 1, стр. 11) указанъ его греческїй подлинникъ. См. также М. И. Соколова Матерїалы и замѣтки, В. I (М. 1888), стр. 183—184, особ. примѣчанїе.

⁴⁸⁾ Столб. 427 и сл. То же слово „въ томъ же переводѣ“ отмѣчено А. Н. Поповымъ въ сп. XIV в. въ Торжеств. Чудова мон. № 20/20 (Библ. Мат. XX, 46).

изъ коихъ многіе, дѣйствительно, оказываются русскими ⁴⁹⁾. По отношенію къ нашему слову, можно замѣтить, что кое-какія его черты невольно наводятъ на мысль, что оно могло быть и не переводнымъ; напр., намекъ на современность: Іоакимъ не упрекалъ жену за безчадіе, „якоже мнози нынѣ буяючи творять не боящеися Бога. И сея подражайте жены, како не тече к' волх'вомъ, како не призва чародѣйныхъ бабъ, да ю помажутъ злою тою мастію плода ради“ (стл. 429). Цитаты изъ Первоевангелія передаются замѣчательно близко къ полному переводу. Хотя вообще и въ другихъ словахъ этого рода цитаты носятъ тотъ же характеръ близости, что объясняется, скорѣе всего, тѣмъ, что переводчику хорошо извѣстенъ былъ популярный текстъ перевода Первоевангелія, но въ нашемъ словѣ эти цитаты даютъ аналогіи къ нѣкоторымъ особенностямъ перевода Первоевангелія: напр., въ отрывкѣ изъ VII гл. встрѣчаемъ ту же перемену лицъ въ разговорѣ, что и въ упомянутомъ спискѣ Н. С. Тихонравова: „Бывшу же дѣтищу дву лѣтъ, рече Анна мужю своему Акиму: да свершу убо обѣтъ.... и рече Іоакимъ Аннѣ: поживѣ....“ (стл. 330), тогда какъ обычный текстъ, обратно, относитъ первую рѣчь къ лицу Іоакима, вторую—къ лицу Анны (Библ. мат. XX, 12). Подобно тому же списку (гл. II) читаемъ: „измы главу и облечеся в' ризы своя посаженыя“ (обычн.—„брачныя“—тамъ же, стр. 9). Нѣсколько аналогій даютъ чтенія и къ сербскому тексту (Starine X). Это обстоятельство, правда, нѣсколько ослабляетъ предполагаемую зависимость слова отъ перевода Первоевангелія: сербскій текстъ представляетъ особый переводъ (см. выше, стр. 61). Не рѣшая вопроса окончательно, можно однако предположить, что, если слово и переводное, оно испытало (при переводѣ ли, или при перепискѣ,— все равно) вліяніе переводовъ Первоевангелія. Т. о. всѣ разобранныя слова подтверждаютъ сказанное о популярности, какъ самого Первоевангелія въ славянскомъ переводѣ, такъ и „первоевангельскихъ“ легендъ въ старой письменности.

VI.

(Къ стр. 89—90). Составъ сборника № 1244 Рум. Муз. точнѣе таковъ:

л. 1. *Сказаніе о мукахъ пекелнихъ, иде мучатся грѣшние людие, комуждо по своей заслуге* (Нач.). Помолися пресвятая Богородица ко Сину своему и Богу нашему мовячи; Засли, Господи,.... Это — Хожденіе Богородицы по мукамъ, поздней редакціи. Въ счетѣ листовъ ошибка: л. 2, 3, 4 пропущены.

л. 8. *Сказаніе о дванадесяти пятницахъ святого Клима иди(?) папи Римского.*—Поучаетъ насъ и глаголетъ: братіе, имѣйте в году дванадесять пятницъ.

л. 10. *Житіе о бражнику.*—Билъ нѣкоторый человекъ именемъ Бражникъ, котори на каждой день по ковшу браги выпивалъ. Ср. „Пам. Стар. Лит.“ II, 477.

л. 12. *Чудо о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ.*

л. 17. *Слово и мученіе святого Христова Никити.*—Въ ономъ времени бистъ воинъ храбрый именемъ Никита, синъ царя Максиміана, взлюби Христосъ Никиту.... Ср. Н. С. Тихонравова „Пам. отр. лит.“ II, 112. Въ концѣ приписка: „писалъ сие житіе Максимъ Гришковъ“.

л. 23 об.—*Молитва Богородицы.*—Пренайчистѣйшая и пренайсвятлѣйшая дѣво....

Въ Отчетѣ Рум. Муз. за 1870—72 года эта рукопись описана, и объ ев. Θомы сказано: „чрезвычайно рѣдко встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ апокрифическое евангеліе Θомы. Послѣдній памятникъ—въ сокращенной редакціи и въ другомъ сравнительно съ древне-славян-

⁴⁹⁾ Осторожный А. В. Горскій (Описаніе Минеи, см. выше, прим. 47) считаетъ слово составленнымъ „на основаніи извѣстныхъ церковныхъ преданій“; источника же указать, очевидно, онъ не могъ, ограничившись замѣчаніемъ: „Почему приписано пр. Захаріи, не извѣстно“.

скимъ текстомъ переводѣ“ (стр. 59). Съ этимъ я согласиться не могу: считая этотъ южно-русскій текстъ за переработку болѣе древняго, я нахожу точки соприкосновенія его именно съ этимъ старымъ переводомъ.

Уже по окончаніи печатанія моего обзора матеріаль по исторіи ев. Θомы неожиданно увеличился и притомъ значительно: П. А. Лавровъ нашель въ Народной библиотекѣ въ Софіи еще текстъ Θомина евангелія (ркп. № 68), а въ львовскомъ новомъ журналѣ „Жите і Слово“, во второй книжкѣ 1894 г., (мартъ—апрѣль) напечатаны (стр. 222—233) Иваномъ Франкомъ два текста того же евангелія. Въ виду столь важнаго обстоятельства считаю нужнымъ присоединить нѣсколько замѣчаній объ упомянутыхъ текстахъ ⁵⁰⁾.

Первый изъ упомянутыхъ текстовъ—XVI в. конца ⁵¹⁾, по письму сербскій, даже съ чертами живаго говора: есам (58 об.), пирагъ (62), повинанъ (62 об.), выпросимо (62 об., 1 л. мн.), да послушае, поменуе, почитае (58 об., 3 ед.), ѿ сетве (63 об., род. ед.) и т. д. Однако и этотъ списокъ, какъ и оба списка XIV в. (см. выше, стр. 86), повидимому восходитъ къ болгарскому оригиналу, какъ можно заключать по застрывшимъ въ немъ формамъ: прѣ^астоюци^н (61 об.), прѣ^астоюще (65), нѣ (вм. нѣ—нѣ=болг. нѣ—58, 62 об.), аог. рекохъ (65 об.); сюда же, м. б., относятся нстинъ (вм.—ою=ою—58 об.), оумершаго (65) ⁵²⁾; наконецъ, сюда же можно отнести уцѣлѣвшій кое-гдѣ на концѣ словъ ѣ: творитъ (58 об.), камъ (59 об.). По объему Софійскій текстъ прежде всего слѣдуетъ отнести къ сохранившимся вполнѣ почти: въ немъ не достаетъ только нѣсколькихъ конечныхъ строкъ ⁵³⁾. По составу же текста Софійскій списокъ долженъ быть отнесенъ къ одной группѣ съ спискомъ Сречковича, совпадая съ нимъ по чтеніямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ списокъ С отклоняется отъ X. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ:

Софійскій.

1) видѣв же ѣдинъ ѿ юденъ иже твораше їс въ свѣотѣ нѣдѣ и возвѣсти оѣхъ ѣго носѣфъ. гдѣ сѣ отроѣ твои и играе тамо въ рѣунци. въземъ брѣниѣ и сътвори .ѣі. пѣнци дробни и скѣрне^т свѣотѣ (л. 57).

X. — видѣвше же іудене и шѣше повѣдаше іосѣфоу ѿцѣоу ѣго. ѿтрокъ твои творитъ игре. въземъ брѣниѣ мѣкко и сътвори .ѣі. пѣнци ѣгоже не дѣитъ творити. и ѿсквернити соуботи.

2) и възплакашесе гѣрко родѣтеле ѣго и рекоше ѿкѣдѣ сѣ отроуѣ родѣсе іко на всѣ дѣло готовъ. бѣ (л. 58).

X—тогда видѣвше друзи с нимъ бывше уюдишесе и рекоше ѿкоу^а сѣ ѿтроуѣ. іко слово ѣго и дѣло готово іѣ.

3) Ты алѣфнѣ не знаѣши. а вѣити оуѣиши лицѣмерѣ. прѣжде аще вѣси алѣфа, да ти вѣрзиѣ вѣитѣ (л. 60 об.).

Видѣв же іединъ отъ Юденъ іеже твораше Ісоусъ играѣ въ соуботоу и шѣ реуѣ оѣоу ѣго Носифоу: сѣ отрокъ твои играѣтъ тамо въ рѣунцахъ и въземъ калъ и створи отъ него .ѣі. пѣнци и оскѣрнѣютъ соуботи. (Гл. 2).

И видѣвше то ни отроци възоупише глаголюще: откоудоу сѣ отроуѣ родѣсе іко слово вѣсакоуѣ ѣго на вѣсако дѣло готово іѣсть (гл. 4).

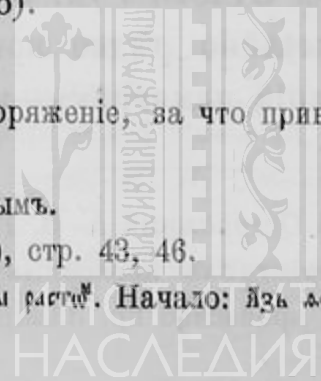
Ты арфоу не вѣси по законуу и не оумѣиши лю^а оуѣити лицѣмерѣ. аще арфоу знаѣши то вѣроуи о вѣѣѣ (гл. 6).

⁵⁰⁾ Софійскій текстъ былъ любезно предоставленъ П. А. Лавровымъ въ мое распоряженіе, за что приношу ему искреннюю благодарность.

⁵¹⁾ Сужу по фотограф. снимку, обязательно сообщенному тѣмъ же П. А. Лавровымъ.

⁵²⁾ Ср. П. А. Лаврова. Обзоръ звуков. и форм. особ. болгарск. языка (М. 1893), стр. 43, 46.

⁵³⁾ Озаглавленъ онъ въ ркп.: дѣтство ѣа нашего како росте и чудеса твораше. по вѣсе дѣи рѣсти. Начало: ѣзъ дома їсѣитѣ-нинъ же ѿ ѣзыкъ братѣ вѣдите дѣиствіа іко твори вѣлѣе чудо ѣъ нашъ іѣ хс...

Х—Ты не вѣси, що є азъ. а що ли боувн. понеже не вѣси лицемъре. да како ме оуѣшиши кннгамъ. аще ли вѣси то да скажи ми что ѿ іе іе.

4) прїде же іс ѿтуда. по друзе^м же лѣ^т, зыж^е улкъ храмнн^а нека. свръжесѣ съ вѣсоти и оумре^т. сътеکشесе вѣси и бѣ мльва вѣанка на^а оумершаго. слышавъ іс и теуе тамо (л. 67 об.).

Х—и ш^а іс ѿтуда идеше въ домъ свон. по друзѣмъ же лѣ^т зданню творнмоу. и ѿ з^анна улккъ свалнсе и оумре съ висока бо бѣ се свалнль. и степенню бѣшоу и мльвѣ велнцѣн. и слышавъ же ѿтроуе іс ндѣ тамо.

5) сѣл (сѣн) же ананіе кннжннка бѣше стоѣ в тѣ уа съ оцѣмъ егѡ іосифѡмъ и въземъ вѣнѣ крѣвовѡ и расказа (?) емъ вѣрковъ и нстекѡше (воды) нже сътвори іс. (л. 57 об.).

Х.—и сѣ видѣвъ, іже бѣ кннжннкъ тоу стоѣ съ іосифѡмъ. и въземъ вѣхъ крѣвовъ и оудари въ вѣрковн. и нстекѡше водн. еже бѣше събралъ іс^ъ 54).

Прїде же Ісусъ отътуда. Въ другое же лѣто созданню творнмоу, спаде улѡвкъ с высоты и оумрѣтъ. Стеуе же се народъ много и велъ бысть велен. Слышавъ же Ісусъ теуе тамо (гл. 17—18).

Сынъ же Нанны кннжннка бѣше тоу стоѣ съ Ісусомъ и съ Носифомъ. Въ тѣ улъ въземъ вѣю крѣвовѡу и распа юмоу вѣркъ и нстекѡше водн нзъ ннхъ нже си бѣ сътвори Ісусъ (гл. 3).

Приближаясь по чтеніямъ къ С, Софійскій текстъ даетъ параллель къ нему и по полнотѣ; именно въ немъ находимъ, хотя и въ иномъ мѣстѣ, эпизодъ о дѣтяхъ, превращенныхъ въ свиней (см. выше, стр. 80), въ главѣ 15-й, гдѣ онъ помѣщенъ послѣ разказа о посрамленіи учителя, вмѣстѣ съ другимъ такимъ же мелкимъ эпизодомъ о разрушеніи и созданіи зданія словомъ. Здѣсь этому эпизоду скорѣе мѣсто, нежели въ главѣ 19-й (какъ въ спискѣ С), гдѣ эпизодъ этотъ неудачно разсѣкаетъ послѣднюю главу текста—разказъ о бесѣдѣ отрока Іисуса въ храмѣ. Это различіе въ мѣстѣ эпизода подтверждаетъ сказанное мною (см. выше, стр. 84) о неустойчивости текста и слабости внутренней въ немъ связи. Вотъ этотъ эпизодъ по Соф. сп.: И пакы хожаше іс скрозе юденѣ, и въпроси гдѣ вѣ сѣ дѣти. ѡни рекохъ на нгрѣ сѣца сѣтъ въ кѡтци свннѣ. вѣхъ затвѡрилн къ кѡтци. и прїствплъ іс къ кѡтцѣ и рѣ ѡвдѣ что ѣ. ѡни рекоше свннѣ. и рѣ іс да вѣдоу^т свннѣ, и бѣше свннѣ (л. 65 об.). Обѣ версіи этого эпизода, какъ видно изъ сравненія (см. стр. 80), дополняютъ удачно другъ друга—новое доказательство, что эпизодъ этотъ имѣлъ мѣсто въ первоначальномъ славянскомъ переводѣ.

Принадлежность новаго списка къ одной семьѣ съ С и У, кромѣ того, подтверждается и большой его близостью съ У: Софійскій списокъ часто даетъ совпаденія съ У тамъ, гдѣ этотъ послѣдній отклоняется отъ остальныхъ. Т. о. этотъ новый текстъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ промежуточныхъ списковъ между С и У. Въ этомъ его не малое значеніе въ исторіи текстовъ. Вотъ въ доказательство нѣсколько такихъ мѣстъ.

Соф.

1) и потѡмъ не смеѣхъ гнѣвати егѡ іже глѣше зло илн добрѡ зѣнвлшесе. и абіе вѣдевъ ѡсифъ іко сѣ творнтъ и прогнѣвасе нань и етъ за оухѡ и потезашѣ. ѡтроуе же іс негодѣе рѣ емъ. довлеѣтъ ти нскати мене разѡбнннѣ. истннъ ли знлешн твои ли еса^м азъ. то ти не ѡскрѣблнн мене твои бо еса^м и къ тебѣ грѣдѣ (л. 58—58 об.).

Унд.

и по семъ ннктоже не лша (sic) іко всмкъ глѣ ѡтроуати еже рѣ добро любо на зло в тои уа и зѣждлше. і абіе видѣвъ іосифъ іко се творнтъ прогнѣвася нань и нмъ за оухѡ и ѡтаже зѣло. и ѡ нгрлющнхъ дѣтехъ (sic) глѣ ісѣ негодѣа. довлеѣтъ ти нскати мене и ѡврѣтати. ты истнною. не вѣси ли іко твои есмъ азъ. (л. 54, гл. V).

54) Ср. также параллели, приведенныя выше (стр. 81); Софійскій и здѣсь даетъ аналогію къ С и У чаще, нежели къ Х.

С—не смѣахоу гнѣвати єго по семь. оужасъ во велнкы нападе на нє, како всако дѣло єго, нже реує, аште либо зло, либо добро. то истина бывашє. Тогда абыє видѣвъ іосифъ что сѣтвори, н єть Ісоуса за оухо н протегну н зѣло. Н вѣхоу нни тоу с нимъ играюще. отроує же Ісоусъ възнегодовавъ реує ємоу. Достонтъ ти да нрешн мене обрѣзати, отѣує разбонннѣ мон, истиноу ти не вѣси ли, твон ли єсмь азъ? аще ли н твон єсмь азъ, то н ти не оскръблнх мене, нь оубо твон єсмь снѣ, како к тебѣ прїдохъ.

Х.—н не смѣахоу гнѣвати єго. ꙗко вѣсь глѣ нже ре^ч зѣнкаетсе ємоу. ꙗли золь ꙗли добръ. н разгнѣвасє іосифъ на іса н єть єго за власн н потезашє зѣло цепеню. іс негодова. докле стрѣти нскати мене н не ѡбрѣзати разбонннѣ єг^{ла} истинн не вѣси твон^х ли єсмь азъ. аще ли то не гнѣван мене. ѡбаує твон єсмь к тебѣ прїдохъ.

Этотъ случай показываетъ, что текстуальная связь между *Соф.* и *У* существуетъ, а также видимъ, что *Соф.* даетъ точки соприкосновения и съ *С*, т. е. занимаетъ среднее положеніе. Слѣдующій случай еще нагляднѣе даетъ понятіе о близости *Соф.* и *У*.

Соф.

н наує^т прѣпнратн дндаскалѣ ѡ єстьствѣ прѣваго пнсменѣ. слышеци^н вѣсьмь глѣюще закѣхею, слнши оуунтелю н разумѣн прѣвы^х слѣхъ уннн. разумѣн како нмате правнлѣ двѣ, н урѣтѣ посрѣ^а єюже виднши ѡтрн мннзше^ѣ бранн н възвншени лнкзюще. фѣлнн трн оустатн єдннѡбразнн. правнлѣ нмѣѣ ѡлфа (л. 60 об. — 61).

н слышашнмъ же многымъ н глѣ закѣхѣвн. слышн оууѣлю н разжмѣн прѣвы^а стнхѣа уннѣ вннде какъ, нмате правнла двѣ. урѣтѣ посрѣ^а, ꙗже виднши ѡстро мннжющєсѣ. съ бранн. возврѣшеннѣ лнкзюще хвалены, н трн стѣтыю двѣ ꙗко єдннѡобразєнѣ. н какъ вѡбразєнѣ. єдннѣ ко дрѣгомѣ спѣрѣхѣфосѣ. єдннѣ ко столцнмъ равнѡмѣрнла, нмѣ єн ѡлфа (гл. VI.; см. выше, стр. 142).

С.—Разоумѣн прѣваго стнха уннѣ н разоумѣн како нмате правнло. Вѣторѣн урѣтѣ єже посрѣдѣ виднши, створи, н мннѡухъ з^ланнѣ та. Н възвшахоу глаголюще хвалоу трнѡупостасноу отъ двою єстьствоу єдннѡобразноу н єдннѡдрѣжавноу, равнѡуѣстнѡу стоєщѡу. Н равнѡ правнло нмѣѣ ѡлфа.

Это мѣсто, темное и путаное, писцы старались, очевидно, какъ нибудь исправить; отсюда разница въ текстахъ; но *Соф.* и *У*, ясно, восходятъ къ одному правленію, *С* къ другому. А *Х* прямо это мѣсто по своему передѣлано, конецъ же опущєнъ: н наує прорнцати оуунтелю сн(це). слыши оуунтелю н разоумѣн азъ. ꙗ въ стоухнє... (все).

Кромѣ того, *Соф.* и *У* сближаютъ и многія мелочи, напр., подобно *У* (см. выше, стр. 85), и *Соф.* предпочитаетъ греческое: „дидаскалѣ“,—славянскому: „оучитель“.

Изъ указаннаго ясно, что въ новооткрытомъ Софійскомъ сп. мы имѣемъ еще одинъ списокъ группы *С* и *У*. Но этимъ значеніе списка еще не ограничивается. Сравненіе его съ *С* намъ показываетъ только, что онъ по чтеніямъ приближается къ этому *С*, но отъ него въ зависимости не стоитъ; т. е. восходитъ къ тексту, независимому отъ *С*, а стоящему съ нимъ въ родствѣ по источнику. Это видно изъ параллелей, которыя даетъ *Соф.* къ *Х*; это же служитъ доказательствомъ единства первоначальнаго текста съ одной стороны (т. е. *Соф.* въ этихъ случаяхъ приближается къ первоначальному переводу) и ряда послѣдующихъ измѣненій — съ другой. Напр.

Соф.

По дрѣгѡ^н лѣте дрѣгн дндаскалѣ любви^н іосифѣ ре^ч прнведн єго къ мнѣ єда оукрѡщѣ єго н наоууѡ прѣмѣдрѡстнѡ отроує. н ре^ч іосифѣ

Х.

н въ дрѡузѣмъ же лѣ^т. дрѡуѣ оуунтелѣ нскръны ш^а іосифѡу глѣ. прнведн єго къ мнѣ єда мѡгоу оувѣщавѣ єго оуѣшннн н наоууннн

лице можешн оукрѣтити его поимн (и) оуни. ѿтроуе вѣстѣкъ идѣ въ оуцнелѣство. и ѿбръте кнѣгы на налогѣ и ѿвръзе и не уѣтше что въ писанѣ въ нн^х..... (л. 64 об.—65); далѣе—разсказъ о томъ, какъ Христосъ открываетъ премудрость и поражаетъ ею дидака и возвращается домой.

кнѣгамъ. лѣно иѣ ѿтроуе сѣ и моудро възрѣстомъ. да би вѣдело кнѣгы. и рече емоу іѡсѣфъ. ѿше оуповаешн собою то поимн е брате. и ѿпасно поѣмъ оуцнелѣ. и веде съ подвигомъ въ домъ свон. ѿтроуе же иде съ дръзновеннѣмъ въ оуцнелѣ. и ѿбръте кнѣгы лежаще въ ѡлтарн и ѿвръз оуѣста ствомъ науе глѣтн.... (гл. 15).

Въ *C* эпизодъ этотъ случайно опущенъ, и начало его соединено съ слѣдующимъ (о врачебной наукѣ): **Паки же на нно лѣто реуе дроугы дидакаль искрѣни Носифоу: Гредн и приведи иего въ казательство. ѣда быхъ азъ моглъ оутолти иего, и ласкающе наоуую иего кнѣгамъ и крауебнымъ боуквамъ.** (далѣе эпизодъ, упомянутый выше)⁵³). Здѣсь, ясно, *Соф.*, вмѣстѣ съ *X*, сохранилъ лучше первоначальный текстъ, нежели *C*, который еще въ своемъ оригиналѣ имѣлъ пропускъ и сгладилъ его, приписавъ одному и тому же лицу роль школьнаго учителя и медика. Это соотношеніе между *Соф.* и *X* подтверждается еще рѣзче и тѣмъ, что въ *Соф.* находимъ эпизодъ о разрушеніи и созданіи дома словомъ,—эпизодъ, опущенный въ *C*, но на томъ же мѣстѣ сохраненный въ *X* (см. выше, стр. 81); этимъ подтверждается принадлежность этого эпизода первоначальному тексту *Θомина* евангелія въ слав. переводѣ. Вотъ этотъ эпизодъ по *Соф.*: **По мале^х же днѣ^х іѣс^х мнмоходѣщѣ скрѣзе ндоліе (?) зижднмѣ. едина уѣсть плнѣте ннспаде и оурази его и рече іѣс, потребнсе злое създаннѣ. и въ тѣ уѣ потребнсе до конца. и рече пакы іѣс да съзыж^тетсе въ доброе злнѣ, нѣ не въ дѣмонское жилище. и авіе созл^асе въ многа^х хѣдожьствѣ** (л. 65 об.). Кроме того, въ мелочныхъ чтеніяхъ *Соф.* часто совпадаетъ съ *X*, а не съ *У* и *C*, т. е. стоитъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ одному общему источнику, что и *X*; напр., въ VI гл. (см. выше стр. 83, с.; 81—6). Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя стороны перевода въ спискѣ *Соф.* ведутъ къ заключенію, что въ немъ, во 1-хъ, мы имѣемъ наиболее полный и близкій по составу къ первоначальному текстъ перевода; во 2-хъ, находимъ рядъ чтеній, которыя могутъ принадлежать этому переводу; въ 3-хъ, онъ представляетъ переходную ступень, связующую юго-славянскіе тексты, прежде всего группы *C*, съ русскимъ *У*. Но изъ этого, конечно, нельзя заключать, чтобы этотъ текстъ сохранился отъ вліянія времени: рядомъ съ остатками старины, онъ вноситъ уже рядъ передѣлокъ. Это уже вытекаетъ изъ предъидущаго: изъ его соответствія то группѣ *C* и *У*, то группѣ *X*, и соответствія часто то *C*, то *У*. Это подтверждается и тѣмъ, что чтеніе нѣкоторыхъ эпизодовъ, сравнительно съ извѣстными греческими и съ *X*, *C* и *У*, показываетъ рядъ передѣлокъ текста. Таковъ эпизодъ о ребенкѣ, упавшемъ съ кровли (гл. 9):

По днѣ^х снѣхъ нграше іѣс на зѣдѣ на нѣрагѣ, и прѣннѣе зарѣ слылаѣна прозорце^х. іѣс же скоуѣвъ на зарѣ и се^х, нно ѿтроуе видѣ хѣтеше сестн съ іѣсѣмъ на зарѣ. и падесе ѿ нѣрга и оу рече. видѣкше же ннн ѿтроуѣ иже вѣхѣ съ ны^х. текоста и вѣзвестнста родителемѣ его, іѣко ѿтроуе ваю съвръжесе съ нѣрга. пришь^лша же ро^телѣмѣ оумершаго и глѣста іѣсѣ, тѣ съвръже дѣтнщѣ наю. іѣс рече азъ не съвръго^х его, нѣ ѡнѣ са^х хѣтеше скоуѣнтн на зарѣ и сестн и падесе. ро^телн же его емше іѣса и вѣдоше на съднщн. и крнѣще прѣ^х съднѣ на іѣса, глѣюще, сън оуѣнѣвъ ѿтроуе наю повннанѣ е крѣвн. съднѣ же вѣпросн іѣса, тѣ ли еси оуѣнѣ. ѿтроуе іѣс же рече самого вѣпроснѣте, ѡнн же рекоше како мы вѣпроснмо тело раздрѣбленѣо и кѣстн съкроушеннѣ. іѣс же пое^х его за рѣкѣ

⁵³) Эпизодъ этотъ, отсутствующій, какъ мы знаемъ (см. стр. 80), въ иноземныхъ текстахъ евангелій о дѣтствѣ *X*—а, находился, вѣроятно, нѣкогда въ нихъ, м. б. даже въ старѣйшемъ изъ нихъ, ев. *Θомы*; на это косвенно указываетъ присутствіе его въ магометанскихъ сказаніяхъ о дѣтствѣ Христа, основанныхъ б. ч. на этихъ евангеліяхъ. См. *G. Weil. Biblische Legenden der Muselmänner* (Frankf. a. M., 1845), p. 285—286.

и рече, еноиѣ вѣстанѣ повѣжѣ кто те съкрѣже тако бѣ емѣ имѣ. и авіе вѣскоунѣ ѡтроунѣ прѣ^а вѣсемнѣ, и рече. не сърѣже ме ісѣ нѣ падо^а са^а, вѣдѣше вѣси ѣже бѣхѣ прѣ^а сѣднѣи и днѣншесѣ. рѡднѣле же ѡтроуетѣ прослѣвнше. бѣ вѣвшн^а уіодесемѣ и поклѡнншесѣ ісѣх. (л. 62—62 об.).

Сравнивая этотъ эпизодъ съ извѣстными (см. выше, стр. 143; Tisch., p. 149, 161, 173) чтеніями ев. Θомы и ев. Pseudo-Matthaei (Tisch., p. 102—103), мы не находимъ ничего о „зарѣ“ и судѣ надъ Христомъ; аналогичныя же части разсказа переданы у насъ довольно близко къ извѣстнымъ намъ переводамъ и подлинникамъ иноземнымъ; ясно, что лишнее добавлено изъ какого-то другаго источника ⁵⁶⁾. Такой же оригинальностью отличается и переложеніе XIII гл.; вотъ ея начало: ѡцѣ егѡ дѣлаше балькѡннѣ за вратѣ, нѣкѡемѣ етерѣ (sic) бѡгатѣ текѡнѣ имене^а. и не

⁵⁶⁾ Что это былъ за источникъ, точно указать трудно: найти эту легенду мнѣ не удалось; но принадлежность ея къ циклу сказаній о дѣтствѣ Христовомъ, повидимому, несомнѣнна: отзвуки ея мы находимъ въ другихъ сказаніяхъ, преимущ. въ предѣлкахъ ев. Ps. Matthaei. Такъ „о прозорцѣ“ въ пиргѣ, куда проникалъ лучъ солнца, находимъ въ прибавленіяхъ къ ев. Pseudo-Matthaei (Cod. Paris. 14,533 и 11,867): одинъ разгнѣванный отецъ заключилъ сына in turri fortissima et solidissima, ubi nulla patebat tuna hiatus aut aliquis introitus, excepto hostio et una tenui fenestra artissima ad tantillum lumen intromittendum....; черезъ это окно Иисусъ освобождаетъ ребенка. Въ тѣхъ же добавленіяхъ есть намекъ, какъ дѣти хотѣли подражать чуду Христа: и разсерженный Иосифомъ Иисусъ saltum fecit a montibus supercilio usque ad locum, qui distat a monte, quantum arcus jacet sagittam. Quod volentes alii pueri simili saltu sequi ruentes praecipites fregerunt crura, brachia et colla..... А вотъ и еще эпизодъ, несомнѣнно, стоявшій въ связи съ легендой, послужившей дополненіемъ въ сербскомъ текстѣ, разсказанный тамъ же: Una autem die tempore hiemali, cum sol in sua virtute clarus radiaret, extendit se radius solaris attingens a fenestra in parietem in domo Ioseph. Ubi cum luderent cum Jesu contribules pueri vicinorum per domum discurrentes, ascendit Jesus Christus radium solis, et positus super eum vestimentis suis sedebat quasi super trabem fortissimum. Quod cum vidissent collidentes coetanei pueri opinabantur se similiter posse facere. Но дѣти разшиблись и были исцѣлены Христомъ (см. R. Reinsch. Die Pseudo-Evangelien von Iesu und Maria's Kindheit. Halle 1879, S. 9, 10). Вообще рядъ чудесъ Христа съ солнечнымъ лучемъ (въ нашемъ текстѣ „зара“) былъ распространенъ въ легендахъ о дѣтствѣ Христа; такъ Infantia Salvatoris по т. н. тексту W. Saxton'a сообщаетъ: Христосъ съ кувшиномъ отправляется съ дѣтьми къ источнику. Здѣсь сквозь тѣнистую листву дерева пробивается надъ источникомъ яркій лучъ солнца. Тутъ Христосъ говоритъ: „Facite sicut ego faciens vobis indicabo“. Et Iesus impleta hydria sua suspendit eam super unum radiorum. Мальчики хотятъ сдѣлать то же, но ихъ водоносы, разумѣется, разбиваются въ дребезги. Христосъ дѣлаетъ ихъ водоносы опять цѣльными. (Cap. XXII; по изд. Holthausen'a (Halle, 1891), стр. 13). Эта же легенда послужила источникомъ для стихотворной обработки—Vita beate Virginis Marie et Salvatoris rhythmica (изд. Vögtlin'a, Tübingen, 1888):

Et de fonte puer quandoque deferebat,

Aquam sue genetrici quam bibere volebat,

Tunc super solis radium vasculum suspendit

Et post se solem sicut funem cum vasculo tetendit (стихи 2780—3; стр. 98).

Тотъ же эпизодъ Saxton'овскаго текста стоитъ въ связи и съ чешскимъ разсказомъ въ упомянутомъ выше Ježíšovo'm mladí (см. стр. 126—127). Вотъ что здѣсь разсказывается: Христосъ, играя съ дѣтьми жидовскими, слѣпилъ изъ глины горшокъ и повѣсилъ его сушиться на лучъ, какъ на гвоздикъ; попробовали дѣти подражать, но неудачно. Одинъ изъ нихъ, разсердившись на это, разбѣжался и хотѣлъ столкнуть Иисуса внизъ (s siene dolów), но не удачно: не попавши на Иисуса, онъ не могъ удержаться, самъ полетѣлъ внизъ и убится до смерти. Остальныя дѣти скрылись. „Друзья (родители?) этого ребенка позвали Иисуса предъ судью и требовали его смерти. Иисусъ говоритъ: хотите ли повѣрить умершему, хотя я самъ знаю, что о томъ говорить? Судьи, услышавши это, такъ сказали: ребенокъ можетъ легко самъ на себя наговорить, а потому не годится ему въ этихъ словахъ давать вѣры, мы предпочитаемъ вѣрить словамъ умершаго, надо бы его спросить. Иисусъ приказалъ мертвому встать и, когда тотъ сталъ, началъ Иисусъ его спрашивать: „Скажи мнѣ, кто тебя столкнулъ? меня, вѣдь, за тебя обвиняютъ“. Ребенокъ отвѣчалъ: „Господи, съ радостью тебѣ скажу: несправедливо обвиняетъ тебя въ этомъ отецъ мой, ибо не ты это сдѣлалъ. По истинѣ, я самъ погубилъ свою жизнь, п. ч. я самъ себя довелъ до этого своей глупостью, и по своему неразумію дѣтскому самъ свалился съ крыши“. (Výbor z literatury české I, 407, 29—408, 33). Т. о. здѣсь мы имѣемъ и судѣ надъ Христомъ, и паденіе съ крыши, и чудо съ лучемъ солнца. Изъ этого видимъ, что даже въ подобномъ нашему сплетенію легендъ мы можемъ встрѣтить эпизодъ въ сказаніяхъ о дѣтствѣ Христовомъ, хотя утверждать, что именно перечисленныя легенды были источникомъ нашей, мы пока не рѣшаемся.

і мѣше мѣрї. ѿднїх дрекѣ въ краткѣ свѣдѣнїи ѿ вѣснїи іосифѣ (л. 63 об.). Изъ фразы: *ὁ πατὴρ αὐτοῦ (Ἰωσήφ) τέκτων ἦν* (Tisch., p. 152), получилось имя богача Тектона; вѣроятно, въ первоначальномъ переводѣ былъ грецизмъ въ родѣ: „ѿцоу его тектону (хитроу) соуцоу“ (Хлуд. текстъ). Т. о. въ разсмотрѣнномъ нами Софїйскомъ текстѣ мы получаемъ весьма важный источникъ для темной исторїи Оомина евангелїа на славянской почвѣ⁵⁷⁾.

Нѣсколько иной характеръ и иное значенїе имѣють для насъ слѣдующїе два, упомянутые мною южно-русскїе текста, изданные И. Франкомъ. Прежде всего, первый изъ изданныхъ имъ текстѣвъ—позднїй (по словамъ издателя (стр. 222), онъ 1732 года);⁵⁸⁾, поэтому носить тѣ же черты въ языкѣ, что и издаваемый мною Муз. 1244, хотя въ меньшей степени (см. выше, стр. 89). Но онъ полнѣе нѣсколько нашего: этотъ послѣднїй, какъ легко видѣть изъ сличенїа, хотя бы первой главы (у насъ „чудо“ 1 и 2), есть механическое сокращенїе, достигаемое пропусками, болѣе полнаго текста, съ чѣмъ, разумѣется, связано и нѣкоторое искаженїе, вполнѣ понятное при плохомъ уже пониманїи языка у сокращавшаго текстъ. Въ виду этого понятно для насъ значенїе новоизданнаго текста: онъ исправляетъ нашъ текстъ; иногда даже безъ изданїа И. Франка для насъ не понятенъ былъ бы издаваемый мною текстъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу примѣръ:

Текстъ 1732 г.

1) а мастеръ далъ Исусовѣ тридцать хамовъ бѣлихъ и рече: „уклади у рознїе цвѣти: ово в червленное, ово в зеленое, ово в багровое, ово в витканое, азъ же на орудїе иду“. І. же вземъ хама (вложи) усѣ у чермну кадъ. И прїйде мастеръ и рече: „чи уложилъ еси хама?“ І. же рече: „управилъ всѣ в чермну кадъ“. Онъ же возопи великимъ гласомъ и растерза ризы своя: „чему еси уклалъ у едину кадъ? азъ тебѣ рекохъ: у различнїе кади уложи!“ И восхити нанъ копїе. І. же убоися и побѣже. И ста за І. древо велико, яко дубъ. И видѣ сїе чудо мастеръ и убоися; потомъ призва его. И прїшедъ І. Х., Господь Богъ Цар, и ста надъ кадью червленною и рече: не тужи, мастеру... (гл. X, стр. 225).

2) Не тужи, отче мой! что ти покажу, призови мене: я тебѣ сотвору дѣло свое (твое) (IX, стр. 225).

Муз. 1244.

матеръ (sic) же даде Исусовѣ сукна тонкого белаго локоть 30 укинути же въ разнїе цвѣти: все в червоное, а все въ зеленое, въ бубланое, а все темное въ темное. а иду орудовать; взялъ локтѣ всѣ вѣложилъ въ кадъ червоную одну. И прїйде мастеръ въ правилъ сей вѣсе, и рече Исусъ: управилъ усе, сукно вѣложилъ въ червоную кадъ одну. Мастеръ же возопи и рече: чемъ еси въ одну кадъ вѣложилъ, азъ тебѣ повелѣлъ въ разнїе цвѣти вложити и вкинути на него. И восхитися Исусъ и побѣже, а онъ за нимъ верже кописткою (sic) и восхитися. Видѣвъ же тое чудо мастеръ ужасеся, и прїшедъ І. и ста надъ червоною кадью: не тужи мастеръ... (Чудо 10, стр. 138).

не тужи, отче; поспуется—призови мене и похвали дѣло мене (Ч. 9, стр. 138).

Полнѣе текстъ 1732 г. и по составу: въ немъ (см. гл. IV, V, XII) есть прямо эпизоды, опущенные въ Муз. 1244; таково, напр., изложенїе объ обученїи Христа у учителей: рассказъ этотъ, темный и трудный въ греческихъ текстахъ и старыхъ текстахъ, писавшїй Муз. 1244 просто скомкалъ, выпустивши большую его часть. Т. о. въ текстѣ 1732 г. мы имѣемъ состоя-

⁵⁷⁾ Ограничиваюсь только общимъ обзоромъ этого текста въ виду обѣщанїа П. А. Лаврова издать цѣликомъ этотъ интересный текстъ.

⁵⁸⁾ Рукопись принадлежитъ издателю, ему досталась она отъ одного крестьянина въ Буковинѣ (см. „Жите і слово“ I, 136; здѣсь же указано содержанїе рукоп. и замѣтка объ ея языкѣ).

ніе текста болѣе древнее. Кромѣ того, этотъ текстъ важенъ также и потому, что онъ устанавливаетъ связь между текстомъ Муз. 1244 и старымъ переводомъ, именно, черезъ издаваемый мною Унд. 1253: связь текста 1732 г. съ Муз. 1244 ясна изъ приведенныхъ выше примѣровъ; самъ же текстъ 1732 г. стоитъ въ связи съ Унд. 1253, принадлежа съ нимъ къ одной редакціи по составу и чтеніямъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ сопоставленій:

Т. 1732 г.

1) Слышавъ же І. отца своего глаголюща разсмѣяся и рече майстру: дидаскалевѣ, во истинну (по)вѣмъ ти, елико рече отецъ мой; истину глаголю, ижъ всему тому я Господь есмь, вы же чужди есте и не вѣсте, яко мнѣ единому власть есть дана, азъ есмь прежде всѣхъ вѣкъ (гл. III, стр. 223).

2) иде І. со отцемъ сѣяти пшеницѣ на ниву. Егда же отецъ его обѣдаше, и посѣявъ пшеницѣ одну спудь... (VIII, стр. 225).

Второй изъ изданныхъ Франкомъ (стр. 227—230) текстовъ представляетъ дальнѣйшую передѣлку подобнаго первому текста: онъ еще сокращеннѣе текста Муз. 1244, хотя его оригиналь былъ полнѣе по составу.

Всѣ эти три списка, оба, изданные И. Франкомъ, и Муз. 1244, представляютъ одну общую группу, распространенную въ южно-русской письменности; по происхожденію группа эта представляется сравнительно позднею переработкой первоначальнаго для нихъ текста, близкаго по своему составу къ Унд. 1253; эта переработка достигнута съ одной стороны сокращеніемъ первоначальнаго текста, съ другой стороны дополненіемъ изъ какихъ-то постороннихъ источниковъ; таковъ эпизодъ, рассказанный въ „Чудѣ 7-мъ“ (выше, стр. 138); онъ находится во всѣхъ трехъ спискахъ (гл. IV, стр. 224 и 228) и отсутствуетъ въ старыхъ. Т. о. можно полагать, что Фомино евангеліе, рѣдкое въ юго-славянской и старорусской литературѣ, не было рѣдкостью въ южно-русской письменности, хотя, быть можетъ, и только въ позднее время (ср. „Жите і слово“ II, 227).

Т. о. новые три текста Фомина ев. дополняютъ и разъясняютъ указанную выше (стр. 84) генеалогическую таблицу текстовъ этого евангелія.

VII.

(Къ стр. 107). *Посланіе Пилата* вмѣстѣ съ *Преданіемъ* сохранилось и въ болѣе древнемъ спискѣ, нежели изданный А. Н. Пыпинымъ (Пам. стар. рус. лит. III, 106), именно въ Сильвестровскомъ сборникѣ (Москов. Синод. типогр. библ. № 53, л. 83—88). Текстъ по редакціи совпадаетъ съ изданнымъ А. Н. Пыпинымъ (XV в., Рум. 358), но сохранился лучше, полнѣе: въ немъ недостаетъ только послѣднихъ строкъ *Преданія Пилата*. Текстъ печатается выше (стр. 153) по этому списку (ср. И. И. Срезневскаго „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“ (Спб. 1860), стр. XVIII—XIX).

Грамота кн. Иванка Берладника 1134 г.

А. И. Соболевскаго.

Людамъ, занимающимся южно-русскою исторіею, давно извѣстна грамота князя Иванка Ротиславича 1134 г. Въ 60-хъ годахъ она была дважды издана румынскимъ ученымъ Хаждеу (Hăjdeu) въ румынскихъ газетахъ и потомъ нѣсколько разъ была перепечатана въ русскихъ историческихъ сочиненіяхъ. Ссылки на нее, какъ на историческій источникъ, встрѣчаются у нашихъ ученыхъ нерѣдко, то съ разнаго рода оговорками, то безъ оговорокъ. Одинъ изъ нихъ (г. Голубовскій) даже заявилъ, что „въ истинности ея нѣтъ никакого основанія сомнѣваться“ („Печенѣги, Торки и Половцы“, стр. 207, прим.).

Происхожденіе этого документа покрыто сказочнымъ туманомъ. Хаждеу рассказываетъ о немъ такимъ образомъ: подлинникъ его ¹⁾ былъ около 1848 г. доставленъ его отцу русскимъ офицеромъ Викентіемъ Рольскимъ. Онъ былъ писанъ на пергаменѣ, полууставомъ („*cu littere semi-unciale*“), выцвѣтшими чернилами. Отецъ г. Хаждеу сдѣлалъ съ него тщательный списокъ, могущій замѣнить оригиналь, и затѣмъ утратилъ подлинникъ. Вслѣдствіе этого, хотя изданіе документа сдѣлано по списку, тѣмъ не менѣе въ немъ соблюдена въ точности орфографія и пунктуация подлинника („*cu totă ortografia, cu totă punctuațiunea, cu tote lipsele pe acollo*“).

Слова г. Хаждеу не позволяютъ сомнѣваться въ его желаніи убѣдить насъ, что его отецъ имѣлъ въ рукахъ не какую-нибудь позднюю копію, а древній подлинникъ на пергаменѣ.

Взглянемъ на орфографію и языкъ памятника.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ памятниками русскаго письма XI, XII, XIII вѣковъ, даже при бѣгломъ чтеніи грамоты Берладника, поражается ея орфографическими и лингвистическими странностями. Буква *и* въ ней не употребляется; она замѣняется буквою *і*; вмѣсто буквы *оу* мы не разъ встрѣчаемъ, и между прочимъ въ началѣ слова, букву *ѳ*; звукъ *ы* передается буквою *ы*, не *ѣ*; въ качествѣ знака препинанія употребляется постоянно двоеточіе.

Далѣе мы видимъ въ грамотѣ пеструю смѣсь южно-русскихъ и болгарскихъ лингвистическихъ элементовъ, чего неизвѣстно ни въ одной древне-русской грамотѣ. Звукъ *в* въ ней постоянно передъ согласными и одинъ разъ даже передъ гласнымъ замѣняется звукомъ *у* (у Берладі, у граді, у імѣ); вмѣсто *ы* встрѣчается *и*: четыре; вмѣсто префикса *сѣ* является префиксъ *из* (изкладъ); звукъ *я*, какъ на мѣстѣ церк.-слав. *ѣ*, такъ и на мѣстѣ церк.-слав. *ѣ*, постоянно передается буквою *ѣ*:

¹⁾ „*Limba slavica la Romani pene anulū 1400*“, въ букурештской газетѣ „*Trajanū*“ 1869 г. № 50.

мца маѣ, імѣ, кнѣзь; вмѣсто русскаго ч—есть щ: тисѣщу; употребляются неполногласныя формы: градѣ, (ѣ)радощѣ.

Наконецъ, мы встрѣчаемъ въ документѣ рядъ грамматическихъ неправильностей (ошибокъ), подобныя которымъ совсѣмъ чужды какъ русскимъ, такъ и болгарскимъ памятникамъ XII в.: ізкладѣ, ісѣвозѣ, вин. пад. тисѣщу, вмѣсто именительнаго, род. лѣтъ, вмѣсто имен. лѣта; сверхъ всего этого, счетъ годовъ ведется отъ Р. Хр.

Все это взятое вмѣстѣ позволяетъ намъ заявить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ подлогомъ. Авторъ подлога—очевидно румынскій патриотъ, желавшій документально доказать древность и торговое значеніе нѣсколькихъ румынскихъ городовъ. Онъ, повидимому, не былъ вовсе знакомъ съ древне-русскими памятниками и для своей поддѣлки имѣлъ образцомъ молдавскіе документы XIV и XV вв.. Изъ нихъ онъ взялъ почти всѣ орфографическія и лингвистическія особенности. Употребленіе у вмѣсто в (по-малорусски и бѣлорусски) въ молдавскихъ документахъ встрѣчается почти постоянно; смѣшеніе буквъ ѣ и и не составляетъ особой рѣдкости; префиксъ изъ вмѣсто съ также хорошо извѣстенъ (между прочимъ въ томъ же словѣ *искладѣ* (гр. 1407 г.) ²⁾). Употребленіе ѣ, вмѣсто я и отчасти л,—въ молдавскихъ документахъ довольно обычное явленіе: родителѣ, кралѣ (гр. конца XIV в.) ³⁾, торговльми (гр. 1434 г.) ⁴⁾, имѣ (гр. 1445 и 1446 гг.) ⁵⁾, тѣгнулъ (гр. 1460 г.) ⁶⁾; неправильныя формы склоненія, хотя не часто, но попадаются (гр. 1467 г.) ⁷⁾: отъ гривну, до Браилово, отъ сто кожи скотіихъ. Сверхъ того, въ молдавскихъ документахъ XIV—XV вв. встрѣчаются слова безъ полногласія и лѣтосчисленіе иногда ведется по западно-русскому обычаю отъ Р. Хр.

Кто именно былъ виновникомъ подлога, мы не будемъ разыскивать.

²⁾ Головацкій.

³⁾ Akta grodzkie i ziemskie, VII, 200.

⁴⁾ Тамъ же, 216.

⁵⁾ Уляницкій, №№ 61, 62.

⁶⁾ Akta, 238.

⁷⁾ Головацкій.

Неизвѣстный Московскій проповѣдникъ половины XVI вѣка.

Д. П. Лебедева.

Предметъ настоящаго, предлагаемаго вашему вниманію, чтенія—Слово неизвѣстнаго придворнаго проповѣдника временъ юности великаго князя (потомъ царя) Ивана Васильевича IV. Вотъ его заглавіе въ подлинникѣ: „Сѣво бл҃годарствено к̄ г҃з нѣемү исѡү хоү. ѿ бывшен прѣславнѣн побѣдѣ на крымско прѣстательствомъ влѡцн йшеа кїи. при бл҃говѣрно келико кїишнванѣ василіевнун ксеа роусїн. к̄ лето йѿ ѿсмыа тыслци“, т. е. 1541. Въ заглавіи этимъ годомъ означена, конечно, побѣда на „крымскаго“, но въ этомъ же году, вѣроятно, и было сказано слово. Событіе удаленія хана Саипъ-Гирея, пришедшаго къ берегу Оки 30-го іюля и утромъ слѣдующаго дня бѣжавшаго, представляется ораторомъ въ словѣ только что совершившимся; къ тому же упоминаемый въ словѣ митрополитъ Іоасафъ въ январѣ 1542 г. былъ уже заточенъ въ Кирилловъ монастырь; слѣдовательно слово могло быть сказано въ августѣ 1541 г. или въ первые три мѣсяца 1542 г., т. е. въ послѣдніе 4 мѣсяца 1541 г.

Такъ какъ событіе, служившее поводомъ къ произнесенію слова, извѣстно, то скажемъ о немъ только нѣсколько словъ. Это—нападеніе Саипъ-Гирея, хваставшагося повидаться съ Іоанномъ въ Москвѣ и вмѣсто того разбитаго и постыдно бѣжавшаго съ береговъ Оки. Всѣ современныя свидѣтельства говорятъ о необыкновенномъ подъемѣ народнаго духа: 10-лѣтній царь не обнаружилъ дѣтскаго страха и вмѣстѣ съ тѣмъ послушался митрополита и боярской думы и получилъ по изгнаніи враговъ слѣдующее привѣтствіе отъ своихъ воеводъ: „Государь! мы побѣдили твоими ангельскими молитвами и твоимъ счастьемъ“. Внутреннее положеніе и спокойствіе въ Россіи было въ то время такое, какъ рѣдко въ царствованіе Іоанна.

Общее почти мнѣніе церковныхъ историковъ о проповѣдничествѣ въ XVI в. до послѣдняго времени было то, что живой церковной проповѣди въ Москвѣ въ это время почти не было. На это жалуются и сами современные русскіе писатели: митрополитъ Даніиль, Іосифъ Волоколамскій (въ Просвѣтителѣ), кн. Курбскій, и посѣщавшіе въ то время Россію иностранцы: Іовій, Герберштейнъ и др. Въ настоящее время противоположныя этому мнѣнія высказаны митрополитомъ Макаріемъ, О. Ив. Буслаевымъ, о. П. Никольскимъ и др., съ оговоркой однако, что дѣйствительно много памятниковъ церковной проповѣди того времени до насъ не дошло. Періодъ, къ которому принадлежитъ творецъ вновь открытаго слова, признается за самый бѣднѣйшій проповѣдниками.

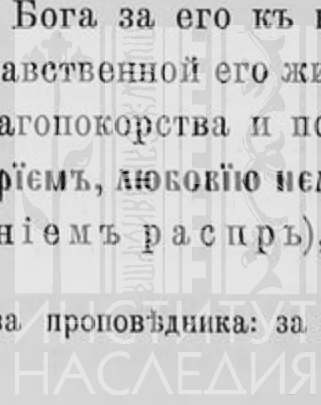
Положеніе духовной проповѣди въ то время было вполнѣ параллельно общему положенію высшей духовной власти. А каково было положеніе даже московскихъ митрополитовъ въ концѣ

XV и первой половинѣ XVI вѣка? Государство только еще объединялось, и государственная власть укрѣплялась. Духовная власть не сразу могла примѣниться къ государственной. Мы знаемъ, какъ мѣнялись тогда митрополиты; сколько разъ въ XV и XVI столѣтіяхъ вдовствовала московская кафедра; сколько разъ митрополиты управляли только по одному, по два года, а нѣкоторые даже по нѣсколькимъ дней (Германъ). И высшее духовенство, и придворные духовники и проповѣдники должны были примѣняться и къ великому князю (потомъ царю), и къ господствовавшему направленію, а въ юности Іоанна — и къ побѣдившей въ борьбѣ партіи, изъ которыхъ каждая мѣняла тѣхъ и другихъ (примѣръ: Іоасафъ). Современное названіе высшихъ духовныхъ „потаковниками“ совершенно къ нимъ подходитъ. Даже протопопы и попы Благовѣщенскаго собора въ то время мѣнялись, вѣроятно, очень часто. Такъ по расходнымъ книгамъ Патріаршаго приказа: во 152 г. называется еще Никита, а въ 154 г. — Стефанъ Вонифатьевъ; по лѣтописямъ: 152 г. Андрей, 154 Симеонъ, а въ 155 Федоръ Барминъ. Попы, напримѣръ, придѣла св. Георгія: во 148 — попь Матвѣй, въ 150 — попь Григорей и попь Исакъ, во 151 — попь Тимоѣей.

Каждому читающему слово живо представляется обстановка его произнесенія: Благовѣщенскій на царскихъ сѣняхъ соборъ ¹⁾ и въ немъ молящійся и слушающій проповѣдь юный, десятилѣтній, царь, уже сознающій совершающееся, довольный только что одержанною побѣдою и видящій теперь полную любовь и преданность ему окружавшихъ его и всего русскаго народа. А окружали его недавно еще враждебные другъ другу придворные князья и бояре, два мѣсяца тому назадъ помирившіеся и давшіе клятву крѣпко служить за-одинъ, оставивши мѣстничество, положить головы свои за великаго князя, испить смертную чашу въ борьбѣ съ татарами.

Авторъ слова, очевидно, проповѣдникъ опытный, начитанный. Говоря по извѣстному поводу, онъ однако открываетъ множество современныхъ вопросовъ и живо изображаетъ современное положеніе русскаго государства. Онъ называетъ Москву „царствующею градомъ русскимъ“ (л. 9 об.), а самую Русь „земскимъ царствомъ“ (л. 16), упоминаетъ о юношѣ царѣ, самодержцѣ всея Русіи, котораго соблюлъ Богъ „кромѣ всякаго страха и торопа въ царствующемъ (такъ въ словѣ называется постоянно) градѣ Москвѣ“, намекая этимъ на то, что великій князь остался въ ней главнымъ образомъ по совѣту митр. Іоасафа. Послѣдняго онъ ставитъ первымъ лицомъ послѣ царя и показываетъ въ числѣ добрыхъ дѣлъ, прославляющихъ Бога, и благопокорство къ самому благовѣрному и Богохранимому царю... и къ утверждающему отсюда и святящему насъ преподобными молитвами всеосвященному митрополиту всея Русіи господину Іоасафу. Доказательствомъ того, что слово говорилось въ присутствіи царя и бояръ, служитъ заключительная молитва проповѣдника за великаго князя и за „вса кже о немъ свѣтлѣйша княза и бояры, воеводы же и унионауалиники“. Боярамъ княжескимъ похвалы встрѣчаются нѣсколько разъ: „Господь, говоритъ онъ (л. 7 и об.), науалиники оубо и воеводы благовѣрнаго наследія своего дръзновенія и оудауства наплънилъ и бодрости многія и разоума браннаго. Самого же пса Скѣфскаго и кже ѿ немъ кровопійца звери страхомъ и торопомъ съкроушивъ, бѣжати сътвори състоудомъ многымъ, ни же пръвое сраженіе стръпѣвши нашихъ вѣннствъ, нже и всако погыблъ бы оубо тоу и съ всѣмъ вѣннствомъ своимъ, аще бы ѿ воеводъ нашихъ дана была вола вѣнномъ гнати вслѣдъ его“. Разсуждая, чѣмъ могутъ избавленные возблагодарить Бога за его къ нимъ милости, проповѣдникъ не касается всего народа, не говоритъ о болѣ нравственной его жизни, а называетъ слѣдующія средства прославить святое имя Божіе, кромѣ благопокорства и послушанія царю и патріарху: „дѣлы добрымъ: праведнымъ соудомъ, смъренномоудрїемъ, любовію и елициемърною и едннотыслїемъ к себѣ самымъ и дроугъ къ дроугу (прекращенїемъ распрѣ), бла-

¹⁾ Что слово говорилось при такой обстановкѣ доказываетъ заключительная молитва проповѣдника: за царя, князей, бояръ, воинство,—и только! См. далѣе.

реніемъ на верху, которыя ставятся всегда надъ второю изъ двухъ, рядомъ стоящихъ гласныхъ. Такъ, напр., всегда їсаїа, герміа, въцанїа, отьмцаа, прєбъваа, ұстролаа, нашеа, ндоольскыа, вса-кыа, моа и проч. Ни одного риза ѡ и ѡ въ этихъ случаяхъ не встрѣчается, хотя бы и по ошибкѣ.

Замѣчательно также безграничное употребленіе надстрочныхъ знаковъ: масса титлъ, буквъ на верху съ титлами и безъ нихъ, придыханій, удареній, паерковъ, точекъ, двоеточій и запятыхъ, буквально почти надъ каждымъ слогомъ, надъ каждою гласною, рѣдко встрѣчается въ такомъ изобиліи въ рукописяхъ даже XVI вѣка. Большой юсь не встрѣчается вовсе; употребленіе ъ и ѣ послѣ стеченія плавныхъ р и л съ согласными выдержано постоянно правильно: влѣкъ, наплѣнилѣ, дръжава, дръзновеніе и проч. Формы окончаній сохранены часто славянскія: владыкы, предѣ человекы, небесе, любѣве, не забыть (3 л. един. ч. аориста) и проч.

Изъ палеографическихъ особенностей отмѣтимъ: старое изображеніе з съ большимъ хвостомъ вправо, какъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, только съ совершенно крошечнымъ хвостикомъ на лѣвую сторону на верху, какъ было въ XV и XVI вв.; „зѣло“ точно также употребляется въ словахъ: зѣло, зѣльно, и нѣсколько разъ въ словѣ князь; характерныя для XV вѣка (и даже ранѣе) буквы: большое є съ перечеркнутою среднею линіею и точкою въ верхнемъ перегибѣ; такой же с съ точкою вверху, буквы б, г, л, въ два раза бѣльшія остальныхъ и выступающія внизъ, нѣкоторыя вязи: ки, ги и друг.

Въ заключеніе сообщенія позволю себѣ высказать мои догадки по самому трудному вопросу объ авторѣ новоявленного слова. По мѣсту проповѣди такимъ могъ быть или протопопъ Благовѣщенскаго собора, или одинъ изъ поповъ. Протопопомъ въ то время былъ Ѳеодоръ Барминъ, постригшійся въ Чудовѣ монастырѣ въ 1549 г. ⁷⁾ Ничего о проповѣднической дѣятельности его, а равно царскихъ духовниковъ и другихъ протопоповъ (Андрей, потомъ митрополитъ, и Симеонъ, — всѣ три въ годы юности Іоанна) и поповъ, намъ неизвѣстно. Къ тому же авторъ слова — человекъ, очевидно, выдающійся, вѣроятно, продолжалъ свою дѣятельность и могъ впоследствии сдѣлаться извѣстнымъ. Нѣсколько позднѣе, въ концѣ 1540-хъ годовъ появился извѣстный своимъ сильнымъ и благотворнымъ вліяніемъ на царя Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ. Сила и убѣдительность его рѣчей въ первый разъ обнаружилась во время большаго московскаго пожара, въ 1547 году. Такъ какъ характеръ его твореній совершенно сходенъ съ характеромъ новоявленного слова, то само собою возникаетъ предположеніе о принадлежности его Сильвестру. Былъ ли Сильвестръ въ это время въ Москвѣ? Позволяю себѣ напомнить въ самыхъ короткихъ словахъ исторію не совсѣмъ еще рѣшеннаго въ нашей исторической литературѣ вопроса о времени пришествія Сильвестра въ Москву. Очень долгое время существовало мнѣніе, что Сильвестръ пришелъ въ Москву только въ 1547 году. Такъ утверждаютъ митрополитъ Евгений ⁸⁾, преосв. Филаретъ, архіеп. Черниговскій ⁹⁾, и Погодинъ ¹⁰⁾. Первые два совершенно безо всякихъ доказательствъ говорятъ, что Сильвестръ вызванъ въ Москву митрополитомъ Макаріемъ въ 1547 году; а Погодинъ, черезъ 10 лѣтъ послѣ высказаннаго по этому вопросу мнѣнія Соловьева, опять доказываетъ, что онъ явился къ царю на пожарѣ прямо изъ Новгорода и человекомъ неизвѣстнымъ. Приводя въ доказательство этого мнѣ-

⁷⁾ „Тогда же генваря 6 дня, говоритъ Царствепная книга, протопопъ Благовѣщенскій Ѳеодоръ Барминъ разнеможеся и приде на него страхованіе (по поводу недовольства царя поведеніемъ его въ 1547 г.); онъ же отпросися въ чернецы у государя, а пострижесе у Михайлова чуда“. Царств. Книга, стр. 146.

⁸⁾ Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, изд. 2, т. 1, стр. 201 и слѣд.

⁹⁾ Обзоръ русской духовной литературы, изд. 3, стр. 145—146.

¹⁰⁾ Историч. и критическія отрывки, кн. 2, стр. 193—195.

нія слова князя Курбскаго ¹¹⁾, толкуемая имъ слишкомъ буквально и односторонне, онъ такимъ же образомъ толкуетъ по своему и слова Карамзина ¹²⁾, что во время пожара передъ царемъ неожиданно явился Сильвестръ, „саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода“; Погодинъ сдѣлалъ изъ этого „явился изъ Новгорода“.

Другіе ученые доказываютъ, что Сильвестръ явился въ Москву гораздо раньше, хотя въ годъ прибытія его существуютъ разногласія. Основаніемъ для этихъ ученыхъ служить главнымъ образомъ слова Царственной книги ¹³⁾, что „промысломъ Сильвестра выпущены изъ нятства“ въ 1541 году князь Владиміръ Андреевичъ и его мать. Съ этимъ соглашался уже въ 1856 г. С. М. Соловьевъ. Въ 1874 году было напечатано ¹⁴⁾ неоконченное (вѣрнѣе, только что начатое) сочиненіе Д. П. Голохвастова; окончилъ его „по плану перваго ислѣдователя“ о. архимандритъ Троицкой Сергіевой Лавры Леонидъ. Господину Голохвастову принадлежатъ только первыя 10 страницъ ислѣдованія; но они важны тѣмъ, что въ нихъ начинается разборъ интересующаго насъ вопроса, оконченный о. Леонидомъ слѣдующими словами: „Сильвестръ по справедливой догадкѣ митр. Евгенія, прибылъ въ Москву по вызову митр. Макарія, и если даже не вмѣстѣ съ нимъ, то не ранѣе 1543 года“ ¹⁵⁾.

Послѣднее слово по занимающему насъ вопросу сказано г. профессоромъ С.-Петербургскаго университета Е. Е. Замысловскимъ въ его статьѣ, написанной по поводу ислѣдованія г. Голохвастова и о. архимандрита Леонида ¹⁶⁾. Вотъ заключительныя слова объ этомъ вопросѣ: „Итакъ, о времени появленія Сильвестра въ Москвѣ существуютъ два мнѣнія: 1) онъ былъ здѣсь и имѣлъ важное значеніе въ 1541 г.; 2) онъ явился въ Москву не ранѣе 1543 г., когда переселился сюда митрополитъ Макарій. Изъ этихъ двухъ мнѣній наибольшую степень достовѣрности имѣетъ первое, не принятое арх. Леонидомъ“.

Такимъ образомъ, мнѣніе, что Сильвестръ былъ въ Москвѣ въ 1541 г., считается теперь за наиболѣе вѣрное. Если о. Леонидъ и говоритъ, что, кромѣ Царственной Книги, ни одинъ лѣтописецъ не упоминаетъ о томъ, чтобы князь Владиміръ Андреевичъ былъ освобожденъ по ходатайству Сильвестра,—то, вѣдь, ни одинъ лѣтописецъ не называетъ даже ни одного боярина, а просто всѣ говорятъ, что князь освобожденъ по ходатайству митрополита и бояръ. Слѣдовательно, найденное Слово по времени можетъ принадлежать ему. Сказано оно было, можно сказать почти навѣрное, въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Никакихъ рѣчей и другихъ твореній отъ священниковъ его не осталось. И принадлежность Сильвестру самого Домостроя, котораго онъ былъ если не творцомъ, то составителемъ особой редакціи, установилась съ небольшимъ 50 лѣтъ; остальные творенія Сильвестра найдены еще ближе къ намъ. Со временемъ найдутся, можетъ быть, и еще, съ именемъ автора.

За отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ, т. е. имени автора при Словѣ, приходится довольствоваться косвенными, т. е. сравненіемъ характера его и особенностей съ другими твореніями Сильвестра. Отъ него дошли до насъ: 1) Домострой и Посланіе отца къ сыну, 2, и 3) Два его посланія (къ царю и къ казанскому воеводѣ Ал. Бор. Шуйскому—Горбатову), и 4) эпистоля къ лицу неизвѣстному (къ нему же).

¹¹⁾ Сказанія, изд. 2, стр. 90.

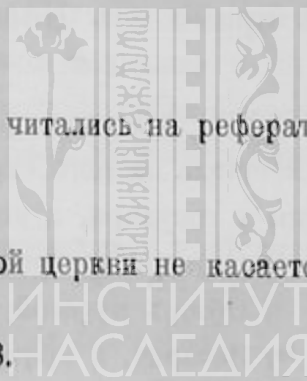
¹²⁾ Ист. Гос. Росс., т. VIII, стр. 59.

¹³⁾ Царств. книга, стр. 343. Всѣ свидѣтельства современниковъ и мнѣнія ученыхъ читались на рефератѣ дословно; здѣсь же обозначаются только страницы каждой книги.

¹⁴⁾ Чтенія И. М. Общ. и Древн., 1874 г., т. I, стр. 1—110.

¹⁵⁾ Архіепископъ (потомъ митрополитъ московскій) Макарій въ своей Исторіи русской церкви не касается вопроса о прибытіи въ Москву Сильвестра.

¹⁶⁾ Напечатана во II томѣ Сборника Государственныхъ знаній, отд. II, стр. 123—138.

Самое большое изъ этихъ твореній, Домострой—собрание поученій, относящихся болѣею частью къ домашней жизни: наставленія объ отношеніяхъ между членами семьи, а главнымъ образомъ хозяйственныя. Изъ 64-хъ главъ объ общественныхъ отношеніяхъ (кромѣ отношеній къ храму и священникамъ) говорится только въ пяти, и то не въ цѣломъ составѣ. И здѣсь болѣе десяти разъ встрѣчаются убѣжденія о милости и милостынѣ къ нищимъ, убогимъ и сиротамъ. Двѣ главы имѣютъ слѣдующія заглавія: гл. VI. Како посѣщати въ монастыряхъ и въ больницахъ, и въ темницахъ, и всякаго скорбна; гл. XI. Како кормить приходящихъ въ дому (своемъ) съ благодареньемъ. Даже врачеваться отъ болѣзни онъ совѣтуетъ милостию къ нищимъ¹⁷⁾. О правосудіи (что вмѣстѣ съ милостию считается въ Словѣ главною добродѣтелью, которыми должно благодарить Бога за Его милость), кажется, вовсе не кстати говорить въ Домостроѣ. Однако и это встрѣчается тамъ не разъ: гл. XXIV. „а кто неправо судить или неравно“; гл. XXV. „аще кто по Бозѣ живетъ и по заповѣди Господни..., аще ли властелинъ: судить правильно и не лицемѣрно, всѣмъ равно, богату и убогу“. Такимъ образомъ двѣ главныя добродѣтели, которыя цѣнитъ такъ высоко авторъ Слова, считаются такими же и у Сильвестра.

Но болѣе, конечно, настоящее Слово подходит по содержанию къ Посланію князю Александру Борисовичу Шуйскому, хотя по тому внѣшнему поводу, что посланіе пишется къ князю и правителю Казани. Тамъ мы и по содержанию находимъ нѣсколько наставленій, подходящихъ къ предлагаемымъ авторомъ Слова слушающимъ его сановникамъ, напр. ¹⁸⁾ Такожь Господіе мои, Князи и Властели, милованіе и заступленіе и правду покажите на нищихъ людехъ, яко жъ о нихъ промысленіе пріемше отъ Бога дарованнаго государя..., Благовѣрному Царю нашему воздающе должное покореніе и послушаніе“. Слѣдующая 97-ая страница почти вся наполнена разъясненіями мысли о правосудіи, которое авторъ Слова, ставитъ такъ высоко. „Не сотворите неправды въ судѣ, и не приложитца множество народа уклонитись суда... Внимайте и сіе, якожь рече Господь; не на лица убо зряще судите, сынове чловѣчестіи, но праведенъ судъ судите... блажени хранящеи судъ и творящеи правду во всякое время“¹⁹⁾.

Языкъ Посланія тотъ же, что и Слова: симъ побѣжай, утвержденія и утвержаяся, огражаеми крестомъ; формы: ополченія, православія, всеа Россіи, 3-е лицо ед. ч. аор. подъятъ. Впрочемъ, и языкъ Домостроя много напоминаетъ языкъ Слова: употребленіе предлога кромѣ (гл. 7-ая), погрѣшати съ род. пад. (два раза), осоромонить, уноровить, соромота, отдѣленіе ся отъ возвратнаго глагола: ся на добро обратитъ.

Такимъ образомъ эти три творенія, изъ которыхъ два несомнѣнно принадлежатъ Сильвестру, всѣ проводятъ двѣ указанные главныя мысли.

Послѣ четырехъ недавно найденныхъ и несомнѣнно принадлежащихъ Сильвестру твореній, не будетъ ли Слово пятымъ?

Позволю себѣ въ самыхъ краткихъ словахъ представить еще одно предположеніе, которое можетъ подкрѣпить выказанное мнѣніе о принадлежности Слова Сильвестру, если будетъ доказано, что „Житіе святой Ольги“, представленное въ снимкѣ при трудѣ архим. Леонида, дѣйствительно автографъ Сильвестра. Въ этомъ, кажется, не сомнѣвается и о. архимандритъ.

¹⁷⁾ Гл. XXIII.

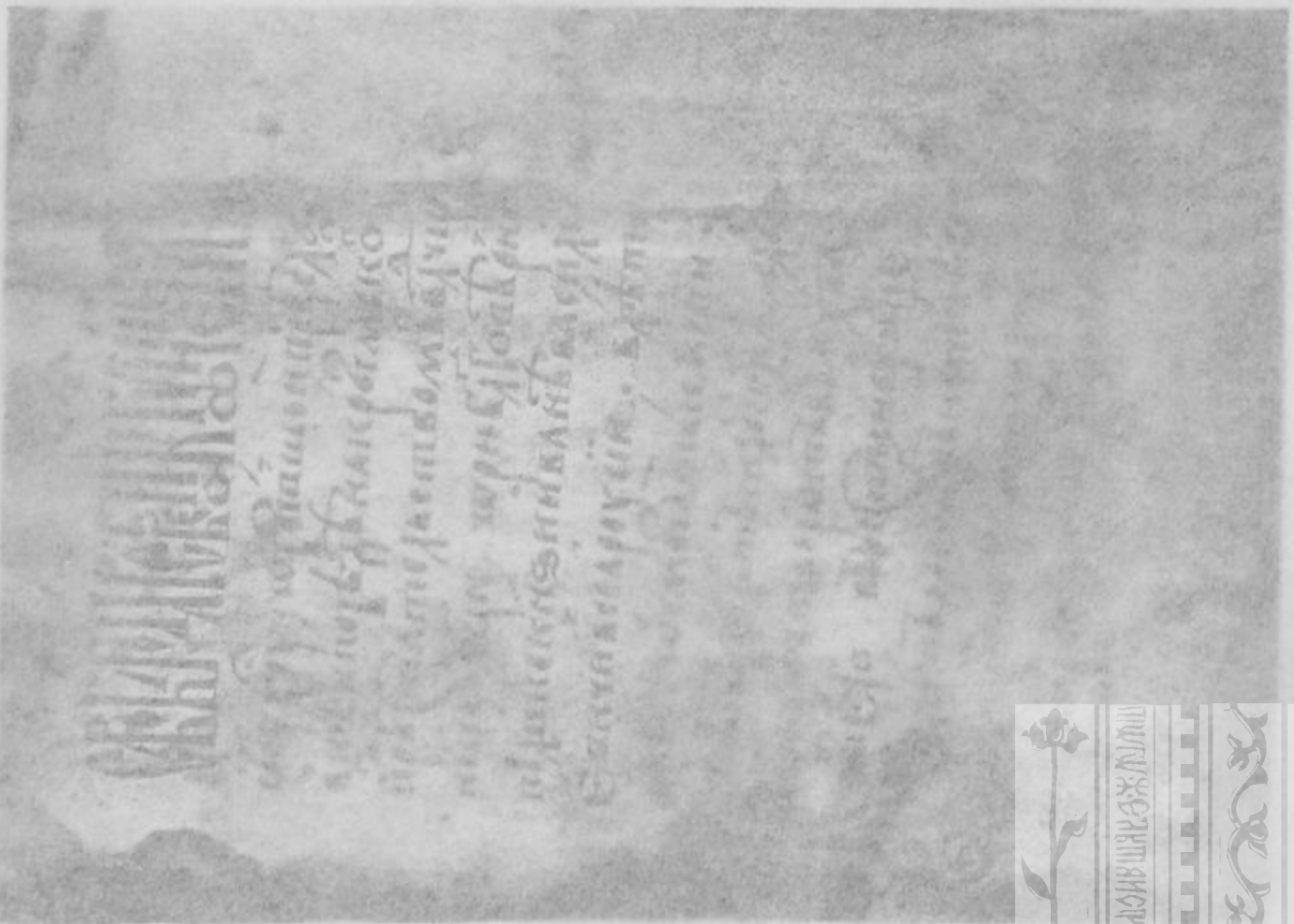
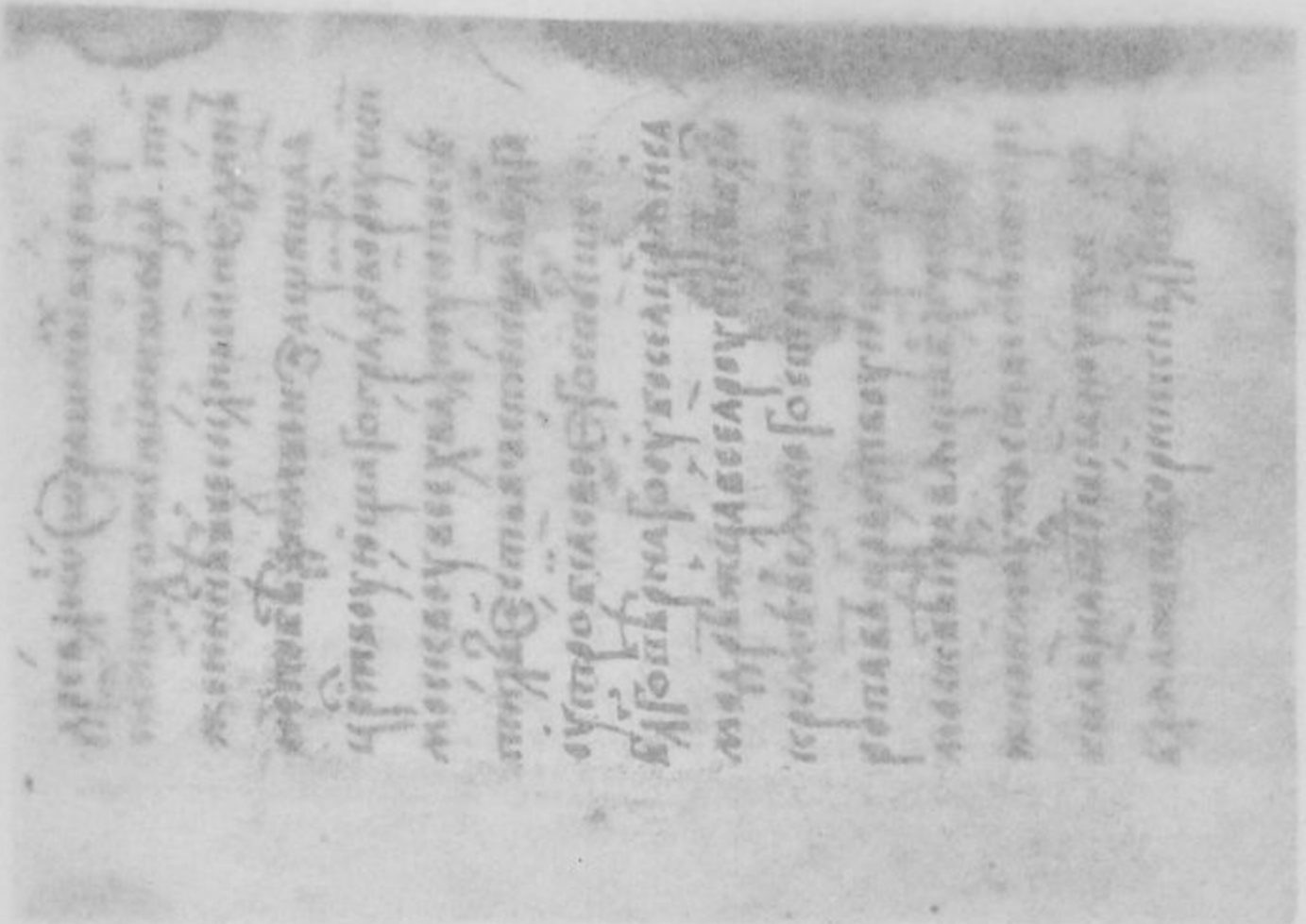
¹⁸⁾ Стр. 96 и 98 по изданію г. Леонида въ Чтеніяхъ.

¹⁹⁾ Въ посланіи къ неизвѣстному: „или неправо сѣдѣ, или по краждѣ, или по дрѣвке, или по мздѣ права виновата сотвори, или иужныхъ не помилува, или копла иужныхъ не слыша, не зправа“.—Чт. Общ. Ист. и Др., 1874 г., стр. 103.

Снимокъ, вѣроятно, снятъ Коншинымъ въ уменьшенномъ видѣ; но онъ, очевидно, писанъ рукою, того писца, который писалъ наше Слово. Прежде всего безконечная масса надстрочныхъ знаковъ въ обоихъ памятникахъ одинакова; многія характерныя буквы (поскольку можно судить по небольшому отрывку) тѣ же: двойное начертаніе **z**, древнее и новое (XVI в.), употребленіе **z** вмѣсто **z** и употребленіе большаго **С**, рядомъ съ маленькимъ (болѣе указать не на что по недостатку матеріала),—покажутъ намъ, что найдено не только пятое произведеніе Благовѣщенскаго попа Сильвестра, но и второй его автографъ ²⁰).

²⁰) Рукоп. находится въ Московск. Рум. и Публ. Муз. за № 3124 (80).

Снимок, впрочем, снятъ Копинымъ въ уменьшенномъ видѣ; но онъ, очевидно, писанъ рукою того писца, который писалъ наше Слово. Прежде всего безконечная масса надстрочныхъ звуковъ въ обихъ намятникахъ одинакова; многія характерныя буквы (поскольку можно судить по небольшому отрывку) тѣ же: двойное начертаніе z, древнее и новое (XVI в.), употребленіе z вмѣсто z и употребленіе большого С, рядомъ съ маленькимъ (болѣе указать не на что по недостатку матеріала), — показать намъ, что найдено не только пятое произведеніе Благовѣщенскаго иона Сильвестра, но и второй его автографъ²³.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Прусскій жрецъ „Sicco“.

А. Мѣржинскаго.

I.

Для изслѣдованія этого рѣдко попадающагося слова доступны для меня лишь слѣдующіе источники, изъ которыхъ два относятся къ концу X и къ началу XI вѣковъ; третій же, составленный въ первой половинѣ XVI вѣка, описываетъ существовавшіе еще тогда языческіе обряды и обычаи.

Въ настоящей статьѣ я сперва укажу на достовѣрность источниковъ, затѣмъ приведу относящіяся сюда выдержки, а въ концѣ сдѣлаю свои заключенія.

1. Первый источникъ, *Vita S-ti Adalberti* ¹⁾, составленъ, по мнѣнію Voigt'a ²⁾ Радимомъ (Gaudentius), братомъ и свидѣтелемъ убійства св. Адальберта; по мнѣнію же Pertz'a ³⁾—Іоанномъ Кананаріемъ, аббатомъ монастыря С. Бонифація и Алексія въ Римѣ, около 999 г., пользовавшимся сообщеніями Радима. Giesebrecht же ⁴⁾, подвергшій вопросъ объ авторѣ новому разбору, утверждаетъ, что Кананарій или другой монахъ сказаннаго монастыря еще до возвращенія Радима въ Римъ составилъ эту біографію по сообщенію третьихъ лицъ. Этимъ авторъ объясняетъ нѣкоторыя разногласія въ біографіи Бруна. Послѣдній изслѣдователь этого вопроса, Кентржынскій ⁵⁾, соглашается съ Voigt'омъ.

Имѣя въ виду, что эта біографія составлена въ 999 г., т. е. незадолго послѣ († 997) С. Адальберта, затѣмъ, что она написана монахомъ монастыря, къ которому этотъ мученикъ принадлежалъ, и куда, какъ къ заинтересованному монастырю, могли дойти достовѣрныя свѣдѣнія, а наконецъ, что сообщенія о *Sicco* перешли почти буквально въ слѣдующую біографію, составленную по свидѣтельствамъ самовидцевъ ⁶⁾, мы не считаемъ себя въ правѣ не довѣрять автору по указанному вопросу.

1) Script. Rer. Pruss. I, p. 227.

2) Gesch. Preuss. Bd. I, p. 653.

3) Mon. Germ. Hist. IV, p. 579.

4) Neue Preuss. Prov. Blätter. 1860. Bd. I, p. 65.—Cf. Script. R. Pr. I, p. 227.

5) Kętrzyński: Czy Kanapariusz, zakonnik włoski, czy Gaudenty, arzbiskup Gnieźnieński autorem najdawniejszego żywota S. Wojciecha? Przewodnik naukowy i literacki. Lwów 1884, p. 1—10.

6) Подробное описаніе обстоятельствъ и точное обозначеніе дня смерти Св. Адальберта заставляютъ насъ признать, что біографія составлена по свидѣтельству Радима.

2. По изслѣдованіямъ Giesebrecht'a ⁷⁾, второй источникъ, Vita S-ti Adalberti ⁸⁾, написанная архіепископомъ Бруномъ, составленъ въ 1004 г., послѣ возвращенія его въ Римъ изъ первой миссіи въ Пруссію. Авторъ пользовался: а) біографіею Канапарія; б) сообщеніями очевидцевъ ⁹⁾, какими были оба брата С. Адальберта, Радимъ и Бугусса (Benedictus). Относительно свѣдѣній о Siccō, Брунъ слѣдовалъ Канапарію, такъ какъ приведенные свидѣтели подтверждали эти данныя ¹⁰⁾.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о Siccō оба источника сводятся въ одинъ. Рассказываемые факты относятся къ Самбіи.

3. Около первой половины XVI вѣка появилась книжка подъ заглавіемъ: „Warhafftige beschreybung der Sudawen auff Samlandt (samst ihren Bockheyligen) und Ceremonien“, посвященная „den Erbaren, Ersamen, namhafften und Wolweysen Herren Burgermeystern und Rathmannen der Dreyenstedt Königsberg in Preussen. Авторъ ея — Иеронимъ Малецкій (Maletius), протестантскій пасторъ, сынъ извѣстнаго Яна Малецкаго, автора много разъ перепечатаннаго письма къ Георгію Сабину: de sacrificiis et idolatria veterum Borussorum, Livonum, aliarumque vicinarum gentium“.... Joannes Meletius (sic), 1551 г.

Книжка Иеронима составляетъ большую бібліографическую рѣдкость ¹¹⁾ и заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія не только по ея содержанію, но также относительно источниковъ, по которымъ она составлена, и относительно вліянія ея на всѣ послѣдовавшія сочиненія по Литовской миѳологіи. До сихъ поръ никто не занимался ея критическимъ разборомъ ¹²⁾. Отлагая подробный критическій разборъ до новаго ея изданія, я ограничусь самыми необходимыми сообщеніями для обсужденія достовѣрности свѣдѣній о Siccō ¹³⁾.

Какъ видно изъ заглавія, передаваемые факты касаются той части Самби, которую занимали Судавиты (Ятвяги), переселенные сюда Людовикомъ de Libenzelle въ 1283 г. ¹⁴⁾. Эта часть лежитъ въ самомъ сѣверо-западномъ углу Самби, на сѣверъ отъ Кенигсберга, и называлась еще въ XVII вѣкѣ у прусскихъ историковъ: der sudawische winkel. И хотя отъ 1283 г. до составленія источниковъ, которыми пользовался Иеронимъ, прошло около 240 лѣтъ, такъ что ятвяжскія вѣрованія могли подвергнуться вліянію соплеменниковъ Самбитовъ, но все-таки сообщенія Иеронима останутся единственнымъ источникомъ для ятвяжскихъ религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ ¹⁵⁾.

Сочиненіе Иеронима состоитъ изъ нѣсколькихъ, неудачно соединенныхъ вмѣстѣ описаній, изъ которыхъ одно даже прерывается вставкою и такимъ образомъ распадается на два. Мы говоримъ объ описаніи жертвоприношенія козла. Редакторъ отдѣлилъ самое описаніе жертво-

7) Brun, Bonifacius. Cf. Script. R. Pr. I, p. 231.

8) Sc. R. Pr. I, p. 2301.

9) Ajant, qui in illo agone fuerunt.

10) Это слѣдуетъ изъ сравненія обоихъ источниковъ:

Vita Can.

Vita Brun.

igneus Siccō transfixit penetralia cordis.

Sacerdos et dux conjuratae cohortis.

Velut ex debito prima vulnera facit.

igneus Siccō forat penetralia cordis.

Dux et magister nefariae cohortis.

Cujus tunc lancea debuit primum ictum.

primum forat.

Эпитетъ „igneus“ вѣроятно значитъ: пылающій гнѣвомъ; cf. torvo aspectu.

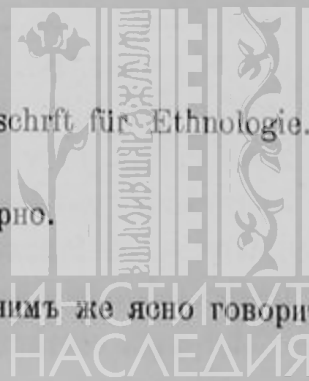
11) Я пользуюсь копіей, присланною мнѣ когда-то Маннгардомъ для разсмотрѣнія.

12) Маннгардъ намѣревался критически разобрать эту книжку, какъ видно изъ Ztschrift für Ethnologie. Berlin 1875, p. 326; но скоро онъ умеръ.

13) Именно по недостатку критическаго разбора — сообщеніе мое вышло болѣе обширно.

14) Dusburg III, c. 212.

15) Янъ Малецкій смѣшивалъ въ своемъ письмѣ обряды разныхъ народовъ; Иеронимъ же ясно говоритъ, что онъ описываетъ обряды однихъ Судавитовъ.

приношенія отъ перечня божествъ, призываемыхъ при этомъ жертвоприношеніи, и привелъ божества въ самомъ началѣ своего произведенія; затѣмъ вставилъ описаніе весеннихъ и осеннихъ празднествъ въ честь *Перрубія*, не имѣющее никакой связи съ предыдущимъ, и затѣмъ только вернулся въ описанію жертвоприношенія козла съ ссылкою на божества, упомянутыя въ началѣ. Такимъ образомъ, необходимо признать, что редакторъ имѣлъ въ рукахъ по крайней мѣрѣ два источника, которые ему не удалось логически связать, а именно: 1) источникъ, доставившій матеріалъ для описанія жертвоприношенія козла съ каталогомъ призываемыхъ божествъ, и 2) источникъ (или источники) для описанія остальныхъ обрядовъ.

Можно предположить, что жертвоприношеніе козла—*wie sie den Bock heyligen*— списано изъ сочиненія Грунау, окончившаго свой трудъ около 1520 г., въ которомъ онъ, какъ очевидецъ, описываетъ такую жертву. Но трудно допустить, чтобы Грунау, монахъ и приверженецъ польскаго владычества и католицизма, сочувствовалъ Иерониму, завязанному протестанту и приверженцу Альбрехта. Самъ же монастырь едва ли захотѣлъ бы Малецкому доставить манускриптъ Грунау. Поэтому намъ слѣдуетъ отыскать другой источникъ.

Въ основаніе нашего изслѣдованія возьмемъ каталогъ божествъ, составляющій, какъ было замѣчено, съ описаніемъ жертвоприношенія козла одно цѣлое. Въ немъ упоминается о *Sisso*, хотя послѣдній называется тамъ *Signor*.

До сихъ поръ мнѣ извѣстны 4 автора, сообщающіе вышеупомянутый перечень божествъ, Янъ и Иеронимъ Малецкіе, Мислента и Гарткнохъ ¹⁶⁾.

Сравнивъ произведеніе Иеронима съ письмомъ Яна къ Сабину, мы убѣждаемся, что оба автора пользовались однимъ главнымъ, общимъ источникомъ, потому что распредѣленіе предмета—одинаково, порядокъ въ исчисленіи божествъ и объясненіе ихъ и орфографическія ошибки—однѣ и тѣ же. Главная разница состоитъ въ томъ, что каталогъ божествъ Яна составляетъ съ описаніемъ жертвоприношенія козла *одно цѣлое*; затѣмъ Янъ вмѣсто прусскихъ обрядовъ описываетъ отчасти обряды мазурскіе ¹⁷⁾, которые онъ, какъ проживавшій между Мазурами, хорошо зналъ; вслѣдствіе этого онъ могъ писать: *paŕraŕi.. quae ipse vidi*. Но, откуда онъ почерпнулъ свѣдѣнія о жертвоприношеніи козла и о прусскихъ божествахъ, онъ ничего не упоминаетъ.

Гарткнохъ же очень хорошо знаетъ Яна Малецкаго; онъ пользуется его трудомъ и вездѣ ссылается на него. Но сочиненіе Иеронима ему неизвѣстно. Тѣмъ удивительнѣе, что перечень божествъ и объясненіе ихъ значенія вполнѣ сходны съ Иеронимомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ важныхъ орфографическихъ различій. И такъ Иеронимъ пишетъ: *Auschlavis, Signor*; Гарткнохъ же *Auxschautis, Sigonota*. Варіанты Гарткноха—правильнѣе. Въ статьѣ Гарткнохъ приводитъ свой источникъ, т. е. *копію* изъ предисловія къ *Agenda Ecclesiastica* 1530 г., которую представили на утвержденіе синода въ этомъ же году два протестантскіе епископа, *Georgius a Polenz* и *Paulus Speratus* ¹⁸⁾. О достовѣрности копій свидѣтельствуется Мислента, выписавшій каталогъ божествъ изъ самой *Agenda* ¹⁹⁾.

¹⁶⁾ Я не читалъ хроники Вайсселя; по выдержкамъ изъ нея у Гарткноха выходитъ, что Вайссель пользовался Иеронимомъ или тѣмъ же источникомъ, что Иеронимъ.

¹⁷⁾ Этнографическія сообщенія Малецкаго о Мазурахъ представляютъ интересный матеріалъ для сравненія съ *Судавитами*.

¹⁸⁾ „Johannes Meletius (sic) maximum fuisse (deum) dicit Occopirnum, ut deum coeli et terrae. Idem jam ante Meletium fecerunt Georgius a Polenz et Paulus Speratus, Episcopi Prussiae ducalis, in praefatione Agendaе, quam vocant, Ecclesiasticae, anno 1530 conscriptae, ut qui sequentem Prussicorum deorum texunt catalogum: Occopirnus, Suaixtix, Auxschautis, Autrympus (sic), Potrympus, Bardoaits, Polynytis (sic), Parcuns (forsan Percunos legendum, cum ex M. S. exemplari, quod mihi se obtulit, dijudicari non potuerit, quo modo autores ipsi hoc nomen scripserint) atque Pecolos (fortasse: sive) Pacols“ Hartk. Diss., p. 125.

¹⁹⁾ *Mislenta. Manuale Prutenicum. Regiomonti 1626. Dissertatio prooemialis. p. A.*

Труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

Эти Агенда, равно какъ изданныя затѣмъ, назывались также Constitutiones²⁰⁾, по нѣмецки Kirchenordnung²¹⁾, или Constitutiones Sinodales, вслѣдствіе утвержденія ихъ на синодахъ. Но официальное заглавіе Агенды, на которую ссылается Гарткнохъ было: Articuli Ceremoniarum e germano in latinum versi et nonnihil locupletati²²⁾. Мнѣ удалось отыскать заглавіе нѣмецкаго подлинника: Artikel der Cerimonien und anderer Kirchenordnung²³⁾. Эти „Artikel“ были составлены по распоряженію перваго прусскаго герцога Альбрехта въ 1525 г. епископами Самбійскимъ Georgius a Polenz и Помезаньскимъ Erhard von Queis²⁴⁾. Подлинникъ, равно какъ и переводъ, потеряны. Находился ли каталогъ божествъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ, мнѣ не извѣстно; но навѣрно онъ былъ помѣщенъ въ предисловіи къ Агендѣ 1530 года; описанія же жертвоприношенія, составляющаго съ каталогомъ одно цѣлое, въ этомъ предисловіи не было, насколько мы можемъ заключить изъ словъ Мисленты, тѣмъ менѣе въ немъ могли быть помѣщены другіе сообщенные Іеронимомъ обряды²⁵⁾, уже потому, что предисловіе было бы длиннѣе самаго настоящаго содержанія Агенды. Поэтому Агенда не могла быть источникомъ для Іеронима; источникъ могъ быть общимъ.

Обратимся теперь къ вопросу, чѣмъ пользовались оба епископа при составленіи предисловія къ Агендѣ. Отвѣтъ на него можетъ быть только догадкой.

Герцогъ Альбрехтъ, принявшій новое религіозное ученіе и желавшій ввести новый порядокъ въ богослуженіи, поручилъ обоимъ вышеупомянутымъ епископамъ составить для этого проектъ. Они же, желая ознакомиться съ положеніемъ религіозныхъ дѣлъ и съ нуждами приходовъ, потребовали поэтому свѣдѣнія отъ подвѣдомственнаго духовенства, чтобы на основаніи ихъ составить надлежащія правила. Между этими свѣдѣніями, доставленными духовенствомъ, находились сообщенія о доселѣ существующемъ язычествѣ въ Самбійскихъ приходахъ, населенныхъ Ятвягами. Епископы же, считая весьма полезнымъ указать духовенству вообще на существующее язычество для надлежащей борьбы съ нимъ, помѣстили въ Предисловіи выдержки изъ этихъ сообщеній духовенства, а между прочимъ и каталогъ чтимыхъ дотолѣ Литовцами божествъ. Этими данными пользовались Мислента и Гарткнохъ. Съ другой стороны, изъ всѣхъ докладовъ былъ составленъ особый меморіаль. Іеронимъ перепечаталъ этотъ меморіаль по небрежно списанной копіи²⁶⁾, чѣмъ объясняются многія описки и разница отъ чтеній Гарткноха.

²⁰⁾ Constitutiones, sive ut vocant Agendae ecclesiasticae. Hartk. Diss., p. 202.

²¹⁾ Agendam, ut vocant, Ecclesiasticam (Kirchenordnung Germani vocant) Hartk. Diss., p. 147.

²²⁾ Jacobson, Geschichte der Quellen des Kirchenrechts, II. 31, приводитъ это официальное заглавіе, равно какъ авторовъ Георгія а Polenz и Павла Сперата и годъ изданія 1530. Ср. прим. 18.

²³⁾ Jacobson l. I. II, p. 25 сообщаетъ заглавіе и авторовъ. Hartk. Diss., p. 247 называетъ эти „Artikel“=Agenda, пишетъ: Conscripta est eodem anno (1525) Agenda Ecclesiastica, auctoribus Georgio a Polenz et Erhardo Queis Episcopis.

²⁴⁾ Erhard Queis умеръ 1529 г., его преемникомъ былъ Paulus Speratus, упомянутый въ Agenda Ecclesiastica 1530 г.

²⁵⁾ Mislenta l. I. p. A₆: „Referimus etiam rem miram: „Est adhuc in Bruthenis nostris Sambiensibus Sudorum quidam manipulus (ut reliquam abominationem superstitionum reliquias taceamus) Hirco etiamnum furtim nonnunquam faciens, ac instar olim Samaritanorum una cum vero Deo vana prisca erroris numina tremens etc.“. „Hactenus verba Praefationis“. Слѣдовательно, въ предисловіи къ Агендѣ упоминалось только, а не описывалось жертвоприношеніе козла. О другихъ обрядахъ, сообщенныхъ Іеронимомъ, не было и рѣчи (ut.... taceamus).

²⁶⁾ Mannhardt (въ Ztschrift für Ethnologie 1875, p. 290) дѣлаетъ намекъ на меморіаль: „im Sudauer-Büchlein, einer zwischen 1526—1530 verfassten Denkschrift nimmt die sudauische Braut in des nordwestlichsten Ecke des Samlands von der Feuerstätte des Elternhauses mit der Anrede Abschied: „Oho mey mile swente panike“, d. i. o mein liebes heiliges Feuerlein. У Іеронима читаемъ это слѣдующимъ образомъ: (sie) „führen die braut uum feuer, da spricht sie dann: Ocho moy myle schwante panicke, das ist, o mein liebes heyliges feuerlein. Мангардъ, располагающій многимъ относящимся сюда матеріаломъ, обозначаетъ названіемъ: Sudauer Büchlein и меморіаль, и книжку Іеронима. Такимъ образомъ Іеронимъ, только перепечаталъ меморіаль по копіи, испещренной многими ошибками.

На основаніи представленныхъ духовенствомъ докладовъ, перешедшихъ въ меморіаль, также составлены нѣко-

Казалось бы, что представленные духовенством доклады передавали вѣрныя данныя. Между тѣмъ, послѣ критическаго разбора, оказывается: 1) что каталогъ божествъ сообщаетъ между вѣрными и невѣрными данныя; 2) что описаніе жертвоприношеній и обрядовъ—вѣрно, такъ какъ они въ духѣ литовскихъ вѣрованій, а главнымъ образомъ—они подтверждаются другими источниками. Въ этомъ описаніи находятся свѣдѣнія о жрецахъ, ошибочно названныхъ Иеронимомъ „Signor“. Эти „Signor“ и представляютъ то же самое, какъ мы укажемъ ниже, что и Sicco, упоминаемые въ Vitae S-ti Adalberti.

II.

Убѣдившись въ достовѣрности источниковъ, мы сообщаемъ относящіяся сюда выдержки:

1) *Vita S-ti Adalberti Кананарія*. Sc. R. Pr. I, p. 30.

Ad ultimum pausantibus cunctis, afficit paganicus furor et irruerunt super eos (т. е. на св. Адалберта и товарищей) impetu magno et injecerunt omnes in vincula... Prosilit e turibundo agmine igneus Sicco et totis viribus ingens jaculum movens, transfixit ejus penetralia cordis. Ipse enim sacerdos idolorum et dux conjuratae cohortis velut ex debito prima vulnera facit.

2) *Vita S-ti Adalberti Бруна*. Sc. R. Pr. I, p. 233—4.

Ydolatrae appropinquarunt... requiem hospitem turbant, vincula iniciunt... Ajunt, qui in illo agone fuerunt, nec unum verbum fecisset pallidus episcopus, nisi, quando ligatum ad montis supercilium ducunt, ubi septem lanceis pulira viscera forant, ad illum, ejus tunc lancea debuit primum ictum... hoc unum verbum... Quid vis pater? Dux et magister nefariae cohortis primum igneus Sicco forat penetralia cordis.

3) *Hieronymus Meletius* (sic). Warhafftige beschreybung и пр.

Wie sie den Bock heyligen.

Собравшіеся, совершивъ подъ предводительствомъ жреца жертву, „scheiden zu haus und befehlen sich den Göttern, und thun... dancksagung ihren (sic) Signoren, den sie heysen Wurschkayten mit grosser reverentz und erbietung.

Bardoatays, der schifleus Gott.

...den heissen sie den Gott Bardoatus (sic); gemeiniglich die rechten Preussen und Sudawen und alle die mit jm (sic; ihnen) fischen heiligen den Gott; sie Kochen fisch in den scheunen, und thun sie auff eine reine scheiben, oder stroe, und trincken und essen aus schalen, oder sonst kleinen tieffen schüslen; die stehet jr Signor oder Wurschkayt und teilet die wider ²⁷⁾ (=winde) und saget, wo sie sollen fischen, und an welchem tag; des teuffels gespenet ist viel unter ihnen.

Ist jemandts was gestolen,

Der sucht ein Waydler, es sei ein weyb oder ein man. Dieses thun sowol die deutschen, als die preussen; und den waydler oder zauberer heist man auch ein Signor und halten ihn in grossen ehren, auff d(as) er mit ²⁸⁾ (nit=nicht) aus seinem Krana möcht beybringen, das ihm möcht schaden an vieh oder gesundtheyt; diese Signor sindt gemeiniglich arm, blindt ung lam, können ihnen selbst nicht helffen; wenn man sie fraget, warum sie jnen nicht helfen mögen, ist ihr antwort,

торые параграфы законовъ въ Landesordnung 1526 года. Напр. § 32 говоритъ: Von zauberey und Bockheyligen.—Nachdem Zauberei In unserem Landt und sonderlich das pockheyligen auf Samlandt etwas gemain ist, wollen wir allen unseren Amptleuten etc.... bevohlen haben, vleyssig darauf zu sehn, Undt wo Iemants befunden, es sey Man oder weyb, so Zauberey treibt, oder dem Bockheyligen anhengig ist, sol unns angezaigt werden.

²⁷⁾ „Wider“ исправлено въ „winde“ на основаніи Гарткноха, Diss. p. 164: Ad extremum Sigonota consurgens ventos dividebat.

²⁸⁾ Mit въ текстѣ очевидная описка вм. nit.

ihr Gott will es also haben mit ihnen. Dieser *Signor* ruffet an des Himels Gott Ockopirnum und den Gott der erden Puschkaytus und vermanet sie, dass sie diesen dieb nicht müssen über die grentz komen lassen.

III.

По выше приведеннымъ источникамъ Sisso въ X и XI вѣкахъ былъ жрецомъ, на обязанности котораго лежало наносить плѣннымъ первые удары (*ex debito prima vulnrea facere*). Цѣль убійства могла быть различна: или принесеніе въ жертву богамъ ²⁹⁾, или узнаніе воли боговъ по истеченію крови убиваемыхъ. Въ такихъ случаяхъ онъ, стоя во главѣ собранныхъ лицъ, былъ въ самомъ дѣлѣ ихъ предводителемъ, „*dux*“, какъ читается въ источникахъ.

Съ потерей самостоятельности, Пруссія отъ своего имени не вела войнъ, слѣдовательно и плѣнныхъ не было, такъ что само собою прекратилась обязанность нанесенія имъ смертельныхъ ударовъ. Но другія жреческія обязанности остались у этихъ жрецовъ. Подъ ихъ предводительствомъ продолжалъ народъ приносить козла въ жертву божествамъ свѣта и урожая; продолжалъ приносить божеству моряковъ и рыбаковъ „*Bardoaitis*“ ³⁰⁾ въ жертву рыбу для испрошенія благополучной ловли. Эти жрецы владѣли также искусствомъ успокаивать вѣтры, назначать мѣсто и время, удобное для ловли. Онъ въ случаѣ кражи умѣлъ указать на вора и на мѣсто, гдѣ онъ скрывается. Въ нашемъ источникѣ онъ это дѣлаетъ посредствомъ пѣны на пивѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ гадалъ и посредствомъ другихъ предметовъ.

Помимо долготѣняго оффиціального христіанства, эти жрецы продолжали свое существованіе еще въ теченіе XVI вѣка; въ XVII о нихъ нѣтъ и помину. У народа они пользовались большимъ уваженіемъ; конечно по мѣрѣ исчезновенія языческихъ понятій, положеніе ихъ ухудшилось, такъ что Иеронимъ въ свое время могъ назвать ихъ бѣдными, слѣпыми, хромыми.

У того же Иеронима читаемъ, что эти жрецы также назывались „*Wurschkaayten*“, „*Signor oder Wurschayt*“; *den waidler oder zauberer nennt man auch Signor*“.

Нѣмецкое выраженіе „*Wurschkaayt*“ несомнѣнно произошло отъ латинскаго „*Vurscaitis*“, въ которомъ недостающій латинскому языку звукъ и буква *u* (*sz*) замѣнялась буквами *sc*; читающій произносилъ каждую букву особо; произношеніе же *sch* вмѣсто *s* обыкновенное явленіе у нѣмцевъ. Изъ этого также видно, что Иеронимъ пользовался писаннымъ, а не живымъ словомъ. Буква же *u* (русск. *y*) въ словѣ *Wurschkaayt*, произошла въ главномъ источникѣ (т. е. въ упомянутыхъ докладахъ) отъ глухаго произношенія *i* передъ *r*, такъ что изъ всего сказаннаго выйдетъ основа: *virsz*, а не *vursz*, каковой не существуетъ въ литовской рѣчи. Отъ основы *virsz* образуется *virsz-a-s* верхній и ласкательное *virszaitis* въ этомъ же значеніи; какъ отъ *dėvas*, *dėvaitis*—божокъ.

Въ нѣмеценномъ словѣ *Waidler* — основа *vaid*, отъ корня *vid* = видѣть, вѣдать, знать. Отъ основы *vaid* образуется неупотребляемое *vaida-s* и употребляемое ласкательное: *vaidelis* въ значеніи: вѣдунъ, знахарь. Упомянутый же *Sisso* (мнимый *Signor* Иеронима) составляетъ родъ жреца-знахаря, подходящій подъ общее понятіе *Vaidelis*, который избранъ въ предводители для совершенія жертвъ, принимаетъ названіе: *Virszaitis*, верхній, старшій. Такимъ *Virszaitis*

²⁹⁾ На вопросъ почтеннаго ученаго проф. Антоновича, сдѣланный мнѣ на археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, не былъ-ли Св. Адалбертъ убитъ въ жертву богамъ, я до сихъ поръ положительнаго отвѣта дать не могу. Источники въ этомъ отношеніи не ясны.

³⁰⁾ Съ сочетаніемъ звуковъ *oai* я не встрѣтился въ Литовскомъ языкѣ; по этому форма *Bardoaitis* подлежитъ сомнѣнію. Настоящая форма мнѣ не извѣстна. Гарткнохъ называетъ это божество *Perdoitis*; Иеронимъ *Bardoaitis* и *Gardoaits*. Авторы литовской миеологии считали удобнымъ создать два божества *Bardoaits* и *Gardoaites*.

могъ быть избранъ старшій изъ собранныхъ для совершения жертвъ, но знающій религиозную практику. Объ этомъ свидѣтельствуеъ Иеронимъ: *Erstlich erwählen sie alte menner, die haben sie gross heylig, wie die Bischoff, welche sie nennen Wurschkayten.*

Слово „Sicco“ ³¹⁾ уже Гарткнохъ сопоставляетъ со словомъ Sigonota, облегчивъ себѣ задачу переменной Sicco въ Siggo. Прэторіусъ ³²⁾, современникъ Гарткноха, старается объяснить значеніе сообщеніемъ: „Zygenotten sind die Waidulutten gewesen, die beym Kriwe auffgewaltet und von ihm hin und wieder verschicket worden als Legaten mit einer Krywule: welche auch die Einwohner zur Zusammenkunft nach Romove berufen; führen den Namen von zigas, Ordnung. Wenn zwei oder drei gleich bediente ihre Verrichtung Einer nach dem Auderen vollführen müssen, fragen sie gemeiniglich: Keno zigas, an wen ist die Ordnung? Und werden nur Zeit diejenigen, so die Leute zusammenzurufen haben, in Nadraven Zygonei, Zygonottai genant“.

Прэторіусъ, повидимому, кромѣ послѣдняго предложенія, выдумалъ себѣ это объясненіе, съ цѣлью этимологическаго вывода Zygenotten отъ zigas—Ordnung.

Названіе жреца читается въ слѣдующихъ формахъ: Sicco (Конапарій), Sikko (Брунъ), Signor вмѣсто Signot (Малецкій), Sigonota (Гарткнохъ и всѣ прусскіе историки), Zygenotten (Прэторіусъ).

Намъ остается доказать, что всѣ приведенныя названія обозначаютъ одинъ и тотъ же родъ жрецовъ, и что всѣ названія даже происходятъ отъ одного корня.

По свидѣтельству Конапарія и Бруно, Sicco было названіемъ жреца въ тѣхъ окрестностяхъ, въ которыхъ былъ убитъ св. Адальбертъ. Эту часть прусской земли занимали въ это время не смѣшанные Самбиты; слѣдовательно Sicco форма самбійскаго нарѣчья.

Иеронимъ въ XVI вѣкѣ употребляетъ слово Signor для обозначенія жреца въ этой же самбійской землѣ; если еще окажется, что Sicco и мнимый Signor производятся отъ одного корня, то тождество жрецовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому что трудно допустить, чтобы отъ одного корня у одного народа образовались названія жрецовъ разнаго значенія.

Форма Signor вмѣсто Signot (=Sigonota у Гарткноха, Zygenotten у Прэторія) принадлежитъ къ многимъ ошибкамъ, находящимся въ копіи меморіала, которой пользовался Иеронимъ. И Вайссель, Геннебергъ, Шицъ (Schütz) постоянно пишутъ Sigonoten. Наконецъ, Гарткнохъ, описывая способъ гаданія, чтобы открыть вора, называетъ гадателя Sigonota, котораго Иеронимъ, описывая то же самое, называетъ Signor.

Такимъ образомъ ясно, что всѣми упомянутыми формами обозначается одинъ и тотъ же жрецъ.

Наше доказательство подтверждается также этимологическимъ выводомъ. Сравнивъ всѣ формы, мы находимъ, въ нихъ корень: Sic=Sik, Sig, Zyg=Zig.

1) Въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ нѣтъ буквы для звука *жс*, (*ž*): звукъ же *з* передается въ нѣмецкомъ посредствомъ *s*, по латыни иногда *z*. Въ случаѣ надобности эти звуки выражаются по латыни обыкновенно посредствомъ *s*, напр., Samagitia=Žamajtia (ia—лат. окончаніе); Sempatis=Žempatis; у нѣмцевъ передается прусское žirne, зерно, žiarn въ формѣ: syrne; они пишутъ sirgis вм. žirgis, жеребенокъ, žrebre; same вм. žame=земля, žiemia; sema вм. žema, зима, žima; sinnat вм. žinat, знать, znać; smunents вм. žmunents, человекъ, ср. литовское žmogus, plur. žmones, люди, ludzie и т. п. Слѣдовательно, Sigonota, вм. Zigonota. Поэтому и Прэторіусъ, хорошій знатокъ литовскаго, а именно нарѣчія Надровитовъ и Самбитовъ, знавшій и польскій языкъ, а слѣдовательно и его произношеніе звуковъ, пишетъ: Zygonotten, Zygonei.

³¹⁾ Hantknoch l. l. p. 150.

³²⁾ Preussische Schaubühne ed. Pierson. Berlin. 1871, p. 41.

2) Въ прусско-литовскомъ языкѣ существуетъ звукъ средній между *g* и *k*, такъ что иногда мы находимъ слова, написанныя черезъ *z* и *k* и пр.: *sneko*, исправленное Прэторіемъ ³³⁾ въ *snegas*, снѣгъ, *śnieg*; *sneko* и *snaugis* ³⁴⁾ = снѣгъ. И на это Прэторій обратилъ ³⁵⁾ вниманіе, говоря: „*doch ist zu mercken, dass der preussen G übereinkombt einigermassen mit polnisch G und wird hart ausgesprochen, also dass es einem gelinden K ähnlich sei; а въ другомъ мѣстѣ: das erste G ist gleich dem deutschen, das zweite G... ist härter.*“

На основаніи приведеннаго мы въ упомянутыхъ названіяхъ жреца возстановляемъ общелитовскій корень *zig*, главное значеніе котораго: *шагать*, ходить. Отъ этого корня образуется множество литовскихъ словъ, напр.: *žigis*, шагъ; *žingiu* и *žengiu*, шагать, *schreiten*, *gehen*, *schritt gehen*; *zig-unas*, посланникъ, *bote* и пр., которыя приводитъ Nesselmann, Wörterbuch etc., p. 548 и др. Отъ того же корня происходитъ самбійское „Sisso“, собственно *Žigo*; отъ основы *zig* образуется неупотребляемое *zig-a-s*, какъ отъ корня *serg*, сторожить: *sarg-a-s*, сторожь. Затѣмъ окончаніе *as* переходитъ въ литовскомъ и прусскомъ въ *o*, напр.: *Jagaišas* = *Jagaišo*; *Mingaišas* = *Mingajšo*; прусское *Matejkas* = *Matejko*; судавское (ятвяжское) *Scumandas* = *Scumando*. Такимъ образомъ *Žigas* переходитъ въ самбійское *Žigo*. Другой суффиксъ — *unas*, — *onas*; слѣдовательно, отъ *zig* = *žigunas*, *zigonas*, посланникъ, *bote*, собственно: шагающій. Отъ *žigunas*, *žigonas* образуется посредствомъ суффикса — *ūtas* — *otas*: *žigonūtas*, *žigonotas*: умѣющій шагать = посыльный, какъ отъ *vaidelis*: *vaidelūtas*, *vaidelota*. Формы *žigonai*, *žigonotai* были въ употребленіи у Надровитовъ (Praetorius) и Ятвяговъ (Малецкій, Гарткнохъ).

Такимъ образомъ *Žigo*, *Žigonūtas* этимологически значить: шагающій, а въ нашихъ источникахъ обозначаетъ жреца, ходящаго по селамъ, куда онъ отправлялся или посланный кѣмъ-нибудь, или приглашенный, или по собственной волѣ для совершенія языческихъ обрядовъ, жертвъ или гаданія, сообразно съ желаніемъ жителей. Если случайно такого жреца-гадателя не было, то жители избирали изъ своей среды предводителя, который, исправляя тогда должность жреца, назывался *Virszaitis*. Жрецъ, кажется, назывался „шагающимъ“ для отличія отъ жрецовъ, постоянно жившихъ въ одномъ мѣстѣ, какими были, напр., *Vaidelei*, поддерживавшіе вѣчный огонь (*szventa ugnele*) въ священныхъ мѣстахъ гаданія, прорицалищахъ, называемыхъ *Žinicze* на Литвѣ и Жмуди, а *Romove* въ Пруссіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литвы.

³³⁾ L. I. p. 126.

³⁴⁾ Nesselman, Thesaurus linguae prus. s. v.

³⁵⁾ Preuss. Schaub. p. 21.

Крымскія шертныя грамоты XVI—XVII в., хранящіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д.

Р. Р. Лашкова.

Исторія взаимныхъ отношеній Московскаго государства и Крымскаго ханства, не смотря на отсутствіе въ нашей исторической литературѣ спеціальнаго изслѣдованія по этому вопросу, довольно извѣстна. Для знакомства съ нею, мы располагаемъ такими цѣнными трудами — каковы труды почтенныхъ нашихъ историковъ: Карамзина и Соловьева, въ которыхъ эти отношенія изучены по первоисточникамъ, по такъ назыв. „Крымскимъ дѣламъ“, образующимъ цѣлые томы „книгъ“ и „столбцовъ“ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д. Но, если исторія внѣшнихъ сношеній Москвы и Крыма въ общемъ извѣстна, то нельзя сказать, чтобы она была изслѣдована въ своихъ подробностяхъ, которыя могутъ быть открыты, при появленіи на свѣтъ всѣхъ памятниковъ, сохранившихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ отъ времени этихъ сношеній. Строго говоря, большинство такихъ памятниковъ лежитъ еще подъ спудомъ и ожидаетъ лишь появленія на свѣтъ.

Между прочимъ остаются мало извѣстными, или даже совершенно неизвѣстными такіе документы, которые въ оффиціальномъ отношеніи считаются главнѣйшими.

Указывая на это, мы имѣемъ въ виду особую серію подобнаго рода памятниковъ, извѣстныхъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ подъ именемъ „Крымскихъ шертныхъ грамотъ“ и остающихся пока неизданными. Они заключаются въ особыхъ трехъ картонахъ (портфеляхъ), составленныхъ въ 1800 году бывшимъ директоромъ Архива „переводчикомъ“ А. О. Малиновскимъ. Занявшись въ концѣ прошлаго столѣтія спеціально „Крымскими дѣлами“, Малиновскій выдѣлилъ болѣе 70 документовъ въ особую группу и составилъ имъ особый реестръ ¹⁾. Для этого онъ частью списалъ копии съ современныхъ переводовъ шертныхъ грамотъ крымскихъ хановъ, записей ихъ пословъ и нѣкоторыхъ другихъ документовъ, воспользовавшись для этого 82 „книгами дѣламъ Крымскаго Двора“, — частью выдѣлилъ „столбцы“ съ подлинными современными переводами указанныхъ документовъ изъ „Крымскихъ дѣлъ“ 1579—1700 г. Эти копии и столбцы вмѣстѣ съ нѣсколькими подлинными грамотами хановъ на татарскомъ языкѣ и со-

¹⁾ Въ Архивѣ извѣстенъ подъ № 77 и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Реестръ шертнымъ записямъ Крымскихъ хановъ, записямъ пословъ ихъ и другимъ постановленіямъ съ крымскими татарами бывшими“.

ставляютъ нынѣ содержаніе портфелей Малиновскаго. Собственно крымскихъ шерстныхъ грамотъ оказывается въ собраніи Малиновскаго только *тридцать три* экземпляра, обнимающіе время съ 1474 по 1684 г. Остальные тридцать семь документовъ составляютъ записи крымскихъ пословъ (въ числѣ 24 экземпляровъ), грамоты московскихъ государей (въ числѣ 11 экз.) и нѣкоторые другіе документы (напр., имянной списокъ лицъ, шертовавшихъ вмѣстѣ съ Сеадеть-Гиреемъ въ 1524 году и шерстная запись калги (наслѣдника крымскаго престола) Исламъ-Гирея 1638 г.).

Изъ числа указанныхъ тридцати трехъ шерстныхъ грамотъ обнародовано покуда только *восемь*. Именно, въ V т. записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей напечатаны грамоты Менгли-Гирея, Мегметъ-Гирея и Сеадеть-Гирея за время съ 1474 г. по 1530 г. Въ послѣднее время грамоты Менгли-Гирея вновь изданы Г. О. Карповымъ въ числѣ другихъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымской и Ногайской ордами и Турціей съ 1474 г. по 1505 г.“ въ 41 т. Сборника Русскаго Историческаго Общества. Что же касается остальныхъ грамотъ XVI и XVII в., начиная грамотой Исламъ-Гирея 1535 года, то онѣ извѣстны лишь по тѣмъ выпискамъ, которыя заключаются въ трудахъ Карамзина и Соловьева, хотя, само собою разумѣется, *выписки* вообще не могутъ замѣнить собою *документа*, не говоря уже о томъ, что эти выписки не обнимаютъ всѣхъ имѣющихся на лицо грамотъ. Правда, много памятниковъ дипломатическихъ сношеній на татарскомъ языкѣ обнародовано В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ его „Матеріалахъ для исторіи Крымскаго ханства“. Но дѣло въ томъ, что, во 1-хъ, многія изъ шерстныхъ грамотъ, собранныхъ Малиновскимъ, не вошли въ означенные „Матеріалы“; во 2-хъ, изданіе В. В. Вельяминова - Зернова доступно для ориенталистовъ, которые одни въ состояніи разабраться въ чтеніи памятниковъ, при отсутствіи въ „Матеріалахъ“ параллельнаго текста современныхъ переводовъ этихъ грамотъ ²⁾).

Вотъ почему изданіе „крымскихъ шерстныхъ грамотъ“ — на русскомъ языкѣ является, по нашему мнѣнію, дѣломъ, не лишеннымъ значенія, тѣмъ болѣе, что подобное изданіе, пополнивъ пробѣлъ, существующій въ обнародованныхъ памятникахъ, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на взаимныя отношенія Московскаго государства и Крымскаго ханства въ XVI и XVII в.в.

Имѣя въ виду издать документы, собранные Малиновскимъ, въ томъ числѣ и шерстныя грамоты, въ „Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи“, въ настоящемъ сообщеніи мы сдѣлаемъ лишь краткое историческое обозрѣніе тѣхъ грамотъ, которыя будутъ нами изданы, начиная съ 1535 г. (грамотой Исламъ - Гирея), и укажемъ значеніе ихъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Московскаго государства и Крымскаго ханства.

Предварительно скажемъ нѣсколько словъ по поводу внѣшней стороны подлежащихъ нашему разсмотрѣнію грамотъ.

Грамоты эти называются шерстными отъ арабскаго слова „шертъ“, означающаго „условіе“, „договоръ“, и съ этой точки зрѣнія ихъ можно назвать вообще договорными. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, они должны быть названы „клятвенными“, какъ говорится объ этомъ въ грамотѣ Джаныбекъ-Гирея 1615 г.: „а я великій государь тебѣ брату своему *клянуся* Единымъ Богомъ сотворителемъ нашимъ и законодавшею намъ пророкомъ Махаметемъ и утвержденною нашею законою прямою книгою кураномъ, на которой книгѣ я великій государь для твоей братственной дружбы и любви *шерть* учинилъ на томъ“... ³⁾), или какъ говорится въ грамотѣ Инайеть-Гирея 1636 г.: „и по сей шерстной грамотѣ съ вами братомъ нашимъ учинились въ крѣпкой въ братственной въ дружбѣ... и правду дали, и на великомъ куранѣ *шерть* учинили“. Можно думать,

²⁾ См. предисловіе В. В. Вельяминова-Зернова къ его „Матеріаламъ для исторіи Крымскаго ханства“.

³⁾ Далѣе слѣдуетъ изложеніе условій шерты.

что слово „шэртъ“, въ значеніи „договора“ преобразовалось въ „шерть“, въ смыслѣ „клятвы“, „присяги“, подѣ вліяніемъ древнерусскаго обычая подкрѣпленія договора цѣлованіемъ креста. Первые московскіе государи, заключавшіе договоры съ крымскими ханами цѣловали крестъ въ подтвержденіе договора; въ грамотѣ Іоанна IV, данной имъ 9 марта 1564 г., читаемъ: „а цѣловали есми крестъ на сей записи предѣ своимъ отцомъ и богомольцомъ Афанасіемъ, митрополитомъ всеа Русіи и предѣ своимъ богомольцомъ великого Новгорода и Пскова архіепископомъ Пименомъ и предо всѣми бояры и предѣ брата своего посломъ Янболдуемъ“. Хотя послѣдующіе государи считали для себя неумѣстнымъ цѣловать татарамъ крестъ ⁴⁾, однако требовали, чтобы ханы приносили шерть по установленной формѣ, т. е. клятвой и цѣлованіемъ священной своей книги курана.

Для бѣльшаго обезпеченія договора требовалась шерть не только отъ хана, но и отъ „карачѣевъ“, т. е., представителей „пяти честныхъ родовъ Крымскихъ: Ширинскихъ, Куликовыхъ, Мансурскихъ, Аргинскихъ и Сулешевыхъ“, составлявшихъ, какъ извѣстно, могущественную крымскую аристократію, ограничивавшую самодержавіе хана. Такую шерть потребовалъ, напр., Алексѣй Михайловичъ въ 1670, а въ 1681 г. вмѣстѣ съ ханомъ принесла такую шерть и крымская знать, поручившаяся такимъ образомъ за соблюденіе договора, заключеннаго тогда съ Московскимъ правительствомъ. Шерть приносилась ханами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и карачѣями, обыкновенно въ Бахчисараѣ предѣ специально отправленными, для полученія шертной грамоты, послами, которые, съ своей стороны, вручали хану царскую грамоту.

Въ большинствѣ случаевъ, разъ въ Бахчисарай пріѣзжали послы, для врученія царской договорной грамоты и для полученія ханской, шертованіе обыкновенно этимъ и оканчивалось. Дѣло въ томъ, что этому обмѣну грамотъ предшествовала сложная процедура переговоровъ, сопровождавшихся взаимными недоразумѣніями, объясненіями по поводу ихъ, новыми затрудненіями, въ связи съ которыми происходило притѣсненіе пословъ, въ особенности русскихъ, томившихся въ Кыркорѣ и Мангунъ-Кале, и т. д., покуда наконецъ, дѣло не улаживалось къ взаимному согласію. Между Москвой и Бахчисараемъ то и дѣло, что разъѣзжали гонцы и послы—напр., сначала съ извѣстіемъ о прибытіи какого нибудь посла для переговоровъ, затѣмъ пріѣзжало посольство съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ, далѣе новое съ утвержденіемъ даннаго предложенія и т. д., а въ промежутокъ между ними отправлялись наскоро гонцы. Когда же приходилось давать шертную грамоту, то, помимо предварительныхъ переговоровъ и ссылокъ между гонцами и послами, отъ времени которыхъ сохранилась такая масса дѣлъ бывшаго „Крымскаго Двора“, происходили еще своего рода прелиминаріи на посольскихъ сѣздахъ. Эти сѣзды собирались сначала въ Москвѣ, затѣмъ съ конца XVI в.—въ Ливнахъ, съ 1629 г.—въ Валуйкахъ, или близъ Валукъ: „у рѣки Ураевы“, наконецъ, съ 1681 г. подѣ Переволочною, хотя намъ извѣстенъ случай посольскаго сѣзда въ самой Москвѣ въ 1670 г., когда шли переговоры крымскихъ пословъ съ самимъ начальникомъ посольскаго приказа—Ордынъ-Нащокинымъ.

Главную роль на этихъ сѣздахъ играла знатная фамилія беевъ Сулешевыхъ (или Яшлавскихъ), завѣдывавшихъ въ ханской дипломатіи русскими дѣлами и опредѣлявшихъ въ окончательной формѣ предстоящій договоръ. Выдаваясь изъ среды другихъ бейскихъ фамилій своимъ умомъ, энергіей, тактомъ, Сулешевы не могли остаться равнодушными въ дѣлѣ сношеній Крыма съ Москвой и приняли въ немъ активное участіе. Въ концѣ концовъ это участіе выразилось въ сочувствіи интересамъ Москвы, но въ такой благовидной и направленной къ пользѣ ханства формѣ, что никто не ставилъ имъ этого въ вину, хотя, какъ свидѣтельствуемъ жившій въ Крыму въ 1692—1695 г. московскій гонецъ подъячій Айтемиревъ, со словъ Аштемиръ-бей Яшлав-

⁴⁾ Исторія государства Россійскаго, Карамзина, т. XI, 29 стр. (изданіе 1824 г.).
труды 8-го археол. сѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

скаго (Сулешева): „они Сулешевы отъ басурманъ въ подозрѣніи, и говорятъ, будто они имѣютъ съ московскимъ государствомъ письменные пересылки“⁵⁾. Понимая невыгоду непріязненныхъ отношеній Москвы для Крыма, Сулешевы, пользуясь вліяніемъ на хана и его приближенныхъ и довѣріемъ Москвы, сумѣли такъ поставить дѣло, что переговоры на посольскомъ съѣздѣ поручались имъ, гдѣ они и являлись дѣйствующимъ лицомъ, выдавая въ концѣ концовъ шертную отъ себя записку за хана и „весь Крымскій юртъ“ въ томъ, что условія, выработанныя на этомъ съѣздѣ, будутъ приняты въ Крыму и подтверждены шертной грамотой хана. Такимъ образомъ шертныя записки Сулешевыхъ, служили какъ бы прелиминаріями къ заключенію шертной грамоты, а сами Сулешевы нерѣдко играли роль посредниковъ между Крымомъ и Москвой. По крайней мѣрѣ, московское правительство отправляло „большого посла“ въ Крымъ съ „докончальною“ грамотой только послѣ выдачи кѣмъ либо изъ Сулешевыхъ (обыкновенно старшимъ въ родѣ, беемъ, т. е. княземъ) шертной записки. Вотъ почему каждая изъ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію грамотъ сопровождается предварительною шертною запискою кого-либо изъ Сулешевыхъ. Такъ, въ 1593 и 1614 г. далъ шертную записку Ахметъ паша Сулешевъ, въ 1623—1624 г. Ибрагимъ паша, въ 1629 и 1635 гг. Алѣй князь Сулешевъ, въ 1640—1642 г. Джантемиръ князь, въ 1647—Курамша мурза Сулешевъ, въ 1648 и 1656—Маметша князь, а въ 1681—1683 гг. Велиша князь Сулешевъ. Бывали конечно и исключенія; такъ, въ 1670 г. на указанномъ выше съѣздѣ въ Москвѣ Сулешевыхъ замѣнилъ Сеферъ-Гази, вліятельный ага при ханѣ Адиль-Гирѣѣ. Во всякомъ случаѣ шертныя грамоты крымскихъ хановъ сопровождалась предварительными шертными записками крымскихъ пословъ, главнымъ образомъ Сулешевыхъ, получавшихъ за это даже особые подарки изъ Москвы.

Переходя къ разсмотрѣнію крымскихъ шертныхъ грамотъ со стороны внутренняго ихъ содержанія, мы видимъ, что онѣ давались въ обезпеченіе тѣхъ условій, того договора, какой принималъ „ханъ, и калга, и нурадынъ, и царевичи, и карачѣи, и князи, и аги, и мурзы, и всего крымскаго юрта люди“⁶⁾, по отношенію къ московскому государству. Въ чемъ же заключались эти условія? Въ общемъ они — одни и тѣ же, и нѣкоторыя изъ нихъ повторяются въ каждой грамотѣ съ утомительною однообразностью въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Таковы: во 1-хъ, обязательство относительно сохраненія *дружбы*, которое повторяется во всѣхъ грамотахъ въ такой формѣ: „кто намъ... Гирѣву цареву величеству *другъ*, тотъ и брату нашему великому государю царю и великому князю... *другъ*, а кто намъ... Гирѣву цареву величеству *недругъ*, тотъ и брату моему недругъ. А кто брату моему великому государю царю и великому князю... *другъ*, тотъ и мнѣ великому государю... Гирѣву цареву величеству *другъ*“ и т. д. Во 2-хъ, обязательство о *прекращеніи враждебныхъ дѣйствій* и дальнѣйшаго *сохраненія мира*: „и впередъ намъ великому государю... Гирѣву цареву величеству, и братьямъ нашимъ, и дѣтямъ царевичемъ, и племянникамъ, и карачѣемъ... (идеть перечень, см. выше) на ваше брата нашего великаго государя царя и великаго князя..., всея Русіи и многихъ государствъ государя и обладателя на государство *войною не ходити* и городовъ твоихъ и земель не воевати. Такъ же тебѣ брату нашему царю и великому князю..... нашего Крымскаго юрта *улусовъ не воевати*, и въ улусѣхъ пришедъ не стояти“. Далѣе идетъ въ связи съ этимъ новое условіе: „А будетъ кто изъ нашихъ воинскихъ людей въ твоего брата нашего государства котораго *нибудъ горо-*

⁵⁾ Любопытно было бы сопоставить съ этимъ хранящееся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, въ числѣ другихъ крымскихъ дѣлъ, дѣло № 18, 1686 г. 10-го мая: „Предложеніе бывшаго въ Москвѣ крымскаго гонца Утемиръ-мурзы Сулешева, сообщать тайно въ посольскій приказъ всякія вѣдомости и дѣла при Крымскомъ ханѣ происходяція“. („Рестръ II Крымскаго Двора старыхъ лѣтъ дѣламъ въ столпахъ содержащимся съ 1579—1700 г.“, Бантышъ-Каменскаго).

⁶⁾ Нерѣдко въ грамотахъ къ этому перечню прибавлялось еще: „и Дивѣва родства улусные люди, и Казыева улуса люди и всѣ Нагайскіе наши люди“.

довъ и людей повоюють, и намъ великому государю тѣмъ своимъ людемъ наказанье учинить, а взятой полонъ и животы сыскавъ *отдати* вамъ брату безъ окупу“. То же самое должно сдѣлать и московское правительство относительно виновныхъ и возвращенія „безъ окупу полона и животовъ“. И въ 3-хъ, таково же условіе относительно *свободнаго пропуска пословъ, гонцовъ и торговыхъ людей*: „А какъ наши послы и гонцы и торговые люди отъ насъ великаго государя... Гирѣва царева величества куды нибудь посланы будутъ, а пойдутъ чрезъ твои брата нашего великаго государя государства, и до васъ брата нашего дойдутъ, и вамъ брату нашему *пословъ нашихъ и гонцовъ и торговыхъ людей* пропустити потому жъ *безъ пошлины и безо всякаго задержанія*, какъ и твои брата нашего *послы и гонцы и торговые люди* къ намъ великому государю посланы будутъ, или пойдутъ чрезъ наше государство, и ихъ пропустити *безъ пошлины и безо всякіе тѣсноты и задержанія*“.

Указанныя обязательства, имѣвшія силу болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, проходятъ чрезъ все грамоты и придаютъ имъ характеръ шаблонности. Этотъ характеръ приобретаетъ особенную рѣзкость въ грамотахъ XVI в., вслѣдствіе постояннаго и одинаковаго напоминанія московскимъ царямъ о присылкѣ „подарковъ“ и „жалованья“, которые съ 1633 г. требовались уже по опредѣленной, такъ назыв. „Джанбекъ-Гирѣвой“ росписи, а съ 1638 г. по новой „Богатырь-Гирѣвой“, съ прибавкою, противъ прежней, новыхъ подарковъ для шестерыхъ ханскихъ сыновей, трехъ дочерей и одиннадцати приближенныхъ хана. И вотъ въ грамотахъ, выданныхъ послѣ составленія этихъ росписей, мы читаемъ: „а брату нашему великому государю царю и великому князю... намъ... Гирѣю царю, и братьѣ нашей калгѣ, и нурадыну, и царицамъ, и царевичамъ поминки, а къ ближнимъ нашимъ людемъ свое государево жалованье присылати по Богатырь-Гирѣвы цареви росписи сполна“.

Постоянныя запрашиванія „поминковъ“ и „жалованья“, въ связи съ шаблонными обязательствами, дѣлаютъ съ одной стороны шертныя грамоты результатомъ торга, происходившаго между Крымомъ и Москвой: послѣдняя платитъ слѣдующая „дачи“ рухлядью или деньгами, первый выдаетъ грамоту: о дружбѣ, союзѣ, невоенаніи земель, пропускѣ пословъ и т. д.; грамота нарушается, начинается новый торгъ. Дѣйствительно, московское правительство уплачивало не только слѣдующее по росписи, но, отправляя посла для предварительныхъ переговоровъ, должно было посылать съ нимъ еще „легкіе поминки“ хану и задаривать его приближенныхъ; наконецъ нужно было давать подарки и своимъ посредникамъ Сулешевымъ. По одной „Джанбекъ-Гирѣвой росписи“ полагалось уплатить рухлядью: т. е. шубами, мѣхами, сукнами, „рыбимъ зубомъ“, и деньгами, по сдѣланной въ Москвѣ въ 1633 году расцѣнкѣ, болѣе чѣмъ на 8700 рублей; если же прибавимъ къ этому другія неофициальныя „дачи“, то получимъ крупную сумму около 9—10 т. рублей. Конечно, не каждый годъ отправлялась изъ Москвы „крымская кладъ“; изъ-за присылки этой „клади“ и происходили тѣ недоразумѣнія между Москвой и Крымомъ, о которыхъ говорятъ намъ шертныя грамоты и „дѣла Крымскаго двора“. Но, такъ или иначе, денежная сторона въ дѣлѣ шертванія конечно играла немаловажную роль. И неудивительно, при тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между Крымомъ, какъ наслѣдіемъ Золотой Орды, преобразовавшимся подъ протекторатомъ грозной Турціи въ царство Гиреевъ, и Москвой, исподволь двигавшейся въ степь, по направленію къ южному морю, и все болѣе и болѣе усиливавшейся въ борьбѣ съ степнымъ сосѣдомъ за обладаніе югомъ, — матеріальная сторона поневолѣ должна была играть первенствующую роль въ ихъ сношеніяхъ. При такихъ отношеніяхъ, когда между двумя сторонами происходитъ естественная борьба за существованіе, каждая старается извлечь для себя какъ можно болѣе выгодъ, если не въ будущемъ, то въ настоящемъ. Не о своихъ ли выгодахъ хлопотали въ Москвѣ англичане, нѣмцы,

поляки? Если Крымъ прельщался въ сношеніяхъ съ Москвой денежной стороною, то это происходило не только потому, что деньги — наглядное выраженіе выгоды одинаково въ глазахъ азіатцевъ, какъ и европейцевъ, но и по весьма простой причинѣ: въ Крыму нуждались въ деньгахъ; для содержанія громаднаго крымскаго юрта, занявшаго степи отъ Дона до устьевъ Дуная, производительность маленькаго крымскаго полуострова и содержаніе стадъ въ степяхъ были недостаточны; вотъ почему крымское правительство, часто нуждавшееся въ деньгахъ, поступалось нерѣдко будущимъ, чтобы получить что-нибудь въ настоящемъ, и охотно принимало деньги. Но вопросъ въ томъ, достигали ли онѣ цѣли, удерживали ли деньги Крымъ въ предѣлахъ договора? Нѣтъ: мы видимъ, что данная Крымомъ шерть дѣйствительна лишь на время, чѣмъ и объясняется множество сохранившихся шертныхъ грамотъ отъ времени сношеній Москвы съ Крымомъ; въ нашемъ распоряженіи, въ періодъ времени отъ 1535 г. по 1684 г., т. е. за 150 лѣтъ, имѣемъ двадцать пять такихъ грамотъ. Нарушалась ли она собственно потому, чтобы получить новую плату? Бывали такіе случаи, когда Москва задерживала слѣдующее Крыму „подарки“, и когда, вмѣсто московскихъ „денегъ“, появлялось на сцену польское „золото“. Но дѣло въ томъ, что какъ эти, такъ и другіе подобные случаи зависѣли отъ причинъ болѣе важныхъ, чѣмъ можетъ это показаться съ перваго раза. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что шерть нарушалась подъ воздѣйствіемъ причинъ болѣе существенныхъ, чѣмъ неполученіе изъ Москвы денегъ или наддача на аукціонѣ; что эти причины, какъ увидимъ ниже, принимались въ расчетъ ханской дипломатіей и составляли основаніе извѣстной политической системы; что при кажущейся путаницѣ и безурядицѣ политическихъ понятій, Крымъ понималъ истинное свое положеніе и сообразно этому понималъ дѣло, изворачиваясь въ затруднительныхъ для него обстоятельствахъ и извлекая изъ даннаго положенія вещей возможные для себя выгоды.

Поэтому, если, съ одной стороны, шертные грамоты крымскихъ хановъ представляются намъ какъ результатъ торговли ⁷⁾ и, вслѣдствіе этого, кажутся шаблонными, то, съ другой стороны, въ нихъ нельзя не видѣть историческаго смысла, мотивовъ, выработанныхъ предшествовавшимъ ходомъ обстоятельствъ, и исторической необходимости ихъ. Съ этой точки зрѣнія каждая изъ грамотъ служитъ знаменателемъ тѣхъ отношеній, которыя существовали между крымскимъ ханствомъ и московскимъ государствомъ, результатомъ ихъ исторіи, и потому эти грамоты теряютъ свое однообразіе и приобрѣтаютъ интересъ въ исторіи.

Но обратимся лучше всего къ разсмотрѣнію каждой изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи грамотъ въ связи съ историческими событіями, сопровождавшими ихъ появленіе, чтобы видѣть смыслъ и значеніе ихъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Москвы и Крыма.

Послѣ отреченія отъ крымскаго престола Сеадеть - Гирея въ 1532 г., начались усобицы между двумя претендентами на ханство, Исламомъ и Сахибомъ ⁸⁾. Завладѣвъ престоломъ, Исламъ оказался въ такомъ же критическомъ положеніи, въ какомъ былъ въ началѣ своего правленія Менгли-Гирей, благодаря которому послѣдній долженъ былъ заключить союзъ съ Москвой. Опасаясь Сахиба и Порты, Исламъ, чтобы не увеличивать числа своихъ враговъ присоединеніемъ къ нимъ Москвы, а, наоборотъ, имѣть въ послѣдней какую-нибудь опору, пересылается съ Московскимъ правительствомъ ⁹⁾, извѣщаетъ его даже о ходѣ борьбы съ своимъ противникомъ — Сахибомъ ¹⁰⁾, и въ 1535 году даетъ шерть московскому царю. Грамота была дана по указанной выше формѣ, т. е. съ взаимными обязательствами: быть „въ любви и дружбѣ“, не воевать и

⁷⁾ Исторія Россіи Соловьева, IX т., 85 стр. (изд. 1859 г.).

⁸⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. VI, 24 стр. (изд. 1856 г.).

⁹⁾ Исторія госуд. Россійск. Карамзина, т. VIII, 25—26, 37 стр. и 31 прим. (изд. 1819 г.).

¹⁰⁾ „Дѣла крымскаго Двора“ въ „книгахъ“, кн. № 8, 3—56, 95, 173, 208 стр. („Реестръ Бантышъ-Каменскаго“).

не грабить украинских земель и т. д., но съ тою особенностью, что непремѣннымъ условіемъ договора ставится оборонительный и наступательный союзъ противъ общихъ недруговъ: „Ахматовыхъ дѣтей и польскаго короля“, при чемъ достойно примѣчанія, что изложеніе этого условія занимаетъ почти всю *первую* половину грамоты. И дѣйствительно, если „Ахматовы дѣти“ были опасны для крымскаго хана, то, съ другой стороны, польскій король велъ войну съ Москвой. Въ этихъ видахъ Исламъ, имѣя въ виду заручиться, если не дѣйствительною помощью Москвы, то, по крайней мѣрѣ, выражаясь современнымъ языкомъ, ея нейтралитетомъ, выдаетъ шертную грамоту, въ которой ни слова не говоритъ о поминкахъ, а только о мирѣ и согласіи.

Въ 1537 г. Исламъ погибъ въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ Сахибомъ, и послѣдній возстановилъ единоедержавіе. При немъ отношенія къ Крыму обострились съ перваго раза. Москва, утвердивъ свое вліяніе въ Казани, рѣшилась совершенно парализовать тамъ вліяніе единовѣрнаго Крыма и готова была даже покончить съ нею ¹¹⁾. Сахибъ, заботившійся не только о внѣшнемъ значеніи своего юрта, но даже объ его внутреннемъ благосостояніи, о развитіи въ Крыму осѣдлости и связанныхъ съ нею интересовъ, что засвидѣтельствовано многими документами, уцѣлѣвшими въ мѣстныхъ архивахъ отъ времени 14-го его правленія ¹²⁾, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ происходившихъ событій и, по возможности, удерживалъ Москву отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Казани ¹²⁾. Поэтому Москвѣ нужно было усыпить вниманіе врага, задобрить и подарками расположить его на свою сторону. Но въ дѣйствительности не одни „поминки“, а скорѣе опасеніе союза Москвы съ „Ахматовыми дѣтьми“ и польскимъ королемъ и полная, вслѣдствіе этого, невозможность мѣшать Москвѣ въ утвержденіи ея власти въ Казани, привели къ тому, что Сахибъ въ 1539 г. принесъ шертъ предъ посланникомъ Иваномъ Федцовымъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и его предшественникъ; данная имъ грамота составляетъ копію Исламъ Гирѣевой 1535 г.

Но устоялъ ли Сахибъ на данномъ словѣ? Нѣтъ, потому что, помимо невозможности удержать отъ набѣговъ беспокойныхъ ногайцевъ и своевольную крымскую знать, Сахибъ не могъ равнодушно видѣть, какъ Казань постепенно переходила во власть Москвы и, слѣдовательно, подходилъ конецъ существованію одного татарскаго царства.

Начались враждебныя дѣйствія, пріобрѣвшія особенно острый характеръ въ теченіе 26-тилѣтняго правленія преемника Сахиба, хищнаго Девлетъ - Гирея, отъ времени котораго мы не имѣемъ шертной грамоты. Да и не о мирѣ съ Крымомъ думало московское правительство послѣ покоренія Казани и Астрахани. Москва обнаружила замыслы на самый Крымъ, и съ этою цѣлью, какъ извѣстно, былъ предпринятъ рядъ походовъ, на которые Крымъ, съ своей стороны, отвѣтилъ набѣгами и опустошеніемъ русскихъ земель. Когда еще Іоаннъ, вмѣсто Крыма, обратилъ вниманіе на Ливонію, — вопросъ объ огражденіи государства со стороны Девлета выступилъ съ новой силою. И вотъ, въ октябрѣ 1562 г., былъ отпущенъ въ Крымъ крымскій гонецъ Янъ Магметъ съ грамотой отъ царя къ Девлетъ - Гирею о забытіи обоюдныхъ несогласій ¹³⁾. Хотя подарки и склоняли на миръ жаднаго Девлета, однако Крыму и связанной съ нимъ Турціи не легко было забыть потерю единовѣрной Казани и Астрахани. Тутъ-то явилось на выручку польское золото, одержавшее верхъ надъ московскими подарками потому, что какъ объ-

¹¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, VI т., 30 стр., Исторія госуд. Россійскаго Карамзина, т. VIII, 33 стр.

¹²⁾ Въ дѣлахъ о дворянствѣ мурзъ (въ Архивѣ Таврическаго Дворянскаго Собранія) сохраняются ярлыки Сахиба на пожалованіе земли. Кромѣ того, въ казы - эскерскихъ дефтеряхъ, хранящихся въ архивѣ Таврич. Губерн. Правленія, встрѣчаются судейскія рѣшенія (одинъ изъ переводовъ такого рѣшенія 1612 г. см. въ № 10 „Извѣстій“ Таврической Ученой Архив. Коммисіи, 74 стр.) съ указаніемъ на раздачу Сахибомъ „земель для поселенія татарскому народу“. То же самое заявили въ Крымской коммисіи 1802 г. депутаты отъ татаръ-поселянъ.

¹²⁾ Исторія Россіи, Соловьева, VI т., стр. 33—34.

¹³⁾ „Дѣла Крымскаго Двора“ въ „книгахъ“; кн. № 10, 1 л. („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго)

ясняли на совѣтѣ крымскіе вельможи: „помириться тебѣ (т. е. хану) съ московскимъ значить короля выдать: московскій короля извоюетъ, *Кіевъ возьметъ, станетъ по Днѣпру города ставить, и намъ отъ него не пробыть* ¹⁴⁾. Взялъ онъ два юрта бусурманскихъ, взялъ нѣмцевъ; теперъ онъ тебѣ подарки даетъ, чтобы короля извовать, а когда короля извоюетъ, то нашему юрту отъ него не пробыть“. Хотя вельможи и преувеличивали опасность, однако вѣрно опредѣлили тогдашнюю политику крымскаго двора по отношенію къ Москвѣ, состоявшую въ томъ, чтобы не допускать усиленія Москвы на счетъ Польши и въ то же время держать послѣднюю въ своихъ рукахъ. Если въ 1567 г. Девлетъ-Гирей разорилъ часть польскихъ владѣній и, такимъ образомъ, напомнилъ о себѣ Польшѣ, то все-таки съ Москвой не заключалъ мира, а русскаго посла Нагого, который успѣлъ выхлопотать шертную грамоту, держалъ въ Крыму и не отпускалъ въ Москву. Для заключенія формальнаго мира и выдачи въ томъ шертной грамоты, ханъ требовалъ возвращенія Казани и Астрахани и подкрѣплялъ свои требованія извѣстными въ исторіи опустошительными набѣгами на Москву и интригами въ Казани, между тѣмъ какъ въ кампанію, предпринятую султаномъ Селимомъ въ 1569 г. для соединенія каналомъ Дона съ Волгою; ханъ не желалъ помогать Портѣ, опасаясь утвержденія турецкаго владычества по сосѣдству съ Крымомъ ¹⁵⁾.

Такимъ образомъ, не столько безпокойный характеръ Девлетъ - Гирея, сколько историческія обстоятельства, послужившія причиной образованія извѣстной политической системы, которою руководствовалось крымское правительство, были причиною того, что Крымъ не далъ шерти при Девлетъ-Гирей, и, слѣдовательно, былъ въ явной враждѣ съ Москвой ¹⁶⁾.

Отъ времени послѣдующихъ двухъ преемниковъ Девлетъ-Гирея: Мегмета Жирнаго (1577—1584) и Ислама I (1584—1588) мы не имѣемъ шертной грамоты по тѣмъ же причинамъ, по которымъ нельзя было ожидать таковой отъ Девлета. Къ прежнимъ затрудненіямъ присоединились новыя: на Теркѣ появился русскій городокъ, и слѣдовательно, по выраженію Девлета, Москва „неслась къ Крыму въ сосѣди“ ¹⁷⁾, а донскіе и запорожскіе казаки стали тревожить крымскіе улусы ¹⁸⁾. Вотъ почему Мегметъ-Гирей, хотя завелъ обычныя сношенія и получилъ даже дары, посланные Москвой, полагавшей пріобрѣсти этимъ помощь противъ Стефана Баторія, однако продолжалъ настаивать на возвращеніи Астрахани, въ силу даннаго Іоанномъ IV обѣщанія, и кромѣ того требовалъ, чтобы казаки были бы „сведены съ Днѣпра и Дона“ ¹⁹⁾. При такихъ условіяхъ мира не могло быть; впрочемъ, особенной энергіи въ своихъ отношеніяхъ къ Москвѣ не проявилъ Мегметъ Жирный: ханъ посылалъ лишь загоны на юго-восточныя области Россіи. При Исламѣ повторилась прежняя исторія предварительныхъ переговоровъ, окончившаяся тѣмъ же результатомъ.

Дѣятельный Гази-Гирей (1588—1608), обнаружилъ болѣе активное участіе въ московскихъ дѣлахъ, чѣмъ два его предшественника, хотя и не въ такой рѣзкой формѣ, какъ Девлетъ. Не лишенный высшихъ государственныхъ соображеній, будучи въ курсѣ политическихъ событій, происходившихъ въ сосѣднихъ странахъ, Гази-Гирей выработалъ себѣ такую политику по отношенію къ Москвѣ, которая обнаруживала въ немъ не только ясное пониманіе даннаго положенія, но и извѣстную политическую дальнзоркость. Хотя суверенная Турція и продолжала возиться съ старымъ вопросомъ о возвращеніи Астрахани, тѣмъ не менѣе не нашла въ Гази-

¹⁴⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. VI, 289 стр.

¹⁵⁾ Исторія Россіи, Соловьева, VI, 291—294 стр.

¹⁶⁾ Ibid., 294—302 и 390 стр.

¹⁷⁾ Ibid., 289 стр.

¹⁸⁾ Исторія госуд. Росс. Карамзина, т. IX, 212 стр. (изд. 1821 г.).

¹⁹⁾ Ibid., 280.

Гирей помощника. Помимо сомнѣнія въ успѣхѣ этого дѣла, оно и не входило въ его планы, — Гази-Гирей вовсе не былъ расположенъ усиливать могущество той Порты, верховенствомъ которой онъ тяготился. Вотъ почему, посылая въ Москву гонца Моллу съ извѣстіемъ о вступленіи своемъ на престоль, онъ вмѣсто требованія невозможнаго, т. е., Астрахани, даетъ знать объ удержаніи султана отъ похода на Астрахань ²⁰⁾. Въ отвѣтъ на это, Москва, занятая вопросомъ о польскомъ престолѣ, отправила пословъ для заключенія договора съ новымъ ханомъ. Покуда происходили ссылки съ Москвой, у которой Гази просилъ денегъ на построеніе города, ханъ устремилъ силы на Польшу, успѣвшую сдѣлаться опасною при Стефанѣ Баторіи ²¹⁾. Но, пока шли ссылки о шерти и подаркахъ, Москва вошла въ переговоры о союзѣ христіанскихъ государей для изгнанія изъ Европы невѣрныхъ ²²⁾. Эти переговоры, „помѣшки, чинимыя казаками на Теркѣ“, набѣги донцовъ на Азовъ заставили Гази, недаромъ называвшагося „Бора“, т. е. „Буря“, напомнить Москвѣ времена Девлета. Но какъ извѣстно, походъ 1591 оказался неудачнымъ. Хотя въ слѣдующемъ году татары вознаградили себя нападеніемъ на рязанскія, каширскія и тульскія земли, однако неудача похода 1591 г., турецкая кампанія въ Венгрію, въ которой долженъ былъ принять участіе и Крымъ, ссора Гази съ своими родичами, Селяметъ-Гиреемъ и Мегметъ-Гиреемъ ²³⁾, неугомонность казаковъ, мстившихъ Крыму за набѣги на Москву, наконецъ, построеніе русскихъ городовъ въ степи — всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что переговоры о мирѣ пошли удачнѣе. Мало того, отношенія Гази къ Оттоманской Портѣ, истощавшей въ свою пользу лишь силы ханства, заставили перемѣнить отношенія къ Москвѣ. Въ маѣ 1593 г. Гази посылаетъ Ямгурчей Аталыка съ грамотой о желаніи заключить съ московскимъ царемъ *вѣчный* миръ, но съ тѣмъ, чтобы казаки были бы „сведены съ Терка“ и прислано было бы 300 т. новгородокъ „на городской харчъ“, такъ какъ, продолжаетъ Гази, „нынѣ съ своею со мною ратью пошли есмя войною на *вашего* и на *своего недруга* на Литовскаго короля землю“, при чемъ объясняетъ, „что какъ есми вышелъ былъ въ походъ, и въ тѣ поры приходили ко мнѣ изъ Литвы и изъ Нѣмецъ послы, а давали мнѣ съ году на годъ по тридцати тысячъ золотыхъ, чтобы мнѣ быти съ ними въ дружбѣ; и язъ имъ отвѣтилъ, что многого крестьянства съ государемъ-братомъ нашимъ съ тобою съ Федоромъ Ивановичемъ слово у насъ есть“. Это была оффиціальная грамота о желаніи заключить миръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ же Ямгурчеемъ было послано слѣдующее тайное предложеніе: прислать на „городовой харчъ“ 30 т. рублей, чтобы построить на Кошкинѣ перевозѣ, на Днѣпрѣ, городъ и перевести „всѣ улусы Крымскіе къ Днѣпру и отъ турскаго прямо отстать“. Дальнѣйшія условія такъ формулированы въ отвѣтной грамотѣ Феодора Іоанновича: „а ты братъ нашъ хочешь быти съ нами на вѣки въ братствѣ, и въ дружбѣ и въ миру, и юрть крымской съ московскимъ государствомъ хочешь *соединачить*, и на всякого недруга учнешь съ нами стояти за одинъ; а для правды и вѣры хочешь къ намъ отпустить сына своего Тохтамышъ-Гирѣя царевича, да отъ большихъ родовъ Арасланая Дивѣева (Мансурова) и отъ Ширинскаго роду, и отъ Сулешева, и отъ Куликова и ото всѣхъ родовъ по человѣку пришлешь и *будеши съ нами въ вѣчномъ миру*“. Московское правительство охотно согласилось помочь Крыму — отступить отъ Турціи, послало съ княземъ Щербатымъ-Оболенскимъ деньги и платье на 17 т. рублей, обѣщало послать еще денегъ и людей „съ огненнымъ боемъ“, и даже самому построить на Донцѣ два города, чтобы вмѣстѣ отбиваться отъ турокъ ²⁴⁾. Конечно, нелегко было Крыму выполнить грандіозный проектъ

²⁰⁾ „Дѣла Крымскаго Двора“ въ „книгахъ“, кн. № 17, 71—117 л. („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго).

²¹⁾ Исторія госуд. Россійскаго, Карамзина, т. X, 106 стр. (изд. 1824).

²²⁾ Ibid., 103 стр.

²³⁾ Крымское ханство, В. Смирнова, т. I, 457 стр.

²⁴⁾ Грамота октября 1593 г. Феодора Іоанновича, № 28 (Арх. М. И. Д.).

своего хана: Крымскій улусъ остался на прежнемъ мѣстѣ и только развѣ самостоятельнѣе сталъ по отношенію къ своему сюзерену. Тѣмъ не менѣе Крымъ „крѣпкую руту и шертъ учинилъ на томъ, что съ великимъ государемъ царемъ и вел. кн. Ѳеодоромъ Ивановичемъ быти по сей шертной грамотѣ *на вѣки* отъ дѣтей на внучата безо всякого мнѣнія“. Эта грамота дана по формѣ, т. е. съ тѣми обязательствами, содержаніе которыхъ нами было приведено выше, при указаніи общаго характера шертныхъ грамотъ. Но не для одной формы заключена была эта шертъ; она нужна была и сохраняла свою силу по причинамъ, болѣе существеннымъ, чѣмъ полученіе изъ Москвы денегъ: въ 1595 г. московскій гонецъ Вельяминовъ извѣщалъ крымскаго хана о томъ, что европейскіе государи совѣтуютъ московскому государю принять участіе въ общемъ союзѣ противъ невѣрныхъ и съ этою цѣлью начать враждебныя дѣйствія противъ Крыма, но что государь отказался отъ этого участія ²⁵⁾. Съ другой стороны, смѣлость казаковъ доходила до того, что ханъ рассчитывалъ ихъ унять только при помощи московскаго правительства; послѣднее же то и дѣлало, что раздвигало предѣлы государства, по направленію къ югу, построеніемъ крѣпостей на окраинѣ, и такимъ образомъ устраивало для Крыма ту „ограду“, про которую ханъ жаловался въ 1602 г. русскому послу князю Волконскому въ такихъ выраженіяхъ: „не видимъ ли вашего умысла, столь недружелюбнаго? *Вы хотите задушить насъ въ оградѣ*“ ²⁶⁾. Всѣ эти обстоятельства заставляли Гази поддерживать мирныя отношенія къ Москвѣ и въ 1602 г. дать предъ упомянутымъ Волконскимъ и дьякомъ Огарковымъ новую шертную грамоту на основаніи прежде бывшихъ постановленій.

Смута, ослабившая Русь, дала другое направленіе отношеніямъ, установившимся, благодаря политикѣ Гази-Гирея, тѣмъ болѣе, что послѣ кратковременнаго правленія Селяметъ-Гирея, занятаго домашней войной съ братьями ²⁷⁾, ханомъ сдѣлался Джанбекъ - Гирей, сумѣвшій воспользоваться для своихъ выгодъ затруднительнымъ положеніемъ новаго московскаго правительства. Бояться наступательнаго движенія Москвы на Крымъ Джанбекъ-Гирею нечего было: силы государства были истощены, а поляки и шведы вели вдобавокъ войну съ нимъ. Поэтому, принявъ подарки, посланные Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для заключенія договора и союза противъ поляковъ, ханъ въ іюнѣ 1615 года поклялся въ вѣчной дружбѣ, но въ шертной грамотѣ начинаетъ прямо съ обязательства присылать ему „по десять тысячъ рублей денегъ и большіе поминки и запросы“ и на эту тему ведетъ рѣчь до конца, обмолвившись лишь общимъ выраженіемъ: „и на чемъ карачѣй нашъ Ахметъ паша шертовалъ (6 августа 1614 г. въ Ливнахъ предъ княземъ Ромодановскимъ), и я на своей той шерти стою“. А шертъ Ахметъ паши состояла въ томъ, чтобы государю Джанбекъ - Гирею „на украины не приходити и убытковъ государевѣ землѣ не дѣлати“, а кто „пойдетъ войною на государевы украины, того казнити, а полонъ весь сыскавъ отдавати государевымъ посломъ“; въ заключеніе Ахмета паша Сулешевъ даетъ обѣщаніе отъ себя и „всего своего родства, будучи въ Крымѣ, великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу *хотѣти добра во всемъ*, и государя своего Джанбекъ - Гирея царя, и калгу, и нурадына, и царевичей, и князей, и мурзъ *на всякое добро наводитъ*“. Такимъ образомъ грамота 1615 года имѣла цѣлью за одно обѣщаніе дружбы обязать лишь московское правительство ежегодною данью. Москва, желая обезопасить себя, по крайней мѣрѣ, со стороны Крыма, дѣйствительно посылала подарки и просила за это оказать помощь въ борьбѣ съ Польшей. Ханъ только обѣщаль, и хотя въ 1621 году дѣйствительно совершилъ походъ на Польшу, но—по приказанію султана Османа II ²⁸⁾.

²⁵⁾ „Дѣла Крымскаго Двора“ въ „книгахъ“; книга № 20, 300 л. („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго).

²⁶⁾ „Исторія Госуд. Росс.“, Карамзина, т. XI, 28 стр.

²⁷⁾ Крымское ханство В. Смирнова, 472.

²⁸⁾ Крымское ханство, Смирнова, 480 стр.

Мегметъ III (1623 — 1627 г.), получивъ подарки изъ Москвы, далъ 8 сентября 1623 года предъ посланниками Дашковымъ и Волковымъ шертную грамоту по всей формѣ—съ нужными обязательствами для сохраненія взаимнаго мира. При этомъ достойно замѣчанія, что эта грамота не содержитъ въ себѣ даже упоминанія о поминкахъ: видно ханъ довольствовался тѣмъ, что Москва посылала ему въ подарокъ.

Сдѣлавшись во второй разъ ханомъ, Джанбекъ продолжалъ прежнюю политику; не имѣя возможности дѣлать набѣговъ на самую Москву, онъ ограничивался „законами“, которые производили нурадынь съ другими царевичами и крымская знать, и въ то же время бралъ, что возможно: и „легкіе поминки“, и „жалованье“, и „подарки“: рухлядью, деньгами и т. д.,—однимъ словомъ; считалъ Москву своимъ обязательнымъ плательщикомъ. Тѣмъ не менѣе, когда въ 1629 году казаки вошли въ самое сердце Крыма и разорили г. Карасу и Мангупъ²⁹⁾, когда враги Крыма Азаматъ мурза и Алей мурза нашли пріютъ въ Астрахани, когда Москва начала непосредственно сносятся съ Турціей³⁰⁾, а изъ Крыма надо было отправить пословъ въ Швецію чрезъ московское государство³¹⁾, ханъ 2 апрѣля 1630 года даетъ шерть предъ Кологривовымъ и Дуровымъ и, помимо обычныхъ условій, обязывается уже прямо „польскому Жигимонту королю ни въ чемъ не помогати“. Правда, Польшѣ не было оказано помощи; мало того, въ началѣ второй польской войны въ 1632 году ханъ даже собрался было въ походъ на помощь Михаилу Ѳеодоровичу, но, какъ извѣщалъ крымскій гонецъ, султанъ приказалъ ему вернуться назадъ³²⁾. За то загоны на московскія украины не прекращались, подъ предлогомъ неполной присылки подарковъ. Въ тяжелую годину осады Смоленска Москва готова была большой цѣной купить бозопасность свой южной окраины. И вотъ Джанбекъ вновь клянется на куранѣ 17 декабря 1633 г. и выдаетъ полную обѣщаній грамоту, а рядомъ съ ней мы видимъ и цѣль этой грамоты — „Переводъ съ царевой росписи (поминкамъ), по которой договоръ чинили царевы ближніе люди Маметша ага съ товарищи съ Тимофѣемъ Анисимовымъ да съ подъячимъ съ Колистратомъ Акинѣевымъ 142, декабра въ 17 день“. Эта роспись легла въ основу той обязательной дани, которую требовали послѣдующіе крымскіе ханы съ той или другой прибавкой и послужила важнымъ прецедентомъ въ исторіи будущихъ сношеній Крыма съ Москвой.

Несмотря на то, что Москва, въ силу заключеннаго договора, должна была посылать въ Крымъ ежегодную дань, однако новый ханъ Инайеть-Гирей, имѣя въ виду удержать Москву отъ сношеній съ Турціей, а также унять донскихъ казаковъ³³⁾, шертуетъ въ іюлѣ 1636 года предъ послами Зловидовымъ и Углевымъ въ сохраненіи дружбы по прежнимъ условіямъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы жалованье и подарки присылались по Джанбекъ-Гиреевой росписи.

Взятіе казаками Азова 18 іюля 1637 г. было другимъ поворотнымъ событіемъ въ исторіи крымско-московскихъ отношеній. Московское государство стало приближаться къ Крыму, и неофициальнымъ выраженіемъ подобнаго наступательнаго движенія было взятіе Азова. Крымъ почувалъ бѣду и долженъ былъ стать на сторожѣ, усыплять врага обѣщаніями и въ то же время извлекать для себя нужную пользу, сообразуясь съ тѣми или другими обстоятельствами. На первыхъ порахъ нужно было уладить отношенія къ Москвѣ, возбужденной взятіемъ Азова и отвѣтнымъ за это вторженіемъ крымцевъ въ ея предѣлы, тѣмъ болѣе, что Крымъ сталъ готовиться вмѣстѣ съ Турціей къ походу для возвращенія Азова³⁴⁾. Шертная грамота, данная

²⁹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. IX, 282 стр. (изд. 1859 г.).

³⁰⁾ Дѣло № 20, 7 сент. 1635 г.: „По челобитью толмача Полщикова, посланнаго въ 1630 г. съ крымскими послами въ Швецію и о придачѣ за оную службу жалованья“ (Арх. М. И. Д.).

³¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. IX, 211, 273, 281 и др. стр. (изд. 1859 г.).

³²⁾ Дѣло № 21, 26 сент. 1632 г.: „Пріѣздъ въ Москву крымскаго гонца Араслана Аги“ (Арх. М. И. Д.).

³³⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. IX 290—291 стр.

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

въ сентябрѣ 1638 г. преемникомъ Ислама Багатырь-Гиреемъ предъ посланникомъ Остафьевымъ и Кузовлевымъ, объясняетъ сначала причину набѣговъ на Русь, „что будто донскіе казаки Азовъ взяли съ брата нашего (т. е. московскаго царя) вѣдома и помочь будто братъ нашъ на Азовъ чинилъ ратными людьми, а онъ де братъ нашъ къ казакамъ помочи не посылавалъ“. Далѣе, желая быть въ мирѣ, ханъ соглашается „не спрашивать и не досадовать про Азовъ“, но съ тѣмъ, чтобы присылались поминки и жалованье по установленной росписи съ прибавкою новыхъ подарковъ для новыхъ двадцати человекъ, за что онъ обѣщаетъ не только сохранять дружбу, не допускать набѣговъ на предѣлы, но „и по султанъ Муратова веленію на украины войною не ходити и воинскихъ людей и никою не посылать“. Данную шерть Багатырь не считалъ нужнымъ нарушать и, жадный къ деньгамъ ограничился вымогательствомъ денегъ, заставивъ русскихъ пословъ Остафьева и Кузовлева дать 76 кабальныхъ записей³⁵⁾. Чтобы получить по этимъ кабаламъ деньги, а также связать московское правительство обязательствомъ не оказывать помощи казакамъ, Багатырь выдалъ 15 августа 1640 года новую шертную грамоту, въ которой, кромѣ требованія денегъ и уплаты по кабаламъ, говоритъ: „и вамъ бы брату нашему на своемъ словѣ и правдѣ стояти крѣпко и въ Азовъ помочи не чинити и пороху и свинцу и запасовъ не посылати“.

Грамота слѣдующаго хана Мегмета IV, взятая въ сентябрѣ 1642 г. Чубаровымъ и Байбаковымъ, по своему содержанию почти ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ договорныхъ грамотъ. Кромѣ извѣстныхъ обязательствъ, вновь дается обѣщаніе не воевать украинскихъ городовъ, не смотря даже на приказаніе султана, но въ свою очередь ханъ обязываетъ Москву унять казаковъ и присылать поминки уже по „Багатырь-Гирѣевой“ росписи. Видно, что оставленіе казаками Азова и укрѣпленіе его вновь турками давало возможность Мегмету поддерживать требованіе Багатырь-Гирея и просить „двѣ казны“ (т. е. за два года), которыя и были дѣйствительно затребованы прибывшимъ 18-го августа 1642 года на Волуйку крымскимъ гонцомъ, похвалившимся тѣмъ, что „Азовъ приведенъ въ лучшее противъ прежняго состояніе“³⁶⁾. Конечно, слабый ханъ не могъ удержать нѣкоторыхъ хищниковъ отъ набѣга: въ концѣ 1643 г. былъ посланъ Муратша мурза съ извѣстіемъ объ учиненіи ханомъ наказанія виновнымъ за самовольное нападеніе на русскіе предѣлы. Во всякомъ случаѣ шерть была нарушена помимо хана.

Новый царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился отомстить Крыму за его набѣги и послалъ Пожарскаго идти съ ногайцами и черкесами подъ Азовъ; крымцы предупредили и вышли на встрѣчу, но были отражены³⁷⁾. Въ то же время въ Москвѣ вновь возобновились старые переговоры о союзѣ христіанскихъ государей, а казаки по прежнему не унимались³⁸⁾. Преемникъ Мегмета Исламъ III рассчиталъ, что лучше заключить мирный договоръ съ Москвой и получать оттуда деньги, чѣмъ вызывать ее на болѣе рѣшительныя дѣйствія. Въ грамотѣ февраля 1646 г., присланной посланниками Карауловымъ и Акишевымъ, ханъ, обязываясь въ соблюденіи обычныхъ статей, обѣщается „держатъ своихъ подданныхъ въ уйму и ни въ чемъ воли имъ не давать“, фраза, не встрѣчающаяся въ прежнихъ грамотахъ и показывающая, что ханъ рѣшилъ не вооружать противъ себя Москвы. Однако, вмѣсто уплаты всѣхъ „дачъ“ по росписи, въ Крымъ посылались лишь „легкіе поминки“, вслѣдствіе чего нуждавшійся въ деньгахъ Исламъ

³⁴⁾ Исторія Россіи Соловьева, IX т., 295 стр.

³⁵⁾ Дѣло № 29, 17 сентября 1638 г. „Объ отправленіи въ Крымъ станичника Зянгиляева и толмача Наумова“ („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго, Арх. М. И. Д.)

³⁶⁾ Дѣло № 12, августа 18, 1642 г.: „Пріѣздъ на Волуйку, а оттуда въ Москву крымскаго гонца Магомета Ата-лына“ („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго; Арх. М. И. Д.).

³⁷⁾ Исторія Россіи Соловьева, X т., 133 стр. (изд. 1860 г.).

³⁸⁾ Ibid, 134, 135, 143 стр.

притѣснялъ пословъ и требовалъ дачи по „Багатыревой“ росписи. Вотъ почему въ грамотахъ 1647 и 1648 гг. подробнѣе выясняется вопросъ о положеніи пословъ, вопросъ одинаково интересовавшій какъ московское, такъ и крымское правительство. Указывая на то, что „любительные поминки брата нашего имать по Багатырь-Гирѣевѣ царевѣ росписи“, ханъ даетъ слово „на посланникахъ ничего не спрашивать и никотораго безчестья и тѣсноты имъ не чинить“. Далѣе мы читаемъ въ грамотѣ: „а какъ посланники станутъ птичниковъ и арбачѣевъ и вожей отпущать и намъ ихъ не задержавъ отпустить изъ Крыму къ брату нашему безъ задержанья, а посланникомъ остатся въ Крымѣ съ своими людьми, да переводчику, да двумъ толмачамъ и жити имъ въ Крыму безъ всякіе нужы до размѣны, а посланникомъ и переводчику и толмачомъ мнѣ Исламъ Гирею царю и калгѣ и нурадыну царевичамъ кормъ давать и честь къ нимъ держать, какъ бываетъ въ иныхъ государствахъ; а какъ похотятъ къ брату нашему къ великому государю отъ себя послать челоуѣка или дву, и мнѣ Исламъ Гирѣю царю тѣхъ посланныхъ людей до украинного города до Волуйки велѣть проводить“. Наконецъ, опредѣляется число пословъ и гонцовъ и ихъ свиты, которыхъ можно было послать въ Москву, такъ какъ изъ Крыма нерѣдко прїѣзжало одно за другимъ посольство, каждое отъ 30 и нерѣдко до 100 челоуѣкъ. Теперь было опредѣлено: больше трехъ грамотъ не посылать, а съ ними трехъ пословъ и при нихъ 12 челоуѣкъ свиты, гонцовъ—три челоуѣка, съ тремя провожатыми, слѣдовательно всего 21 челоуѣкъ.

Означенный договоръ прибавленіемъ нужной статьи о правахъ пословъ былъ заключенъ „безо всякіе хитрости и лукавства“. Однако историческія обстоятельства прїобрѣли такой ходъ, что Крымъ не только нарушилъ эту клятву, но долженъ былъ нарушить и другія, данныя имъ впослѣдствіи. Начиная малороссійскій вопросъ, вопросъ о томъ, кому должно принадлежать приднѣпровье—Польшѣ или Россіи? Если этотъ вопросъ касался собственно этихъ двухъ государствъ, то онъ не могъ не коснуться и Крыма. И дѣйствительно, ходъ событій до того связалъ Крымъ съ малороссійскимъ дѣломъ, что оно рѣшилось при общемъ участіи Россіи, Польши и Крыма, подразумѣвая подъ послѣднимъ и суверенную Турцію. Вотъ почему въ періодъ малороссійскаго вопроса политика этихъ трехъ государствъ взаимно переплетается между собою, выдвигая на сцену тѣ или другіе интересы, которые каждое изъ нихъ преслѣдовало, сообразно своей исторической роли или даннымъ обстоятельствамъ. Въ чемъ заключались интересы Крыма и какъ они отразились во внѣшней его политикѣ, увидимъ изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія договорныхъ его грамотъ съ Москвой, къ которому мы и приступаемъ.

Въ концѣ того самого 1648 года, когда была заключена послѣдняя шерть съ Крымомъ, прибылъ въ Бахчисарай Богданъ Хмѣльницкій, съ предложеніемъ союза противъ Польши ³⁹⁾. Ханъ охотно согласился принять подъ свое покровительство казаковъ, тѣмъ болѣе, что союзъ съ ними развязывалъ ему руки не только по отношенію къ Польшѣ, но и Россіи. Началась борьба Крыма съ Польшей, при чемъ одновременно съ разореніемъ польскихъ предѣловъ опустошались и русскіе, оставшіеся, благодаря союзу казаковъ съ ханомъ, безъ защиты. Отношенія же къ Москвѣ вслѣдствіе этого обострились: ханъ сталъ требовать прибавки подарковъ и посланки пословъ, въ числѣ не 15 челоуѣкъ, какъ было опредѣлено въ грамотѣ 1647 г., а 28, 30 и даже 35, а вмѣсто копѣекъ присылать ефимки, считая каждый золотой по 106 коп. Московское правительство, имѣя въ виду двусмысленное поведеніе Ислама, покидавшаго казаковъ въ самую рѣшительную минуты борьбы ихъ съ исконнымъ врагомъ, не отказывало въ подаркахъ и даже задаривало приближенныхъ хана, въ надеждѣ возобновить нарушенную шерть. Но Исламъ съ Москвой шерти не возобновилъ, а въ 1651 г. заключилъ союзъ съ Польшей о на-

³⁹⁾ Исторія Россіи Соловьева, X, 220 стр.

падении общими силами на Москву сь тѣмъ, чтобы земли, которыя будутъ завоеваны, отдать Польшѣ, а себѣ взять Казань и Астрахань ⁴⁰⁾.

Мегметъ IV, вторично занявшій крымскій престолъ послѣ смерти въ 1654 г. Исламъ-Гирея, продолжалъ политику своего предшественника, состоявшую въ томъ, чтобы не допускать перевѣса одной стороны надъ другой и извлекать изъ этого свою выгоду. Не смотря на союзъ сь Польшей, новый ханъ соглашается на предложеніе Москвы выдать договорную грамоту, очевидно не желая вооружать противъ себя Россіи и соединившихся теперь сь нею казаковъ и получить деньги, но никакихъ особыхъ обязательствъ не принимаетъ на себя. Извѣщая царя о томъ, что русскіе посланники Лодыженскій и Огарковъ, по вступлении его (хана) на престолъ, били челомъ объ учинении шерти, ханъ въ шертной грамотѣ ноября 1654 г. пишетъ: „и мы... учинимся сь вами братомъ нашимъ въ братцкой дружбѣ и любви на томъ же, на чемъ былъ сь вами братъ нашъ Исламъ Гирѣево цареву величество и вамъ бы нынѣ выслать и впредь намъ присылать большую казну и запросы и поминки“... и т. д. рѣчь ведетъ все о деньгахъ, а вслѣдъ за этимъ обязываетъ царя „подданнымъ своимъ ратнымъ людямъ учинити крѣпной заказъ, которые входятъ изъ вашего государства и изъ городовъ, чтобъ нашего государства моремъ и сухимъ путемъ и великого государя турецкаго султана государства и поморскіе мѣста не вовали“. Наконецъ, обѣщая сь своей стороны не нападать на русскіе предѣлы, ханъ выражается такъ: „и не учиня вамъ вѣдома украиннымъ вашимъ городамъ войны и убытка не будетъ“. Такимъ образомъ ханъ оставлялъ за собою право нарушить договоръ о дружбѣ. На предложеніе, сдѣланное Москвой послѣ заключенія этого договора—оказать помощь въ войнѣ сь Польшей, ханъ такъ отвѣтилъ: когда нужна была помощь Москвы, государь отказалъ, нынѣ же, когда между Польшей и Крымомъ существуетъ договоръ, не можетъ онъ ожидать помощи отъ Крыма ⁴¹⁾, а въ 1656 г. упрекалъ Алексѣя Михайловича зачѣмъ онъ титулуется „самодержцемъ Великой и Малой Россіи“, ибо неизвѣстно моль, „за кѣмъ она будетъ“ ⁴²⁾. Когда же Крымъ успѣлъ снова связать себя сь интересами казацкой старшины, ханъ нѣсколько разъ требовалъ у московскаго правительства, чтобы оно прекратило „непристойныя свои дѣла относительно Польши и казаковъ“, угрожая въ противномъ случаѣ всеобщимъ нападеніемъ на Москву ⁴³⁾.

Однако событія помѣшали оправдаться этой угрозѣ. Лѣвая сторона Днѣпра стояла за Москву, а Польша, несмотря на свой союзъ сь ханомъ, не могла болѣе продолжать борьбы. Крымскій посолъ въ Варшавѣ Маметша мурза извѣщалъ въ 1667 году о согласіи Польши заключить миръ сь Россіей ⁴⁴⁾. Хана Мегмета IV уже болѣе не было на крымскомъ престолѣ: Порта смѣнила его и назначила Адиль-Гирея; такимъ образомъ, кромѣ грамоты 1654 г., данной Мегметомъ по вступлении на престолъ, мы не имѣемъ другой, да и не могло быть, судя по событіямъ того времени.

Польша спѣшила заключеніемъ мира сь Россіей, такъ какъ Дорошенко поддался Турціи и тѣмъ самымъ поднималъ турокъ и татаръ противъ Польши. Тѣмъ не менѣе Адиль - Гирей велѣлъ крымскому послу въ Москвѣ Сеферъ-Агѣ, выпущенному изъ подъ стражи, вести переговоры сь дьяками посольскаго приказа о статьяхъ мира, который, какъ извѣстно, и былъ за-

⁴⁰⁾ Ibid., 293 и 294 стр.

⁴¹⁾ Дѣло № 11, ноября 30—февр. 1655 г. „Пріѣздъ на Тулу, а оттуда на Москву крымскаго гонца Шебана“. („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго; Арх. М. И. Д.).

⁴²⁾ Дѣло № 7, іюня 30, 1658 г. „Пріѣздъ на Тулу, а оттуда въ Москву крымскихъ гонцовъ Маметъ Мурзы“. („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго; Арх. М. И. Д.).

⁴³⁾ Дѣло № 5, 5 мая 1661 г. „Пріѣздъ въ Москву крымскаго гонца Магметъ-Малмедешіи“ (Арх. М. И. Д.).

⁴⁴⁾ Дѣло № 5, іюля 16 и августа 13: „Возвратный изъ Крыма пріѣздъ толмача Понарвина“ („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго; Арх. М. И. Д.).

ключень между Польшей и Россіей въ селѣ Андрусовѣ. Московское правительство старалось всѣми силами включить въ этотъ союзъ и Крымъ и связать его обязательствами, въ виду малороссійскихъ смуть и извѣстнаго постановленія Гадячской рады. Ханъ въ августѣ 1668 г. соглашается на взаимный посольскій съѣздъ для договоровъ близъ Кіева, но вслѣдъ за этимъ онъ въ той же грамотѣ пишетъ: „мы съ прежними своими подданными нашими холопи съ запорожскими казаки соединеніе учинили, и мы для того имъ милость учиня *государство ихъ оберегать* не съ болшими людьми брата своего калгу царевича къ немъ *послали*“. Далѣе онъ предлагаетъ: „отъ казаковъ *бы отступитца*, покамѣсть межъ нами обоими великими государи послами ссылка будетъ и наша дружба подкрѣплена будетъ, потому что съ обоихъ сторонъ ратные люди сходятъ, какова бы зла не учинили; а буде похотите съ нами ханова величества въ братцкой дружбѣ быть, и вамъ бы подданнымъ нашимъ холопомъ черкасомъ *налоги не учинить*, а *буде они излюбя васъ къ вамъ пойдутъ*, и мы тому не *запрещаемъ*“. Затѣмъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за то, „что съ калгою царевичемъ ратные люди учинили“ и проситъ выдать не отпущенную по причинѣ разрыва казну на пять лѣтъ. Наконецъ онъ соглашается на миръ и проситъ отпустить на размѣнное мѣсто въ Валуйки Садынь Чилибѣя и своего посла съ выкупными деньгами за плѣнныхъ, и въ томъ числѣ за боярина Василия Шереметева — 60 т. ефимковъ, послѣ чего и будетъ имъ выдана „докончальная грамота“⁴⁵⁾. 27 апрѣля 1670 года переговоры крымскихъ пословъ: Сеферъ-Аги и Шахтемиръ-Аталыка съ Ордынъ-Нащокинымъ окончились договорной грамотой Алексѣя Михайловича съ Адиль-Гиреемъ, и тогда въ Крымъ были отправлены для взятія шерти Елчинъ и Чернцовъ. Шертъ была принесена въ іюль 1670 года, а посланникамъ была вручена грамота приблизительно въ такой формѣ. Послѣ поздравленія царя, ханъ излагаетъ обстоятельства дѣла и далѣе продолжаетъ: „и про все намъ учинилось вѣдомо, что вы, братъ нашъ, съ нами желаете въ дружбѣ и въ любви на вѣки быть желаете“. Имѣя въ виду „доставить обоихъ юртовъ земскимъ людямъ тишину и покой, войну и ссору и плѣнныхъ въ вказнехъ быть отставили, по сей нашей шертной грамотѣ дружбу и любовь и братство и ссылку крѣпко всегда имѣть будемъ“. Затѣмъ излагаются условія выкупа, дается обѣщаніе „построить избы, гдѣ жить посламъ, не брать пошлинъ съ торговыхъ людей, чинить честь и береженіе посломъ“, не задерживать людей, которыхъ будутъ отпускать отъ себя послы, опредѣляется число (пять) пословъ и грамотъ (три), которыя будутъ посылаться въ Москву и т. д. „Да еще шерть наша на томъ“, продолжаетъ ханъ, „съ Дону и съ Днѣпра на Черное море стругами не выходить и *никакіе на Крымъ войны не вчинять*, какъ намъ вашимъ городамъ и подданнымъ московскаго государства шкоды и убытковъ не чинити, въ сей нашей шертной грамотѣ написано и золотая печать привѣшена при послѣхъ вашихъ на куранѣ шерть учинили и вѣру дали“. Наконецъ ханъ заключаетъ такое условіе: „*а будетъ Черкасская земля намъ Адиль-Гирееву цареву величеству учинится въ подданствѣ и вамъ брату нашему ихъ не воевать и ратныхъ людей войною не посылать. А будетъ вамъ брату нашему учинитца въ подданствѣ и для того намъ войны, ссоры не вчинить, другъ другу недружбы не дѣлать, на куранѣ шерть учинили*“.

Такимъ образомъ ханъ не связывалъ себя относительно Малороссіи и предоставлялъ дѣло дальнѣйшему ходу событій. Что же касается включенія въ тройственный союзъ Польши, о чемъ хлопотало московское правительство, то ханъ отвѣтилъ въ шертной грамотѣ такъ: „а онъ (т. е. польскій король) своему юрту самъ государь, будетъ его королево слово съ нами есть, и мы съ его посломъ договоримся о томъ, съ *вами братомъ нашимъ въ шертной грамотѣ слову быть никако непристойное дѣло*“. Имѣя же въ виду, что грамота выдана безъ шерти Шеринскихъ, Куликовыхъ, Мансурскихъ, Аргинскихъ и Сулешевыхъ, что требовалось договорной гра-

⁴⁵⁾ Грамота Адиль-Гирея августа 1668 г. № 58 (Арх. М. И. Д.).

мотой Алексѣя Михайловича 27 апрѣля 1670 г., можно думать, что Адиль-Гирей обезпечилъ себѣ на всякій случай возможность дѣйствовать самостоятельно въ окончательномъ рѣшеніи малороссійскаго вопроса. Но Адиль-Гирею не суждено было проявить дальнѣйшаго участія въ рѣшеніи этого вопроса, такъ какъ въ 1671 г. онъ былъ смѣненъ не благоволившей къ нему Портой, и вмѣсто него назначенъ Селимъ-Гирей.

Послѣдній, слѣдуя своему предшественнику, выдалъ въ маѣ 1672 г. предъ посланниками: Шишкинымъ и Михайловымъ, шертную грамоту по образцу той, которую написалъ Адиль Гирей, и слѣдовательно предоставлялъ себѣ возможность дѣйствовать также сообразно обстоятельствамъ и въ тоже время получить невысланную за три года казну. Дѣйствительно, въ грамотѣ ничего не говорится о приднѣпровіи, а относительно включенія въ троицвенный союзъ Польши Селимъ-Гирей прямо говоритъ: „а король польской самъ на своемъ государствѣ королевствуетъ и въ пересылкахъ о томъ къ намъ ханову величеству бываетъ, и писать не пристойно, и впредь бы то не помянуть“.

Въ августѣ 1672 г. султанъ Магометъ IV, окончивъ войну съ Венеціанами, устремился на Польшу, съ которой начиналась война, вслѣдствіе подданства Дорошенко; крымскому хану было приказано идти въ союзъ съ послѣднимъ. Нечего и говорить, что шертъ, данная Селимомъ рушилась, чтобы возобновиться, но уже въ новой и, такъ сказать, окончательной формѣ тогда, когда окончился и самый малороссійскій вопросъ.

Какъ извѣстно, война Россіи съ Турціей, начавшаяся изъ за Малороссіи, не только заставила турокъ отказаться отъ Украйны, но и привела въ трепеть мусульманъ, убѣдившихся во очію въ могущество первой. Хана Селима уже не было на престолѣ. Первый гонецъ, прибывшій отъ новаго хана Муратъ-Гирея для переговоровъ о мирѣ, предлагалъ Москвѣ отказаться отъ Малороссіи ⁴⁶⁾. Не получая отвѣта, крымское правительство измѣнило условія и послало новаго гонца съ рѣшительнымъ вопросомъ, желаетъ ли царь мира или нѣтъ? ⁴⁷⁾ Тогда въ Крымъ были отправлены стольникъ Тяпкинъ и дѣякъ Зотовъ. 3 января 1681 г. Муратъ-Гирей, а съ нимъ и представители и „пяти честныхъ родовъ крымскихъ“ поклялись Θεодору Алексѣевичу, уже государю Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, о томъ, что до „двадцати лѣтъ дружбѣ и мирному постановленію твердо быти“, затѣмъ опредѣляется вопросъ о Малороссіи въ такомъ видѣ: „*границы бытъ рѣкъ Днѣпру* договорились, а по сю сторону Днѣпра всеславный святыи Мекки и свѣтлосіяюще Мединскаго Бѣломорскаго и Черноморскаго государя славнѣйшаго и страшнаго побѣдителя Салтанова Величества *быти подѣ властію*“; а Кіевъ „съ принадлежащими къ нему городками разореными, Василковъ, Триполье и Стойки“ отдавался Россіи. Раздѣливъ такимъ образомъ Малороссію на двѣ части, грамота 1681 излагаетъ дальнѣйшія условія договора: о нестроеніи по обѣ стороны границы, т. е. по берегамъ Днѣпра, никакихъ селеній и городовъ, о присылкѣ за три прошлые года казны и обѣ ежегодномъ отправленіи „подарковъ“ по росписямъ, о высылкѣ плѣнныхъ и т. д.

Малороссійскій вопросъ окончился означеннымъ договоромъ въ Бахчисарафѣ. Новымъ царямъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи Іоанну и Петру Муратъ-Гирей выдаетъ 10 августа 1682 года предъ посланниками Мельницкимъ и Мартыновымъ новую грамоту въ подтвержденіе условій, заключенныхъ въ прошломъ году.

Присоединеніе Малороссіи открывало Россіи дорогу въ Крымъ; это ясно понималъ возведенный во второй разъ на ханскій престолъ Селимъ-Гирей. Къ тому же поражение, нанесенное

⁴⁶⁾ Дѣло № 7 17 апрѣля 1679 г. „Пріѣздъ крымскаго гонца Асана-Аги“ („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго; Архивъ М. И. Д.).

⁴⁷⁾ Дѣло № 4, апр. 29—авг. 11, 1680 г.: „Пріѣздъ крымскаго гонца Халиль-Аги съ требованіемъ рѣшительнаго отвѣта о мирѣ“. („Реестръ“ Бантышъ-Каменскаго; Арх. М. И. Д.).

мусульманскому міру подъ стѣнами Вѣны, союзъ христіанскихъ государей противъ невѣрныхъ, возобновившійся въ болѣе ясной и опредѣленной формѣ, при чемъ Россіи предоставлялась возможность нанести ударъ своему вѣковѣчному врагу въ его собственныхъ предѣлахъ, а также необходимость обезпечить денежныя посылки въ Крымъ, заставили хана просить у Іоанна и Петра подтвержденія договора 1681 г., а слѣдовательно—двадцатилѣтняго мира и присылки обычныхъ подарковъ.

Въ этомъ отношеніи шертная грамота Селимъ-Гирея, выданная 8 декабря 1684 года предъ посланниками Протопоповымъ и Парфентьевымъ о подтвержденіи двадцатилѣтняго мира, ничѣмъ не отличается отъ шертной грамоты Муратъ-Гирея 1681 г., которою былъ заключенъ этотъ миръ, и отъ второй его грамоты 1682 г., которая подтвердила этотъ т. н. Бахчисарайскій договоръ.

Но Бахчисарайскій договоръ былъ уже нарушенъ не Крымомъ, а Россіей. Принявъ участіе въ извѣстномъ союзѣ „для изгнанія невѣрныхъ изъ Европы“, Россія направила свои полки въ Крымъ, подъ начальствомъ кн. Голицына, вмѣстѣ съ полками той украины, изъ-за обладанія которой она такъ упорно боролась съ Крымомъ. Хотя походы Голицына и не достигли тѣхъ результатовъ, какіе ожидались, тѣмъ не менѣе они показали, что время задариванія степняковъ, засѣвшихъ на югѣ Россіи и препятствовавшихъ естественному росту государства на югъ, до границъ, указанныхъ самой природой, приближается къ концу.

Съ этой точки зрѣнія грамота 27 февраля 1692 г., посланная съ гонцомъ подъячимъ Айтемиревымъ отъ Іоанна и Петра къ хану Сеадетъ-Гирею, можетъ служить знаменателемъ той политики, которой неуклонно и исподволь слѣдовала Москва въ своемъ освобожденіи отъ оковъ, наложенныхъ Батыевымъ нашествіемъ, и въ своемъ поступательномъ движеніи къ южному морю.

Такимъ образомъ, изъ краткаго историческаго обзора содержанія разсмотрѣнныхъ нами крымскихъ шертныхъ грамотъ (1535—1684 г.) можно видѣть, что наиболѣе характерными въ смыслѣ изученія исторіи внѣшнихъ сношеній Крыма съ Москвой являются: грамота Исламъ-Гирея 1535, напоминающая собою договорныя грамоты Менгли-Гирея; грамота Гази-Гирея 1593, заключившаго вѣчный миръ съ Москвой и дѣйствительно соблюдавшаго этотъ миръ; грамоты Джанбекъ-Гирея 1633 г. и Багатырь-Гирея 1640 г., узаконившія обязательныя „дачи“ Крыму; грамота Адиль-Гирея 1670 г., какъ иллюстрація отношеній Крымскаго ханства къ тому дѣлу, о которомъ въ 1659 г. было сказано въ Крыму русскимъ посламъ такъ: „Вашъ государь хочетъ завладѣть казаками и поляками, а потомъ и Крымомъ“⁴⁸⁾, и наконецъ историческая грамота Муратъ-Гирея 1681 г., какъ результатъ этихъ отношеній.

Что касается бытовыхъ указаній, которыя при всей своей оффиціальности, содержатъ въ себѣ разсмотрѣнныя нами шертныя грамоты, то въ общемъ они не многочисленны. Первое указаніе, какое можно извлечь изъ многихъ грамотъ, состоитъ въ указаніи на составъ Крымскаго юрта изъ пастушеско-родовыхъ частей, напр. „Уракова родства“, „Дивѣева родства“, „Казыева улуса“, связанныхъ между собою болѣе кровными узами и сосѣдствомъ, чѣмъ общностью государственныхъ интересовъ. Вотъ почему, не смотря на внѣшніе атрибуты государственности, Крымъ по справедливости называется въ грамотахъ „юртомъ“. И мы видимъ, что, на ряду съ единовластіемъ великаго государя, Кипчатскія степи крымскаго государства „его ханова величества“, существуетъ власть родовладыкъ, представителей могущественныхъ „пяти родовъ Крымскихъ: Ширинскихъ, Мансуровыхъ, Куликовыхъ, Аргинскихъ и Сулешевыхъ“, которыхъ московское правительство заставляло шертовать въ соблюденіи Крымомъ заключаемаго договора.

⁴⁸⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XI, 68 стр.

Второе указаніе шертныхъ грамотъ и состоитъ въ свидѣтельствѣ того значенія, какое имѣли представители этихъ родовъ, или „карачѣи“, въ общемъ строѣ крымскаго государства ⁴⁹⁾.

Далѣе, грамоты показываютъ, что не взирая на опасность торговаго пути къ Черному морю, русскіе гости стремятся въ богатое Черноморье, туда, куда тянули ихъ прежнія связи „съ Сурожомъ“, при чемъ, какъ видно, Крымъ дорожилъ ихъ появленіемъ и оказывался въ затрудненіи, когда тяжелыя обстоятельства мѣшали русскимъ купцамъ приходить для торговыхъ цѣлей.

Наконецъ грамоты рисуютъ одну черту общественнаго характера крымцевъ, состоящую въ вѣроломномъ образѣ ихъ дѣйствій, направленныхъ къ достиженію выгоды, въ особенности въ дѣлѣ международныхъ сношеній. Конечно, въ этихъ отношеніяхъ, да и не однихъ азіатцевъ, но и европейцевъ, играютъ роль не этическія соображенія, а соображенія личной выгоды и пользы. Но дѣло въ томъ, что для достиженія послѣдней, Крымъ легко нарушалъ данную имъ клятву. Мы не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда клятва нарушалась въ силу необходимости; на ряду съ такими нарушеніями были и такіе случаи, которые не были вызваны крайнею необходимостью. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что легкость нарушенія клятвы, данной при этомъ „невѣрному“, была причиною нарушенія нѣкоторыхъ грамотъ. Въ самомъ дѣлѣ, если жители крымскаго полуострова отличались извѣстною гражданственностью, то многочисленныя орды ногайцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ отъ Дона до устьевъ Дуная: Едисанцевъ, Едичкуловъ, Джамбулоковъ и Буджановъ и составлявшихъ главное ядро Крымскаго юрта, придавали ханству Гиреевъ тотъ воинственный типъ, который отличаетъ низшія общества и который дѣлалъ Крымскій юртъ неразборчивымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а потому и вѣроломнымъ по отношенію къ своему врагу.

⁴⁹⁾ См. нашъ рефератъ въ „Трудахъ VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ“, т. IV. — „Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ“.

Къ вопросу о губернскихъ историческихъ архивахъ.

Ф. Ф. Лашкова.

На учрежденныя въ 1884 г. губернскія ученыя архивныя комиссіи возложена весьма важная и серьезная обязанность—обязанность составленія губернскихъ историческихъ архивовъ. Польза и значеніе такихъ архивовъ очевидны для каждаго, кому только дороги интересы отечественной археографіи. Не говоря о значеніи такихъ архивовъ въ научномъ отношеніи: въ дѣлѣ изученія и разработки отечественной старины и въ особенности—памятниковъ по исторіи провинціального быта обширной Россіи, существованіе губернскихъ историческихъ архивовъ разрѣшаетъ важное практическое затрудненіе, въ которомъ находятся одинаково какъ архивы губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, такъ равно и центральные архивы, куда поступаютъ дѣла изъ первыхъ. Дѣло въ томъ, что даже при существующей системѣ уничтоженія дѣлъ, которая въ обширныхъ размѣрахъ практикуется губернскими и уѣздными учреждениями, все-таки остается, послѣ произведеннаго ими просмотра дѣлъ, много такихъ, которыя приходится сохранять, при чемъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ увеличенія дѣлопроизводства, увеличивается и число оставляемыхъ на храненіе дѣлъ. Этотъ ежегодно увеличивающійся приливъ дѣлъ переполняетъ существующіе архивы, вслѣдствіе чего многія учрежденія поставлены въ необходимость еще въ бо́льшихъ, чѣмъ прежде, размѣрахъ уничтожать дѣла, чтобы очистить мѣсто для новыхъ, болѣе важныхъ въ канцелярскомъ отношеніи. Такимъ образомъ, не говоря о вредѣ такой системы, естественный ростъ архивовъ разныхъ учреждений самъ по себѣ поднимаетъ вопросъ о расширеніи имѣющихся для нихъ въ настоящее время помѣщеній, а въ связи съ существованіемъ архивныхъ комиссій—*вопросъ объ устройствѣ особаго губернскаго историческаго архива*. Съ другой стороны, часть старыхъ дѣлъ, имѣющихъ научное значеніе, можно было перенести въ какой либо центральный архивъ, какъ были, напр., перенесены дѣла упраздненныхъ судебныхъ учреждений до 1800 г. въ Архивъ Министерства Юстиціи. Но, насколько намъ извѣстно, многіе изъ центральныхъ архивовъ являются также переполненными, и слѣдовательно они въ скоромъ времени не въ состояніи будутъ вмѣстить въ себѣ архивнаго матеріала, поступающаго изъ провинціи.

Такъ или иначе, однако вопросъ объ учрежденіи особыхъ губернскихъ историческихъ архивовъ имѣетъ одинаково какъ научное, такъ и практическое значеніе.

Не касаясь вопроса о внутренней организаціи губернскихъ историческихъ архивовъ, вопроса о томъ, чѣмъ должны быть они, какъ устроены, каковъ долженъ быть порядокъ храненія въ нихъ дѣлъ и способъ ихъ описанія и т. д., въ настоящемъ сообщеніи отмѣтимъ лишь тѣ вопросы, которые успѣла выдвинуть практика дѣйствующихъ нынѣ архивныхъ комиссій, съ цѣлью дать тѣ или другія указанія для практическаго разрѣшенія ихъ.

1-е. Начнемъ свои указанія съ тѣхъ отношеній, въ какія поставлены архивныя комиссіи къ

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. II.

губернскимъ и уѣзднымъ учрежденіямъ, а вслѣдствіе этого и губернскіе историческіе архивы къ архивамъ послѣднихъ. Эти отношенія намъ кажутся неопредѣленными и не обезпечивающими историческимъ архивамъ большаго успѣха. Можно смѣло сказать, что архивныя комиссіи существуютъ сами по себѣ, а учрежденія и ихъ архивы, составляющіе *raison d'être* архивныхъ комиссій, сами по себѣ; они не имѣютъ той внутренней связи, которая должна существовать между ними, какъ частями одного цѣлаго. Каждое изъ учреждений въ отношеніи своей архивной части руководствуется спеціально изданными на этотъ счетъ законоположеніемъ и правилами. Но такъ какъ эти правила составлены до учрежденія комиссій, то конечно не касаются ихъ и не опредѣляютъ тѣхъ отношеній, какія собственно должны существовать между архивными комиссіями и учрежденіями. Вотъ почему обѣ эти части являются дѣйствующими раздѣльно и не связаны между собою взаимной помощью.

Указывая на это, мы не думаемъ, чтобы формальная сторона дѣла, такъ сказать, оффиціальная сфера дѣйствій, опредѣляла бы внутреннее ихъ содержаніе, чтобы правила ставили бы дѣло такъ, какъ оно должно быть. Наоборотъ, часто дѣйствительное положеніе вещей опредѣляетъ ту или другую форму оффиціальныхъ отношеній. Такъ и въ разсматриваемомъ нами случаѣ, не смотря на то, что доступъ въ архивъ извѣстнаго учрежденія, по смыслу тѣхъ правилъ, какими долженъ онъ руководствоваться, возможенъ лишь для служащихъ въ немъ чиновниковъ, однако путемъ частнаго соглашенія члены архивной комиссіи получаютъ доступъ. Далѣе, хотя самостоятельныя занятія членовъ архивной комиссіи, по точному смыслу тѣхъ же правилъ, не дозволены въ архивѣ, тѣмъ не менѣе члены комиссіи занимаются и работаютъ въ архивахъ, но опять — въ силу частнаго соглашенія, зависящаго уже отъ личности архиваріуса, какъ извѣстно, отвѣстнаго за цѣлость и порядокъ ввѣреннаго ему архива. Но вопросъ идетъ собственно не о формѣ, какъ равно — и не о томъ, какъ она обходится на практикѣ; разъ комиссіи дѣлаютъ свое дѣло, казалось, нечего и поднимать новыхъ вопросовъ. По нашему мнѣнію, мы не возбуждаемъ новаго вопроса и не предъявляемъ такихъ требованій, которыя бы осложняли дѣло. Мы думаемъ только, что указанная нами неопредѣленность отношеній ставить архивныя комиссіи въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ, такъ часто мѣняющихся по своему характеру и вліянію, и не даетъ имъ вполнѣ обезпеченнаго положенія ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Сегодня взаимное соглашеніе архивной комиссіи и извѣстнаго учрежденія относительно допущенія и занятій въ архивѣ состоялось по тѣмъ или другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, но завтра обстоятельства могутъ перемѣниться, и тогда соглашенія не послѣдуетъ. Поэтому, разъ признано необходимымъ устройство особыхъ губернскихъ историческихъ архивовъ, необходимо теперь же обезпечить архивнымъ комиссіямъ, занимающимся созданиемъ ихъ, свободную и безпрепятственную дѣятельность, независимо отъ случайныхъ условій. А такъ какъ дѣло идетъ объ установленіи легальныхъ отношеній, то необходима и мѣра подобнаго характера, т. е. установленіе опредѣленнаго правила. По нашему мнѣнію, оно могло бы заключаться лишь въ слѣдующемъ дополненіи тѣхъ правилъ, которыя уже обнародованы для губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій: *архивныя комиссіи пользуются правомъ безпрепятственнаго доступа для занятій въ архивахъ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений*, почему послѣдніе должны быть свободны для занятій членовъ комиссіи. Подобное разъясненіе, объявленное надлежащимъ путемъ всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ учрежденіямъ, доставить, по нашему мнѣнію, архивнымъ комиссіямъ опредѣленное, легальное положеніе и связь съ тѣми архивами, внѣ зависимости которыхъ онѣ теряютъ право на свое существованіе.

2-е. Установленіе этой зависимости необходимо еще потому, что этимъ можно устранить важное затрудненіе, встрѣчаемое архивными комиссіями, въ дѣлѣ образованія ими губернскаго историческаго архива. Оно заключается въ томъ, что комиссіямъ предоставлено право отби-

рать въ историческій архивъ лишь тѣ дѣла, которыя онѣ найдутъ нужнымъ хранить изъ числа предназначенныхъ тѣмъ или другимъ учрежденіямъ къ уничтоженію.

Извѣстно, что каждое учрежденіе, на основаніи циркулярныхъ распоряженій 1853 и 1866 гг., назначаетъ въ извѣстные сроки особую комиссію изъ служащихъ въ немъ чиновниковъ, которые и просматриваютъ накопившіяся въ теченіе извѣстнаго срока дѣла, и одни изъ нихъ оставляютъ для храненія въ своемъ архивѣ, а другія предназначаютъ къ уничтоженію. Какъ ни слабъ подобный просмотръ, тѣмъ не менѣе опытъ показываетъ, что гораздо болѣе интересныхъ дѣлъ заключается въ числѣ хранящихся въ архивѣ дѣлъ, чѣмъ тѣхъ, которыя предназначены къ уничтоженію и, вслѣдствіе этого, поступаютъ на разсмотрѣніе архивной комиссіи. Конечно, послѣдняя для того и существуетъ, чтобы спасти отъ гибели дѣла, назначенныя къ изытію изъ того или другого архива, и мы дѣйствительно видимъ, что существующія нынѣ комиссіи успѣли сохранить массу такихъ дѣлъ, которыя иначе погибли бы для науки.

Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что предоставленіемъ архивнымъ комиссіямъ права выдѣлять въ историческій архивъ лишь дѣла изъ числа предназначенныхъ къ уничтоженію нельзя рассчитывать на разрастаніе и увеличеніе историческаго архива какъ въ количественномъ, такъ и качественномъ отношеніи. Не говоря уже о томъ, что этимъ суживается дѣятельность архивныхъ комиссій, самая постановка дѣла пріобрѣтаетъ односторонній характеръ, такъ какъ бѣольшая часть дѣлъ, которыя, по смыслу учрежденія комиссій, должны собственно храниться въ историческихъ архивахъ, нынѣ остаются въ такихъ, гдѣ они лежатъ не только въ безпорядкѣ, но и рискуютъ погибнуть или затеряться.

Естественно возникаетъ поэтому вопросъ: почему не предоставить архивнымъ комиссіямъ права выдѣлять въ историческій архивъ дѣла *изъ числа хранящихся* въ архивахъ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений? Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ громоздить архиву, напр., какого-нибудь губернскаго правленія дѣла, ненужныя для текущаго дѣлопроизводства, но важныя для историческаго архива? Между тѣмъ, чтобы получить изъ этого архива такое дѣло, или цѣлую серію подобныхъ, требуется рядъ ходатайствъ, въ сущности говоря порождающихъ излишнюю переписку и нерѣдко не достигающихъ цѣли, что засвидѣтельствовано уже практикой. Мы полагаемъ, что безъ всякаго ущерба въ канцелярскомъ отношеніи можно было бы теперь же передать въ распоряженіе историческаго архива всѣ дѣла, хранящіяся въ архивахъ разныхъ учреждений, за время до начала 2-й половины нынѣшняго столѣтія, такъ какъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ канцелярскія справки могутъ перейти означенный періодъ, и тогда, конечно, такая справка всего легче можетъ быть произведена въ историческомъ архивѣ, содержащемся въ должномъ порядкѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ.

Такимъ образомъ, на ряду съ разъясненіемъ права архивныхъ комиссій относительно безпрепятственнаго и свободнаго доступа для занятій въ архивахъ разныхъ учреждений, необходимо еще предоставить имъ право—переводить въ историческій архивъ дѣла до начала 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія изъ числа *хранящихся* въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ, *безъ ходатайства* у подлежащаго министерства, по одному постановленію архивной комиссіи.

3-е. Разъ предоставленіемъ означенныхъ правъ расширится дѣятельность архивныхъ комиссій, упрочится ихъ положеніе и получится возможность болѣе успѣшнаго развитія историческаго архива, само собою возникаетъ нѣсколько вопросовъ касательно внѣшней организаціи собственно историческихъ архивовъ.

Первымъ изъ такихъ является вопросъ о признаніи ихъ *официальными учрежденіями*. Въ настоящее время историческіе архивы, подобно создавшимъ ихъ архивнымъ комиссіямъ, находятся въ неопредѣленномъ и невыясненномъ положеніи: они даже болѣе, чѣмъ архивныя комиссіи, официально не признаны и формально не вошли въ составъ другихъ губернскихъ

учреждений. Само собою разумѣется, что съ передачей дѣлъ, хранящихся въ архивахъ разныхъ учреждений, въ историческій архивъ, послѣдній не можетъ оставаться въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи, а долженъ быть признанъ *губернскимъ* учрежденіемъ и, подобно архивнымъ комиссіямъ, приведенъ въ соотношеніе съ остальными учреждениями и состоящими при нихъ архивами. Дѣло въ томъ, что при желательной постановкѣ историческаго архива, послѣдній долженъ будетъ выступить въ самостоятельной роли хранителя разнаго рода справокъ,—въ такомъ случаѣ послѣднія не будутъ имѣть оффиціального значенія, если архивъ, выдающій такія справки, будетъ оставаться лишь придаткомъ не то частнаго, не то оффиціального учрежденія, какимъ является теперь губернская ученая архивная комиссія, благодаря неопредѣленности своихъ правъ и обязанностей.

4-е. Отсюда мы переходимъ къ другому существенному вопросу—объ устройствѣ губернскихъ историческихъ архивовъ, — вопросу, поднятому покойнымъ организаторомъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, Н. В. Калачовымъ, но, къ сожалѣнію, не приведенному еще въ исполненіе. Это вопросъ — о постановкѣ во главѣ губернскаго историческаго архива особаго ученаго архивиста. Доказывать необходимость этого—значитъ повторять то, что давно извѣстно. Мы позволимъ себѣ только указать на то, что расходъ на содержаніе особаго ученаго архивиста въ значительной степени окупится той пользой, какая будетъ принесена этимъ дѣлу изученія родной старины, тѣмъ болѣе, что этотъ расходъ можно значительно сократить предоставленіемъ подобному архивисту права быть въ то же время архивариусомъ при какомъ-либо другомъ правительственномъ учрежденіи и, слѣдовательно, получать тамъ особое содержаніе.

5-е. Что касается вопроса о помѣщеніи для губернскаго историческаго архива, то онъ одинъ изъ наиболѣе жгучихъ, ибо помѣщеніе существующихъ историческихъ архивовъ, за небольшими исключеніями, заставляетъ желать многоаго. Нечего и говорить, что идеальнымъ помѣщеніемъ должно быть то, которое представлялъ себѣ покойный организаторъ архивныхъ комиссій. Но если матеріальныя средства не позволяютъ куда думать о такомъ помѣщеніи, то во всякомъ случаѣ крайне необходимо теперь же дать болѣе или менѣе сносное помѣщеніе. Для этого можно было бы приспособить какое либо казенное зданіе изъ числа имѣющихся въ каждомъ губернскомъ городѣ; нужныя же приспособленія въ общемъ не потребуютъ большой суммы, а между тѣмъ насущный вопросъ о помѣщеніи губернскаго историческаго архива былъ бы рѣшенъ этимъ болѣе или менѣе удовлетворительно,

и 6-е. Намъ кажется, что наиболѣе практичнымъ, вѣрнымъ и ведущимъ скорѣе къ цѣли средствомъ рѣшенія вопроса о лучшей постановкѣ ученыхъ архивныхъ комиссій, а вслѣдствіе этого и губернскихъ историческихъ архивовъ—было бы признаніе ихъ *отдѣленіями Императорской Археологической Коммисіи*. Въ самомъ дѣлѣ, предоставленіе такого права вреда принести не можетъ, а только удобнѣе разрѣшить то, въ чемъ дѣйствительно нуждаются архивныя комиссіи. вмѣстѣ съ тѣмъ вполне справедливо было бы, въ виду ограниченности средствъ архивныхъ комиссій, оказать имъ небольшую ежегодную субсидію, хотя бы въ размѣрѣ 300—500 рублей, на разработку и описаніе мѣстнаго архивнаго матеріала. Скудныя же средства комиссій, составляемыя путемъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, достаточно засвидѣтельствованы ежегодными отчетами.

Предлагая вниманію Археологическаго Съѣзда настоящее сообщеніе, осмѣливаемся думать, что VIII Археологическій Съѣздъ не откажетъ принять на себя трудъ ходатайствовать объ удовлетвореніи указанныхъ выше нуждъ и этимъ поставить на прочную ногу тѣ самыя комиссіи, объ учрежденіи которыхъ, по мысли благодарной памяти Н. В. Калачова, ходатайствовалъ I-ый Археологическій Съѣздъ.

Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной.

А. Кирпичникова.

(Отвѣтъ на 40 вопросъ программы съѣзда).

Иконопись и духовная литература, два искусства, исчерпывающія всѣ важнѣйшія и наиболѣе сознательныя идеи человѣчества въ продолженіе многихъ и многихъ столѣтій, находятся въ тѣснѣйшей связи и вліяютъ другъ на друга постоянно и непрерывно. Миниатюра и легенда, икона и духовная пѣснь только различныя *формы* творчества, въ основѣ которыхъ лежитъ одно и тоже содержаніе, данное св. Писаніемъ и преданіемъ, формы, въ которыхъ выражается одна и таже идея, одно и тоже художественное представленіе; одна форма подкрѣпляетъ другую, популяризируетъ ее, способствуетъ ея дальнѣйшему развитію въ смыслѣ лучшаго выраженія идеи и пополненія и уясненія представленія.

Икона есть священная книга для неученыхъ, вѣчно ими читаемая съ одинаковымъ почтеніемъ и вниманіемъ; грамотью благочестивая книга потому и доставляетъ наслажденіе, что даетъ необходимый комментарий къ предмету его сознательнаго поклоненія; хорошимъ иконописцемъ можетъ быть только „мужъ добръ книженъ и благочестивъ“, достойный сидѣть рядомъ съ святителями церкви¹⁾; съ другой стороны тотъ духовный писатель или поэтъ, который удалится отъ круга представленій, выражаемыхъ иконописью, не можетъ рассчитывать и на обширный кругъ читателей.

Поэтому близкое знакомство съ памятниками одного рода необходимо для полного пониманія другого, и если нельзя заниматься иконографіей, не обращаясь къ памятникамъ литературнымъ, то съ другой стороны ходъ идей въ извѣстный періодъ, характеръ народа, какъ онъ сложился послѣ просвѣщенія его христіанствомъ, вкладъ, внесенный имъ въ общую сокровищницу человѣческой культуры, не могутъ стать общепонятными и конкретными, если ихъ нельзя иллюстрировать данными археологіи и исторіи пластическихъ искусствъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ иконопись.

Ясно, что полное и всестороннее изслѣдованіе общаго вопроса о взаимодѣйствіи иконописи и словесности, при тѣхъ существенныхъ пробѣлахъ, которыми пока страдаетъ и исторія

¹⁾ Добрыя иконописцы „заповѣдь же и часть съ духовными приѣмлютъ отъ царей и архіереевъ, и да посаждаются на сѣдалищахъ и на вечерахъ близъ святителей съ честными людьми“ (Статья объ иконномъ писаніи въ ркп. XVII в.).

христіанскаго искусства, и исторія средневѣковой поэзіи, въ настоящее время невысказано. Но теперь, въ самый разгаръ зидительной работы въ этихъ областяхъ, возможно и желательно створиться относительно его рамокъ, попытаться установить нѣкоторыя общія положенія и привести нѣсколько характерныхъ примѣровъ различныхъ видовъ этого взаимодействія.

Если подъ словесностью разумѣть всякое словесное выраженіе чувства мысли и знанія, въ томъ числѣ и науку о религіи и ея вѣковѣчную основу—св. Писаніе, ясно будетъ для всякаго, что христіанская иконопись почерпаетъ все свое существенное содержаніе изъ памятниковъ словесности, именно изъ св. Писанія и изъ отцовъ и учителей церкви: всѣ памятники древнѣйшаго христіанскаго искусства въ катакомбахъ суть или орнаменты, которые еще нельзя считать иконописью, или символы, уже выработанные вѣроученіемъ, или наконецъ изображенія св. лицъ и событій Ветхаго и Новаго завѣта; съ другой стороны по настоящей моментъ (какъ и впредь на вѣки вѣчные) предметомъ иконы можетъ быть только то, что въ то же время служитъ предметомъ вѣры и поклоненія христіанъ. Такимъ образомъ, при такомъ широкомъ пониманіи термина „словесность“, все существенное содержаніе христіанской иконографіи окажется происшедшимъ, происходящимъ и имѣющимъ происходить изъ нѣкоторыхъ памятниковъ словесности; а такъ какъ нѣтъ возможности допустить воздѣйствія иконографіи ни на св. Писаніе, ни на богословіе, то о *взаимодѣйствіи* между иконописью и *этими* памятниками словесности не можетъ быть и рѣчи; доказывать же или подтверждать примѣрами вліяніе св. Писанія и богословія на иконопись было бы столь же странно, какъ напр. доказывать связь между постановленіями Вселенскихъ Соборовъ и православнымъ катехизисомъ.

Иное дѣло—вопросъ о томъ, какими именно моментами изъ св. Исторіи и какими тезисами богословія, въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ воспользовалось христіанское искусство. Это вопросъ очень плодотворный и для исторіи иконописи и для исторіи христіанской культуры вообще; но *взаимодѣйствія* иконописи и словесности онъ касается только одною стороною своей. А именно:

Произведенія боговдохновенныхъ поэтовъ, принятыя церковью въ составъ христіанскаго богослуженія, повсемѣстно или въ извѣстныхъ областяхъ, исходя непосредственно изъ св. Писанія и православнаго вѣроученія, въ то же время представляютъ продукты свободнаго художественнаго творчества, могущіе и подвергаться вліянію иконописи и вліять на нее. Естественно возникаетъ вопросъ о связи между мотивами и содержаніемъ церковныхъ пѣснопѣній и иконописи.

Археологи и историки искусства, только въ послѣднее время обратили на эту связь серьезное вниманіе; но, какъ это часто бываетъ при новомъ „открытіи“, иные заходятъ въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко. Вотъ напр. какъ говорить объ этой связи молодой историкъ искусства Брокгаузъ ²⁾.

„Изъ двухъ источниковъ, которые давали содержаніе иконописи, Евангелій и преданія,

²⁾ Die Kunst in den Athosklöstern Lpz. 1891, 148—9. Aus beiden Quellen, welche den Inhalt der Bildern liefern, den Evangelien u. der Ueberlieferung, schöpfen die Bilder nicht unmittelbar. Für die Benutzung beider in der Malerei ist vielmehr das Verhältniss des Gottesdienstes zu ihnen massgebend. Wohin der Gottesdienst der Ueberlieferung folgt, dahin hat das Bild gleichfalls die Neigung zu folgen: die Höhle in der Geburt Christi, der Schädel Adams unter der Schädelstätte, alle Einzelheiten beim Entschlafen Mariä zeigen an, wohin das Bild vom Gottesdienste, der Gottesdienst von der Legende sich führen lässt. Wo also der Gottesdienst über das Evangelium hinausgeht, geht auch das Bild gern darüber hinaus. Wo hingegen der Gottesdienst die evangelischen Grenzen nicht überschreitet, hält auch der Maler sie meistens, obschon es ihm vollkommen frei steht, sein Bild durch neue Züge, das Verkündigungsbild durch Spindel und Blumen, das Weihnachtbild durch die Badescene noch mehr zu bereichern. Immer ist der Geist, der bei alljährlicher Wiederkehr der betreffenden Feste in der Kirche herrscht, ist, kurz gesagt, die kirchliche Auffassung für den Maler massgebend. Ob diese Auffassung auf evangelischer, legendarischer oder beiderlei Auffassung beruht, kommt wohl für den Forscher, aber nicht für den Maler in Betracht.

она черпала не непосредственно. Степень пользования ими опредѣляетъ отношеніе къ нимъ богослуженія. Икона имѣетъ стремленіе слѣдовать преданію въ томъ же направленіи, въ какомъ за нимъ идетъ богослуженіе: пещера въ изображеніи Р. Х., черепъ Адама подъ Лобнымъ мѣстомъ, всѣ подробности Успенія Богородицы показываютъ, куда богослуженіе ведетъ икону, а легенда — богослуженіе. И такъ, гдѣ богослуженіе выходитъ за предѣлы Евангелія, охотно выступаетъ за нихъ и иконопись. А гдѣ богослуженіе въ точности слѣдуетъ Евангелію, большею частію остается ему вѣренъ и живописецъ, хотя бы онъ свободно могъ обогащать свое изображеніе новыми чертами, каковы прялка и цвѣты при Благовѣщеніи, обмыванье младенца при Р. Х. Всегда его направляетъ и сдерживаетъ тотъ духъ, который господствуетъ въ церкви при ежегодномъ повтореніи соотвѣтствующихъ праздниковъ, иначе сказать, церковное представленіе событія. Исслѣдователь, а не живописецъ принимаетъ во вниманіе, основывается ли это представленіе на Евангеліи или на легендѣ или на томъ и другомъ вмѣстѣ“.

Хотя мысль автора выражена не очень удачно, основа ея вполне понятна, тѣмъ болѣе, что здѣсь же въ примѣчаніи исслѣдователь выражается нѣсколько яснѣе: „Вообще словесность, говоритъ онъ: должна быть разсматриваема, какъ источникъ, тамъ, гдѣ таковымъ нельзя считать правильнаго само—предлагающагося живописцу богослуженія ³⁾“.

И такъ, исслѣдователь утверждаетъ, что не только сюжеты, но и самый способъ обработки ихъ художникъ заимствуетъ изъ богослуженія или по крайней мѣрѣ посредствомъ богослуженія—наблюденіе интересное и въ основѣ своей вѣрное; но оно выражено слишкомъ категорически, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это правило не можетъ не допускать огромнаго количества исключеній. Что богослуженіе способствуетъ популярности и закрѣпленію извѣстныхъ сюжетовъ и деталей въ иконописи и что ежегодно, еженедѣльно, даже ежедневно упоминаемые образы должны были сильнѣе впитываться въ воображеніе какъ художника, такъ и его заказчиковъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: но *до такой степени* подчинять иконопись богослуженію, какъ это дѣлаетъ Брокгаузъ, было бы несправедливо. Во первыхъ богослуженіе, начиная со временъ Константина, стремится къ возможно большей закрѣпленности и неподвижности и въ послѣдствіи достигаетъ ея вполне, по крайней мѣрѣ въ опредѣленныхъ географическихъ предѣлахъ, тогда какъ въ иконописи не только трафареты, но и подлинники—явленія сравнительно поздняго времени. Оттого у насъ на Руси напр. въ иконографіи XVI и XVII в. являются не только новыя подробности, но и новыя сюжеты, тогда какъ богослуженіе остается вѣрнымъ старинѣ. Во вторыхъ художникъ подчиненъ инымъ внутреннимъ законамъ, нежели церковный поэтъ, и имѣетъ свои особыя традиціи; въ иныхъ отношеніяхъ онъ пользуется болѣею степенью свободы, въ другихъ—меньшею; и часто то, что было бы не удобно въ изображеніи пластическомъ, вполне допустимо въ церковной лирикѣ, и наоборотъ. Такъ, напр. уже

³⁾ Die Litteratur wird im allgemeinen da als Quelle zu betrachhen sein, wo der regelmässige (?), ungesucht dem Maler sich anbietende de Gottesdienst selbst nicht bereits als solche erscheint.

Умѣреннѣе и яснѣе выражается другой наблюдатель: Фр. Шнейдеръ (Fr. Schneider: Der heilige Bardo, Erzbischof von Mainz von 1031—1051. Nebst Anhang: Der dichterische Inschriftenkreis Ekkehard's IV des Jungeren (+1036) zu Wandmalereien in Mainzer Dome. Mainz. 1871) стр. XIV—XV: In der Liturgie... wird Jahr für Jahr die ganze Entwicklungsreihe in der Führung des Menschengeschlechtes vom Falle bis zur Erlösung in einem mystischen Kreise an dem Auge der Gläubigen vorübergeführt. Немного ниже говоритъ онъ: искусство учило тому же, о чемъ вѣшали проповѣдники и что праздновала церковь.

Самыя *подписи* къ неисполненнымъ иконамъ (издатель полагаетъ, что Эккегардъ давалъ сюжеты, но слова: *eligantur qui picturis convenient*, подкрѣпляютъ мое мнѣніе) не представляютъ ничего особо важнаго для иконографіи и исторіи, литературы, кромѣ массы греческихъ словъ, популярныхъ въ Майнцѣ въ XI в., каковы: *pneuma*, *doxa*, *Theotoca* и пр., и развѣ того, что поэтъ называетъ волхвовъ: *proceres Zoroastros* (Bethlehem proceres Zoroastros mittit Herodes).

въ гимнахъ Романа Сладкопѣвца или ему приписанныхъ, но во всякомъ случаѣ древнихъ, такъ же какъ и въ Акаѳистѣ патр. Сергія говорится о питаніи Христа млекою матери ⁴⁾, тогда какъ въ иконописи изображеніе Богородицы-Млекопитательницы есть явленіе сравнительно позднее (не раньше XII в.); а съ другой стороны, богослуженіе на праздникъ Сошествія св. Духа, сколько мнѣ извѣстно, въ изложеніи подробностей событія всегда строго придерживается текста Дѣяній и говоритъ только объ огненныхъ языкахъ; тогда какъ художники, стремясь къ наглядности и въ то же время къ торжественности и глубокомысленной символикѣ, уже въ памятникахъ VI вѣка вводятъ сюда и изображеніе св. Духа въ видѣ голубя, и женскую фигуру Богоматери—церкви, и *стоящихъ* апостоловъ ⁵⁾. Но на исторіи того-же иконописнаго сюжета видно, какое серьезное — только не всепоглощающее — вліяніе имѣло на него богослуженіе ⁶⁾. Что же касается до отношенія между мотивами церковныхъ пѣснопѣній и сюжетами христіанской живописи, надо думать, что когда представится возможность собрать статистическія данныя, то совпаденіе окажется поражающимъ. А пока такъ мало сдѣлано и для выясненія историческаго хода иконографіи, и для исторіи древнехристіанской гимнографики, слѣдуетъ довольствоваться только установленіемъ общихъ принциповъ и, рядомъ съ тезисомъ о несомнѣнномъ вліяніи богослуженія на иконопись, должно поставить и тезисъ обратный: памятники древнехристіанской живописи не могли не оказать вліянія на творчество древнихъ гимнографовъ. Если извѣстный гимнъ Романа Сладкопѣвца на Р. Х. закрѣплялъ традиціонное представленіе великаго событія въ пещерѣ, съ пастырями и волхвами одновременно, то съ своей стороны этотъ вдохновенный гимнъ отлился именно въ такія формы, прибѣгъ именно къ такому образцу не безъ вліянія раннихъ изображеній въ родѣ напр. того, которое Бэйе указалъ у Хориція ⁷⁾.

Извѣстны два особыхъ вида воздѣйствія литургическаго обряда и церковныхъ пѣснопѣній на иконографію, связанные по времени и до сихъ поръ мало обрацавшіе на себя вниманіе западныхъ изслѣдователей главнымъ образомъ потому, что наиболѣе цѣнный матеріаль для ихъ изученія находится по сю сторону русской границы. Это, во-первыхъ, тѣсная связь между росписью церквей, въ особенности позднѣйшихъ (XVII в.) и изъясненіями на литургію, обстоятельно доказанная и разобранная Н. В. Покровскимъ ⁸⁾, а во-вторыхъ существованіе многочисленныхъ иконъ на молитвы и тексты, распространившихся у насъ въ XVI и XVII в. ⁹⁾. Мы не будемъ останавливаться на этихъ явленіяхъ, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ художникъ является богословомъ (или дѣйствующимъ подъ руководствомъ такового), а вліяніе богословія на иконопись ограничивать какими бы то ни было предѣлами нѣтъ ни возможности, ни цѣли.

Изъ памятниковъ словесности въ болѣе тѣсномъ смыслѣ наибольшее вліяніе на иконопись оказали, безъ сомнѣнія, апокрифы; степень этого „воздѣйствія“ въ общихъ чертахъ уже указана Е. В. Барсовымъ ¹⁰⁾ болѣе же детальное разсмотрѣніе вопроса умѣстно въ работахъ по исторіи отдѣльныхъ иконописныхъ сюжетовъ и цикловъ.

⁴⁾ Pitra Analecta sacra 1876, стр. 230, 233 и passim. Ср. W. Christ и Paranikas Anthologia gr., стр. 139 ἰδομεν παρθένον γαλουχοῦσαν и pass.

⁵⁾ См. Евангеліе Н. В. Покровскаго, стр. 448.

⁶⁾ См. мою статью: „Къ иконографіи св. Духа“, въ XV т. Древностей Арх. Общ. 1895 г.

⁷⁾ Ch. Bayet: Recherches pour servir à l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétiennes en orient, etc. Paris Thorin 1879 г., стр. 60—1.

⁸⁾ См. его „Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ“. М. 1890 г., стр. 136 и pass. Относительно болѣе древней росписи онъ на стр. 75—6 склоненъ признавать первичность за художниками, а на стр. 77 говорить: „Самый текстъ древнихъ литургій, обильный параллелями и символизмомъ, доставлялъ неисчерпаемый матеріаль, какъ для литургистовъ, такъ и для художниковъ“.

⁹⁾ О нихъ см. у Ѳ. И. Буслаява. „Общая понятія о русской иконописи“ М. 1866 г. (Сборн. Общ. Люб. древнерусскаго искусства): стр. 9 и слѣд.

¹⁰⁾ Ж. М. Н. Пр. 1885 г. Дек. „О воздѣйствіи апокрифовъ на обрядъ и иконопись“, стр. 97 — 115. О распро-

Но нельзя пройти молчаніемъ сомнѣнія, высказаннаго проф. Н. В. Покровскимъ, относительно того, пользовались ли апокрифы „всегда уваженіемъ въ средѣ художниковъ“ и были ли они „непосредственнымъ источникомъ“ согласныхъ съ ними иконописныхъ переводовъ ¹¹⁾. Мы полагаемъ, что это сомнѣніе до нѣкоторой степени основано на невольныхъ недомолвкахъ и недоразумѣніи.

Христіанская археологія—наука столь юная, что ея работники пока еще строятъ вчернѣ, не отдѣляя деталей. Подобно тому, какъ историкъ литературы, указывая для извѣстнаго произведенія словесности источникъ, положимъ, въ апокрифическомъ евангеліи и цитируя при этомъ изд. Тишендорфа, вовсе не думаетъ утверждать, что авторъ имѣлъ передъ глазами именно этотъ текстъ; также и археологъ, считая источникомъ извѣстной композиціи апокрифъ, обыкновенно подразумѣваетъ подъ нимъ не тотъ или другой памятникъ письменности, а именно отзвукъ „народнаго христіанскаго эпоса“, „легенду рождающагося христіанства“, какъ выражается Е. В. Барсовъ ¹²⁾. Если же изслѣдователь приметъ апокрифъ въ смыслѣ опредѣленнаго тенденціознаго, т. е. „богоотметнаго“ или еретическаго писанія, и захочетъ видѣть въ православной иконѣ его отраженіе, какъ это случилось съ тѣмъ же Е. В. Барсовымъ, который на иконѣ гр. Уварова съ очень обычной композиціей Благовѣщенія вмѣсто арх. Гавріила, посылаемаго Господомъ къ Богородицѣ, увидалъ *Зона*, сущаго прежде міра ¹³⁾, а на иконѣ Троицкой церкви въ с. Выкентѣ (Новг. губ.) того же *Зона* передъ собственнымъ плотскимъ образомъ ¹⁴⁾, онъ поведетъ работу по ложной дорогѣ и обвинитъ нашу иконопись въ томъ, въ чемъ она никогда не была грѣшна.

Мы отмѣтимъ нѣсколько частныхъ, но доступныхъ обобщенію случаевъ воздѣйствія словесности на иконопись, случаевъ общеизвѣстныхъ и поучительныхъ по своей наглядности.

Многочисленныя поэтикориторическія сравненія Богородицы, встрѣчающіяся на всемъ пространствѣ христіанской словесности, съ лиліей, съ Неопалимой купиною, съ храмомъ, съ живоноснымъ источникомъ, тронемъ Соломона и т. д., и т. д. ¹⁵⁾, несомнѣнно и очевидно вліяли на иконопись, то производя особые иконописные типы, какъ Богородица—благодатное небо, Богородица—благоуханный цвѣтъ, Богородица—звѣзда пресвѣтлая, Богородица—небо новое, Богородица—нерушимая стѣна ¹⁶⁾ и т. д. и т. д., то вводя икону Богородицы въ композицію,

странности, точнѣе неизбежности апокрифовъ въ искусствѣ можетъ дать наглядное представленіе знаменитый пар. кодексъ № 510, писанный для императора Василія Македонянина (подробное описаніе его см. у Bordier: Description des peintures etc. Paris, 1883. 62 и слѣд.). Здѣсь же нѣсколько любопытныхъ примѣровъ произвола миниатюриста: *ἡ θυγάτηρ τοῦ ἀρχισυναγωγοῦ* (ев. *ἐκατοστάρχης* рис. VII, 6), *ἡ πόρνη* (Luc. VII, 36) *ἡ γυνὴ ἀμαρτωλός* и пр.

¹¹⁾ Евангеліе и пр. стр. 25. Немного ниже (стр. 27) авторъ склоняется къ предположенію, что и ранніе церковные писатели и составители начальныхъ ред. апокрифовъ независимо другъ отъ друга воспользовались устными преданіями, бродившими въ Сиріи и пр.; онъ полагаетъ, что генетическая связь изображеній съ апокрифами представляется вполне вѣроятною только въ томъ случаѣ, гдѣ извѣстный эпизодъ мы находимъ исключительно въ однихъ апокрифахъ (но развѣ и тамъ мы не можемъ предположить такого же источника въ преданіи?).

¹²⁾ О. с. 98 и 104.

¹³⁾ Ibid. 109.

¹⁴⁾ Безъ сомнѣнія, здѣсь озраженъ тотъ же Гавріиль въ разные моменты; художникъ не могъ взять на себя неисполнимой задачи—изобразить сходно и рядомъ духъ и его плотскій образъ.

¹⁵⁾ Для средневѣковаго запада собраніе ихъ см. въ книгѣ: D-r Anselm Salzer: Die Sinnbilder und Beiworte Mariens in der deutschen Literatur und lateinischen Hymnenpoesie des Mittelalters. Mit Berücksichtigung der patristischen Literatur. Lpz. 1888—90. Перечисленіе см. на стр. 38 и 39.

¹⁶⁾ О ея отраженіи въ поэзіи см. А. Н. Веселовскаго, Южно-русскія былины III—XI, стр. 266; о киевской мозаикѣ см. Н. Сементовскаго: Киевъ и пр. 1881, стр. 82 и слѣд. Ср. Айналовъ и Рѣдинъ: Киево-Софійскій Соборъ, Сиб., 1889, стр. 38 и слѣд., Н. В. Покровскій: Очерки памятниковъ православной иконографіи, Сиб., 1894, II, 247. Соотношеніе между античной судьбой города (*Τύχη τῆς πόλεως*) въ башневидной коронѣ и Богородицѣ, охраняющей стѣны

первоначально не имѣвшую къ Ней отношенія ¹⁷⁾, то вліяя на второстепенныя подробности изображенія, каковы одежда, головной уборъ ¹⁸⁾, то на болѣе существенныя, напр., возрастъ ¹⁹⁾, то внося въ основныя иконографическія темы новыя черты, существенно измѣняющія композицію (каковы, напр., лилія въ западномъ переводѣ Благовѣщенія, цвѣты во гробѣ при изображеніи Успенія и пр.), то наконецъ сливая жизненный образъ Богоматери съ аллегорическими фигурами божественной премудрости и церкви Христовой ²⁰⁾.

Наклонность къ аллегоріи и изумительное богатство символики суть явленія общія и древнехристианскому искусству и словесности; здѣсь нельзя сказать, что отъ чего получило начало, такъ какъ и та и другая сфера служили выраженіемъ одного и того же настроенія и однихъ и тѣхъ-же традицій. Но въ дальнѣйшей жизни религіозной мысли можно, мы полагаемъ, отмѣтить такіе моменты, когда въ этомъ отношеніи одно искусство беретъ надъ другими перевѣсъ, и если своимъ воздѣйствіемъ не создаетъ для него новыхъ формъ, то усиленно поддерживаетъ старыя, которыя безъ этого вышли бы изъ употребленія. Такъ въ Византіи въ Македонскую эпоху иконопись сама по себѣ, по многимъ даннымъ, должна бы держаться строго историческаго характера, но воздѣйствіе памятниковъ словесности удерживаетъ въ ней многочисленныя олицетворенія и даже придаетъ имъ особый блескъ и изящество ²¹⁾.

Такъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что человѣкообразныя солнце и мѣсяцъ при распятіи, олицетворенія земли и пустыни въ другихъ композиціяхъ не удержались бы у насъ до XVII—XVIII вѣка включительно, еслибъ ихъ не поддерживали и не закрѣпляли литературныя памятники, съ своей стороны направляемые церковными пѣснопѣніями ²²⁾.

Сходнымъ-же образомъ воздѣйствію древнихъ, но постоянно возобновляемыхъ въ памяти

(τείχη) города или храма могло бы дать матеріалъ для любопытнаго изслѣдованія. См. между прочимъ разсказъ Пасхальной хроники (ed. Bonn. I. 725, 10—11) о хаганѣ аварскомъ, который видѣлъ Богородицу, какъ *γυναικα σεμνοφοροῦσαν περιτρέχουσαν εἰς τὸ τεῖχος μόνην οὖσαν*.

¹⁷⁾ Такъ и въ миниатюрахъ и на иконахъ въ ветхозавѣтной композиціи Моисея передъ купиною несгорающей въ огненномъ кустѣ большею частію изображается икона Богоматери; на томъ мѣстѣ, гдѣ произошло событіе, уже въ XIII в. былъ храмъ Богородицы (Magistri Thetmari Iter ad Terram Sanctam ed. T. Tobler, S. Galli, 1851, стр. 39), а Трифонъ Коробейниковъ былъ убѣжденъ, что Моисей и видѣлъ именно икону Богоматери съ Младенцемъ; въ послѣднемъ случаѣ мы уже видимъ обратное вліяніе—иконописи на словесность.

¹⁸⁾ По наблюденію Cahier (N. Melanges d'Arch. Bibl. 165—6), Богоматерь изображается, какъ Царица небесная, (т. е. въ коронѣ), начиная съ IX в., но на православномъ востокѣ другіе царственные атрибуты ей присвоиваются гораздо раньше.

¹⁹⁾ Сближеніе Богоматери съ невѣстой Пѣсни пѣсней есть, безъ всякаго сомнѣнія, фактъ литературный; постепенное уменьшеніе возраста Мадонны на западѣ (см. Göttinger Reallexicon Lpz. 1885, s. v.) отъ матроны въ 40 лѣтъ до отроковицы въ 16—18 въ несомнѣнной связи съ этимъ сближеніемъ.

²⁰⁾ О такомъ сліяніи въ иконографіи Вознесенія и Сошествіи св. Духа, я говорилъ въ статьяхъ на эти темы; въ западной иконографіи увѣнчанная Богоматерь, сидящая рядомъ съ Господомъ, безусловно превращается въ Церковь, если художникъ вложитъ ей въ руку чашу (Cahier l. c.). О Богоматери — св. Софіи, см. Э. И. Буслаевъ, Очерки II, 297.

Кстати: можно-ли сомнѣваться въ томъ, что аллегорическій переводъ Благовѣщенія въ видѣ охоты на единорога, извѣстный на западѣ съ XII в. (см. Покровский, Евангеліе и пр., стр. 38, рис. 31), всецѣло обязанъ своимъ происхожденіемъ словесности?

²¹⁾ Объ олицетвореніяхъ Мелодіи, Мудрости, Ночи, Моря, Вѣтра и пр. въ X в., см. у Э. И. Буслаева l. c., у Н. П. Кондакова: Исторія визант. искусства и пр. Одесса, 1876, pass., у Н. В. Покровскаго: Очерки памятниковъ правосл. иконографіи, Сиб., 1894, II, 186 и слѣд. Ср. у Семеона Метафраста (ed. Migne III, 1278) воплощенная *Εὐταξία* (Ср. ib. 1296, городъ, олицетворенный въ видѣ дочери епископа).

²²⁾ Олицетворенная земля встрѣчается въ очень позднемъ подлинникѣ кн. П. П. Вяземскаго № 162, въ вконѣ: Соборъ пр святыхъ Богородицы. Олицетворенный Иорданъ при Крещеніи указанъ и въ знаменитой аеонской Эрминіи (по аеонск. изд. 1885 г., стр. 115).

произведеній словесности мы должны приписать сохраненіе въ иконописи нѣкоторыхъ деталей изъ почти забытыхъ апокрифовъ. Такъ., напр., апокрифъ о рукописаніи Адама давно уже вышелъ изъ живого употребленія, но драконовы головы изъ подъ камня, на которомъ стоитъ Христосъ въ иконѣ Богоявленія встрѣчаются Дидрону на православномъ востокѣ до 20 разъ ²³⁾ и черезъ много лѣтъ Брокгаузъ ²⁴⁾ находитъ тоже изображеніе въ монастырѣ Ксенофоновомъ, такъ какъ памятники словесности (основанные въ свою очередь на текстѣ псалма 73, 13—14), напоминали художникамъ объ этихъ змѣиныхъ головахъ. На счетъ такихъ же напоминаній мы полагали бы отнести и несравненно болѣе распространенный мотивъ Адамовой головы подъ распятіемъ ²⁵⁾.

Въ противоположность этимъ отзвукамъ далекой старины, чаще и еще безспорнѣе такіе случаи, когда словесность вслѣдствіе большей своей подвижности и большей легкости, съ которой она отражаетъ настроеніе общества и проводитъ господствующія идеи, какъ бы принуждаетъ иконопись измѣнить свои формы. Извѣстно, напр., какъ на западѣ подъ вліяніемъ произведеній національной поэзіи измѣнилась обстановка Мадонны въ изображеніи Благовѣщенія. Менѣе извѣстенъ, но болѣе нагляденъ такой фактъ: когда католическая церковь рѣзко отступила отъ св. преданія относительно зачатія Богородицы, у насъ въ особенности въ XVII в. раздались противъ этого сильные и справедливые протесты. Оказывается, что они перешли и въ иконопись: въ кievскомъ Христіанскомъ музеѣ, въ коллекціи Сорокина имѣется икона именно XVII в. (во время съѣзда она находилась на выставкѣ), на которой изображена встрѣча родителей Богоматери у Золотыхъ вратъ, при чемъ на заднемъ планѣ виднѣется одръ св. Іоакима и Анны. Въ иконѣ, изображающей Богоматерь, которая оплакиваетъ снятаго со креста Спасителя, и носящей на западѣ названіе *pieta*, а у насъ *уныніе* ²⁶⁾, къ XVII же вѣку осложнившейся въ „Не рыдай мене, мати“ съ одной стороны и въ многочисленныхъ плачахъ Богоматери ²⁷⁾ надъ тѣломъ Спасителя съ другой мы можемъ видѣть примѣръ такого взаимодей-

²³⁾ См. Порфирьевъ: Апокр. Сказанія о вѣтхозавѣтн. лицахъ и пр., Спб., 1877, стр. 42. *Ἐπιφάνεια* и пр. v. Schäfer. Trier, 1855, стр. 179.

²⁴⁾ Athos etc., стр. 121—2. Ср. Покровскій Еванг. 186. О сокрушеніи змѣевыхъ главъ говорится и въ духовномъ стихѣ (Калѣки Перехожіе № 334). Въ другомъ „стихѣ“, очевидно, подъ вліяніемъ иконы, гдѣ изображены ангелы, съ благоговѣніемъ воспринимающіе Христа послѣ крещенія, говорится, что Христу „дадеся поклонъ отъ ангель стоящихъ“, (ib., № 337).

²⁵⁾ Въ духовномъ (книжномъ) стихѣ, см. ib. № 333.

²⁶⁾ См. въ ркп. Моск. Духовн. Академіи изъ Волоколамскаго монастыря (изд. Общ. Ист. и Др., М., 1882), сборникъ № 136 (491), на л. 62, статья „объ образѣ уныніе, піетасъ“.

²⁷⁾ Для литературы этихъ плачей на западѣ, см. D-r Anton Schönbach: Ueber die Marienklagen. Ein Beitrag zur Gesch. der geistlichen Dichtung in Deutschland (Festschrift der K. K. Universität in Graz 1874. Здѣсь приведена библиографія); D-r Paul Piper, Die geistliche Dichtung des MA (hsbg. v. I. Kürscher. Berl. и Stuttg. 1888), стр. 290, 305 и слѣд.; D-r Eduard Wechsler, Die romanischen Marienklagen, ein Beitrag zur Gesch. des Dramas im MA. Halle, 1893.

Западные болѣе древніе и болѣе близкіе къ церковнымъ гимнамъ. Плачи не всегда различаютъ моменты событія и смѣшиваютъ плачь у креста съ оплакиваніемъ тѣла Спасителя (см. у Шёнбаха лат. секвенць стр. 6 и слѣд. и его разборъ стр. 9); смѣшиваются эти моменты и въ нашихъ духовныхъ стихахъ (Калѣки перех., № 359 и слѣд.). Но большія драматическія представленія строго различаютъ ихъ (См., напр., *Le Mystère de la Passion d'Arnoul Greban* par G. Paris et G. Raynaud Paris, 1878, гдѣ плачь у креста начинается съ ст. 25308, а тѣло Спасителя *en tenant Ihesus sur son giron* Богоматерь оплакиваетъ съ ст. 27058), такъ же какъ эпическія изложенія житія Богородицы (въ *Vita beate virginis Marie et Salvatoris rhythmica* hsbg. v. A. Vögtlin Stuttg. 1888, различаются даже три плача Богородицы: 1) у креста при жизни Спасителя съ ст. 5037, 2) *cum vidit filium expirasse* ст. 5358 и слѣд. и 3) *cum filius suus deponeretur de cruce* ст. 5938 и слѣд. Къ иконѣ „Уныніе“ имѣетъ отношеніе только послѣдній Плачь, прототипомъ котораго является знаменитый канонъ Космы Майумскаго: *Μὴ ἐλπίδουρον μοι, μήτηρ, καθόρῳσα ἐν τάρφῳ* (Christ

ствія между иконописью и словесностью; гдѣ вопросъ о томъ, что отъ чего произошло, кажется при нынѣшнихъ нашихъ средствахъ празднымъ; но когда мы встрѣчаемъ изображеніе Спасителя снятаго со креста и лежащаго *съ открытыми глазами* на колѣняхъ оплакивающей его Матери, — а такъ написанную икону „не рыдай мене мати“ находимъ мы, напр., въ собраніи Ник. Мих. Постникова (по его „Каталогу христіанскихъ древностей“, М. 1888, № 7) — мы едва ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что иконописецъ въ этомъ случаѣ подвергся вліянію словеснаго произведенія, Плача въ формѣ діалога между Спасителемъ и Богоматерью ²⁸⁾.

Подобное же наглядное воздѣйствіе словесности, и даже словесности народной, на иконопись встрѣтилось мнѣ на одной армянской иконѣ въ Θεодосіи въ армяно-григоріанской церкви; икона XVIII ст., съ годомъ (1775 г., какъ мнѣ прочелъ его учитель мѣстной школы); она изображаетъ [смерть богатаго нечестивца, голова котораго покоится на мѣшкѣ съ деньгами, и бѣднаго праведника; у перваго архангелъ достаетъ *душу мечемъ изъ груди*; у второго душа выходитъ устами, а ангелы принимаютъ ее бережно покрытыми руками. Я не знаю соответствующаго памятника армянской духовной словесности; но общеизвѣстенъ русскій стихъ о богатомъ и Лазарѣ, гдѣ у перваго грозные ангелы вынимаютъ душу желѣзнымъ крюкомъ черезъ лѣвое ребро (вар. черезъ темя), а у второго берутъ ее „честно и хвально“, черезъ сахарныя уста и относятъ ее „на пеленѣ“ ко св. Авраамію на лоно его ²⁹⁾.

Въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, между памятниковъ словесности и иконной мы должны или отыскать или предположить посредствующее звено въ видѣ *миніатюры*, роль которой въ исторіи иконописи давно уже оцѣнена по достоинству какъ на западѣ, такъ и у насъ. На католическомъ западѣ эта роль особенно рельефна въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда, благодаря развитію каллиграфіи и книжной живописи съ одной стороны и популяризаціи мысли съ другой, помимо богатыхъ и по количеству и по качеству памятниковъ письменности, появляются цѣлыя книги, въ которыхъ всю сущность составляютъ миніатюры, а текстъ служитъ только для подписей — у насъ, какъ извѣстно, сходное явленіе встрѣчается гораздо позднѣе и не безъ литературныхъ вліяній. — Такова общеизвѣстная *Библия бѣдныхъ* или *Библия въ рисункахъ* (*Bible historiée*), разнovidными экземплярами которой, можно сказать, завалены всѣ рукописныя собранія западной Европы.

Пользуемся случаемъ, чтобы опубликовать три миніатюры изъ замѣчательной ркт. париж. Національной бібліотеки № 9561, краткое описаніе которой мы предложили три года назадъ ³⁰⁾.

Рис. № 1 ³¹⁾ (л. 120) имѣетъ подпись: *Cest l'ystoire coment Nostre Dame en orant les anges la sustenoient*, и иллюстрируетъ слова псевдо-Маттея: *Frequenter videbantur cum ea angeli Dei loqui et diligentissime obtemperabant ei* (VI), или, точнѣе, ихъ позднѣйшее распространеніе ³²⁾.

1. с. стр. 201); тотъ-же моментъ имѣетъ въ виду и Слово Симеона Логовета (*Sim. Metaphr. ed. Migne I, 209 и слѣд.; 212: ὅτι ἐν λίθῳ κεῖται νεκρός* и пр.); а Скорбящая Богоматерь — *Mater dolorosa* имѣетъ въ виду болѣе ранній моментъ у креста (Ср. Н. Θ. Сумцовъ: *Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифъ сказаній и пѣсенъ*, Кіевъ, 1888). Въ русскихъ духовныхъ стихахъ, какъ сказано выше, встрѣчаются Плачи смѣшаннаго характера; но рядомъ съ ними есть и такіе, гдѣ опредѣленно выраженъ моментъ композиціи „не рыдай мене, мати“ (напр., Кал. Пер. № 364).

²⁸⁾ Такое-же значеніе, какъ открытые глаза Спасителя, имѣетъ надо думать, и его стоячее положеніе во гробѣ въ композиціи: „Единородный сыне“ и др.

²⁹⁾ Крюкомъ, но изъ устъ вынимаетъ бѣсъ душу богатаго въ миніатюрѣ Лицевой бібліи гр. Уварова въ 4^о № 34; см. снимокъ у Θ. И. Буслаева въ *Очеркахъ II*, стр. 153.

³⁰⁾ Ж. М. Н. Пр. 1892, авг., стр. 242 и слѣд.

³¹⁾ См. прилагаемая таблицы. Въ оригиналѣ оба ангела въ багряныхъ одеждахъ и съ багряными крыльями; въ правомъ верхнемъ углу виднѣн отрѣзокъ голубого неба. О благословляющей десницѣ и о стилизаціи неба см. въ указанной статьѣ, стр. 247.

³²⁾ См. тоже въ *Specul. Historiale* Винкентія изъ Бове VI, 66, *Liber de infantia Mariae etc.* ed. Ose. Schade. Halis Sax. MDCCCLXIX, стр. 17: *Videbant cum ea angelos loqui etc.*

ствія между изображеніемъ Спасителя и Богоматери, — что кажется о томъ, что отъ чего произошло, кажется при нѣтъ. Но когда мы встрѣчаемъ изображение Спасителя снятаго со креста и лежащаго на колѣняхъ оплакивающей его Матери, — а такъ въ собраніи Ник. Мих. Постниковъ (см. «Древности древностей», М. 1888, № 7) — мы едва ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ случаѣ подвергся вліянію словеснаго произведенія. (См. въ «Древности древностей» Спасителя и Богоматери²⁸).

Нельзя же не упомянуть о вліяніи словесности, и даже словесности народной, на иконопись. Такъ въ армянской иконѣ въ Феодосіи въ армяно-григоріанской церкви (1775 г., какъ мнѣ прочелъ его учитель мѣстной школы); она изображаетъ Богоматери печальнаго нечестивца, голова котораго покоится на мѣшкѣ съ деньгами; у первого архангелъ достаетъ душу мечемъ изъ груди; у второго архангелъ беретъ ее бережно покрытыми руками. Я не знаю со- словесности армянской духовной словесности; но общеизвѣстенъ русскій стихъ о первомъ и второмъ архангелѣ: у первого грозные ангелы вынимаютъ душу желѣзнымъ крюкомъ (черезъ темя), а у второго берутъ ее „честно и хвально“, черезъ са- на пеленѣ“ ко св. Авраамію на лоно его²⁹).

Въ случаяхъ подобныхъ, между памятниковъ словесности и иконописи, можно считать или предположить посредствующее звено въ видѣ миниатюры. Иконопись давно уже опубликована по достоинству какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. Въ западѣ эта роль особенно рельефна въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда каллиграфія и книжная живопись съ одной стороны и популяризація богатыхъ и по количеству и по качеству памятниковъ письменности, появляющихся въ которыхъ жемчужность составляютъ миниатюры, а текстъ служитъ только основой. Такъ извѣстно, сходное явленіе встрѣчается гораздо позднѣе и не безъ причины. Такова общеизвѣстная Библия бѣдныхъ или Библия въ рисункахъ (Bible des pauvres) издаваемая монахами которой, можно сказать, завалены всѣ рукописныя со-

публикованы три миниатюры изъ замѣчательной ркт. париж. Библии бѣдныхъ № 3011, краткое описаніе которой мы предложили три года назадъ³⁰.

Въ Библии бѣдныхъ подпись: Cest l'ystoire coment Nostre Dame en orant les anges de paradis. Слово псевдо-Маттея: Frequenter videbantur cum ea angelus Dei (VI), или, точнѣе, ихъ позднѣйшее распространеніе³¹.

Слово Симеона Логовета (Sim. Metaphr. ed. Migne I, 209 и слѣд.; 212) въ видѣ Скорбящая Богоматери—Mater dolorosa имѣетъ въ виду болѣе ранній моментъ — дѣла въ М. М. Станиславскій, «Исторія южно-русскихъ апокрифъ сказаній и прѣсень», Киевъ, 1888). Въ русскихъ апокрифахъ, какъ и въ западныхъ, встрѣчаются Плачи смѣшаннаго характера; но рядомъ съ ними есть и таковыя, въ которыхъ изображена Богоматери плачущая „во рыдай мене, мати“ (напр., Кал. Пер. № 364).

Точно-же значеніе, какъ и въ западныхъ, имѣетъ надо думать, и его стоящее положеніе во гробѣ

въ Библии бѣдныхъ, но въ виду богатства въ миниатюрахъ Лицевой библии гр. Уварова въ 4^о № 34; см. также О. Н. Вуслатовъ, «Исторія», стр. 153.

О. Н. В. Пр. 1892, стр. 153. См. также О. Н. В. Пр. 1892, стр. 153. См. также О. Н. В. Пр. 1892, стр. 153. См. также О. Н. В. Пр. 1892, стр. 153.

О. Н. В. Пр. 1892, стр. 153. См. также О. Н. В. Пр. 1892, стр. 153. См. также О. Н. В. Пр. 1892, стр. 153.

Фототипия Шенеръ, Наспольцы Къ въ Москвѣ.

БИБЛИОТЕКА
ИИ И.И. Мухоморова
Учреждение культуры

Намъ случалось встрѣчать иконы на эту тему XV и даже XVI в. въ большихъ собраніяхъ старыхъ картинъ (напр. въ Шлесгеймѣ близъ Мюнхена); въ нихъ вм. двухъ ангеловъ пишется иногда четыре; вдали видны подруги Богоматери.

Рис. № 2 (л. 123) имѣетъ подпись: *Cest l'ystoire coment Nostre Dame donoit pour Dieu le pain as poures*, и иллюстрируетъ слова тогоже апокрифа: получая пищу съ неба, Богоматерь не нуждалась въ томъ хлѣбѣ, который ей отпускали священники, и раздавала его бѣднымъ ³³). Такой иконы намъ не случалось встрѣчать; но легко догадаться, что если бы художникъ возрожденія воспользовался этой темой, она подъ его кистью дала бы не икону, а морально-жанровую картину.

Тѣсную связь средневѣковой миниатюры съ искусствомъ возрожденія еще рельефнѣй выражаетъ рис. № 3 (л. 139), одинъ изъ изящнѣйшихъ рисунковъ рукописи (подъ нимъ вм. подписи только ссылка на 2-ую гл. Ев. отъ Матѳея); здѣсь такая ясность идеи и такое изобиліе реальныхъ подробностей, не унижающихъ однако достоинства сюжета, что на одномъ этомъ листочкѣ пергамента можно построить прочный мостъ между наивными духовными поэмами XIII—XIV в. и живописью современниковъ Рафаэля.

Вообще же несомнѣнныхъ данныхъ для показанія вліянія словесности на иконопись гораздо больше и они гораздо нагляднѣе, — что совершенно согласно съ природою и взаимнымъ отношеніемъ обоихъ искусствъ, — нежели факты обратнаго порядка. Кто напр., будетъ сомнѣваться въ томъ, что иконы Спаса Нерукотвореннаго обязаны своимъ происхожденіемъ ряду апокрифовъ и главнымъ образомъ апокрифу объ Авгарѣ Эдесскомъ ³⁴), или фрески изъ жизни подвижниковъ и страдальческія кончины св. мучениковъ, изображенія мытарствъ, райскаго блаженства, перенесенія чудотворныхъ иконъ, изображенія Страшнаго Суда, въ которыхъ между еретиками являются Кальвинъ и Лютеръ, воспроизведенія легендъ объ оклеветанномъ пресвитерѣ или объ оклеветанномъ епископѣ, объ отрокѣ—сынѣ жидовина и т. д. и т. д., украшающія притворъ, стѣны и даже алтарную апсиду ³⁵) нашихъ Ярославскихъ и Московскихъ храмовъ, и въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, стоятъ въ такой же тѣсной связи съ памятниками словесности (Лимонари, житія, сказанія, Великое Зерцало, обличительныя посланія и пр.), въ какой миниатюра находится къ тексту? Когда матеріаль будетъ собранъ въ большомъ количествѣ и лучше очищенъ, изслѣдователи многихъ сюжетовъ будутъ въ состояніи опредѣлить самый моментъ и условія перехода миниатюры въ икону.

Любопытнѣй по своей сравнительной рѣдкости воздѣйствія иконописи на словесность. Приведемъ нѣсколько разнородныхъ примѣровъ.

Уже балландистъ Папелбрёкъ (1628 — 1714) полагалъ, что чудо о св. Георгіи и змѣѣ возникло подъ вліяніемъ символическихъ изображеній святого, поражающаго дракона — язычество. Иезуитъ Кайе въ 1867 г. ³⁶) собралъ много случаевъ, гдѣ драконъ является какъ символъ, при изображеніи такихъ святыхъ, житія которыхъ ничего не знаютъ о немъ, Нижеподписавшійся въ своемъ изслѣдованіи „Св. Георгій и Егорій Храбрый“ ³⁷) постарался подкрѣпить фактами и параллелями иконописное происхожденіе чуда св. Георгія о змѣѣ. Академикъ А. Н. Веселовскій въ своихъ „Разысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ“ ³⁷) въ общемъ соглашается съ этимъ мнѣніемъ и появленіе св. Елизаветы въ сказаніи о чудѣ св. Георгія

³³) *Escam vero quam a pontificibus consequabatur pauperibus dividebat* c. VI. *Spec. Hist. ib. Osc. Schade* p. 16.

³⁴) Главнѣйшія справки см. у Ровинскаго, Р. Народныя картинки IV, 661 и слѣд.

³⁵) См. Н. В. Покровскій: Стѣнныя росписи и пр., гл. VIII.

³⁶) *Caracteristiques des saints dans l'art populaire*. T. I. Paris, подъ рубрикой Dragon.

³⁷) СПб. 1879, стр. 3 и слѣд.

³⁷) СПб. 1880, стр. 71.

объясняетъ „вліяніемъ иконописнаго сопоставленія, совершившагося, вѣроятно, въ Византіи“³⁸⁾. А кому не извѣстно, какое огромное количество произведеній и народной и искусственной поэзіи обязано своимъ происхожденіемъ этой популярной легендѣ?

Извѣстныя слова ап. Павла объ іерействѣ Христа „по чину Мельхиседекову“ (къ Евр. 6, 20) породили иконы, на которыхъ Спаситель изображается какъ Великій Архіерей (*μέγας ἀρχιερεύς*)³⁹⁾, каковое изображеніе стоитъ въ тѣснѣйшей связи и съ изображеніемъ Тайной Вечери въ видѣ причащенія апостоловъ самимъ Спасителемъ и съ другой, повидимому, болѣе поздней композиціей, извѣстной подъ именемъ божественной литургіи (*ἡ θεία λειτουργία*)⁴⁰⁾. Изображеніе Спасителя въ священническомъ облаченіи, безъ сомнѣнія, повліяло на возникновеніе апокрифа о постановленіи Иисуса Христа въ іереи, который изложенъ еще у Свида⁴¹⁾, и Божественная литургія не только отразилась въ позднѣйшихъ прибавкахъ къ апокрифамъ⁴²⁾, но и произвела длинный рядъ западныхъ сказаній о небесной обѣднѣ, которыя встрѣчаются и въ Діалогѣ о чудесахъ Цезарія и въ пространныхъ миракляхъ⁴³⁾.

Это случаи порожденія изъ иконописи цѣлыхъ и весьма вліятельныхъ сказаній; не менѣе интересны, хотя въ другомъ отношеніи, случаи воздѣйствія иконописи на детали, иногда очень мелкія, словеснаго преданія.

Въ житіи Семеона Столпника, какъ оно изложено у Гериберта Росвейда (Rosweyde)⁴⁴⁾ святой говоритъ въ своей молитвѣ къ Господу: „Господи Боже доблестей, ты унижившій *двухъ львовъ*“ (Domine deus virtutum.... qui *duos leones* humiliasti), имѣя, конечно, въ виду библейское сказаніе о Даніилѣ во рвѣ львиномъ; но напрасно мы стали бы искать *такого* числа львовъ въ библіи, которую составитель этой ред. житія, конечно, зналъ прекрасно; о Даніилѣ во рвѣ львиномъ говорится въ кн. пророка Даніила два раза: 6,16 и слѣд. и 14,31 и слѣд.; въ первомъ случаѣ число львовъ было *семь*. Откуда же явились *два* льва? безъ сомнѣнія, изъ иконописи, въ которой, какъ извѣстно, еще во времена катакомбъ Даніилъ между *двухъ львовъ* былъ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ сюжетовъ; именно *двухъ* львовъ знаетъ при пр. Даніилѣ и африканскій поэтъ конца V в., который въ своей дидактической поэмѣ о милости Божіей (De Deo, III, 183) говоритъ:

Saeva Danieleм rabies atque ira leonum
Non tetigisse piūm, cui destinat insuper escam
Magna Dei pietas jejuno utroque leone.

Драконтій, какъ замѣтилъ его издатель⁴⁵⁾, руководился обычнымъ изображеніемъ, въ которомъ, очевидно, кромѣ двухъ львовъ, былъ и пр. Аввакумъ, принесшій Даніилу пищу по волѣ Господа (пр. Дан. 14, 33 и слѣд.).

Здѣсь два льва вм. семи явились вслѣдствіе техническихъ условій; въ другихъ случаяхъ иконопись, иллюстрируя текстъ св. Писанія, по необходимости замѣняетъ неопредѣленное множественное число тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ (выбраннымъ, конечно, не наудачу),

³⁸⁾ Ibid. 130; выше (стр. 84) онъ такимъ же образомъ объясняетъ участіе св. Маргариты, Марины, въ этомъ чудѣ.

³⁹⁾ Didron: Histoire de Dieu. Collection des monuments и пр. 1843, стр. 312 и слѣд. См. Покровскій: Евангеліе и проч. стр. 278, 279, 285 и слѣд.

⁴⁰⁾ По афинскому изд. Эрминіи § 311.

⁴¹⁾ См. М. И. Соколова. Матеріалы и замѣтки. М. 1888, стр. 173, ср. 81.

⁴²⁾ См. въ моей статьѣ о книгѣ Васильева, Визант. Временникъ I, 186.

⁴³⁾ Примѣръ см. Всеобщая исторія литературы II, 889—990.

⁴⁴⁾ Vitae Patrum, изд. 1615, стр. 172.

⁴⁵⁾ Arevalo. См. Martigny: Dictionnaire des antiquités chrétiennes s. v. Daniel.

которое послѣ кратковременнаго колебанія становится традиціоннымъ сперва для иконописи, а потомъ и для словесности. Такъ въ періодъ катакомбъ число волхвовъ колеблется между двумя и четырьмя ⁴⁶⁾, при чемъ однако, подъ вліяніемъ параллели съ тремя отроками вавилонскими и текста евангелія (Матѣ. 2, 11), гдѣ говорится о трехъ дарахъ, число три преимуществуетъ. Въ V вѣкѣ это число устанавливается окончательно ⁴⁷⁾, въ VI в. они становятся царями ⁴⁸⁾ и около того же времени имъ придаютъ имена; кому не извѣстно, какая богатая литература составлялась позднѣе и на востокѣ и на западѣ о личностяхъ и путешествіи этихъ трехъ мудрыхъ царей?

Есть длинный рядъ прямыхъ указаній памятниковъ словесности на воздѣйствіе иконописи: Христось, Богоматерь и святые, очень часто чудотворно являются въ той самой формѣ, въ какой удостоившійся видѣнія зналъ ихъ по иконамъ. Такъ св. Димитрій Селунскій въ самыхъ раннихъ чудесахъ является „въ томъ самомъ образѣ, въ какомъ пишется на иконахъ“ (*ἐν ᾧ καὶ γράφεται σχήματι ἐν ταῖς εἰκόσι*) ⁴⁹⁾. Извѣстны указанія Жанны Д'Аркъ на иконописныя формы ея видѣній.

У насъ, преподобный Мартирій, основатель такъ наз. Зеленой пустыни († 1603 г.) подробно описываетъ видъ пришедшей къ нему Богоматери и прямо говоритъ: „воистину явилась мнѣ Пречистая тѣмъ образомъ, какъ написана она на иконѣ моей келейной“ ⁵⁰⁾.

Сходнымъ же самоуказаніемъ на икону, если не какъ на источникъ, то какъ на солидное подтвержденіе сказанія, можетъ быть, слѣдуетъ считать и выраженіе одного византійскаго гимна на Успеніе Богоматери, напечатаннаго у Питры (Analecta sacra 1876 г., стр. 529); это гимнъ эпическій, но тщательно избѣгающій апокрифическихъ чертъ; поэтъ говоритъ, что гробъ Богородицы оказался пустымъ *ὡς δηλοῦσιν οἱ τὸν τόπον ἱστορηκότες ἐξεῖνον*. Кардиналь Питра переводитъ эти слова такъ: *ut significant qui hujus loci texuere historiam*; это — переводъ и слишкомъ свободный, и не вѣрный: могли ли быть въ то время авторы, специально занимавшіеся исторіей Геосиманіи?

Подобно тому, какъ у Кедмона, Киневульфа и др. національныхъ христіанскихъ поэтовъ, легко указать десятки деталей, взятыхъ изъ иконописи, начиная съ того момента, когда на

⁴⁶⁾ Покровскій. Еванг. 114.

⁴⁷⁾ Даже Лиаль (Liell: Die Darstellungen и пр. Freiburg 1887, стр. 296), который такъ склоненъ все относить къ преданію первыхъ вѣковъ христіанства, принужденъ сознаться, что только съ V вѣка встрѣчаются опредѣленные указанія на троичное число волхвовъ.

⁴⁸⁾ Liell I. с. 294 и 391. Судя по тѣмъ фактамъ, которыми мы теперь располагаемъ, знаки царской власти волхвовъ явились въ иконописи подъ вліяніемъ словесности. На томъ же сюжетѣ мы можемъ наблюдать и третій случай противорѣчія между иконописью и словесностью, причину котораго опредѣлить не трудно: въ то время какъ иконописцы, держась традиціи, изображали волхвовъ только *преклоняющимися*, Малала (ed. Bonn. 230) павшими на землю для выраженія своего почтенія: *πεσόντες εἰς τὸ ἔδαφος τῆς γῆς προσεκύνησαν τῷ Σωτῆρι Χριστῷ*.

⁴⁹⁾ Symeonis Metaphrastae (ed. Miqne III, с. 1253) Одинъ разъ даже различаются памятники древнѣйшей (болѣе изящной?) иконографіи отъ позднѣйшихъ: онъ является *κατὰ τὴν γραφὴν τὴν ἐν ταῖς ἀρχαιοτέραις αὐτοῦ εἰκόσιν ἐγγυραμένην*. Недавно открытое изображеніе его въ Солуни (см. статью Палагеоріа въ Byzantinische Zeitschrift I, 479 и слѣд.) можетъ быть принято за такой древнѣйшій типъ.

⁵⁰⁾ О. И. Буслаевъ: Очерки II, 392. Иконописную форму принимаютъ и ужасныя видѣнія душевно-больныхъ людей: одинъ галлюцинатъ, подававшій прошеніе въ Тайную Канцелярію въ 1755 г., пишетъ, что онъ видѣлъ множество бѣсовъ, „и при томъ съ ними древній треклятый змій Сатана персонально, на подобіе, какъ въ церкви Воскресенія Христова, что въ кадетскомъ корпусѣ подъ архангеломъ Михаиломъ“.

Мордовцевъ: Истор. пропилеи II, 217. Въ виду того, что *ιστορεῖν* у Дюканжа всегда значитъ—*ringere, ζωγράφειν* (см. Glossarium 523—4, гдѣ масса примѣровъ), и *ιστορία*—*pictura, tabella*, не слѣдуетъ ли перевести это мѣсто: „какъ ясно показываютъ расписывавшіе это мѣсто“, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ не одно указаніе на иконы въ нецеркв. Успенія?

католическомъ западѣ стала возможна проповѣдь на родномъ языкѣ, и до нашихъ дней проповѣдники, особенно заботящіеся о воздѣйствіи на воображеніе менѣе развитыхъ изъ своихъ слушателей, или прямо указывали на иконописное воспроизведеніе событій и лицъ, или изображали словами эти событія именно въ такихъ формахъ, въ какихъ слушатели могли видѣть ихъ. Въ этомъ отношеніи любопытны малорусскія „казанья“, составляющія нѣчто среднее между популярной проповѣдью и стихами; въ одномъ изъ нихъ избіеніе младенцевъ, изображается въ такой обстановкѣ и съ такими подробностями, какъ будто авторъ имѣлъ передъ глазами современную ему итальянскую картину ⁵¹⁾.

Извѣстно, какую видную роль играли въ юго-западной проповѣди звѣзды на „шатѣ“ Богородицы; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти звѣзды иконописнаго происхожденія, (хотя и находятся въ свою очередь въ генетической связи съ стариннымъ риторическимъ сравненіемъ); онѣ не только служили матеріаломъ для ученыхъ и краснорѣчивыхъ ораторовъ, но и породили наивное (хотя и книжное) сказаніе о звѣздахъ, которыми наградила ее Іисусъ Христосъ ⁵²⁾.

Читая подробный рассказъ о путешествіи Богородицы съ Іосифомъ въ Вифлеемъ и о Рождествѣ Христовомъ въ чрезвычайно распространенной латинской поэмѣ, извѣстной подъ именемъ *Vita etc. rythmica* ⁵³⁾ или по первому стиху:

Sanctus Eryphanus doctor veritatis etc,

мы не можемъ не усмотрѣть въ ней чертъ иконописныхъ, которыхъ до ея появленія нельзя указать ни въ какомъ памятникѣ словесности; такъ напр. на пути является ангелъ „въ бѣлыхъ одеждахъ“ и беретъ осла за узду ⁵⁴⁾. Представленіе о служеніи ангеловъ при Р. Х., Богородицѣ и ея Сыну и о поклоненіи Іосифа Новорожденному ⁵⁵⁾ могли возникнуть одновременно и въ иконописи и въ словесности; но живописный образъ былъ крѣпче и нагляднѣе и потому вліятельнѣе на позднѣйшія воспроизведенія въ памятникахъ словесныхъ ⁵⁶⁾.

Если воздѣйствіе иконописи на литературу искусственную въ значительномъ количествѣ случаевъ можетъ возбуждать сомнѣніе относительно своей непосредственности—имѣя дѣло съ отдаленной эпохой, мы никогда не можемъ быть увѣрены въ томъ, что между иконографическимъ типомъ и дошедшимъ до насъ памятникомъ словесности не было посредствующаго звена тоже литературнаго характера, идущаго не изъ иконописи, но повліявшаго на нее, вліяніе

⁵¹⁾ См. у Н. Θ. Сумцова: Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ. 1888 г., стр. 72—3.

⁵²⁾ Ibid., 63.

⁵³⁾ Hsgb. v. Dr. A. Vögtlin, ст. 1720 и слѣд.

⁵⁴⁾ Ibid. v. 1734.

Formam habens pueri cum albis vestimentis,
Atque stabat ante eos imperans iumentis,
Ut ibi subsisterent, et asinum tenebat
In quo virgo Maria gravida sedebat.

Такъ изображенъ ангелъ еще на таблѣткѣ каедры Максиміана. Покр. Еванг., стр. 45.

⁵⁵⁾ 1758. Puerum cum gaudio pronus adoravit. Объ ангелахъ ст. 1753 и слѣд.

⁵⁶⁾ Воздѣйствіемъ иконописи, можетъ быть, можно объяснять нѣкоторыя позднѣйшія разночтенія памятниковъ письменности, которыя безъ этого оказываются безсмысленнымъ произволомъ писца. Почему, наприм., писецъ греч. синод. списка Первоевангелія (№ 303, XVI в.), въ другихъ мѣстахъ слѣдовавшій обще принятому тексту, въ концѣ гл. X (Tisch. Ev. Aposcr., 2-ое изд., стр. 21) вм. обычнаго: *Μαρίαν δὲ λαβοῦσα τὸ κόκκινον ἔκλωθεν* (варр. *ἔκλωσεν, ἐνήθεν*), написалъ: *Μαρία δὲ λαβοῦσα τὴν πορφύραν ἐκάθισεν ἐπὶ τοῦ θρόνου αὐτῆς* (л. 41 об.), если не потому, что жизнь Богородицы дома представлялась ему именно въ той формѣ, въ какой онъ видѣлъ Ее на иконѣ Благовѣщенія.

иконописи на поэзію народную и нагляднѣй и поучительнѣе: здѣсь уже нельзя раздумывать о томъ, гдѣ источникъ и гдѣ заимствованіе, такъ какъ воздѣйствіе народной пѣсни или сказанія на иконопись — явленіе хотя, какъ мы видѣли, и не невозможное, но крайне рѣдкое, почти исключительное.

Такъ какъ „икона есть Библия протестовъ“, то народу главнымъ образомъ извѣстны и понятны именно тѣ библейскіе сюжеты и въ тѣхъ формахъ, какія встрѣчаются въ иконописи; а такъ какъ міровоззрѣніе всѣхъ безъ исключенія историческихъ народовъ Европы уже впродолженіе многихъ столѣтій столь тѣсно связано съ образами и представленіями христіанскими, что изъ подъ этого глубокаго слоя только съ трудомъ извлекаются остатки образовъ языческихъ, да и то въ позднѣйшей окраскѣ, то изслѣдователь фольклора, недостаточно внимательный къ этому важному фактору духовной жизни новыхъ народовъ, напрасно будетъ искать въ далекомъ и рѣдкомъ источникахъ тѣхъ явленій, которыя вышли изъ ближайшаго и общеизвѣстнаго, и легко можетъ зайти въ дебри натяжекъ и сомнительныхъ домысловъ. Почему св. Георгій, св. Димитрій Солунскій, св. Ѳеодоръ Тиронъ и св. Ѳеодоръ Стратилатъ такъ популярны въ народѣ и въ духовныхъ стихахъ являются богатырями? Прежде всего потому, что они изображаются въ видѣ воиновъ на иконахъ, которыя и побудили зрителей заинтересоваться житіями и чудесами ихъ. Изображеніе чуда св. Георгія о змѣѣ и о дѣвицѣ, о вѣроятномъ происхожденіи котораго мы говорили выше, сдѣлало его любимымъ народнымъ героемъ — змѣеборцемъ во всѣхъ странахъ Европы, и самое представленіе Егорія храбраго въ видѣ сказочнаго богатыря, у котораго

По локоть руки красна золота,
По колѣна ноги чиста серебра,

есть, повидимому, не что иное, какъ наивное воспроизведеніе иконы при помощи готовой эпической формулы ⁵⁷⁾.

Почему св. Николай Чудотворецъ сталъ у насъ героемъ столькихъ народныхъ легендъ? Именно потому, что иконы его и изображенія двухъ чудесъ его о Василии и о Христофорѣ — тѣхъ чудесъ, которыя воспѣваются духовными стихами — встрѣчаются у насъ въ такомъ большомъ числѣ.

Какіе главные сюжеты нашихъ духовныхъ стиховъ изъ Новаго Завѣта? Это — Введеніе, Благовѣщеніе, Рождество Іоанна Предтечи, избіеніе младенцевъ, бѣгство въ Египеть, Крещеніе, Преображеніе, Плачъ Богородицы, Страсти Христовы, Воскресеніе, Вознесеніе, Страшный Судъ ⁵⁸⁾, т. е. иконописные сюжеты. Можно, полагаемъ мы, доказать съ математическою точностью, что именно тѣ какъ признанныя церковью, такъ и апокрифическія сказанія и черты перешли въ духовные стихи, которые находили себѣ наиболѣе частое живописное воспроизведеніе, и именно тѣ сочиняемые книжниками псалмы удерживались и передѣлывались каликами, которые поддерживались иконописью.

То же самое найдемъ мы и на католическомъ западѣ, гдѣ Михаилъ Архангелъ, Марія Магдалина, св. Мартинъ, папа Григорій и др. были одинаково популярны и въ народной поэзіи и въ иконописи и гдѣ развитіе иконографіи Мадонны шло и до сихъ поръ идетъ рядомъ съ умноженіемъ пѣсенъ и сказаній объ ней.

⁵⁷⁾ О другихъ отзвукахъ иконописи въ большомъ стихѣ о Егоріи см. въ моей книгѣ, стр. 171—2, 161 и passim; въ стихѣ о битвѣ съ змѣею за дѣвицу имя Елизаветы, не встрѣчающееся въ русскихъ ред. чуда, извѣстно именно изъ иконописи.

⁵⁸⁾ См. Калѣки Перехожіе вып. 5 и 6. Эти „стихи“, положимъ, рѣдко народны по складу и по происхожденію; но они большею частію народны по употребленію.

Да и можетъ ли быть иначе? Читаемое въ церкви понимается немногими, а въ икону простецы всматриваются цѣлыми часами, и то, что изображено на ней, непременно должно найти себѣ словесное объясненіе, хотя бы и не точное или даже совсѣмъ невѣрное⁵⁹⁾.

Недалеко то время, когда иконографія окажется въ состояніи оказать огромную услугу изслѣдователямъ народной поэзіи: какъ ни трудно бываетъ иногда опредѣлить степень древности извѣстной иконы, все же дерево, известъ и краски болѣе устойчивый матеріалъ, нежели живое слово, да и иконописная композиція измѣняется сравнительно медленно; поэтому съ помощію данныхъ иконографіи можно будетъ опредѣлять хронологію одного изъ крупнѣйшихъ отдѣловъ творчества; а безъ хронологіи невозможно и пытаться исторически систематизировать матеріалъ.

Тѣсная связь между народной словесностью и иконописью чрезвычайно наглядно выражается въ одномъ духовномъ стихѣ⁶⁰⁾, записанномъ изъ устъ народа и именно въ данномъ мѣстѣ представляющемъ дополненіе къ передѣлкѣ „кантычки“ и псалма, сочиненнаго книжникомъ. Въ немъ Христосъ говоритъ оплакивающей его Богоматери:

Не плачь, моя матушка св. Марія:
Я въ третій день, матушка, воскресну....
Самъ я къ тебѣ, матушка, прииду,
Самъ я изъ тебя душу выну⁶¹⁾,
Спишу твое лицо на икону
Положу икону во Божію церковь
Во Божію церковь, за престоломъ,

т. е. въ алтарной апсидѣ, гдѣ именно въ православныхъ храмахъ „полагалось изображеніе Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ или безъ Онаго⁶²⁾“.

О наглядномъ вліяніи на другой духовный стихъ⁶³⁾ (и вмѣстѣ съ тѣмъ на народный обрядъ въ современной Греціи) иконописной композиціи, извѣстной подъ именемъ *deususa*, мы указали

⁵⁹⁾ Ложныя представленія о содержаніи иконы бываютъ особенно рельефны у иновѣрцевъ, напр. у магометанъ. Такъ древнее типичное изображеніе Введенія во храмъ (удержавшееся въ нашей иконописи до позднѣйшаго времени), гдѣ Богоматерь изображается дважды и второй разъ сидящею на вышкѣ въ Св. Святыхъ, породило мусульманское сказаніе, que Dieu donna Marie en garde à Zacharie, qui l'enferma dans une des chambres du Temple, dont la porte était si élevée, qu'il y fallait monter par une échelle et dont il portait toujours la clef sur soi (Herbelot, Bibl. orientale. Maestricht 1776 p. 589). Любопытный примѣръ подстановки къ иконѣ совершенно ложнаго и невозможнаго содержанія приводитъ нѣмецкій путешественникъ XIV в. Людольфъ (25-te Publicat. Litter. Ver. in Stuttg. 1851, стр. 76), который говоритъ о іерусалимской церкви Богородицы: De hac ecclesia b. Mariae Sarraceni nunc ecclesiam suam fecerunt, et tota historia Annae et Ioachim de partu b. Mariae ante ecclesiam adhuc nobilissime picta remansit. Hanc picturam temporibus meis quaedam antiqua vetula Sarracena Baguta christianis semper devote et fideliter (sic) exponere consuevit. Nam ex opposito ecclesiae morabatur, asserens, Ioachim depictum esse Machometum, et arbores depictas esse paradisum, in quo Machometus itaque puellas oscularetur... Фактъ не безынтересенъ и для исторіи магометанскаго искусства.

⁶⁰⁾ Калѣки Перехожіе, № 382.

⁶¹⁾ Очевидное воздѣйствіе иконы Успенія, гдѣ Христосъ изображается держащимъ на рукахъ душу Богородицы въ видѣ младенца.

Объ изображеніи души въ такомъ-же видѣ на западѣ какъ въ памятникахъ словесности, такъ и въ иконографіи см. у Лиля (Liell: Die Darstellungen etc. Freiburg 1887, стр. 135 и слѣд.); онъ приводитъ изъ актовъ свв. Петра и Марцелина разсказъ, какъ палачъ видѣлъ души свв. въ видѣ дѣвъ въ драгоценныхъ одеждахъ, поднявшихся къ небу и принятыхъ ангелами, и описаніе бронзовой медали по Bullettino 1869 p. 33, гдѣ душа св. Лаврентія поднимается къ небу и увѣнчивается десницею Господа.

⁶²⁾ См. Покровскій: Очерки памятниковъ правосл. иконографіи вып. II, Спб., 1894, стр. 307.

⁶³⁾ Калѣки, пер. № 391 и слѣд.

въ другомъ мѣстѣ ⁶⁴⁾; здѣсь же добавимъ только, что Иванъ Богословъ нѣсколькихъ варьянтовъ стиха является вполне понятною замѣною Ивана Крестителя подѣ влияніемъ изображенія распятія, гдѣ ап. Іоаннъ стоитъ по другую отъ Богородицы сторону креста; а пташку, которая вылетаетъ изъ лозы, выросшей надъ гробомъ св. Дѣвы, слѣдуетъ отнести [насчетъ извѣстнаго апокрифа объ обрученіи Ея съ Іосифомъ, повидимому тоже черезъ посредство иконописи.

На иконахъ Р. Х., какъ извѣстно, всегда видны осель и быкъ, или, у насъ на Руси конь и быкъ, стоящіе у яслей Спасителя; мало того, что эта иконописная подробность попала въ массу народныхъ стиховъ, воспѣвающихъ великое событіе; но и на основаніи ея же составились два народныхъ сказанія; одно, поражающее своей наивной прелестью, говоритъ о томъ, какъ осель и волъ укрывали новорожденнаго Христа соломой и согрѣвали его своимъ дыханіемъ ⁶⁵⁾; другое рассказываетъ, что конь отъ жадности вытаскивалъ сѣно изъ подѣ новорожденнаго Христа и за то наказанъ вѣчно неутолимымъ голодомъ, тогда какъ волъ „не порушавъ з ясел жаднаго стебла, а ще дыхав и загрѣвав Бога“ и за то, по слову Богоматери, награжденъ вѣчною сытостью ⁶⁶⁾. „Бабушка“ Соломея или *Соломонида*, какъ ее называютъ народныя пѣсни и присказки, своею популярностью скорѣй обязана подписнымъ иконамъ, нежели самому апокрифу.

Въ той же иконѣ Р. Х. съ древнейшихъ временъ изображаются пастыри въ количествѣ двухъ или трехъ; сперва они изображаются слушающими благовѣстіе ангеловъ, обыкновенно, направо отъ пещеры; позднѣе пастырь-старикъ (обыкновенно въ козьей одеждѣ) пишется разговаривающимъ съ Іосифомъ ⁶⁷⁾. О чемъ ихъ разговоръ? Въ одномъ ркп. сборникѣ стиховъ, принадлежащемъ Ѳ. И. Буслаеву ⁶⁸⁾, ангель, благовѣствуя о Р. Х., говоритъ пастухамъ:

Идѣте прямо, укажетъ вамо...
А кто? кто?
Іосифъ старенькій, Богу миленькій,
Тоть скажетъ....

Здѣсь иконописная подробность не только оказывается источникомъ пѣсни, но и сама будто нуждается въ ней, какъ въ комментаріи.

Извѣстно, что основная композиція Р. Х. на католическомъ западѣ рано стала архаической, и въ XIV — XV в. выработался типъ болѣе сантиментальный, въ которомъ Богоматерь вмѣстѣ съ Іосифомъ и ангелами поклоняется новорожденному Спасителю. Великороссія до нашего столѣтія не знаетъ этой формы; но юго-западная Русь сравнительно ранѣе ознакомилась съ нею, и тамъ мы находимъ рядъ рождественскихъ пѣсенъ, въ которыхъ

Пресвятая Дѣва Марія
Проситъ ласки у своего сына ⁶⁹⁾.

Если мы отъ композиціи Р. Х. обратимся къ иконѣ Благовѣшенія, мы и въ ней найдемъ

⁶⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1893, № 11, стр. 26.

⁶⁵⁾ Чубинскій, Труды этнограф. стат. экспедиціи. Спб., 1872, I, 48.

⁶⁶⁾ Драгомановъ 109, Чубин. 49. Ср. Н. Ф. Сумцовъ: Очерки исторіи южно-русскихъ апокриф. сказаній и пѣсенъ, Кіевъ, 1888, стр. 67—8; приводимая авторомъ бердичевская Колядка о Златой скиніи тоже должна быть объяснена воздѣйствіемъ католической иконы Р. Х. поздняго возрожденія.

⁶⁷⁾ Одинъ иконописецъ старо-обрядецъ говоритъ мнѣ, что того старика въ козьей одеждѣ называютъ—почему, онъ и самъ не знаетъ—*Грюхъ*; Покровскій (Еванг. стр. 82) приводитъ непонятную надъ нимъ надпись *Млекъ*.

⁶⁸⁾ Тоже см. Калѣки, пер. № 303.

⁶⁹⁾ Чубинскій, III, 348 и пр.

нѣсколько подробностей, оказавшихъ воздѣйствіе на народную словесность. Въ эпоху увлеченія мифологіей, почти всѣ славянскія пѣсни и преданія, гдѣ является Богоматерь, старались объяснять воспоминаніемъ о какомъ-то праславянскомъ женскомъ божествѣ, атрибуты котораго перешли на Пречистую Дѣву ⁷⁰⁾; такъ въ красномъ шелкѣ, которымъ вышивають Богоматерь въ заговорахъ, видѣли молнію; въ колодцѣ, изъ котораго она радугой извлекаеть воду—тучу и т. п. Несравненно правдоподобнѣе объяснить красную шелковую нитку той пряжей, которая находится въ рукахъ у Богоматери на иконахъ Благовѣщенія, а колодезь—извѣстнымъ переводомъ Благовѣщенія у колодца. Вышеуказанная лилія въ западныхъ изображеніяхъ того-же событія, проникшихъ къ намъ прежде всего черезъ юго-западъ, породила рядъ сказаній и обрядовъ, въ которыхъ праздникъ Благовѣщенія или сама Пречистая Дѣва ставится въ связь съ цвѣтами ⁷¹⁾.

Сказанія, заключающіяся въ статьѣ о Страстяхъ Христовыхъ, какъ указаль уже г. Сахаровъ ⁷²⁾, имѣли вліяніе на иконопись, но съ другой стороны, когда мы въ стихѣ читаемъ:

Къ столбу Христа привязали
Глаза Христу завязали,

а въ текстѣ находимъ только: „Къ столбу его привязаша и биша зѣло немилостиво“, и знаемъ католическія и югозападныя иконы, гдѣ Христосъ у столба изображенъ именно такъ, мы должны здѣсь признать вліяніе иконописи на словесность народную.

Послѣ вышесказаннаго, едва ли нужно приводить другіе примѣры того, что иконографія служитъ посредствующимъ звеномъ между письменностью съ одной стороны и народной поэзіей съ другой: почти во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ иконописные сюжеты и детали обязаны своимъ происхожденіемъ литературнымъ источникамъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Въ новомъ очень интересномъ для изслѣдователей народной поэзіи галиційскомъ журналѣ „Жите і слово“ ⁷³⁾ приведено нѣсколько легендъ, записанныхъ изъ устъ народа. Между ними по наглядности вліянія иконописи любопытны двѣ легенды, касающіяся распятія Христа. Одна рассказываетъ:

„Жиди хотіли Христа разіпјати не так, *як тепер малюјут розпјатье*, а так, шчо би ј ноги розіпјати. То вони казали ковалеви штири цѣвоки зробити. Але јак јого вели розпинати, то ангел зајшов тај једен цѣвок украв, то вни вже тогда мусіли обі ноги једним цѣвоком прибити“.

Слѣдующій за тѣмъ непосредственно рассказъ (мнѣ до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчавшійся и, повидимому, не имѣющій литературнаго источника), по всей вѣроятности, обязанъ своимъ происхожденіемъ иконѣ, на которой чресла Христовы обвиты газомъ.

Јак Христос висів на хресті, то був зовсім голий. І ніхто не сьмів то хреста приступити. Тільки сьвјатіј Іван підішов близько, але јак увідів Христа такого скатованого і голого, то зомлів тај упав під хрестом. А там десь у шпарці сидів павук. То він вибіг зі својејі шпарки тај борзенько вибіг на хрест і заснував Ісусови *павутину*—*то шчо тепер малюјут ніби појас*.

⁷⁰⁾ См. Аенасьевъ: Поэтич. Воззрѣнія, III 818, по указателю—„Богородица“.

⁷¹⁾ См. между прочимъ Сумцовъ о. с. стр. 60—61.

Въ этой небольшой, но содержательной книгѣ, такъ же какъ и въ добросовѣстной работѣ В. Сахарова: Апокрифич. и легендарныя сказанія о пресв. Дѣвѣ Маріи, Христ. Чтеніе 1888 г., находится еще рядъ цѣнныхъ указаній относительно вліянія иконописи на словесность.

⁷²⁾ о. с. 94. Ср. Ровинскій о. с. IV, 610—624; V, 183. Ср. Покровскій: Евангеліе 307 и слѣд. Въ сказаніи Богоматерь присутствуетъ при мученіи І. Х.; въ стихѣ она слышитъ о нихъ отъ двухъ жидовъ; сколько мнѣ извѣстно, ея нѣтъ и въ иконописи.

⁷³⁾ Жите і слово, вістникъ литературы, історіі і фольклору. 1894, кн. V (сент. и окт. стр. 181 и слѣд.).

А то павук таке зробив, щоби син божиї не висїв на жидівське посьміховиско. А потом тої павук ізлиз і вкусив сьвјатого Івана так, щчо тої знов приїшов де себе“.

Этими немногими образцами изъ огромнаго количества разнородныхъ случаевъ мы пока и ограничимся. Изъ сказаннаго возможенъ только одинъ общій выводъ. Наука нашего времени справедливо гордится своими успѣхами, которыми она обязана между прочимъ строгой специализации. Специализация, дѣйствительно, прекрасное дѣло; только одна она даетъ возможность подбирать съ такою скоростію и съ такою отчетливостію въ работѣ цѣнный научный матеріалъ.

Но чтобы воспользоваться этимъ матеріаломъ, чтобы обобщить его, привести въ систему и сдѣлать доступнымъ для всѣхъ, кто интересуется успѣхами историческихъ наукъ, необходимо почаще заглядывать въ чужія, но сродныя области. Археологическіе съѣзды, дающіе возможность историкамъ всѣхъ родовъ и видовъ обмѣниваться мыслями и поучаться у археологовъ-специалистовъ—лучшее средство для такихъ плодотворныхъ обобщеній ⁷⁴⁾.

⁷⁴⁾ Статью, о которой упомянуто въ прим. 26, мнѣ удалось прочесть во время печатанія моего доклада. Она оказалась посланіемъ преп. Максима Грека, напечатанной въ III т. его сочиненій (Казань. 1862 г., стр. 122—3), но напечатанной по ркп. настолько неисправной, что статья почти не годна къ употребленію. Вотъ необходимѣйшія исправки: вм. *а не унынїе*, слѣдуетъ читать: *тоже и унынїе*; вм. *бесѣдъ, яко къ Петру своему діакону...* надо читать: *бесѣдъ, яже къ Петру и пр.*; слова *показа себе* имѣютъ подлежащимъ не папу Григорія, а Спаса; вм. *всегда* влагаше въ потирѣ, слѣд. читать: *внегда* влагаше и пр. Та же статья дословно находится въ Сборн. тогоже собранія XVI в., № 148 (511) на л. 147^{об}—148 (въ Описи она не отмѣчена), только вм. *плетасъ* въ ней читается ошибочное *плетасъ*.

О латинской пергаминающей псалтири, принадлежавшей св. Іоанну Милостивому, Ростовскому Чудотворцу.

Епископа Амфилохія.

Псалтирь писана въ малую осмушку на 98 осмушкахъ, на пергаминающей готическими буквами въ XIV вѣкѣ. Св. Іоаннъ Власатый — изъ иностранцевъ, католикъ; какъ онъ пришелъ въ Великій Ростовъ, никакихъ историческихъ свидѣтельствъ не сохранилось. Въ записи на этой книжкѣ, писанной уставомъ, по всей вѣроятности, мѣстнымъ священникомъ по приказанію святителя, только что вступившаго въ управление Ростовской епархіи св. Димитрія, читаемъ: „Сію книгу, латинскую псалтирь, рассыпавшуюся изъ переплета, приказаль переплестъ и держать на гробѣ во вѣкъ не отлучно; а кто захочетъ ю освоити, тому анаѳема“. Тутъ-же въ записи замѣчено, что св. Іоаннъ Власатый молился по сей псалтири, а въ концѣ псалтири упоминаются въ 9-й пѣсни св. Цецилія и другіе св. греческіе и римскіе. Переплетъ рукописи прочный, корешокъ въ шнуркахъ, обрѣзъ золотой. Многихъ псалмовъ, за потерей листовъ, нѣтъ; въ сохранившейся части рукописи стихи и псалмы идутъ правильно, безъ путаницы.

Во время святительства въ Ростовѣ св. Димитрій одинъ только и зналъ по латыни; при томъ готическія латинскія буквы и слова подъ титлами едва-ли кто зналъ изъ Ростовскихъ священниковъ. Въ 1789 году одинъ изъ священниковъ зналъ по латыни и написалъ на рукописи.—*Legi Rostowiensis sacerdos Joannes 1789 anno Aprilis 20 die* (т. е. читаль я, Ростовскій священникъ, Іоаннъ 1789 года, апрѣля въ 20 день).

Въ 1856 г. Архіепископъ Ярославскій Нилъ при мнѣ написалъ по латыни, когда онъ отправился въ С.-Петербургъ въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія: *Summa cum reverentia in manu mea tenui et osculavi librum ipsum. 14 in die Maji 1856.—Nilus Archiepiscopus Iaroslawensis et Rostowiensis* (съ особеннымъ благовѣніемъ въ рукѣ своей держаль и облобызаль сію книгу 14 мая 1856 г.).

Перваго и втораго псалмовъ въ рукописи нѣтъ: начинается текстъ съ конца 2-го псалма. Послѣ XXV пс. вдругъ начинается 8-й стихъ 78 псалма, т. е. недостаетъ болѣе 50 псалмовъ. Послѣдніе листы въ подлинникѣ очень потемнѣли. Между 9-ю церковными пѣсенными псалмами есть церковная пѣснь св. Амвросія: *Te Deum laudamus* (Тебе Бога хвалимъ).

При семь прилагаю 93-й псаломъ, по чтеніямъ его буквально сходный съ вѣдугатою, съ раз-

ночтеніями изъ латинской псалтири 1568 г. и съ славянскимъ текстомъ мною изданной Древле-славянской псалтири (М. 1881., стр. 149).

Замѣчательно, что въ одно почти время подвизались и вели жизнь подвижническую и юродивую два иностранца - иновѣрца: Исидоръ Блаженный и Іоаннъ Власый, и оба считаются святыми.

Еще былъ одинъ иновѣрецъ—Петръ, царевичъ Ордынскій. Во время царя Грознаго были иностранцы въ Москвѣ всѣхъ исповѣданій: и католики, и лютеране, и армяне. Надгробныхъ памятниковъ ихъ много въ Московскомъ Даниловскомъ монастырѣ. Эти иностранцы не измѣнили своей вѣры, только погребены въ Даниловомъ монастырѣ, какъ отдаленномъ отъ центра города. Здѣшніе же иноземцы перемѣнивъ свою вѣру, вели жизнь святую и подвижническую. Повидимому, этихъ иностранцевъ ни одинъ городъ въ Россіи не могъ расположить къ себѣ, кромѣ Ростова Великаго.

Ps. XCIII.

Псаломъ 93.

v. 1. Deus ultionum Dominus ¹⁾: Deus ultionum libere egit ²⁾.

v. 2. Exaltare ³⁾ qui iudicas ⁴⁾ terram: redde retributionem superbis.

v. 3. Usquequo peccatores ⁵⁾, Domine ⁶⁾, usque quo peccatores ⁷⁾ gloriabuntur? ⁸⁾.

v. 4. Effabantur ⁹⁾ et ¹⁰⁾ loquentur iniquitatem ¹¹⁾, loquentur omnes ¹²⁾, qui operantur in iustitiam? ¹³⁾.

v. 5. Populum tuum, Domine, humiliaverunt ¹⁴⁾ et haereditatem ¹⁵⁾ vexaverunt ¹⁶⁾.

v. 6. Viduam et advenam ¹⁷⁾ interfecerunt ¹⁸⁾ et papillos occiderunt ¹⁹⁾.

v. 7. Et dixerunt: non videbit Deus ²⁰⁾, nec ²¹⁾ intelliget ²²⁾ Deus Iacob.

v. 8. Intelligite insipientes ²³⁾ in populo ²⁴⁾ et stulti, aliquando sapite ²⁵⁾.

v. 9. Qui ²⁶⁾ plantavit aurem, non audiet. aut ²⁷⁾ qui finxit oculum, non considerat? ²⁸⁾.

v. 10. Qui ²⁹⁾ corripit gentes, non arguet, qui ³⁰⁾ docet hominem scientiam? ³¹⁾

v. 11. Deus ³²⁾ scit ³³⁾ cogitationes hominum, quoniam ³⁴⁾ vanae sunt ³⁵⁾.

1. Бѣ мьстни гѣ. бѣ мьстни не ѡбнноульса есѣ.

2. Възнесиса соудан земли. въздаждь възданне гордымъ.

3. Доколь грѣшници гн. доколь грѣшници въсхвалятьса.

4. Просвѣщлють и възгѣть неправду. възгѣть вси дѣлающии беззаконне.

5. Люди твои гн съмѣриша. и наследне твои ѡзловиша.

6. Вдовницу и сира погоубиша. и пришлѣху оубиша.

7. И рѣша не оузрѣть гѣ. ни разоумѣеть бѣ никаковъ.

8. Разоумѣйте нынѣ безоумнѣи въ людехъ. и боуди къгда оумоудрѣтеса.

9. Въсажни оухо не слышнть ли. и создавни ѡко не смотрнть ли.

10. Наказана языки не ѡблунть ли. оуди улѣка разоумоу.

11. Гѣ съвѣсть помышленна улѣка яко соуть соудѣтна.

Разночтенія по Biblia Latino-Gallica 1568 г.:

⁵⁾ impii,

⁶⁾ Iehoua,

⁷⁾ impii,

¹⁾ Iehoua,

²⁾ appare,

³⁾ Elevate,

⁴⁾ Iudex,

¹²⁾ extollent se omnes,

¹³⁾ operarii iniqui,

¹⁴⁾ Iehoua, conterunt,

¹¹⁾ dura,

¹⁶⁾ affligunt,

¹⁷⁾ perrinum,

¹⁸⁾ interficiunt,

¹⁹⁾ occidunt,

²⁰⁾ videt lañ.,

¹⁵⁾ доб. tuam,

²²⁾ intelligit,

²³⁾ stupidi,

²⁴⁾ Fatii,

²⁵⁾ quando intelligetis.

²¹⁾ An qui,

²¹⁾ neque,

²⁸⁾ videbit,

²⁹⁾ An qui,

³⁰⁾ An qui,

³¹⁾ non cognoscet,

³²⁾ Iegova,

³³⁾ cognoscit,

³⁴⁾ quod,

³⁵⁾ sint vanitas,

v. 12. Beatus homo ³⁶⁾, quem tu erudieris, Domine ³⁷⁾, et de lege tua ³⁸⁾ docueris eum ³⁹⁾.

v. 13. Et mitiges ⁴⁰⁾ et a diebus malis, donec fodeatur ⁴¹⁾ peccatori ⁴²⁾ fovea.

v. 14. Quia non repellet Dominus ⁴³⁾ plebem suam et hereditatem suam non dereliquit?

v. 15. Quod usque ⁴⁴⁾ justitia convertatur in iudicium, et qui ⁴⁵⁾ juxta illam omnes, qui ⁴⁶⁾ recto ⁴⁷⁾ sunt ⁴⁸⁾ corde?

v. 16. Quis consurget mihi adversus ⁴⁹⁾ malignantes, aut ⁵⁰⁾ quis stabit mecum ⁵¹⁾ adversus operantes iniquitatem?

v. 17. Nisi quia Dominus ⁵²⁾ adjuvit me, paulo minus habitasset in inferno anima mea.

v. 18. Si dicebam: motus est pes meus, misericordia tua adjuvabat me ⁵³⁾.

v. 19. Secundum multitudinem ⁵⁴⁾ dolorum meorum consolationes meae laetificaverunt animam meam.

v. 20. Numquid ⁵⁵⁾ adhaeret tibi sedes iniquitatis, qui fingis laborem in praecepto?

v. 21. Captabunt ⁵⁶⁾ in animam justis, et sanguinem innocentem condempnabunt (sic) ⁵⁷⁾.

v. 22. Et ⁵⁸⁾ factus est mihi Dominus in refugium, et Deus meus in adiutorium ⁵⁹⁾ spei meae.

v. 23. Et reddet illis ⁶⁰⁾ iniquitatem ipsorum ⁶¹⁾ et in malitia eorum ⁶²⁾ disperdet illos ⁶³⁾ (sic) Dominus Deus noster.

12. Блаженъ улюбкъ яегоже ты аще накажешн гн. и ѿ закона твоего наоучиши н.

13. Да оукротиши н ѿ дѣи лютъ. дондеже нзрыється грѣшномуу яма.

14. Яко не ѿринеть гь людн своихъ. н наследнн своего не ѿставитъ.

15. Дондеже правда ѿбратитъ на сѹ^а. н придръжася яен всн правнн срдѣмъ.

16. Кто встанеть мнѣ на злобоующнхъ. или кто со мною на творцахъ безаконнѣ.

17. Яко аще не бы гь помогль мнѣ. въ малѣ въселнася бы въ адъ дѣша моя.

18. Аще глѣхъ падвнжася нога моя, млтв твоѣ гн помагаше мн.

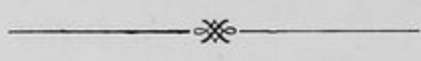
19. По оумноженню болѣзenni монхъ въ срѣци моѣмъ. оутѣшеннн твоѣ възвеселнша дѣшо мою.

20. Да не пребоудеть ко мнѣ прѣль безаконннхъ. създахъ троудъ на повелѣннѣ.

21. Оуловать на дѣшо праведннцю. н кровь неповннншоу ѿсоудать.

22. И бы мнѣ гь въ прнѣжнщѣ. н бѣ мон въ помощь оупованню моѣмоу.

23. И въздасть нмъ гь по безаконнню нхъ. н по злобѣ нхъ погоубеть я гь бѣ.—

³⁶⁾ vir,	³⁷⁾ Iah.,	³⁸⁾ legem tuam,	³⁹⁾ cum—нѣтъ,	⁴⁰⁾ ut quietem praestes,
⁴¹⁾ fodiat, revertetur ad justitiam iudicium,	⁴²⁾ impio,	⁴³⁾ derelinquet Iehova populum suum,	⁴⁴⁾ Nam tandem usque	⁴⁵⁾ qui—нѣтъ,
⁴⁷⁾ recti,	⁴⁸⁾ sunt— нѣтъ,	⁴⁹⁾ pro me contra,	⁵⁰⁾ aut—нѣтъ,	⁵¹⁾ pro me contra operarios iniquos,
⁵⁴⁾ in multitudine cogitationum mearum in intimo meo cons... laetificaverunt animam...	⁵²⁾ Nisi Iehova auxilio juvisset mihi, brevi habitasset in silentio,	⁵⁷⁾ condemnant,	⁵⁸⁾ At f... Iehova pro arce,	⁵³⁾ Iehova, sustentavit me,
⁵⁴⁾ congregant exercitum contra animam justis, petram fiduciae meae,	⁶⁰⁾ iis,	⁶¹⁾ eorum,	⁶²⁾ malorum ipsorum,	⁵⁵⁾ Nunquid,
⁶³⁾ succidet eos, succidet eos iniquam Iehova Deus noster.				⁵⁶⁾ con-
				⁵⁹⁾ in
				⁶³⁾ su-

О фрескахъ въ Ростовскомъ Спасо - Яковлевомъ Дмитріевомъ монастырѣ, въ церкви Преображенія Господня.

Еп. Амфилохія.

Церковь освящена Ростовскимъ митрополитомъ Кирилломъ въ началѣ XVII в., въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича ¹⁾. Сія прекрасная церковь въ 1777 году едва не подверглась грустной участи—сломкѣ до основанія такъ, что и камня на камнѣ не осталось бы отъ нея, какъ это сдѣлано было надъ церковью во имя св. великомуч. Георгія. Въ 1775 году архимандритъ Ѳеоктистъ доносилъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, что церкви во имя св. великомуч. Георгія и Преображенія Господня не нужны въ монастырѣ; нужно ихъ, какъ будто ветхія, сломать, а кирпичъ употребить на постройку каменной ограды. Но къ счастью настоятель сего монастыря въ 1777 году архимандритъ Амфилохій, по настоянію и усиленной просьбѣ глубокочтимаго тогда гробоваго Іеромонаха Амфилохія, удержался отъ сломки церкви во имя Преображенія Господня. Такъ, онъ доноситъ Святѣйшему Синоду: „Въ 1776 году церковь въ имя Великомученика Георгія разобрана. Кирпичу изъ нея оказалось 238,700. Употреблено въ дѣло (на постройку каменной ограды) 161,700“. О церкви же Преображенія Господня архим. Амфилохій такъ доноситъ св. Синоду: „Церковь же Преображенія Господня не разобрана, потому что она имѣется весьма твердая и для имѣющихся подъ нею кладовыхъ палатъ ²⁾, монастырю весьма необходима и нужна“. Вслѣдствіе такого донесенія св. Синоду архим. Амфилохія, церковь во имя Преображенія Господня цѣла и до сего времени и покрыта желѣзомъ, вмѣсто теса, какимъ она была покрыта въ 1777 году.

Мнѣ посчастливилось за иконостасомъ открыть драгоцѣнныя фрески ³⁾. Фрески помѣщены на колонкахъ, бывшихъ по двѣ у каждой изъ боковыхъ дверей иконостаса; одна у самой стѣнки, другая—по другую сторону двери на иконостасной стѣнѣ. Эти послѣднія, къ сожалѣнію, сбиты при постановкѣ иконостаса въ концѣ XVIII или нач. XIX в. Теперь онѣ замѣнены новыми,

¹⁾ На крестѣ за жертвенникомъ сей церкви написано: *вскагнса жертвенникъ во храмѣ Преображенія Гда и Бга и свѣа нашего Иѣа Христа преосвѣщеннымъ Кирилломъ, митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, при вѣговѣрномъ царѣ и великомъ кнзѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и вѣговѣрныхъ кнзѣхъ въ лѣто 7281—7282 (1603) года индикта ѿ. на память вѣгонсповѣдника Іакова мѣа марта 14 дна.*

²⁾ Въ одной изъ таковыхъ кладовыхъ палатъ съ правой стороны похоронена княгиня Марія, супруга Ростовскаго князя Василька, строительница Спасскаго монастыря и церкви Преображенія Господня. Здѣсь архим. Иларіонъ устроилъ въ 1887 г. придѣлъ во имя преп. Сергія и при ломкѣ столбовъ сводовъ едва не повредилъ верхнюю церковь Преображенія Господня. Благодаря хранителю древностей Ростовскихъ и члену Моск. Имп. Археол. Общ. А. А. Титову, архим. Иларіонъ остановился портить каменные стѣны нижней палаты.

³⁾ Копіи съ нихъ были въ одной изъ залъ выставки Съезда.

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. п.

деревянными, оштукатуреными и украшены такими-же украшениями альфресковыми. Старая живопись осталась въ цѣлости у каменныхъ стѣнъ и на карнизѣ. Ангеловъ колѣнопреклоненныхъ на облакахъ на каждой сторонѣ иконостаса по три; у каждаго изъ нихъ по хартіи. У одного— на сѣверной сторонѣ—на хартіи написано: „Дивна дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси“; у другаго: „Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“. У прочихъ остались только однѣ хартіи, а буквъ на нихъ не видно.

Посрединѣ карниза надъ царскими вратами изображено распятіе Христово, по правую и по лѣвую сторону—причащеніе Ангеловъ подъ обоими видами. Надъ сѣверною дверію изображено: „Иисусъ—Благое молчаніе“, а надъ южною—Знаменіе Божіей матери.

Въ каменной кладкѣ иконостасной стѣны въ пустомъ пространствѣ царскихъ вратъ отъ одной стѣны до другой—3 аршина, отъ одной колонки у царскихъ вратъ до другой— $3\frac{3}{4}$ арш., отъ стѣны до стѣны иконостасной каменной кладки съ пространствами царскихъ вратъ и боковыхъ дверей—6 аршинъ, высота стѣнки—5 арш. 2 вершка. На концѣ каменной кладки положенъ брусъ съ выемкою на срединѣ, гдѣ установленъ деревянный иконостасъ. Всѣ иконы иконостаса писаны вновь по образцу иконостаснаго складня XVII в., мнѣ принадлежащаго ⁴⁾. Такая же каменная кладка въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. Остальныя изображенія, если они и есть, прикрыты плотно прилегающимъ къ стѣнкѣ деревяннымъ иконостасомъ.

Въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, въ церкви Срѣтенія Господня на иконостасной стѣнѣ надъ царскими вратами нарисованы альфреско въ XVI в. два ангела съ рирідами, надъ сѣверною входною дверію въ алтарь изображенъ „Иисусъ — Благое молчаніе“, а надъ южною дверію — ангелъ, держащій въ рукахъ Нерукотворенный образъ Спасителя, какъ онъ же изображенъ въ Спасской Ростовской церкви близъ Кремля, построенной митрополитомъ Іоной Сысоевичемъ. Здѣсь на иконостасной стѣнѣ есть и ангелы колѣнопреклоненные, съ хартіями въ рукахъ. Но, къ сожалѣнію, они закрыты послѣ кіютами мѣстныхъ иконъ, обезобразившими иконопись иконостасной стѣны, росписанной во времена митроп. Іоны Сысоевича.

Замѣчательнѣе всѣхъ доселѣ мною видѣнныхъ иконостасныхъ стѣнъ—это—тонкія съ небольшимъ въ одинъ аршинъ ширины въ древнемъ Звенигородскомъ соборѣ XIV — XV в. На двухъ олтарныхъ тонкихъ столбахъ уцѣлѣли того времени прекрасныя фрески. На правомъ столбѣ во всю ширину столба нарисованъ св. царевичъ Іоасафъ въ коронѣ и съ хартіею и св. Зосима. Выше сего изображенія нарисованъ 7-конечный крестъ и въ медальонѣ—какой-то св. князь, какъ передавалъ мнѣ священникъ Рождественскій, видѣвшій эти изображенія при возобновленіи сего собора и иконостаса Стариченко. На другомъ столбѣ нарисованъ ангелъ въ схимническомъ одѣянніи и Пахомій—съ хартіею слѣдующаго содержания: **Англь Гднъ явнса Пахомію и речъ емъ о собѣ исправнлъ еси .. .нше (sic) тѣне збо съднши въ пещерѣ сен. Почти буквально тоже написано подъ 15 числомъ мая въ Прологѣ 1580 г., мнѣ принадлежащемъ: съдѣцію емъ (Пахомію) в пещерѣ. явнса емъ англь гнь. глѣ емъ. пахоміе оуже ты себе оуправнлъ еси. бещннж (sic) оубо съднши в пещери сен. нди оубо збери оум (sic) уерноризца и живи с нимн по образж. егоже азъ ти дамъ. и тако нмъ законъ оуставн. и подасть емъ. дщіцію меданж в ненже напнсано баше. попжцѣн комждо части и пнтн по силъ... (л. 200). Въ печатномъ прологѣ 1692 г. сего сказанія нѣтъ. Въ Четъей - Миней 1700 года читаемъ: **Єдиною же ѿшедшѣ емъ (Пахомію) не малое ѿ келіи разстоупнѣ, и к мѣстѣ нарицаемому табеннсіютъ приближившѣся слыша в мѣтвѣ своей гласъ скыше к немъ глѣющъ: превъди здѣ Пахоміе и створи на семъ мѣстѣ монастырь. Прїидѣтъ бо къ тебѣ мнози извола сїстнса нже наставнши на добродѣтельное въ иноуествѣ житіе по образъ и оуставъ, егоже авіе послю тебѣ. Ѡ таковъмъ бжественомъ гласѣ оудивляю-****

⁴⁾ Находился на выставкѣ Съезда (см. Каталогъ—Отдѣлъ церковныхъ древностей, № 102, стр. 14—15).

цносѣ блаженномъ Пахомію, предста емѣ ангѣль въ образѣ великаго иноковъ совершенныхъ уннѣ (еже есть стѣла схима) и даде в рѣцѣ егѣ дѣицѣ имѣцѣю написаннымъ оуставы иноуескаго и постниуескаго житіа и правила (л. 586 об).

Выше упомянутаго изображенія (Ангела въ схимѣ и Пахомія) также, по словамъ свящ. Рождественскаго, нарисованъ 7-конечный крестъ и въ медальонѣ—св. князь. Онъ полагаетъ въ нихъ видѣть князей св. Бориса и св. Глѣба, хотя на этомъ и не настаиваетъ.

По всей вѣроятности, Московское Императорское Археолог. Общество сниметъ съ этихъ изображеній кальки и обнародуетъ ихъ для любителей дорогой всеѣмъ Русскимъ старины.—Соборъ замѣчателенъ прочностью своей постройки; здѣсь незамѣтно ни одной трещины, и доселѣ цѣль наружный карнизъ близъ крыши, высѣченный изъ бѣлаго камня, кольцеобразный, XIV—XV в.

О редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго.

М. И. Соколова

Предлагаемое сообщеніе касается нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго. Въ этомъ житіи, какъ извѣстно, разсказывается о сокрушеніи Аврааміемъ идола Велеса при введеніи христіанства въ Ростовъ при св. Владимірѣ и объ основаніи ростовскаго Богоявленскаго монастыря. Въ виду этого житіе св. Авраамія привлекается, какъ источникъ, въ исторіи распространенія христіанства и монастырской жизни на Руси. Такъ какъ сообщаемыя житіемъ свѣдѣнія объ указанныхъ предметахъ весьма важны, то естественно возбуждается вопросъ о доброкачественности источника, о его происхожденіи и литературной исторіи, т. е. о редакціяхъ житія. Сообщаемый ниже новый матеріаль можетъ также имѣть не маловажный и историко-литературный интересъ, живо рисуя агіографическую литературную работу одного изъ книжниковъ, бравшихся за составленіе житій.

Преосвященные Макарій ¹⁾ и Филаретъ ²⁾ и проф. В. О. Ключевскій ³⁾ признаютъ три редакціи житія св. Авраамія. 1-я краткая и древнѣйшая, *нач.* „Преподобный отецъ нашъ Авраамій бѣ родителю благочестиву“; списки ея встрѣчаются не ранѣе XVI вѣка. 2-я болѣе пространная, *нач.* „Еже удивитися (*или* дивитися) святыхъ трудомъ добро“; списки также не древнѣе XVI вѣка ⁴⁾. 3-я редакція, позднѣйшая, извѣстна была тремъ упомянутымъ изслѣдователямъ по выдержкѣ, сообщенной преосв. Макаріемъ изъ рукописнаго устава XVIII в. Валаамской обители. Въ первой редакціи не указана родина Авраамія, пространно разсказано о сокрушеніи идола и борьбѣ съ діаволомъ; въ концѣ—краткая похвала святому. Во второй редакціи указывается родина Авраамія—въ градѣ Чухломѣ въ галицкихъ предѣлахъ отъ *благочестивыхъ* родителей; Авраамій путешествуетъ въ Новгородъ, приходитъ на Валаамъ, постригается тамъ, потомъ является въ Ростовъ. Дальнѣйшее содержаніе сходно съ краткимъ житіемъ. Въ третьей редакціи указывается на *языческое* происхожденіе Авраамія, носившаго первоначально имя Иверка; обращенъ въ христіанство въ Чухломѣ новгородскими выходцами, путешествуетъ въ новгородскіе монастыри и постригается на Валаамѣ въ обители Живоначальной Троицы.

1) Исторія Русской церкви I ², 269 и сл.

2) Русскіе святые, 29 окт.

3) Древне-русскія житія святыхъ, стр. 26 и слѣд.

4) Перечень списковъ 1-й и 2-й ред. можно найти въ книгѣ Барсукова Источники русской агіографіи. Спб. 1882.

Иначе взглянулъ на взаимное отношеніе двухъ первыхъ редакцій проф. Е. Е. Голубинскій⁵⁾. Первую краткую редакцію онъ призналъ проложнымъ позднѣйшимъ сокращеніемъ второй редакціи, которая и есть, по его мнѣнію, нормальное первоначальное житіе, дошедшее до насъ въ интерполированномъ, искаженномъ видѣ. Сущность соображеній проф. Голубинскаго заключается въ слѣдующемъ. Приуроченіе въ нормальномъ житіи времени жизни Авраамія къ эпохѣ св. Владиміра и сына его св. Бориса, а также первыхъ ростовскихъ епископовъ Θεодора и Иларіона есть дѣло позднѣйшаго интерполятора. Въ первоначальной редакціи этого не было. Доказательство этого находится въ нѣкоторыхъ спискахъ сокращеннаго проложнаго житія (Лаврск. списки №№ 643 и 693), не имѣющихъ этихъ именъ — признакъ, по мнѣнію Голубинскаго, что сокращеніе сдѣлано было ранѣе интерполяціи. Если въ большинствѣ списковъ и краткой редакціи встрѣчаются тѣ же имена и лица, то объясняется это позднѣйшимъ вліяніемъ интерполированной первоначальной редакціи житія на сокращенную. Предположенія г. Голубинскаго даютъ возможность объяснить разныя несообразности въ нормальномъ житіи интерполированной редакціи и опредѣлить время жизни Авраамія—гораздо позднѣе, „когда въ Ростовѣ была цѣлая семья удѣльныхъ князей“ (конецъ XIII и XIV вѣкъ), когда существовалъ уже Валаамскій монастырь (XIV вѣкъ), когда великій князь (не Владиміръ святой) жилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Проф. Голубинскій склоненъ отождествить препод. Авраамія съ ростовскимъ игуменомъ Аврааміемъ Низкимъ, сопутствовавшимъ митроп. Пимену въ Царьградъ во второй половинѣ XIV вѣка, именно въ 1385 году. Это, по мнѣнію Голубинскаго, можетъ объяснить легенду о повелѣніи Авраамію идти въ Царьградъ за жезломъ Іоанна Богослова. Пимень въ 1379 г. былъ заточенъ въ Чухлому: тамъ онъ и могъ познакомиться съ Аврааміемъ. Нормальное житіе, по мнѣнію проф. Голубинскаго, появилось не позднѣе 1534 г., такъ какъ подъ этимъ годомъ о немъ упоминается въ Тверской Лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 114); около этого же времени впервые имя св. Авраамія встрѣчается въ святцахъ. По одной службѣ князь, судившій Авраамія, носитъ имя Андрея; по мнѣнію проф. Голубинскаго, это могъ быть князь Андотскій Андрей Михайловичъ (родосл. кн. по изд. Новик. II, 165).

Третью редакцію житія св. Авраамія проф. Голубинскій считаетъ также позднѣйшимъ распространеніемъ первоначальнаго житія; онъ знаетъ ее не по выдержкѣ только преосв. Макарія, но по полному списку XVIII в., указанному ему еще А. В. Горскимъ. Намъ удалось найти еще списокъ этой очень рѣдкой редакціи⁶⁾. Значеніе этого списка состоитъ въ томъ, что въ немъ послѣ житія находится обстоятельный рассказъ автора этой редакціи о самомъ себѣ и о своей литературной работѣ; этотъ рассказъ по другимъ спискамъ неизвѣстенъ. Рассказъ этотъ имѣетъ какъ частное значеніе—для сужденія о редакціяхъ Аврааміева житія, такъ и болѣе общее—для знакомства съ приемами при передѣлкахъ житій въ нашей старой письменности и съ отношеніемъ къ подобнымъ работамъ современниковъ. Кроме того, въ этомъ рассказѣ есть не мало очень любопытныхъ бытовыхъ данныхъ, имѣющихъ интересъ археологическій. Въ виду этого приводимъ этотъ небольшой рассказъ сполна⁷⁾.

⁵⁾ См. Истор. русск. ц., т. I, 2-я половина, стр. 641 и слѣд., въ особомъ трактатѣ: „О мнѣніи основателѣ Богоявленскаго монастыря препод. Авраамія“.

⁶⁾ Рук. XVIII в., содержащая б. ч. житія Ярославскихъ и Ростовскихъ святыхъ; принадлежитъ И. Н. Михайловскому въ Нѣжинѣ.

⁷⁾ Все житіе по 3-й ред. издано нами сполна по этому же списку въ Яросл. Епарх. Вѣдом. 1890 г. №№ 14 и 15.

СЛОВО О ЯВЛЕНІИ ЧЮДОТВОРЦА АВРАМІЯ И О СНИСКАНИИ РОДОСЛОВІЯ ЕГО И О ЧЮДЕСѢХЪ НЫНѢ БЫВШИХЪ И О ТРОСТИ БОГОСЛОВЛИ.

Иже исперва святіи отцы и братія о родословіи чюдотворца Авраамія въ прежде написанномъ житіи его токмо возвѣщено отъ предѣль Галицкихъ града нарицаемаго Чюхлома и обители постриженъ Валаамовы. Потомъ же во многовременныхъ днехъ и въ древнихъ лѣтехъ о родословіи чюдотворцевъ снисканіе бѣ того же монастыря архимандрита Іоакима, иже бѣ и церковь каменну съ четырма предѣлы постави повелѣніемъ царя Іоанна Василіевича, его царскою казною; ко освященію же святыхъ церквей со святыми иконы корсунскими и со всею церковною утварію самъ царь приде со образы и книгами, и божественными службами церковь Божию украси, яко невѣсту Христову, и молебная совершивъ, и у чюдотворца Авраамія изъ гроба Богословлю трость взя на одолѣніе Казанскаго царства, да тако и бысть взята Казань въ ѡа (1552) году октовріа въ день.

О родословіи чюдотворцовъ у архимандрита Іоакима снисканіемъ его къ прежденаписанному житію не вписано, не вѣмъ, чесо ради: церковнаго ли ради строенія и совершенія, или царскаго ради пришествія въ забвеніе улучися; и преставися въ ѡг (1555) году. Та же его о чюдотворцевъ родословіи снисканія остася у ученика его у уставщика Гурія. И той о чюдотворцовъ и о пребываніи и о обрѣтеніи мощей его многимъ совершеннымъ юнымъ людемъ повѣда, къ древнему же чюдотворцову житію не вписа, понеже старъ зѣло за сто лѣтъ, и другому уставщику Савѣ Писцу не отда, мню, яко зависти ради, жестоко бо бѣ, и въ ѡѣ (1571) году преставися. Та же Іоакимова снисканія и всякія писмена остася въ келіи у ученика его у Никифора, и той не вня, и собра его вся писмена, положи сокровенно. И той Никифоръ въ ѡѣ (1591) году преставися. Старець же его Тарасій вся его писмена и Гуріева собра во единомѣсто и запечатавъ посла къ Москвѣ къ сыну его въ посольской приказъ. Сынъ же его примъ и взя своя, и царскія грамоты, и наказы, и крѣпости избра къ себѣ, монастырскаго же не внимахъ и вся вонъ метяхъ, и въ свяскѣ повелѣ въ простѣ поврещи. И егда въ московскомъ государствѣ наста мятежь и крамола, и той Никифоровъ сынъ посланъ бѣ на Бѣло озеро и въ Галицкія и въ Поморскія города и бѣ тамо управляся съ чернью надъ воровскими и надъ Литовскими людми, засѣками промышлялъ и многихъ побиваль, молитвами чюдотворца Авраамія. А съ нимъ было московскихъ ѣї князей, да семьдесятъ чловѣкъ дворянъ, и тѣхъ людей всѣхъ отъ себе въ Великій Новъ-градъ отослалъ. И услышавъ то, яко многія города отъ прелести вражія къ Богу и Государю обратилися и съ повинными на Бѣло озеро пришли и стали за единъ, и собрався съ великими людми подъ Москвою былъ и надъ царствующимъ градомъ спасеніе Божіе и Царя Царствующаго видѣли. Потомъ себе повергъ по обѣщанію своему ко иночеству во рїѣ (1641) году и приде къ чюдотворцу Аврамію зъ грамотою. И его на монастырь не пустили. Онъ же отыде печалень велми. И потомъ паки приде ко другому архимандриту во рїд (1646) году, и той отказа ему, онъ же отыде скорбя въ весь свою печалень, зѣло тужа и глаголя, яко много работахъ дому чюдотворцову и давалъ вклады великіе, а въ монастырь мене не пустили, и съ печали впаде въ недугъ лють и много скорбя и моляся чюдотворцу Аврамію, глаголя: „чимъ тебѣ, государя, прогнѣвахъ или кое зло твоей святой обители сотворихъ: за что мене отъ своея обители отлучи?“ И скорбя зѣло и плачяся и мало успе, и видѣвъ пришедша ко мнѣ Аврамія чюдотворца во святемъ сану со многими и посохомъ мя удари, глаголя: „встани и отдаждь снисканіе Іоакимова родословія моего“. Азъ же падая и вопія, моляся: „никако же, господи, не вѣмъ“. Онъ же рече ми: „идѣже рабская хранилищная мѣста отъ невѣрныхъ“. И показа ми въ дебри три древа и коснумися тягостно и не видимъ бысть. Азъ же воспрянувъ трепеща и бывъ въ недоумѣніи въ вопрошеніи его и ощу-

тився, яко здоровъ бѣ. И созва рабовъ своихъ и вопросы ихъ о хранилищахъ. Они же рѣша ми, яко и мѣсть не обрѣстися, землею наполнилося, лѣтъ есть ѿ (50). Азъ же повелѣ себѣ въ дебрь вести по хранилищнымъ мѣстамъ, и много ми показали мѣсть, и не бѣ. И внезапно узрѣ древа три, показанная ми чудотворцемъ, и обрѣте мѣсто хранилищное и повелѣ мотыками землю копати и вонъ носити, и три дни копахъ до подошвы и обрѣте связокъ велій писанія: вся истлѣ; и на рѣцѣ въ мучныхъ плетеныхъ сосудехъ съ того писма землю омывая и лоскутки избирая и вспоминая слышанная во младенчествѣ отъ уставщика Гурія и помалу вся помощію чудотворца Авраамія исписа и поиде во святую обитель.

И у чудотворца молебная совершивъ и прииде ко архимандриту и ко братіи. Они же мя любезно пріяша и постригоша и учителю вручиша мя. И пребывъ въ келіи и помышляя, како бы сіе Іоакимово снисканіе къ прежнему написанному чудотворцову житію присовокупивъ вписать по достоинству. И у (у)ставщика священномонаха Космы испроси книгу древняго чудотворцова житія и помоляся Богу и пречистой Богородицѣ и преподобному Аврамію чудотворцу и помалу паметуя Гуріева сказанія о семъ и сіе Іоакимово снисканіе присовокупивъ къ прежнему чудотворцову житію и нача дѣлу касатися и вписа, давшему ми помощь чудотворцу Аврамію. Молю же васъ, святіи отцы и братія, чтущіи и слушающіи: аще что вашему преподобію о присовокупленіи къ преждеписанному чудотворцову житію не угодно явится, Господа ради благословите, а не клените, и своимъ благочестіемъ исправляйте, понеже бо состарѣхся, лѣтъ ми девяносто и въ дряхлости обеспамятствовахъ, а не присовокупивъ и не вписать не смѣ, но появленію чудотворца Авраамія и наказанія его тако сотворихъ.

ЧУДО СВЯТАГО АВРАМІЯ ЧУДОТВОРЦА.

Въ лѣта зриз (1649) году августа въ ѿкъ день той же обители архимандритъ Ермогенъ, пришедъ къ пишущему сіе чудотворцево житіе, вземъ прочте его и глагола, яко „не повелѣно сего житія въ церковь пріимати, чудотворецъ бо бѣ во дни Владимира Мономаха“, и поверже житіе. Азъ же повѣда ему, яко чудотворецъ чудодѣйствова и сотвори въ Ростовѣ чудо: идола Велеса сокруши и съ каменіемъ въ бездну посла при первыхъ епископѣхъ Ѳеодорѣ и Иларіонѣ, и діавола обличи предъ великимъ княземъ Владимиромъ, крестившему російскую землю, а Мономахъ еще въ тыя дни и не родился и въ Володимерѣ не бывалъ, кромѣ его внучать. Слышавъ же сія, Ермогенъ быстро нача зрѣти сѣмо и овамо, и лицу его премѣншуся, и потече исъ келіи скоро за монастырь и повелѣ мску привести и всѣдше поиде московскимъ путемъ и преѣха Ишню рѣку и вся отврати слуги и взя одинаго отъ отрокъ и поиде къ западу въ дебрь и два дни да ноцъ глумихся. Келаръ же и братія многихъ по немъ слугъ послаша и едва его изыскавъ и возвративъ во обитель. Видѣвъ же его келаръ и братія премѣнна зракомъ и повелѣ у него быти четверемъ слугамъ. И въ другій день той Ермогенъ отъ нихъ скрыся и о немъ во обители бывшу звону, и вси людіе збѣгошася и ту въ обители и около монастыря искахъ и не обрѣтохъ. Келаръ же и братія зѣло въ печали быша и внезапно обрѣте его въ дымной трубѣ и едва оттуду извлекли. Аще бы мало время умедлено, то бы тутъ и скончался. Келаръ и братія повеле быти со слугами казначею да конюшему, и бѣ два дни утѣшая его и изыде за нимъ за монастырь и поиде въ поле, дабы хлѣба дозреть, и по малу доиде до дебри и избѣже отъ нихъ и утече отъ нихъ въ дебрь и не видимъ бысть. И бысть о немъ звону и всю дебрь людьми обступиша, и той день искахъ его и не обрѣтохъ его. Келаръ же и братія повѣда о немъ митрополиту, митрополитъ же со гнѣвомъ отрече имъ: „врази есте, яко во блатѣ погрузили его“. Келаръ же и братія по всѣмъ путемъ послаша многихъ людей на зысканіе его. Калугеръ же той, пишущій чудотворцево житіе, созва въ церковь всю братію къ

чюдотворцу Аврамію и священникамъ повелѣ молебень пѣти и молити Бога и пречистую Богородицу и преподобнаго Аврамія чюдотворца, дабы избѣгшаго обрѣсти и отъ таковаго слова святительскаго избыти и святую обитель отъ укоризны избавилъ и оправдалъ. И единому слугѣ, именемъ Григорію, женише къ Ярославлю и вопрошахъ многихъ и на Сотмѣ, но никакоже вѣдѣ, и паки отъ Воскресенія Сотмы поиде путемъ своимъ и отыде поприща съ три, и нанесе ему гласъ въ дебри сѣкущаго: „туть, туть“. Онъ же ста и нача слушати: егда древодѣль по древу сѣчивомъ ударить и гласу бывшу къ нему „туть, туть“ и еще пожда, но тому жъ гласу бывшу; и тому Григорію возвращшуся на той гласъ въ дебрь сѣкущаго и найде его и вопрошахъ его, онъ ли той гласъ испущалъ, „туть, туть“. Древодѣль же отречеса „ни“, и повелѣ ему сѣщи—той же бѣ гласъ. Онъ находя и узрѣ храмину, заметану древесы, и призвату близъ живущихъ и вопросы ихъ: „что есть въ дебри храмина замкнута и древесы двери завалены?“ Они же повѣдаша ему, яко ту пустынный пребываетъ, нынѣ же онъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Той же Григорій, пришедъ ко дверемъ, нача двери очищати. Въ келіи же той нача пресмыкаться и отверзе двери и взя его и вопрошахъ: кто его ту посади? Онъ же ему отвѣща: „Не вѣдѣ“. И приведе его во святую обитель. Келарь же и братія возда хвалу Христу Богу и чюдотворцу Аврамію и обрадовася и пріяхъ его честно и съ нимъ поиде къ митрополиту объявить, яко здравъ бѣ. Онъ Ермогенъ архимандритъ билъ челомъ митрополиту, дабы его отпустилъ къ Москвѣ. Митрополитъ же благословилъ и изъ обители его отпустилъ и на Москвѣ билъ челомъ святѣйшему патриарху на обѣщаніе, и отпущень въ Переславль.

Вотъ тѣ новыя свѣдѣнія относительно житія Авраамія Ростовскаго, которыя найдены нами въ рукописи И. Н. Михайловскаго. Изъ нихъ можно сдѣлать нѣсколько интересныхъ выводовъ относительно редакцій Аврааміева житія, особенно послѣдней 3-й. Эта пространная редакція появилась въ 1649 году; она составлена 90-лѣтнимъ инокомъ ростовскаго Богоявленскаго монастыря Григоріемъ, сыномъ Никифора, который въ концѣ своей жизни былъ такъ же инокомъ Богоявленскаго монастыря и умеръ въ 1591 году. Отецъ и сынъ принадлежали къ служилому сословію, владѣли помѣстьями и рабами, въ 1591 г. Григорій служилъ въ посольскомъ приказѣ; въ смутное время онъ командовалъ значительнымъ отрядомъ московскаго войска въ Бѣлозерскихъ краяхъ противъ русскихъ воровскихъ людей и литовцевъ и участвовалъ въ освобожденіи Москвы.

Въ семьѣ этихъ служилыхъ людей хранились разные документы; царскіе грамоты, указы, крѣпости и пр. Въ 1641 г. уже въ глубокой старости Григорій сталъ проситься въ Аврааміевъ Богоявленскій монастырь, въ которомъ прежде доживалъ свой вѣкъ его отецъ Никифоръ и въ который самъ Григорій дѣлалъ богатые вклады; на этомъ онъ и основывалъ свое право на постриженіе въ этомъ монастырѣ.

Находясь въ монастырѣ, старецъ Григорій пожелалъ пополнить житіе преп. Авраамія. Ему было извѣстно одно только „древнее“ житіе, рукопись котораго онъ получилъ отъ монастырскаго уставщика Космы. Это несомнѣнно была вторая редакція житія по классификаціи преосв. Макарія и Филарета и В. О. Ключевскаго, или первая, т. н. нормальная, по опредѣленію Е. Е. Голубинскаго. Въ ней упоминалось о происхожденіи Авраамія изъ Чухломы и о постриженіи его на Валаамѣ. Нашъ авторъ прибавилъ указаніе на языческое происхожденіе Авраамія, носившаго первоначально имя Иверка, а по крещеніи Аверкія, рассказалъ исторію обращенія его въ христіанство новгородскими выходцами и добавилъ нѣкоторыя подробности относительно путешествія по новгородскимъ монастырямъ. Въ остальномъ содержаніи житія онъ не сдѣлалъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ, есть лишь не важныя дополненія, напр., указаніе на безуспѣшность еп. Θεодора въ распространеніи христіанства въ Ростовѣ и удаленіе

въ Грецію (взято изъ житія св. Леонтія); въ нашемъ спискѣ поставленъ также годъ преставленія Авраамія (1010) и открытія его мощей (1175).

Старець Григорій увѣряетъ, что эти добавочныя свѣдѣнія имъ не выдуманы, а заимствованы изъ записей архим. Іоакима, производившаго разысканія „о родословіи“ Авраамія передъ взятіемъ Казани по поводу постройки каменной церкви на счетъ казны царя Ивана Васильевича, и изъ рассказовъ ученика Іоакимова, уставщика старца Гурія, слышанныхъ нашимъ авторомъ еще въ дѣтствѣ. Старець Григорій рассказываетъ чудесную исторію сохранения и открытія Іоакимовыхъ записей, зарытыхъ въ смутное время въ землю. Насколько правды въ этомъ, любопытномъ во многихъ отношеніяхъ, рассказѣ, судить трудно, но что у старца Григорія были въ рукахъ старыя записи касательно Богоявленскаго монастыря, это, кажется, не сомнѣнно. Въ концѣ житія, по нашему списку находится любопытная замѣтка о судьбѣ одного села, принадлежавшаго Аврааміеву монастырю, которому, по житію, съ самаго его основанія князья много жертвовали земельныхъ участковъ. Вотъ эта замѣтка: „Въ лѣта 6981 (1473) году, егда князь великій Іоанъ изъ Риму царевну взялъ, дочь деспоты Аммарейскаго Ѳомы, и та чудотворцова вотчина, село Угодное, взято на время, и у иныхъ у многихъ; и потомъ сынъ его князь Іоанъ женился у волоскаго воеводы у Стеана на Еленѣ. И въ томъ замолчали, а изъ монастыря не били челомъ. И въ 34 году (т. е. 7034 или 1526), какъ сынъ его князь Василій Іоанновичъ княгиню свою Соломаниду Сабурову постригъ, а взялъ Глинскихъ Елену, и тою вотчиною завладѣли Глинскіе“. Повидимому, эта записъ старая, б. м. дѣйствительно взята изъ бумагъ арх. Іоакима.

Какъ же отнеслись современники къ литературной работѣ старца Григорія? Откровенный авторъ рассказываетъ, что тогдашній архимандритъ Ермогенъ, прочитавши Григоріеву обработку житія, „глагола, яко не повелѣно сего житія въ церковь пріимати, и поверже житіе“. Впрочемъ, авторъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что за такое дерзновеніе архимандритъ наказанъ былъ изступленіемъ ума, и сообщаетъ весьма интересный въ бытовомъ отношеніи рассказъ о безуміи Ермогена. Авторъ приводитъ и нѣкоторыя изъ возраженій Ермогена противъ правдивости редактированнаго Григоріемъ Аврааміева житія. Ермогенъ утверждалъ, что св. Авраамій жилъ не при Владимірѣ святомъ, а при Владимірѣ Мономахѣ. Несомнѣнно, что оба противника были одинаково не правы, но важно то, что уже въ XVII вѣкѣ поднятъ былъ вопросъ въ самомъ Богоявленскомъ монастырѣ о времени жизни св. Авраамія.

**Одна изъ передѣлокъ исторіи Славяно-болгарской іеромонаха
Паисія, сохранившаяся въ рукописи № 1731 собранія
проф. Григоровича.**

Л. А. Лаврова.

Изъ народовъ Балканскаго полуострова послѣ потери политической самостоятельности особенно тяжелая доля выпала Болгарамъ.

Съ одной стороны виной тому было географическое положеніе Болгаріи. Въ то время какъ Сербы соприкасались на западѣ съ христіанской державой, въ предѣлы которой они спасались всякій разъ, когда иго поработителей становилось невыносимымъ, Болгаре, отрѣзанные отъ всякаго убѣжища, должны были оставаться безмолвной жертвой азіатскаго фанатизма. Это сознавалось уже въ XVIII в. тѣмъ писателемъ, о которомъ будетъ рѣчь: „Болгари отъ словенски вси народи прежде пріяли православіе, прежде имеели себѣ патріарха и цари и по своему языку читати почели, но Болгаріи посреде Турчиномъ, близу Цариградъ, за су весма озлоблены и пограны Болгари отъ Турковъ, якоже видится, за то не могутъ ныкакову хытрость или мудрость книжною воспріяти“ Истор. Слав. болг. 44.

Съ другой стороны, утративши политическую самостоятельность, Сербы все же сохранили независимое церковное управленіе,—Болгаре и въ этомъ отношеніи были несчастіе. Вмѣстѣ съ потерей царства они утратили и церковную независимость. Грекамъ удалось уничтожить Тырновскій патріархатъ, результатомъ чего было подчиненіе болгарскаго населенія въ церковномъ отношеніи власти Константинопольскаго патріарха. Лишась такимъ образомъ поддержки народной церкви, Болгаре были обречены на духовную смерть, и мы видимъ, что эленизація за время турецкаго владычества пустила въ болгарскихъ краяхъ глубокіе корни. Высшая степень упадка замѣчается въ XVIII вѣкѣ. Такъ историкъ южныхъ славянъ архимандритъ Раичъ, изложивъ внѣшній ходъ болгарской исторіи, въ послѣднихъ параграфахъ указываетъ на всю тяжесть обрушившагося на Болгаръ турецкаго ига: „Подпадше они подъ иго Турское, и до днешняго дне подъ ярмомъ ихъ стонуть“. Часть I, стр. 493. „Родъ сей Болгарскій по природѣ возрастомъ средственъ, тѣломъ крѣпокъ, умы не изученъ, нравы просты, въ вѣрѣ постоянны, въ богатствѣ скудены. Зане ненасытное Турское грабленіе розными происками вся имѣнія ихъ истощили, по чему въ крайнемъ убожествѣ жизнь свою проводятъ“ ів. „Арма или знамя всея Болгаріи былъ левъ яростенъ стоящъ простертыми предними ногами къ грабленію, златнымъ вѣнцемъ славы увѣнчанъ. Но порожденіемъ ехиднинымъ Мугамеда лже-пророка уязвленъ и

умерщвленъ, вѣнецъ и славу съ дыханіемъ погубилъ, лежитъ и до нынѣ бездушень“ ів., стр. 496.

Быть можетъ, не безъ вліянія Раича владыка Черногорскій Петръ II-й Петровичъ Нѣгошъ, изображая положеніе христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова при самозванцѣ Степанѣ Маломъ въ мрачныхъ краскахъ, мѣткими стихами охарактеризовалъ глубокой упадокъ національнаго сознанія Болгаръ. Мы позволяемъ себѣ привести цѣликомъ это интересное мѣсто. Выведенный на сцену въ драмѣ (Степанъ Малый) посоль Екатерины Князь Долгоруковъ обращается къ Черногорцамъ съ призывомъ къ возстанію противъ Турокъ: „Турція теперь не та, что была прежде. Броженіе проникло въ народы, пробудился духъ народный, всѣ чуютъ близость освобожденія. Турецкая имперія въ Европѣ стоитъ, какъ стогъ сухой соломы или сѣна, нужна лишь смѣлая рука подложить съ одной стороны огонь, чтобы онъ весь обратился въ пепель. А такой рукой можете быть Вы, если захотите“. Одинъ изъ Черногорцевъ отвѣчаетъ князю: „Такъ говорить и думать можетъ лишь тотъ, кто не знаетъ положенія вещей, а не тотъ, кто хорошо знаетъ дѣло. Можемъ ли мы это сдѣлать безъ чьей либо посторонней помощи, когда Босняки, наши родные братья, слѣпы и ничего не видятъ. Коранъ лишилъ ихъ зрѣнія, коранъ запятналъ ихъ образъ, между ними нѣтъ человѣка, который бы не умеръ за коранъ, ставшій ихъ жалкой святыней! О свободѣ и народности никто у нихъ не имѣетъ понятія, они схоронили ихъ въ гробу. Арнаутъ ни рыба, ни мясо: для него не существуетъ народности и свободы, онъ не дорожитъ своей честью, продается тому, кто дастъ больше, все сдѣлаетъ за деньги: продастъ мать, убьетъ отца; и героя Скендербега Юрія (который не былъ похожъ на нихъ; на дядей Бальшичей, сербскихъ князей, походилъ Юрій) славнаго геройствомъ (такого никогда имъ больше не видать) продали Туркамъ; еслибы ночью благодаря счастливой случайности съ постели не бѣжалъ Юрій, они сняли бы съ него голову и продали Султану. Мы помогали Скендербегу бороться противъ Турокъ, но Арнауты не хотятъ этого знать, они самые ярые наши враги. О Грекахъ не умѣю тебѣ ничего сказать, но съ ними трудно уладить дѣло безъ посторонней помощи. *Болгаринъ—трупъ бездушный, онъ убитъ дубиной въ самую голову, не помнитъ своего прошлого*“.

Изъ современныхъ намъ болгарскихъ историковъ М. С. Дриновъ также считаетъ XVIII в. и особенно его первую половину самой мрачной эпохой въ жизни болгарскаго народа, когда не было въ немъ ни малѣйшаго проблеска народной жизни, когда Болгаре перестали существовать какъ народъ, представляя изъ себя лишь толпу поработенныхъ, когда, повидимому, и исчезала всякая надежда на воскресеніе Болгаріи.

Но какъ всегда бываетъ, въ тяжелую годину существованія отъ безотрадности настоящаго взоры человѣка обращаются къ прошлому, и въ немъ нерѣдко находятъ онъ источникъ одушевленія; такъ случилось и съ Болгарами.

Къ счастью для южныхъ Славянъ на Святой горѣ было у нихъ такое убѣжище, въ которомъ, благодаря заботамъ и щедрой поддержкѣ своихъ государей въ эпоху политическаго могущества, и Болгаре и Сербы имѣли богатые монастыри. Въ этихъ монастыряхъ съ большей свободой, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, въ тиши монастырскихъ келій продолжалась литературная дѣятельность славянскаго юга. Преимущество Аѳона было и въ томъ, что здѣсь встрѣчались вмѣстѣ всѣ православные славяне: Болгаре, Сербы и Русскіе.

Въ одномъ изъ знаменитыхъ аѳонскихъ монастырей Хиландарскомъ, въ которомъ уже и тогда были не одни Сербы, а и Болгаре,¹⁾ написалъ свой проникнутый горячимъ патриотическимъ чувствомъ трудъ по исторіи болгарской іеромонахъ Паисій, родомъ изъ Самокова. Это

1) Но, разумѣется, что монастырь былъ сербскій; это знали жившіе въ немъ Болгаре, считая настоящимъ болгарскимъ монастыремъ только Зографскій: „нынѣ точію осталъ болгаромъ ту единъ монастырь Изуграфъ“. Паис. стр. 52.

была „Исторія славено-болгарская о народѣхъ и о царѣхъ и святыхъ болгарскихъ и о всѣхъ дѣянїя и бытїя болгарская. Собрано и нареджено Паисіемъ іеромонахомъ бывшаго во святѣи гори Аѳонскїа отъ епархіи Самоковскїа, въ лѣто 1762 на пользу роду болгарскому“. ¹⁾ Изъ послѣсловїа къ труду Паисїа видно, что онъ писалъ его въ Хиландарѣ при игуменѣ Лаврентїи, родномъ своемъ братѣ, когда ему было 40 лѣтъ. Побужденїемъ къ написанїю исторїи были укоры Сербовъ и Грековъ, обращенные къ Болгарамъ, почему они не имѣютъ своей исторїи. Патриотическое чувство Паисїа, живо задѣваемое этими укорами, заставило его собирать матеріалъ для исторїи болгарской.

Полнаго очерка болгарской исторїи, написаннаго Болгариномъ, Паисїй не нашель: ему приходилось разыскивать свѣдѣнїя о болгарской исторїи во многихъ книгахъ; не прекращая однако поисковъ, онъ нашель сочиненїе Мавро-Орбини, вѣроятно въ русскомъ переводѣ Теофана Прокоповича. Но трудъ католика не удовлетворялъ Паисїа: въ немъ онъ не находилъ никакого упоминанїя о болгарскихъ святыхъ, находилъ неправильнымъ изложенїе о сербскихъ святыхъ. Не довольствуясь тѣмъ, что было подъ его руками въ Хиландарѣ, Паисїй отправился въ Зографъ и тамъ нашель много новаго для своей исторїи, что и прибавилъ къ написанному въ Хиландарѣ.

Такъ говоритъ Паисїй о происхожденїи своего труда и источникахъ его въ послѣсловїи; но если мы обратимся къ самой его исторїи, то найдемъ и другїя указанїя. Кромѣ упомянутаго сочиненїя Мавро-Орбини Паисїй ссылается на хронику Баронїа, извѣстны были ему и русскїя историческїя сочиненїя XVII в. „различни исторїи рукописни и печатни, что извадили Русы и Московцы особно ради словѣнскаго народа, откуда повлекли свое племя“. Вѣроятно это былъ извѣстный синопсисъ Иннокентїа Гизеля, какъ можно заключать по объясненїю имени Москва: „и по оногo Москоса, прадѣда своего, гдѣ ся перво насѣлили, нарѣкли оная река Москва а по нея и оно сѣло, посла по мало начинали бо градъ и поставили тамо престоль царски и народи нарекли ся вси Москви и до днесъ“. Такое объясненїе находимъ и въ синопсисѣ: „Москва народъ отъ Мосоха праотца своего“.

Для событїй турецкихъ Паисїй пользовался краткой исторїей на нѣмецкомъ языкѣ, на которую онъ ссылается, говоря о султанѣ Муратѣ: „тогда и царство болгарское конецъ воспрїяло и пало въ область Агарянскою, обретается въ некою краткою исторїю Нѣмецкою по реду за турски цари, кой по коего царствовалъ; и писано ту за Мурата султана, когда узель болгарская земля, много народъ млади юноши и красни избралъ и со сила похищаль и собираль ихъ въ Едрене (т. е. Адрианополь) и писуваль ихъ аничары въ турецкие воинство и турчиль ихъ со сила“.

Слѣдуя своимъ авторамъ при послѣдовательномъ пересказѣ событїй изъ болгарской исторїи, Паисїй дѣлаеть однако и добавленїя къ нимъ, при чемъ не рѣдко указываетъ на бывшіе въ его рукахъ первоисточники. Такъ, напр., говоря о борьбѣ Латинянъ и Грековъ изъ за Болгарїи, Паисїй пишетъ: „Въ то время и попрежде были отступили Латини отъ православїе, но и еще не били разлучены конечно отъ Греци, но ради Болгарїя распра имели, кои да бы я

¹⁾ Сочиненїе Паисїа подъ этимъ заглавїемъ издано дважды: по списку Н. С. Тошковича А. Б. Лонгиновымъ 1-й разъ въ Люблинѣ. 1885 г., второй разъ въ Запискахъ Импер. Одесскаго Общества Исторїи и древностей. Томъ XVI Одесса 1893 г. Первое изданїе со многими погрѣшностями въ раздѣленїи словъ, ошибочнымъ чтенїемъ собственныхъ именъ и пр. Второе изданїе гораздо исправнѣе, хотя и оно не свободно отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, напр., на стр. 28 должно быть: Родослова (т. е. извѣстный литературный памятникъ); тамъ же: отъ некоя размирица (т. е. волненїя); градъ Катару (т. е. Которъ) и др. Но во всякомъ случаѣ нельзя не выразить издателю полной признательности за изданїе труда Паисїа, которое облегчаетъ дальнѣйшее изученїе многочисленныхъ списковъ этого памятника. Мы ссылаемся на отр. второго изданїя.

имеяли подъ своя власть, и тако ся конечно разлучили Грецы отъ Латини, и проклели, но Болгари за мало время были подъ патриаршію Цариградскою. Грецы, когда поставляли Болгаромъ архіепископа, искали отъ ныхъ много злато и дары, за то ся соблазнили Болгари и отлучилися отъ патриаршія Цариградскія, поставили себѣ патриарха въ Болгаріи, и тако, докле стояло царство болгарское, имели и патриарховъ отъ своего языка. *Зри о томъ въ книгу Кормчія, на листе е, отъ края стр. 16.*

Въ другомъ мѣстѣ говоря о томъ, какъ болгарскій царь Крумъ разбилъ турокъ у Адрианополя и предаль смерти епископа Мануила со множествомъ христіанъ, священниковъ и монаховъ, не хотѣвшихъ отречься отъ христіанства, Паисій ссылается на Прологъ: *то у Прологъ пишеть мѣсеца іунія стр. 14.*

Всего чаще Паисій принужденъ былъ пользоваться славянскими источниками въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось касаться фактовъ церковной исторіи Болгаръ. Такъ его разсказъ о Іоаннѣ Рыльскомъ почерпнуть или изъ пролога, или изъ житія этого святого, написаннаго Евѡиміемъ патриархомъ Тырновскимъ. Говоря о Петрѣ, сынѣ Симеона, онъ въ общемъ порицаетъ его царствованіе, указывая лишь на одну свѣтлую страницу того времени—жизнь рыльскаго святителя: По немъ (т. е. по Симеонѣ) насталь на царство сынъ его Петаръ, но не благополученъ въ бранехъ якоже отецъ его былъ прежде, но былъ Грекомъ пріятель и покорливъ, отъ того врямене ослабела болгарская скиптаръ насиліемъ греческимъ поради несогласіе и малодушіе Петрово. Но въ то едино былъ велми благополученъ, понеже во время царствованіе его просыаль святой преподобны отецъ нашъ Іоаннъ Рилски и отъ великое благоговѣніе що имели къ святому отцу Іоанну ходилъ по Рилскою пустыню, дабы видель его и бесѣдовалъ съ нимъ. Понеже неудобна мяста были къ хожденію ради делбоки дебри и високихъ холмовъ не возмогалъ пріити и выдети святаго отца, по прошенію получилъ отъ святаго писаніе и тако имели оно писаніе велми въ ползу душевною“ стр. 18.

Паисій не указываетъ здѣсь своего источника, но этотъ эпизодъ мы находимъ въ житіи св. Іоанна Рыльскаго, написанномъ Евѡиміемъ.

Трудами послѣдняго Паисій пользовался и въ другихъ мѣстахъ своей книги. Такъ ему извѣстны житія св. Иларіона Меглинскаго, стр. 48, 49 (ср. также стр. 21.), и св. Петки тырновской, стр. 50, 25., составленныя патриархомъ Евѡиміемъ. Свѣдѣнія о св. Михаилѣ изъ Потуки заимствованы, вѣроятно, точно также изъ похвальнаго слова этому святому, авторомъ котораго былъ Евѡимій.

Вообще, Паисій былъ хорошо знакомъ съ литературной дѣятельностью патриарха Евѡимія. Онъ зналъ не только житія, о которыхъ мы упоминали, но и похвальные слова Евѡимія, его литургическіе труды, его переписку съ обращающимися за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ духовными лицами, какъ это видно изъ словъ: „много книги написалъ и *житія святыхъ* превель на болгарски языкъ и *похвали святымъ* многимъ; написалъ святогорскимъ калогеромъ много правилъ и *чинъ церковни* показуваль и за све его *вопрошали*, онъ имъ на то премудро *отписуваль*, и донинѣ обретається въ рукописныхъ книги писаніе его при Іоанна сына Асѣнова“ стр. 47 ¹⁾.

Только одну ошибку допустилъ Паисій, считая Евѡимія ученикомъ св. Теофилакта, современникомъ Іоанна сына Асѣня; къ тому же времени Паисій относитъ и Θεодосія Тырновскаго, дѣйствительнаго учителя Евѡиміева, согласно исторіи. Изъ того, что Паисій говоритъ о Тео-

¹⁾ Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, мы находимъ указаніе на лишній литературный фактъ, такъ какъ, насколько можно судить по статьѣ Сырку, это посланіе не найдено въ рукописяхъ см.; Сборн. статей по Славянов. Что касается имени Іоанна сына Асѣня, то и въ старшихъ источникахъ встрѣчаемъ это смѣшеніе. Въ грамотѣ патриарха Константинопольскаго Каллиста Іоаннъ Александръ названъ Іоанномъ Асѣнемъ. См. Дринова, Прѣгледъ на блг. църква, стр. 118, 119. Отсюда, вѣроятно, объясняется и ошибка Паисія, о чемъ ниже.

досіи, можно думать, что ему было извѣстно житіе этого святого, написанное патриархомъ Константинопольскимъ Каллистомъ¹⁾; путаница лишь въ хронологіи.

Паисій ссылается на житіе Прохора Пшинскаго, стр. 49. Этого св. вмѣстѣ съ Гавріиломъ Лесновскимъ, Іоакимомъ Сарандапорскимъ (у Лонгинова оба раза напечатано неправильно: „Саранда, полски“ вмѣсто „Сарандаполски“) и Іоанникиемъ Дѣвичскимъ Паисій считаетъ ученикомъ св. Іоанна Рыльскаго. Изъ нихъ теперь намъ извѣстны лишь житія Іоакима и очень короткое Гавріила, а Іоанникій согласно сербляку считается святымъ Сербскимъ. Голуб. 653; но и у Паисія сказано, что онъ жилъ въ горѣ Девичъ, на *предѣлѣхъ сербски и болгарски*, т. е. на границѣ Сербіи и Болгаріи, чѣмъ и можетъ быть объяснено занесеніе его Паисіемъ въ епископъ болгарскихъ святыхъ²⁾.

Страданія отъ Турокъ Ангела Паисій нашель написанными на греч. яз.: „много ответы его написалъ владыка Бытолски по гречески языкъ написалъ страданіе его“ стр. 52.

Изъ житій, которыя намъ еще не извѣстны, Паисій ссылается на житіе Козьмы Зографскаго.

О другихъ аеонскихъ святыхъ изъ Болгаръ онъ почерпалъ свѣдѣнія изъ Аеонскаго Патерика, стр. 51, Истор. Слав. болг.

О позднѣйшихъ святыхъ Паисій пользовался очевидно преданіемъ.

Изъ старшихъ святыхъ Паисій упоминаетъ Климента, Наума, Еразма, Ангеларія и Савву, при чемъ ссылается на греческіе источники: „За то Греци извѣстно знаютъ и тако написано обретається въ гречески стари отечници рукописни и даскали гречески иконописци вси седамъ заедно пишатъ на иконы и именуютъ ихъ даскали словенския, кои извадили и составили книги славенскія, ту заедно съ нымъ и святой Кирилъ и Меѳодія“, стр. 48. Славянскимъ первоучителямъ Кириллу и Меѳодію Паисій посвящаетъ особую главу „о учителяхъ славянскихъ“.

Вначалѣ свѣдѣнія о нихъ сообщаются весьма близкія къ паннонскимъ житіямъ. Упоминается ихъ отецъ Левъ, сановитый, богатый и добродѣтельный. Меѳодій называется воеводой славянскимъ или болгарскимъ; Кириллъ считается младшимъ братомъ, говорится о воспитаніи его съ царемъ Михаиломъ и извѣстности, какъ философа, о принятіи имъ монашества подъ вліяніемъ совѣтовъ Меѳодія. Но далѣе уже явное уклоненіе отъ того, что мы знаемъ достовернаго о св. братьяхъ: говорится о Меѳодіи, обратившемъ Мартагона въ христіанство изображеніемъ пришествія Христова, которое онъ написалъ по желанію царя въ его дворцѣ вмѣсто сценъ охоты.

Интересны нѣкоторыя подробности въ рассказѣ: напр., о томъ, что Меѳодій былъ воеводой *10 лѣтъ*: въ Паннонскомъ житіи „*много лѣта*“.

Въ рассказѣ о изобрѣтеніи азбуки и переводѣ свящ. писанія смѣсь вѣрнаго съ сомнительнымъ: постился святой Кириллъ ѿ дни и извадилъ ѿ слова и сложилъ писмо на Словенски языкъ: перво написали отъ Іоанна Евангеліе: въ начале бе Слово, и показали то царю, и прочимъ и патриарху Игнатію, и они то велми похвалили и рекли имъ учить болгары и славяны по языку ихъ, и преводити отъ гречески книги на словенски“. Далѣе говорится объ участіи въ трудахъ по переводу учениковъ св. Кирилла и Меѳодія Климента, Савы, Наума, Еразма и Ангеларя, которыхъ всѣхъ Паисій считаетъ Болгарами.

Что касается вопроса о языкѣ перевода; то мы усматриваемъ въ этомъ пунктѣ знакомство Паисія съ трудомъ Константина Костенческаго.

¹⁾ Сырку приписываетъ переводъ этого житія также Евѳимію; хотя всего естественнѣе было ожидать это, но странно во всякомъ случаѣ то, что въ рукописи, въ которой находятся другіе труды тырновскаго патриарха, нѣтъ указанія на него, какъ на переводчика житія, составленнаго Каллистомъ.

²⁾ Объ этихъ четверыхъ святыхъ у Паисія слѣдуетъ отмѣтить ссылку: „*глаголется и обретається писано во словословія людская и мірская*“, стр. 50.

Въ этомъ трудѣ указывается на помощь св. Кириллу при переводѣ свящ. писанія его учениковъ, Star. I. 15, а также и на то, что языкъ перевода былъ искусственный, представлявшій соединеніе разныхъ славянскихъ нарѣчій. Тоже находимъ и у Паисія: „и тако съ Кирила святаго и Меодія были седамъ даскали искусни и премудри, тако собирали речи изредни и прави и отъ Болгари, отъ Сербіе, отъ Руси, отъ Москве, отъ Словяне, отъ Лехове, то су за много время ловили речи отъ тія народи докле су составили фалтирь и евангеліе и други книги, стр. 43.

Сравни мнѣніе Константина, что первые переводчики священнаго писанія пользовались языками русскимъ, болгарскимъ, сербскимъ, боснійскимъ, словѣнскимъ и чешскимъ. Star. I, стран. 14 ¹⁾.

Что касается алфавита, то есть основаніе думать, что Паисій зналъ сказаніе Храбра ²⁾ о письменахъ славянскихъ: „не имаяли писмена по своему языку, но латински и гречески читали и писали“, стр. 44, ср. также стр. 13, гдѣ сказано, что въ царствованіе Копронима „паки отступили Болгари отъ Христіанства и обратилися на первое поганство, за що и еще не было въ то время письмо словенское, но Болгари са латински читали и писали“, стр. 13.

Оканчивая главу о болгарскихъ святыхъ, Паисій счелъ нужнымъ замѣтить, что приведенными имъ именами 29 мучениковъ не исчерпывается все число болгарскихъ святыхъ. Такъ въ первое время послѣ покоренія Болгаріи Турками несомнѣнно много было пострадавшихъ за христіанскую вѣру, „но человекци отъ простота и нераденіемъ не писали страданіе ихъ, и тако преишло отъ рода въ рода въ забвеніе страданіе и имена ихъ“, стр. 53.

Мы уже сказали, что отсутствіе свѣдѣній, касающихся болгарской церкви, у такихъ авторовъ, какъ Мавро-Орбини или Бароній, заставляло Паисія обратиться къ источникамъ славянскимъ. Въ тѣхъ главахъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, видно знакомство его съ литературой житій, похвальныхъ словъ и пр. Но Паисій не могъ ограничиться этими источниками. Богатыя бібліотеки аѳонскихъ монастырей открыли ему цѣлый рядъ не менѣе важныхъ документовъ. Такими были прежде всего Хрисовулы болгарскихъ государей, на которые не разъ встрѣчаемъ ссылки въ Исторіи Славяно-болгарской. Паисій ссылается на хрисовулу Іоанна Калимана: „по Петра восприялъ царство Калиманъ Іоаннъ: сынъ Асѣновъ, некои го писали Кало-Іоаннъ, но ся онъ самъ подписуе въ превелегии златопечатніе: Іоаннъ Асѣнъ Калиманъ, сиречь Іоаннъ Асѣновъ Калиманъ, первому прародителю титла и своему отцу писалъ, пакъ свое име Калиманъ“ стр. 25). О немъ же ниже; „и превелигии Изуграфски показываютъ предѣли и границы его до Будимъ и Венеция и Лехия была“ *ib.*, стр. 26. Ему извѣстна была копія съ хрисовулы Іоанна Шишмана: послѣди въ некое копіе или преводъ стари отъ превелигиа того Іоаннъ Шишманъ обретається, како да не су могли Терновски господа и царъ Шишманъ стати противо Турци и избегли изъ Терново и отъ Загорія и отъ Стара Планина и пришли въ градъ Срѣдецъ или Софія“. стр. 35. Сравни также стр. 52.

Паисій обратилъ вниманіе и еще на одинъ важный источникъ — монастырскіе помянники: „Въ некои церкви и монастыры въ поменицы обретаются имена царемъ Болгарстемъ повече отъ четиридесять и не по реду писани ту има имяна на сыновѣ царски кои и не были царевѣ, но тако писали ихъ имяна царъ, царъ... но вси не царствовали“, стр. 38.

Касаясь сербскихъ событій, Паисій точно также обнаруживаетъ знакомство съ первоисточниками. Такъ онъ нѣсколько разъ ссылается на Родословъ, извѣстный трудъ митрополита серб-

¹⁾ В. И. Ламанскій, отмѣтившій сходство этихъ мѣстъ передѣлки Паисіевой исторіи, которую онъ разбираетъ съ трудомъ Конст. Костенческаго, предполагаетъ, что это мнѣніе заимствовано составителемъ у Евѳимія Терновскаго; мы думаемъ, что Паисій имѣлъ въ виду прямо Константина, списокъ котораго онъ могъ найти въ Хиландарѣ.

²⁾ Сказаніе Храбра Паисій могъ найти въ рукописяхъ Хиландарской (ср. Дучиѣа Старине Хиландарске стр. 94—97) или Зографской бібліотеки. Списокъ послѣдней списанъ нами.

скаго Данила. Нападая на современныхъ ему Сербовъ за пристрастное въ его глазахъ отношеіе ихъ къ Стефану Душану, котораго они ставили выше всѣхъ сербскихъ государей, Паисій возражаетъ ссылкой на Родословъ. Пересказавъ въ краткихъ словахъ главныя событія царствованія Душана и указавъ на то, что онъ убійствомъ своего отца и самовольнымъ установленіемъ патриаршества навлекъ на себя, свой родъ и царство гнѣвъ Божій, Паисій прибавляетъ: „но Сербіе некои, подобны ему по своему високоумію, покриваютъ дѣла его... нарекли го силни Стефанъ и имяютъ го за святаго, за что убилъ отца своего и умрелъ въ проклетіе и отлученыи и на немъ ся скончало плѣме и родъ Немана Симеона; то никако не смотрали и до нынѣ не смотряють, но го хвалатъ вече отъ оны ныхни святии крали, паче Милотина деда его превознесли Стефана (стр. 29)... не смотрили въ Родословъ, како написали перви за него и за дѣло его и колико земля держалъ, то не смотрили и не смотряють, но Стефана нарицають силна, кратка была сила его и на зло произишла“. *ib.* Очевидно Паисій въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду главу Родослова „о поставленіи втораго патриарха сръблемъ киръ Савы“ Въ ней о Душанѣ сказано: „съ царь стефанъ вѣнча се на царство и патриарха себѣ избра сръблемъ *не по закону ни съ благословеніемъ цариградскаго патриарха*, якоже подобаетъ, нь поиска благословеніе бесчинно на патриархоу трьновскомъ и на архіепископоу охридскомъ и съ съборомъ сръбскимъ. сице въцари се и постави патриарха, *якоже не подобаетъ*“; и нѣсколько ниже: „запинаеть же се и ть отъ обьштааго врага, *възвышаеть се сръдцемъ... поставляеть себѣ посилимъ патриарха* Иоаникиа и бываеть бѣда и злоба не мала, патриархъ бо въселенъскыи киръ Калисть отлоучаеть цара съ патриархомъ и ѳговы архіерею. семоу же бывшоу на раскамниѣ приходитъ царь, и поиска о злюбѣ сеи разрѣшениѣ, и не възможе обрѣсти сана ради и градовъ. и по семь разрѣшаеть се отъ житиа сего и гробоу прѣдаеть се, злобу же сию не погребеноую оставль“. Передавая это мѣсто, Паисій значительно сгустилъ мрачныя краски „той Стефанъ сталъ царь самовольно ¹⁾ въ Скопіе; ныкой ему царь или краль не далъ титла царска. Тако поставилъ Сербомъ патриарха безъ изволеніемъ инехъ четырехъ патриарховъ, перво былъ Сербомъ краль и архіепископъ, но Стефанъ по свое мненые и високоуміе воспріалъ титли високи царскія и патриаршескія, за то му ся безуміе вси подсмеяли крали и цари и нарекли го Стефанъ насилни, сиречь перво отца своего убилъ, потомъ назвался самъ царь, тако и патриарха неправильно нарекаль Сербомъ, *и вси четири патриарси соборно проклели и отлучили его отъ закона*, тако навель на себѣ Стефанъ за високоуміе и убійство отца своего и проклетіе отъ патриарховъ и гнѣвъ Божій, и на него ся весь домъ скончалъ и лоза и родъ Немана Симеона, нарекался царь, погубилъ и королевство; въ то проклетіе и отлученіе и умрелъ оны Стефанъ“. стр. 28—29.

Но кромѣ того, Паисій ни словомъ не упомянулъ, что тотъ же Родословъ, на который онъ ссылался, давалъ Сербамъ право превозносить Душана. Въ житіи „Стефанъ краль, сынъ третиаго Оуроша“ жизнеописатель называетъ Стефана: „крѣпкыи и самодержавный въсѣхъ сръбскихъ и поморьскихъ земель краль“, говоритъ про него, что онъ: „велико и прѣславно име приобрѣте паче древньнихъ царь и родитель и прѣродитель своихъ. краснь сы възоромъ образа и дивною добротою тѣла своего паче многихъ сыновъ чловѣчьскихъ и си рещти страшнь врагомъ своимъ и въсѣмъ царемъ окръстнымъ дивнь тькъмо слышаниѣмъ имене своего“. Дан. стр. 213. И далѣе въ житіи ни одного слова осужденія государю, который возвелъ Сербію на высшую степень могущества и славы. Смерть Стефана принята была сербскимъ народомъ съ глубокимъ сожалѣніемъ. Лѣтопись копривницкая въ такихъ словахъ оплакиваетъ это событіе:

¹⁾ Въ Родословѣ нѣтъ такого выраженія, но въ житіи Стефана Дечанскаго говорится: Душана престяпни предѣлы отецъ своихъ. и поставляеться самовластно царь. и роди сына Оуроша. и Оурошъ не има дѣтии и оста безъ памти лоза. Изборникъ слав. и рус. статей, внесенныхъ въ хронографы, стр. 101.

„конць постизаеть, въ лѣто 1356 оставивъ велику жалость и плачь сръбской земли“. Шаф. Рам. стр. 54. Мы привели эти выдержки, лишь имѣя въ виду замѣчаніе М. С. Дринова, который въ своей статьѣ „Още нѣколко бѣлѣжки за Паисія“. Пер. Спис. XIX—XX, стр. 139 говоритъ: „нужно сказать Родословъ дѣйствительно не хвалить Душана“ стр. 381, 382. Но слѣдуетъ имѣть въ виду и стр. 213—23.

Относительно Душана въ Исторіи славяно-болгарской есть еще одна подробность, указывающая на литературную начитанность Паисія. Онъ говоритъ, что Сербы „причти ему приписали, какой латински философъ написалъ причти и титли народніе по Европа, колико народи и имена местамъ и предѣломъ изобразилъ притчею; то Сербіе нашли и преписали его Стефану насилному и изобразили его на щампы и показываютъ, како да есть оны места и народи покорилъ и имеалъ подѣ власть Стефанъ“. Было бы интересно знать, что разумѣеть здѣсь Паисій. Не были ли ему извѣстны пророчества, приписываемыя въ однихъ рукописяхъ Льву Мудрому, въ другихъ деспоту Стефану Лазаревичу и заключающія предсказанія о судьбѣ царствъ? Стефана деспота Паисій могъ смѣшать съ Душаномъ, особенно, если предположить, что могла быть рукопись, въ которой стояло лишь одно имя безъ отчества. Предлагая такое объясненіе, мы, разумѣется, не настаиваемъ на немъ, но въ то же время и не находимъ другого.

Говоря о родоначальникѣ сръбской династіи Неманичей, Паисій производитъ ихъ родъ отъ цесаря Ликинія. Въ Родословѣ, на который онъ въ другихъ случаяхъ ссылается, нѣтъ подобной генеалогіи; она явилась въ Сербіи, насколько извѣстно—позднѣе. Мы встрѣчаемъ ее въ житіи деспота Стефана Лазаревича: „сеи же Ликиніе бѣше Долматинскіи гѣтъ. родомъ сръбинъ“. Изборн. А. Попова, стр. 101, въ лѣтописи Карловацкой: „глаголють истинны съписатели, како Ликинію сръбину бити родомъ“. Шаф. Рам., стр. 55. Однимъ изъ подобныхъ источниковъ долженъ былъ пользоваться Паисій.

Мы не имѣли намѣренія въ этой статьѣ провѣрить всѣ показанія Паисія и опредѣлить ихъ источникъ ¹⁾; мы хотимъ только сказать, что первый болгарскій историкъ вовсе не заслуживаетъ за свой трудъ тѣхъ порицаній, какія ему часто дѣлаютъ. Укажемъ, напр., на отзывъ Голубинскаго: „произведеніе Паисія, будучи замѣчательно какъ первый извѣстный опытъ въ своемъ родѣ, почти не имѣетъ никакого значенія научнаго, потому что страдаетъ совершеннымъ отсутствіемъ критики и наполнено баснословіемъ“. Истор. слав. церковей, стр. 710.

Но, разумѣется, книга Паисія имѣла значеніе не столько тѣми или иными достоинствами историческаго изложенія, сколько горячимъ патріотическимъ чувствомъ. Съ этой стороны главнымъ образомъ и оцѣнивается ея вліяніе на пробужденіе въ Болгарахъ сознанія народности.

Не отвергая болгарской простоты и необразованности, Паисій не глумится за это надъ своимъ народомъ, а указываетъ на тѣ причины, которыя довели Болгаръ до такого упадка. Въ этихъ случаяхъ хулители Болгаръ нерѣдко должны были выслушивать горькую истину. Грекамъ Паисій напоминаетъ, что они сами были виной успѣха Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ: напасть на Болгарію склонялъ ихъ императоръ греческій Мануиль, а это повлекло и паденіе Греціи, стр. 35. А если бы любовь и согласіе господствовали въ отношеніяхъ Грековъ и Болгаръ, Туркамъ никогда бы не одолѣть ихъ, стр. 38.

Другой справедливый укоръ направленъ Паисіемъ по отношенію къ греческой духовной іерархіи.

¹⁾ Укажемъ, что, напр., одинъ изъ важныхъ источниковъ для болгарской исторіи, находившійся въ Хиландарской библиотекѣ, укрылся отъ вниманія Паисія. Я разумѣю переводъ Манассіиной лѣтописи съ примѣсками о болгарскихъ событіяхъ (ср., Дучиѣ Старине Хиландарске). Очень вѣроятно, что съ Паисіемъ случилось то же, что съ Карамзинимъ и Калайдовичемъ, изъ которыхъ послѣдній имѣлъ въ рукахъ Синодальный списокъ Манассіи, но благодаря первымъ статьямъ сборника о Святѣи троици и о вѣрѣ и о прочихъ многихъ не обратилъ вниманія на дальнѣйшее содержаніе рукописи; а Хиландарскій списокъ вполне совпадаетъ съ Синодальнымъ.

Разсказавъ о судьбѣ тырновской патріархіи, Паисій жалуется на своекорыстіе Грековъ, не желающихъ дать болгарскимъ епархіямъ епископовъ изъ болгаръ: „и на пакость и злоба що имеютъ на болгары еще исперво время, не поставляютъ отъ болгарскаго языка епископа болгаромъ, но све отъ гречески языкъ и *не радатъ отнюдъ за болгарски школи или ученіе, но обрацають все на гречески языкъ; за то су остали болгары прости и неучени и неискусни писаніемъ,* и много ся отъ ныхъ обратили на греческая политика и ученіе и за свое ученіе и языка слабо брежатъ. Тая вина болгарамъ отъ греческая духовная власть приходитъ и много насиліе неправедно отъ гречески владыкы терпѣтъ во сія времена; но болгары пріимають ихъ благоговѣйно и почитаютъ ихъ за архіереи и сугубо плащаютъ имъ должное, за то по ныхна простота и незлобіе воспріимуть отъ Бога мзду свою, тако и оны архіереи що съ турска сила, а не со архіерейское правило творатъ болгаромъ велика обида и насиліе, и оны по свое дѣло и безсовестіе воспріимуть мзду свою отъ Бога, по реченному: яко ти воздаси комуждо по деломъ его“, стр. 46.

Мы уже касались отвѣта Паисія Сербамъ и Русскимъ, глумившимся надъ упадкомъ болгарской образованности.

Своихъ соотечественниковъ, которые, въ такомъ состояніи забывая свою народность, становились на сторону Грековъ, принимая ихъ языкъ и обычаи, Паисій вразумляетъ примѣромъ самихъ Грековъ. Сколько народовъ есть въ мірѣ гораздо болѣе ихъ образованныхъ и просвѣщенныхъ, и однако это не мѣшаетъ Грекамъ оставаться вѣрными своей народности.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и обязанъ трудъ Паисія своей большой популярностью, о которой можно судить по тому, что до насъ дошло довольно значительное количество списковъ его исторіи ¹⁾.

1) Извѣстны слѣдующіе списки исторіи славяно-болгарской: 1) Котленскій, самый старшій, переписанный съ рукописи, которая была принесена въ Котель самимъ Паисіемъ, извѣстнымъ Софроніемъ Врачанскимъ 1765 г. 2) Списокъ 1772, о которомъ упоминаетъ Дриновъ въ с Пс кн. 19—20, 135. 3) Списокъ Жеравненскій, найденный въ 1838 г. въ Жеравнѣ и посланный Априлову, который оставилъ его въ Одессѣ Мурзакевичу, а отъ послѣдняго онъ перешелъ къ Курису. 4) Списокъ Тошковича, изданный Лонгиновымъ. 5) Дрѣновскій, переписанный въ 1837 г. и посланный Априлову въ Одессу; копія съ него была послана Априловымъ Венелину и хранится въ Румянц. музеѣ. за № 1022. 6) Двѣ главы изъ сочиненія Паисія М. С. Дриновъ видѣлъ у Бодянскаго. 7-й списокъ, принадлежащій Шишкову. Этотъ перечень заимствуемъ изъ статьи, напечатанной въ книжкѣ XLVI Період. Спис. 1894 г. Начевымъ.

Въ копіи съ Дрянов. списка въ концѣ рукописи находятся приписки, указывающія на переписчиковъ: „Сей царственникъ исписася отъ мене и съ прилежаніе мое, понеже обрѣтохъ го и азъ на Дряновскій монастырь святы Архангеловъ и тако съ Божією помощію преписахъ го азъ и ученикъ мой Цано отъ Дреновскій царственникъ за воспоминаніе, и който читете на сіе, воспоминате во вашей молитвы, еже ко Господу, и ученика и даскала его, и яко да воспомятъ васъ Господь Богъ во царствіи своемъ. Аминь — мѣсяца Генваря 1837-го года“.

Переписано учителемъ Степаномъ Папа Зотовымъ и его ученикомъ Манойломъ Денчевымъ, Алексѣя (sic) Минковымъ и Стефаномъ Паскаловымъ. Копія 1837 г. генваря 9 дня. Учитель Папа Зотовъ. (Съ пропусками напечатано у М. С. Дринова Пер. Спис. кн. IV, стр. 6).

Переписанъ съ копіи точъ въ точъ для доставленія въ Москву Болгарскому Исторіографу. Одесса 1838 г. іюня 20-го дня. Василій Априловъ.

На заглавномъ листѣ рукописи подпись: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Юрію Ивановичу Венелину. Въ Москву. Въ Румянц. музей рукопись постушила отъ доктора Молнара, какъ это видно изъ надписи на заглавномъ листѣ сверху: въ бібліотеку Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ отъ доктора медицины Ивана Молнаръ де Имшадъ, въ 1869 году.

Кромѣ Дряновскаго списка Априловъ получилъ изъ Болгаріи еще списокъ, который онъ не называетъ по мѣсту. Быть можетъ это и есть Жеравненскій. О полученіи этого второго списка есть на послѣднихъ листахъ № 1022 слѣдующая приписка:

„Чтобы успѣть послать Вамъ Царственникъ съ г. Мурзакевичемъ, то принялись четверо его переписывать, не успѣвъ поправить. Должно полагать, что есть много ошибокъ, которыя однакожъ легко можно отгадать. За симъ до-

Изъ бѣглаго сравненія списка Дрянновскаго со спискомъ Тошковича видно, что въ составныхъ частяхъ между ними нѣтъ почти никакой разницы. Если въ Дряннов. списокѣ недостаетъ вступленія передъ предисловіемъ, то, вѣроятно, это лишь случайность. Въ другихъ спискахъ она есть, а въ передѣлкахъ обѣ статьи—вступленіе и предисловіе—слиты вмѣстѣ, какъ видно будетъ ниже, изъ чего можно заключить, что ни обѣ были въ оригиналѣ Паисія. Но въ отдѣльныхъ подробностяхъ между списками есть разница. Особенно значительны отличія въ главѣ о болгар. св. Укажемъ наиболѣе важное.

О мощахъ св. Иларіона Меглинскаго, въ Дрянновскомъ прибавлено противъ списка Тошковича, что они были положены въ церкви сорока мучениковъ

20-мъ помѣщенъ св. *Иванъ* (вмѣсто Іоанникій) Девичанскій, а 21-мъ Іоакимъ, который здѣсь названъ Сардикополскій пустыножитель. Въ данномъ случаѣ исправнѣе списокъ Тошковича, потому что въ Дрянновскомъ списокѣ въ разсказѣ о Іоанникіи Дѣвичскомъ сказано: за тѣзи четыре святы отцы Гаврила, *Іоанна*, Прохора и Іоакима (который однако ниже).

Въ Дряннов. списокѣ 25 стоитъ св. Симеонъ Терновскій, 26 св. Симеонъ Петровскій; въ списокѣ Тошковича перваго нѣтъ. И въ данномъ случаѣ преимущество на сторонѣ списка Тошковича, такъ какъ вслѣдъ за перечисленіемъ именъ въ обоихъ спискахъ говорится *только о трехъ* святыхъ, а въ Дрянновскомъ ихъ четыре.

О святомъ Димитріи Новомъ Дрянновскій списокъ даетъ особія свѣдѣнія: прибываль при рѣка, що ся нарича Ломъ при накая степь (с. должно быть *стѣнъ*, сравни ниже: и ископаль колиба въ оная стѣна). Далѣе идутъ слѣдующія подробности: „Но по навожденіемъ діаволскомъ умислиле Турци, да не буде тамо сокровище заровено, за то открыле гробъ и намѣриле мощи его нетленни, они же взяли ихъ отъ тамо, и вринуле ихъ въ рѣку Ломъ и сѣдяли тамо въ рѣката 33 лѣта, послѣ открыль Богъ нѣкоторымъ благоговеніемъ человекамъ и извадили ихъ отъ рѣку Ломъ и принесли ихъ въ село Басарбово, близо при Ряхова, во епархія Черноводская, и соградили тамо мала церква во имя его, и положили святыя мощи его въ ней, и тамо много чудеса и исцѣленіе подають, яко же въ житіе его пишется пространно, мѣсяца октомврїа въ 27 день память его совершается; тако просѣяль сей святой Димитрій прозваніе Басарбовскій взяли Болгарскимъ (sic! должно быть: въ земли болгарской) простимъ житіемъ простому народу Болгарскому, но Богъ прославиль Его по смерти многими чудесами. Паки въ лѣто господне 1770 принесли москали святыя мощи его отъ Басарабово въ Букорестъ и положили ихъ въ храмѣ св. Константина и Елены, т. е. въ Митрополию и до сего дни тамо прибываютъ цѣли и нетлени, и много чудеса творять, молитвами его Боже помилуй насъ, Аминь“.

Противъ списка Тошковича прибавлены два Софійскихъ:

„Въ наша времена просяяль въ Болгарію и другій святой мученикъ Георгій, и той пострада во царство Селима Турскаго во градъ Софія, родомъ Болгаринъ, былъ и онъ тако премудръ и дерзновенно обличаваль безбожную вѣру ихъ и многоласкательствомъ прелщали его, когда увидяли его неподвижнымъ и непреклоннымъ, вергнули его въ огонь, и до нынѣ прибываютъ мощи его во градъ Софія, и много исцѣленіе подають — такожде и другій святой мученикъ Іоаннъ новый въ Цареградѣ пострадалъ отъ Турковъ, и той былъ болгаринъ отъ Солунска епархія въ лѣто господне 1514“. Во второмъ списокѣ Априлова этого добавленія нѣтъ.

ставлена мнѣ съ отечества другая лѣтопись, которую я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, но она оказалась та самая, писана на лощенной бумагѣ славянскими буквами, какъ выше изложенный ея прологъ, котораго нѣтъ въ присланной вамъ. Слогъ сей лѣтописи Славяно-болгарскій и, надобно полагать, что переписавшій ее, умѣя по русски, перелагалъ и на русскій яз, а многія слова обращалъ на турецкія, для понятія простого народа: напр. *левъ* на *асланъ*, *знамя* на *байракъ*, *корабля* на *гемидія*, *вила* на *маждракъ* и проч.—При семъ замѣчаю, что не имѣется въ присланной Вамъ рукописи.—Сличивъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ со спискомъ Тошковича, мы нашли, что другой списокъ, присланный Априлову, былъ очень близокъ къ списку Тошковича. Сравни замѣчанія М. С. Дринова Період. Спис. Кв. IV стр. 5—6.

Но во всякомъ случаѣ для возстановленія труда Паисія имѣетъ важное значеніе подробное сличеніе списковъ. Такъ, напр., при разсказѣ о дѣятельности Ефимія предположеніе, высказанное нами на стр. на основаніи текста Тошковича, едва ли можетъ быть признано, если принять во вниманіе чтеніе Дряннов. списка: „и до нынѣ обретаются рукописныхъ книгъ, писаніе его въ святую гору, при Іоанна царя сына Асенова былъ и ходатайствомъ и настояніемъ его много монастыри соградилъ царь Іоаннъ въ Болгарію по различнымъ мѣстамъ и пустынямъ“.

Помѣтки на дошедшихъ до насъ экземплярахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что рукопись читалась съ интересомъ.

Интересъ къ труду Паисія выразился и въ другомъ отношеніи. Появились продолжатели его труда, которые, сохраняя какъ основу исторію славяно-болгарскую, добавляли новыя статьи, шли впередъ и въ полемикѣ съ греками. Къ числу такихъ передѣлокъ принадлежитъ и тотъ списокъ исторіи славяно-болгарской, который сохранился въ рукописи Григоровича ¹⁾.

А. Е. Викторовъ въ описаніи рукописей Григоровича далъ ей названіе: „Исторія болгарскаго царства съ древнѣйшихъ временъ до конца XV в.“, но, разумѣется, рукопись въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, такого названія не имѣетъ. Писана она, какъ и опредѣлилъ А. Е., въ нашемъ вѣкѣ, при томъ довольно поздно, именно послѣ 1839 года, какъ это видно изъ перечня султановъ, въ которомъ послѣднимъ записанъ Махмудъ второй: „царь Махмудъ второй и умре на лѣто 1839 іунія 31 и воцариса сынъ его Абдуль Меджидъ на іунія 29 дня“.

Изъ упомянутыхъ выше передѣлокъ Паисіевой исторіи наша рукопись всего ближе подходитъ къ рукописи Герова ²⁾, разборъ которой былъ сдѣланъ В. Ив. Ламанскимъ; разница между ними лишь въ объемѣ.

Рукопись Григоровича состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) предисловіе, въ которомъ составитель указываетъ слѣдующихъ авторовъ, которыми онъ пользовался: Мавробира Латинскаго, Іоанна Зунаря, Буефира французскаго (у Ламанскаго Буфьера ³⁾); правильнѣе передана фамилія французскаго автора), Теофана грека, св. Евѣимія Тырновскаго, св. Димитрія Ростовскаго.

То же, повидимому, предисловіе; насколько можно судить по приведенной изъ него выдержкѣ у Ламанскаго, и въ рукописи Герова, въ которой указаны тѣ же самые источники.

Затѣмъ идетъ самая исторія. На сколько сходится или расходится ея текстъ съ текстомъ Герова судить не можемъ, такъ какъ въ статьѣ Ламанскаго нѣтъ ни одной выдержки изъ историческаго пересказа болгарскихъ событій. Начало и конецъ, насколько можно судить по выпискѣ Ламанскаго, совершенно одинаковы.

Затѣмъ слѣдуютъ добавочныя статьи: 1) О учителяхъ славянскихъ. Сходно съ текстомъ Герова, 2) Собраны имена святымъ отъ болгарскій языкъ. Перечень вполнѣ совпадающій съ такимъ же у Герова. 3) Ово время второе разореніе Болгаріи, каковымъ образомъ бысть, какъ у Герова. 4) Здѣ совокопихомъ заедно имена кралемъ болгарскимъ, кой по кого с кралствовалъ въ лѣто отъ Адама 4522 года. Вѣроятно есть и въ спискѣ Герова только съ другимъ заглавіемъ: о написаніи именъ краль и царей, насколько можно судить по заголовкамъ, выписанныхъ В. Ив. Ламанскимъ, стр. 108. Вслѣдъ за этимъ перечнемъ помѣщенъ перечень турецкимъ султанамъ. Изъ другихъ списковъ передѣлки исторіи славяно-болгарской есть перечисленіе султановъ въ спискѣ № 6 у Начева, о которомъ онъ говоритъ на стр. 513—518 упомянутой нами

¹⁾ Извѣстны еще слѣдующія передѣлки: 1) рукопись, переписанная Клисурцемъ, іеромон. Пантелеимономъ въ Сопотскомъ монастырѣ въ 1828 г. и 2) копія съ нея. 3) Рукопись Найдена Герова 1831 г., которой воспользовался Ламанскій въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1869 г. 4 — 5) Двѣ рукописи, найденныя Гильфердингомъ въ Македоніи. 6) Рукопись, принадлежащая г-ну Начеву. 7) Царственникъ Христ. Дупничанина. Мы беремъ этотъ перечень изъ той же статьи. Списокъ Григоровича остался неизвѣстенъ Начеву.

²⁾ Мы не можемъ судить о большинствѣ другихъ списковъ, исключая тѣхъ, о которыхъ есть хоть небольшія свѣдѣнія въ литературѣ. ³⁾ Клавдій Бюфьеръ Ламан. Ж. М. Н. П. Сент. 1869 г., стр. 110.

статьи. Последняя статья рукописи Григоровича заключает географическое разделение Болгарии, какъ и въ списокъ Герова. Текстъ этой статьи исправилъ въ нашей рукописи.

Статей, слѣдующихъ за этой, „кратка исторія заради болгарскія родъ“ и „возбужденіе болгарскому народу къ добродѣтели“ нѣтъ въ рукописи Григоровича; ихъ нѣтъ также и въ списокъ Начева. Таково отношеніе двухъ списковъ по ихъ содержанию. Что же касается языка, то рукопись Григоровича отъ рукописи Герова значительно отличается. Языкъ первой гораздо болѣе народный, между тѣмъ какъ яз. списка Герова скорѣе можетъ быть названъ славяно-болгарскимъ. Въ этомъ случаѣ текстъ Григоровича является дальнѣйшимъ шагомъ въ популяризациі труда Паисія. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что языкъ рукописи Григоровича близко подходитъ къ тѣмъ двумъ послѣднимъ статьямъ списка Герова, которыя являются въ немъ лишними сравнительно съ спискомъ Григоровича и которыя народнымъ характеромъ языка отличаются отъ остального текста Геровскаго списка.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи нашей передѣлки къ другой намъ известной, которая подъ именемъ „Царственникъ“ напечатана въ 1844 г. въ Будимѣ. Мы пользовались единственнымъ въ Москвѣ экземпляромъ этой книги, находящимся въ Историческомъ Музеѣ въ собраніи Щанова.

Сличивъ эту книжку съ рукописью находимъ слѣдующее. Въ ней прежде всего недостаетъ введенія, которое помѣщается въ рукописяхъ Герова и Григоровича. Въмѣсто него находимъ короткое предисловіе издателя ¹⁾. Хотя имени и фамиліи издателя не выставлено въ книжкѣ, но въ болгарской библиографіи ее приписываютъ Христаки Павловичу Дунничанину. Предисловіе къ Царственнику начинается тѣми же словами, какъ и предисловіе къ другой книгѣ того же издателя—Ариѳметика или наука числительная.

Что касается основнаго текста Царственника, то по мѣстамъ есть незначительная разница. Вообще справедливо замѣчаніе Начева, что въ Царственникѣ изложеніе сжатѣе и систематичнѣе, а языкъ однообразный. Пер. Спис., стр. 115.

Въ концѣ пересказа въ Царственникѣ не достаетъ послѣдней замѣтки, вмѣсто которой рассказъ оканчивается такъ: „И така убо Болгарите, Греците и Сербе подпаднаха подъ турско иго и до днесъ“.

Затѣмъ въ Царственникѣ слѣдуютъ статьи: 1) „Началото и свѣрженіето патриаршества болгарскаго“ 2) Кирилль и Методій болгарски книжници.

Первая статья представляетъ нѣкоторое сходство съ рассказомъ объ основаніи болгарскаго патриаршества и архіепископіи, который въ рукописяхъ Герова и Григоровича находится въ концѣ статьи „о учителяхъ“, равно какъ и въ Исторіи Слав. болг. у Паисія. Въ Царственникѣ изложеніе отличается наибольшей краткостью.

¹⁾ Къ единокорнымъ моимъ болгаромъ.

Те, о любиміи мои единокорни, излагамъ вамъ днесъ въ той книжкѣ Царственникъ названной начало вашихъ прародителей, отъ гдѣ са они сирѣчь произошли и сичкая ихъ дѣянія даже до паденія ихъ, за да видите вы, едно убо каковыхъ славныхъ прародителей сте внуцы, а друго защо состояніе чловѣческое въ томъ свѣтѣ не е постоянно, но всегда премѣненію подлежи, то есть: благополучію послѣдува злополучіе, а злополучію благополучіе.

Сначала наши прародители бежа безславни и нищо, а послѣ со своею храбростію стигнаха до весма високаго степене славы, какъ то многу историцы проповѣдуватъ. По времени же пакъ ослабѣха, обезславиха се и под иго подпаднаха. Но това отъ гдѣ: Отъ несогласія ихъ: понеже развезаха союзъ согласія и раздѣлиха се единъ на една страна, а другъ на друга. И така они со согласіемъ прославиха се, а съ несогласіемъ изгубиха свою славу. И таковъ плодъ ражда несогласіе: което и Господь въ Маттея увѣрива глаголя: „Всяко царство раздѣлившееся на ся не станетъ“. Препоблагословенна убо вещь е, возлюбленіи, согласіе: Понеже гдѣто е оно, тамо е Богъ, какъ то пакъ въ Маттея онъ самъ дума: „идеже еста два или три собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ“ а гдѣто е Богъ, тамо се кое благополучіе бива, и се кое дѣло е удобно. Здравствуйте!—

Вторая статья принадлежит самому издателю, что видно изъ ссылки на сочиненіе Априлова, изданное въ 1844 г. въ Одессѣ: „Болгарскитѣ книжници“.

Затѣмъ напечатано изображеніе болгарскаго герба съ надписью: Знаменіе на болгарскихъ хоругвахъ.

Замѣтка о значеніи герба та же, что и въ текстахъ Григоровича и Герова.

Наконецъ на послѣднихъ страницахъ въ Царственникѣ напечатаны: 1) Изложеніе кралей болгарскихъ и царей по ряду. 2) Изложеніе святыхъ болгарскихъ по ряду.

Сравнивая эти списки со списками Герова и Григоровича, находимъ, что въ списокѣ государей есть разница: въ рукописяхъ болѣе именъ, чѣмъ въ Царственникѣ, но сравнительно съ исторіей Паисія списокъ Царственника обширнѣе.

Списокъ святыхъ сходенъ съ рукописными. Въ концѣ лишь прибавлено замѣчаніе: „Има же и други многу безъ сумнѣнія болгарски свѣти угодницы, коихъ имената, ако и да е утаило времето отъ насъ, но Богъ ги знае: понеже непрестанно предстоятъ му молящися за насъ“.

Сравнительно же со спискомъ въ исторіи Паисія разница въ томъ, что въ послѣдней перечисляются не одни имена, какъ въ Царственникѣ и въ рукописяхъ передѣлокъ, а сообщаются и свѣдѣнія о ихъ жизни. Остальныхъ добавочныхъ статей въ Царственникѣ нѣтъ.

Разумѣется, только сличеніе всѣхъ списковъ какъ исторіи славяно-болгарской, такъ и передѣлокъ ея могло бы дать наиболѣе точную характеристику ихъ взаимнаго отношенія, но это затруднительно вслѣдствіе разбросанности рукописей по разнымъ мѣстамъ, какъ въ Болгаріи, такъ и въ Россіи.

Чтобы можно было судить о характерѣ разматриваемой нами передѣлки Паисіевой исторіи, предлагаемъ изъ нея: I) Предисловіе; II) ту часть ея основнаго текста, которая является лишней въ сравненіи съ текстомъ Паисія и III) изъ добавочныхъ статей, географическое раздѣленіе Болгаріи.

имали болгары цртво като толкучь цртковали и былє славны и проучти по вснукитъ цртва и земан и много патн са зимали биръ ѿ римляны и ѿ мудры грецы и давали имъ са црїето и кра-леты дщерытъ си въ сопружество, токмо да бы имали миръ сосъ ѿри болгар.

И от тонзи славенскы род най былє славны болгары: тїе первенъ воцарїли царь и первенъ тїе поставили патриархъ, тїе са первенъ крестили, найгольма земля тїе привзели така тїе былє ѿ сколтъ си родъ найсилни и первы стын ѿ славенски родъ проскътнали, заради това иматъ болгарытъ ѿ много исторїи свидѣтельство амн ѿ какво са срамашъ ты безумне и влауишъ са на учждїи языкъ по вждь неразумне ѿ грецитъ има много народы мудры и славны да ли си остави нъкон грекъ свѣлатъ языкъ и ученїето си и родта си каквѣто оставашъ ты безумне. Намашъ нїкаква файда и прокопсїа ѿ грецеската мудрость ты болгаринъ ли еси, не прелшай са, знай свой родъ и языкъ и са учи по твоатъ языкъ заради това написахъ тѣка какъ ни са были на-шетн болгарски црїе и патриарси и архїерен без лѣтописны книги и кондаки архїерейски снукотой извѣстно писекото годниъ царъ вали по землята та имали исторїи цркви и кондаки и на скатити правнлата и много житїята. А когато превзелъ тѣруена болгарската земля тѣтакси погазали и по-газали и попалили црквытъ и митриытъ цркви и дворѣкытъ архїерейскы въ това лѣто время погубили са онїа цркви исторїи и кондаки патриаршески конто писали заради болгарскытъ архїерен. Ашакъ собрахъ ѿ Маврообира латинскаго, ѿт ѿванна зѣнара, ѿт вѣефира французскаго, ѿт Тео-фана грека, ѿт сѣаго Евѣнмїа терновскаго, ѿт сѣаго димитрїа ростѣвскаго и ѿт другн исторїи все заедно совокупныхъ любомудрїи учтателю.

II. Второе прихождение тѣрское на болгарѣ: Нападѣша ѿ четыри страны ѿ бѣло морє, на ипсала на калїполь, на нєно, на солзнь ѿ чєрно морє на вѣрна, на кавѣрна, на мусеура, на анлѣ, на вѣргасъ, ѿвсюдѣ обтекоша болгарїю тѣрцы ѿ дѣнаи до созо гра^а ѿ ипсала до солзнь все съ кораблїи исполнилъ бѣло морє такожде и чєрное море ѿтолѣ высть смѣшенїе и нестроенїа и пѣгѣва по мѣста хрїтїанска, бѣша же и трѣсы по землїи великїа въ лѣто 1364: таже до двѣемъ пришедшы^и лѣтомъ ѿнелъже тѣрки прїаша калїно изъ въ лѣто ѿ созданїа мїра 6889 повѣлелъ царь болгарскїи князю момѣилѣ природскомѣ да идетъ противѣ тѣркѣ съ болгарскѣю вѣнскѣ на оркѣна црѣ тѣрскаго и высть первое сраженїе на ипсала и побѣдїша тѣрцы болгаровѣ, понеже болгарскаа вѣнска бѣ 112,000 а тѣрскаа вѣнскаа была 159,000 и извнша тѣрцы ѿ болгарѣвъ 9,300 и князѣ ихъ момѣила обѣче и болгары оубнша црѣ оркѣна тѣрскаго, но тѣрци не ослабѣша вѣннѣ по ѣбїе поставнша сюлюманѣ старѣаго сѣа оркѣнова црѣ тѣрко^и болгарскїи же црѣ ѿва^и шнїшма^и собравъ пакн нѣва вѣнскаа до 24,000 и пондѣ противѣ тѣркѣ, обѣче не имѣ утѣ творити нѣ а георгїа страшнїи мрѣ, не хотѣлъ ити брѣтѣ. своємѣ на поможь ѿ слѣва и закнсть цѣо имѣлъ на шнїшмана, а црѣ ѿванъ много тѣрдїлса по вѣнновѣ обѣче ннѣтоже оѣспѣвъ, и пакн нахѣша пленнїты, Тѣракію, македонїю оѣзѣша кѣзнїкѣ, нєно, кавала днмѣтїка, въ болгарѣхъ оѣзѣша великїи гра^а сакѣ та же ѣдрїанъ гра^а, краклнса, Сарѣ гра^а, ѣскиподосъ, таже созо гра^а разорнша: при чєрное морє, и взѣша безъ бѣи вѣргасъ, анлѣ, мнсеура, оѣ вѣрна бо бѣ голѣмо крокопролїтїе, тѣ есть великїи оѣфракъ земля оѣ фѣракіа, ѿтѣдо внндоша оѣ дѣброжа, и взѣша перво каварна, назаринкѣ, бабадаа и прїндоша тѣрки на шѣменъ, и обсѣдали ѣго, и бнша са тѣрци и звнѣ и взѣша ѣго за 70: днї, ѣнболѣ, слнвенъ, за^а гора безъ бѣи взѣша ихъ тѣрцы, на великою кѣлтѣ бнша са трѣ лѣта и тако взѣша ѣго, та же прїндоша великѣю рекѣ марїцѣ, и пленнша дѣлгїи гра^а, та же Марса гра^а, тогда мннзѣ црѣ сюлюма^и, и прїншѣлъ во ѣдренѣ поставнлъ, прѣтолѣ, свѣи, мннзѣши же: 10: лѣта ѿ ипсалскаго боа, воздѣвиже са брѣнѣ болгарскїи князѣ възкошнѣ бнтолски. и ѣхрїдски, и снѣ ѣго марко, и кѣс-таднѣ князѣ сѣрбскїи, и ннїа мнози князи собрали вѣнскаа болгарска, и сѣрбска: 125000: такожде и ѿва^и шнїшма^и, послѣлъ ѿ задгорїа, и ѿ дѣцїа вѣнскаа на поможь вѣзѣшннѣ: до 15000: болгары и вѣасы, и пондоша са таковы^и намѣрене^и, да и згонѣтъ тѣркѣ изъ македонїа, и изъ Тѣракіа, не сѣ-

воевода болгарскаго, зхнаръ ѿѡ^н глаголетъ (87) какво мо е было име мируо: ѿ Маврообиръ летописъ латински пишетъ, какъ мѣ и было име димитріа: родо^м болгаринъ ѿ видинъ гра^д, и сразиша сѣ с войскѣ мируовѣ, и какъ видѣлъ Маркѣ и константинъ войскѣ мируовѣ носѣщѣ прапорцы, и на нѣхъ крѣтове, и стѣи образы на хоругѣвы носѣхѣ, и не восхотѣша бити сѣ оубоаша сѣ Бѣга, а тѣрскій царь какъ видѣлъ, не хотѣтъ бити сѣ хрѣтіано^м, и ѣвѣе повѣлѣлъ тѣрками своіми, и сосекѣша Марка и константина на малн части на мѣстѣ иждѣже назывѣется калугерѣны, ннзше вѣкрѣжѣ, и сразиша сѣ съ клѣхо^м и повѣдиша тѣрцы димитріа воевода влашкаго, и в то врѣмѣ нападе нечаянно, оунгарскій краль сингизмѣдъ на никѣополь, и бысть принужденъ сотворити миръ, баазытъ съ мируа воевода, и положи дань давати тѣркамъ димитріа, а свѣтанъ баазытъ поидѣ на никѣополь и повѣди оунгарскаго крала, и ѣдва спасѣ сѣ снѣгизмѣдъ, самъ ѿ меуа тѣрецакаго: и бѣжа во сколѣсий.

Сѣи сингизмѣдъ краль оунгарскій посланъ бѣ ѿ стѣишаго папи римскаго на помоу хрѣтіано^м: Бывшій емѣ оу папы радн ѡкоронованіа кралѣускаго, и бышѣа бесѣдн вспоминалъ всѣ папи дѣюуци сѣ ѿ тѣркѣ в болгаріа, папа же оуслѣшавше оумлиса, и совѣтова всѣхъ еурѣпейскѣхъ князѣи, склонилъ кѣрла шѣстаго крала фра^нцускаго (88) и фѣлппа герцога вѣргонскаго, и венециано^м, родосто^м, полѣковъ вѣ вѣпѣ же и сингизмѣдъ краль оунгарскій, и согласншасѣ, и оударнша тѣрковѣ, ѡбауе инуто не оуспѣша сингизмѣдъ ѣдва оуспѣлъ самъ спасти живѣтъ свой на дѣнаи.

Тогда баазытъ видѣ сѣастіе своѣ, ѣко толнко не моуша повѣдити ѣго гѣлѣ разгордѣвса, и поидѣ на црнгра^д, оузѣ съ собою и болгарскіа князи, вѣлка доброжанскаго, и лѣзара ѣвхантскаго: и ѡвстопн црнгра^д, а ѡкрестнымъ грады всн разорн, а црнгра^д держѣа ко оусадѣ цѣлы: 10: годинн, и непрѣмѣнно взмѣа бы ѣго, ѣще не бы прѣпѣтствовалъ тамерла^н свѣтанъ тѣтарскій, ижшѣдый иж меѣтыхъ и иж карѣватскѣхъ гора^{хъ} сосѣ: 500000: тѣтарѣѣ, и поплени скнѣю, сарма^цію, мидію, мнсопотамію, пѣрсію, и анаѣолію, оуслѣшавъ сѣа баазытъ оубоавса и ѡстави црнгра^д, и пошо^{хъ} на темерлана, а вѣ фракію и македонію ѡставилъ вѣ мѣсто сѣбѣ двѣ сына оузѣнъ мѣслюмана, и мѣса, и заповѣдалъ имъ не ослабѣвати вѣишѣ, на ѡставшіа болгарѣѣ, и сѣрбѣѣ, но неославно бити сѣа: а самъ поидѣ во анаѣолію на темерлана, и сразиша сѣа и повѣди тамерла^н баазыта, и взѣа ѣго вѣ пленѣ, и заключуи ѣго вѣ желѣзнь клѣтъ, и не могъ терпѣти, и оубн самъ сѣбѣ своіма рѣкама.

По смѣрты баазытовн настѣша сыновѣ ѣго на црѣтво тѣрское, оузѣнъ (89) мѣслюманъ и братъ ѣго вѣ лѣто ѿ ѣдама: 6916: (1408)

Паки согласнша сѣа двѣ брата, ѣдинъ да поидѣ на болгарѣѣ, а дрѣгн на сѣрковѣ, пото^м сразиша сѣа междѣ собою, и науааша бити сѣа и сотворнша кровопролнтіе: но ахметъ пашѣа зѣтъ нѣхъ, стѣа междѣ имн и сотворн миръ, и тако поидѣ свѣта^н мѣса оу дарданію то е западнаа болгаріа, ѡхрідѣ, и битѣла, ѣрцеговина, далмѣти, снѣрѣуѣ: Іллїріка, и оузѣ съ собою болгарскіа князы, иже имѣахѣ тѣрци по^а властн своѣи вѣлка доброжанскаго, и лѣзара ѣвхантскаго вѣ лѣто ѿ созданіа мѣра: 6917: (1409).

Такожде и оузѣнъ мѣслюма^н оузѣ съ собою ахметъ пашѣа зѣта своѣго, и поидѣ пѣте^м фѣлипогра^дскѣмъ, ѣки прїнде оузѣнъ мѣслюма^н на фѣлупогра^да, а ѣнъ раздѣлн вѣишѣ на двѣе, и посла на ахметъ пашѣа на златнца, а самъ поидѣ на сѣмоковѣ, и какъ прїнде на костѣнецъ междѣ гора^{мъ} вѣлыкѣмъ, и тѣ ѣвѣе стекѣша сѣа болгарн иж горы, и оубнша ѣго тамо вѣ лѣто: 6919: ѣгда оуслѣшалъ братъ ѣго свѣта^н мѣса, и разгнѣвасѣ гѣлѣ, и ѣвѣе оубн князь вѣлка, и лѣзара, и проуѣа князи болгарскіа иже имѣашѣ съ собою, и ѡстави дарданискѣю землю и прїнде на вѣстоунию землю, и сразишасѣ тѣрци и болгарн близъ сѣмоковѣ, и повѣдиша тѣрки болгарѣѣ, и оубнша црѣа ѿѡанна шншмана, ѡста ѣдинъ сынъ владнслѣа, и бѣжа при стрѣа своѣго оу видн^н: пото^м свѣтанъ мѣса поидѣ да пленн (90) и златнца, братъ же шншмана црѣа болгарскаго георгіа страшнмиръ какъ оуслѣша ѣко братъ ѣго оубнѣнъ бысть ѿ тѣркѣѣ, ѣвѣе собрѣа множество вѣнскѣа болгарн, сѣрѣвн, можарн, и поидѣ на златнца, и срази сѣа съ тѣрки тѣ оубн и свѣта^н мѣса, и ахметъ пашѣа зѣта црѣкаго, и всѣ вѣишѣво нѣхъ тамо ижѣн до ѣдинаго вѣ лѣто ѿ созданіа мѣра: 6929: и паки вѣзвратнса георгіа дѣспѣтъ оу видн^н.

Согласиша са въ лѣто ѿ созданиа мiра: 6953: царь георгиа страшнмиръ, и князь владиславъ и ѿнколь воевода битолски и собраша много войска, и разделиша са на три части, царь георгиа поиде на златица, и развн мостафа паша, и оубн его тв, и все воинство его до единого, таже поиде и на нiшь, и развн везыра турскаго османъ паша въ лѣто: 6956: таже поиде въ сербию, а ѿнколь воевода хошолъ на влашкв и развн магзегъ бега, близъ ввкрѣжа, таже развн юсеинъ паша, на ѿловница река, и изгналъ всѣхъ турковъ изъ влашко, таже поиде на родостолъ, или селистра, и поиде на столный гра^а терновъ, (94) князь же владиславъ младъ сынъ козрасто^а: 23: лѣто, пошолъ въ доброджа и обстопн гра^а варна, свлтанъ же турскiй тогда оупражнише са во играхъ, въ то время возврати са свлтанъ моратъ, ѿ оузвнъ хасана, и прииде во гра^а брѣса, а кезиръ турскiй, написа до него, ѿко гавъри хотятъ взати пакн адриа^а гра^а, онъ же авие собра: 300000: войновъ и предварн на варна, тогда и свлтанъ магометъ прииде на швменъ и сразиша са турцы и болгары и оубнша турци владислава князя сына цревнуа въ лѣто: 6957: ѿнколь же слышавъ ѿко оубиенъ бысть владиславъ, и авие возврати са во влашко царь георгиа болгарскiй всѣхъ турко изгна ѿ сербию и прииде по^а софiа, и въ то время прииде георгиа арванасъ бейлербей называемый скендеръ, съ нимъ вкѣпъ и великiй паша турскiй на георгиа страшнмира црѣ болгарскаго со сила конскѣ.

О георгиа арванаса.

Сей въ сынъ iоанна князя кастриота арванаскаго, ѿданъ въ залогъ ѿкоже рѣхъ прежде свлтанъ мвратъ, мвратъ же оубн всѣхъ братiа его, а него не оубн, но сотвори бейлербей, и нареуе его скендръ: сирѣчь: вторый александра. за храбрость его, а онъ ищешн приуина да извѣжитъ ѿ турковъ, понеже баше слышалъ ѿко оумрелъ оцъ его, и послалъ моратъ войскв да владѣютъ землю его, и когда хотѣхъ съ георгиа црѣ сразитиса, а онъ оуправилъ пашв напредъ, и сразиша са крѣпко, и побѣди црѣ георгиа пашв и взѣ его въ плѣнь, а георгиа арванасъ побѣже въ болгарскую войскв, и испроси ѿ црѣ георгиа: 300: войновъ и сквснвшн во браиѣхъ: и поиде во отѣчество свое, собра и арванасы: до 12000: и черногорцы прише ему на помощь: 8000: конскѣ таже прииде во албанию, и какъ оуслышаша арванасы пришествiе его, звлѣ возрадоваша са, и стекѣша са всѣхъ къ нему, онъ же собравъ: 22000: конскѣ и прииде до крою гра^а, и ноцию нападе на турковъ и изсеуи до 40000: конскѣ турска, и оузѣ крои гра^а, егда оуслышалъ сiѣ мвратъ, и сынъ его магометъ, звлѣ разгнѣваша са, и оузѣ мвратъ: 300000: конскѣ и збрѣнна, и поиде на георгиа арванаса: мвратъ же обствпн крои гра^а и гра^а дорѣца, георгиа же пакн нападе ноцию, и изсеуи полвишъ турскою войскв, такожде и дрѣгую ноцъ, и тако ѿгналъ турковъ ѿ свои землю, мвратъ же ѿ гнѣва и ѿросты паде въ болѣзнь едка же живъ ѿнесе^а во едренъ, тамо и оумрелъ, въ лѣто: 6958.

По смѣрты втораго мврата настѣ сынъ его мохаметъ вторiй: въ лѣто 6959: Той остави болгаритъ, сербитъ, и арванасытъ, и отиди на грецитъ оу црнгра^а, и го обиколн, и парвнъ соградн калѣ на^а црнгра^а, и тогнсъ повлѣ та напракнха: 80: кануата рѣчны въ лѣто ѿ созданиа мiра 6961: и тогнсъ пѣснаха кануатата по черното морѣ въ Бухѣза и дондоха до Галата и не моѣха да преминатъ, зашто нмашн верига желѣзна ѿ галата пре^а морѣто до црнградъ. По слѣваю повлѣ вѣтръ южный сильно. и са разнгра морѣто и талѣзнтѣ морски покрѣха веригата и минаха турцити со талѣзнтѣ, веригата и обиколнха тогнзи црнградъ по сѣхо и по морѣто, грецитъ катѣ видѣха работата, ѿуѣмша са животѣ, и са наготвнха снукн да оумратъ за отѣчеството си а не да са дадатъ на турцитъ, и бнха са три дни и паднаха ѿ греци и турци повнухъ: ѿ 200000: мѣртвы члѣвцы, и тогнзи чѣсъ ѿслабнаха грецитъ, и оубнха црѣ константина и брата его Теофила, и тогнѣ нанѣаниха турцитъ снукнтѣ свѣацы црнгра^аскн, и кой може да и скаже тогнѣвашно безъестiе на црнгра^аскити хрѣтианы; повлѣ турскiй царь на своите си турци, три дни кой какво и ска, да правн, тогнѣ турци, старѣа сеуѣхъ, младн рѣбахъ, дѣвѣци сквернѣхъ, младыя жены сквернѣхъ, младыя калѣгерки за жены взнмахъ, богѣта обнрахъ, тока бешн три дни, подиръ три дни повелѣ свлтанъ да изведат снукн

црнградски хртіаны на ать мегданъ, които са си отарвали (97) животъ свои, башка болерите, башка простытъ и попята сватанъ болеритъ, где си сокрили ващо сокровище, и тие ѿговореха и рекоха: ний пнуелнхме токмо колкото да са храним, а за богатство не радихми, тогива повика сьлтанъ и змекерети тѣхни, и сосъ маки ги испита, где са скрили богатството тѣхно и слоги ти им казана и в тойзи часъ повелъ сватанъ да износат сребро и злато и камене многоцѣнныхъ на ать мегданъ, и изнесоха и направиха могила ѿ сребро и злато и ѿ дръги хѣбави работи. Такъ изнесоха и богатството шото бѣши во стѣа Софіа, и ѿ него направиха дръга могила. като видъ сватанъ магомѣѿ толкосъ богатство заузднса. и вика сконтъ си башови, и повеле да мѣуатъ грѣцытъ, и тие зѣха без милости та посѣкоха снукн ти жени и деца тѣхны а востаго народа раздѣли по своитъ си тѣрци въ робство. Тако погнбе весь ро^а црнградскихъ хртіанъ и послѣ отиди магомѣтъ и въ патриаршіата, тогика бѣши патриаршіата, дѣто и сегѣ жаміа сватанъ магомѣтъ, тѣ бѣши исперкенъ храм стѣа аптолы не таръ и павелъ, и излезн патриарха да го посрѣшна сосъ снукн народ шото са намѣри тамо, и са поклонн сватанъ, и онъ го попыта: ты кто еси; и онъ мѣ реун, азъ есмь оцѣ родъ семъ. сватанъ же реуе емъ, ты ли еси великій полъ; онъ же отвѣща: азъ есмь многолѣтній царю, сватанъ же реуе емъ, ето ти харнзовамъ тебѣ живота и тази црква, и ты дакам тебѣ по хилѣдо алтана на година, и будешн іакоже былъ еси исперкенъ. Патриархъ же реуе, ей многолѣтній царю, аще обрѣтохъ милость пред тобою, то ми харнжи и тойзи народ които е сос менъ, сватанъ же реуе емъ, еліко сътъ калгерн и поповн дарю тебѣ, а мирстн же всѣхъ погвѣли, понѣже обрѣтохъ ихъ сопствати мнѣ, и нехотѣху поклонитнса мнѣ, и поидѣ сьлтанъ во своисы.

Послѣ пакн въ лѣто ѿ адѣма: 6963.

Пакъ собра сватанъ мохамѣтъ конскѣ: 500000: тѣрци башъ вѣины, и отншолъ шото обѣтанли касавн болгарскы, и сербски, като отивани въ пѣта, стнгна до фѣлпограда и слышавъ тамо како нмало болгарска конскѣ въ тѣловското полѣ и са крила из гората, и сватанъ тойзи часъ проводи, дрѣпъ исвѣ пашѣ сосъ: 15000: конскѣ тѣрска, и трагнаха, и като дошлѣ до средна гора, и намѣрили въ гората стѣи оцѣ николай слакенъ мнѣрь, и го развалили ѿ темѣла, и извели снукн калгеры до едннъ, и много мирски извели въ тойзи мнѣрь, и ѿ тамъ слазоха на село тѣриа: и стѣпиха въ тѣловското полѣ, и тамъ нѣмаше конскѣ, амн прѣстн наро^а жени и деца, крила са междѣ горитѣ, шото са былѣ собрани, на околѣ ѿ касабѣта. и селѣта, като видъ народа тѣрското дохождани, тѣрдѣ са оуплашнха, и выгнаха с голѣмъ гласъ даже до нѣсъ: гдн помнѣли: и гдѣ оуслыша тѣхнѣа гласъ, и тойзи часъ излезн мгла из земѣта, и покрѣ полѣто и прнтамнѣ, тѣрцитѣ рекоха ун нападнали на тѣхъ болгаритѣ и фѣнаха да са бѣатъ помеждѣ сы, и са извѣиха до едннъ, и като не остѣна ни едннъ ѿ тѣрцитѣ, и тогива са вднгна маглѣта на воздѣхъ: народа като видъ това уздо бѣіе, прослѣвнха бѣа и стнтелѣ оцѣ николаа уздотворца и нарекоша нме емъ маглншъ и до днесъ. а сватанъ магомѣтъ като уѣ тази работа, іако са расѣрди сасъ гнѣвъ на болгаритѣ, и отиди на самокоѣ: а знна^а пашѣ прѣти на златнѣца, пашѣта развн златнѣца, и а оузе, и лѣуенското калѣ оузе, ѿ тамо отиди на видннъ, на георгѣа страшнмнра царѣ болгарскаго, и много кавѣа было оу видн^а, сватанъ оузе самоковъ сосъ голѣмо крокопролнтіе за: 7: мѣы, а славынн гра^а софіа оузелн тѣрки за: 7: лѣта, ѣ великій бѣн, и страшно крокопролнваніе подиръ тѣхъ оузе прѣхтъ без бѣн. анджакъ тѣрцитѣ на^авнха на болгарытъ, и клѣзоха болгаритѣ во гра^а нншъ, а тѣрци обнколиха градѣ ѿвретѣ, и за: 9: мѣы го сасъ вола предѣдоха, тако оузе тѣруенъ нншъ: и тогнсъ отиди въ сербскѣ, и раснпа гра^а отравнѣца: гра^а новобѣрдѣ, и гра^а снтннѣцъ, въ лѣто ѿ адѣма: 6965: а зенанъ пашѣ бнса оу видн^а тры лѣта с георгѣа црѣа болгарскаго прозывѣаемаго страшнмнрѣ, и побѣднл его зенанъ пашѣ, и изгнѣа его из видн^а, и оуловн его живѣ оу колннско со всѣмн дѣтмн егѣ въ лѣто ѿ созданиѣа мѣра: 6968: а сватанъ магомѣтъ пошѣлъ на бѣлъ гра^а, и вн еѣ сос кнкола, и развн іанколъ магомѣѣа растоунн и ранн его в бѣдро в то лѣто оумре іанколъ коевѣда, прнлнпскнй внзкъ марковъ оу бѣлъ гра^а, тогда оузе сватанъ бѣлъ гра^а въ лѣто ѿ адѣма: 6969:

Блгоуестнвыи же царь болгарскій георгіа, и црїица егѡ грїна ѡба преставнша сѧ оу рздникѣ лѣто мїровытїа. 6999: ѡсташа ѿ нѣхъ тры чада, едїннъ имене^м стефанъ, и двѣ дщѣры марїа, и анастасїа, и не вѣмъ утѡ сотвори сѧ със ны^м в то лѣто побѣжѣ крагъръ, и марїа сестра лазарова дѣспота сѣрбскаго, мехметъ бѣгъ на дѡма, и ѡба прїаша тѣрскѣ вѣрѣ.

ДОЗДѢ КОНЕЦЪ.

Болгаро^м, Греко^м, Сербо^м, Арбанасо^м, и истрѣблени бѣша ѧки въ потопѣ, меуѣмъ тѣрскы^м, вѣха сѧ съ тѣрками: 127: лѣта поуѣша бїти сѧ въ лѣто: 6869: до лѣто: 6996:—

III. Тѣрскы^м царѣмъ именѧ свѣ сїа: Пѣрвн ша^х тѣрскїи малсада князь.

а: царь отмѧнъ сынъ малсадовъ,	ѡ: царь магометъ третїи
б: царь амза сынъ отамановъ	к: царь ахметъ первїи
г: царь сюлюма ^м сынъ амговъ	ка: царь османъ первїи
д: царь аганъ сынъ сюлюмановъ	кв: царь мустафа первїи
е: царь орканъ снѣ агановъ: сен въ пришолъ во европѣ 1360:	кг: царь мзратъ четвѣртїи
ж: царь сюлюма ^м вторїи сынъ оркановъ,	кд: царь нбраимъ первїи
з: царь мзратъ первїи,	ке: царь магометъ четвѣртїи
и: царь балзытъ снѣ мзратовъ	кс: царь сюлюма ^м четвѣртїи
ѡ: царь мюслиуманъ сынъ балзытовъ	кз: царь мустафа вторїи
ї: царь мвса сынъ балзытовъ	кн: царь ахметъ вторїи
л: царь селїмъ первїи	кѡ: царь махмѣдъ первїи
м: царь магометъ первїи	а: царь османъ вторїи
н: царь мзратъ вторїи	ла: царь мустафа третїи
д: царь магометъ вторїи	ав: царь ахмитъ первїи
е: царь селїмъ вторїи	аг: царь селїмъ четвѣртын
ж: царь сюлюманъ третїи	ад: царь мустафа четвѣртын
з: царь селї ^м третїи	ае: царь махмѣдъ вторїи: и оумре на лѣто 1839: їзнїа 31 и воцарїса сынъ егѡ апдѣлъ меджитъ на їзнїа :29: гѡ днѧ.
и: царь мзратъ третїи	

IV. Болгарская земля сѧ раздѣлѣва на 4 чѧсты:

Перва чѧсть мїснїа, и колко градовъ има оу болгарїа.

Бѣлградункѣ. Неготїнѣ. Фетїсла. Берковнца. Кѣтловнца. Вїдннѣ. Браца. Оурѧково. Лѡма. Лѡвнѣ. Нїкополь. Селїово. Плѣкенѣ. Свищѡвѣ. Столннїи градъ Тѣрновѣ. Рѣссы. Арбанасы. Родостѡлѣ. Селїстра. Рѧково. Разграда. Мауннѣ. Жумаа. Шѣменѣ. Кѡзла. Кессѧково. Пѧзарджїкѣ. Преслава. Блѣва. Тѣлуа. Кавѧрна. Вѧрна. Кѡзлоджа. Тѣа сѧ градовѣ всїи за гѡрїа междѣ старѧ планина и дѣнаи ѡ ѣрно море, до Фетїсла. 33 градовѣ болгарскы.

Чѧсть вторѧа оу Ѳракиа колко градовѣ има болгарскы.

Союзѡко. Бабанскї. Сара. Поандрїа^м [у Лам. Пона Адрїанъ] Бургѧсѣ. Анло. Мнсеѡра. Антѡсѣ. Палджїкѣ. Малотѣрновѣ. Карновѧтъ. Жѣравна. Оузонджѡво. ѧскїю. Чѣрпанѣ. Захра. Загорѧ. Анболѣ. Слївенѣ. Кѡтелѣ. Казанлѧкѣ. Кѧрлово. Ётрополы. Фїлнѣе. Стѣна. Пѧзарджїкѣ. Самоковѣ. Нѣтнманѣ.

Златица. Пещера. Софія. Радомиръ. Дупница. Жумаа. Кюстандѣлъ. Бана Брезникъ. Трѣнъ. Пирятъ. Крапа. Лесковецъ. Нишъ. Крѣша. Тѣ са градовѣ вси оуѣ Оракѣа между старѣа планина и Трапа планина ѿ уѣрно море, и ѿ андрѣиново до Нишъ: 43 градовѣ.

Часть третѣа македонѣа, колико градовѣ болгарски.

Новѣа. Козѣа стена. Скеѣа. Гюмюрджина. Смила. Захна. Просеѣина. Драма. Филоопѣсъ. Некрокопъ. Меомѣа. Бана. Меленикъ. Сѣра. Демирѣсаръ. Жумаа. Дохра. Петриѣу. Радовѣшъ. Кѣйница. Стрѣмница. Шипъ. Кѣуаны. Паланка. Краговъ. Комановъ. Тѣкѣнш. Велѣсъ. Терелѣсъ. Скопъ. Балѣа. Бѣдниъ. Новѣградъ. Пѣгошъ. Катрѣница. Вардѣръ. Приѣпина. Тѣ са градовѣ въ Македонѣа между планина Дѣспота и между греѣа 37 градовѣ болгарски.

Часть четвѣрта колко градовѣ има оуѣ дардана болгарски. Охридъ старѣа стѣлица болгаромъ. Бѣтола. Прилипъ. Нови пазѣръ. Дѣаковъ. Призрѣнъ. Тѣтюво. Калѣанда. Елѣсѣнъ. Шкодра. Река. Дебра. Оѣжеѣа. Горна река. Дѣлна дебра. Скендѣръ. Крѣшовница. Кѣраѣъ. Ново сѣло. Пласово. Бѣръ. 21 градовѣ. Тѣ са градовѣ вси оуѣ дардана. крайна Венеѣаном то ѣ западна страна болгаромъ, Оракѣа востѣуна страна болгаром (Македонѣа) южна страна болгаром, загорѣе сѣвѣрна страна болгаром.

Древне — армянскія рукописи.

Хр. Кучукъ — Иоаннесова.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору фотографическихъ снимковъ съ древнихъ армянскихъ евангелій, полученныхъ изъ Кракова профессоромъ С.-Петербургскаго университета А. А. Цагарели, считаю нелишнимъ посвятить нѣсколько словъ исторіи армянской иконографіи. Она возникла приблизительно два—три вѣка спустя послѣ византійской и развивалась сначала подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ, которое легко прослѣдить на памятникахъ армянской письменности, по миниатюрамъ, узорамъ, орнаментамъ, заставкамъ и прочимъ деталямъ, прямо заимствованнымъ изъ византійской иконографіи. Послѣдняя, какъ извѣстно, окончательно выработалась во всѣхъ своихъ формахъ въ VI вѣкѣ (проф. Покровскаго докладъ на VIII Археол. съѣздѣ въ Москвѣ 1890 г.). Вліяніе византійской иконографіи на армянскую началось съ IX в., а можетъ быть и раньше, и продолжалось до XIV вѣка, когда оно уступило мѣсто итальянскому и западно-европейскому вліянію, продолжавшемуся до XVII вѣка. (См. графа А. С. Уварова: статью „Эчмиадзинская Библіотека“). Со второй половины XVII вѣка въ армянскихъ рукописяхъ проявляется персидское вліяніе, какъ слѣдствіе политическаго положенія Арменіи, восточная половина которой была тогда подвластна Персіи. Что же касается характера письма, которымъ писались армянскія рукописи, то слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее: начиная съ IX и до первой половины XI столѣтія употребляется крупный уставъ (*Երկաթադիր*), который со второй половины этого столѣтія смѣнился полууставомъ (*Կրտսերկաթադիր*), величиной въ половину прежнихъ буквъ. Въ XII стол. полууставъ замѣняется круглымъ и довольно крупнымъ почеркомъ (*Բլոր Գիր*), который въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ слѣдующихъ столѣтіяхъ превращается въ красивый, мелкій почеркъ (*Կոր, շադիր*). Если иногда и попадаетъ крупный уставъ, то характеръ его другой, и нельзя смѣшивать его съ уставомъ предыдущихъ вѣковъ. Перехожу къ разбору фотографическихъ снимковъ.

Какъ выше было замѣчено, недавно профессору С.-Петербургскаго Университета, Ал. Ант. Цагарели, изъ Галиціи были присланы нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ древнихъ армянскихъ рукописей, съ просьбой опредѣлить вѣкъ, къ которому относятся эти рукописи. Почтенный проф., представитель грузинской каѳедры, хотя отчасти и знакомъ съ армянскимъ языкомъ, но, не считая себя компетентнымъ въ дѣлѣ, касающемся памятниковъ древней армянской письменности, передалъ ихъ мнѣ для разбора, выразивъ при этомъ, желаніе, чтобъ я, прежде чѣмъ произнести

свое окончательное сужденіе объ этихъ рукописяхъ, посоветовался бы съ кѣмъ нибудь изъ арменистовъ. Я съ готовностью исполнилъ просьбу Александра Антоновича, будучи заранѣе увѣренъ, что двери моего наставника Н. О. Эмина всегда открыты его ученикамъ.

Тяжкая болѣзнь, не позволявшая маститому ученому посѣщать засѣданія VIII-го Археологическаго съѣзда, нисколько не помѣшала ему разсѣять тѣ немногія мои сомнѣнія, кои возникли относительно одного изъ фотографическихъ снимковъ. Но объ этомъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ, когда буду говорить о палеографическихъ признакахъ разбираемыхъ рукописей.

Теперь перехожу къ снимкамъ, коихъ всего три.

Разсматривая эти снимки и сличая ихъ съ текстомъ печатнаго евангелія, я нашелъ на снимкѣ подъ № Ia текстъ Ев. отъ Луки, глава первая и стихъ первый.

На снимкѣ подъ № IIa текстъ Ев. отъ Іоанна, глава первая, стихи 1, 2, 3.

Третій снимокъ дѣлится на двѣ половины, лѣвую, обозначенную № II в, занимаетъ текстъ Ев. отъ Марка гл. X, стихи отъ 41 до 46 включительно; правую, подъ № I в, текстъ Ев. отъ Іоанна гл. IX, стихи отъ 5 до 11-го.

Очевидно, что первые два снимка составляютъ разныя страницы одной той же рукописи, такъ какъ писаны однимъ почеркомъ; разница между ними заключается, лишь въ композиціи буквъ. Разсмотримъ сначала снимокъ № Ia. Текстъ Евангелія отъ Луки писанъ большими буквами въ два столбца. Заглавная буква, занимающая всю длину листа, напоминаетъ грифона съ туловищемъ львицы—съ птичьими крыльями, изогнутая шея заканчивается головой быка; остальные буквы составлены изъ узоровъ и арабесковъ.

Надъ текстомъ красуются двѣ небольшія, изящныя заставки, въ виз. стилѣ, между которыми возвышается узорчатая колонна съ равнобедреннымъ крестомъ на верху. По обѣимъ сторонамъ креста, на двухъ означенныхъ заставкахъ, стоятъ двѣ птицы съ изогнутыми къ верху хвостами, заканчивающимися головами драконовъ. На двухъ крайнихъ концахъ заставки, находятся треугольныя украшенія. Справа, въ всю длину листа, вдоль заставокъ и текста, пущено длинное, узкое украшеніе, состоящее изъ сплетенія самыхъ разнообразныхъ предметовъ, узоровъ и цвѣтовъ и заканчивающееся на верху крестомъ. Это узкое украшеніе впервые появилось на рукописяхъ XIV столѣтія. Что же касается до заставокъ, то слѣдуетъ замѣтить, что ихъ симметричное расположеніе, съ правильными узорами на нихъ, даетъ намъ поводъ полагать, что онѣ могли быть исполнены какимъ нибудь механическимъ способомъ, что иногда и дѣлалось на рукописяхъ XV вѣка.

Отмѣчу еще одно обстоятельство; крестъ на вершинѣ длиннаго украшенія справа я видѣлъ на рукописяхъ того же XV вѣка, и этотъ мотивъ повторяется въ XVI и XVII столѣтіяхъ; но раньше XV-го я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ. (См. рукописи фундаментальной бібліотеки Лазаревскаго Института №№ 10, 11, 138 и 150 рукописнаго каталога).

Лѣвую половину того же снимка занимаетъ миниатюра св. Луки въ рамкѣ; онъ представленъ въ сидячемъ положеніи, но на чемъ сидитъ, трудно разобрать. Вообще поза и наружность евангелиста исполнены неудачно и небрежно; въ лѣвой рукѣ у него книга, правая естественно протянута впередъ; на подставкѣ передъ нимъ виситъ не початый свитокъ, и св. Лука призадумался надъ письмомъ. Такое неправильное изображеніе святыхъ апостоловъ, копируемыхъ вообще съ византійскихъ образцовъ, попадаетъ на рукописяхъ XIII, XIV и XV вѣковъ.

Слѣдующій снимокъ (подъ № IIa) также дѣлится на двѣ половины, на правую и лѣвую; эту послѣднюю занимаетъ миниатюра евангелиста Іоанна, а правую текстъ Евангелія. Заглавная зоографическая буква *P*, занимающая половину страницы, сдѣлана изъ птицы, держащей въ клювѣ нѣчто въ родѣ конверта. Первые двѣ строки текста, за исключеніемъ заглавной, пи-

саны большими буквами, составленными также изъ птицъ; затѣмъ остальной текстъ продолжается уже круглымъ почеркомъ. Надъ текстомъ большая заставка, на которой, какъ бы въ треугольникѣ, находятся изображеніе Дейсуса. Спаситель благословляетъ правой рукой и держитъ раскрытое евангеліе въ лѣвой. У Іоанна и Богородицы, коихъ изображенія находятся нѣсколько ниже, руки сложены молебнo; типъ у всѣхъ трехъ изображеній общеармянскій. У Богородицы на головѣ покрывало, какое, вѣроятно, носили армянки въ XIII и XIV вв. Это послѣднее обстоятельство напоминаетъ намъ древнюю икону Божіей Матери, хранящуюся до сихъ поръ въ армянской церкви имени Св. Богородицы въ г. Каменецъ-Подольскѣ. Сличая и сопоставляя эти два памятника армянской иконографіи, мы видимъ, что они по типу сходны, покрывало на головѣ одно и то же какъ у Богородицы на заставкѣ разбираемаго снимка, такъ и на иконѣ. Это сходство объясняется очень просто. Армяне г. Каменецъ-Подольска, какъ и другіе ихъ родичи, живущіе нынѣ въ Молдавіи, Валахіи, Венгріи, Галиціи, Польшѣ и Бессарабіи, суть выходцы изъ Крыма, куда въ XI вѣкѣ они переселились изъ Арменіи, послѣ паденія г. Ани подъ ударами султана Турокъ-Сельджукидовъ, Али-Арслана. Въ свое новое отечество, въ числѣ многихъ другихъ памятниковъ древней письменности, они привезли также и помянутую выше св. икону Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ на рукѣ. Преданіе гласитъ, что она была писана евангелистомъ Лукой. Ее чтутъ, какъ чудотворную икону, не только Армяне, но и мѣстные католики. Естественно поэтому предполагать, что благочестивые ревнители армянской церкви съ нея-то и воспроизводили ликъ Богородицы на своихъ рукописяхъ, измѣняя иногда лицо, но сохраняя въ то же время ея типъ и головной уборъ (см. иллюстрированный журналъ „Аракъ“, ст. Л. Мазирова, Спб., 1889 г.).

Но возвратимся къ нашей заставкѣ.

На вершинѣ ея есть украшеніе въ видѣ кувшина; по сторонамъ двѣ птички, за которыми слѣдуютъ двѣ сирены въ головныхъ уборахъ, за ними дальше, на углахъ заставки, находятся еще двѣ птички. Направо, вдоль заставки и текста обычное узкое и длинное украшеніе, заканчивающееся, какъ и на предыдущемъ снимкѣ, правильнымъ крестомъ. Между заставкой и текстомъ нарисовано поясное изображеніе, вѣроятно, діакона съ курильницей на цѣпяхъ въ рукѣ, какъ на одной рукописи X вѣка. Лѣвую половину листа занимаетъ большая миниатюра евангелиста Іоанна въ рамкѣ; тамъ же стоитъ кіотъ, на которомъ находится изображеніе орла съ полураскрытыми крыльями и сіяніемъ вокругъ головы его. Подъ кіотомъ сидитъ Прохоръ съ рукописью, на которой мы читаемъ слѣдующія слова евангелиста: „Въ началѣ было слово“. На вершинѣ рамки корзина съ цвѣтами, по сторонамъ двѣ птички; внѣ рамки, на полѣ изображеніе Крестителя; онъ стоитъ босикомъ, въ правой рукѣ держитъ вѣтку съ цвѣткомъ, какъ на рукописи XIII вѣка, въ лѣвой—раскрытый свитокъ со слѣдующими словами изъ III-ей главы Евангелія отъ Маттея: „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“.

На основаніи вышеизложенныхъ палеографическихъ признаковъ, я полагаю, что означенное Евангеліе можно отнести къ промежутку между XIV и XV вѣками. Но приписывать его къ эпохѣ, предшествовавшей этому времени или слѣдующей за нимъ, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ, потому что на разбираемыхъ снимкахъ, какъ мы видѣли выше, являются отличительные признаки, свойственные XIV и XV вѣкамъ, съ повтореніемъ нѣкоторыхъ мотивовъ изъ предыдущихъ столѣтій.

Затѣмъ перехожу къ третьему снимку, на которомъ находятся тексты изъ разныхъ Евангелій, относящихся къ разнымъ эпохамъ. Нѣкоторыя сомнѣнія во мнѣ возбуждалъ особенно текстъ, помѣченный № Пв.; но достаточно было Н. О. Эмину бросить на него бѣглый взглядъ, чтобъ убѣдить меня, что списокъ этого Евангелія относится къ XII столѣтію, то есть къ той именно эпохѣ, когда на армянскихъ рукописяхъ полууставъ замѣняется круглымъ почеркомъ,

который, въ слѣдующихъ за тѣмъ столѣтіяхъ, дѣлается болѣе мелкимъ, а иногда сохраняетъ свою первоначальную форму и величину. Такое развитіе круглаго письма легко прослѣдить по рукописямъ библіотеки Лазаревскаго Института (см. печатнаго Каталога номера: 1112, 1113, 1114, шараканъ, описанный покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ, и проч.). Разбираемый нами текстъ, дѣйствительно, писанъ круглымъ и весьма отчетливымъ, крупнымъ почеркомъ, какимъ писали въ XII вѣкѣ. Единственными украшеніями ему служатъ: одна буква, составленная изъ птицы въ серединѣ текста (который, замѣчу между прочимъ, писанъ въ два столбца) и еще неудачное изображеніе дерева на полѣ. На дерево неизвѣстный художникъ почему то посадилъ дѣвушку, а у ствола нарисовалъ мальчика.

Наше же предположеніе о разнородномъ происхожденіи двухъ текстовъ на одномъ и томъ же третьемъ фотографическомъ снимкѣ, подтверждается уже внѣшнимъ видомъ самаго снимка, на которомъ двѣ рукописи разнаго формата, одна на цѣлый вершокъ длиннѣе другой, поставлены рядомъ и, вѣроятно, экономіи ради сняты одновременно. Въ этомъ не трудно убѣдиться, взглянувъ на снимокъ.

Правую половину послѣдняго, какъ я упомянулъ выше, занимаетъ текстъ изъ IX-ой главы евангелія отъ Іоанна, стихи отъ 5-го до 11-го. Онъ писанъ крупнымъ, прямымъ уставомъ въ два столбца, и при немъ нѣтъ ни заставокъ, ни заглавныхъ, узорчатыхъ буквъ. Судя по внѣшности, рукопись, должно быть, написана на пергаменѣ. На основаніи этихъ немногихъ данныхъ, я полагаю, что ее (рукопись) слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ XI вѣка, потому что со второй половины того же вѣка, какъ констатировано графомъ А. С. Уваровымъ, въ его описаніи рукописей Эчміадзинской Библіотеки, „начинается перемѣна въ палеографическихъ признакахъ армянскихъ рукописей, и, вмѣсто крупнаго устава, пишутъ уже полууставомъ, величиной почти въ половину прежнихъ буквъ. Попадаются, говоритъ онъ далѣе, миниатюры, заставки и заглавныя буквы“. Ничего подобнаго мы тутъ не видимъ, кромѣ двухъ фигуръ, Христа и слѣпаго на полѣ, въ началѣ, у текста. Эти фигуры могли быть прибавлены и позднѣе. Онѣ тутъ служатъ поясненіемъ или иллюстраціей къ тексту, который въ этомъ мѣстѣ гласитъ: „Я свѣтъ міру.—Сказавъ это, Онъ плюнулъ на землю, сдѣлалъ брение изъ плюновения и помазалъ брениемъ глаза слѣпому“ и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ, описывая памятники XIV ст. графъ говоритъ, что онъ видѣлъ экземпляръ рукописи этого столѣтія, писанный крупнымъ уставомъ, въ подраженіе рукописямъ X и XI вѣка. Очевидно, что этотъ случай нельзя приурочить къ нашей рукописи, потому что тамъ рядомъ съ орнаментальными мотивами прежнихъ столѣтій существуютъ свои отличительные признаки, выражающіеся въ длинномъ, узкомъ украшеніи вдоль листа справа, въ заставкахъ разнаго стили, узорахъ, заглавныхъ буквахъ изъ сиренъ, звѣрей, птицъ и проч.

Здѣсь же и помину нѣтъ о XIV вѣкѣ, но зато есть нѣчто другое и весьма любопытное. Я говорю объ употребленіи буквы ζ , произносимую какъ арабская ξ , вмѣсто ζ . Вотъ эти случаи.

Սիղովանայ. соб. имя—Силоамъ; въ нов. изд. Ев. *Սելովանայ, սյղբն* вм. *սյլբն*. греч. *ἄλλος*. лат. *alius*. *սյղ* въ значеніи—но, греч. *ἄλλᾶ*.

Въ трехъ мѣстахъ въ 3-мъ лицѣ мн. числа Imperfect'a *սսեին* вм. *սսէին*.

Аналогичныя явленія я встрѣтилъ и въ рукописяхъ Лазаревскаго Института. Въ Евангеліи IX в., писан. крупнымъ уставомъ, мы читаемъ:

Սյղ ես սսեմ вм. *սյլ ես սսեմ*.

լսեին вм. *լսէին*.

անգոսնեին вм. *անգոսնէին*.

աղաչեին զնա в м. *աղաչիւն զնա*.

արծաթասէրք եիւ в м. *արծաթաւէրք էիւ*. и проч.

То же самое повторяется также в рукописях XIV и XV столетия; эти последние рукописи писаны круглым почерком.

В собственных именах еще не удивительно встретить букву շ, в м. շ ибо Армяне и до сих пор пишут:

Աննիրաշ в м. *Աննիրալ* Аннибалъ.

Պողոս в м. *Պաւլոս*. Павелъ

Պաղէորդ в м. *Պալէորդ*. Палеологъ и т. д.

Но присутствіе շ в м. շ в выше упомянутых словах рукописей, мнѣ кажется, лишній разъ подтверждаетъ только давно высказанное филологами мнѣніе, что շ, сравнительно, древнѣе շ в армянскомъ языкѣ, гдѣ ея роль достаточно уже выяснена. „Такъ какъ въ зендскомъ и древнеперсидскомъ, говоритъ покойный Паткановъ, нѣтъ l, то, вѣроятно, и въ армянскомъ շ служилъ переходомъ изъ древняго շ къ новому l“. И, дѣйствительно, при сравненіи сходныхъ словъ въ другихъ языкахъ, онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ շ стоитъ вмѣсто r и l.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ мною изъ *Armenische Studien* проф. Гюбшмана и изслѣдованія о составѣ Армянскаго языка Патканова.

Աշ соль. греч. *ἄλας*, лат. *sal*, ром. *salt*.

աղաւ молотъ. греч. *ἀλέω*.

աղբւր род. *աղբր*. греч. *φρέαρ*.

աղուէս. греч. *ἀλώπηξ*, санскр. *lōpāṣa*, новоперс. *rōbāh*.

ասաղ зенд. *ṣtare* у Justi, санск. *star*, лат. *stella*, новоперс. *آختر*

աղաղաղ греч. *ἀλαλαγή* и т. д.

Что же касается образованія Imperfect'a въ армянскомъ языкѣ, то интересующіеся этимъ, подробности могутъ найти въ грамматикахъ Боппа, Патканова, Lauer'a въ переводѣ французскаго армениста Carrière'a, а потому говорить о томъ, я считаю совершенно излишнимъ. Поэтому появленіе въ Imperfect'ѣ окончанія *եիւ* вмѣсто правильнаго *էիւ*, я полагаю, составляетъ ненормальное явленіе, которое г. Эминъ приписываетъ тому обстоятельству, что писцы разобранныхъ выше рукописей, вѣроятно, принадлежали къ одной и той же школѣ; другаго толкованія въ этомъ отношеніи трудно и подыскать.

Свой несложный рефератъ я заканчиваю выраженіемъ здѣсь моей глубокой благодарности маститому арменисту Эмину, за его цѣнныя указанія, коими я пользовался при разборѣ фотографическихъ снимковъ.

Въ заключеніе сего реферата мнѣ остается прибавить, что г. Эминъ вполнѣ раздѣлялъ мои воззрѣнія относительно принадлежности этихъ рукописей къ тѣмъ именно вѣкамъ, къ которымъ я ихъ отношу въ прочитанномъ передъ вами докладѣ.

Грузинскія рукописи Румянцевскаго Музея.

А. С. Хаханова.

Число грузинскихъ рукописей въ Румянцевскомъ Музеѣ болѣе 15. Наибольшій интересъ изъ нихъ представляютъ пять пергаменныхъ свитковъ XII—XIII вв. и вариантъ грузинской лѣтописи, ложно извѣстной подъ именемъ лѣтописей царя Вахтанга.

Пергаменные свитки присланы изъ Сванетіи директоромъ Кутаисской гимназіи г. Стояновымъ. Въ Музеѣ они хранятся подъ №№ 835, 836, 837, 838, 839. О каждомъ свиткѣ буду говорить отдѣльно. Характеръ ихъ письма XII в.

№ 835 состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ свитковъ. Длина перваго свитка 25,4 с., ширина 1,9 с.; длина второго свитка 2,8 с., шир. 1,9 с. Обѣ стороны перваго написаны красивымъ почеркомъ. Есть киноварныя буквы и слова. Кое-гдѣ чернила выцвѣли и пергамень пожелтѣлъ. На одной сторонѣ приводится молитва, начинающаяся такъ: კვალად აღმადგინე და ზეცად აღმიუგანე და მოგვამაღლე. სასუფეველია მემშისა მის... უკველითაივის გმადლობით შენ მხალად შობილას კესა შენსა...

На другой сторонѣ: ანა ვინ ანს ღირსად ხორციელი გულითა ჩემთა წარდგამ[ა]და ანუ მალხინებ[ა]და. უფალა ღ'ა ჩვენა გაბდმოუვლინე და განმაკლიერე მსახურებასა ამასა შენსა ზედა დაუსკველად წარდგამად წ'ასა და საშინელსა (დღესა?) შეწინავედ შენდა უსისხლო მსხვერპლი.

Листъ втораго свитка изорванъ, почеркъ красивый, попадаются киноварныя фразы. Пергамень почернѣлъ и покрытъ грязью. Здѣсь читается отрывокъ изъ молитвы: ღ'ი, ღ'ა ღირს მუავ წარდგამად შენდა...

№ 836 состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ свитковъ: длина перваго 25,4 с., шир. 2,8 с.: онъ сшитъ изъ 4 отдѣльныхъ листовъ красными нитками; длина 2-го свитка 9,5 с., шир. 1,9 с.; изъ отдѣльныхъ листовъ, сшитъ бѣлыми нитками; длина третьяго 9,5 с., шир. 1,9 с., сшитъ изъ 3 листовъ бѣлыми и красными нитками. Послѣдній свертокъ представленъ въ одномъ листкѣ. Содержаніе перваго свитка заключается въ умиловительной молитвѣ полухристіанскаго, полужыческаго характера; форма молитвы повторяется во всѣхъ свиткахъ, она очень не замысловата. Начинается всегда словами: ღმერთო აშენე, აკურთხე, სახლი საუფელი. т. е.:

„Господи, надѣли благами, благослови домъ, достояніе“. За этимъ воззваніемъ слѣдуетъ перечисленіе именъ тѣхъ грѣшниковъ, за души которыхъ принесена жертва, и просятъ помилованія; ს'ა შაკუს ცადვილს შ'ს ღ'ნ: душу Баку (Бакура?) грѣшнаго да прости Господь и т. д. Это однообразное перечисленіе грѣшниковъ важно въ томъ отношеніи, что открываетъ собственныя имена, бывшія въ употребленіи за нѣсколько вѣковъ тому назадъ, иногда игравшія важную

роль въ исторіи Грузіи. Въ числѣ этихъ именъ много „некалендарныхъ“ ¹⁾. Первый свитокъ № 836 начинается обыкновеннымъ воззваніемъ, и затѣмъ приводятся имена усопшихъ и здравствующихъ свановъ: ს'ა შ'ნ ღ'ნ. (Въ такомъ сокращенномъ видѣ пишется სულსა შეყნდლს ღმერთობან). სულსა შერეს შეყნდლს ღმერთობან; სულსა აძალს შეყნდლს ღმერთობან; სულსა ხახატა შეყნდლს ღმერთობან; სულსა იაძა ცადილანს შეყნდლს ღმერთობან; მაქას ცადილან (ცადვილს?); შეყნდლს ღმერთობან; სულსა იაძანს შეყნდლს ღმერთობან; სულსა გიას შეყნდლს ს ღმერთობან.

Душу Хахато (?) да помилуетъ Господь,
Душу Шера да помилуетъ Господь,
Душу Омагъ да помилуетъ Господь,
Душу Θомы грѣшнаго да помилуетъ Господь,
Душу Мака грѣшной да помилуетъ Господь,
Душу Тамары да помилуетъ Господь.

Я считаю этотъ образецъ достаточной иллюстраціей формы молитвы, поэтому ниже я не стану приводить словъ „душу“ и „да помилуетъ Господь“, а назову лишь собственные имена свановъ, за которыхъ просятъ, отмѣчая встрѣчающіяся особенности и отступленія отъ обычнаго образца სულსა ჰაკუს ცადილას... უაღუს — (тире въ началѣ означаетъ пропускъ „душу“, а въ концѣ имени пропускъ „да помилуетъ Господь“) — უაღუს — , — ნაილს, — ჭუჭუეს — , — ჯანას — , — აბეს — , — გუს — . Другія имена: ნაღუსწილია, ქეიუს, ცდილს, ჭანა, ნაღუს, ფუიოს.

Имена, здѣсь упомянутыя, слѣдующія: Бакуръ (Баку здѣсь), Каду, Натли, Чучу, Джасамъ, Обе, Кете, Джаны, Начу, Путхъ. Третій листокъ того же свитка № 836 писанъ на грубой кожѣ. Молитва начинается воззваніемъ: ღ'ა აშენე, აკუროსე, სახლი საუაფელი.

Далѣе идетъ перечисленіе именъ:

ს'ა ქენტაბიამეულღეს იაძანს შ'ს ღ'ნ; — ფილასანს, კვირისკახაშანს, მის მეუღლეს ელენეს; ფულანს კახაშანს; მის მეუღლეს მანისანს; ბიქელქელიანს.

„Душу супруги Керабіана, Тамары, да помилуетъ Господь. Душу Пилосаня, Квика Кахашіани, Пула, Кахашіани, ихъ супругъ Елену и Мариху“. Здѣсь названа фамилія Кахашіани и имена ихъ женъ двухъ членовъ этого семейства (въ грузинской исторіи неизвѣстна эта фамилія). Второй свитокъ того же № 836 изорванъ. Но можно разобрать воззваніе и за нимъ нѣсколько именъ: ს'ა მაქას, კანას, ჯანას, т. е. душу Мака, Кана, Джана. Второй листокъ этого свитка не прочитанъ, такъ какъ онъ проѣденъ червями и изорванъ. Третій свитокъ № 836 представляетъ палимсесть, писанъ черными чернилами. Начинается обычно ღ'ა აშენე, а затѣмъ приводятся имена ჰაკას, ზეკას, ფუფუნაკან Бака (Бакуръ?), Зека, Пупунаваль. 2-й листъ этого свитка послѣ обращенія ღ'ა აშენე заключаетъ имена უაღუს მუნას, ასლანის (формы родительнаго падежа имени существительнаго) კახლიკ, უბანას, იანაის Каду, Гуна, Асланъ, Кахликъ, Тина (Тинатина — имя героини романа Ш. Руставели). Третій листокъ начинается словами ღ'ა აშენე затѣмъ читается: სამია მახვილიანს ღ'ა მიეც დღე კეიილი, მარქმელსა აუყუს მახვილიანსა მეტად; ს'ა აუყანს შ'ნ ღ'ნ. მის მეუღლეს მახვილიანს შ'ნ ღ'ნ; გუნას, რაიიუს მახვილიანს შ'ს ღ'ნ, მაქას, ლამის, პაღის, ნესტანს გუას, ემუს, მაქას, იაძანს ნუღანს, იანას, პესის.

Молитва эта важна въ томъ отношеніи, что она представляется фамиліальной, семейной; списокъ здѣсь называетъ имена лишь одной фамиліи Махвиліани. Членовъ этого семейства очень много; нѣкоторыя не были прочтены мною, такъ какъ чернила выцвѣли. Однако можно перечислить вотъ какія имена изъ фамиліи Махвиліани: Лукакъ или Аукахъ, супруга его Марханъ,

¹⁾ См. мою статью: „Къ вопросу о некалендарныхъ именахъ“ въ „Этногр. Обзор.“, кн. XXI.

Шайту, Гуна, Раиу, Мака, Джалкватъ, Ломи, Беси, Бадри, Гуа, Эму, Нударъ, Гуа, Газай-лянъ, Тина, Гуканъ, Тамара, Миха. Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ именъ сохранились лишь въ народныхъ сказаніяхъ, напр., Бадри, Гуа (= Гиви); другія называются въ поэмѣ „Барсова Кожа“—Нестанъ, Нестанъ Дареджанъ и Тина (Тинатина). Беси представляетъ сокращеніе имени Бессаріонъ (Виссаріонъ), Миха (Михаиль), Мархонъ вѣроятно еврейское имя Мареха. Прозвище обращено въ имя: Ломи—Левъ. Другія имена для меня непонятны.

№ 837. Длина 14, 5,2 с., шир. 1,9—3,8 с., состоитъ изъ 8 листовъ, сшитыхъ почернѣвшими нитками. Пять листовъ представляютъ лишь одни небольшіе клочки. У перваго листа съ обѣихъ сторонъ чернила выцвѣли, и нѣтъ возможности возстановить текстъ: повидимому, этотъ листъ взятъ изъ какого-то богослужебнаго сборника.

Второй листъ начинается ღ'ა აშენე, აკურთიხე სახლი და საუჯგელი. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить союзъ და (и) рѣдко встрѣчающійся въ этихъ свиткахъ; обыкновенно говорится безъ соединенія посредствомъ союза და (и): „Господь, надѣли благами, благослови домъ, достояніе“. Здѣсь же домъ, достояніе, связано союзомъ „и“. Послѣ этого обращенія читается:

ვეყუან ცრდა აიი აიასი შეწინა შეკლებას სადღებლად, სულსა ვეყუანს (შ'ს?) სულსა და გუ-
ლსა მის მეუღლის ქალიანს ჩანქიანს შ'ს ღ'ნ; სულსა ვეყუანს გამზელსა. Далѣе имена: თეოსუანს
ყიძინს (?), მის მთახლეს თეოსთუეს; თათიუანს ვეალ... მიერ ზედნიერება ღვთის მამიძს ჩანქი-
ანს, დიდისლმს, მის გამდელ უდუს, ელდაწესეს, მანინას დაჩქელიანს ცხურეცს (священнику?)

Въ этомъ листкѣ названы двѣ фамиліи Чаркіани (нынѣ Чарквіани) и Дачкеліа (нынѣ Да-дишкеліани). Въ началѣ говорится о Чекалѣ, который пожертвовалъ 30,000 чего-то и собралъ (собраніе) въ Сванетіи въ деревнѣ Земо Убели (?). Имена тутъ названные: Чекалъ, его супруги Калиме (отъ Кали—дѣвушка, женщина), его няня (безъ имени), Тетруатъ отъ тетри[-бѣлый] (Тата-канъ, нынѣ Татарханъ) Джіаль, Марине Дачкеліани, Каду, *Еладирунхе*; кажется ꝑ послѣднее имя слѣдуетъ разложить на двѣ части: *Елдарун* и *хе*. Послѣдняя часть обозначаетъ какъ въ мингрельскомъ языкѣ дочь, урожденную или женскій полъ вообще, отсюда Елдарунхе значить „дочь Ель-дару“. Прозвище Тетруа-бѣлолица и нынѣ употребляется въ Грузіи. Третій листъ проточенъ червями и покрытъ грязью. Можно разобрать слова ღ'ა აშენ... დიდებულ ვეყუანს დაჩქელიანს, სულსა გაცაას; გუბანს, თეოსიანს, საჭუას, თეოს, თეუბანს...

Послѣ извѣстнаго обращенія употребляются имена именитой Какуни Дачкеліани; Гогіи, Гусданъ, Ручагинъ, Садджа, Гута (Гута и нынѣ употребляется). Четвертый листъ—изорванный клочекъ начинается: ღ'ა აშენე, а остальное вырвано. Пятый листъ представляетъ палипсестъ. Письмо идетъ снизу вверхъ, а молитва, приписанная позже, слѣва направо. Кожа шероховатая:

ს'ა მისას და *ხანუს კვანჭას. ზიქას, დედასა მის დაუს შ'ნ; ქაუზაზ.

Т. е. въ русскомъ переводѣ: „Миха, Хану (Ханума) Квандчи (Кванджахадзе) Зика (Захарка), мать его Дау Каузаль“. Шестой листъ по объему небольшой: ღ'ა აშენე... имена остались неразобранными. Седьмой и восьмой листъ представляютъ палипсестъ; они изорваны, проточены и одинъ конецъ даже выжженъ: ღ'ა აშენე და აკურთიხე სახლი საუჯგელი. Здѣсь союзъ и появляется между двумя глаголами: „даруй благо и благослови“ მამ'ა ჩანქის აიასი (?) სულისათვის შესწინა, სულს ჰატს ჩანქეს შ'ნ ღ'ა, მის მეუღლის გუბანს, სახია ჩანქიანს მამაკაცს, გამზდელს თათიანს, თამანს, ზედწესეს, ქუჩს, ღეჭუს и друг.

Здѣсь упоминаются члены изъ фамиліи Чаркіани: Мирза, который 1,000 вознесъ за душу, жена его Гунца, Сосіа, Мамакаца (собственно прозвище — мужественный), Титс, Тамара, Хосіа, Гедчу, Лору, Кучи. Кучи или Кудчи упоминается разъ въ грузинской летописи. Онъ былъ владѣтелемъ Мингреліи, въ союзѣ съ нимъ царь грузинскій Фарнавазъ выступилъ противъ Азона, намѣстника Александра Македонскаго въ Грузіи.

№ 838 состоитъ изъ двухъ свитковъ, каждый изъ нихъ представляетъ соединеніе нѣсколькихъ листковъ. Въ первомъ изъ свитковъ до 66 с., шир. 2,5 с. заключается 5 листовъ; во второмъ свиткѣ до 20 с., шир. 1,2,2 с. три листка, при чемъ третій заключаетъ лишь двѣ строчки.

1) ს'ა მელქიფხეს ხაის სუარტყნსა. Здѣсь Мелкипче Хосіи, думаю толковать по прежнему: „хѣ“ обозначаетъ женскій полъ.

2) ს'ა აღმანს დადიჩქელნისა; გულახსანს მეუღლეს კაკუს დაჩქელაფხეს; მეოჯეს (?) მიწხას; ახლეს, საივოიას, მიწხაუან დადიჩქელიანს, დედამის საუკარელს; მის მეუღლეს გუაძაყანს; თეპირყანს, თათარყანს, მის მეუღლე ბურდულეს, მეოჯეს (?) ვახაბენს, მიწხა დეკდტრიანს, მიახლეს მელქიფხეს, კრება შეგუკარა გულახსან დადიჩქელიანისა.

Имена изъ фамиліи Дадишкеліановыхъ и нынѣ въ употребленіи: Алмасъ (Алмасханъ), Мирза, Темурканъ. Здѣсь названо имя Девдріани, нынѣшніе Дедворіани. Въ молитвѣ называются няни, оружейники и прислуга (მიახლე). Другія здѣсь имена Гулахсанъ, Каку, Гушикана, Бурдупхе, Мелкипхе. Хе здѣсь получаетъ большое употребленіе для обозначенія женскаго рода. Дачкеліапхе—Дадишкеліанова.

3) ღ'ა აშენე აკურთხე სახლისაუჯგული. Имена трудно разобрать, чернила выцвѣли, пергамень червями проточень.

Второй свитокъ № 838. Листъ первый исписанъ кругомъ, на одной сторонѣ красивымъ почеркомъ отрывокъ изъ Евангелія: ახილეი აღვილი იგი და აღრე წარველით და (რქვა?) მოწაფეთა მისთა ვ'დ აღდგა და აჟა წინ გიძღვის გალილეად, მუნ ახილაკით.

Начинается новая глава: ხალა იგინი შეკრბეს მოხურებულთა...

На другой сторонѣ плохимъ почеркомъ писано: ღ'ა აშენე აკურთხე სახლი და სიუჯგული.

Читается послѣ этого воззванія имя Каку. Второй листъ отрывокъ изъ Евангелія: მიუგა იესა და რქვა (кожа шероховата и покрыта грязью). На другой сторонѣ обычное воззваніе и далѣе: დადიჩქელიანის სალისა სახსრად; ბიჭას, ბატონს საუკარელს მახუს.

Кромѣ Дадечкеліани здѣсь читаются имена Бичо, Маху. Слѣдуетъ отмѣтить особенности языка: вмѣсто სულსа читается ხალსა, т. е. замѣна ყ звукомъ ა (ср. დედუფალი и დედოფალი), какъ и въ словѣ საუკარელს звукъ 'ა замѣняетъ сочетаніе звуковъ კ+ა (сравни ივალა, იოლი; კამლი, კვამლი).

Въ палеографическомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить переходъ буквъ თ и ზ отъ хуцури къ мхедрули. Характеръ письма XII в.

4) Одна сторона писана мелкимъ почеркомъ, есть киноварная заглавная буква. Отрывокъ, повидимому, изъ священнаго писанія: წ'ა ხარ, წ'მ ხარ, წ'მ. ხარ, შენ ღმერთთა სადი დებელად: свять, свять, свять Господь. На другой сторонѣ ღ'ა აშენე... Потомъ читается: ორმეორი და ათი საკლავი მოჰკლო ს'ა სახსრად და საოხად. შეერთანს, მის მეუღლეს ანის, შვილს თანდუს, ჭაბუკის, დაუს, ელგარდუს, მარტიანს, ბურანხას შ'ნ ღ'ნ.

Въ переводѣ: пожертвовали 50 жертвенныхъ животныхъ. Да помянутъ душу Шгерани его любимца, супруги Ани, сына Танду, Тамары, Джабука, Дау, Елжаругъ, Мартіона, Бурнакъ.

5) ღ'ა აშენე и пр. კრება შეგუკარეს ომარდარსნა ხანი საკლავად შესწირეს ღვთის სალოცველად სულის სახსრად, ღ'ა გაბრელო მოაგარანგელოზთა:

„Созвалъ собраніе и принесть въ жертву 49 быковъ“. Далѣе читаются имена: Баку, Саду, Муна, Анани, Улупхе, Зекали, Джуканъ, Беканъ.

6) Написанъ мелкимъ красивымъ почеркомъ: ღ'ა აშენე и проч. გაბრელო მოაგარანგელოზთა, ქაუსაყანს კრება ღირს ჭყავ; მის მეუღლეს გაინდს; ხარგს; მეუღლეს თინათის, უადუს, ბაყას, შაგუას, კურინსეს, გვამეყის, თამარის, დაუს, მამუკას.

Типатина, которое здѣсь читается, даетъ основаніе заключить, что это имя, какъ Нестанъ (Дареджанъ) героини Шота Руставели, было въ употребленіи въ Грузіи.

№ 839. Дл. 2,8, шир. 1,2 с. Грубая кожа, съ трудомъ разворачивается: ღ'ა აშენე и проч. ქაუზაის გუზჩანს კრება შეგვეართა, გიორგი გაუზჩანს შ'ს ღ'ნ, მის მეუღლეს ლაფხეს; ამსამანს, გუზჩიფეს; ეტას და კაუს. ს'ა ამის შწერლისა სამუილს:

„Душу пишущаго онаго Самуила да помилуетъ Господь!“

На другой сторонѣ чернила выцвѣли, можно разобрать: ეგრეთვე შეიწირე ხანი, ღაძნი, კრავი. ღ'ა ამის შწერალს სვიმონს ქანცხიანს.

Здѣсь названъ писецъ Свимонъ Канцвіани (?).

2) ღ'ა აშენე აკუთიხე სახლი სოფელი. Въмѣсто „достояніе, жилище“ здѣсь послѣ дома читается სოფელი деревня, община. ზუსუს შ'ნ ს'ა; ქალიკმა; ზაკუს ამ ცახის ამშინებელს; უაღუს; ნაღუს; კანას; იუღუს მუღლიანის, ქელმას; მახს; თამაზს и еще рядъ именъ. Листъ этотъ проточень. Фамилія Мугліани.

3) გვეგდრებიო შენ ედ ძლიერთ ღ'ა ჩუენთ მარხვართ მკუთნალო სულოთ და ხორცელითა, განკუთნე მონარა შენი სახელის (имя рекъ) ზეიის მის სიტკბოებისა შენისა, თათა აწრა მოვილოთ კარომკუთნება და გადიღებიო.

Молитва обращается къ Спасителю о дарованіи исцѣленія больному.

На другой сторонѣ: გზასა წარძართასა ნუ მიხუალოთ, ქალაქსა სამართელითასა ნუ შეხუალოთ... ქადაგებდეთ და იტყუადეთ, კ'დ მიახლოებულათს სასუფევეელი ცათა, სნეულითა განკუთნებდეთ, უსისუილოდ მიგიღიეს და უსასუილოდ მისცემდით... თომელი მდიდარ ხარ მარყუალებითა...

Отрывокъ изъ Евангелія. Иисусъ Христосъ отправляетъ учениковъ проповѣдовать новое ученіе.

Кожа, на которой писано, имѣетъ длины 1,9 с., шир. 1,8 с., покрыта саломъ, чернила черныя; книговорныя буквы. Концы обрѣзаны.

4) ღ'ა აშენე и пр. სულსა ვანიმზეს შგვრიანს შ'ს ღ'ნ, მის მეუღლეს თანდუს; მიას, მეუღლის საღუს, აზახს, სათითახს, მარხეს. Почеркомъ мхедрули приписано: ღ'ა შ'ე ამის შწერალი. „Господи, помилуй писавшаго это!“

Здѣсь молитва возносится о фамиліи Шгврани (?). На другой сторонѣ чернила выцвѣли, разобраны имена: Иосифъ и Хвтисаваръ. Другіе листки № 5 и 7 строкъ совершенно стали невозможны для чтенія. Сшиты они между собою бѣлыми и красными нитками. Дл. 6,3 с., ш. 3,8.

5) ღ'ა აშენე აკუთიხე სამნი მძანი დადიჩქელიანები დიდი დაბლისა მაკარებელსა ზედა ზემოე და ქვემოე უაღითა შეიერთა და რთხი ათასისა შესწინა; სულსა მისისა მამის თვალს ცალიანისა შ'ნ ღ'ნ, შვილსა ზაკუს, დედლის, დადიჩქელიანის ცხესა (ცახესა) ამშენებელსა ინეს და ლარტს (ლაკონტს?), ანე მამიანისა, გულქანის კაუბენაფხეს, მეუღლე (მაუღლე) ნახველიანისა ღ'ნ შ'ს.

Кожа изорвана, писана молитва четко. Въ молитвѣ упоминаются Махвиліани три брата (?) Дадичкеліани съ супругами и строителемъ башни.

№ 833. Рукопись на бомбицинѣ въ 8° на 42 листахъ, писана мелкимъ почеркомъ хуцури; характеръ письма XIV в.

Онъ представляетъ богослужебный сборникъ. Чинъ крещенія. Ирмосы 11 января Θεодора, 27 января Іоанна Златоустаго. Рукопись пожертвована г. Стояновымъ.

№ 834. Рукопись XV в. на грубой бумагѣ въ 32° на 102 л. Ни начала, ни конца нѣтъ почеркъ хуцури, четкій и красивый.

Здѣсь читается акаѣистъ Богородицѣ. Рукопись пожертвована г. Стояновымъ.

№ 831. Отрывки изъ пергаменныхъ рукописей in 8°. 1) Изъ псалтыря, на 13 листахъ Почеркъ хуцури мелкій; 2) отрывокъ изъ богослужебной книги на 2-хъ л. и 3) отрывокъ изъ

Евангелія Матѣя на 4 лист. Всѣ писаны черными чернилами; есть красныя заглавныя буквы. Характеръ письма XII—XIII вв.

№ 832. Пергаменная рукопись XIII в. на 24 л. въ 16°; писана мелкимъ почеркомъ хуцури. Она заключаетъ отрывокъ изъ Евангелія Луки.

№ 354. Часословъ XVIII в. in--8°.

№ 454. Манифестъ объ образованіи Государственнаго Совѣта (при Имп. Александрѣ I); онъ хранится въ переплетѣ, имѣетъ 10 л.; красивая мелкая скоропись мхедрули. Со стороны языка слѣдуетъ отмѣтить, что „политическій“ переводится чрезъ ზღლიტიკებში, „министръ“ переводится ვაჭარში, „экономъ“ переводится საბიჭო, „указъ“—ბრძანება.

№ 547. Два листка изъ богослужебнаго сборника XII в. въ 8°. Чернила черныя выцвѣли, красныя сохранились. Сборникъ въ переплетѣ; почеркъ мхедрули отчетливый. Приписка гласитъ, что Варвара Ивановна, урожденная Немсадзе, родилась ноября 22 1803 г. Митрополитъ изъ грузинъ Иона крестилъ 25 дня того же мѣсяца.

№ 830. Пергаменные рукописи XI—XII в. на 8 л. Буква заглавная киноварная. 1) Отрывокъ изъ Евангелія Марка съ изображеніемъ Евангелиста: მეორე თავი სახატება მანკაზისა. დასაბანი სახატებასა, 1) такъ начинается въ печатномъ Евангеліи 2 глава, кончается отрывокъ 3 гл. (по печатному 3 стихъ: და ვითარცა გამკვიდეს).

2) Безъ означенія главы. Киноварная буква, на 62 л. და შეკრეს ინი და მოიყვანეს და მისცეს ზანტიელსა ზილატეს.

3) 10 л. начинается словами: მოვიდა ნიკაღიმე. Особенности языка აკვეიოუ, აუფრანის, т. е. აკ произносится какъ უ, отдѣльно этотъ звукъ не употребляется.

4) Въ 4 листѣ приписка ღ'ა მიქელი მოიკან ანგელაზა შექრე კანდელაკს სვიმანს. (იესო пишется чрезъ იკ).

5) 2 л. Палеографическая особенность: церковное უ съ 4 зубцами вмѣсто 3 зубцовъ.

6) 4 листа изорваны и покрыты грязью; чернила выцвѣли.

7) 2 листа გამკვიდა მოესველი იესუად...

Обозрѣвъ пергаменные свитки и другія рукописи, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ ихъ общемъ характерѣ и значеніи. Всѣ они писаны на грубой кожѣ, черными чернилами, мелкимъ церковнымъ алфавитомъ „хуцури“. Встрѣчаются киноварныя фразы. Нѣкоторые изъ свитковъ представляютъ палимпсестъ. Нерѣдко кожа покрыта грязью и изорвана такъ, что восстановление текста становится невозможнымъ. Однако, все, что можно было извлечь изъ этихъ рукописей, разобрано и переведено на русскій языкъ.

Содержаніемъ этихъ свитковъ служитъ умиловительная молитва полухристіанскаго, полуязыческаго характера, сочиненная, вѣроятно, жрецами свановъ — „папи“. Лишь небольшіе отрывки изъ церковно-богослужебныхъ книгъ уцѣлѣли въ памяти „папи“. Они дополнялись молитвами собственнаго сочиненія. Отрѣзанность Сванетіи отъ Грузіи, откуда шель свѣтъ христіанства почти ко всѣмъ народностямъ Кавказа, способствовала вытѣсненію христіанскаго ученія и замѣнѣ его языческими вѣрованіями. Въ нашихъ свиткахъ молитвы составлены очень однообразно. Они начинаются всегда слѣдующими словами: „Господи, надѣли благами, благослови и достояніе такого-то“ (имя рекъ). За этимъ воззваніемъ слѣдуетъ перечисленіе именъ тѣхъ, для спасенія душъ которыхъ приносится кровная жертва. Жертвоприношеніе, какъ можно заключить изъ этихъ свитковъ, совершается за жителей всей деревни, представляющихъ отпрыски одной фамиліи. Такъ, молитва упоминаетъ иногда до 50 лицъ изъ рода Дадичкеліани, Чаркіани, Девдоріани, Махвиліани. При перечисленіи именъ грѣшниковъ не забываются строители башни,

1) Ср. *Бакрадзе*: Древніе варианты грузинскаго четвероевангелія.

оружейники, конюхи, няньки и вообще вся прислуга. Это указывает на патриархальность, простоту отношений между высшим и низшим классом. Очевидно, нѣтъ еще строгаго социального дробленія, исключаящаго возможность ставить слугу рядомъ съ господиномъ. Не будетъ излишней смѣлостью сопоставить общественный строй сванетовъ X—XII вв. съ социальной картиной, нарисованной Гомеромъ, у котораго цари и рабы по своимъ занятіямъ ничѣмъ не отличаются.

Другой выводъ напрашивается въ виду того, что въ одной молитвѣ насчитывается до 50 лицъ изъ одной фамиліи. Можно сказать, что составленіе молитвы относится къ той эпохѣ, когда сванеты жили отдѣльными родами, слѣды которыхъ уцѣлѣли въ особенностяхъ современнаго ихъ быта. Дадичкеліани, Девдоріани, Чарквіани и др. представляютъ родовую группу заселившихъ деревни, отдѣльныя мѣстности *generatim*, какъ бы сказалъ Цезарь. Остатки родовой организациі сохранились и у пшавовъ въ дѣленіи и нынѣ на 12 родовыхъ общинъ. У сванетовъ и пшавовъ, какъ повсюду, родовая организациія является результатомъ не одного лишь естественнаго размноженія одной семьи, но и включенія въ свой составъ разноплеменныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ. Названные оружейники, строители башенъ и др. могутъ принадлежать этому наносному слою. Усыновленіе и теперь играетъ важную роль въ Сванетіи.

Собственныя имена, которыя мы выше привели, представляютъ также интересъ. Одни изъ нихъ сохранились лишь въ народныхъ сказаніяхъ: таковы Бадро, Усупи (записаны у сванетовъ въ сказаніи объ Амиранѣ), другія названы въ „Барсовой Кожи“, поэмѣ XII в., Шота Руставели—Нестанъ, Тина (у Руставели Нестанъ-Дареджанъ, Тинатина, т. е. у поэта эти имена даны въ удвоенной формѣ). Отмѣчаю еще одно собственное имя—Кучи, извѣстное въ грузинской лѣтописи ¹⁾. Кучи, владѣтель Мингреліи, въ союзѣ съ первымъ грузинскимъ царемъ Фарнавазомъ изгналъ намѣстника Александра Македонскаго, Азона. Въ литературѣ и въ современномъ языкѣ это имя, на сколько мнѣ извѣстно, больше не встрѣчается.

Въ палеографическомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить переходъ буквъ *sz* и *z* отъ церковнаго алфавита къ гражданскому. Переломъ въ почеркѣ замѣчается въ XI—XII в. и сванетскіе свитки еще разъ подкрѣпляютъ мнѣніе о происхожденіи алфавита гражданскаго „мхедрули“ изъ церковнаго „хуцури“ ²⁾. Отрывокъ изъ Евангелія XII в., присланный также изъ Сванетіи, даетъ другой подобный фактъ, важный для грузинской палеографіи. Здѣсь буква *u* представлена съ четырьмя зубцами, изъ которой впоследствии выработалось изображеніе церковнаго *u* съ тремя зубцами, изъ этого послѣдняго нынѣшнее гражданское *u*. Манифестъ объ образованіи Государственнаго Совѣта является образцомъ красивой мелкой скорописи „мхедрули“.

Изъ особенностей языка этихъ рукописей слѣдуетъ указать на употребленіе звука *sz* вмѣсто *u* (*o* вм. *y*), напр. საღლსა вмѣсто სუღლსა; того же звука *sz* вм. слога *sz* (*o* вм. слога *sa*): სუგაშგლსა вмѣсто სუგაშგლსა ³⁾. Въ отрывкѣ изъ Евангелія XII в. звукъ *u* такъ же не употребляется отдѣльно. Онъ выражается посредствомъ сочетанія *sz + z* (*o + y*), напр. აშკბიღლ, აშკგბაღლ и др. Любопытно также, что Дадичкеліани, княжеская фамилія, нынѣ хорошо извѣстная, читается въ другой формѣ: Дадичкеліани, т. е. мы имѣемъ смягченіе звуковъ *m* и *k* въ *ch* и *kh*. Чарквіани, теперешнее Чарквіани, названа всегда съ пропускомъ звука *v* послѣ *k*. Для образованія женскаго рода употребляется частица *xe*, какъ въ мингрельскомъ языкѣ: Елдарупхе, Булдурпхе, Мелкенпхе—жена Елдара, Бурду, Мелки и др. Это образованіе женскаго рода не извѣстно въ грузинскомъ языкѣ.

1) „Картлисъ-Цховреба“, стр. 30.

2) Труды V археол. съѣзда въ Тифлисѣ. Палеографическія таблицы Бакрадзе.

3) См. подобные примѣры въ „Исторіи Грузіи“ Бакрадзе.

При опредѣленіи эпохи свитковъ и отрывка изъ Евангелія, мы руководствовались лишь палеографическимъ характеромъ письма. Даты при нихъ не имѣются.

Въ заключеніе обзора рукописей, присланныхъ изъ Сванетіи, я высказываю прелположеніе, что онѣ должны быть написаны въ той части Сванетіи, которая впослѣдствіи стала называться Дадишкеліановскою.

Лѣтопись царя Вахтанга VI. Она принесена въ даръ грузинскимъ царевичемъ Теймуразомъ Георгіевичемъ его сіятельству канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву въ 1821 г.: მათს ბრწყინვალეებას გზავს ნიკოლოზ ზეტრონიხს ტყუბიანცოვს კანცლერსა. საქართველოს მეფის მეოციმეუთაზ გძღვნი. წელსა 1821, ხალა ქართულსა მეაოთხმეტსა მოქცევისასა წელსა. 1).

На второмъ листѣ читается воззваніе къ читателямъ, не имѣющееся въ напечатанной академикомъ Броссе Картлисъ-Цховреба: უწყება მკითხველოთათვის.

ქართლის ცხოვრება შეკრებილი ვახტანგ მეექვსისაგან, რომელიცა ერთსა ზედა ნაწილსა საქართველოსასა იწოდებოდა ქართლის მეფედ და გამეფდა იგი წელსა ქრისტესით 1719 დაწოდებოდა მე წელითა იმეფა, ანა მზავალსა ჟამსა; ხალა ვინაიდგან ჟამსა მისსა იუენეს მზავალსი აღწეულეებანი და ცვილებანი საქართველოსა შინა, ამისთვის ვერ სრულიადისა გამაწვლევიოთ, ანამედ დაწდენ ძალ ედვა ეგრეთ შექსიხზა, ვინადგან მას ჟამსა, რომელიც მველი ქართლის ცხოვრება იყო, იგი ვერა ჳზავეს მზავალითა აღწეულეებოთ და ამბახებოთა გამა.

Въ переводѣ это значитъ: „Къ свѣдѣнію читателей. „Картлисъ-Цховреба“, собранная царемъ Вахтангомъ VI, который именовался царемъ Карталини, одной части Грузіи. Воцарился онъ въ 1719 г. по Р. Х. и процарствовалъ нѣсколько лѣтъ, немного лишь времени. Но такъ какъ въ его время произошло много волненій и измѣненій въ Грузіи, то онъ составилъ (сочинилъ) ее (лѣтопись), насколько онъ былъ въ силахъ, не будучи въ состояніи вполнѣ ее изслѣдовать (собрать), ибо тогда не могли найти древній „Картлисъ-Цховреба“ по причинѣ тревогъ и волненій (въ Грузіи)“.

На третьей страницѣ читается введеніе: შესავალი: ზატიასანხა და დიდებულხა ქართველხა! ჟამთა ვითარებისაგან ქართლსა შინა ქართლის ცხოვრება შემცირებულყო, ხალა მეფემან ვახტანგ, მეძან ლეონისაძან და ძმისწულმან მეფის გიორგისაძან შეკვრბენ სწავლულნი კარნი და სხვათა წერტილითა და გუჯარათთაგან და რომელიმე სხვათა ენათაგანაც გამაჟილევიოთ და ესრედ შექსიხზენით და აღჭვწერეთ.

Введеніе въ книгу эту Картлисъ-Цховреба. Почтенные именитые грузины, „Картлисъ-Цховреба“ (число ея) съ теченіемъ времени въ Грузіи уменьшилось; царь Вахтангъ VI, сынъ Леоны, племянникъ царя Георгія, созвалъ ученыхъ и составилъ ее на основаніи (историческихъ) записокъ, гуджаръ и свидѣтельствъ на иностранныхъ языкахъ“.

Это введеніе короче напечатаннаго у Броссе въ Картлисъ-Цховреба на грузинскомъ и французскомъ языкахъ.

Слѣдуетъ указать разницу между этими введеніями. Въ печатномъ текстѣ вм. შემცირებულ (уменьшилось) читается გაბუვნილიყო (искажено). Въ Румянцевскомъ вариантѣ нѣтъ вовсе: რომელიმე მწერალითა მიერ და რომელიმე ჟამთა ვითარებისაგან ანღარა წერებულყო; „никѣмъ не писалась она (лѣтопись) съ теченіемъ времени“. Нѣтъ также: მოიხუნა ხაც თამ ქართლის ცხოვრებაები ზოგნა და კვალად: „собралъ всѣ (списки) „Картлисъ-Цх.“ и снова...“ Въ печатномъ текстѣ вслѣдъ за словомъ გუჯარათნი слѣдуетъ перечисленіе: „гуджары мцхетскіе, гелатскіе, другихъ церквей и знатныхъ (особь), сравнили и исправили искаженія, собрали такъ же другія записки (историческія)“. Въ Румянцевскомъ вариантѣ вмѣсто печатныхъ словъ: რომელიმე ხა-

1) Здѣсь же рукой Броссе приписано: „Chronique géorgienne dite de Wachtang. Ce manuscrit paraît être antérieur à l'année 1709; le commencement en moderne et non conforme aux autres du même ouvrage.“

მესია და სმასისია ცხაკებლისაგან გამახსენეს— „кое что изъ армянскихъ и персидскихъ (книгъ) заимствовали“, читается: *სამქელნიმე სხვათა ენათაგანაჲ გამკვირვეთი*— „кое-что заимствовали изъ сочинений иностранныхъ языковъ“.

Но эти разногласія ничто сравнительно съ капитальнымъ вопросомъ о происхожденіи грузинскаго языка и родственныхъ отношеніяхъ между эпонимами армянъ и грузинъ—Аосомъ и Картлосомъ. Печатный текстъ передаетъ, что такимъ языкомъ картвеловъ былъ армянскій, а послѣ вторженія различныхъ народностей въ Грузію изъ смѣшенія ихъ языковъ образовался грузинскій языкъ ¹⁾. Не говоря о невозможности созданія языка такимъ путемъ, издатель „Кар.-Цхов.“ академикъ Броссе, не усомнившись въ достовѣрности происхожденія грузинскаго языка изъ смѣси различныхъ идиомовъ, не потрудился отмѣтить основное различіе между имѣющимися у него вариантами „Кар.-Цховр.“ и армянской хроникой. Дѣло въ томъ, что въ XI вѣкѣ въ царствованіе Давида Возобновителя (1089 — 1125) грузинская хроника была переведена на армянскій языкъ. Переводчикъ, есть основаніе думать, искажилъ оригиналь и измѣнилъ его характеръ въ пользу армянъ. Къ числу этихъ искаженій относятся представленія о происхожденіи грузинскаго языка и объ отношеніяхъ грузино-армянскихъ родоначальниковъ. Академикъ Броссе, открывъ грузинскую хронику, переведенную на армянскій языкъ, помѣстилъ ее во французскомъ переводѣ въ своемъ трудѣ „Additions et éclaircissements“. Предпочтеніе, которое онъ оказывалъ этому переводу, привело его къ признанію странной исторіи грузинскаго языка. Три варианта „Картлисъ-Цховреба“ передавали какъ разъ противное свидѣтельству такъ называемой армянской хроники. Щедрый на мелочныя примѣчанія, наполняющія нижніе этажи текста, онъ поспешилъ точнѣе указать, какъ представляютъ этотъ вопросъ варианты грузинской лѣтописи. Свидѣтельства ихъ для насъ очень важны.

„Языкъ картлосіанъ, читаемъ мы въ Румянцевскомъ вариантѣ, былъ до сихъ поръ (т. е. до вторженія народовъ) лишь грузинскій; но со времени появленія этихъ безчисленныхъ народовъ языкъ свой грузины исказили и сдѣлался онъ украшеннымъ“ ²⁾. Это значитъ, что въ грузинскій языкъ, какъ и во всякіе, вошли слова изъ другихъ языковъ, слѣды которыхъ отмѣчены въ ванскихъ надписяхъ (VII в. до Р. Х.), прочитанныхъ Ленорманомъ, Сейсомъ и др. съ помощью грузинскаго языка. Уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. открыты слова иранскаго происхожденія въ грузинскомъ языкѣ ³⁾. Академикъ Броссе, имѣя при печатаніи „Картлисъ-Цховреба“ три ея варианта—Румянцевскій, царевича Парнаваза и вариантъ, принадлежащій ему, не счелъ нужнымъ указать, въ какомъ вариантѣ оказалась эта непонятная исторія происхожденія грузинскаго языка изъ смѣшенія различныхъ идиомовъ. Въ Румянцевскомъ вариантѣ нѣтъ слѣдовъ ея, какъ видно изъ приведенной цитаты. Быть можетъ, въ двухъ другихъ вариантахъ почтенный ученый напалъ на внесенную въ печатный текстъ версію объ образованіи языка картвеловъ? Но онъ самъ даетъ свѣдѣнія, устраняющія наше предположеніе. Онъ заявляетъ, что въ его собственномъ вариантѣ мѣсто объ образованіи языка гласитъ противное тому, что напечаталъ на грузинскомъ и французскомъ языкахъ. Остается вариантъ лѣтописи царевича Пар-

¹⁾ Brosset. Hist. d. l. Géorgie I, 31.

²⁾ ქართლთსიანთა ენა იყო მხოლოდ ქართული აქამდე, სამქელსა ზნახვიდეს, ხალა ოდეს შემკობეს ესე უწიხენი ნათესავნი ქართლსა შინა მამინ ქართულითა გარყვნეს ენა ოვისი და ამბი უკულია ნათესავთაგან შეიქმნა ენა მართული. Румянц. вариантъ, стр. 9. ამან (ფარნავაზსან) განაჯრცა ენა ქართული და აწლათ იზნახებოდ სხვაე ენა ქართლსა შინს ოვინიეს ქართლისა. Это мѣсто писано тѣмъ почеркомъ, который отличается древнимъ характеромъ.

³⁾ Lenormant. Lettres assyriol. I série; Sayce. The Cuneiform description of Van. См. у меня Древн. предѣлы разселенія грузинъ по М. Азій и Исторію Грузію царевича Теймураза.

наваза. Проф. Окрочедѣловъ-Серебряковъ имѣлъ случай свѣрить интересующее насъ мѣсто въ печатномъ текстѣ и вариантѣ царевича Парнаваза и опубликовалъ результаты этого сопоставленія въ грузинскомъ періодическомъ изданіи „Иверія“ за 1887 г. Оказывается, что Парнавазовская „Картлисъ Цховреба“ повторяетъ буквально слова Румянцевскаго варианта, только слово *მკაბიულა* (украшенный) замѣнено *სიულა* (сложный), т. е. языкъ въ лексическомъ отношеніи дополнился, осложнился. Въ Петербургѣ у проф. Д. І. Чубинова хранится новый вариантъ лѣтописи, который относительно поставленнаго нами вопроса согласенъ съ румянцевскимъ вариантомъ.

И такъ, всѣ три рукописи „Картлисъ-Цх.“, которыми руководится акад. Броссе при печатаніи лѣтописи, отвергаютъ чтеніе печатнаго текста. Откуда же взялъ почтенный грузинологъ приведенную цитату касательно происхожденія грузинскаго языка? Единственнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ можетъ быть названа излюбленная акад. Броссе армянская хроника. Дѣйствительно, послѣдняя передаетъ, что *jusqu'alors les géorgiens faisaient usage de la langue arménienne, mais a cette époque la diversité des nations habitant au milieu d'eux amena des alterations qui firent un mélange de tous les idiomes et de cette fusion résulta la langue géorgienne actuelle* ¹⁾. До этого грузины говорили армянскимъ языкомъ, но подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ и смѣшенія всѣхъ ихъ языковъ образовался грузинскій языкъ. Это-то извѣстіе и внесено изъ армянской хроники въ грузинскую лѣтопись ²⁾ вопреки свидѣтельству всѣхъ ея вариантовъ. Предпочтительное довѣріе армянской хроникѣ привело академика къ признанію происхожденія грузинскаго языка съ особымъ грамматическимъ строемъ, родство котораго съ армянскимъ языкомъ окончательно отвергнуто. Впрочемъ, онъ пытался поставить грузинскій языкъ съ армянскимъ въ родственныя отношенія. Для подкрѣпленія своей теоріи ак. Броссе указалъ въ письмѣ къ Боппу на нѣсколько словъ одинаково распространенныхъ у грузинъ и армянъ: *zamtari* (груз.), *tzmier* (ар.) зима, *boroti* (груз.), *borot* (арм.) злой и др. Такъ какъ трудно доказать заимствованіе этихъ словъ армянами у грузинъ или обратно, то Броссе склоненъ отнести ихъ ко времени существованія армяно-грузинскаго праязыка. Его мнѣніе о родствѣ этихъ языковъ держится на лексической почвѣ. Но извѣстно, какъ непроченъ и скользокъ этотъ путь. Съ этой точки зрѣнія можно доказывать родство грузинскаго языка съ какимъ угодно языкомъ, ибо въ его лексиконѣ вошли слова санскритскія, зендскія, персидскія, греческія, латинскія, китайскія, манджурскія, самоѣдскія, вогульскія, турецкія, русскія и др. ³⁾. Возвратимся къ грузинской лѣтописи. Армянскій переводчикъ грузинской хроники кромѣ этой, имъ вымышленной исторіи грузинскаго языка, допустилъ еще рядъ искаженій оригинала, съ которымъ онъ познакомилъ своихъ соотечественниковъ на армянскомъ языкѣ. Къ числу такихъ произвольныхъ измѣненій переводчика слѣдуетъ отнести прежде всего возведеніе родоначальника армянъ Аоса на степень старшаго брата при Картлосѣ—эпонимѣ грузинъ. Картлосъ и Аосъ вмѣстѣ съ своими братьями, по словамъ грузинской лѣтописи, происходятъ въ четвертомъ поколѣніи отъ Ноя ⁴⁾. Вопросъ, кто же былъ старше Аосъ или Картлосъ, важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что предпочтеніе отдаваемое по напечатанному тексту „Кар.-Цх.“ миѳическому Аосу предъ миѳическимъ Картлосомъ послужило однимъ изъ оснований для проф. Патканова попытаться доказать, что грузинская лѣтопись писана какимъ-то малограмотнымъ армяниномъ; иначе, говоритъ онъ, непонятно, какъ могъ грузинъ авторъ унижить своего эпонима въ геройскихъ подвигахъ предъ Аосомъ.

1) Chronique-Armén, p. 6

2) Bulletin. histor.-philologique, t. II.

3) Слѣды вліянія христіанства и Библии. Стремленіе возводитъ къ библейскимъ родоначальникамъ происхожденіе народовъ извѣстно во многихъ лѣтописяхъ.

4) „Кар.-Цх.“, стр. 25.

5) См. *Klaproth-Asia polyglotta*.

По напечатанному акад. Броссе тексту грузинской летописи действительно Аосъ старше Картлоса, первый является верховным сюзереномъ надъ Картлосомъ и братьями его. Всѣ потомки Таргамоса—прадѣда Картлоса и Аоса—подчиняются эпониму армянъ. По его приглашенію собираютъ войско противъ притѣснителя Немброда „царя вселенной“ ¹⁾. Однако Румянцевскій вариантъ даетъ совершенно неблагоприятное чтеніе для Аоса. „Раздѣлилъ Таргамосъ землю и народъ между восемью сыновьями героями, а Картлосу онъ далъ высшую власть (верховенство) надъ братьями“ ²⁾. Есть еще другое мѣсто, дающее первую роль Картлосу: „Картлосъ былъ старше и сильнѣе другихъ (братьевъ); ему подчинялись братья его, какъ своему повелителю“ ³⁾.

Выписанныя цитаты изъ Румянцевскаго варианта согласуются опять съ другими манускриптами грузинской летописи царевича Парнаваза и проф. Чубинова. Возникаетъ вопросъ, откуда заимствовалъ акад. Броссе чтеніе не въ пользу Картлоса. Пользующаяся его довѣріемъ армянская хроника сохранила это мѣсто въ томъ видѣ, въ какомъ появилось впоследствии съ небольшой перефразой въ печати: *il (Haic) posseda tous les limites ci-dessus, il était le prince de sept frères* ⁴⁾. Эта ложная поправка вариантовъ грузинской летописи на основаніи армянской хроники дала право проф. Патканову признать позднее происхожденіе „Кар. Цх.“, при чемъ онъ усмотрѣлъ въ ея составленіи армянское вліяніе. Вотъ почему я указываю на это различіе между печатнымъ текстомъ и рукописными вариантами грузинской летописи. На ошибкахъ Броссе покоится статья Патканова о грузинской хроникѣ. Отклонивъ эти неосновательныя исправленія грузинской летописи, проф. Паткановъ не нашелъ бы данныхъ для произнесенія самоувѣреннаго и рѣзкаго суда надъ древнѣйшей частью грузинской летописи.

Не только Картлосъ ставится выше Аоса, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ когда приходится говорить объ армянахъ и грузинахъ румянцевскій вариантъ предпочтительно называетъ картлосіановъ: „Упомянемъ прежде всего о томъ, что грузины и армяне имѣли одного прародителя Таргамоса“ ⁵⁾. Броссе же печатаетъ съ измѣненіемъ „армяне и грузины“... согласно съ армянской хроникой. Любопытно, что не въ мѣру возвеличеніе Аоса, который будто бы не имѣлъ себѣ подобнаго ни до потопа, ни послѣ потопа, не читается въ румянцевскомъ вариантѣ. Есть основаніе думать, что акад. Броссе внесъ буквально это мѣсто изъ армянской хроники: „*Haic, говорится тамъ, qui n'eut point son pareil sur la terre ni avant le déluge ni depuis jusqu'au temps présent l'emportait par son énergie et par sa valeur*“. Другое подобное же прославленіе Аоса, ободряющаго своимъ громовымъ голосомъ грузино-армянскій отрядъ противъ Нимврода, не имѣющееся въ румянцевскомъ вариантѣ, заимствовано покойнымъ академикомъ опять изъ армянской

1) შვიდთავე გმირთა ზედან იყო გაბგებელ და უფალ ჭაოს და ესე ყოველნი იუგნს მონჩილ ჭაოსისა (Карт.-Цх., стр. 17). Il (Haos) était le chef et seigneur de ces sept géants qui tous lui obéissent. Tous les huit ils servirent le géant Nebroth le premier roi de toute la terre. Histoire de la Géorgie I, 19.

2) განუყუთ თარგამოს ქვეყანა ნათესავი თვისი ოჯახი მათი გმირთა, ხალხი ქართველს მისცა უფლები ებქსთა მპათიხედ.

3) ქართველს იყო ყოველითა ზედა უხუცეს და უმთავრეს და ასრეთი ზატავს სრემდენ ყოველნი მპანი მისნი, გითარცა მჯღობელსა თვისსა (გვ. 4).

4) Chronique-Armén., p. 6.

5) Журн. Мин. Нар. Пр., ч. ССXXX, отд. 2.

6) Hist. d. l. Georgie, p. 15. Румянц. вариантъ: შირველად ვახსენათ ესრეთი ობმეთი ქართველითა და...
Другія мѣста въ пользу предпочтенія грузинъ: მჯღობ მემ შირშ ზედნიერისა ქართველი და სომხითი გვ. (25).
იხუცეს ეპმი ქართველითა და სომეხითა და განუდგეს სპარსითა и др. на 26 стр.

7) Chron-Armén, p. 1.

хроники: „Наic se tenait derriere les siens les animant, les encourageant“¹⁾). Изъ этихъ сопоставленій можно заключить, что ак. Броссе пополнилъ варианты грузинской лѣтописи свѣдѣніями сомнительнаго качества изъ армянской хроники.

Оставляя дальнѣйшія сравненія рукописей съ печатнымъ текстомъ, я обращаю вниманіе на описаніе румянцевскаго варианта. Онъ представляетъ рукопись въ 468 листовъ. Хранится въ красномъ кожаномъ переплетѣ. Переписанъ до мѣста, гдѣ описывается сонъ царя Фарнаваза, новымъ почеркомъ²⁾). Повидимому, эти листы были присоединены впоследствии. И теперь встрѣчаются въ рукописи не исписанные пустые листы бѣлой бумаги, которые должны были восполнить пропуски (напр., при описаніи царствованія Тамары такіе листы попадаются). Съ 14 листа начинается почеркъ 17 вѣка. Листъ 139-й и дальнѣйшіе до 204 писаны другимъ почеркомъ, но характеръ письма тотъ же, что отличаетъ его отъ первыхъ листовъ. Съ 457 л. (царствованіе Давида, сына Дмитрія II) до конца письмо другаго характера, бумага погрубѣе и чернила блѣдныя. Они присоединены, вѣроятно, впоследствии.

На поляхъ встрѣчаются хорографическія и хронологическія замѣтки, отмѣчены факты³⁾, заслуживающіе вниманія, и набросаны впечатлѣнія читателя, быть можетъ, самого царевича Теймураза. Двѣ приписки могутъ помочь, опредѣлить время, когда переписанъ настоящій памятникъ. *Другой рукой* приписано къ царствованію Вахтанга Горгислана: „გახტანგის სიძამის ლეონ ბაკელი ლეონილამ ამ ქართნიკანს ტუზ-მდინ არის წელიწადი ათას ას ოთხმოცდა ოცა“ . „Тестъ Вахтанга Леонъ Макели⁴⁾. Отъ Леона до этого короникона 397 прошло 1188“. Отъ Леона до кор. (379—1709 г.) прошло не 1188 г., а 1235. Но для насъ важенъ корониконъ 1709 г. Очевидно, что лѣтопись была переписана до этого времени и читатель ея сдѣлалъ для себя примѣчаніе, которое относится къ 1709 г. Рукопись и приписка представлены различными почерками и замѣтку читателя никакъ нельзя считать датой окончанія переписки „Кар.-Цховреба“. Броссе⁵⁾, относя рукопись ко времени до 1709 г., вѣроятно руководствовался этимъ примѣчаніемъ. Однако есть одно мѣсто, которое противорѣчитъ такому заключенію о времени переписки нашего памятника. На л. 84 читаемъ слѣд. приписку почеркомъ, одинаковымъ съ почеркомъ лѣтописи: წა ზეტრე მეცხ ეუკენ წინაშე ღვთისა ბატნიშვილს ვახტანგს მეუღლით, მით და ასულითიუთით, ოამელმან ჭყუა ცხვარება ესე შენი და მცირელი აღაწერინა წიგნსა ამას შინა არამელ სწულიად არ აღაწერებოდა სიღლითა. Здѣсь обращаясь къ св. Петру (Мурваназу), житіе котораго внесено въ лѣтопись по распоряженію Вахтанга *царевича*, проситъ переписчикъ у святаго заступничества за Вахтанга и семью его. Вахтангъ здѣсь именуется царевичемъ, а не царемъ; значитъ, приписка от-

1) Chr.-Armen, p. 2. Ср. „Кар. Цх.“, стр. 18; ხალა ჭაოს უდგა ზურგად გმირთა მასთა ძალსცემდა ბუეგეშინის ცემათ ხმითა საზარელითა, ოამელ მსგავსი იუა მეხის ტუყისა. Ср. Hist. de la Georgie, p. 19.

2) შიდა ქართლი არს ტასის კარს ქვეითა და ზემო ქართლი არს ტასის კარს ზემო სამცხე და ქლასჯგეთი. л. 16.

ინგენი ღწილალითა შინა ტფილისისათა მისდევდა ფარნავაზ სტყურსა ფიცართი. л. 14.

3) л. 17. აქა მწიგნობრობა დაიწუეს ქართიული. л. 34. შვილებს ოამ სხვერშლად დაჭკლიდეს ამიკვეთა (რევის ღწას).

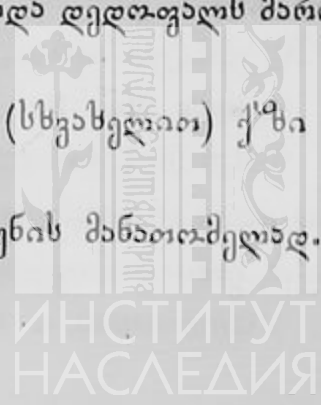
л. 24. მას უამში (?) იუა წმ. გიორგი მთაწმინდელი მთარგმნელი თან ახლდა დედოფალს მარიაშ ქრ. აქეთ ჩაქ (1068).

л. 216. მეფე ქართლისა და აფხაზეთისა გიორგი მეზაგრატიისა გვრდით (სხვახელით) ქსი ქართლისა (გა)ბრელი საჯარელი.

л. 342. ლაშა (მე თამარისა), ოამელი ითარგმნების აფხაზთა ენითა ქვეყნის მანათობელად.

4) μακελλᾶ signifiant boucher. Hist. de la Géorgie I, 199, p. 1.

5) См. у меня выше.

носится до восшествия его на престоль, т. е. до 1711 года. Отъ 1703 до 1711 г Вахтангъ былъ правителемъ Грузіи за время отсутствія царя Георгія. Къ этому времени, т. е. до 1711 или лучше сказать до 1709 г., когда сдѣлана была уже приписка другой рукой, относится переписка лѣтописи. Мы опредѣляемъ эту эпоху въ предѣлахъ 1703—1709 г.

Рукопись кончается слѣдующимъ мѣстомъ: ისმინა ბექამან და აღილა განბიურისკეს სპეისი და გაბრუნდა დაბაბუნდისი დაძლევა შემოსილი მაბრუნდ და მოეგებნეს კაბნუ ქალაქს მოაუაბნი და მოართვეს მაისა ძლეენი აღაფი და ანტანა მაი ავენა და ესრეი ბრწყინვალე ძლეეკას მიანიჭა ღმერთიან ბექასა და მოვიდეს შინა საქაბლითა უღვეველითა. Это мѣсто относится къ побѣдѣ, одержанной Беккой надъ турками при Вахтангѣ III, сынѣ Дмитрія II, брата Давида VI и Георгія V (1301—7) ¹⁾.

Изъ приведенной приписки, гласящей о Вахтангѣ, приходится заключить, что румянцевскій вариантъ также прошелъ чрезъ редакцію Вахтанга, который внесъ житіе св. Петра. По этому едва ли можно поддерживать мнѣніе Броссе и Бакрадзе, что вариантъ царевича Теймураза относится къ числу рукописей лѣтописей, не подвергшихся влиянію царевича Вахтанга.

¹⁾ Вотъ его переводъ въ Hist de la Géorgie: ...Acceptant ces propositions Beca emporta de Sper et Baberd des richesses immenses et s'en retourna victorieux. Les principaux de Carnoukalak étant venus aussi a sa rencontre avec des présents et du butin (I, 630).

ОПЕЧАТКИ.

стр. строка

38	13	снизу слѣдуетъ—	сектантовъ.
40	3	„	Никодимово
41	18	„	можетъ,
41	3	„	легендарныя
47	11	сверху	Оригенъ
48	24	„	древнѣе
48	9	снизу	<i>μου</i>
49	14	сверху	<i>αὐτοῦ</i>
49	6	снизу	<i>ad inferos</i>
52	2	„	противъ него
52	14	сверху	Іоакимъ
53	11	снизу	Никодима
58	9	сверху	смѣной ж и л
60	18	снизу	греческія
61	22	сверху	<i>ρε</i>
67	18-19	„	вообще очень
68	9	снизу	кертена
68	2	сверху	нея не
70	16	снизу	Matthaei
73	15	сверху	<i>ἑσση'σοῦσα</i>
76	14	„	<i>μεθ' ἡμῶν</i>
80	1	„	вмѣстѣ
85	5	снизу	Cod. Parisiensis
86	11	сверху	<i>γεννησ</i>
87	10	„	П. С. Сречковича.
87	26	„	вязи и з (ѡ)
89	20	„	годниж

стр. строка

95	7	снизу слѣдуетъ—	кѣноуѣрь.
102	8	„	въ крѣтоградѣ.
103	16	„	<i>ἐκρατήσατε</i>
107	9	„	Этотъ текстъ изд.
109	19	„	<i>ὁ νόμος</i>
111	20	сверху	<i>στρατιῶται</i>
112	18	снизу	къ памѣ темы изъ Н. Е.
112	5	„	въ литературномъ
113	6	сверху	съ наступленіемъ
113	5	снизу	Скорина
114	21	„	солнце
117	1	сверху	Стихъ этотъ если
124	18	снизу	онъ склонился
124	4	„	<i>uz'ie</i>
125	13	сверху	Matthaei
128	24	снизу	приводитъ Ю. И.
131	9	„	въ изложеніе
131	11	„	легенды
144	20	„	вѣмъ. ѣ глѣ
144	14	„	погоубленіе
145	16	сверху	ѣлнннсь
146	15	снизу	пнсьменъ ѣлннскы
148	10	сверху	старѣнннѣмъ
149	16	„	држнтъ
150	6	„	глѣцнѣомоу
150	20	„	всесъжнглѣмоѣ

